

НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЪЯНС

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

[184]

ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

СЕРИЯ II
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
(119)

Р е д а к ц и о н н ы й с о в е т :

академик РАО, д.и.н., проф. Л. С. Белоусов (сопредседатель);

академик РАН, д.и.н., проф. С. П. Карпов (сопредседатель);

д.и.н., проф. Н. С. Борисов;

член-корреспондент РАН, д.и.н., проф. Л. И. Бородкин;

д.и.н., проф. А. Г. Голиков; д.и.н., проф. С. В. Девятов;

д.и.н. А. Р. Канторович; гл.н.с., д.и.н. Л. В. Кошман;

Н. В. Литвина; д.и.н., проф. Г. Ф. Матвеев;

член-корреспондент РАН, д.и.н., проф. С. В. Мироненко; к.э.н. С. В. Орлов;

член-корреспондент РАН, д.и.н., проф. Е. И. Пивовар;

д.и.н. А. В. Подосинов; д.филол.н., проф. О. В. Раевская;

к.и.н. Ю. Н. Роголев; д.и.н. С. Ю. Сапрыкин;

член-корреспондент РАН, д.иск., проф. В. В. Седов;

д.э.н., проф. В. В. Симонов; к.и.н. О. В. Солопова;

к.и.н. А. А. Талызина; д.и.н., проф. Д. А. Функ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**Кафедра новой
и новейшей истории**
люди и традиции

Под общей редакцией
Л. С. Белоусова

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЯ

УДК 930.1(47)

ББК 63г(2)

К 305

*Печатается по решению Ученого совета
исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
от 30.06.2020 г. (протокол № 3)*

Под общей редакцией

доктора исторических наук, академика РАО,
профессора *Л. С. Белоусова*

Научный редактор:

младший научный сотрудник *Л. Ю. Князев*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *Г. Ф. Матвеев*
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

кандидат исторических наук, доцент *К. В. Миньяр-Белоручев*
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

К305 Кафедра новой и новейшей истории: люди и традиции
/ под общ. ред. Л. С. Белоусова. – СПб.: Алетейя, 2021. –
466 с. – (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 184.
Сер. II: Исторические исследования, 119).

ISBN 978-5-00165-172-7

Коллективная монография освещает различные этапы развития кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Раскрыты особенности становления исследовательских направлений и страноведческой специализации в рамках кафедры. В монографии представлены биографии работавших на кафедре на постоянной основе выдающихся ученых и педагогов, многие из которых стали основателями научных школ, существующих в настоящее время. Дополнением к исследовательской части работы стали воспоминания некоторых известных выпускников кафедры, добившихся значительных успехов в различных сферах нашей жизни.

Издание рассчитано на специалистов-историков и на широкий круг читателей. Главы монографии и воспоминания выпускников публикуются в авторской редакции.

УДК 930.1(47)

ББК 63г(2)

ISBN 978-5-00165-172-7

9 785001 651727

© Коллектив авторов, 2020

© Исторический факультет МГУ, 2020

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2020

**КАФЕДРА НОВОЙ
И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ:
ЛЮДИ И ТРАДИЦИИ**

Коллективная монография

Под общей редакцией Л. С. Белоусова

Л. С. БЕЛОУСОВ

КАФЕДРА – НАШ ДОМ

Кому-то может показаться странным название данной статьи, но для нас – сотрудников кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ – это не гиперболизированный образ. Если вы приходите в университет в приподнятом настроении, предвкушая встречу с коллегами и студентами, если вы искренне радуетесь их успехам и вместе переживаете неудачи и утраты, если общение с ними обогащает вас и приносит глубокое удовлетворение, если вы снова и снова хотите сюда вернуться и заняться в кругу друзей и единомышленников любимым делом, будьте уверены: вы пришли к себе домой, на кафедру новой и новейшей истории, и оказались в кругу «семьи».

Со студенческих времен я слышал о том, что на этой кафедре господствует не вполне типичная для научного учреждения атмосфера: искреннее взаимоуважение, отсутствие интриг и клеветы, готовность помочь в работе и щедро поделиться своими идеями с коллегами и учениками. На самой большой исторической кафедре в стране подлинные корифеи науки были лишены высокомерного чванства, а молодые преподаватели, благоговевшие перед авторитетами, чувствовали себя равноправными коллегами. Даже студенты ощущали этот необычный и столь дорогой для нас климат. Я до сих пор, более 45 лет спустя, помню, как Анатолий Васильевич Адо, в то время уже действительно всемирно известный специалист, маститый профессор, пригласил меня, студента третьего курса, к себе домой, чтобы обсудить за чашкой чая мою курсовую работу по аграрному вопросу в Английской буржуазной революции. Или как не менее известный профессор Владислав Павлович Смирнов, который не был моим научным руководителем, по собственному почину взял пару моих аспирантских статей, уже прошедших обсуждение, и два часа «возился» со мной, объясняя, что ему не нравится и как это следует исправить. Или как Валерий Николаевич Горохов, будучи секретарем парткома МГУ (немалая по тем временам

должность), специально ради моего командирования в Италию поехал в ЦК КПСС и внятно объяснил товарищам из Общего отдела, что стажировка за рубежом гуманитариев не менее важна для страны и науки, чем технических специалистов. Пусть этот эпизод не покажется мелочью: именно в таких «мелочах» проявляется неравнодушие человека. Уверен, каждый из сотрудников нашей кафедры может привести аналогичные примеры по-настоящему уважительного, неформального, по-человечески теплого и заботливого отношения к себе со стороны коллег.

Мы чрезвычайно дорожим климатом доверия на кафедре, что стало одной из причин решения написать эту книгу – рассказ о нас и наших учителях, о кафедральных традициях и научных интересах. Это необходимо сделать именно сейчас не столько потому, что кафедре исполняется 85 лет, сколько потому, что мы (кому сейчас 50–70 лет) хорошо помним своих учителей, тех, кто определял лицо кафедры новой и новейшей истории во второй половине прошлого века. Новое, мощное поколение преподавателей может запечатлеть их образ лишь из наших уст, биографических очерков, документов и воспоминаний, то есть так же, как мы сами сформировали представление о наших предшественниках, преподававших на кафедре в далекие довоенные годы. Это знание – залог продолжения кафедральных традиций, служащих основой конструктивного взаимодействия в коллективе и развития кафедры в целом.

Приступая к работе, мы договорились о принципах написания книги. Сразу отвергли идею «летописи», то есть хронологического построения материала с упоминанием всех сотрудников. Не хотелось сводить работу и к стандартному историографическому очерку, тем более что об успехах нашей кафедры в науке написано немало¹. Оптимальной представлялась структура, которая сочетала бы картину современных научных интересов коллектива и общечеловеческих портретов преподавателей. Для нас всегда были и остаются важны не только достижения в науке, но и личные качества коллег и учителей. Талант педагога, чувство наставника, «плечо» товарища – эти и иные общечеловеческие черты в биографиях ученых нередко остаются «за кадром», и в результате утрачивается представление о том, как жил коллектив кафедры даже в относительно недавнем прошлом. В МГУ

¹ См., например: Историческая наука в Московском университете. 1755–2004. М., 2004. С. 365–392.

такое, на наш взгляд, недопустимо: будет утрачена традиция. Поэтому читатель найдет портреты наших коллег как в очерках о страноведческих секциях, так и в отдельных биографических зарисовках, которые посвящены уже **ушедшим от нас, но лично хорошо знакомым нам** профессорам. Единственное исключение по понятным причинам мы сделали для основателя кафедры, академика Н. М. Лукина¹.

В особый раздел мы вынесли очерки некоторых наших выпускников. Обращаясь к ним с просьбой поделиться воспоминаниями о кафедре, мы хотели лишь приблизительно очертить круг занятий, которым посвятили себя истафакорцы с новой и новейшей. Фундаментальность полученного на кафедре образования стала той почвой, на которой расцвели их творческие, менеджерские и иные таланты, позволившие стать ведущими специалистами в сферах, непосредственно не связанных с научной деятельностью: политике, дипломатии, журналистике и т.д. Мы поддерживаем с ними связь и искренне радуемся, встречаясь на факультете в день св. Татианы. В этой связи не могу не отметить примечательный факт: в настоящее время (декабрь 2019 г.) трое выпускников нашей кафедры являются деканами факультетов МГУ, а именно: факультета государственного управления (В. А. Никонов), факультета мировой политики (А. А. Сидоров), исторического факультета (Л. С. Белоусов).

За время работы на кафедре мне посчастливилось общаться со всеми преподавателями, о которых идет речь в книге, в том числе с тремя заведующими. Каждый из них сумел не просто внести существенный вклад в развитие кафедры, но оставил яркий и неповторимый след в ее истории. Каждому из них посвящен специальный очерк в этой книге, их имена встречаются в том или ином контексте в страноведческих главах, поэтому заранее приносим читателю извинения за встречающиеся в тексте повторы: в единой ткани рассказа о кафедре они неизбежны. В этой связи позволю себе отметить лишь главное: все руководители нашей кафедры обладали стратегическим видением развития науки и высшего исторического образования в стране. Этим определялись задачи, которые они ставили перед коллективом кафедры, и их собственные действия.

¹ С конца 1930-х до начала 1950-х годов кафедру на непродолжительный период поочередно возглавляли профессоры М. С. Зоркий, А. В. Ефимов, Ф. В. Потемкин, Б. Ф. Поршнев, А. С. Ерусалимский, в начале 1950-х гг. – и.о. Н. Е. Застенкер и и.о. А. С. Черняев (воспоминания *А. С. Черняева* см. в разделе III).

Так, Илья Саввич Галкин, пришедший на заведование в 1953 г. и уже умудренный опытом руководства университетом, сразу начал формирование костяка кафедры за счет талантливой молодежи. С поразительной настойчивостью и упорством он «обивал бюрократические пороги», получая для перспективных молодых преподавателей ставки, места в общежитии и квартиры. И вот что удивительно: чутье на научные и педагогические таланты его ни разу не подвело – все молодые дарования, получившие работу на кафедре благодаря стараниям Ильи Саввича, в 60–70-е годы стали блестящими преподавателями и выдающимися специалистами в своих научных областях.

В немалой степени этому способствовало еще одно новаторское начинание Ильи Саввича. Интуиция профессионального историка и глубокое понимание специфики нашего предмета побудили И. С. Галкина на весьма неординарное действие: в разгар холодной войны он начал борьбу за длительное командирование за рубеж в капиталистические страны наших преподавателей с целью работы в зарубежных архивах и установления профессиональных контактов с коллегами. Он настойчиво убеждал советских чиновников разных ведомств и разных уровней в том, что сегодня представляется очевидным даже школьнику: без доступа к первоисточникам, хранящимся в зарубежных архивах, отечественная историческая наука в сфере новой и новейшей истории не сможет выйти на мировой уровень. Илья Саввич одержал победу и на этом фронте: в 60–70-е годы многие преподаватели кафедры прошли длительные стажировки в изучаемых ими странах и собрали архивный материал, на базе которого впоследствии защитили докторские диссертации.

В этой связи сразу отметим, что на кафедре был и остается до сих пор лишь один «непререкаемый авторитет» – исторический источник, достоверность которого не подвергается сомнению. Его значимость для наших исследований всегда перевешивала неизбежную в советский период идеологическую ангажированность, что позволяло уйти от упрощенных оценок и подходов, от постулатов теории «общего кризиса капитализма». На конкретном историческом материале нам удавалось показать, что капиталистическая система не «загнивает», а набирает силу, что классовая борьба далеко не всегда является определяющим фактором в социально-политическом развитии западных стран, что буржуазный реформизм – это не только и не столько способ предотвращения революционной активности масс, сколько закономер-

ный результат саморазвития системы, а государственное регулирование – ее новый, мощный и долгосрочный ресурс. Разумеется, все мы были «дети своего времени», то есть писали в рамках формационного подхода с методологических позиций марксизма-ленинизма. Однако специфика предмета оставляла нам больше возможностей в изучении специальных и общих тем зарубежной истории, нежели «прокрустово ложе» «Краткого курса истории КПСС». Мудрость и смелость Ильи Саввича проявились в допущении разного рода «отклонений» в научных трактовках и в определении основных направлений творческой деятельности сотрудников кафедры.

В 70-е годы стараниями И. С. Галкина кафедра уже в полной мере соответствовала своему названию «новой и новейшей истории стран Европы и Америки». У нас были специалисты по истории всех ведущих капиталистических стран, а также по историографии, истории международных отношений и ряда условно так называемых «малых стран»: Ирландии, Канады, Греции, ГДР, Румынии, Венгрии, впоследствии Швеции и других скандинавских стран. Появление в структуре кафедры направления «Историография» стало подлинным прорывом в изучении новой и новейшей истории. В штат кафедры были зачислены новые преподаватели и научные сотрудники, все страноведческие группы были ориентированы на это направление исследований, и их результат не заставил себя долго ждать: в 1967–1968 гг. вышел в свет первый в стране двухтомник «Историография нового времени стран Европы и Америки» и «Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки». По форме это был учебник для университетов, по сути – коллективное фундаментальное новаторское исследование, за руководство которым И. С. Галкин был удостоен Ломоносовской премии.

Таким образом, именно в период руководства Ильи Саввича кафедра была создана как полноценная с научной и кадровой точки зрения структура, интеллектуальный потенциал которой вполне сопоставим с академическим институтом. В этой связи не будет преувеличением утверждать, что создателем нашей кафедры наряду с академиком Н. М. Лукиным был профессор И. С. Галкин, возглавлявший ее в течение 27 лет.

В 1980 г. ему на смену пришел Николай Васильевич Сивачев – представитель нового поколения преподавателей кафедры, человек незаурядных способностей, фантастической работоспособности, кипучий

чей энергии и таланта. Трудно представить, как можно было в полном объеме совмещать должности заведующего крупнейшей кафедрой и секретаря парткома МГУ – самой большой вузовской партийной организации в стране. Николай Васильевич не просто их совмещал, он вкладывал в работу на обеих должностях все силы своего могучего интеллекта и выдающихся организационных способностей. Еще не став заведующим кафедрой, он де-факто возглавил факультетскую, а позднее и общеуниверситетскую американистику. Это направление стало одним из приоритетных, если не сказать больше – ключевым в развитии научных исследований на нашей кафедре. Мощный импульс исследованиям США был дан с созданием при кафедре лаборатории истории американских политических партий, или просто лаборатории американистики, как мы ее называли. В коллектив кафедры влилась целая когорта молодых американистов, вдохновленных перспективой исследования нового для отечественной науки направления. Все они вскоре защитили кандидатские, а часть из них и докторские диссертации, на деле доказав прозорливость вдохновителя и руководителя этого научного проекта Н. В. Сивачева.

С именем Николая Васильевича связано не только развитие американистики в МГУ, но и реальный сдвиг в формировании нового типа отношений между отечественными и американскими историками, которые, вопреки множеству бюрократических и идеологических преград, получили возможность приезжать на длительный срок в МГУ и на английском языке читать лекции по американской истории советским студентам. Во времена «застоя» «программа Фулбрайта», пришедшая в СССР благодаря усилиям прежде всего Н. В. Сивачева, стала символом нового типа научных и культурных связей между сверхдержавами. До сих пор американские историки, а также наши коллеги, которые воспользовались этой программой для поездок в США, с теплотой и благодарностью вспоминают о человеке, который открыл для них эту возможность¹.

К сожалению, жизнь Николая Васильевича внезапно прервалась на восходящем тренде его карьеры, многие «задумки» остались нереализованными. Но осталась «школа Сивачева» и наша кафедра, которая помнит и чтит выдающегося ученого, блестящего организатора науки, проникательного, умного и равнодушного человека.

¹ См., например, статью У. А. Джеймса в разделе II.

На посту руководителя кафедры Николая Васильевича сменил его коллега, американист Евгений Федорович Языкков. Он возглавлял наш коллектив в течение почти четверти века (1983–2008). Это были сложные и тяжелые годы в жизни кафедры, как и страны в целом. Падение социального статуса преподавателя высшей школы, нищенские зарплаты, распространение и утверждение в извращенном виде «ценностей» рыночной экономики, утрата методологических ориентиров, снижение конкурентоспособности университетского образования – все это не могло не отразиться на деятельности кафедры. Мы понесли ощутимые кадровые потери: коллеги среднего возраста уходили в политику, политический консалтинг, бизнес, журналистику, дипломатию¹. В этих условиях перед Евгением Федоровичем стояло две непростые задачи: во-первых, сохранить работоспособность коллектива, научных и педагогических традиций кафедры; во-вторых, сформулировать и донести до студентов наше концептуальное видение новейшей истории с учетом сложившихся общественных реалий. В «лихие 90-е» это были непростые задачи, но Евгений Федорович с ними успешно справился. Кафедра не только сохранила свой костяк, но ответила на методологический вызов новым осмыслением исторического процесса в новейшее время, получившим отражение в двухтомном классическом университетском учебнике для исторических факультетов высших учебных заведений². Его появление стало результатом длительной, кропотливой исследовательской работы авторского коллектива, сопровождавшейся бурными дебатами по ключевым, поворотным моментам новейшей истории и разновидностям их научной интерпретации. Как правило, учебники пишут с опорой на хорошо проработанный научный материал. Нам же зачастую приходилось «прокладывать путь», анализируя проблемы и факты, которые в то время еще не получили должной научной интерпретации. Авторы отстаивали, порой, различные с идеологической точки зрения позиции, но характер дискуссии всегда оставался академическим, что позволяло найти компромисс. Поэтому работа над учебником стала для нас и своеобразной школой толерантности, умения услышать и понять иную, иногда противоположную точку зрения. Евгений Федорович чрезвычайно деликатно управлял дискуссией, не навязывая своего мнения, сглаживая противоречия, избегая

¹ См. воспоминания некоторых из них в разделе III.

² История новейшего времени стран Европы и Америки. 1918–1945. М., 2005; История новейшего времени стран Европы и Америки. 1945–2000. М., 2005.

крайностей. В итоге учебник, хронологически доведенный до начала XXI века, получился тщательно взвешенным, многие его концептуальные положения сохраняют свое значение и ныне.

Не менее сложным и трудоемким стал длительный процесс подготовки учебников по новой истории. Многолетний опыт преподавания этой дисциплины подвел наших коллег к выводу о необходимости пересмотра внутренних хронологических рамок в разделении курса, приведении их в соответствие с существенными изменениями капиталистического способа производства и общества в целом. Мы отказались от господствовавшего десятилетиями в учебной и научной литературе деления новой истории на два периода по линии франко-прусской (франко-германской) войны и Парижской коммуны. За основу был взят процесс модернизации, то есть всеобъемлющего перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному. Его начальный рубеж приходится на Великую французскую революцию, изучение которой хронологически может быть отнесено как к предшествующей эпохе, из которой она вырастает, так и к последующей, черты которой она во многом определила. Продолжительные и чрезвычайно интересные дебаты на эту тему внутри авторского коллектива, которым руководили Валериан Семенович Бондарчук и Ирина Владимировна Григорьева, завершились определением стартового рубежа второго этапа новой истории 1815 годом¹.

Таким образом, кафедра располагает сегодня полным комплектом учебников, созданных в последние годы на базе современных представлений об основных процессах и событиях в период новой и новейшей истории стран Европы и Америки. Мы опираемся на них в преподавании общих курсов, но время неумолимо идет вперед и каждый день приносит нам новый материал, требующий немедленного осмысления и включения в учебный процесс. В этом нескончаемом потоке – одна из особенностей нашей дисциплины. В отличие от всех предыдущих периодов всеобщей истории (при формационном подходе) новейшее время не имеет верхней хронологической рамки. Каждый раз при подготовке учебников мы вынуждены, как правило, самостоятельно осмысливать новый материал, объем которого с учетом современных цифровых возможностей возрастает в геометрической прогрессии.

¹ История стран Европы и Америки в Новое время. В 2-х частях. Ч. 1. XVII век; Ч. 2. 1700–1815 годы. М., 2011; История стран Европы и Америки в Новое время (1815–1914 гг.). М., 2016.

Особую сложность в изучении и интерпретации представляют проблемы очередного периода технологической (когнитивной) революции и порожденные ими тенденции мирового масштаба.

В этой связи на данном этапе мы сочли более эффективным иной путь подготовки учебных пособий, а именно: выделение основных проблем ведущих стран Запада на историческом отрезке в десятилетие в виде курса лекций. Такой курс был нами подготовлен и вышел в свет в 2012 г.¹ Он охватывает период до 2010 г. включительно и содержит специальные разделы по новым темам, которые еще не могли быть затронуты в должном объеме в предыдущем учебнике. Речь идет о глобализации и ее последствиях, информационном обществе и информационной экономике, коммуникативной революции, социально-экономической и политической интеграции и дезинтеграции, новой конфигурации центров силы в международных отношениях, появлении новых угроз существующему миропорядку, качественных изменениях в партийно-политических системах стран Европы и Америки и т.д.

Ныне завершается второе десятилетие XXI века, и перед нами стоит задача подготовки очередного лекционного курса, который охватывал бы двадцать лет. В соответствии с теорией «сжатия времени» качественные изменения в мире за истекающее десятилетие по своему объему и характеру существенно превзошли предыдущий период, что, с одной стороны, значительно усложняет нашу задачу, с другой, позволяет скорректировать на более длительном промежутке времени некоторые представления о происходящем.

Это особенно важно с учетом еще одного, довольно сложного вида деятельности, в который ряд сотрудников кафедры оказался вовлечен в предшествующие годы. Речь идет о подготовке учебников и учебных пособий для общеобразовательных учреждений. С началом «перестройки» государственная издательская монополия на этот вид деятельности была утрачена. Появилась возможность публикации альтернативных учебников, и одним из первых стал учебник по новейшей истории для старшей школы, подготовленный в издательстве «Дрофа» группой преподавателей нашей кафедры во главе с профессором О. С. Сороко-Цюпой². О его востребованности говорит простой факт: учебник выдержал 14 изданий многотысячными тиражами. Круг

¹ История стран Европы и Америки в XXI веке. М., 2012.

² Мир в XX веке. Учебник для 10–11 классов общеобразовательных учреждений. М., 1996.

авторов и издательств, с которыми мы работали, постоянно расширялся. Школьные учебники и пособия разных видов по новой и новейшей истории (учебно-методические комплексы, тетради-тренажеры, пособия по истории ведущих капиталистических стран в XX веке и др.), принадлежащие перу многих членов кафедры, увидели свет в издательствах «Просвещение» и «Русское слово». В федеральный перечень учебников по новейшей истории для общеобразовательных учреждений в настоящее время входят три учебника, два из которых подготовлены нами в соавторстве с коллегами из Академии наук и Института стран Азии и Африки МГУ¹. Работа по совершенствованию школьных учебников продолжается, появляются новые государственные образовательные стандарты и новые методологические проблемы, не имеющие однозначных решений².

Наши школьные издания концептуально основаны на научных разработках, получивших отражение в учебниках для университетов, в многочисленных статьях, монографиях и коллективных трудах членов кафедры. Ежегодный объем печатной продукции кафедры измеряется сотнями печатных листов, что вполне сопоставимо с параметрами крупного научно-исследовательского института. Подавляющую часть этих работ характеризует одна общая черта – фундаментальность исследования, причем, даже в том случае, если речь идет о статье начинающего специалиста. Именно фундаментальность позволяла нам в советский период избегать издержек идеологизированной методологии, которая влияла не столько на качество работ, сколько на их тематику. Опора на фундаментальность исследования была и остается одной из ключевых традиций кафедры, которую мы не нарушали даже в непростые 90-е годы.

С основными направлениями наших научных изысканий можно познакомиться в страноведческих главах данной книги. Пока же обратим внимание на два важных аспекта. Прежде всего, кафедра традиционно брала на себя смелость постановки значимых исторических про-

¹ Загладин Н. В., Белоусов Л. С. История. Всеобщая история. Новейшая история. 1914 г. – начало XXI в. Базовый и углубленный уровни. М., 2019; Белоусов Л. С., Мейер М. С., Смирнов В. П. История. Новейшее время. 10 класс. Базовый уровень. М., 2017.

² Подробнее см.: Белоусов Л. С. Историко-культурный стандарт по всеобщей истории: проблемы методологии // Новая и новейшая история. 2019. № 5. С. 166–178.

блем в рамках коллективных исследований. Для иллюстрации этого тезиса, отметим лишь некоторые из наиболее крупных: серия «Проблемы американистики» (11 выпусков, 1978–2001 гг.); серия монографий и сборников под общим названием «Великая французская революция. Документы и исследования» (1985–1991 гг.); серия книг по теории и истории международных отношений (2001–2010 гг.); коллективные монографии, посвященные французскому либерализму, общественно-политической мысли европейского Просвещения, национальной идее в Западной Европе в новое время, моделям региональной интеграции и другим, не менее значимым темам¹. Особо следует выделить вышедшую в 2014 г. в «Издательстве МГУ» коллективную монографию «Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации». Изданная большим тиражом при поддержке фондов «Наш исторический» и «Русский мир», эта фундаментальная монография (65,8 п.л.), многопланово определяющая решающее воздействие Первой мировой войны на развитие европейской цивилизации в XX веке, была подарена ректором МГУ академиком В. А. Садовничим всем членам Союза ректоров и таким образом пополнила библиотеки всех университетов России. В настоящее время на кафедре завершается работа над очередной крупной коллективной монографией (84 п.л.), посвященной проблеме зарождения новой системы международных отношений после Второй мировой войны. В связи с приближением 75-летнего юбилея Победы над нацистской Германией эта работа приобретает не только научную, но и политическую значимость.

Еще один элемент нашей научной деятельности – создание научных «школ» ведущими специалистами кафедры. Если опираться на общепринятое определение этого понятия, то оно должно соответствовать, как минимум, трем критериям. Во-первых, руководитель «школы» должен внести ощутимый вклад в разработку фундаментальной, значимой для понимания исторического процесса проблемы; во-вторых, в рамках изучения этой проблемы он должен «воспитать» целую плеяду последователей, использующих аналогичную методологию исследования и остающихся в широком толковании в сфере прежней тематики; в-третьих, руководитель «школы» должен обладать широким признанием в отечественном и зарубежном профессиональном

¹ Подробный перечень и краткий обзор работ по указанным темам содержится в страноведческих главах.

сообществе. За время почти 40-летней работы на кафедре мне довелось стать свидетелем формирования нескольких таких «школ», но, дабы никого не обидеть, позволю назвать лишь в качестве примера «школу» франковедов Анатолия Васильевича Адо, многие «выпускники» которой сегодня определяют лицо отечественной науки по избранной специальности.

Наверное, не будет преувеличением сказать, что коллеги старшего поколения, изучающие и преподающие на кафедре историю США, Великобритании, Германии, Франции, Австро-Венгрии, Австрии, Италии, Греции, Латинской Америки, международных отношений, историографии относятся к числу специалистов, чей вклад в науку и подготовку кадров по достоинству оценивается в профессиональном сообществе. Мы активно выступаем на российских и международных научных конференциях (как правило, на языке изучаемой страны), поддерживаем продуктивные связи с коллегами из Академии наук РФ и других университетов, нас регулярно приглашают для чтения лекций в зарубежных научных и образовательных центрах. Лишь за последние годы неоднократно выезжали за рубеж в качестве приглашенных профессоров Л. С. Белоусов, В. А. Бородаев, А. Ю. Ватлин, Н. Н. Наумова, Л. А. Пименова, Ю. Н. Рогулев, И. Ю. Хрулева и другие коллеги. Год от года не убывает количество наших публикаций в зарубежных научных изданиях, труды А. В. Адо, Л. В. Байбаковой, В. А. Бородаева, А. Ю. Ватлина, А. С. Маныкина, Ю. Н. Рогулева переведены на иностранные языки¹, почти половина сотрудников кафедры опубликовали результаты своих научных исследований в иностранных журналах.

Несмотря на то, что «программа Фулбрайта» фактически прекратила функционировать в России, нам удастся поддерживать эффективные связи с коллегами из Соединенных Штатов Америки благодаря созданному при кафедре в 1998 г. Фонду изучения США имени Ф. Д. Рузвельта, деятельностью которого руководит Юрий Николаевич Рогулев. За два десятилетия своего существования фонд реализовал десятки программ, главной среди которых была и остается стипендиальная программа для студентов, магистрантов, аспирантов и молодых преподавателей, получивших возможность поработать в библиотеке Рузвельта в США и библиотеке Института Рузвельта в

¹ См. страноведческие разделы.

Нидерландах. При поддержке фонда на кафедре выступали с лекциями ведущие американские ученые, реализовывались совместные исследовательские проекты¹.

Мощный импульс развитию наших связей со странами Латинской Америки был дан в связи с созданием при кафедре научного общества «Хосе Марти» под руководством Владимира Алексеевича Бородаева. Гостями кафедры стали ученые, политики и дипломаты латиноамериканских стран. Многие наши преподаватели поддерживают тесные рабочие контакты с сотрудниками диппредставительств изучаемых стран, что способствует повышению привлекательности кафедры и российских вузов в целом для потенциальных студентов из стран Европы и Америки.

Их приток в Россию существенно увеличился в связи с переходом РФ на Болонскую систему высшего образования. Последствия этого процесса оказались весьма неоднозначными. С одной стороны, Россия встроилась в общеевропейскую систему, что упростило процесс взаимного признания дипломов и межвузовский (международный) переток студентов. С другой стороны, новая система фактически привела к подрыву научной основы подготовки в аспирантуре, ставшей третьим уровнем обучения, а не первичным этапом исследовательской деятельности как прежде. Разумеется, мы подготовили необходимое количество магистерских программ и лекционных курсов для аспирантов, однако это никоим образом не компенсирует потерю часов для профильных занятий на старших (особенно последнем) курсах бакалавриата, когда студенты делают принципиальный выбор и решают вопрос о том, стоит ли идти в науку.

Переход на Болонскую систему обучения породил еще одно негативное последствие: кратное увеличение форм отчетности по научной и педагогической деятельности. Казалось бы, цифровизация должна привести к сокращению бумажного потока и, как следствие, административного аппарата всех уровней. На деле произошло прямо противоположное. Теперь преподавателям приходится тратить намного больше времени на подготовку различных документов и прохождение бюрократических процедур в ущерб основным видам деятельности. Понимаю, что сравнение с системой отчетности 30–40-летней давности

¹ Подробнее о деятельности «фонда Ф. Д. Рузвельта» см. очерк Ю. Н. Роголева в разделе I.

сти выглядит не вполне корректно, но не могу не вспомнить те годы, когда на кафедре всем «бумажным процессом» успешно управляла одна Мария Всеволодовна Силаева (лаборант, ставшая впоследствии Ученым секретарем факультета) – обожаемая нами «душа» кафедры.

Переход на новую систему обучения и расширение в этой связи круга задач, стоявших перед кафедрой, диктовали необходимость реструктуризации ее внутренней деятельности. Кафедра новой и новейшей истории – самая большая на факультете и самая большая среди исторических кафедр в стране (около 50 сотрудников). Этот факт на фоне постановки новых задач определил специфику управления коллективом. Мы пришли к выводу о необходимости укрупнения страноведческих групп и делегирования им ряда функций, прежде относившихся к кафедральному уровню (утверждение тем бакалавров и магистров, отчеты аспирантов первого года обучения, обсуждение специальных курсов и др.). Преподаватели и научные сотрудники кафедры были объединены в региональные секции приблизительно по 8–12 человек в каждой: «Новый свет» (США и Латинская Америка) под руководством Ю. Н. Роголева, Северной Европы (Германия, Великобритания, Швеция) под руководством С. А. Соловьева, Южной Европы (Франция, Италия, Испания, Греция) под руководством Н. Н. Наумовой, международных отношений под руководством А. С. Манькина, а также группу историографии под руководством Л. В. Байбаковой. Некоторые преподаватели, круг научных интересов которых выходит за пределы страноведческой секции, стали членами двух из них (Н. Н. Наумова, Л. В. Байбакова, Р. А. Сетов, Е. В. Корунова и др.). Заведующий кафедрой, два его заместителя и руководители секций вошли в состав Совета кафедры – нового коллективного органа управления, взявшего на себя предварительную проработку наиболее важных вопросов перед их вынесением на заседание кафедры.

Структурная перестройка оправдала себя. Удалось существенно разгрузить повестку дня заседаний кафедры, избежать страноведческой замкнутости, придать обсуждению специфических научных проблем более конструктивный, предметный характер.

В заключение уместно без всякой похвальбы отметить, что заслуги членов кафедры в разработке научного знания и подготовке молодых специалистов-историков в течение нескольких последних десятилетий неоднократно были отмечены государственными и ведомственными наградами, премиями и иными поощрениями. Почетного звания

«Заслуженный профессор Московского университета» были удостоены Е. Ф. Язьков (1998 г.), И. В. Григорьева (2000 г.), В. П. Смирнов (2012 г.), Л. С. Белоусов (2013 г.), А. С. Манькин (2017 г.). Почетное звание «Заслуженный преподаватель Московского университета» было присвоено В. С. Бондарчуку (2005 г.), С. А. Соловьеву (2008 г.), Н. Н. Наумовой (2008 г.), Ю. Н. Рогулеву (2012 г.), В. Н. Горохову (2014 г.), Т. В. Никитиной (2014 г.). Н. В. Сивачев и Е. Ф. Язьков стали лауреатами Государственной премии СССР; И. С. Галкин, И. П. Дементьев, Н. В. Сивачев, В. П. Смирнов и Е. Ф. Язьков – Ломоносовской премии. Указом Президента России Е. Ф. Язьков был удостоен звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» (2004 г.), Л. С. Белоусов – «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации» (2015 г.).

Все эти (и многие другие, в том числе ведомственные) награды наших коллег есть результат плодотворной и самоотверженной работы коллектива, внутри которого по-прежнему царит особая аура и по-человечески теплая атмосфера, создающая благоприятные условия для успешного развития и процветания нашего «дома».

РАЗДЕЛ I. НАША РАБОТА

Ю. Н. РОГУЛЕВ

ИСТОРИЯ США

Изучение истории США на кафедре новой и новейшей истории Московского университета – дело совсем недавнего прошлого, хотя контакты и связи России и Америки имеют гораздо более длительный характер. Возникает уместный вопрос, почему так произошло. Ведь русское открытие Северной Америки датируется 21 августа 1732 года, когда экспедиция во главе с Иваном Федоровым и Михаилом Гвоздевым достигла западного побережья Нового света впервые в российской истории. За этим событием последовали десятки других экспедиций в XVIII веке, которые в конечном итоге привели к созданию Русско-американской компании в 1799 году и появлению того, что позже назвали Русской Америкой, включившей Аляску в качестве русской земли. В связи с этим следует упомянуть один важный факт. Главной целью русской колонизации Америки был не захват новых территорий и их освоение для дальнейшего проживания, а установление торгово-экономических отношений с коренным населением новых земель. Да и переселяться из России на новые земли в массовом порядке было некому, ведь освоение новых земель шло через восточную часть Российской империи. Российский Дальний Восток представлял собой долгое время столь же дикий, малонаселенный край, как и западное побережье американского континента. В этом аспекте российское освоение Северной Америки принципиально отличалось от деятельности других европейских стран в Новом Свете. В перенаселенной Западной Европе по разным причинам было много желающих переехать на свободные земли. Это также частично объясняет, почему Аляска, в конце концов, была позже продана США.

Несмотря на активность на западном побережье, интерес в России к североамериканской жизни был невелик. Америка оставалась очень далекой от России. Экономические и культурные связи между Россией и США были очень слабыми, и из-за этого мало россиян побывало в

Новом Свете. Сами Соединенные штаты как независимое государство имели еще очень короткую историю, да и политические различия между двумя странами были очень большими. Именно поэтому сведения об изучении истории США в российских университетах в девятнадцатом веке практически отсутствуют. Правда, некоторые исторические данные свидетельствуют о том, что история США преподавалась в Санкт-Петербургском университете в середине XIX века В. В. Бауэром. Первый же систематический лекционный курс по истории США в Московском университете был предложен в 1900 году С. Ф. Фортунатовым. Тем не менее, систематического изучения истории США в России не велось. Единственный крупный научный труд видного русского историка М. Острогорского «Демократия и политические партии», написанный им по-французски, был сразу же, в 1902 г., опубликован на английском языке и приобрел большую популярность в Соединенных Штатах, но на русском языке он появился лишь четверть века спустя – в конце двадцатых годов¹.

Первые научные исследования истории США, положившие начало отечественной американистике, появились только в 1930-х годах уже в Советском Союзе. Пионерскую работу «К истории капитализма в Соединенных Штатах» выполнил Алексей Васильевич Ефимов, ставший первым советским ученым, получившим докторскую степень по истории США. Эта книга А. В. Ефимова, как и его преподавательская деятельность в Московском университете в 1933–1944 годах, оказали огромное влияние на процесс становления и развития отечественной американистики. В 30–40-е годы появились и другие работы по истории США отечественных историков В. И. Лана и Л. И. Зубока, последний из которых по совместительству преподавал на историческом факультете МГУ.

Однако начало изучения истории США было не очень обнадеживающим. Разворачивавшаяся во второй половине 1940-х годов «холодная война» не только обострила отношения между СССР и США, но и привела к суду над руководством компартии США и гонениям на других представителей американского общества, дружественно настроенных к нашей стране. Обострилась политическая обстановка и в самом Советском Союзе, ужесточилась антиамериканская пропаганда. Например, книга В. И. Лана «США от первой до второй мировой во-

¹ *Острогорский М.* Демократия и политические партии. В 2-х т. М., 1930.

йны», опубликованная в 1947 г., была подвергнута жесточайшей критике в официальном партийном издании. В рецензии, опубликованной в журнале «Большевик», В. И. Лан был обвинен в том, что он не только не разоблачает, но безмерно приукрашивает империалистическую внешнюю и реакционную внутреннюю политику американского правительства, что он использует «почти исключительно буржуазные источники» и «некритически следует за буржуазными апологетами». На этом основании в рецензии делался вывод: «Книга В. Лана не просто ошибочна. Она вредна, она изображает историю США между первой и второй мировыми войнами в кривом зеркале, в духе буржуазной апологетики»¹.

С аналогичными трудностями столкнулись и другие историки. Профессор Е. Ф. Язьков так описал свои ощущения об этом времени: «В конце 40-х гг. я был студентом Московского университета и как раз тогда начинал изучение истории Соединенных Штатов. Помню, что в 1948 г. я впервые слушал лекционный курс профессора Л. И. Зубока по американской истории, в котором он пытался удержаться хотя бы в рамках минимальной объективности. А уже весной следующего, 1949 г., сидя в одной из университетских аудиторий, я с огорчением наблюдал ожесточенные нападки на профессора Зубока ревнителей воинствующего вульгаризированного марксизма, которые обвиняли его в «безродном космополитизме» и в «восхвалении американского образа жизни». Помню, далее, как, участвуя в начале 50-х гг. в работе аспирантского семинара кафедры новой и новейшей истории, я присутствовал на одном из докладов, в котором настойчиво проводилась мысль о том, что американский империализм всегда был и остается «самым реакционным» и «самым грабительским»². В условиях обострения «холодной войны», ограниченности материальных ресурсов, сильного идеологического влияния и массивного давления антиамериканской пропаганды возможности развития молодой, только возникшей научной дисциплины были очень ограничены. Поэтому не удивительно, что о реальном превращении советской американистики в самостоятельное и быстроразвивающееся направление исторической науки можно говорить лишь применительно к 50–60-м годам XX века. В этот период улучшаются отношения между СССР и США. Напри-

¹ Большевик. 1948. № 12. С. 71.

² Исторический образ Америки. М., 1994. С. 16.

мер, в 1958 году были подписаны важнейшие межгосударственные соглашения о сотрудничестве и обменах в сфере культуры, образования и науки, которые впервые предоставили советским историкам возможность научной работы в американских библиотеках и архивах. Да и внутри страны происходят изменения в политике, которые не только вели к большей свободе в научных исследованиях, но и способствовали улучшению материального положения в науке и образовании. Для успешного развития научных исследований стали создаваться необходимые условия и выделяться ресурсы. Именно в этот период были созданы сектор истории Соединенных штатов и Канады в Институте всеобщей истории, Институт мировой экономики и международных отношений, Институт международного рабочего движения и Институт Соединенных штатов и Канады Академии наук СССР. Были выделены средства для формирования групп историков-американистов в крупнейших университетских центрах страны. Многие новые программы по американской истории были начаты в Санкт-Петербурге, в Казани, Томске, Самаре, Перми и других старейших университетах России. Не остался в стороне от этого процесса и Московский университет. Ведь в первое послевоенное десятилетие среди штатных сотрудников кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ не было ни одного специалиста по американской истории. Как вспоминает профессор Е. Ф. Язьков, который, как отмечалось выше, в эти годы учился на кафедре, специализация по истории США проводилась, но «обеспечивалась периодическим приглашением отдельных ученых, работавших в системе Академии наук»¹.

Положение с изучением истории США стало понемногу меняться, когда в 1953 г. кафедру возглавил И. С. Галкин. Именно ему принадлежит заслуга в превращении небольшого учебного подразделения в самую крупную кафедру исторического факультета. Пополнение коллектива кафедры шло преимущественно за счет ее выпускников. И в первом списке, с которым Галкин пришел к ректору для того, чтобы получить штатные единицы и «пробить» московскую прописку для иногородних выпускников, значилась фамилия Е. Ф. Язькова. Вместе с принятым на кафедру И. П. Дементьевым, другим выпускником аспирантуры кафедры, они открыли специализацию по истории США. В 1962 г. к ним присоединился еще один выпускник кафедры –

¹ Там же.

Н. В. Сивачев. В сферу научных интересов Е. Ф. Язькова входила история фермерского движения в США в первой половине XX века, реформизм периода прогрессивной эры и нового курса Ф. Рузвельта¹. И. П. Дементьев исследовал проблемы периода новой истории США, идейно-политические дебаты по вопросам внешней экспансии в конце XIX – начале XX века, а также историографию США². Н. В. Сивачев изучал политическую борьбу в США по вопросам «нового курса» Ф. Рузвельта, рабочую политику государства в период Второй мировой войны и другие аспекты истории США 30–40-х годов XX века³.

Так возникла группа американистов кафедры, каждому из которых в настоящем издании посвящен отдельный очерк. Эта группа молодых ученых вместе коллегами из институтов Академии наук В. М. Хвостовым, А. В. Ефимовым, Л. И. Зубоком, Г. Н. Севостьяновым, Е. И. Поповой, В. Л. Мальковым, Р. Ф. Ивановым, Н. Н. Болховитиновым и другими, много сделала для превращения кафедры новой и новейшей истории в авторитетный центр отечественной американистики.

Период 60–80-х годов можно охарактеризовать как время бурного развития американистики. Это было связано с целым комплексом причин.

Одной из них было естественное расширение среднего и высшего образования в Советском Союзе в этот период, которое увеличило общее количество школ, институтов, студентов и ученых. Советское правительство стало тратить больше денег на научные исследования и образование. Эта политика открыла новые возможности в научно-педагогической деятельности, привела к росту числа научных публикаций, способствовала улучшению библиотечных фондов и условий для образования в целом.

Другая причина была связана с такими новыми явлениями второй половины XX века, как холодная война, глобальная конкуренция двух систем, гонка вооружений, научно-техническая революция, развитие атомной энергетики, освоение космоса и других стратегических областей, в которых США и СССР играли большую роль. В этих условиях американские исследования в Советском Союзе также стали стратеги-

¹ См. главу *Л. В. Байбаковой* о Е. Ф. Язькове в разделе II.

² См. главу *И. Ю. Хрулевой* об И. П. Дементьеве в разделе II.

³ См. главу *А. С. Манькина* и *Ю. Н. Роголева* «Н. В. Сивачев – педагог, ученый и организатор науки» в том же разделе.

чески и политически важной областью, частью этого глобального противостояния, которое требовало хорошего знания главного противника и конкурента. Это объясняет, почему особое внимание и поддержка в исследованиях и преподавании истории США уделялись, например, тем историческим периодам и проблемам американского общества, где оказывалась возможна критическая интерпретация американского опыта. Это, например, проблемы войны за независимость и Американской революции, Гражданская война, прогрессивная эпоха и период Нового курса президента Ф. Рузвельта, история рабочего класса и протестных движений, этнорасовые отношения, студенчество и новые левые движения, внешняя политика США, военно-промышленный комплекс и другие вопросы. Несмотря на то, что большая часть новых публикаций была сделана для внутреннего потребления и многие из них были идеологически ангажированы, объем работы, проделанной в 60-80-е годы в области преподавания и изучения истории, экономики, политики и культуры США был впечатляющим.

Еще одна причина была вызвана логикой разрядки в конце 60-х и 70-х годов. Улучшение отношений между Советским Союзом и США способствовало подписанию многих новых соглашений о прямом обмене между университетами двух стран в дополнение к программам обмена на государственном уровне. Этот общий процесс позволил также программе Фулбрайта начать свою деятельность в Советском Союзе в 1974 году. Советские студенты впервые получили возможность посещать лекционные курсы профессоров из США по американской истории в Московском университете. Эти лекции привлекли большое внимание и подняли интерес студентов к изучению истории США. Следует также отметить, что библиотечные фонды книг и источников из США значительно улучшились в Советском Союзе за это время, что повысило уровень изучения истории США и предоставило гораздо больше информации об этой стране.

В целом можно сказать, что рост интереса к изучению США в 60-е и 70-е годы в Советском Союзе вообще и в Московском университете в частности был вызван многими противоречивыми причинами. Действительно, студенты МГУ смотрели на США как на потенциально-го противника, но в то же время в их отношении не было реальной враждебности, и они хотели узнать больше о «другой сверхдержаве», которая играла такую важную роль в глобальной конкуренции. Конечно, студенты протестовали против агрессии США во Вьетнаме,

сочувствовали новым левым и студенческим движениям и борьбе афроамериканцев за гражданские права в США. Но именно поэтому они рассматривали историю США как важный и престижный предмет и выражали заинтересованность в специализации в этой области. Растущий интерес студентов совпал с разрядкой в отношениях между США и Советским Союзом, что, в свою очередь, способствовало расширению обмена в области образования и культуры между двумя странами и создало более благоприятные условия для стажировок отечественных студентов в США.

Новым важным этапом в развитии дисциплины истории США на историческом факультете в 1974 г. стало участие американских историков в программе подготовки студентов американистов при содействии фонда Фулбрайта. Деятельности фонда Фулбрайта и его лекционной программе в настоящем издании посвящена отдельная статья, поэтому в этом разделе мы кратко остановимся лишь на некоторых важных вопросах этой истории. Идея обратиться в фонд Фулбрайта в США с предложением отправить профессоров этой страны в Московский университет для преподавания курса по истории США принадлежала профессору Н. В. Сивачеву, молодому талантливому ученому, воспитаннику Московского университета, быстро выдвинувшемуся в первые ряды историков-американистов нашей страны. Профессору Н. В. Сивачеву пришлось приложить немало усилий и настойчивости, чтобы добиться поддержки этого предложения. Важную помощь в этом деле оказало и руководство Московского университета. Согласие партийно-государственных органов было, в конце концов, дано при условии, что профессор Н. В. Сивачев, заведующий кафедрой профессор И. С. Галкин и другие руководители МГУ будут нести персональную ответственность за все возможные последствия такого решения и что в лекционных курсах не будут затрагиваться события последних десятилетий после Второй мировой войны. Конечно, осуществление этой идеи было бы невозможно без содействия американской стороны. Инициатива Московского университета была активно поддержана посольством Соединенных Штатов в Москве и администрацией фонда Фулбрайта. Осуществлению этого плана во многом содействовала и общая атмосфера разрядки, установившаяся в первой половине 70-х гг. в отношениях между Соединенными Штатами и Советским Союзом.

Эта лекционная программа действовала на кафедре новой и новейшей истории более 30 лет до конца XX – начала XXI вв., превра-

тившись в важнейшую часть подготовки историков-американистов. Лекционная программа Фулбрайта значительно расширила возможности специализации по истории США. Помимо упомянутых выше трех штатных профессоров американистов кафедры новой и новейшей истории, которые осуществляли специализацию по истории США, студенты кафедры смогли познакомиться с историками из США и прослушать на английском языке большое количество новых специальных курсов по различным проблемам и периодам американской истории. Важное место в тематике лекционных курсов американских ученых заняли история политических партий США, проблемы плантационного рабства, Гражданская война и Реконструкция, проблематика периода Прогрессивной эры и событий Нового курса президента Ф. Рузвельта. Кроме того, были прочитаны отдельные курсы по проблемам колониального периода, периода джексоновской демократии, а также по истории рабочего движения, борьбы афроамериканцев за гражданские права, женскому движению, по истории американской культуры в XX в., конституционной истории. Авторами всех этих лекционных курсов были видные американские историки из нескольких крупных университетских центров Соединенных Штатов, от Нью-Йорка до Калифорнии и от Висконсина до Флориды. Стоит упомянуть имена таких крупных профессоров, как Дэвид Кронон, Дэвид Броуди, Роберт Келли, Эдвард Пессен, Леон Литвак, Эрик Фонер, Юджин Трани, Джон Купер, Винтон Солберг, Элберт Смит, Питер Уокер, Ричард Абрамс, Джоан Карпински, а также профессоров Даррета Ратмана, Джорджа Фредриксона, Ричарда Дженсена, Роберта Черни и Джилейни Кобба.

Помимо лекций, американские профессора проводили коллективные и индивидуальные консультации со студентами. Им была предоставлена полная свобода в лекциях и в общении со студентами, как по проблемам читаемых лекционных курсов, так и по любым другим вопросам. В период 70-х – начала 80-х гг., в условиях продолжавшейся жесткой идеологической конфронтации между СССР и США, этот новаторский подход к высшему образованию, осуществленный на историческом факультете МГУ, представлял собой впечатляющий контраст по сравнению с относительно недавним прошлым в истории кафедры и изучении США.

Успешное осуществление лекционной программы фонда Фулбрайта обеспечило подготовку на нашей кафедре большего числа квалифицированных историков-американистов. Стоит отметить также,

что лекционную программу фонда Фулбрайта посетило большинство преподавателей и сотрудников самой кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ, преподаватели МГУ с других факультетов. Кроме того, лекционная программа сыграла свою роль в подготовке на нашей кафедре историков-американистов, которые впоследствии участвовали в осуществлении, а иногда и в организации специализации по истории Соединенных Штатов в высших учебных заведениях ряда городов России (Самара, Владимир, Калуга, Пенза, Саранск, Уфа), а также Украины, Латвии, Грузии, Казахстана и Таджикистана.

Лекционная программа фонда Фулбрайта оказалась очень уместным и полезным делом в связи с новыми планами кафедры по расширению исследований по истории США. Инициатива и в этом вопросе принадлежала профессору Н. В. Сивачеву, который предложил идею комплексного исследования политической системы США с акцентом на изучение двухпартийной системы. Для решения этой задачи было предложено создать коллектив исследователей. Руководство университета согласилось с этими предложениями. Так в 1977 году была создана лаборатория по изучению истории США при кафедре новой и новейшей истории, главной задачей которой стало проведение исследований по проблемам истории партийно-политической системы США. В связи с этими решениями группа американистов кафедры, ранее состоявшая из трех человек, вскоре превратилась в большой научно-преподавательский коллектив. Во второй половине 70-х и начале 80-х годов эта группа пополнилась такими выпускниками кафедры, как А. С. Манькин, Ю. Н. Роголев, В. И. Терехов, Л. В. Байбакова, В. А. Никонов, А. А. Поршакова, А. А. Кормилец, И. В. Галкин, которые активно приступили к осуществлению намеченных планов, подготовив новые курсы лекций, статьи и сборники научных трудов. Тематика их научной работы, кроме Ю. Н. Роголева, была связана с историей политических партий США. Л. В. Байбакова, В. И. Терехов, А. А. Кормилец и А. А. Поршакова исследовали различные аспекты партийно-политической проблематики периода новой и новейшей истории США¹.

¹ *Байбакова Л. В.* Политическая борьба в США по вопросам социальной политики (1969–1976 гг.) Дис... канд. ист. наук. М., 1977; *Кормилец А. А., Поршаков С. А.* Кризис двухпартийной системы США накануне и в годы гражданской войны. М., 1987; *Поршакова А. А.* Буржуазный реформизм в деятельности Демократической партии США в начале XX в. (1901–1912 гг.). М., 1983; *Терехов В. И.* Республиканцы

А. С. Маныкин, И. В. Галкин и В. А. Никонов разрабатывали вопросы партийной истории новейшего периода¹. Ю. Н. Роголеву была поручена проблематика социально-экономической и рабочей истории США, а также проблемы международного рабочего движения². В 80-х годах были опубликованы и защищены первые докторские диссертации по этой проблематике. В 1987 г. была защищена докторская диссертация А. С. Маныкина «Основные направления идейно-политической эволюции двухпартийной системы США в 1933–1952 гг.». На этой основе чуть позднее была опубликована книга А. С. Маныкина ««Эра демократов»: партийно-политическая перегруппировка в США, 1933–1952»³. В 1989 г. была защищена докторская диссертация В. А. Никонова «Республиканская партия США в 1960–1988 гг.: идеология, электорат, организация, воздействие на государственный аппарат», базой которой являлись две монографии по этой проблематике, опубликованные им в 1984 и 1988 гг.⁴

В 1982 году лаборатория пополнилась новым молодым сотрудником, выпускником факультета вычислительной математики и кибернетики В. Г. Васениным⁵. Ему было поручено новое направление по использованию количественных методов и применения вычислительной техники в исследовании электоральной статистики, деятельности политических партий США⁶ и применения технических средств в

у власти: социально-экономическая политика правительства Д. Эйзенхауэра (1953–1960). М., 1984.

¹ Галкин И. В. На пути в Белый дом: из истории демократической партии США. М., 1991; Маныкин А. С. История двухпартийной системы США (1789–1980). М., 1981; Никонов В. А. Организационная перестройка в республиканской партии США после ее поражения на выборах 1964 г. // Проблемы новой новейшей истории. М., 1980. С. 44–64.

² Роголев Ю. Н. Крах рабочей политики администрации Трумэна. М., 1981.

³ Маныкин А. С. «Эра демократов»: партийная перегруппировка в США. М., 1990.

⁴ Никонов В. А. От Эйзенхауэра к Никсону: из истории республиканской партии США. М., 1984; Он же. Республиканцы: от Никсона к Рейгану. М., 1988.

⁵ Профиль В. Г. Васенина на сайте исторического факультета МГУ. URL: <http://www.hist.msu.ru/departments/3992/people/teachers/5318/> (дата обращения: 05.07. 2020).

⁶ См.: Васенин В. Г., Терехов В. И. Двухпартийная система и мобилизация избирателей США в период 1824–1860 гг. // Информационный бюллетень Ассоциации «История и Компьютер». Серия «Методы и технологии обработки массовых источников» Т. 34. Москва–Тамбов, 2006; Васенин В. Г. Нормативно-правовые ограничения североамериканского избирателя до XX в. // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 6. С. 131–150.

обучении студентов. Позднее, в связи с развитием этого направления и созданием информационной сети исторического факультета, к нему присоединился Е. Н. Шулешов (в 2002 г.), на которого была возложена обязанность системного администратора.

Другое новое направление в работе историков-американистов МГУ в 70–80-х гг. было связано с началом междисциплинарных исследований, проведенных в тесном сотрудничестве с американистами других факультетов университета. В 1975 году по инициативе Н. В. Сивачева в Московском университете был создан Научный координационный совет по проблемам американистики, который направил свои усилия на объединение исследовательской работы американистов всех гуманитарных факультетов МГУ: историков, филологов, юристов, философов, экономистов, географов, журналистов. Председателем совета был избран профессор Сивачев. Периодическим органом Научного координационного совета стал междисциплинарный ежегодник «Проблемы американистики», в котором совместными усилиями ученых различных специальностей была сделана попытка комплексного анализа ряда важных аспектов американского общества в прошлом и в современных условиях.

Безвременная смерть после тяжелой болезни Николая Васильевича Сивачева в марте 1983 года оказалась неожиданным и тяжелым ударом для кафедры новой и новейшей истории и отечественной американистики. Тем не менее, дело Н. В. Сивачева было продолжено, его проекты и инициативы не только сохранились, но и продолжали осуществляться историками-американистами кафедры и лаборатории. Так, важным итогом работы лаборатории по изучению истории США стал подготовленный двухтомный труд «Принципы функционирования двухпартийной системы США: история и современные тенденции», опубликованный в конце 80-х гг. в издательстве Московского университета. Этот труд опирался на творческий задел, созданный Н. В. Сивачевым и его коллегами. В нем была разработана общая модель периодизации истории двухпартийной системы и выделены ключевые характеристики каждого из основных этапов формирования и развития партийной системы. Значительное внимание было уделено разработке системного подхода к истории партий и теоретическому обоснованию консенсусно-альтернативного принципа в функционировании двухпартийной системы и его историческим проявлениям на разных этапах. При этом труд охватывал все основные этапы от воз-

никновения партий до их современного состояния в конце XX века. Кроме того, в 1988 году в издательстве «Прогресс» была опубликована коллективная монография на английском языке по истории двухпартийной системы: «The US Two-Party System: Past and Present. A View of Soviet Historians»¹.

Продолжилось издание университетского сборника «Проблемы американистики». До конца 80-х вышли в свет 8 выпусков, на страницах которых было опубликовано около 120 статей историков, юристов, экономистов, филологов, социологов, географов, филологов и журналистов по различным проблемам американского общества.

Совершенно новым направлением развития отечественной американистики в 80-е годы стало научное сотрудничество с американскими историками. Импульс для такой кооперации был также дан лекционной программой Фулбрайта, которая расширила связи с коллегами из США. Новые контакты, установленные с различными университетскими центрами Соединенных Штатов, позволили в конце 80-х гг. расширить формы научного сотрудничества университетских ученых обеих стран. Примером этих новых форм взаимодействия стало соглашение между Московским университетом и университетом штата Миссури в Канзас-Сити о совместной подготовке и издании в Соединенных Штатах специальной серии научных сборников под общим названием «Российско-американский диалог по истории США». Эта серия была задумана как один из способов ознакомления американской общественности с научной продукцией советских историков. Этот проект начал осуществляться в 1989 г., когда вышел в свет первый том серии, посвященный Новому курсу президента Ф. Рузвельта. С американской стороны за издание этого тома отвечал профессор Р. Маккинзи. Вслед за этим изданием были подготовлены и опубликованы еще три тома диалога: «Российско-Американский диалог по Американской революции», «Российско-американский диалог по отношениям в области культуры» и «Российско-американский диалог по истории политических партий США», в издании которых активное участие принимали профессора Луис Поттс, Гордон Вуд, Норман Соул и Джоэл Силби, которые взяли на себя нелегкий труд по подготовке и редактированию «Российско-американского диалога». Этот проект осуществлялся в течение 10 лет, последний том вышел в 2000 году².

¹ The US Two-Party System: Past and Present. Moscow, 1988.

² Soviet-American Dialogue on the New Deal. Ed. by *O. L. Graham, Jr.* Columbia, MO, 1989; Russian-American Dialogue on the American Revolution. Ed. by *G. S.*

Дисциплина изучения истории США на кафедре новой и новейшей истории, пережив подъем и добившись признания у себя в стране и за рубежом, в 90-е годы оказалась вновь в трудном положении. Конечно, будет правильным сказать, что эта ситуация касалась не только американистики, но и исторической науки и других отраслей гуманитарного знания, да и вся страна оказалась в кризисе после распада Советского союза. Резкое сокращение государственного финансирования до предела ограничило возможности научных публикаций. Силы многих, особенно молодых ученых стали тратиться на поиски дополнительных заработков, часто весьма далеких от их специальности. Многие научные и учебные учреждения встали перед реальной угрозой прекращения своего существования. Вместе с тем, тяжелое положение в американистике как научной дисциплине усугублялось и некоторыми дополнительными негативными факторами.

Программы по изучению США потеряли свой важный политический статус и стратегическое значение, которое они имели в советское время, и в результате политическая, административная и финансовая поддержка федерального правительства в этой области начала исчезать. По сравнению с 70–80-ми годами резко сократились масштабы публикаций научной литературы Издательством Московского университета, и почти полностью прекратило ее издание издательство Высшей школы.

Но отсутствие поддержки было не единственной проблемой. Общая экономическая ситуация в России ухудшилась, когда рыночная экономика изменила старую советскую экономическую систему. Интерес студентов к образованию стал более прагматичным, и историческим факультетам университетов пришлось бороться за выживание с юридическими, экономическими факультетами, институтами по образованию в области бизнеса и менеджмента, где студенты могли получить новые практические профессии, востребованные экономическим рынком.

В то же время студенческий и научный обмен между Россией и США практически прекратился по экономическим и организационным причинам. Пополнение российских библиотечных фондов мате-

Wood and L. G. Wood. Kansas City, 1995; Russian-American Dialogue on Cultural Relations, 1776–1914. Ed. by N. E. Saul and R. D. McKinzie. Kansas City, 1997; Russian-American Dialogue on the History of U.S. Political Parties. Ed. by J. H. Silbey. Kansas City, 2000.

риалами из США также ухудшились по той же причине. В 90-е годы в российско-американских отношениях было мало позитивного развития. Напротив, американская внешняя и экономическая политика по отношению к России и миру в 90-е годы сделала имидж США менее привлекательным для российских студентов.

В стране стало наблюдаться расширение антиамериканских настроений, что было новым явлением в России в эти годы и имело мало общего с официальной критикой американского империализма в советское время. Антиамериканизм начал расти в период, когда Россия потеряла статус сверхдержавы, оказалась в тяжелом политическом и экономическом кризисе и стала объектом давления со стороны США.

Трудности, которые переживала Россия, повлияли на молодежь и сделали выбор студентов изучать историю США более сложным. Число студентов и ученых в этой области сократилось. Следует также добавить, что американская государственная или частная поддержка американистики в России была весьма ограничена, как и бизнес-инвестиции из США, в отличие от быстро растущих экономических, культурных и образовательных связей России с такими европейскими странами, как Германия, Франция и ЕС в целом.

Все это весьма неблагоприятно отразилось на работе лаборатории по истории США в МГУ. Прежде всего, из ее состава по различным причинам выбыло несколько основных сотрудников. Среди них были В. А. Никонов, А. А. Поршакова, А. А. Кормилец, И. В. Галкин. В дополнение к кадровому кризису и под влиянием упомянутых выше негативных политических факторов заведующий кафедрой новой и новейшей истории профессор Е. Ф. Язьков принял решение отказаться от продолжения исследования проблемы политических партий в США и переориентировать группу сотрудников на изучение проблемы функционирования системы международных отношений. С формальной точки зрения лаборатория по изучению истории США сохранилась, но фактически она перестала выполнять те задачи, для которых была создана профессором Н. В. Сивачевым, а позднее и формально была переименована в лабораторию новой и новейшей истории стран Европы и Америки. Фактическое прекращение деятельности лаборатории по истории США обозначило завершение важного этапа в возникновении и становлении изучения истории США как научной дисциплины на кафедре новой и новейшей истории. Это, безусловно, был этап развития по восходящей линии и по содержанию и по масштабам деятельности,

характеризовавшийся большими достижениями как в подготовке кадров, так и в области научных исследований, да и в сфере международного сотрудничества.

Конечно, группа историков-американистов кафедры новой и новейшей истории продолжала свою работу. Она даже пополнила свой состав новыми выпускниками кафедры взамен выбывших коллег. Сотрудниками лаборатории в 90-е годы стали Р. А. Сетов, М. О. Трояновская, А. А. Сидоров, Е. Н. Глазунова, И. Ю. Хрулева. Все они защитили кандидатские диссертации по различным проблемам истории США. В 2001 г. в состав лаборатории вошел К. В. Миньяр-Белоручев, в 2003 г. также защитивший кандидатскую диссертацию¹.

Однако за исключением И. Ю. Хрулевой, все они были ориентированы на работу в группе по проблематике международных отношений и лишь частично занимались вопросами американской истории в контексте внешней политики США. М. О. Трояновская, И. Ю. Хрулева и К. В. Миньяр-Белоручев исследовали вопросы колониальной истории², американской экспансии и внешней политики США XIX века. Р. А. Сетов, Е. Н. Глазунова и А. А. Сидоров изучали широкий круг вопросов от роли политических партий во внешней политике до международной экономической и торговой политики США в XX веке³.

¹ *Миньяр-Белоручев К. В.* Общественно-политическая дискуссия по перспективам развития американского общества в 1840–1846 гг. Дис... канд. ист. наук. М., 2003.

² *Трояновская М. О.* О некоторых проблемах изучения внешней политики и дипломатии ранней американской республики // *Американский ежегодник.* 2008. М., 2008. С. 194–201; *Она же.* Дискуссии по вопросам внешней политики в США, 1775–1823. М., 2010; *Она же.* США и суверенные республики Нового Света // *Новая и новейшая история.* 2011. № 6; *Хрулева И. Ю.* У истоков американской демократии: политическая доктрина новоанглийского радикального пуританизма // *Памяти профессора Н. В. Сивачева. США: Эволюция основных идейно-политических концепций.* М., 2004. С. 141–162; *Она же.* Идеино-политический и духовный кризис пуританской Новой Англии в конце XVII века и сейлемская охота на ведьм // *Русское открытие Америки.* М., 2002. С. 109–118; *Миньяр-Белоручев К. В.* Реформы и экспансия в политике США (конец 1830-х – середина 1840-х годов). М., 2005; *Он же.* На пути к американской империи: США во второй половине 30–40-е годы XIX века. М., 2015.

³ *Сетов Р. А.* «Холодная война»: современные трактовки в теории международных отношений // *Вестник Московского университета. Серия 8: История.* 2008. № 2; *Глазунова Е. Н.* Либерально-консервативный консенсус в США по отношению к конфликтам на периферии «биполярного» мира (1945–1970-е гг.) // *США: Эволюция основных идейно-политических концепций.* М., 2004. С. 362–388;

В конце 2019 лаборатория пополнилась выпускницей кафедры А. Р. Фофановой, защитившей кандидатскую диссертацию на тему «Внешняя политика США в период действия Статей конфедерации, 1781–1787 гг.»¹, которая в настоящее время разрабатывает вопросы внешней политики США и партийного противостояния по этим вопросам в более широком плане, включая новейший период.

Хотя коллективные проекты исследований лаборатории остались в прошлом, группа историков-американистов старалась придерживаться определенных общих принципов в плане координации преподавания и исследовательской работы по истории США. Один из принципов заключался в соблюдении, по возможности, сбалансированного внимания к периодам новой (ранней) и новейшей истории. Другой принцип был связан с учетом важнейших проблем американской истории, которые должны присутствовать и в преподавании, и в научных исследованиях. И, наконец, третий принцип – сохранять и развивать активное сотрудничество с американскими коллегами. Вот как это выглядело на примере тем конкретных исследований и спецсеминаров, объявлявшихся американистами в конце 90-х-начале 2000-х годов: «Проблемы ранней истории общества и государства в США в колониальный период» (И. Ю. Хрулева), «Внешняя политика США в конце XVIII – начале XIX века» (М. О. Трояновская), «Массовые демократические движения в США в первой половине XIX в.» (В. И. Терехов). «Общественно-политическая борьба в США по проблеме экспансии» (К. В. Миньяр-Белоручев), «Политическая система США в период формирования индустриального общества» (Л. В. Байбакова), «Фермерское движение и социально-политическая борьба в США в период нового курса Ф. Рузвельта», «Внутренняя социально-экономическая политика и массовые движения в США после второй мировой войны» (Ю. Н. Роголев), «Политические партии и внешняя политика США в 1950–1960-е гг.» (Р. А. Сетов).

Продолжалась, хотя и с меньшей интенсивностью, публикация научных исследований. В 90-е годы вышли в свет два новых выпу-

Сидоров А. А. Экономические санкции в международных конфликтах: опыт США // Конфликты и кризисы в международных отношениях: проблемы теории и истории. М., 2001. С. 58–88; Он же. Аверелл Гарриман – предприниматель, политик, дипломат. Бизнес и политика. 1995. № 10. С. 53–58.

¹ Фофанова А. Р. Внешняя политика США в период действия Статей конфедерации, 1781–1787 гг. Дис... канд. ист. наук. М., 2018.

ска «Проблем американистики». В 1993 г. удалось опубликовать 9-й выпуск этого издания – «Концепция «американской исключительности»: идеология, политика, культура» под редакцией Ю. К. Мельвиля и Е. Ф. Язькова, а в 1997 г. – 10-й выпуск – «Либеральная традиция в США и ее творцы»¹, посвященный возникновению и эволюции либеральной идеологии на протяжении всей истории Соединенных Штатов. Эти издания формально продолжали серию «Проблем американистики» издательства МГУ, но фактически были изданы на средства, которые кафедра самостоятельно изыскала за пределами университета. Продолжалась и публикация индивидуальных монографических работ, хотя по сравнению с 70–80-ми годами она заметно сократилась. В 1996 г. была опубликована монография Л. В. Байбаковой «Двухпартийная система США в период «позолоченного века» (последняя четверть XIX в.)»². Дополненное, переработанное издание этой монографии было опубликовано в 2002 г. и защищено в том же году в качестве докторской диссертации. В том же году вышла в свет монография И. Ю. Хрулевой «Государство, церковь и общество в системе взглядов радикальных пуритан Новой Англии в XVII веке», подготовленная на основе защищенной в 1997 г. кандидатской диссертации)³. В 2004 г. был издан сборник «Памяти профессора Н. В. Сивачева. США: эволюция основных идейно-политических концепций»⁴.

В трудных условиях 90-х годов, при отсутствии государственной поддержки, стало необходимым добровольное профессиональное объединение усилий американистов различных специальностей в основных исследовательских центрах и учебных заведениях Российской федерации. По инициативе американистов Московского университета в феврале 1995 г. была проведена крупная научная конференция отечественных американистов, на которой было принято решение о создании профессиональной ассоциации изучения Соединенных Шта-

¹ Проблемы американистики. Вып. 9. Концепция «американской исключительности»: идеология, политика, культура. М., 1993; Проблемы американистики. Вып. 10: Либеральная традиция в США и ее творцы. М., 1997.

² Байбакова Л. В. Двухпартийная система США в период «позолоченного века» (последняя четверть XIX в.). М., 1996.

³ Хрулева И. Ю. Государство, церковь и общество в системе взглядов радикальных пуритан Новой Англии в XVII веке. М., 2002.

⁴ Памяти профессора Н. В. Сивачева. США: эволюция основных идейно-политических концепций. М., 2004.

тов Америки. Председателем правления ассоциации стал профессор Е. Ф. Язьков, а решение всех вопросов финансирования, поиска грантов и материального обеспечения публикаций было возложено на доцента Ю. Н. Роголева. В состав ассоциации вошли около 120 специалистов по различным аспектам жизни и деятельности американского общества в прошлом и настоящем. Очень важно, что уже в момент создания Ассоциации в ее ряды влилась не только большая группа ученых из научных и учебных учреждений Москвы, но и около 40 представителей различных регионов нашей страны. Среди них были ученые и работники высшей школы Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Томска, Самары, Саратова, Волгограда, Пензы и других городов Российской федерации. В работе Ассоциации приняли активное участие ученые Минска, Одессы, Симферополя и Тбилиси.

Основной формой работы Ассоциации стало регулярное проведение научных конференций по различным проблемам американистики с последующей публикацией всех наиболее интересных докладов и выступлений. С 1995 г. Ассоциация провела семь крупных научных конференций, результаты которых были опубликованы в сборниках по следующим научным проблемам: – «Американское общество на пороге XXI века» (1995 г.); «Новый курс Ф.Рузвельта: значение для США и России» (1995 г.); «США и внешний мир» (1996 г.); «Российская американистика в поисках новых подходов» (1997 г.); «США: становление и развитие национальной традиции и национального характера» (1999 г.); «Проблема *«Мы – Другие»* в контексте исторического и культурного опыта США» (2001 г.); «Конфликт и консенсус в американском обществе: теория и практика» (2003 г.). «Консервативная традиция в американском обществе: истоки, эволюция, современное состояние». (2006). В последующие годы инициатива по руководству ассоциацией и проведения научных конференций была поддержана сектором по истории США и Канады Института всеобщей истории РАН.

Как уже упоминалось выше, одним из важнейших направлений в деятельности группы американистов на кафедре новой и новейшей истории было сохранение научного сотрудничества с коллегами из США. В связи с тем, что на межгосударственном уровне академические обмены в 90-е годы практически прекратили свое существование и с обеих сторон даже обсуждались идеи «приватизации обменов», переход к частным инициативам в этом вопросе оказался в тот пери-

од вынужденной единственной возможностью. Поэтому когда на кафедру новой и новейшей истории обратился американский экономист профессор Дуглас Колтер с предложением рассмотреть инициативу по сотрудничеству со стороны своих американских коллег, этот шаг был встречен с одобрением. Здесь следует несколько слов сказать об этом человеке. Дуглас Колтер был необычной личностью. Он получил образование в Гарвардском университете США и Европейском институте бизнес администрирования в Фонтенбло Франция, работал политическим консультантом демократической партии на президентских выборах, был на государственной службе комиссаром в Трибунале по авторскому праву в Вашингтоне, преподавал в Гарвардском университете. Дуглас Колтер, будучи уже человеком с положением и обширными связями, тем не менее, по своей инициативе и за свой счет приехал в Россию в 90-е годы с миссионерской целью и предложил свои услуги преподавателя экономического факультету и Высшей школе бизнеса МГУ, открывавшим новые направления специализации в сфере рыночной экономики. Так он стал приглашенным профессором МГУ и несколько лет бесплатно преподавал экономику и бизнес менеджмент. В 2000-х годах он поехал с аналогичной целью в Китай, где преподавал в Школе менеджмента Гуанхуа Пекинского университета и на факультете международного бизнеса Пекинского университета по изучению зарубежных стран.

Профессор Колтер принес предложение от Уильяма Ванден Хувела председателя негосударственного, некоммерческого Института Франклина и Элеоноры Рузвельт – открыть в МГУ совместный центр по изучению истории США с акцентом на эпоху и политику президента Ф. Рузвельта. Институт располагался в Гайд Парке (штат Нью-Йорк), где находится президентская библиотека Франклина Рузвельта, архив и мемориальный комплекс с музеем. Институт Рузвельта видел свою миссию в том, как говорилось в документах организации, чтобы «передать новым поколениям идеалы и достижения Франклина и Элеоноры Рузвельт, способствовать тому, чтобы проявленный ими дух оптимизма и инноваций мог быть использован и для решения современных проблем. Франклин и Элеонора Рузвельт словом и делом утверждали идеалы справедливого и сострадательного общества. В наши дни, в большей мере, чем когда-либо ранее, многие нации в разных частях света находятся в поиске моделей демократического государства. Институт Рузвельта верит в то, что дух прагматического идеализма этих

двух великих лидеров, способствовавший решению проблем в их время, может продолжать служить источником вдохновения борьбы за мир и справедливость во всем мире».

Поэтому понятно, что Россия, находившаяся в поиске своей модели демократического развития, привлекла к себе внимание представителей Института Рузвельта. Председателем совета попечителей Института Рузвельта была и остается Анна Элеонора Рузвельт – дочь покойного Джеймса Рузвельта, старшего сына Франклина и Элеоноры Рузвельт. Госпожа Рузвельт занимала пост сопредседателя института Франклина и Элеоноры Рузвельт. В совет попечителей входили и некоторые другие члены семьи Рузвельтов, а также видные сторонники и члены демократической партии.

Председателем института Рузвельта в те годы был Уильям Ванден Хувел – специалист по международному праву и банкир, занимавшийся инвестиционной деятельностью. Уильям Ванден Хувел – также известный дипломат, имеет ранг посла, в свое время замещал пост постоянного представителя Соединенных Штатов Америки в Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке и полномочного представителя США в европейском отделении ООН в Женеве.

Посол Ванден Хувел возглавлял институт Франклина и Элеоноры Рузвельт на протяжении 15 лет и сейчас продолжает оставаться его сопредседателем. Он является членом Правления и бывшим председателем американской Ассоциации Объединенных Наций, а также заместителем председателя Всемирной федерации Ассоциаций Объединенных Наций и руководил Институтом изучения демократии. Общественная карьера посла Ванден Хувела началась с должности помощника посла США в Таиланде Уильяма Донована. Он исполнял обязанности специального советника Аверелла Гарримана, впоследствии губернатора штата Нью-Йорк, и специального помощника министра юстиции Роберта Кеннеди. Посол Ванден Хувел является соавтором книги «Под личную ответственность: Роберт Ф. Кеннеди, 1964–1968»¹. Под его редакцией вышла книга «Будущее свободы в России»².

Факты биографии руководителей института Рузвельта говорят о том, насколько почетной и влиятельной была негосударственная организация, предложившая сотрудничество Московскому университету.

¹ *Gwirtzman M., Vanden Heuvel W. J. On his own: Robert F. Kennedy, 1964–1968. N. Y., 1970.*

² *The Future of Freedom in Russia. Ed. by W. J. Vanden Heuvel. Philadelphia, 2000.*

ту, не говоря уже об уважении, которым пользовался сам президент Ф. Рузвельт в нашей стране. Не удивительно, что это предложение было принято и одобрено руководством университета. Фонд изучения США имени Франклина Д. Рузвельта был создан на основании приказа ректора Московского университета В. А. Садовниченко от 23 января 1998 г. в соответствии с договором о сотрудничестве между МГУ и Институтом Франклина и Элеоноры Рузвельт (Гайд Парк, Нью-Йорк, США) в целях углубления изучения и совершенствования преподавания истории США и эпохи Ф. Рузвельта, а также культуры, экономики и других сторон жизни американского общества в Московском университете. В соответствии с приказом, фонду выделялось помещение на базе кафедры новой и новейшей истории исторического факультета, а также соответствующее помещение в научной библиотеке МГУ для размещения коллекции книг и документов направленных президентской библиотекой Ф. Рузвельта в Гайд Парке. Руководителем фонда был назначен доцент кафедры новой и новейшей истории Ю. Н. Роголев.

Фонд начал осуществлять программу поддержки российско-американских научных обменов с 2000 года, выделяя стипендии для российских студентов, аспирантов и молодых исследователей для поездки США и работы в библиотеке Рузвельта а также в библиотеке и архиве Института Рузвельта в Мидделбурге (Нидерланды) что значительно расширило возможности научной работы и международного сотрудничества американистов кафедры. Возможностями этой программы для работы в библиотеках США и Нидерландов воспользовались более 20 студентов и аспирантов.

Кроме того, фонд оказывал поддержку лекционной программе по истории США на кафедре новой и новейшей истории. В Московском университете в разные годы выступали с лекциями, участвовали во встречах с представителями научной общественности такие ведущие американские историки, как профессор Университета Северной Каролины (Чейпел Хилл) Уильям Лахтенберг, профессор Колумбийского университета Алан Бринкли, профессор Нью-Йоркского университета Стивен Шлезингер, профессор Бостонского и Колумбийского университетов Роберт Даллек, профессор Марист-колледжа Дэвид Вулнер а также упомянутые выше Анна Рузвельт и Уильям Ванден Хувел.

Помимо программы обменов фонд Рузвельта инициировал в 2001 году реализацию совместного исследовательского проекта «Со-

временная Россия и реформы Нового курса Рузвельта в США». Цель этого совместного проекта состояла в попытке изучить возможности, с помощью которых органы федеральной или местной, исполнительной власти России могли бы воспользоваться некоторыми идеями и подходами программы социально-экономических реформ Нового курса Ф. Рузвельта для улучшения ситуации в обществе, ликвидации худших последствий стихийного, нерегулируемого капитализма. Организаторы проекта создали две российско-американские рабочие группы, состоящие из политиков, бизнесменов, ученых, которые на протяжении восемнадцати месяцев изучали возможности использования в российских условиях опыта реформ финансовой сферы и программ общественных работ периода Нового курса в США. В состав группы по реформе банковской и финансовой системы с российской стороны входили, например, такие известные экономисты и политики, как Сергей Глазьев и Александр Шохин. С американской стороны участвовали Александр Бойл, президент и исполнительный директор Чеве Чейз Банка и Грег Виержинский, помощник конгрессмена Лича, автора известного закона по регулированию банковской деятельности в США, и одновременно руководитель группы помощников комитета по банкам и финансам палаты представителей конгресса США. В группе по социальным вопросам и общественным работам участвовал заместитель министра труда Владимир Варов и бывший конгрессмен и ректор Нью-Йоркского университета Джон Брадемас. Вся координация деятельности рабочих групп, обеспечение их работы и подготовка итоговых документов осуществлялась исполнительным директором Института Рузвельта Дэвидом Вулнером и директором фонда изучения США имени Ф. Рузвельта в МГУ Ю. Н. Роголевым.

Началу деятельности рабочих групп предшествовала российско-американская конференция, состоявшаяся в декабре 2001 года в Москве. В ней приняли участие не только члены рабочих групп, но и другие историки, экономисты, журналисты. С докладом о советско-американских отношениях во второй половине 80-х годов и завершении холодной войны выступил известный политик А. Н. Яковлев, который был непосредственным участником этих событий. Конференция в целом была посвящена обсуждению тех факторов и того исторического опыта двух стран, которые сближали наши народы и могли бы помочь в решении наиболее острых и насущных задач современности. Ведь Россия на рубеже XX–XXI веков столкнулась с необходимостью реше-

ния многочисленных социально-экономических проблем, связанных с формированием демократической политической системы и современной экономики, построенной на демократических методах управления и рыночных принципах функционирования. Совмещение этих двух основ представляло собой исключительно сложную и противоречивую задачу для любого общества. США, например, в полной мере столкнулись с похожей проблемой в годы мирового экономического кризиса и великой депрессии 30-х годов XX века, в период президентства Франклина Д. Рузвельта. Конференция позволила более четко определить задачи рабочих групп, которые начинали свою деятельность. Завершилась эта большая совместная работа весной 2003 года. Итоговые материалы и документы насчитывали сотни страниц. Специальные доклады и конкретные рекомендации, переданные правительственным и законодательным органам России, содержали предложения по регулированию банковской и финансовой деятельности, развитию ипотечного кредитования и микрофинансирования, мерам по борьбе с безработицей, развитию программ общественных работ и других видов социальной поддержки населения, находившегося в трудном положении. Не вызывает сомнения, что эта совместная работа большого коллектива людей из разных ведомств и учреждений, в том числе американистов исторического и других факультетов, по своему значению выходила далеко за пределы кафедры новой и новейшей истории, да и Московского университета в целом, и оказала позитивное воздействие на развитие российско-американских отношений в этот период.

Большое внимание в деятельности фонда Рузвельта было уделено организации и проведению конференций. Одну из них в ноябре 2003 года было решено провести в Москве в связи с 70-летним юбилеем установления дипломатических отношений между Советским союзом и США. Это важное событие привлекло внимание дипломатических ведомств США и России. В результате два члена американской делегации, Анна Рузвельт и дипломат Уильям Ванден Хувел, прибыли в Москву как гости госдепартамента и посла США, а МИД России направил своего представителя для участия в конференции. Само событие под названием «Франклин Рузвельт и будущее российско-американских экономических отношений» проходило в форме дискуссии – круглого стола в зале заседаний приемной ректора МГУ В. А. Садовниченко с его непосредственным участием. Кроме того, в конференции приняли участие директор Фонда Карнеги в Москве

Э. Кучинс, президент Американской торговой палаты в Москве Э. Сомерс и представитель департамента Северной Америки МИД России В. Истратов, журналисты различных средств массовой информации. К этому круглому столу было приурочено еще одно событие. По инициативе фонда Ф. Рузвельта в МГУ была переведена и опубликована книга выступлений президента Ф. Рузвельта «Беседы у камина». В связи с этим событием Анна Рузвельт провела публичную встречу с читателями в книжном магазине «Библио-Глобус», где подписывала экземпляры книги всем желающим. Кроме того, она написала письмо президенту В. Путину, и вместе с письмом через помощников несколько экземпляров книги были переданы для президента и членов его администрации. Письмо короткое, но стоит того, чтобы его процитировать:

«Уважаемый господин Президент! Я провела замечательную и насыщенную неделю в Москве, представляя перевод книги моего деда «Беседы у камина» и участвуя в событиях, посвященных 70-летию юбилею договора, подписанного Рузвельтом и Литвиновым (о восстановлении дипломатических отношений между СССР и США). Особенно впечатляющим было мое пребывание в Москве в период выборов.

Мы очень много можем почерпнуть из истории! Я думаю о тех возможностях, которые имел Франклин Делано Рузвельт, по преобразованию страны, находившейся на пороге разрушения. В течение своего президентства ФДР никогда не позволял своим многочисленным ожесточенным критикам обескуражить себя, напротив, он обращался напрямую к народу, используя радио, чтобы «побеседовать» с людьми у них дома. Это был блестящий прием, и он позволил президенту сделать так много хорошего для страны и всего мира, опираясь на доверие людей.

Его лидерство было также отмечено необычными решениями включать в состав его кабинета тех людей, которые прежде не имели такой возможности: евреев, католиков, женщин и представителей оппозиционной партии. ФДР сформировал основы, на которых строится наша жизнь в настоящее время.

Вы, господин Президент, имеете возможность заложить основы жизни в России на весь нынешний век. Пожалуйста, примите самые наилучшие пожелания от меня и всего нашего семейства.

*Искренне Ваша,
Анна Элеонора Рузвельт».*

Деятельность Фонда Ф. Рузвельта в этот период была связана не только с самостоятельным проведением конференций в России, но и с участием в организации аналогичных мероприятий в США по линии Института Рузвельта. Примером может служить участие в конференции «ООН в 60 лет» в США в 2005 году. Еще одним важным событием в деятельности рузвельтовского фонда стало участие совместно с Фондом М. С. Горбачева в 2009 году в проведении конференции, посвященной первым 100 дням президента Обамы, подготовив материалы и доклад по теме «Первые 100 дней президента Ф. Рузвельта и президента Б. Обамы». Как известно, президент Обама вступил в должность в период финансового кризиса, разразившегося в США в 2008 и затронувшего и другие страны, включая Россию. В этом плане сравнение первых 100 дней президента Ф. Рузвельта по преодолению кризиса и начала деятельности президента Обамы, выглядело вполне уместно, поскольку оба представляли Демократическую партию в схожих условиях.

Фонд Ф. Рузвельта вновь организовал российско-американскую научную конференцию в 2013 году, посвященную на сей раз 80-летию юбилею восстановления дипломатических отношений. Кроме этого, фонд оказывал содействие Историческому факультету в организации и проведении международных конференций, в частности, форума, посвященного 70-летию окончания Второй мировой войны.

Фонд имени Ф. Рузвельта продолжал свое участие в международных совместных научных программах. Так, в 2004–2005 годах проводились исследования совместно с центром Рузвельта в Мидделбурге (Нидерланды) в области изучения и преподавания истории США в странах Европы. Рузвельтовский фонд собирал и анализировал материалы, связанные с тем, как преподается и изучается история США в различных российских университетах. Упор делался на историю дисциплины, периодизацию и особенности современного этапа, роль помощи США, взаимодействие с коллегами из смежных областей, организационные формы. Было выявлено условно три модели: классическая (только история США), регионоведческая, включая Латинскую Америку и Канаду, и междисциплинарная американистика. В апреле 2005 года состоялась конференция европейских американистов «Изучение и преподавание истории США в Европе. Прошлое, настоящее и будущее». Материалы конференции и доклады по странам были впоследствии опубликованы на английском языке¹.

¹ Teaching and studying U.S. History in Europe: Past, Present and Future. Amsterdam, 2007.

Интересным и несколько необычным направлением в деятельности Фонда Ф. Рузвельта было содействие и информационная помощь в создании документальных фильмов, связанных с деятельностью Ф. Рузвельта. В качестве примера можно привести многосерийный проект ВГТРК «Рузвельт», вышедший на экраны в 2014 году, документальный фильм телеканала «Хабар» из Казахстана, программу «Власть факта» на телеканале Культура.

Фонд принимал участие и в организации программы летних практик студентов кафедры и факультета в США в тот период, когда они проводились, например, в 2013 году.

Подводя итог, можно сказать, что создание Фонда Ф. Рузвельта оправдало себя. В непростых внутренних и внешних обстоятельствах, в которых оказалась история США как дисциплина, появление фонда способствовало сохранению и продолжению традиций в научной работе, преподавании истории США и международном сотрудничестве, заложенных ранее в период становления американистики. Деятельность этой небольшой, частной, по сути благотворительной организации, при добровольном и бескорыстном участии членов группы историков-американистов кафедры позволила сохранить интерес студентов к истории США и обеспечить аспирантам и молодым ученым полноценные возможности для научных исследований. В непростых условиях, когда прекратила свою деятельность лаборатория по истории США, исчезли межгосударственные программы академических обменов, перестала функционировать фулбрайтовская лекционная программа, Фонд имени Ф. Рузвельта продолжает играть роль базы и связующего звена в обеспечении специализации по истории США на кафедре новой и новейшей истории и международного научного сотрудничества историков-американистов не только с коллегами из США, но и Западной Европы.

ИСТОРИЯ ГЕРМАНИИ

Традиции изучения истории германских государств были заложены в Московском университете на кафедре всеобщей истории историко-филологического факультета еще в дореволюционное время. Многие университетские профессора неоднократно бывали в университетах Берлина, Тюбингена, Марбурга, что сказывалось в их дальнейшем преподавании и выборе сюжетов исследований. Несмотря на то, что собственно немецкой историей ученые занимались довольно редко, они обращались к ней в контексте курса всеобщей истории.

Одним из первых в 30–40-е гг. XIX в. в своих сочинениях и лекционных курсах к Германии средних веков и нового времени обратился Т. Н. Грановский (1813–1855), известный представитель идеологии западников. Готовясь принять место профессора Московского университета, Грановский был отправлен попечителем Московского учебного округа графом С. Г. Строгановым в Берлинский университет. Там он слушал лекции крупнейших представителей немецкой науки того времени, в том числе посещал занятия знаменитого историка Леопольда фон Ранке¹.

Идеалом профессора для Грановского стал немецкий историк античности Бартольд Георг Нибур, о котором он писал в 1850 г.: «При чтении своих лекций Нибур не довольствовался передачей одних результатов. Он вводил своих слушателей во все подробности трудного, глубокомысленного исследования. Каждая лекция входила новым и важным фактом в историю науки»². Знакомство с наследием немецких ученых сильно повлияло на концепцию всеобщей истории, которую

¹ *Ретина Л. П.* Т. Н. Грановский и идея всеобщей истории в России // Историческая культура императорской России. Формирование представлений о прошлом. Отв. ред. А. Н. Дмитриев. М., 2012. С. 52–73, 54.

² *Грановский Т. Н.* Сочинения: в 2-х т. 3-е изд. М., 1892. Т. II. С. 36–37.

Грановский в дальнейшем последовательно отстаивал в своих работах. Он неоднократно обращался к истории немецкого Просвещения, увлеченно читал лекции об Иммануиле Канте, высоко ценил историко-философские идеи Иоганна Гердера¹.

К истории Германии раннего нового времени в своих сочинениях обращался ученик и коллега Грановского П. Н. Кудрявцев (1816–1858). В 1856 г. в журнале «Русский вестник» вышел его очерк об императоре Карле V². Историк не только создал историческую биографию одного из самых ярких императоров Священной Римской империи, но показал и эпоху Реформации – «одну из замечательнейших эпох в истории»³.

После провозглашения в 1871 г. Германской империи интерес к ее истории в Московском университете заметно возрос. Именно с этим периодом связана преподавательская и научная деятельность выдающегося русского историка В. И. Герье (1837–1919). После окончания университета, в 1862 г. Герье был отправлен в Германию, Францию и Италию для знакомства с опытом зарубежных историков. Сам Герье вспоминал, что особое впечатление на него произвел семинар по работе с источниками немецкого преподавателя Р. А. Кепке, который он успешно реализовал в Московском университете. В своих работах он обратился к истории Германии в эпоху просвещенного абсолютизма.

Докторская диссертация Герье легла в основу первой русской монографии по зарубежной новой истории «Лейбниц и его век» (1868 год, вторая часть «Отношение Лейбница к России и Петру Великому» опубликована в 1871 году), написанной на основе изучения документов зарубежных архивов⁴. В ней он относил раннюю границу политики просвещенного абсолютизма в зарубежных европейских странах и России к концу XVII – началу XVIII века. Кроме изучения XVIII в., Герье, вслед за своим учителем П. Н. Кудрявцевым, занимался более ранними страницами немецкой истории, читал специальный курс по Реформации в Германии⁵.

Изучение и преподавание германской истории нового и новейшего времени в советский период началось на кафедре сразу же после

¹ Репина Л. П. Указ. соч. С. 61.

² Кудрявцев П. Н. Карл V // Русский вестник. 1856. С. 120–154.

³ Там же. С. 121.

⁴ Герье В. И. Лейбниц и его век. Т. I–II. СПб., 1868–1871.

⁵ Подробнее см.: Цыганков Д. А. В. И. Герье и Московский университет его эпохи. М., 2008. С. 123–124.

воссоздания исторического факультета МГУ в 1934 г. За это время сменилось как минимум четыре поколения германистов, каждое из которых внесло (а нынешнее и ныне вносит) свой вклад как в научные исследования, так и в тематику преподаваемых дисциплин, связанных с германской историей. Неизменным для всех поколений остается академический стиль и качество научных трудов, выходящих под маркой Московского университета, индивидуальный подход к работе со студентами и аспирантами, открытость исследовательского и педагогического процесса.

Важной отличительной чертой процесса обучения и научной работы германистов является преемственность, позволившая сохранить в годы перестройки и последующего транзита накопленные традиции, избежав в то же время косности и застоя. Нынешнее поколение, пришедшие на кафедру как раз в эти годы, старалось сохранить лучшее из наследия своих учителей, не отказываясь при этом от переосмысления догм и истин, по историческим меркам еще недавно казавшихся незыблемыми.

Уникальные возможности междисциплинарного диалога, непредвзятых дискуссий с зарубежными учеными, доступ в ранее недоступные архивы, стажировки и международные конференции – все это стало характерными признаками современного этапа в развитии как российской исторической науки в целом, так и в деятельности историков-германистов МГУ. Сегодня они активно взаимодействуют с коллегами из Института всеобщей истории РАН, Германского исторического института в Москве, ведущих университетов ФРГ. Основные направления и содержательные акценты их педагогической и исследовательской работы представлены в настоящем очерке наряду с научными биографиями их учителей и предшественников.

Отечественная германистика переживала такой же сложный и драматичный этап становления на рубеже 30-х гг., как и вся советская историческая наука. В довоенные и первые послевоенные годы имелись явные пробелы в том, что касалось хронологического, географического и тематического охвата исследований германской истории (первоначально в советской историографии речь шла только об «истории Запада нового времени»). Во-первых, вне поля зрения оставался период раннего нового времени, за исключением sporadического соприкосновения с ним в рамках более общей проблематики (как, например, в работах Б. Ф. Поршнева о Тридцатилетней войне). Во-вторых,

продолжилась еще дореволюционная тенденция, суть которой кратко и емко сформулировал известный русский историк П. П. Митрофанов: «Австрия – Золушка исторической науки». История монархии Габсбургов, на протяжении веков являвшейся ведущим государством германского мира, практически не вызывала специального научного интереса.

Наконец, в-третьих, сама тематика исследований в значительной степени определялась идеологическими установками и текущими политическими реалиями – так, вне конкуренции оставались сюжеты, связанные с изучением народных и революционных выступлений, а также поиски исторических корней германского милитаризма, что было вполне объяснимо на фоне опыта двух мировых войн. Ко всему прочему, нельзя не отметить и тот объективный факт, что кафедра новой истории располагала весьма небольшим кадровым составом, что предопределило как невозможность узкой специализации студентов исключительно по истории Германии, так и ограниченный набор изучавшихся тем.

В самый первый состав сотрудников кафедры, набранный после восстановления исторического факультета в 1934 г., вошел С. Б. Кан (1896–1960), сфера научных интересов которого вполне отвечала отмеченным выше тенденциям – особому вниманию к классовой и революционной борьбе, с одной стороны, и широкой специализации – с другой. Защитив докторскую диссертацию на тему «Два восстания силезских ткачей – 1793 и 1844 гг.» (1940 г.) и являясь автором ряда работ по германской революции 1848 г., он вместе с тем активно разрабатывал тематику иных революционных традиций, в частности, французских, готовил историографические очерки.

Подобной же широтой интересов отличалась Р. А. Авербух (1896–1978), бывшая профессором кафедры с 1944 по 1958 г. Как отмечал академик В. М. Хвостов, «одним из достоинств тов. Авербух является то обстоятельство, что круг ее интересов не ограничивается объектом ее специальных исследований, т.е. историей революции 1848 г.»¹. Однако свое главное внимание Р. А. Авербух уделяла все же истории революционных движений в Австрии и Венгрии, став одним из первых советских специалистов по изучению этих стран. Именно ее перу

¹ Цит. по: *Котова Е. В.* Ревекка Абрамовна Авербух (1891–1978 гг.) // История и историки. Историографический ежегодник. 1978. М., 1981. С. 341.

принадлежали главы по истории Австрии и Венгрии в подготовленном кафедрой учебнике «Новая история, 1870–1917» (1973 г.). В 1970 г. Р. А. Авербух подвела итог своим многолетним трудам в этой области, выпустив в свет фундаментальную монографию¹.

С момента создания кафедры одним из ее ведущих сотрудников являлся известный советский ученый, специалист по истории международных отношений В. М. Хвостов (1905–1972). Защитив в 1938 г. диссертацию на тему «Внешняя политика Германской империи в последние годы канцлерства Бисмарка», с 1939 г. и до конца жизни В. М. Хвостов оставался профессором кафедры, хотя наряду с этим занимал целый ряд постов и должностей вне университета. При всем подчеркивании «классового», «юнкерского» характера внешней политики Бисмарка и критике ее «двуличных» методов в своей оценке «железного канцлера» ученый дал целый ряд трактовок, сохранивших значение до сего дня. Это касается, например оценки политики Бисмарка в отношении России. Ученый, в частности, показал как несостоятельность мифа о мнимых симпатиях Бисмарка к России, так и глубокий реализм его политики, заставлявший канцлера искать с ней согласия и сотрудничества.

Традиции изучения внешней политики Германской империи продолжил А. С. Ерусалимский (1901–1965), сотрудничавший с кафедрой с 1944 по 1956 гг., и в 1948–1950 гг. ее возглавлявший. Именно на этот период пришлась работа над главным трудом жизни историка – фундаментальной монографией «Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в» (1948 г.), принесшая ее создателю Государственную премию СССР, а также высшее университетское отличие – Ломоносовскую премию. Написанная сразу после войны и опиравшаяся в качестве методологической основы на «ленинскую теорию империализма», эта работа местами излишне подчеркивала агрессивность Германии описываемого времени, однако отличалась привлечением большого количества и тщательной обработкой материала, в том числе и архивных документов. Особое внимание автор уделил становлению англо-германских противоречий, в том числе и таким ранее мало исследованным вопросам, как, например, планам Вильгельма II «взбунтовать» мусульманский мир против англичан².

¹ Авербух Р. А. Революция в Австрии (1848–1849 гг.). М., 1970.

² Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М., 1951. С. 116.

В 70-е и 80-е гг. в изучении истории Германии явно возобладал интерес к ее новейшему периоду. Германская история раннего нового времени по-прежнему находилась вне поля зрения историков кафедры, XIX же век освещался лишь спорадически и применительно к очень ограниченному кругу проблем, одной из которых являлось создание в 1871 г. Германской империи. Так, доцент кафедры новой и новейшей истории Л. В. Овчинникова посвятила одну из статей анализу изучения этой проблемы в историографии ФРГ¹. В 1986 г. вышла книга многолетнего заведующего кафедрой новой и новейшей истории, выдающегося организатора науки И. С. Галкина «Создание Германской империи, 1815–1871 гг.». Защитив еще в 1936 г. под руководством Н. М. Лукина кандидатскую диссертацию «Германская социал-демократия против демократизации избирательного права в Пруссии», И. С. Галкин в своем последнем большом труде также уделил значительное внимание позиции социал-демократов по отношению к созданию Германской империи. Главными же для него представлялись международные последствия этого события: «О. Бисмарк из раздробленной Германии «железом и кровью» создал в центре Европы милитаристское государство»².

Лишь с рубежа XX–XXI вв. давние пробелы в изучении истории германских стран начали постепенно устраняться, что было в значительной степени связано с произошедшей в это время сменой поколений историков-германистов. В частности, благодаря научным трудам доцента А. С. Медякова впервые после долгого перерыва предметом специального исследовательского интереса стала история монархии Габсбургов. В его научных трудах на базе архивных материалов Австрии, Венгрии, Германии и России раскрываются механизмы выработки внешнеполитического курса Австро-Венгрии в эпоху дуалистического переустройства страны и в условиях обострения германского и восточного вопросов³. А. С. Медяков является автором глав об Австро-Венгрии и Германии во всех постсоветских учебниках по истории нового времени, подготовленных кафедрой.

¹ Овчинникова Л. В. Германская империя 1871 г. в буржуазной историографии ФРГ 60–70-х годов // Ежегодник германской истории. М., 1975.

² Галкин И. С. Создание Германской империи 1815–1871 гг. М., 1986. С. 173–174.

³ Медяков А. С. Между Востоком и Западом. Внешняя политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма 1866–1871 гг. М., 2010.

Еще одной сферой научных интересов А. С. Медякова является изучение немецкой национальной идеи. Он стал инициатором создания и одним из авторов коллективной монографии, созданной на базе кафедры и посвященной данной проблеме¹. Заложенную им научную традицию продолжили его ученики А. В. Лазарева, М. В. Гусева, Д. В. Стерхов и С. И. Голубев, защитившие кандидатские диссертации о различных аспектах немецкой общественной мысли с широким хронологическим охватом от XVII до XX веков.

А. С. Медяков первым применил комплексный подход к анализу такого массового источника по истории повседневности Первой мировой войны, как немецкие открытки этого периода². Опора на уникальный материал позволила поставить многие вопросы в духе культурной истории и исторической антропологии, в частности, о сочетании бытовавших в обществе социокультурных и идеологических установок с индивидуальным опытом германских солдат военной эпохи. Итогом многолетних исследований стала представленная к защите докторская диссертация³, в которой впервые в историографии был предложен анализ не только изображений, но и текстов личных посланий, вопросов производства, распространения и рецепции открыток, а также их места в возникшей в Германии 1914–1918 гг. «культуре войны».

В начале 2000-х годов специалисты по новой истории Германии расширили привычные хронологические границы своих исследований и обратились к изучению сюжетов раннего нового времени. Прежде всего это было связано с начавшимся пересмотром периодизации и хронологии всеобщей истории – проблеме, в основном касавшейся определения границ между средними веками и новым временем⁴. Кафедра новой и новейшей истории не осталась в стороне от этой дискуссии, поставив вопрос о включении в свою сферу научных интере-

¹ См.: Национальная идея в Западной Европе в новое время. М., 2005.

² Медяков А. С. Первая мировая война на почтовых открытках. Киров, 2014. Т. I–IV.

³ Медяков А. С. Немецкая открытка Первой мировой войны как исторический источник. Дис... докт. ист. наук. М., 2020.

⁴ Основной тон этим размышлениям задавал Институт Всеобщей истории РАН, который в 2010 г. провел большую конференцию «Раннее Новое время в контексте всемирной истории» (8–10 сентября 2010 г., Москва). На этой конференции выступали и представители кафедры новой и новейшей истории д.и.н., доцент Д. Ю. Бовыкин и к.и.н., доцент Л. А. Пименова, обосновавшие невозможность преподавания курса по истории нового времени в отрыве от сюжетов раннего нового времени.

сов изучение раннего нового времени, периода с конца XV до конца XVIII вв., часть которого была отнесена марксистской историографией к «позднему средневековью» и традиционно считалась вотчиной историков-медиевистов. Периодизация, принятая в советскую эпоху, отрезала у нового времени полностью не только весь XVI, но и половину XVII столетия, что особенно негативно сказалось на развитии изучения на кафедре германистики. Если «новисты», занимавшиеся Англией, Францией или Италией, еще сохранили право на изучение хотя бы XVII в., уделяя внимание революционным движениям этого периода, то историкам-германистам из всего многообразия сюжетов раннего нового времени досталось лишь XVIII столетие с тематикой немецкого Просвещения и возвышения Пруссии¹. В итоге из-за существующего хронологического деления германисты-новисты были вынуждены сконцентрировать свое внимание на процессах преимущественно XIX в., фундаментом для которых стал предшествующий период.

Первым германистом кафедры, обратившимся на рубеже 1990-х – 2000-х гг. к раннему новому времени, был профессор А. И. Патрушев. Свои лекции по истории Германии, которые он читал для специализировавшихся по кафедре студентов 3 курса, он всегда начинал с XVI в. и тех фундаментальных изменений, которые произошли в немецких княжествах этого времени во всех сферах жизни общества. Большое внимание Патрушев уделял Реформации и ее влиянию на немецкие реалии всей дальнейшей истории. Его подход к новой истории Германии нашел свое отражение в труде «Германская история. Через тернии двух тысячелетий»². Вторая часть книги повествует о событиях 1500–1815 гг. Патрушев разделил немецкое раннее новое время на несколько этапов, выделив периоды с 1500–1648 гг., 1648–1789 гг. и 1789–1815 гг. Не будучи узким специалистом по этой эпохе, но прекрасно разбираясь как в отечественной, так и в зарубежной историографии, А. И. Патрушев точно расставил акценты, отметив, что «ни в один из периодов своей истории Германия не изменялась столь кардинально»³, как на рубеже нового времени. Он подразумевал смещение приоритетов от Священной Римской империи германской нации к

¹ Патрушев А. И. Социально-политические идеи Немецкого Просвещения // Общественно-политическая мысль европейского Просвещения. Под ред. Н. М. Мещеряковой. М., 2002. С. 291–324.

² Патрушев А. И. Германская история. Через тернии двух тысячелетий. М., 2007.

³ Там же. С. 79.

отдельным абсолютным государствам, среди которых на первый план все больше выходила Пруссия.

Традицию начинать лекционный курс по истории Германии с обращения к раннему новому времени продолжил А. С. Медяков, а его ученица, доцент А. В. Лазарева, выбрала этот период магистральной темой своих научных исследований. Ее кандидатская диссертация¹, с одной стороны, обращалась к проблеме становления национальной идеи в Европе, разрабатываемой в тот период на кафедре, а с другой, впервые поставила вопрос о необходимости включить XVII в. в орбиту интересов специалистов по истории Германии нового времени. Тридцатилетняя война, которая стала важной вехой истории германских государств, традиционно изучалась медиевистами и на протяжении многих десятилетий завершала курс средневековой истории, что нашло отражение во многих поколениях отечественных учебников для студентов-историков. Однако уже Б. Ф. Поршнев в своей известной монографии «Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства», подчеркивал, что Тридцатилетняя война была «детисцем новой эпохи»².

А. В. Лазарева рассмотрела это событие с точки зрения появления одного из ключевых феноменов для немецкой истории нового времени – национализма. В своей работе она доказала, что немецкая национальная идея имеет глубокие корни в эпохе гуманизма, а под влиянием катастрофы Тридцатилетней войны сложился базовый комплекс национальных ценностей, таких как мифы о немецких героях, позитивный образ немца, негативное восприятие окружающего мира и образ «врага», которые стали фундаментом немецкого национализма XIX и даже XX вв. В год 400-летнего юбилея начала Тридцатилетней войны в Германии вышла коллективная монография «Динамика через насилие. Тридцатилетняя война как фактор изменений в XVII в.», одним из авторов которой, наряду с ведущими зарубежными специалистами по Тридцатилетней войне, стала А. В. Лазарева³.

¹ *Лазарева А. В.* Немская национальная мысль в эпоху Тридцатилетней войны. Дис... канд. ист. наук. М., 2008.

² *Поршнев Б. Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 10.

³ *Lasarewa A.* “O Teutschland, wach doch auff“: der Dreißigjährige Krieg und die deutsche Nationsbildung // Dynamik durch Gewalt? Der Dreißigjährige Krieg (1618–1648) als Faktor der Wandlungsprozesses 17. Jahrhunderts. Hg. von *A. Tischer, M. Rohrschneider*. Münster, 2018. S. 291–314.

Расширяя тематику своих исследований, А. В. Лазарева обратилась к сюжетам международных отношений, в первую очередь российско-немецким контактам раннего нового времени¹. Она многие годы поддерживает тесные контакты с кафедрами по истории нового времени университетов Марбурга и Вюрцбурга, в которых она неоднократно выступала с различными докладами. Благодаря появлению на кафедре новой и новейшей истории специалиста по истории раннего нового времени в Германии, стала возможной реализация компаративных исследований по целому ряду актуальных проблем этого периода. Совместно с коллегами по кафедре Л. А. Пименовой (история Франции) и Е. Э. Юрчик (история Испании), А. В. Лазарева читает годовой специальный курс, посвященный компаративному анализу феномена власти в монархиях Габсбургов и Бурбонов в XVII–XVIII вв.

Изучение новейшей истории Германии на кафедре разворачивалось практически параллельно с самой этой историей в XX веке, исключительно многообразной и противоречивой. Она явила миру примеры как абсолютного негатива в виде национал-социалистического режима, так и модели преодоления прошлого, смены национальной парадигмы, демократизации и толерантности. В межвоенный период проблемами новейшей истории Германии занимались не узкие специалисты, а историки широкого профиля, прежде всего Н. М. Лукин².

В послевоенные годы к изучению истории Германии в XX веке на кафедре впервые обратились ее выпускники, заложившие основы научных школ. Участница Великой Отечественной войны, добровольно ушедшая со студенческой скамьи истфака МГУ на фронт, командир пулеметного взвода и роты в Первой женской добровольческой бригаде, человек незыблемых принципов и сильного характера, профессор М. И. Орлова начала свою научную деятельность с обращения к одному из самых неоднозначных периодов в истории Германии, 1920-м годам XX века. Под руководством академика В. М. Хвостова она за-

¹ Лазарева А. В. «И меж Государств учинить мир и покой»: русские представления о Европе при первых Романовых // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 5: Пятое чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Под ред. Н. С. Борисова и др. М., 2017. С. 147–154. Lasarewa A. Ein Reich in der Peripherie? Russische Europawahrnehmung im Kontext der Sicherheitspraxis des XVII. Jahrhunderts // Konstruktionen Europas in der Frühen Neuzeit. Geographische und historische Imaginationen. Hg. von S. Richter, M. Roth, S. Meurer. Heidelberg, 2016. S. 57–74.

² Лукин Н. М. Очерки по новейшей истории Германии. М., 1925.

щитила кандидатскую диссертацию, а степень доктора исторических наук получила в 1969 г. за исследование, посвященное революционному кризису 1923 г.¹

Для написания последней М. И. Орлова одной из первых сотрудников исторического факультета МГУ выехала в длительную научную командировку в ГДР. Впервые в отечественной литературе тема острейшего кризиса Веймарской республики и его преодоления была рассмотрена на разнообразном материале из архивов Берлина, Потсдама, Дрездена. Впоследствии М. И. Орлова принимала активное участие в работе Общества дружбы СССР – ГДР и внесла немалый личный вклад в преодоление негативных стереотипов восприятия немцев в Советском Союзе, сложившихся в период Великой Отечественной войны. Ее неподдельный и глубокий интерес к немецкой истории и историографии не мог не вызывать уважения и признания, особенно учитывая трудное время ее становления как ученого, личное участие в боевых действиях против нацистской Германии. Фотография М. И. Орловой, удивительно напоминающая ее однофамилицу знаменитую киноактрису Любовь Орлову, находится на Доске Памяти исторического факультета, посвященной профессорам и преподавателям – участникам войны.

Научный подход и методы работы М. И. Орловой отличали фундаментальность и эрудиция, исключительная требовательность и внимание к анализу первоисточников. Однако в своих выводах и концепциях она оставалась в жестких идеологических рамках периода своего становления как ученого, отстаивая вплоть до своей кончины в 2007 г. официальную доктрину марксизма-ленинизма в науке и жизни. С 1971 г. М. И. Орлова являлась профессором кафедры, основное внимание уделяя работе со студентами-дипломниками и аспирантами. 13 кандидатов и 3 доктора наук могут назвать ее своим учителем, в том числе профессор А. Ю. Ватлин и доцент Т. Ю. Тимофеева. Сама профессор Орлова стала автором более 100 научных работ, в том числе 6 монографий².

¹ Орлова М. И. Советско-германские отношения от Рапалло до Берлинского договора (1922–1926). М., 1950; *Ее же*: Революционный кризис 1923 г. в Германии и политика Коммунистической партии. М., 1973.

² Орлова М. И. Германия в 1923 г. Учебное пособие. М., 1957; *Ее же*: Уроки немецкого Октября. М., 1965; Германия 1918–1939 годов. М., 1973; Германская революция 1918–1919 гг. в историографии ФРГ. М., 1986; ГДР: рождение и крах. М., 2000.

Слева – профессор Берлинского университета Гюнтер Розенфельд, в центре – д.и.н., профессор М. И. Орлова, справа от нее – студентка Т. Ю. Тимофеева. Начало 1980-х гг.

В книге, посвященной кризису 1923 г. в Германии, М. И. Орлова не могла отойти от доминировавшей в советской историографии того времени догматически-позитивной оценки роли КПГ и Гамбургского восстания под руководством Эрнста Тельмана. В то же время она обосновала ошибочность курса КПГ на немедленное создание Советов, назвав этот шаг преждевременным. В качестве источниковой базы в книге был использован большой массив новых документов из архивов СССР и ГДР. Автор первой из отечественных историков обратилась к анализу положения немецкого крестьянства и сельскохозяйственных рабочих во время кризиса. Книга приводит читателя к выводу, что «одним скачком» совершить пролетарскую революцию в Германии в тот момент было невозможно, для этого отсутствовали как объективные, так и субъективные предпосылки.

В последние годы своего научного пути, которые совпали с кардинальными изменениями в России и в мире, М. И. Орлова сосредоточила свое внимание на вопросах историографии истории Германии, особенно заинтересовавшись концепцией «третьего пути», сочетания демократического парламентаризма и системы рабочих Советов. В 2000 г. вышел ее очерк истории ГДР, который при всех его спорных

моментах, отражает непоколебимую уверенность автора в преимуществах теории и практики «социалистического лагеря».

С 1975 г. на кафедре начал свою работу А. И. Патрушев¹, защитивший в 1991 г. докторскую диссертацию. Несмотря на очевидные клише классового подхода в своих ранних работах, и по своим научным интересам, и по методике исследований, он серьезно отличался от своих коллег старшего поколения. Немногословный, он был подлинным энциклопедистом в идейной истории Германии, его перу принадлежат более сотни научных работ, главной из которых можно назвать серию трудов, посвященных Максус Веберу, Фридриху Ницше, Освальду Шпенглеру, Вернеру Зомбарту.

Патрушев принял на себя основную нагрузку по преподаванию новой истории Германии на кафедре (параллельно М. И. Орлова почти три десятилетия читала курс истории страны в XX веке), чтению разнообразных спецкурсов, самым удачным из которых можно назвать «Происхождение и идеология германского национал-социализма в 1919–1933 гг.». Он был ведущим автором учебно-методических пособий, главным из которых стала «Германия в XX веке»², выдержавшая два издания и не потерявшая своей научной значимости и по сегодняшний день. Подлинный научный универсал, А. И. Патрушев много внимания уделял распространению знаний по истории Германии с древнейших времен до наших дней, экспериментируя на этом поприще как с изданием удивительно компактных работ, так и с объемными дискуссионными трудами. Два десятилетия он был бессменным автором разделов по Германии в учебниках по истории нового и новейшего времени, выпущенных коллективом кафедры. Не идя на поводу у «научной моды», Патрушев всегда был в курсе и непредвзято воспринимал новые тенденции в развитии исторического знания. Одним из первых он обратил внимание на оценки германского национал-социализма как своеобразного варианта модернизации.

Интересно сравнить стиль взаимодействия со студентами и аспирантами профессоров М. И. Орловой и А. И. Патрушева. Первая активно и дотошно руководила исследовательской работой, регулярно требуя подробных отчетов о сделанном, интересуясь даже конспектами прочитанного. О правке ею дипломных работ и диссертаций ходили

¹ Подробно о творческом пути А. И. Патрушева см. его биографический очерк в настоящем издании (раздел II).

² *Патрушев А. И.* Германская история в XX веке. Учебное пособие. М., 2004.

легенды, их всего лишь двукратная переработка свидетельствовала о несомненной стилистической одаренности ученика, поскольку научный руководитель могла до бесконечности совершенствовать логику и стиль изложения. Спокойный А. И. Патрушев изначально ориентировался на самостоятельность и свободу научного поиска студента, лишь изредка направляя его работу меткими замечаниями с изрядной долей юмора, но требовательность к конечному варианту текста у него была отнюдь не меньшей.

На рубеже XX–XXI веков на кафедре произошла смена поколений ученых, не обошедшая стороной и секцию истории Германии. В это время здесь начали свою работу выпускники кафедры А. Ю. Ватлин, ставший в 1998 г. после защиты докторской диссертации «ВКП(б) и Коминтерн в 20-е годы. Проблема взаимоотношений» одним из самых молодых докторов наук и профессоров исторического факультета, и доцент Т. Ю. Тимофеева. Для обоих понятие научной и академической свободы, дискуссионность и плюрализм стали частью научной жизни и мировоззрения. Оставаясь германистом, Ватлин немалую часть своей исследовательской работы посвятил изучению истории европейского рабочего движения и российско-германских отношений. Он участвовал в первой фундаментальной публикации стенограмм пленумов и заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) 1920-х гг., отвечая за международные сюжеты в этих классических документальных изданиях.

Став в 1997 г. сотрудником кафедры, А. Ю. Ватлин взял на себя чтение лекций по послевоенной истории Германии и сразу же обратил внимание на диссонанс послеперестроечного времени: в отличие от истории ФРГ, освещавшейся теперь подробно и с разных сторон, история ГДР полностью отошла на задний план, а существующие исследования в значительной степени устарели. В рамках авторского спецкурса по истории этой страны в духе новых подходов Ватлиным были совмещены элементы лекционного и семинарского занятий, студентам предлагались различные формы работы с текстами источников, написание проблемных эссе с обязательной самостоятельной оценкой событий, осваивались основы компаративистского подхода. Под его руководством были подготовлены и успешно защищены 4 кандидатских диссертации по различным темам истории Германии в XX веке. По мере удлинения современного исторического периода А. Ю. Ватлин стал читать на кафедре и спецкурс по истории Германии после воссоединения страны в 1990 г.

Одной из этапных работ для постсоветской исторической науки стала его обобщающая монография «Германия в XX веке»¹. Можно отметить, что это была действительно первая современная история новейшего периода в развитии Германии, вышедшая до появления и книги А. И. Патрушева, и объемного трехтомника под редакцией Б. Бонвеча и Ю. В. Галактионова². Эту работу отличает учет современных концепций западногерманской историографии, свежий фактический материал, оригинальный и динамичный стиль изложения. А. Ю. Ватлин «прорубил окно» в Германию для нового поколения российских историков-германистов, поскольку неоднократно являлся организатором международных научных конференций и в России, и за рубежом, посвященных актуальным проблемам германской истории и российско-немецких отношений.

В качестве приглашенного профессора он читал лекции в университетах Германии и Австрии, его научные труды переведены на несколько европейских языков. Он активно сотрудничает и имеет широкую известность как в российских, так и в германских СМИ. С 2015 г. профессор А. Ю. Ватлин является членом Российско-германской комиссии историков, которая в непростое время усложнившихся международных отношений сохраняет плодотворное научное сотрудничество ученых двух стран, инициирует новые научные проекты, в том числе и двуязычные документальные издания. Он входит в редакционный совет «Ежегодника по истории международного коммунизма», который издается в Берлине с конца 1990-х г.

Большое внимание А. Ю. Ватлин уделяет консолидации российских исследователей, избравших в качестве своего жизненного пути изучение германской истории нового и новейшего времени. Вместе с Т. Ю. Тимофеевой им была основана в 2001 г. Рабочая группа молодых историков-германистов России, разработан сайт, и с 2005 г. положена традиция ежегодного проведения российско-германских научных конференций, первая из которых одновременно знаменовала открытие в Москве Германского исторического института. Материалы большинства из них были опубликованы³, а сами научные форумы

¹ Ватлин А. Ю. Германия в XX веке. М., 2002.

² История Германии: Учебное пособие. В 3-х т. Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. М., 2008.

³ Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы. Материалы конференции российских и немецких историков 28–30 октября 2005 г.

стали известной площадкой для контактов и дискуссий германских и российских ученых, в том числе из региональных центров и университетов. С полным правом можно констатировать, что Рабочая группа стала инструментом возрождения горизонтальных связей в сообществе историков-германистов, смогла приблизить региональных историков к международным стандартам научных исследований, а возникшие научные связи сохраняются и по сегодняшний день. Традицию вовлечения молодых ученых в международное научное сотрудничество А. Ю. Ватлин продолжил в новом формате, когда в 2017 г. в Гейдельберге совместно с профессором Таней Пентер подготовил первый семинар молодых историков двух стран, материалы которого опубликованы на двух языках в периодическом издании Российско-германской комиссии историков¹.

Одна из монографий А. Ю. Ватлина посвящена истории Баварской Советской республики 1919 г. и выполнена в интересной и своеобразной творческой манере, определенной в предисловии как «авторская реконструкция»². Эта книга в полной мере способна вызвать интерес разных читательских кругов, так как в ней органично сочетаются и научное исследование, и публикация документов, и литературно-художественные эссе. Автор использует свой опыт работы в баварских и российских архивах, вводя в исторический оборот уникальные документы следственных дел баварских коммунистов, уделяя особое внимание ярким деталям событий, разворачивавшихся в Мюнхене и его пригородах. В заключении не только сформулирована авторская позиция по вопросу о «русском следе» в Баварии: «сколько-нибудь ощутимого прямого воздействия Советская Россия на Советскую Баварию не имела»³, но и подчеркнут тот факт, что крах «красной» Баварии, острое противостояние Советов и парламентской демократии стали не только логическим концом германской революции в целом, но и проло-

М., 2007; 1948 год в германской истории. Материалы конференции российских и немецких историков 19–20 июня 2008 г. М., 2009; Люди между народами. Действующие лица российско-германской истории XX в. Материалы конференции российских и немецких историков 25–29 апреля 2009 г. М., 2010.

¹ Сообщения Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. Т. IX. Мюнхен–Берлин, 2019.

² *Ватлин А.Ю.* Советское эхо в Баварии. Историческая драма 1919 г. в шести главах, пяти картинах и двадцати документах. М., 2014.

³ Там же. С. 442.

гом к выходу на историческую авансцену праворадикальной «третьей силы».

Идеология и практика тоталитарных режимов, их влияние на жизнь простых людей разных поколений всегда интересовали Т. Ю. Тимофееву, хотя диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук она защитила в 1991 г. о социальной политике в период Германской революции 1918–1919 гг. В переломный для России исторический период Т. Ю. Тимофеева постаралась рассмотреть данную проблему под новым углом зрения, сосредоточив внимание на деятельности Ведомства по экономической демобилизации, в которой наиболее выпукло отразилась дилемма соотношения социальной реформы и революционного действия.

Инициировав первый коллективный спецкурс кафедры – «Авторитарные и тоталитарные режимы в XX веке» – Т. Ю. Тимофеева заинтересовалась новой для российской исторической науки 1990-х гг. проблематикой: изучением истории повседневной жизни людей в тоталитарных государствах. Она разработала спецкурс по общественному сознанию и повседневности Германии периода национал-социализма. Во время научной стажировки в Германии в 2000–2001 гг. она провела более 200 интервью со «свидетелями времени», жителями Берлина в 1930–1940 гг., работала в архивах с документами нацистской эпохи. Результатом стали монография ««Мы жили обычной жизнью?» Семья в Берлине в 30–40-е гг. XX в.»¹ и серия статей, опубликованных в российских и немецких изданиях.

Став в 1989–1990 гг. свидетелем падения Берлинской стены и воссоединения Германии, Т. Ю. Тимофеева впоследствии не упускала из виду и этот период, в своих исследованиях обращая особое внимание на преломление исторических событий в судьбах и восприятии обычных людей, на их непосредственное влияние на ход истории. Ее исследовательское внимание привлекали поколенческие различия в отношении к перестройке, различные трактовки исторической памяти в российской и германской общественной науке. Вместе с профессором факультета иностранных языков и регионоведения МГУ В. В. Захаровым Т. Ю. Тимофеева инициировала и выполнила ряд международных исследовательских проектов, в частности, по истории урановой индустрии.

¹ Тимофеева Т. Ю. «Мы жили обычной жизнью?» Семья в Берлине в 30–40-е гг. XX в. М., 2011.

стрии ГДР и советско-германского предприятия «Висмут». И в этом случае она смогла реализовать свои научные приоритеты, воссоздав картину повседневной жизни советских специалистов в Восточной Германии¹. Т. Ю. Тимофеева является автором нескольких спецкурсов, соавтором учебных программ и пособия по истории Германии², за 25 лет работы на кафедре под ее руководством подготовлено более тридцати дипломных работ.

Выпускница А. Ю. Ватлина Т. А. Некрасова защитила в 2009 г. кандидатскую диссертацию «Федерализм и политика в землях французской зоны оккупации Германии в 1945–1949 гг.» и сразу же включилась в работу германской секции кафедры, зарядив ее новой энергией и неистощимым энтузиазмом. За 10 лет работы на кафедре новой и новейшей истории она написала ряд статей по различным сюжетам истории Германии в XX веке³, руководила подготовкой более десяти дипломных работ, разработала учебные курсы для нескольких факультетов МГУ имени М. В. Ломоносова.

Постепенно она перешла от узкой проблематики союзнической оккупации Германии к более широким сюжетам, таким как построение демократии в целом. На примере Германии, прошедшей в XX веке через две диктатуры и две трансформации к демократическим режимам, Т. А. Некрасова в своих новейших работах прослеживает переломы и преемственность в процессе государственного строительства, в исторической политике, общественном мнении.

Компаративистский подход, постоянное взаимодействие с коллегами-историками и представителями других гуманитарных дисциплин является важным условием успешной научной работы Т. А. Некрасовой. Опыт проведения конференций по различным сюжетам истории Германии – как организационный, так и содержательный, – стал важ-

¹ Тимофеева Т. Ю. Чужие среди «друзей». Повседневная жизнь советских специалистов // *Rudolf Boch, Rainer Karlsch* (Hg.) *Uranbergbau im Kalten Krieg. Die Wismut im sowjetischen Atomkomplex*. Band 1: Studien. Berlin, 2011. S. 443–502. Она же. Советский человек в Восточной Германии. Предприятие «Висмут» в 1945–1991 гг. // *Вопросы истории*. 2012. № 9. С. 40–73.

² Захаров В. В., Тимофеева Т. Ю. Учебно-методическое пособие по курсу «История Германии». М., 2013.

³ Некрасова Т. А. Западные оккупационные режимы в послевоенной Германии глазами немцев // *Новая и новейшая история*. 2016. № 4. С. 45–59; Она же. Отход от третьего пути? Особенности французской оккупационной политики // *Родина*. 2009. № 3.

ной составной частью ее формирования как исследователя и педагога кафедры. Весьма плодотворными и в полном смысле слова междисциплинарными оказались российско-германские научные конференции, инициированные и проведенные Т. А. Некрасовой. Изданные под ее редакцией материалы конференций представляют свежий взгляд на ключевые сюжеты «переплетенной истории» Германии и России в XX веке¹.

Историки-германисты кафедры новой и новейшей истории активно сотрудничают с Германским историческим институтом в Москве по линии совместных научных проектов, проведения международных симпозиумов, публикаций документов из российских и немецких архивов. Т. Ю. Тимофеева в 2018 г. инициировала проект по изучению так называемой «миссии Линц» (планов создания нацистами грандиозного музея европейского искусства на родине А. Гитлера), документы которой впервые вводятся в научный оборот. Совместно с коллегами из ГИИМ Т. А. Некрасова организовала методологический семинар «Методы и тенденции европейской историографии», в рамках которого российские исследователи обмениваются с зарубежными коллегами опытом использования того или иного научного подхода, знакомятся с достижениями современной западной исторической науки.

Подводя итог, можно сказать, что кадровый потенциал германистики на кафедре новой и новейшей истории позволяет представить студентам и аспирантам полную картину эволюции Германии в данный период, познакомить их с ключевыми сюжетами истории этой страны и работами немецких коллег, оказать качественную научно-педагогическую помощь при подготовке курсовых, выпускных квалификационных работ и диссертационных исследований.

¹ Материалы конференции «Консервативные течения в германской истории: перспективы и границы политических возможностей» (22–25 сентября 2015 г.) // Исторические исследования. 2016. № 5. URL: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/issue/view/6> (дата обращения: 01.12.2019); Христианство в общественной, политической и духовной жизни Германии в XX веке. Сборник статей российских и немецких историков. М., Берлин, 2017.

П. Ю. КНЯЗЕВ, С. А. СОЛОВЬЕВ

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ИРЛАНДИИ

Традиции англоведения в Московском университете были заложены еще в XIX веке. В известной полемике славянофилов и западников в 1830–1850-х годах Англия часто служила примером разумного государственного устройства, уважения правопорядка и достоинства человека. После принятия в 1863 году университетского устава стало возможным отправлять наиболее талантливых выпускников в европейские университеты «для приготовления к получению профессорского звания». Такие поездки давали возможность не только близко познакомиться с организацией преподавания в лучших университетах, но и поработать в архивах и книгохранилищах зарубежных стран. Результатом этого стала публикация первых научных трудов по конституционному праву, организации местного самоуправления, финансовой системе Англии. Нельзя не упомянуть в этом ряду и первый курс публичных лекций по новой истории Великобритании «Англия в XVIII столетии», вышедший из-под пера профессора Московского университета, ученика Т. Н. Грановского Генриха Викентьевича Вызинского (1834–1879)¹.

В этот период ученые Московского университета проявили особый интерес к истории конституционных основ британского государства. По истории английской конституции публиковали исследования и читали лекции историки и правоведы – П. Г. Редкин (1808–1891), Б. Н. Чичерин (1828–1904) и Ф. М. Дмитриев (1829–1894) и М. М. Ковалевский (1851–1916).

Другим важным направлением становится изучение экономической истории Британских островов. В 1870-е годы Иван Иванович Янжул, выпускник Московского университета, успешно защитивший магистерскую диссертацию, был направлен в Лондон «для усовер-

¹ *Вызинский Г. В.* Англия в XVIII столетии. В 2-х т. Т. I–II. М., 1860–1861.

шенствования в науках и писания диссертации»¹. Опубликовав свою первую работу по системе британских косвенных налогов в 1874 году, он через два года выпустил первый том фундаментального труда «Английская свободная торговля» и получил за него степень доктора финансового права². В том же 1876 году И. И. Янжул был выбран в ординарные профессора Московского университета по кафедре финансового права. Еще шесть лет, заполненных ежегодными поездками для работы в библиотеке Британского музея, понадобилось ему для подготовки второго тома «Английской свободной торговли»³. Важно отметить, что этот труд был высоко оценен не только в отечественной, но и в британской академической среде⁴. По существу, он стал едва ли не первой работой по экономической истории Англии в новое время.

Другим известным специалистом по проблемам экономического развития Англии, чья судьба была связана с Московским университетом, стал Михаил Иванович Туган-Барановский (1865–1919). Выпускник Харьковского университета, свою первую крупную работу «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь»⁵ он защитил в 1894 году в Московском университете как магистерскую диссертацию. Позднее его главные труды по теории экономических кризисов были основаны именно на анализе материалов истории развития английской экономики в XIX веке.

В начале XX века изучение аграрных и социальных отношений становится магистральным направлением исследований московских англоведов. Именно эту область избрал для своей научной работы Павел Гаврилович Виноградов (1854–1925), выпускник Московского университета. Докторскую диссертацию на тему «Исследования по социальной истории Англии в средние века», основанную на собран-

¹ Чикалова И. Р. Великобритания. Осмысление исторического опыта в Российской империи (XIX – начало XX в.). Минск, 2018. С. 88.

² Янжул И. И. Английская свободная торговля. Исторический очерк развития идей свободной конкуренции и начал государственного вмешательства. Т. I. Период меркантильный. М., 1876.

³ Янжул И. И. Английская свободная торговля. Исторический очерк развития идей свободной конкуренции и начал государственного вмешательства. Т. II. Период свободной торговли. М., 1882.

⁴ О нем см.: Рогачевская М. А. Академик Иван Иванович Янжул – создатель финансовой науки в России. Новосибирск, 2014.

⁵ Туган-Барановский М. И. Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь. СПб., 1894.

ных в архивах и библиотеках Великобритании богатых исторических источниках, он успешно защитил в 1887 г. и стал профессором Московского университета. Многие работы П. Г. Виноградова, созданные в последующие годы, были изданы не только в России, но и в Англии. В начале века ему пришлось покинуть университет, и с 1903 года научная и педагогическая деятельность П. Г. Виноградова проходила в Оксфордском университете, профессором которого он стал вскоре после переезда в Англию¹.

Учениками П. Г. Виноградова, продолжившими его исследования и оставшимися преподавать в Московском университете, были Дмитрий Моисеевич Петрушевский (1863–1942) и Александр Николаевич Савин (1873–1923). Последним был создан первый систематический курс лекций по новой истории Англии, изданный в 1913 году двумя выпусками под названием «История Англии в новое время (XVII–XVIII вв.)»², правда, составленный по студенческим конспектам. Огромный интерес у студентов вызывал его лекционный курс по истории Английской революции XVII века³. Исследования А. Н. Савина по аграрной истории Англии опирались на обширный материал во многом новых архивных документов, собранных им в его многочисленных поездках в Англию. Особо следует отметить его мастерство скрупулезного источниковедческого анализа с применением статистических методов. Не случайно из его семинарских занятий вышла целая плеяда замечательных историков уже советского времени, достаточно упомянуть Е. А. Косминского, С. Д. Сказкина, В. М. Лавровского⁴ и других, в новых условиях продолживших традиции изучения новой, а затем и новейшей истории Англии в Московском университете.

В 1930-е годы отдельные сюжеты из истории Англии в МГУ включались в общие лекционные курсы по всемирной истории. После воссоздания в структуре Московского университета исторического

¹ О нем см.: *Малинов А. В.* Павел Гаврилович Виноградов: Социально-историческая и методологическая концепция. СПб., 2005.

² *Савин А. Н.* История Англии в новое время (XVI–XVIII вв.). В 2-х т. Т. I–II. М., 1912.

³ *Савин А. Н.* Лекции по истории Английской революции. Ленинград, 1924. Позднее книга неоднократно переиздавалась (в 1937 и 2000 годах).

⁴ О В. М. Лавровском – выдающемся исследователе аграрной истории Англии в средние века и новое время см.: Лавровский Владимир Михайлович // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. Под общ. ред. С. П. Карпова. М., 2004. С. 269.

факультета в 1934 году к чтению этих лекций привлекался целый ряд выдающихся историков, включая, кроме уже названного С. Д. Сказкина, также Е. В. Тарле, В. М. Хвостова, Б. Ф. Поршнева и других. Особое место в этом ряду занимает И. С. Звавич (1904–1950), историк, который первым не только начал чтение систематического курса истории Англии на историческом факультете, но и фактически создал специализацию по этому направлению на нашей кафедре¹.

Его короткая, но удивительно яркая и разнообразная жизнь в течение десяти лет – с 1939 по 1949 гг. – была тесно связана с нашей кафедрой. Но впервые будущий профессор познакомился с Московским университетом еще в 1920 году, когда после переезда из Одессы, где он родился, в Москву он поступил на факультет общественных наук МГУ. Окончить обучение ему не удалось, ибо его блестящее знание пяти европейских языков с третьего курса МГУ привело его в Наркоминдел, и уже в конце 1922 года он был командирован экономистом в торгпредство СССР в Великобритании. Во время работы в Англии И. С. Звавич продолжил свое образование, и в 1926 году окончил Лондонскую школу экономических и политических наук (LSE) при Лондонском университете по специальности «Экономическая история»². После выпуска он продолжил начатую еще в 1924 году работу в британских архивах по теме планируемой магистерской диссертации «Английская деревня в XV веке». Однако завершить эту работу ему было не суждено: в 1927 году из-за разрыва британской стороной дипломатических отношений с СССР ему пришлось покинуть страну. Впрочем, собранного материала хватило для публикации на родине небольшой работы на данную тему³.

С 1927 по 1930 год И. С. Звавич проходил обучение в аспирантуре РАНИОН (Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук). Тогда же, в начале 1930-х годов под руководством профессора М. С. Зоркого он принимал участие в подготовке Институтом Маркса – Энгельса – Ленина (ИМЭЛ) издания первого тома архива К. Маркса и Ф. Энгельса, работая над письмами к лиде-

¹ См.: *Суслопарова Е. А.* Звавич Исаак Семенович // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. Под общ. ред. *С. П. Карпова*. М., 2004. С. 142–143.

² Архив МГУ. Ф. 1-35Л. Оп. 2. Д. 3107. Л. 8.

³ *Звавич И. С.* Очерк из истории разложения манориального строя в Англии. Л., 1934.

рам европейской социал-демократии¹. Именно в это время на него обратил внимание академик Федор Аронович Ротштейн, заведовавший тогда отделом истории в редакции БСЭ. И в течение следующих 12 лет Звавич написал целый ряд статей по истории и географии Англии и «британского мира» для этого издания².

В 1932 году И. С. Звавич становится научным сотрудником Института мирового хозяйства и мировой политики, где он специализировался по истории и экономике Великобритании и Британской империи. В 1935 году ему была присуждена степень кандидата экономических наук без защиты диссертации³.

С начала 1930-х годов И. С. Звавич активно занимался преподавательской работой: в 1930–1934 гг. он преподавал в МГПИИЯ (Московском государственном педагогическом институте иностранных языков), в 1932–1937 гг. читал курс лекций по страноведению Великобритании в Институте красной профессуры и Институте мирового хозяйства и мировой политики, а с 1934 по 1941 год историк преподавал в МГПИ имени В. И. Ленина, где в 1938 году получил звание профессора. Наконец, в 1939 году, как пишет Звавич в своей автобиографии, он «был привлечен к чтению курса исторической географии в Московском университете»⁴.

В 1939/40 и в 1940/41 учебных годах И. С. Звавич в рамках общего лекционного курса новой истории читал лекции по истории Англии и Италии, разрабатывал принципиально новый курс источниковедения новой истории, на базе которого после войны он готовил учебник, а

И. С. Звавич (1904–1950) – к.э.н., профессор

¹ Первый том второй серии данного издания. См.: Архив Маркса и Энгельса. Т. I (VI). Под ред. В. И. Адоратского. М., 1932.

² См., например: *Звавич И. С.* Ирландия. Исторический очерк // Большая советская энциклопедия. Т. 29. М., 1935; *Звавич И. С.* Канада. Исторический очерк // Большая советская энциклопедия. Т. 31. М., 1937.

³ Архив МГУ. Ф. 1-35Л. Оп. 2. Д. 3107. Л. 34.

⁴ Там же. Л. 15об.

главное – приступил к чтению специального курса на тему «Великобритания и доминионы». В эти же годы им был опубликован целый ряд биографических очерков: «Чемберлен», «Черчилль», «Нортклиф», «Иден», а также посвященная истории британской армии статья «Томми Аткинс»¹.

Впрочем, преподавательская деятельность И. С. Звавича не ограничивалась только историческим факультетом МГУ. Параллельно он читал курсы лекций в Высшей дипломатической школе (1944–1949 гг.) и в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) (1946–1949 гг.).

С началом войны профессор Звавич был привлечен к работе в Совинформбюро. Им написано и опубликовано не менее 40 печатных листов ярких статей и очерков, посвященных нацистским лидерам и европейским коллаборационистам: «Гитлер, Геринг, Геббельс, Гиммлер – людоеды XX века» (выдержала несколько переизданий)², биографии П. Лавалья, Л. Дегреля, А. Мюссерта, А. Павелича³. Яркий публицистический талант И. С. Звавича был по достоинству оценен – в 1942 году он был принят в Союз писателей СССР. Одновременно он продолжал научную работу, готовя докторскую диссертацию по проблемам дипломатической истории Отечественной войны 1812 г. Этот труд ему не суждено было завершить, но основные положения некоторых его глав были опубликованы в «Историческом журнале» и «Известиях отделения истории и философии АН СССР»⁴.

Работая на кафедре новой истории исторического факультета МГУ, профессор Звавич выполнял большую педагогическую нагрузку. Помимо нескольких лекций в рамках общего курса, он читал курсы «Источниковедение новой истории», первый общий курс «История Англии», спецкурсы по истории Лейбористской партии Великобритании, а также, что чрезвычайно важно, – вел спецсеминары, руководил

¹ Звавич И. С. Чемберлен // Знамя 1940. № 2; Он же. Черчилль // Знамя 1940. № 4–5; Он же. Нортклиф // Знамя. 1940. №. 11–12; Он же. Томми Аткинс. Очерк по истории английской армии // Знамя. 1941. № 2. «Томми Аткинс» (чаще просто «Томми») – прозвище солдат вооруженных сил Великобритании.

² Звавич И. С. Гитлер, Геринг, Геббельс, Гиммлер – людоеды XX века. М., 1941.

³ Звавич И. С. Лаваль // Мировое хозяйство и мировая политика. 1943. № 4; Он же. Дегрель и Мюссерт // Мировое хозяйство и мировая политика. 1943. № 8–9; Он же. Павелич // Мировое хозяйство и мировая политика. 1942. № 5–6.

⁴ См.: Звавич И. С. Англия и Отечественная война русского народа против наполеоновского владычества // Исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. Доклады и сообщения. Вып. 2. М., 1947. С. 11–13.

дипломниками и аспирантами-англоведками. Не случайно, профессор Борис Федорович Поршнеv, заведовавший нашей кафедрой в то время (1947 г.), характеризовал его как «одного из основных и наиболее активных работников кафедры», подчеркивая, что он был «единственным специалистом по новой и новейшей истории Великобритании на кафедре»¹. Ученики профессора Зvавича с большой теплотой вспоминали своего научного руководителя. Так, например, его выпускник А. С. Черняев (о нем еще речь впереди) так характеризовал его в своей книге воспоминаний «Моя жизнь и мое время»: Зvавич был «блестящий, ироничный, самоуверенный, любующийся собой лектор, сыпавший историческими курьезами и анекдотами, умевший двумя-тремя штрихами и биографическими эпизодами дать навсегда запоминающийся портрет какого-нибудь Гладстона или Ллойд Джорджа...»².

В начале 1949 г. И. С. Зvавич подвергся преследованиям в ходе кампании «борьбы с космополитизмом». Его обвиняли в «идеализации английского империализма и лейборизма» в своих лекциях, а журнал «Вопросы истории» прямо указывал, что автор допускал в своих работах «космополитические извращения»³. В результате, в апреле 1949 г. Зvавич был отстранен от преподавания в МГУ, причем, как вспоминал А. С. Черняев, его «не только прогнали с факультета, но и вынудили уехать из Москвы»⁴. С 10 сентября 1949 года приказом по Главному управлению университетов Министерства высшего образования СССР он был переведен на кафедру всеобщей истории Среднеазиатского государственного университета⁵, но вскоре после переезда в Ташкент 15 мая 1950 года И. С. Зvавич скончался.

В сложные 1950-е годы англоведческое направление на нашей кафедре представляли двое ученых: Николай Феодосьевич Мочульский (1918–1974) и Анатолий Сергеевич Черняев (1921–2017). В их биографиях был ряд общих моментов. Во-первых, оба они были фронтовиками и прошли всю Великую Отечественную войну. Н. Ф. Мочульский начал свой боевой путь добровольцем, бойцом истребительного батальона, несколько раз был ранен, награжден четырьмя орденами и

¹ Архив МГУ. Ф. 1-35Л. Оп. 2. Д. 3107. Л. 38.

² Черняев А. С. Моя жизнь и мое время. М., 1995. С. 203.

³ О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии // Вопросы истории. 1949. № 2. С. 9.

⁴ Черняев А. С. Моя жизнь и мое время. С. 204.

⁵ Архив МГУ. Ф. 1-35Л. Оп. 2. Д. 3107. Л. 39.

шестью медалями и закончил войну в звании гвардии майора, начальника штаба полка. А. С. Черняев летом 1941 года был на трудфронте, а в октябре ушел добровольцем в РККА. Он воевал на Северо-Западном фронте, в составе 1-й ударной армии участвовал в освобождении Прибалтики, был ранен. Командовал отделением, взводом, был начальником штаба батальона, помощником начальника штаба и, наконец, исполняющим обязанности начальника штаба стрелкового полка. Оба они были демобилизованы в 1946 году и вернулись на исторический факультет МГУ.

Во-вторых, оба стали первыми преподавателями-англоведами кафедры новой и новейшей истории, прошедшими обучение непосредственно на ней. Н. Ф. Мочульский в 1934 году поступил на вечернее отделение рабфака, после окончания которого в 1938 году был принят на исторический факультет МГУ. В том же году, после окончания 10-летки, студентом истфака стал и А. С. Черняев. Оба они с отличием закончили исторический факультет и поступили в аспирантуру по кафедре новой и новейшей истории. Нелишне будет отметить, что дипломная работа Н. Ф. Мочульского, посвященная фабианскому движению в Англии, была удостоена Ломоносовской премии. А вот дипломная работа А. С. Черняева на предложенную его научным руководителем И. С. Звавичем тему: «Покупка акций Суэцкого канала правительством Бенджамина Дизраэли», видимо, не слишком увлекла дипломника, как можно судить по его оценке этой темы в книге воспоминаний: «невероятно актуально для Советского Союза в 1947 году!»¹.

Н. Ф. Мочульский начал работать на кафедре новой и новейшей истории еще до защиты диссертации, с февраля 1949 года². Он вел занятия в качестве ассистента и был ученым секретарем кафедры. После успешной защиты кандидатской диссертации в 1950 году Н. Ф. Мочульский стал старшим преподавателем, а через три года получил звание доцента³. Научные интересы Н. Ф. Мочульского лежали главным образом в области изучения истории английского рабочего движения в период между двумя мировыми войнами. И если в кандидатской диссертации он исследовал события 20-х – начала 30-х годов, и результатом этой работы стала публикация монографии «Кризис

¹ Черняев А. С. Моя жизнь и мое время. С. 201.

² Подробнее о Н. Ф. Мочульском см.: Памяти Н. Ф. Мочульского // Вестник Московского университета. Серия «История». 1974. № 4. С. 101–103.

³ Архив МГУ. Ф. 1-35Л. Д. 4989. Л.11.

лейбористской партии в 1931 г.»¹, то в защищенной в 1965 году докторской диссертации его внимание привлекли проблемы английского рабочего движения второй половины 1930-х гг.². Два года спустя он был избран на должность профессора³.

Перу Н. Ф. Мочульского принадлежат учебные пособия, несколько десятков статей и глав в учебниках по различным вопросам истории Англии. Эту учебно-методическую деятельность следует выделить особо не только потому, что им создан целый ряд вузовских программ по новейшей истории, но прежде всего потому, что он принимал участие в создании авторским коллективом кафедры первого университетского учебника по новейшей истории стран Европы и Америки, в котором им написаны главы по истории Великобритании⁴.

Правда, учебник создавался много позже – на рубеже 60–70-х годов. Тогда же Мочульский принял участие и в другом важнейшем проекте кафедры – коллективной монографии «Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки», опубликованной в 1968 г., где им была написана глава об английской историографии 1918–1945 гг.⁵

А. С. Черняев по окончании аспирантуры поступил в Высшую дипломатическую школу, но по требованию Б. Ф. Поршнева все-таки стал аспирантом исторического факультета МГУ. Закончив аспирантуру, он в сентябре 1950 г. начал работать на кафедре новой и новейшей истории, а в ноябре того же года успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Экономический кризис в Англии после Пер-

*Н. Ф. Мочульский (1918–1974) –
д.и.н., профессор*

¹ Мочульский Н. Ф. Кризис лейбористской партии в 1931 г. М., 1956.

² См.: Мочульский Н. Ф. Английское рабочее движение в 1934–1939 гг. М., 1968.

³ Архив МГУ. Ф. 1-35Л. Д. 4989. Л. 82.

⁴ См.: Там же. Л. 97.

⁵ См.: Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1968.

вой мировой войны и подъем рабочего движения». Над этой темой он продолжил работать и после защиты¹. А. С. Черняев читал общий курс новой и новейшей истории на философском факультете МГУ, вел просеминары по новой истории, читал курс истории Англии для специализирующихся студентов, руководил спецсеминарами по истории Англии периода позднего викторианства, Первой мировой войны и 1920-х годов, руководил дипломниками и аспирантами. Бывший в то время деканом исторического факультета Иван Антонович Федосов характеризовал его так: «к учебной и научной деятельности относится добросовестно и справляется с ней успешно»². Сам же А. С. Черняев вспоминал впоследствии, что в работе преподавателя он более всего любил и ценил просеминарские занятия, о которых он писал: «наши занятия были праздниками духовного общения, молодого задорного интеллектуального соревнования...»³. А вот лекции, особенно в большой аудитории по общим курсам, не очень ему удавались. Хотя, по его словам, он «много и мучительно работал, готовясь к каждой, ... все равно интересными они у меня не выходили»⁴.

В начале 1950-х гг., в период смены руководства кафедры, предполагалось, что новым заведующим станет Н. Ф. Мочульский. Однако, вопреки даже мнению парткома факультета, исполняющим обязанности заведующего кафедрой новой и новейшей истории ректорат назначил А. С. Черняева. Сам Анатолий Сергеевич позже называл это решение «гримасой тогдашнего руководства наукой и вузами» и с горечью признавался: «радости мне эта должность не доставила»⁵. Не удивительно, что, получив в самом конце 1952 года предложение перейти на работу в аппарат ЦК КПСС, он в новом 1953 году стал инструктором в отделе науки ЦК КПСС, правда, оставаясь еще пять лет совместителем на кафедре, где в 1958 г. он получил звание доцента. В 1958–1961 годах А. С. Черняев работал в Праге в редакции журнала «Проблемы мира и социализма», в связи с чем он в сентябре 1958 года был официально отчислен с исторического факультета МГУ. Так закончилась его работа на нашей кафедре. В дальнейшем его карьера развивалась уже

¹ См., например: *Черняев А. С. Революционный подъем рабочего движения в Англии в 1917–1920 гг. // Вопросы истории. 1953. № 1. С. 61–84.*

² См. Архив МГУ. Ф. 1-35Л. Оп. 2. Д. 9987.

³ *Черняев А. С. Моя жизнь и мое время. С. 205.*

⁴ Там же. С. 211.

⁵ Там же. С. 205.

по партийной линии. По возвращении из Чехословакии в 1961 году А. С. Черняев работал в международном отделе ЦК КПСС, пройдя путь от референта до заместителя заведующего отделом в 1970–1986 годах. В 1981–1986 гг. он был кандидатом в члены, а в 1986–1990 гг. – членом ЦК КПСС. С 1986 по 1991 год А. С. Черняев был помощником М. С. Горбачева по международным делам, а с 1992 года работал в «Горбачев-Фонде». Скончался он 12 марта 2017 г.¹

Во второй половине 50–60-х гг. изучение истории Англии на нашей кафедре не только пополнилось именами новых перспективных ученых, но и расширилось по тематике, охватывая теперь и широкий круг проблем Британской империи и Содружества. Среди тех, кто продолжал и развивал традиции изучения истории английского рабочего класса, британской социальной истории и истории общественной мысли Великобритании, несомненно, следует назвать будущего профессора Надежду Михайловну Мещерякову (1925–2010), заслуги которой в становлении англоведения на нашей кафедре столь значительны, что ей посвящена отдельная статья в настоящем издании².

Разработка проблем истории и идеологии британского империализма, Британской империи и отдельных ее частей легла на плечи трех тогда еще молодых талантливых ученых, о каждом из которых следует рассказать отдельно. В 1960 году начал работу в МГУ выпускник исторического факультета 1954 года Лев Николаевич Еремин (1932–2011). Его кандидатская диссертация, которая была успешно защищена в 1964 году, еще не была напрямую связана с британской историей, но давала ее автору широкий кругозор, как в проблемах мировой политики, так и в проблемах истории тихоокеанского региона, крайне важного для имперской политики Великобритании. Она называлась: «Политика США в отношении Юго-Восточной Азии во время войны на Тихом океане»³. И. С. Галкин в своей статье 1967 года отмечал, что Л. Н. Еремин своими трудами внес серьезный вклад в изучение данной проблематики⁴. После защиты диссертации, во второй половине 60-х

¹ Его воспоминания см. в разделе III.

² См. главу *Е. А. Макаровой* о Н. М. Мещеряковой в разделе II.

³ *Еремин Л. Н.* Политика США в Южной и Юго-Восточной Азии в годы войны на Тихом океане (1941–1945 гг.). Дис... канд. ист. наук. М., 1963.

⁴ *Галкин И. С.* Исследования новой и новейшей истории в МГУ за 50 лет после Великой Октябрьской социалистической революции // Вестник МГУ. Серия «История». 1967. № 2. С. 13.

гг. Л. Н. Еремин получил направление на стажировку в Великобританию, которую он проходил в Оксфордском университете. Следует заметить, что незадолго до Еремина, там же в Оксфорде проходила стажировку и Н. М. Мещерякова, так что заведенная в МГУ еще в позапрошлом веке традиция направлять молодых ученых в зарубежные страны по их научным интересам «для подготовки к профессорскому званию» вновь возрождалась.

Вернувшись из Англии, Л. Н. Еремин продолжил еще более обширную и успешную преподавательскую деятельность на нашей кафедре. Сферой его научных интересов теперь стала внешняя и колониальная политика Великобритании в XIX – начале XX века, причем особенно его занимало изучение проблем становления и развития британской имперской идеологии. По этой теме им было опубликовано несколько статей¹, но, к сожалению, ему так и не удалось создать большую работу на эту тему.

Необычайно разнообразно педагогическое наследие Льва Николаевича. За время работы на кафедре им были прочитаны, помимо общих курсов по новой истории и истории Англии для специализирующихся студентов, несколько насыщенных фактическим материалом и глубоким анализом спецкурсов. Большой интерес студентов (и не только нашей кафедры) привлекали такие его спецкурсы, как «История колониализма» и «Внешняя политика и дипломатия Великобритании в 1815–1914 годах»². Еще большим разнообразием отличались объявлявшиеся им спецсеминары, диапазон тем студенческих (а зачастую впоследствии и аспирантских) работ которых простирался от истории Британской империи и ее составных частей до проблем английской внешней политики на рубеже XX–XXI веков, охватывая, таким образом, весь период от Английской революции середины XVII века до современности. За полвека работы на кафедре из спецсеминаров Л. Н. Еремина вышло более сотни дипломников, многие из которых

¹ См.: *Еремин Л. Н.* Некоторые проблемы генезиса идеологии британского империализма в английской буржуазной историографии // Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977. С. 261–314; *Он же.* Д. Сили и общественно-политические движения 60-х гг. XIX века в Англии // Вестник МГУ. Серия 9. История. 1974. № 6. С. 31–53.

² Профиль Л. Н. Еремина на сайте исторического факультета МГУ. URL: <http://www.hist.msu.ru/Departments/ModernEuUS/INTREL/PERSONS/Yeremin.htm> (дата последнего обращения: 09.07.2019).

под его руководством защитили кандидатские диссертации, а некоторые впоследствии стали докторами наук. Достаточно сказать, что два ведущих профильных академических института ныне возглавляют ученики Л. Н. Еремина: директор Института Европы РАН – Алексей Анатольевич Громько, и директор Института всеобщей истории РАН – Михаил Аркадьевич Липкин.

Когда в 1960-е годы под руководством Ильи Саввича Галкина на кафедре был задуман грандиозный проект по изучению историографии нового и новейшего времени, стало ясно, что нужно привлечь на кафедру дополнительные силы. Так, в августе 1962 года старшим научным сотрудником кафедры стал молодой кандидат наук Артемий Дмитриевич Колпаков (1932–1978)¹. Он родился 23 августа 1932 г. в Ярославле в семье военного врача². В 1955 г. окончил исторический факультет Московского городского педагогического института имени В. П. Потемкина. Следующие три года А. Д. Колпаков обучался в аспирантуре, где под руководством будущего академика Алексея Леонтьевича Нарочницкого подготовил и в 1960 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Возникновение национальной чартистской ассоциации»³. В годы между окончанием аспирантуры и защитой А. Д. Колпаков работал младшим научным сотрудником в Институте научной информации АН СССР (ВИНИТИ) и одновременно являлся внештатным редактором отдела новой и новейшей истории журнала «Научные доклады высшей школы. Исторические науки»⁴.

С приходом на нашу кафедру незаурядный талант ученого-исследователя и педагога А. Д. Колпакова раскрылся наиболее полно. Много сил и времени занимала работа над историографией новой и новейшей истории. Вначале он редактировал уже собранные на кафедре материалы, а позже добавил к ним и свой. Он принимал деятельное участие в организации заседаний кафедральной Историографической комиссии. Всего состоялось восемь таких заседаний, в которых, помимо 40 ученых из МГУ, принимали участие специалисты из Института

¹ Подробнее о нем см.: Артемий Дмитриевич Колпаков (1932–1978 гг.) // Новая и новейшая история. 1979. № 2; Памяти А. Д. Колпакова // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1979. № 2. С. 75–80.

² Архив МГУ. Ф. 1-35Л. 4805. Л. 4.

³ Колпаков А. Д. Возникновение национальной чартистской ассоциации. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1960.

⁴ Архив МГУ. Ф. 1-35Л. Д. 4805. Л. 29.

А. Д. Колпаков (1932–1978) – д.и.н., старший научный сотрудник

истории и Института Латинской Америки Академии наук СССР, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и других научных учреждений, и были подробнейшим образом обсуждены 22 главы будущего издания¹.

Наряду с проблемами английской и ирландской историографии, в центр научных интересов А. Д. Колпакова выдвигается проблематика истории Ирландии в новое и новейшее время. В мае 1973 г. им была защищена докторская диссертация на тему: «Ирландия на пути к революции. 1900–1918», которая вскоре легла в основу монографии под тем же названием². Всего же перу Артемия Дми-

триевича Колпакова принадлежат десятки работ по истории Ирландии XX века и еще одна монография «Ирландия – остров мятежный»³. А. Д. Колпакову принадлежат главы X–XIII коллективной монографии «История Ирландии», вышедшей уже после его смерти⁴.

А. Д. Колпаков разработал и читал собственный лекционный курс по ирландской истории. Последнее следует подчеркнуть как особую его заслугу, ибо фактически Артемий Дмитриевич создал новую страноведческую специализацию по нашей кафедре – специализацию по новой и новейшей истории Ирландии.

С 1967 года и до конца жизни связал свою судьбу с нашей кафедрой Олег Стефанович Сороко-Цюпа (1927–2000)⁵. Он родился в Одессе в семье ученых-химиков, но вскоре после окончания Великой Отечественной войны переехал в Москву и поступил в Московский институт востоковедения. Своей специализацией он избрал историю

¹ Там же. Л. 21.

² Колпаков А. Д. Ирландия на пути к революции. 1900–1918. М., 1976.

³ Колпаков А. Д. Ирландия – остров мятежный. (Ирландский народ в борьбе за независимость. 1900–1963). М., 1965.

⁴ См.: История Ирландии. Под ред. Л. И. Гольмана. М., 1980. С. 265–388.

⁵ О нем см.: Суслопарова Е. А. Сороко-Цюпа Олег Стефанович // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. Под общ. ред. С. П. Карпова. М., 2004.

Кореи и корейский язык. Окончив институт в 1951 году, он продолжил обучение в аспирантуре МГИМО, где в 1955 году защитил кандидатскую диссертацию¹. Поработав затем недолгое время в Управлении внешних сношений Министерства культуры СССР, он в 1957 году перешел в журнал «Вопросы истории», где вскоре возглавил редакцию по всеобщей истории. Десять лет работы в журнале не только расширили кругозор, но и способствовали изменению его научных интересов: его теперь все больше интересовала новая и новейшая история стран Запада.

*О. С. Сороко-Цюпа
(1927–2000) – д.и.н.,
профессор*

В полной мере таланты О. С. Сороко-Цюпы как ученого-исследователя и как педагога раскрылись с приходом его в 1967 году на кафедру новой и новейшей истории, куда первоначально он был приглашен как один из редакторов второго тома капитального учебного пособия по историографии, вышедшего в издательстве МГУ в 1968 г. Областью его научных интересов на кафедре стала новая и новейшая история Канады². В 1976 г. он защитил докторскую диссертацию, на основе которой в следующем году опубликовал монографию «Рабочее движение в Канаде (1929–1939 гг.)»³. А с 1979 г. О. С. Сороко-Цюпа – профессор Московского университета⁴.

Важной вехой в изучении истории страны стала публикация в 1985 г. издательством «Высшая школа» учебного пособия для вузов «История Канады» – первого в отечественной историографии систематического изложения истории этого крупнейшего государства «британского мира» в новое и новейшее время⁵. Закономерно, что профес-

¹ Кандидатская диссертация была посвящена аграрным отношениям в Корее. Там же. С. 436.

² См., например: *Сороко-Цюпа О. С.* Историческая концепция Ф. Д. Тернера и канадская историография // *Американский ежегодник – 1972*. М., 1972. С. 192–209; *Он же.* Стачка в Ошаве 1937 г. и движение за производственный юнионизм в Канаде // *Проблемы новой и новейшей истории*. М., 1972. С. 207–224.

³ *Сороко-Цюпа О. С.* Рабочее движение в Канаде (1929–1939 гг.). М., 1977.

⁴ *Суслопарова Е. А.* Сороко-Цюпа Олег Стефанович. С. 436.

⁵ *Сороко-Цюпа О. С.* История Канады. М., 1985.

сор Сороко-Цюпа стал одним из основателей Российской Ассоциации историков Канады (РАИК), бессменным членом ее правления, а в последние годы – ее вице-президентом. Вот как отзывался о нем президент РАИК С. Ф. Молочков: «университетский преподаватель высшего класса, в правлении РАИК он уделял главное внимание решению острейшей для нас проблемы подготовки молодого поколения российских канадоведов»¹.

Но научные интересы профессора Сороко-Цюпы не ограничивались только историей Канады. Он много и плодотворно работал над проблемами истории Великобритании и Британской империи, историографии, исследовал процессы европейской и североамериканской интеграции, разрабатывал проблемы современных межнациональных отношений.

Многие годы О. С. Сороко-Цюпа читал на историческом факультете МГУ общий курс по истории стран Европы и Америки от окончания Второй мировой войны до наших дней, специальные курсы по проблемам интеграции и истории Канады для специализирующихся студентов, создав, как и А. Д. Колпаков новую страноведческую специализацию. Он руководил подготовкой дипломных работ студентов и кандидатских диссертаций аспирантов, причем, не только по истории Канады, но и по истории Великобритании и Британской империи. Его перу принадлежат семь монографий и учебников (в том числе, он участвовал в авторском коллективе кафедры, создавшем классический двухтомный университетский учебник по истории стран Европы и Америки в новейшее время), десятки научных статей. Особой заслугой профессора Сороко-Цюпы следует считать огромный вклад, который он внес в развитие преподавания всеобщей истории в средней школе. В соавторстве с профессорами нашей кафедры В. П. Смирновым и А. И. Строгановым им был подготовлен учебник для 10–11 классов средней школы «Мир в XX веке», который трижды выходил в издательстве «Просвещение»², а также школьный атлас по истории зарубежных стран. В 2001 г. уже издательство «Дрофа» выпустило новый учебник «Мир в XX веке» для 11 класса³. Общий тираж этих учебников превысил два миллиона экземпляров!

¹ Молочков С. Ф. Олег Стефанович Сороко-Цюпа (20.11.1927 – 23.04.2000) // США и Канада: экономика – политика – культура. 2000. № 7. С. 77.

² Смирнов В. П., Сороко-Цюпа О. С., Строганов А. И. Мир в XX веке. М., 1999.

³ Они же. Мир в XX веке. М., 2001.

С кафедрой активно сотрудничал выпускник исторического факультета (1940 г.), доктор исторических наук (1963 г.) Николай Александрович Ерофеев (1907–1996)¹. Основным местом его работы с 1946 г. был Институт истории АН СССР (позднее – Институт всеобщей истории АН СССР и РАН). Николай Александрович был крупным специалистом по истории нового времени: в сферу его научных интересов входили история чартистского движения, ход и особенности промышленного переворота, а также развитие британского колониализма². Н. А. Ерофеев внес значительный вклад в работу над кафедральным учебником по историографии новой истории, где им были написаны все главы по британской историографии – начиная с общественно-политической мысли Англии XVII столетия, и кончая развитием исторической науки в Великобритании начала XX века³. Некоторое время исследователь читал на историческом факультете лекции по методологии изучения истории⁴, материал которых в значительной мере был использован ученым при написании монографии «Что такое история?»⁵.

Традиции плодотворного сотрудничества нашей кафедры с видными учеными-англоведами Института всеобщей истории были успешно продолжены и в XXI в. В начале 2010-х годов на кафедре преподавала признанный специалист по истории английского парламентаризма Марина Павловна Айзенштат. Марина Павловна окончила аспиран-

¹ О Н. А. Ерофееве см. воспоминания его ученика А. Б. Давидсона: *Давидсон А. Б. В поисках Туманного Альбиона... Из воспоминаний о Николае Александровиче Ерофееве (1907–1996)* // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 130–140.

² *Ерофеев Н. А. Очерки по истории Англии, 1815–1917*. М., 1959; *Он же. Чартистское движение*. М., 1961; *Он же. Промышленная революция в Англии*. М., 1963; *Он же. Империя создавалась так... Английский колониализм в XVIII в.* М., 1964. В своих поздних трудах Н. А. Ерофеев обращался к проблемам исторической империологии. См.: *Ерофеев Н. А. «Туманный Альбион». Англия и англичане глазами русских*. М., 1982.

³ *Историография истории нового времени стран Европы и Америки. Учебное пособие для студентов вузов*. Под ред. *И. П. Дементьева*. М., 1990. С. 35–43, 71–79, 148–159, 227–241, 389–400.

⁴ *Суслопарова Е. А. Ерофеев Николай Александрович* // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. Под общ. ред. *С. П. Карпова*. М., 2004. С. 132; *Смоленский Н. И. Теория и методология истории*. 4-е изд. М., 2012. С. 10–11.

⁵ Об этом говорится в предисловии к книге Ерофеева. См.: *Ерофеев Н. А. Что такое история?* М., 1976. С. 3.

М. П. Айзенштат – д.и.н., ведущий научный сотрудник

готовила главы по истории Великобритании в учебнике по новой истории стран Европы и Америки⁴.

В наши дни изучение и преподавание истории Британии на нашей кафедре ведут четыре доцента и один младший научный сотрудник.

В 1971 г. исторический факультет МГУ окончил и в октябре 1974 г., после обучения в аспирантуре, стал ассистентом на нашей кафедре Сергей Александрович Соловьев. Четыре года спустя под руководством Л. Н. Еремина он защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Развитие государственно-монополистического капитализма в Англии в годы Первой мировой войны, 1914–1918 гг.». Тем самым, он

туру Института всеобщей истории АН СССР¹. Там же 1985 году она успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Английский буржуазный радикализм и колониальная политика Великобритании 1815–1848 гг.» (научный руководитель – д.и.н. Е. Б. Черняк)², а в 1999 году – докторскую диссертацию на тему: «Британский парламент и общество 1815–1849 гг.»³. На историческом факультете Марина Павловна читала общий курс по истории Великобритании в новое время, вела спецсеминар по проблемам парламентаризма и политического развития Британских островов в XIX веке, а также под-

¹ Профиль М. П. Айзенштат на сайте Института всеобщей истории РАН. URL: <http://igh.ru/employees/169?locale=ru> (дата обращения: 01.12.2019).

² *Айзенштат М. П.* Английский буржуазный радикализм и колониальная политика Великобритании 1815–1848 гг. Дис... канд. ист. наук. М., 1985.

³ *Айзенштат М. П.* Британский парламент и общество 1815–1849 гг. Дис... докт. ист. наук. М., 1999. В 1990-е – 2000-е гг. исследовательницей был опубликован ряд монографий и учебных пособий: *Айзенштат М. П.* Британский парламент и общество в 30–40 гг. XIX в. М., 1997; *Она же.* Британия нового времени. Политическая история. М., 2007; *Она же.* Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М., 2009.

⁴ См.: *История стран Европы и Америки в Новое время, 1815–1914.* Под ред. В. С. Бондарчука и И. В. Григорьевой. М., 2016. Гл. 3, 16, 25.

продолжил изучение экономической истории Англии, основы которого были заложены еще И. С. Звавичем. Дальнейшей разработке этой проблематики во многом способствовала его стажировка в 1980/81 учебном году в Лондонской школе экономики (LSE), которую более чем за полвека до того окончил И. С. Звавич. Собранный в ходе стажировки материал позволил С. А. Соловьеву не только существенно дополнить его диссертацию и в 1985 г. опубликовать ее как монографию под тем же названием в издательстве МГУ¹, но и послужил основой для ряда спецкурсов и спецсеминаров.

С. А. Соловьев участвовал самостоятельно и в соавторстве в создании целого ряда программ общих и специальных курсов². Особое место занимает его участие в составе авторского коллектива кафедры в работе над двухтомным классическим университетским учебником истории стран Европы и Америки в новейшее время, в котором им написаны все главы по истории Великобритании, а также общие главы в разделе 1930-х годов первого тома³. За время работы на кафедре им подготовлено более ста дипломников, бакалавров и магистров, а 14 аспирантов под его руководством защитили кандидатские диссертации. С момента основания в 1992 г. Ассоциации британских исследований «Английский клуб» С. А. Соловьев стал ее вице-президентом⁴. В 2008 году ему было присвоено почетное звание «Заслуженного преподавателя МГУ».

В 1977 г. окончил исторический факультет МГУ Василий Николаевич Истратов. Через три года он завершил обучение в аспирантуре и тогда же, в 1980 г., защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Лейбористская партия Великобритании и национальный вопрос на Британских островах (1967–1979 гг.)», на данную тему им была написана монография⁵. Следующие десять лет В. Н. Истратов успешно работал на кафедре новой и новейшей истории, но в 1991 г. перешел на работу

¹ Соловьев С. А. Развитие государственно-монополистического капитализма в Англии в годы Первой мировой войны, 1914–1918 гг. М., 1985.

² См.: Программы специальных курсов по специализации «История и теория международных отношений»: Учебно-методическое пособие. Отв. ред. А. С. Манькин. М., 2003; Программы специальных курсов по истории теории международных отношений в новое и новейшее время. М., 2010.

³ История новейшего времени стран Европы и Америки, 1918–1945. М., 2004.

⁴ Историк и общество: отечественное англоведение, 1917–1991 гг. Отв. ред. М. П. Айзенштат. М., 2008. С. 277.

⁵ Истратов В. Н. Лейбористы и национальные проблемы в северной Ирландии, Шотландии, Уэльсе (конец 60-х – 70-е гг. XX в.). М., 1984.

в МИД. Важно подчеркнуть, что в 1999–2003 гг. он трудился в Посольстве РФ в Ирландской Республике в должности советника-посланника. В 2003–2006 гг. он стал заместителем директора Департамента Северной Америки МИД РФ, а в мае 2006 г. Василий Николаевич был назначен Чрезвычайным и Полномочным Послом РФ в Азербайджане. Эту миссию он завершил в феврале 2009 г., после чего в 2011 г. снова вернулся в *Alma Mater*¹.

Последние четыре года Василий Николаевич Истратов вновь работает на родной кафедре новой и новейшей истории². В рамках магистерской программы читает спецкурс «Национализм в странах Европы в 1900–1945 гг.», ведет спецсеминар, готовит восстановление специализации по истории Ирландии на нашей кафедре и сверх того, является заместителем декана исторического факультета по УМО.

Выпускница исторического факультета МГУ 1979 г. Елена Алексеевна Макарова под руководством профессора Н. М. Мещеряковой подготовила и в 1989 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Общественно-политические взгляды английского социального утописта, историка и писателя Уильяма Годвина (1756–1836)»³. С 1990 г. она работает на кафедре новой и новейшей истории. В 1994 г. она проходила научную стажировку в Лондоне в Институте исторических исследований (Institute of Historical Research).

История Британии нового времени – вот основная сфера научных и педагогических интересов доцента Е. А. Макаровой. Ее исследования посвящены истории британской общественной мысли эпохи Просвещения, развитию национальной идеи в Англии в XVII–XIX веках, а также истории английской культуры нового времени. По этой проблематике ею подготовлено и опубликовано большое количество статей, главы в коллективных монографиях и сборниках научных трудов⁴.

¹ На дипломатическом поприще кафедра дала ему многое. Об этом см. его воспоминания в разделе III. С 2011 г. и по настоящее время В. Н. Истратов преподает на факультете государственного управления МГУ (по совместительству).

² В. Н. Истратов начал снова работать на факультете с 2016 года. В настоящее время работает на кафедре новой и новейшей истории в должности доцента. Об этом см.: URL: <http://www.hist.msu.ru/departments/3992/people/teachers/32416> (дата обращения: 07.07.2020).

³ Макарова Е. А. Общественно-политические взгляды английского социального утописта, историка и писателя Уильяма Годвина (1756–1836). Дис... канд. ист. наук. М., 1989.

⁴ Makarova E. A. Reflections on Progress amidst Ruins of Enlightenment. William Godwin's Works of the Late 1790s through 1830s // Progrès et Violence au XVIIIe siècle.

Накопленными знаниями она щедро делится со своими учениками в своих общих и специальных лекционных курсах. За годы работы на нашей кафедре в ее спецсеминарах подготовлены десятки выпускников, а трое аспирантов под ее научным руководством защитили кандидатские диссертации. Е. А. Макарова активно участвует в международных конференциях в нашей стране и за рубежом. Ее доклады и статьи неизменно вызывают интерес коллег. Она состоит в Международном обществе по изучению XVIII века и Ассоциации британских исследований.

Вот уже два десятилетия большую научную и педагогическую работу ведет на нашей кафедре доцент Елена Алексеевна Суслопарова. Ее преподавательская деятельность на историческом факультете МГУ началась уже в период обучения в аспирантуре в 1995–1999 годах, правда, не на нашей кафедре, а на кафедре иностранных языков, где она вела занятия по английскому языку. Но после успешной защиты в 2000 г. подготовленной под руководством С. А. Соловьева кандидатской диссертации на тему: «Эволюция лейбористской партии Великобритании во второй половине 20-х годов XX века» она перешла работать на кафедру новой и новейшей истории. В 2004 году она получила стипендию фонда Веббов и прошла научную стажировку в Раскин колледже Оксфордского университета Великобритании.

Доцент Е. А. Суслопарова успешно разрабатывает проблематику социально-политической истории Великобритании с конца XIX века и до наших дней, центральное место в ее исследованиях занимает история лейбористской партии Великобритании¹. Помимо большого

Ed. par V. Cossy et D. Dawson. Paris, 2001. P. 117–145; Макарова Е. А. Национальная мысль и национальное сознание Англии в Новое время // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Под ред. В. С. Бондарчука. М., 2005. С. 11–124; Она же. Визуализация образов власти в правление ранних Стюартов (Рубенс. Роспись потолка Банкетного зала в Уайтхолле) // Исторические исследования. 2017. № 7. С. 20–46; Она же. Лондон Уильяма Хогарта: особенности социальной и художественной репрезентации // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. № 1 (65).

¹ См.: Суслопарова Е. А. Джеймс Рамзей Макдональд (1866–1937). К политическому портрету лейбористского лидера // Новая и новейшая история. 2003. № 4. С. 141–157; Она же. Джордж Лэнсбери (1859–1940). Страницы политической биографии лидера британских лейбористов // Новая и новейшая история. 2014. № 2. С. 179–197; Она же. Артур Гендерсон – «архитектор» лейбористской партии Великобритании // Новая и новейшая история. 2015. № 2. С. 163–182; Она же. Первое

количества статей в ведущих отечественных научных журналах и активного участия в научных конференциях, ею опубликованы две монографии: одна по материалам кандидатской диссертации¹ и вторая, вышедшая совсем недавно в серии «Труды исторического факультета МГУ. Исторические исследования» под названием «Ранняя история лейбористской партии Великобритании в портретах ее деятелей»².

Особо следует отметить участие Е. А. Суслопаровой в авторском коллективе кафедры, создавшем остро востребованное вузовское учебное пособие «История стран Европы и Америки в XXI веке»³, где ею написана глава по современной истории Великобритании. С британской историей новейшего времени связана вся педагогическая работа доцента Суслопаровой. Большой интерес у студентов бакалавриата и магистратуры неизменно вызывают ее специальные курсы: «Становление и развитие английской социал-демократии в конце XIX–XX века» и «Британские премьер-министры XX века».

С 2018 года в должности младшего научного сотрудника работает еще один выпускник кафедры (2015 г.) – Павел Юрьевич Князев. Его исследования связаны с эпохой правления голландского статхаудера, а с 1689 г. – английского короля Вильгельма III Оранского (1650–1702). В сфере научных интересов П. Ю. Князева – причины и ход приведшего принца Оранского к власти в Англии переворота, вошедшего в историю как «Славная революция», а также последовавшие за последним реформы и модернизационные процессы, сильно изменившие облик этой страны. Таким образом, за последние десятилетия англоведческая специализация на нашей кафедре охватила практически все периоды новой и новейшей истории Британских островов – от XVII века до современности.

История англоведения на кафедре новой и новейшей истории исторического факультета МГУ – это, прежде всего, история людей, история научных исследований и подготовки историков-профессионалов, история научной мысли и педагогического таланта. Об этом мы и пытались здесь рассказать.

лейбористское правительство 1924 г. в Великобритании // Преподавание истории и обществознания в школе. 2019. № 4. С. 3–13.

¹ Суслопарова Е. А. Эволюция лейбористской партии Великобритании во второй половине 20-х гг. XX века. М., 2007.

² Суслопарова Е. А. Ранняя история лейбористской партии Великобритании в портретах ее деятелей. М., 2019.

³ История стран Европы и Америки в XXI веке. М., 2012.

Д. Ю. БОВЫКИН, Г. Ч. МОИСЕЕВ

ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ

Франковедение в Московском университете имеет давние традиции, восходящие к деятельности Т. Н. Грановского, Н. И. Кареева, В. И. Герье. Когда в 1934 г. был восстановлен исторический факультет и на нем создана кафедра новой истории, во главе обоих встали известные франковеды, специалисты по новой истории Франции. В то время наиболее востребованными темами исследований на кафедре были история социалистической мысли, история революций XVIII–XIX вв., в особенности Французской, социальное и экономическое развитие западноевропейских стран XVII–XIX вв. Для первой половины XX в. актуальной оказалась тема войн и международных отношений¹.

Кафедру возглавил академик Николай Михайлович Лукин². Еще в студенческие годы Лукин заинтересовался Французской революцией, впоследствии стал первым советским историком Парижской коммуны 1871 г. Его научные заслуги сегодня видятся спорными: считая своей задачей сосредоточиться на изучении классово-борьбы, чтобы помочь пролетариату победить буржуазию, ставя историческую науку на службу коммунистической партии, Лукин зачастую шел от теории, а не от документов, которые лишь иллюстрировали те или иные априорно известные тезисы³.

Лукин стоял у истоков изучения в СССР новой истории Франции не только как ученый, но и как педагог. Среди его учеников, занимавшихся проблемами изучения Французской революции XVIII века А. З. Манфред и В. М. Далин – признанные лидеры франковедения.

¹ Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет / Под общ. ред. С. П. Карпова. М., 2004. С.336.

² См. главу А. В. Лазаревой о Н. М. Лукине в разделе II.

³ Подробнее см.: Чудинов А. В. Французская революция: история и мифы. М., 2007. Гл. 2. Н. М. Лукин: у истоков советской историографии.

ния вплоть до 1980-х гг., а также Р. А. Авербух, С. М. Моносов, Н. П. Фрейберг, специалист по истории международного рабочего движения и Парижской коммуны С. Д. Кунииский. Ученики отзывались о Лукине с благодарностью и уважением. Как отмечал в своих мемуарах И. С. Галкин, тот научил его «не только собирать, отбирать материал из добытого в архивах и критически его интерпретировать, но еще и экономно, с наибольшей отдачей использовать время, не разбазаривая его»¹. Манфред вспоминал впоследствии, что Лукин «производил впечатление какого-то высокого синтеза громадных знаний и точнейшей организованности»².

Сам же исторический факультет возглавил другой сотрудник кафедры – Григорий Самойлович Фридлянд. Он учился под руководством Н. И. Кареева, В. А. Бутенко и А. Н. Савина, получал образование в Институте красной профессуры, был одним из основателей общества историков-марксистов, активно преподавал. «Это был шершавого, своеобразного характера, прямолинейный, иногда резкий в оценках, воинствующий в области науки человек, – вспоминала о Фридлянде Г. И. Серебрякова. – Он был задирист, смел, страстен»³. В 1936 г. он был арестован и приговорен к расстрелу.

Как и ряд других историков-марксистов этого времени, Фридлянд не просто увлекся разработкой проблематики Французской революции⁴. Ему было интересно поверить марксизмом всю историю революции, увидеть, как новая теория позволяет совершенно иначе ее проанализировать и интерпретировать. Весьма показателен в этом плане его доклад о Термидоре, прочитанный в обществе историков-марксистов⁵. В нем Фридлянд доказывал, что к лету 1794 г., по сути, столкнулись программы двух группировок: конечной целью одной было создание эгалитарной (“аграрной”) республики, где торговля и промышленность играли бы лишь служебную роль, и чисто буржуазным идеалом дру-

¹ Галкин И. С. Записки ректора Московского университета. М., 2004. С. 89.

² Манфред А. З. Николай Михайлович Лукин // Европа в новое и новейшее время. Сборник статей памяти академика Н.М. Лукина. М., 1966. С. 16.

³ Серебрякова Г. И. Историки // Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М., 1981. С. 297.

⁴ Об историческом контексте исследований Фридлянда см.: Гордон А. В. Великая французская революция в советской историографии. М., 2009. Гл. 1–2. О самом Фридлянде подробнее см.: Гордон А. В. Историки железного века. М.-СПб., 2018. Гл. 1. Революционный марксизм: Г. С. Фридлянд.

⁵ Фридлянд Г. С. 9 термидора // Историк-марксист. 1928. Т. 7. С. 158–188.

гой – создание индустриального государства и наилучших условий для капиталистического накопления в стране»¹. При этом программа робеспьеристов, по сути, не соответствовала духу времени, мешала Французской революции выполнить свое предназначение. Уничтожение феодализма должно было открыть дорогу буржуазии, а робеспьеристы оказались главным препятствием на этой дороге и были сметены с пути.

Эта концепция не имела аналогов ни у нас в стране, ни во Франции, поскольку, как растерянно заметил один из выступавших в прениях, «если якобинцы представляли собой реакционно-утопическую идеологию, то первый вывод, который следует по законам логики, это то, что те, которые выступали против них 9-го Термидора, были силой прогрессивной и переворот 9-го Термидора носил прогрессивный характер»².

Другой, не менее новаторской, стала работа Фридлянда о Марате – из-за ареста ученого была опубликована только ее первая часть³. Она основана на широком круге источников, с которыми автор работал не только в России, но и во Франции. Проанализировав их, Фридлянд пришел к выводу, что в годы революции существовало такое идейное течение как «маратизм» – «мелкобуржуазная теория революционной диктатуры конца XVIII в.»⁴. Историк рассматривал Марата как идеолога плебейских масс Франции, «четвертого сословия», предпролетариата. Однако не только идеолога. «Решающей особенностью социальных проектов Марата была, однако, – отмечал Фридлянд, – их органическая связь с его политической программой революционной борьбы. В сочетании они дают то, что мы называем маратизмом»⁵. Таким образом, и Марат оказывался противопоставлен буржуазному характеру революции. Однако и эта концепция Фридлянда так и осталась экзотической для его коллег. И сам термин «маратизм», и многие другие тезисы книги вызвали, в частности, полное отторжение Манфреда, готовившего второе издание работы. «Эти взгляды, – специально отмечал тот, – не разделяются советской исторической наукой»⁶.

¹ Там же. С. 160.

² Там же. С. 191.

³ Фридлянд Г. С. Жан-Поль Марат и гражданская война XVIII в. М.-Л., 1934.

⁴ Фридлянд Г. С. Жан-Поль Марат и гражданская война XVIII в. 2-е изд. М., 1959. С. 86.

⁵ Там же. С. 321.

⁶ Манфред А. З. Предисловие редактора // Там же. С. VIII.

Заместителем заведующего кафедрой новой истории в эти годы работал Виктор Моисеевич Далин. К тому времени он был автором ряда статей по Французской революции и истории Франции рубежа XIX–XX вв. и успел уже выпустить монографию о кризисе синдикализма¹; в 1929–1930-х гг. Далин стажировался в Париже у А. Матьеза. «Участник первых боев за установление советской власти, активный комсомольский работник, занимавший высокие посты, В. М. Далин пришел в науку в ту пору, когда марксистская методология вела непримиримую борьбу за свое самоутверждение. Став под руководством академика Н. М. Лукина одним из самых последовательных историков-марксистов первой волны, Далин, во имя утверждения господства новой методологии, активно включился в беспощадную идеологическую борьбу против исследователей, полностью или даже частично не принимавших марксизм»². Вместе с другими историками-марксистами во время «академического дела» он громил академика Е. В. Тарле, называя его, «несмотря на всю маскировку, [...] самым подлинным буржуазным историком»³. В 1936 г. Далин получил звание профессора, в том же году он был репрессирован, и смог вернуться к научной работе только много лет спустя, но уже не на нашей кафедре.

В 1934–1937 гг. и 1946–1947 гг. преподавал на кафедре еще один ученик Лукина – Сергей Борисович Кан. Его основные научные интересы были связаны с Германией, однако ему принадлежит и ряд работ о Франции нового времени: Французской революции⁴ и Парижской коммуне⁵, по истории которой он «остроумно, живо и интересно»⁶ читал лекции студентам.

Франковеды активно участвовали и в разработке такого нового направления как история социалистических идей. Мэтром и первопроходцем здесь был академик Вячеслав Петрович Волгин, ушедший из Московского университета еще до образования исторического факуль-

¹ Далин В. М. Стачки и кризис синдикализма в предвоенной Франции. М.-Л., 1935.

² Погосян В. А. В. М. Далин, каким я его знал // Французский ежегодник. 2002. М., 2002. С. 9.

³ Погосян В. А. Доклад В. М. Далина «О Тарле» // Французский ежегодник. 2016. М., 2016. С. 258.

⁴ Впоследствии он выпустит работу: Кан С. Б. Парижские рабочие в революции 1789–1794 годов (историографический обзор) // Вопросы истории. 1956. № 1.

⁵ Кан С. Б. Женщины Парижской коммуны. М., 1933.

⁶ Гутнова Е. В. Пережитое. М., 2001. С. 134.

тета, с кафедрой активно сотрудничали его ученики, однако курс по истории социалистических идей был приглашен читать с его подачи ученик В. П. Бузескула известный специалист по Ш. Фурье Иогансон Исаакович Зильберфарб¹.

После разгрома кафедры и факультета в годы «Большого Террора» для чтения лекций и руководства студентами и аспирантами стали часто приглашать специалистов со стороны.

Так, в 1942 г. защитил на истфаке кандидатскую диссертацию на тему «Социалистическое движение во Франции в 70-х годах» и до 1949 г. преподавал на кафедре ученик не только Лукина, но и Волгина Альберт Захарович Манфред. В эти годы он еще не был известным всей стране ученым и главным редактором «Французского ежегодника», но уже опубликовал несколько статей по истории социалистической мысли, о циммервальдском движении в швейцарской социал-демократии, о Парижской коммуне 1871 года.

В 1943 г. стал профессором Московского университета и до 1951 г. преподавал на нашей кафедре другой ученик Волгина – Борис Федорович Поршневу; в частности, он читал общий курс по новой истории. С начала 1930-х гг. Поршневу интересовали французскими народными движениями и в 1940 г. защитил докторскую диссертацию «Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648)»².

В 1945–1947 гг. читал лекции и руководил студентами и аспирантами академик Евгений Викторович Тарле. Он принадлежал к знаменитой еще до октябрьской революции «русской школе», много занимался проблемами изучения Французской революции³ и наполеоновской Франции⁴. В 1921 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук, в 1927 г. – академиком. После репрессий в рамках «академического дела» он вновь вернулся к преподаванию и был восстановлен в Академии.

¹ Главный его труд на эту тему был опубликован сильно позже: *Зильберфарб И. И.* Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX века. М., 1964.

² *Поршневу Б. Ф.* Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М., 1948.

³ *Тарле Е. В.* Рабочий класс во Франции в эпоху революции. СПб., 1909–1911. Ч. 1–2; *Он же.* Жерминаль и Прериаль. М., 1937.

⁴ *Тарле Е. В.* Континентальная блокада: с приложением неизданных документов. М., 1913–1916. Т. I–II; *Он же.* Наполеон. М., 1939.

В первые послевоенные годы франковеды вновь стояли во главе кафедры. В 1944–1946 гг. ей руководил Ф. В. Потемкин. С 1947 г. по 1948 годы кафедрой заведовал Б. Ф. Поршнев.

Федор Васильевич Потемкин был выпускником историко-филологического отделения Санкт-Петербургского университета (заканчивать его Потемкину пришлось уже в начале 1920-х гг.), он интересовался проблемами промышленной революции, в 1927–1928 гг. работал во французских библиотеках и архивах, позднее принял участие в гонениях на Е. В. Тарле, обвинив его в «псевдомарксизме» и «псевдонаучности»¹. В 1937 г. Потемкин защитил докторскую диссертацию, опубликованную в том же году², в 1938 г. стал профессором. «Бескорыстный, далекий от карьеризма, – вспоминал о нем И. С. Галкин, – от трескучей фразы, Федор Васильевич отдал всю свою жизнь исторической науке и воспитанию молодежи»³.

Использование марксистской методологии не исключало для Потемкина очень подробного и детального анализа лионских восстаний, вписанных не только в экономический, но и в политический контекст. С одной стороны, его выводы кажутся подчеркнуто актуализированными. «Отчетливо вырисовывается, – писал он, – неорганизованность пролетариата, не имеющего своей *партии* и своего *вождя*. Становится очевидным пагубный результат тактики *слияний* с буржуазными республиканцами»⁴. С другой стороны, Потемкин не ограничивается классовым анализом, он рассматривает намного более тонкие социальные срезы, то и дело уходит от детерминированности, признавая, к примеру, что второе лионское восстание проходило в условиях не экономического спада, а, напротив, оживления промышленности⁵. Избранный сюжет не помешал автору написать свою работу ярко, временами даже хлестко, со множеством аллюзий, явно видна и немалая эрудиция Потемкина, далеко выходящая за рамки, собственно, французских событий. В 1953 г. Потемкин был избран членом-корреспондентом АН СССР.

Интерес к событиям 30-х годов XIX века вывел историка на более крупную проблему – особенностей промышленной революции во

¹ Ревякин А. В. Федор Васильевич Потемкин // Портреты историков. Время и судьбы. М.-Иерусалим, 2000. Т. II. С. 396.

² Потемкин Ф. В. Лионские восстания 1831 и 1834 гг. М., 1937.

³ Галкин И. С. Указ. соч. С. 97.

⁴ Потемкин Ф. В. Указ. соч. С. 343.

⁵ Там же. С. 338.

Франции, работа над которой завершилось появлением в 1971 году монументальной двухтомной монографии¹, включавшей в себя все, что было сделано Потемкиным в изучении этого вопроса и основанной на огромном количестве источников из Национального архива Франции. Но замысел автора оказался непомерным, так как в рамках одного, даже крупного исследования, было невозможно охватить все стороны такого емкого исторического явления. Вне поля зрения остались некоторые отрасли экономики – транспорт, финансы, экономическая политика государства. Тем не менее, эта монография долго оставалась непревзойденной в отечественной науке по широте охваченного материала.

К концу 40-х годов из семерых сотрудников кафедры, занимавшихся историей всего нескольких стран (Франции, Германии и Италии) трое были франковедами: И. Д. Белкин, Н. Е. Застенкер и Л. А. Бендрикова.

Профессор Иосиф Давидович Белкин – широко образованный историк-марксист, пытливый исследователь – много и плодотворно занимался новой историей Франции, уделяя особое внимание французскому социалистическому и рабочему движению последних десятилетий XIX века. После защиты в 1939 г. кандидатской диссертации о Франции в период войны 1914–1918 т. И. Д. Белкин подготовил и успешно защитил в 1946 г. докторскую диссертацию на тему: «Жюль Гед и борьба за Рабочую партию во Франции» – крупное научное исследование, изданное в 1952 г. отдельной монографией². Разумеется, в духе того времени угол зрения был резко критическим, и Гед характеризовался главным образом как оппортунист и реформист. После защиты диссертации И. Д. Белкин получил должность профессора и проработал на факультете до 1955 г.

Заслугой И. Д. Белкина как исследователя истории французского социалистического движения после Парижской Коммуны является доказательство влияния передовой русской социалистической мысли на развитие социалистических идей во Франции. Он впервые привлек внимание к этому вопросу и продемонстрировал, например, что на идейное развитие Ж. Гед от бакунизма к марксизму значительное влияние оказали социалистические идеи Н. Г. Чернышевского. В по-

¹ Потемкин Ф. В. Промышленная революция во Франции. М., 1971. Т. I–II.

² Белкин И. Д. Жюль Гед и борьба за рабочую партию во Франции. М., 1952.

следние годы жизни И. Д. Белкин продолжал работу по исследованию истории французского рабочего движения в конце XIX века.

Наум Ефимович Застенкер принадлежал к числу тех преподавателей и ученых, которые оказали значительное влияние на формирование послевоенного поколения советских историков¹. Как исследователь он был редким специалистом широкого профиля, свободно ориентирующимся в истории разных стран и разных эпох. Большинство его трудов посвящено истории Франции, но он также написал ряд работ по истории Италии, Германии, Англии и России.

Центральной темой научных интересов Н. Е. Застенкера была история социалистических учений². Его учителем в этой области был академик В. П. Волгин. Студенческий доклад Н. Е. Застенкера «Основные моменты учения Прудона», сделанный им в 1930 году во время учебы в Институте красной профессуры, стал его первым подступом к осуществлению большого научного замысла, в дальнейшем определившегося как исследование социальных и политических идей и деятельности П.-Ж. Прудона в период революции 1848–1849 гг. во Франции³. Задуманный Н. Е. Застенкером капитальный труд так и не был завершен: скрупулезная требовательность ученого к своей работе породила у него постоянную неудовлетворенность уже сделанным. Но по частям результаты этого исследования в разное время были опубликованы. Н. Е. Застенкер с интересом занимался историей революции 1848–1849 гг. во Франции, посвятив ей специальную монографию⁴, ряд глав в коллективных трудах⁵ и несколько статей, в том числе свою последнюю прижизненно опубликованную работу «Об организации рабочих делегатов Люксембургской комиссии 1848 г.»⁶.

С 1948 года Н. Е. Застенкер начал преподавать на историческом факультете МГУ. Наряду с общим лекционным курсом по новой истории он читал студентам специальный курс по истории социалистиче-

¹ *Смирнов В. П.* Наум Ефимович Застенкер (1903–1977) // Портреты историков. Т. IV. Новая и новейшая история. М., 2004. С. 210.

² *Застенкер Н. Е.* Очерки истории социалистической мысли. М., 1985.

³ Предисловие *И. В. Григорьевой* к публикации *Застенкер Н. Е.* Прудон и его проект «Банка обмена» // Французский ежегодник. 1978. М., 1980. С. 161–162.

⁴ *Застенкер Н. Е.* Революция 1848 года во Франции. М., 1948.

⁵ Революции 1848–1849 гг.; В 2-х т. / Под ред. *Ф. В. Потемкина, А. И. Молока.* М., 1952; История Франции. М., 1973. Т. II.

⁶ *Застенкер Н. Е.* Об организации рабочих делегатов Люксембургской комиссии 1848 г. // Французский ежегодник. 1975. М., 1977.

ских учений, а затем организовал специальный семинар на совершенно новую для того времени тему «Движение Сопротивления во Франции в годы Второй мировой войны».

Любовь Авксентьевна Бендрикова была ученицей Ф. В. Потемкина и изначально занималась историей Франции XIX века. Ее привлекали сюжеты, связанные с революционными событиями середины столетия и деятельность французских социалистов этого периода. В подготовленном на кафедре сборнике к юбилею революции 1848 года Бендрикова опубликовала статью¹, посвященную положению рабочего класса в период экономического кризиса 1847 г., который рассматривался в историографии как одна из причин грядущих революционных событий.

Еще одним направлением научных интересов Л. А. Бендриковой была зарубежная историография. В 1971 году она защитила докторскую диссертацию «Французская историография революции 1848–1849 гг. во Франции», подготовленную по материалам ранее изданной одноименной монографии². В 1983 году увидела свет еще одна историографическая работа Бендриковой, посвященная идейной борьбе французских историков-марксистов, анализирующих деятельность Народного фронта, с их оппонентами, представляющими «социал-реформистское и буржуазное течения» во французской публицистике и историографии 30–70-х годов нашего столетия.

Л. А. Бендрикова читала студентам-франковедами курс по страноведению и несколько лекций по истории Франции в общем курсе по новейшей истории. Материалы некоторых из них были опубликованы в 1957 году³ и длительное время являлись единственным в своем роде учебно-методическим пособием по страноведению.

В середине 50-х гг. начался новый этап в жизни кафедры – время ее поступательного развития. С 1953 г. заведующим стал профессор И. С. Галкин, поставившей целью превратить кафедру в серьезный

¹ Бендрикова Л. А. Экономический кризис и рабочее движение накануне февральской революции во Франции // К столетию революции 1848 года. Сборник статей. Под ред. Б. Ф. Поршинева и Л. А. Бендриковой. М., 1948. Бендрикова Л. А. Луи Блан как историк. Историографический очерк. М., 1959.

² Бендрикова Л. А. Французская историография революции 1848–1849 гг. во Франции. (1848–1968). М., 1969.

³ Бендрикова Л. А. Франция в 1929–1939 гг. Лекции, прочитанные на историческом факультете Московского университета. М., 1957.

научный центр. Он не только добивался расширения штатного состава за счет приглашения крупных ученых, но и стремился пополнить коллектив кафедры ее выпускниками – молодыми, перспективными специалистами¹. В это время здесь начали работать А. В. Адо и В. П. Смирнов, ставшие впоследствии двумя ключевыми фигурами, определившими научные интересы нескольких поколений франковедов, посвятивших себя изучению новой и новейшей истории этой страны.

Анатолий Васильевич Адо поступил на истфак в 1945 г. В 1950 г. под руководством Б. Ф. Поршнева он защитил дипломную работу на тему «Мелье и Вольтер», а в 1954 г. – кандидатскую диссертацию «Крестьянское движение во Франции в первые годы Французской буржуазной революции конца XVIII века». Эта тема, очевидно, лежала в русле интересов Б. Ф. Поршнева, о котором Адо позднее отзывался как «об учителе и добром друге»². С 1953 г., еще до защиты диссертации, Адо стал работать на кафедре и ему сразу же было поручено чтение одного из основных лекционных курсов на факультете – общего курса по новой истории стран Европы и Америки с 1640 по 1871 годы.

Владислав Павлович Смирнов стал первокурсником исторического факультета в 1948 году. В 1953 году под руководством Н. Е. Застенкера он подготовил дипломную работу, посвященную деятельности Французской компартии в межвоенные годы, а в 1958 г., защитил кандидатскую диссертацию о внутренней политике французских кабинетов в период «странной войны» (сентябрь 1939 – май 1940 г.). В январе 1957 г., после окончания аспирантуры, В. П. Смирнов был принят на должность ассистента. В 1961 г. вышла в свет его первая монография – «Франция во время Второй мировой войны»³, а в 1963 г. вторая – ««Странная война» и поражение Франции»⁴. Эти работы можно рассматривать как первые специальные исследования, посвященные новейшей истории Франции на нашей кафедре.

После XX съезда КПСС в стране несколько улучшились условия научно-исследовательской деятельности. Понимая это, на одном из за-

¹ *Смирнов В. П.* От Сталина до Ельцина: автопортрет на фоне эпохи. М., 2011. С. 217.

² Цит. по: *Бовыкин Д. Ю.* Анатолий Васильевич Адо: образ и память. Саратов, 2007. С. 43.

³ *Смирнов В. П.* Франция во время второй мировой войны. М., 1961.

⁴ *Смирнов В. П.* «Странная война» и поражение Франции. М., 1963.

седаний кафедры Н. Е. Застенкер поставил вопрос о необходимости зарубежных научных командировок. И. С. Галкин идею поддержал, со свойственной ему огромной энергией взялся за их организацию и добился желаемого результата. В 1962 году целая группа молодых преподавателей кафедры получили разрешение на длительные зарубежные поездки.

А. В. Адо был отправлен во Францию, где получил возможность работать в архивах и библиотеках, лично узнать французских коллег и подружиться со многими из них, в частности с А. Собоулем, сборник статей которого вышел в русском переводе за несколько лет до того¹. В 1963 г. на 10-месячной стажировке во Франции побывал и В. П. Смирнов. За это время он смог собрать уникальные исторические документы, опросить более 30 участников Сопrotивления и заручиться поддержкой главы Комитета по истории Второй мировой войны при премьер-министре Франции профессора А. Мишеля, разрешившего ему работать в библиотеке Комитета и поспособствовавшего установлению контактов с корреспондентами Комитета на местах.

Эти поездки имели очень большое значение. Благодаря им молодые франковеды смогли лучше понять зарубежные реалии, познакомиться с достижениями мировой историографии, что несомненно расширяло их концептуальные и информационные горизонты.

Летом 1968 г. А. В. Адо защитил докторскую диссертацию, темой которой стало «Крестьянское движение во Франции накануне и во время Великой французской буржуазной революции конца XVIII века». В 1971 году эта работа была издана виде монографии². После выхода монографии в свет она приобрела широкую известность, а ее автор – немалый авторитет и у отечественных, и у зарубежных коллег.

¹ Адо выступал в нем в роли редактора, составителя и автора предисловия: *Собуль А.* Из истории Великой буржуазной революции 1789–1794 гг. и революции 1848 г. во Франции. М., 1960.

² *Адо А. В.* Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII века. М., 1971. 2-е изд.: *Он же.* Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789–1794 гг. М., 1987. Отметим, что сравнение между собой первого и второго изданий показывает немалую эволюцию взглядов автора, произошедшую, в том числе, под влиянием новейших исследований. Подробнее см.: *Бовыкин Д. Ю.* Указ. соч. С. 82 и след. Книга была также переведена на французский и немецкий языки: *Адо А.* Paysans en Révolution. Terre, pouvoir et jacquerie 1789–1794. P., 1996. *Idem.* Die Bauern in der Französischen Revolution 1789–1794. Leipzig, 1997.

«Искрящийся ум»¹ Адо отмечал Ф. Бродель, М. Вовель называл его «великим русским историком»², его работы публиковались во Франции, Германии, Италии, Португалии, США³. Спустя два десятилетия, после смерти Манфреда и Далина, Адо стал одним из лидеров отечественного франковедения.

Преподаванию на кафедре, чтению лекционных и специальных курсов, работе с учениками Адо всегда уделял особое внимание, не жалел на это времени; в 1970 г. он получил звание профессора. Круг тем, которые он давал своим дипломникам, был крайне широк, охватывал практически всю новую историю Франции. Аспирантам же он предлагал сюжеты более близкие к его собственным научным интересам: они были связаны с Францией во второй половине XVIII – начала XIX в. и, прежде всего, с Французской революцией. Так, его ученики разрабатывали темы, связанные с парламентской оппозицией абсолютизму, народными движениями накануне революции, наказами в Генеральные штаты, наполеоновской эпохой, историографией Французской революции.

При этом, хотя сам Адо занимался сюжетом вполне «классическим» для советской историографии, многим своим аспирантам он давал темы, связанные не с изучением Французской революции «слева» и «снизу», как это было принято, а с дворянами, фейянами, жирондистами, термидорианцами. И когда к 200-летию Революции Адо удалось организовать в МГУ издание целой серии книг «Великая французская революция. Документы и исследования», этот новый и широкий выбор сюжетов проявился в ней весьма объемно⁴, несмотря на то, что общий принцип, положенный в основу серии – классовый подход – был бо-

¹ *Смирнов В. П.* Фернан Бродель: жизнь и труды // Французский ежегодник. 2002. М., 2002. С. 99.

² *Vovelle M.* Préface // *Ado A.* Paysans en Révolution. Terre, pouvoir et jacquerie 1789–1794. P., 1996. P. XI.

³ *Смирнов В. П.* Анатолий Васильевич Адо: человек, преподаватель, ученый (1928–1995) // Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 204.

⁴ *Кожокин Е. М.* Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до революции 1848 года. М., 1985; *Пименова Л. А.* Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986; *Адо А. В.* Крестьяне и Великая французская революция. М., 1987; *Буржуазия и Великая французская революция.* М., 1989; *Документы истории Великой французской революции.* М., 1990–1992. Т. I–II; *Смирнов В. П., Посконин В. С.* Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции. 1789–1989. М., 1991.

лее, чем традиционен. Заметим попутно, что, кроме нашей кафедры, ни один другой университет или академический институт не смог реализовать к двухсотлетию Французской революции столь масштабного проекта.

В 1972 году докторскую диссертацию по истории движения Сопротивления во Франции в 1940–1944 гг. защитил В. П. Смирнов. На ее основе он издал в 1974 году фундаментальную монографию «Движение Сопротивления во Франции во время Второй мировой войны»¹. В ней впервые была представлена общая картина развития движения Сопротивления, проанализированы основные его проблемы. Широко используя архивные материалы и печать движения Сопротивления, В. П. Смирнов подробно проанализировал деятельность его главных группировок, исследовал вопросы идейно-политической и классовой борьбы внутри этого движения. Важно отметить, что, несмотря на название, на страницах книги речь идет не только о внутреннем Сопротивлении, но и о деятельности де Голля, о движении «Свободная Франция», Французском комитете национального освобождения, взаимодействии де Голля и внутреннего Сопротивления. Эта работа и по сей день остается наиболее полным исследованием многих из рассмотренных в ней сюжетов.

Развивая данную тематику, В. П. Смирнов опубликовал в 1982 году статью о деятельности двух генералов – де Голля и Жиро – в период войны², а позднее представил краткий, но весьма емкий и глубокий анализ процесса формирования доктрины голлизма, выявил отличительные особенности голлистской идеологии и сопоставил ее с программами правых и левых сил Франции военных и первых послевоенных лет³.

Изучая историю Франции периода Второй мировой войны, В. П. Смирнов неизбежно соприкасался с целым комплексом более крупных проблем, без осмысления которых было бы трудно передать подлинную атмосферу, царившую во французском обществе в эти трудные годы. Он изучал особенности развития страны в межвоенный период, взгляды ее основных политических лидеров, специфику рас-

¹ Смирнов В. П. Движение Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны. М., 1974.

² Смирнов В. П. Де Голль и Жиро // Новая и новейшая история. 1982. № 2.

³ Смирнов В. П. Генерал де Голль в годы Второй мировой войны: становление идеологии голлизма // Новая и новейшая история. 1990. № 6.

становки политических сил в 40–50-е годы, эволюцию массового сознания французов и их отношение к своему историческому прошлому.

Такой широкий круг интересов не только повлиял на дальнейшие научные поиски В. П. Смирнова, но и во многом определил направления исследований его учеников. В разные годы под его руководством на кафедре были подготовлены дипломные работы и диссертации по проблемам внешней и внутренней политики Франции, начиная с 1919 года и вплоть до конца XX века.

В 90-е годы, когда историкам стали доступны материалы архива Коминтерна, В. П. Смирнов вновь вернулся к излюбленной теме и подготовил серию статей, позволивших не только дополнить прежние представления о движения Сопrotивления, но и по-новому взглянуть на некоторые события войны в целом¹. Итоговыми трудами по данной теме можно считать книги «Краткая история Второй мировой войны» и «Две войны – одна победа», опубликованные в 2000-е годы. В первой из них В. П. Смирнов в сжатой форме обрисовал главные события войны, дал им взвешенные оценки, привлек внимание читателей к спорным вопросам, которые до сих пор вызывают острые дискуссии². Вторая книга посвящена сразу двум мировым войнам³. Монография повествует о том, почему и как мир, прежде всего Европа и Азия, сначала подошел к одной мировой войне, а затем, всего двадцать лет спустя, – ко второй. В своем исследовании автор опирался не только на хорошо знакомые, но и на мало известные, а порой и долгое время замалчиваемые факты, на опубликованные совсем недавно документы, позволяющие по-новому взглянуть на ход исторического процесса и даже заполнить «белые пятна» в некоторых разделах историографии. Большое внимание уделено роли личности в происходящих событиях. Перед читателем буквально оживают люди со всеми их достоинствами и недостатками, удачами и ошибками.

Выпускникам кафедры и большинству франковедов В. П. Смирнов известен как талантливый педагог, который не только многие годы читал курс по страноведению на истфаке и спецкурсы на других фа-

¹ Смирнов В. П. Французская коммунистическая партия и Коминтерн в 1939–1940 гг. Новые архивные материалы // Новая и новейшая история. 1994. № 1; Он же. Вторая мировая война и Коминтерн. 1939–1941 гг. (по архивным документам) // Новая и новейшая история. 1996. № 3.

² Смирнов В. П. Краткая история Второй мировой войны. М., 2005.

³ Смирнов В. П. Две войны – одна победа. М., 2015.

культетах МГУ, как автор глав и разделов университетских и школьных учебников, а также нескольких специальных по истории Франции¹ и увлекательных книг о французском менталитете². В. П. Смирнов излагает историю Третьей, Четвертой и Пятой республик, подробно останавливаясь на исторических традициях Франции, внутренней и внешней политике, парламентских и президентских выборах, политических партиях, профсоюзном движении, колониальном вопросе, двух мировых войнах, социальной истории, экономическом развитии, проблемах идеологии и культуры.

А. В. Адо и В. П. Смирнов взрастили не одно поколение отечественных франковедов. Многие из их учеников остались в исторической науке, продолжают свои исследования и сотрудничают с родным факультетом. Среди них: д.и.н., заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского профессор С. Ф. Блуменау, д.и.н., профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО Е. О. Обичкина, д.и.н. заведующая кафедрой всеобщей истории исторического факультета Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова Г. Н. Канинская, д.и.н. главный научный сотрудник Центра истории международных отношений ИВИ РАН М. Ц. Арзаканян и многие другие.

Все специалисты по новой и новейшей истории Франции, в течение полувека пополнявшие ряды сотрудников нашей кафедры, также ученики Анатолия Васильевича Адо или Владислава Павловича Смирнова.

Без малого 40 лет, с 1976 по 2014 гг., проработала на кафедре Елена Ивановна Федосова. Изначально она занималась польским вопросом во внешней политике Наполеона. В опубликованной ей монографии³ доказывается, что, хотя польский вопрос играл при Первой империи значительную роль, особенно важным он становится с 1806 г., когда польские земли превратились для императора в разменную карту:

¹ Смирнов В. П. Новейшая история Франции, 1918–1975. М., 1979; *Он же*. Франция в XX веке. М., 2001.

² Смирнов В. П. Франция: страна, люди, традиции. М., 1988; *Он же*. Образы Франции. История, люди, традиции. М., 2017.

³ Федосова Е. И. Польский вопрос во внешней политике Первой империи во Франции. М., 1980.

он был готов отдать их сначала Пруссии, а затем России в обмен на поддержку и для того, чтобы вбить клин между державами антифранцузской коалиции. Однако эти планы не реализовались. Созданное в Тильзите княжество Варшавское и последующее расширение его территории на фоне усугублявшихся противоречий между Францией и Россией превратило его в форпост империи. В 1810 г. Наполеон даже задумывался о восстановлении Польши, чтобы сделать ее частью нового Восточного барьера, однако его попытки найти общий язык с Австрией и Пруссией помешали этим проектам. И в дальнейшем император также оказался более заинтересованным в том, чтобы использовать Польшу как предмет торга между великими державами, нежели в провозглашении ее независимости.

Впоследствии Е. И. Федосова сосредоточилась на изучении эпохи Реставрации и Июльской монархии, национальными проблемами, историей международных отношений, французским либерализмом¹, внесла важный вклад в несколько университетских учебников по новой истории. Дипломникам и аспирантам она также давала темы по XIX веку: И. В. Игнатченко защитил кандидатскую диссертацию «Адольф Тьер: эволюция взглядов и политическая деятельность французского либерала (первая половина XIX века)», М. А. Иванова – «Либеральная империя» во Франции 1860-х гг.: идеология и реформы». Елену Ивановну отличает радостное восприятие мира, оптимизм и демократичность в отношении студентов и коллег. К ученикам она относилась мягко, но требовательно, работать с ней было чрезвычайно комфортно, Елена Ивановна щедро делилась лучшими традициями преподавания на нашей кафедре с молодыми специалистами.

Владимир Сергеевич Посконин пришел на кафедру в 1979 году и первоначально занимался изучением событий «красного мая» 1968 г. во Франции. Этой теме была посвящена его монография «Французская

¹ См., например: *Федосова Е. И.* Франция и Венская система (к вопросу о временных и постоянно действующих факторах внешней политики) // Вестник Московского университета. Сер. 8 История. 1996. № 5; *Она же.* Франсуа Гизо: историк и государственный деятель // Новая и новейшая история. 1997. № 2; *Она же.* Либеральная мысль в период Реставрации // Французский либерализм в прошлом и настоящем. М., 2001; *Она же.* Либералы у власти // Там же; *Она же.* Первое «сердечное согласие»: к вопросу о франко-английских отношениях в 30–40-е гг. XIX в. // Французский ежегодник. 2008. М., 2008.

Кандидат исторических наук, старший преподаватель В. С. Посконин (1953–1994) и аспирант Жозе Дараме Джаманка. Начало 1990-х гг.

публицистика и историография «красного мая» 1968 г.»¹, написанная на основе кандидатской диссертации. В. С. Посконин впервые показал, как воспринимали события 1968 г. различные политические силы Франции и как оценки публицистов влияли на содержание более поздних исторических исследований.

Позднее основное место в трудах В. С. Посконина заняло изучение образа и традиций Французской революции XVIII в. Он анализировал, как относятся к революционным традициям прошлого современные политические группировки Франции, как передавались революционные традиции, какой образ революции формировала школа. Итоги исследования были подведены в монографии «Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции», написанной в соавторстве с В. П. Смирновым². Одной из постоянных тем, привлекавших В. С. Посконина была французская историография. Его

¹ *Посконин В. С.* Французская публицистика и историография «красного мая» 1968 г. М., 1982.

² *Смирнов В. П., Посконин В. С.* Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции. 1789–1989. М., 1991.

перу принадлежат статьи по историографии французских революций XIX в., обзоры французских исторических журналов, многочисленные рецензии на книги французских и русских историков.

Большое внимание В. С. Посконин уделял изучению преподавания истории во французских школах, особенно реформам 60–70-х годов XX в. и сам много работал над созданием новых учебных пособий для средней школы. Он автор нескольких глав в учебных пособиях для старшеклассников: «Мир в начале XX века» и «Мир в первой половине XX века», вышедших в 1992 и 1994 гг. общим тиражом более двух миллионов экземпляров. Под его научным руководством было подготовлено несколько дипломных работ и кандидатская диссертация.

В 90-е годы В. С. Посконин задумал большое исследование об идеологии и политике правых партий в современной Франции, но его скоропостижная кончина в 1994 году помешала завершить этот труд.

Людмила Александровна Пименова начала работать на кафедре в 1979 г. и сегодня является крупнейшим специалистом по Старому порядку, признанным и у нас в стране, и за рубежом, автором нескольких монографий¹, десятков статей, ряда школьных и университетских учебников. Ее основной научный интерес сконцентрирован на фигуре Людовика XVI² и его окружении³, французской монархии⁴, придвор-

¹ Пименова Л. А. Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986; *Она же*. Монархия и придворное общество во Франции в конце Старого порядка. В 2-х ч. М., 2018.

² Пименова Л. А. Людовик XVI – французский король века Просвещения // Человек эпохи Просвещения. М., 1999; *Она же*. Людовик XVI // Вопросы истории. 2000. № 3; *Она же*. Как говорил король // Французский ежегодник. 2015. М., 2015.

³ Пименова Л. А. Публикация «Отчета королю» Ж. Неккера в 1781 г. (К истории формирования публичного политического пространства во Франции XVIII в.) // Памяти профессора А. В. Адо: Современные исследования о французской революции конца XVIII в. М., 2003; *Она же*. Трудное счастье графа Морепа // Кому благоволит Фортуна? Счастливы и неудачники при дворе в Средние века и Новое время. М., 2010

⁴ Пименова Л. А. Доктрина французской монархии в конце Старого порядка // Вестник Московского университета. Сер. 8 История. 1996. № 5; *Она же*. Власть монарха абсолютна, но не произвольна: Людовик XVI и парламенты в 1774 г. // Французский ежегодник. 2005. М., 2005; *Она же*. Таинство, праздник, спектакль: восприятие коронационной символики во Франции XVIII в. // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии. СПб., 2010.

ном обществе¹, французском дворянстве². Темы дипломных работ, защищенных под ее руководством, весьма разнообразны и всегда интересно сформулированы, они охватывают как XVII³, так и XVIII век⁴. Аспиранты Людмилы Александровны занимались и вопросами колониальной истории Франции, и проблематикой, связанной с французской монархией, и международными отношениями, и кануном Французской революции.

В настоящее время Людмила Александровна читает общий курс для студентов III курса вечернего отделения «История стран Европы и Америки, 1640–1815 годов, курс «История Франции», ряд специальных курсов для студентов магистратуры, ведет семинарские занятия, читает лекции и ведет семинар для студентов Французского университетского колледжа.

Наталья Николаевна Наумова пришла на кафедру в 1983 г. после защиты кандидатской диссертации «Партия Объединение Французского Народа (РПФ) в политической жизни четвертой республики во Франции (1947–1955)». Однажды заинтересовавшись голлизмом, она продолжила его изучение и стала крупным и признанным специалистом в этой области⁵, но, при этом, не стала замыкаться лишь в одной

¹ *Пименова Л. А.* Образцовый подданный французской монархии: от века Людовика XIV к веку Просвещения // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М., 1995; *Она же.* Осень Версаля глазами современников // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. СПб., 2001; *Она же.* Королевский двор в публичном пространстве «века Просвещения» // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: Теория. Символика. Церемониал. М., 2004.

² *Пименова Л. А.* Дворянство Франции в XVI–XVII вв. // Европейское дворянство XV–XVII вв.: Границы сословия. М., 1997.

³ Например: «Французские флибустьеры в XVII в.», «Компания Святых даров (1630–1666)», «Людовик XIV как теоретик и практик французской монархии».

⁴ Например: «Религиозные практики во Франции в век Просвещения: конвульсионеры кладбища Сен-Медар», «Политическая доктрина французской монархии в начале XVIII в.: проблема фундаментальных законов королевства», «Придворное общество Франции века Просвещения по дневнику герцога де Крои», «Аристократические группировки при французском королевском дворе 1630–1648 гг.».

⁵ *Наумова Н. Н.* Голлизм в оппозиции 1947–1955. М., 1991; *Она же.* Возникновение партии «Объединение французского народа» (1947–1948) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1983. № 3; *Богословская О. В., Наумова Н. Н.* Голлистские планы построения политического союза Европы. Конец 50-х – начало 60-х гг. XX в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2003. № 6; *Наумова Н. Н.* Де Голль и планы послевоенного объединения Европы (1940–1945)

теме. Ее многочисленные работы по внутренней политике Франции посвящены исследованию государственной структуры Франции¹, крупных событий в жизни страны², деятельности отдельных партий и их лидеров³, идеологических течений⁴ и многого другого. Во второй половине 90-х гг. Наталья Николаевна обратилась к анализу различных сторон европейской интеграции: ее истории, влиянии на системность международных отношений, военно-политические аспектам⁵,

// Преподавание истории и обществознания в школе. 2016. № 2; *Она же*. Ш. де Голь и Ж. Помпиду: два подхода к разрешению политического кризиса мая-июня 1968 г. во Франции // Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ. 2019. № 14; *Она же*. Голлистские традиции во внешней политике Ф. Миттерана // Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ. 2019. № 14.

¹ *Наумова Н. Н.* Проблема разделения властей во Франции // Проблема разделения властей. М., 1996; *Она же*. Французская модель разделения властей: история и современность // Разделение властей. М., 2004.

² *Наумова Н. Н., Малороссиянова О. А.* Эксперимент Пинэ (1952 г.) // Французский либерализм в прошлом и настоящем. М., 2001.

³ *Наумова Н. Н.* Умеренные в годы Четвертой республики // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1996. № 2; *Она же*. Французские «независимые» на пути к власти 1945-1951 гг. // Французский ежегодник. 2003; *Она же*. Moscow, the Parti Communiste Francais and France's Political Recovery // The Uncertain Foundation. France at the Liberation, 1944–1947. London, 2007; *Она же*. Французские коммунисты об учреждении партии Объединение французского народа (апрель 1947 г.) // Французский ежегодник. 2009; *Она же*. «Голлистский поворот» в стратегии Национального фронта (2013–2015) // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XX века. М., 2016; *Она же*. Особенности предвыборной кампании М. Ле Пен 2017 // Президентские выборы во Франции-2017: материалы межинститутского круглого стола, состоявшегося в ИМЭМО РАН 1 марта 2017 года. М., 2017; *Она же*. Внешнеполитические аспекты программы партии «Зеленых» на выборах 2017 // Президентские выборы во Франции-2017: материалы межинститутского круглого стола, состоявшегося в ИМЭМО РАН 1 марта 2017 года. М., 2017; *Она же*. Кто такой Н. Дюпон-Эньян? Участие лидера движения Вставай, Франция в президентской кампании 2017 г. // Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ. 2018. № 10; *Она же*. Никола Дюпон-Эньян и движение Вставай, Франция в 2017 г.: поиски политической идентичности // Франция при президенте Эммануэле Макроне: в начале пути. М., 2018.

⁴ *Наумова Н. Н.* Французские либералы в первой половине XX века // Французский либерализм в прошлом и настоящем. М., 2001.

⁵ *Наумова Н. Н.* Проблемы западноевропейской интеграции: история и современность // Введение в теорию международных отношений. М., 2001; *Она же*. Исто-

развитию европейской идеи во Франции¹, особенностям взаимоотношений России и ЕС².

Сфера исследовательской деятельности Н. Н. Наумовой не ограничивается этими двумя безусловно магистральными ее направлениями. Ее научная любознательность простирается от наполеоновских войн³ до истории женщин и пацифизма⁴, от американско-французских отношений в годы Первой мировой войны⁵ до легендарной эскадрильи Нормандия – Неман⁶, от открытия Второго фронта⁷ до проблем университетской жизни в постперестроечной России⁸.

Именно эта разносторонность как ученого, постоянная открытость к новым темам стала залогом столь же разносторонней и тематически

рия западноевропейской интеграции // Теория международных отношений. М., 2009; *Она же*. Роль интеграции в развитии системности в международных отношениях (на примере Европейского Союза) // Основы общей теории международных отношений. М., 2009; *Наумова Н., Чеснова И. Е.* Франция и проблема учреждения военно-политического объединения в Западной Европе. 1950–1954 // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2005. № 2; *Наумова Н. Н.* Особенности феномена евроскептицизма (на примере Франции) // Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ. 2019. № 14.

¹ *Наумова Н. Н.* Разработка европейской идеи в рамках французского движения Сопrotивления // Вторая Мировая война в истории в истории человечества 1939–1945 гг.: Материалы международной научной конференции. М., 2015.

² *Наумова Н. Н.* Политика ЕС на Востоке Европы (2010–2013) // Преподавание истории и обществознания в школе. 2014. № 8; *Наумова Н. Н., Тутберидзе И. Д.* Общественное мнение Франции о проблеме расширения ЕС на Восток (начало XXI века) // Европа: международный альманах. 2015. Т. XIV.

³ *Naumova N.* L'occupation de 1814 en France, dans l'historiographie soviétique et russe // *Cochet F.* (dir.) Les occupations en Champagne-Ardenne, 1814–1944. Reims, 1996.

⁴ *Naumova N.* Les femmes soviétiques et le combat pour la paix dans les années 40 et 50 // *Vaisse M.* (dir.) Le pacifisme en Europe des années 1920 aux années 1950. Bruxelles, 1993.

⁵ *Наумова Н. Н., Слесарев И. Ю.* Проблема вступления США в Первую мировую войну в отражении французской прессы // Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ. 2017. № 6.

⁶ *Наумова Н. Н.* Le rôle historique de Normandie-Niemen // Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ. 2016. № 5.

⁷ *Naumova N.* L'ouverture du second front et ses représentation en URSS et en Russie de 1944 à nos jours // Normandie – 6 juin 1944. L'émergence d'une mémoire collective? Caen, 2012.

⁸ *Naumova N.* Monde universitaire et démocratie émergente en Russie // *Braud Ph., Jamróz A.* (dir.) Démocratie hier et aujourd'hui. Białystok, 1995.

многообразной научно-педагогической деятельности Натальи Николаевны, удостоенной в 2008 году почетного звания «Заслуженный преподаватель Московского университета». Среди множества лекционных курсов, которые она подготовила и читает студентам, «Введение в специальность» и «История Франции», «Социально-экономические и политические проблемы европейской интеграции», «Франция в bipolarной системе международных отношений», «Возникновение и эволюция голлизма во Франции», «Роль государств европейского Средиземноморья в генезисе и развитии интеграционного строительства (40–60-е гг. XX в.)».

За многие годы преподавания через ее руки как научного руководителя прошло свыше ста студентов, немалая часть которых решила связать свою будущую жизнь с наукой, подготовив кандидатские диссертации. Их тематика охватывает весь XX и начало XXI века, а их сюжеты связаны с политическими партиями (от коммунистов до «Национального фронта»), европейской интеграцией, различными аспектами внешней политики Франции. Ученики ценят Наталью Николаевну за широчайший спектр научных интересов и умение найти подход к каждому из них, равнодушное отношение к своему делу. Став руководителем секции стран Южной Европы, Наталья Николаевна выступила инициатором пересмотра учебного плана магистратуры, организации ряда студенческих научных конференций и совершенно нового учебного курса «Академический текст», необходимого студентам для понимания принципов написания магистерской диссертации и научных статей.

Георгий Чеславович Моисеев начал работать на кафедре в 1991 г., еще будучи аспирантом. Защитив в 1993 г. кандидатскую диссертацию по истории становления одной из своеобразных партий страны – Союза за французскую демократию¹, он сосредоточился на изучении политической жизни Франции в годы Пятой республики. Первоначально центром его научных интересов стали наименее исследованные в историографии 70-е годы XX века и один из наиболее заметных французских политиков этого периода – Валери Жискар д'Эстен, предложивший оригинальную концепцию развития общества², отличавшийся своеобразным стилем поведения в годы своего

¹ Моисеев Г. Ч. Союз за французскую демократию в политической жизни Франции (1978–1988 гг.) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук / МГУ. М., 1993.

² Моисеев Г. Ч. Валери Жискар д'Эстен и проект передового либерального общества // Французский либерализм в прошлом и настоящем. М., 2001.

президентства¹ и долгое время оставшийся одним из вдохновителей европейской интеграции². Размышляя об особенностях французской политики и чертах ее сходства с другими странами в новейшее время, Г. Ч. Моисеев обратился к изучению проблем политического лидерства и динамической устойчивости политических систем³. Сочетание исторических и политологических методов исследования позволяет ему выступать в качестве эксперта при анализе особенностей современной французской политики⁴.

Долгое время Георгий Чеславович вел для студентов исторического факультета специальный курс «Политическое лидерство: проблемы и методы исследования», а сегодня является одним из соавторов и лекторов курсов «Эволюция политической системы Франции: конец XIX – начало XXI века» и «Динамика развития партийно-политических систем стран европейского Средиземноморья» для магистрантов, читает общий курс по новейшей истории для студентов-искусствоведов. Под руководством Г. Ч. Моисеева подготовили свои выпускные работы более 30 студентов специалитета и бакалавриата. Зачастую он привлекает студентов нетрадиционными для историков темами, связанными с проблемами политического лидерства, современными технологиями формирования образов политиков и политических партий. Студенты в полной мере ценят его умение найти оригинальные подходы к сюжетам политической истории, вкус к методологии и использованию нестандартных источников.

¹ *Моисеев Г. Ч.* Валери Жискард д'Эстен. Новый стиль правой политики // Французский ежегодник. 2003. М., 2003.

² *Моисеев Г. Ч.* Валери Жискард д'Эстен на посту председателя Конвента о будущем Европы // Идеиные предпосылки и политические эффекты европейской интеграции: материалы Четвертого панъевропейского семинара (21–22 апреля 2014 года). Калининград, 2015.

³ *Моисеев Г. Ч.* Жискардизм как модель политического лидерства // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века. М., 2016; *Он же.* Политическое лидерство как объект исследования // Очерки по истории стран европейского Средиземноморья. К юбилею заслуженного профессора МГУ имени М. В. Ломоносова Владислава Павловича Смирнова. СПб., 2019.

⁴ *Моисеев Г. Ч.* Выборы во Франции 2017: несистемные решения системных проблем // Президентские выборы во Франции-2017: материалы межинститутского круглого стола, состоявшегося в ИМЭМО РАН 1 марта 2017 года. М., 2017; *Он же.* Символическая политика Эммануэля Макрона // Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ. 2018. № 10.

Андрей Владимирович Тырсенко преподавал на кафедре с 1995 по 2017 гг. После защиты кандидатской диссертации¹ он сосредоточился на изучении наследия известного политического философа аббата Э.-Ж. Сийеса². Во время работы на кафедре он читал курсы «Историография истории нового времени стран Европы и Америки» и «История политических учений», вел семинарские занятия. Под его руководством защищены две кандидатские диссертации.

Дмитрий Юрьевич Бовыкин, пришедший на кафедру в 1996 г., является признанным специалистом по Французской революции XVIII века. Он автор нескольких монографий и учебников для высшей и средней школы, заместитель главного редактора международного периодического научного издания «Французский ежегодник». После осмысления идейных и политических итогов Термидора³ Д. Ю. Бовыкин поставил своей целью проанализировать, что предлагали Франции при Термидоре и Директории роялисты во главе со своим лидером – Людовиком XVIII⁴. Кроме этого, в сфере его научных интересов – проблемы истории диктатуры монтаньяров⁵ и Директории⁶, развитие французской национальной идеи⁷, создание первых французских конституций⁸, советская и

¹ *Тырсенко А.В.* Фельяны: у истоков французского либерализма. М., 1999.

² Итогом этих исследований стала монография: *Тырсенко А. В.* Эмманюэль Жозеф Сийес и французская либеральная мысль его времени. М., 2005.

³ *Бовыкин Д. Ю.* Революция окончена? Итоги Термидора. М., 2005.

⁴ Итогом этих исследований стала докторская диссертация и выпущенная по ней книга: *Бовыкин Д. Ю.* Король без королевства. Людовик XVIII и французские роялисты в 1794–1799 гг. М., 2016.

⁵ *Бовыкин Д. Ю.* Доклад Комитету общественного спасения (миссия М.-А. Жюльена в Бордо) // Европа. Международный альманах. Тюмень, 2002. Вып. 2.

⁶ *Бовыкин Д. Ю.* Повесть о том, как генерал Гош отправился в Ирландию, а оказался в Париже // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2010–2013. Вып. 10. М., 2015.

⁷ *Бовыкин Д. Ю.* Идея нации во Франции в эпоху от Революции до Второй Империи // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. М., 2005.

⁸ *Бовыкин Д. Ю.* Здание свободы достроено: создание Первой республики во Франции // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Вып. 10 (74) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840002429-0-1> (дата обращения: 14.14.2019). DOI: 10.18254/S0002429-0-1; *Он же.* Эволюция республиканского политического проекта во Франции (1793–1795) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2019. № 1.

постсоветская историография Французской революции¹. Так же он выпустил книгу о своем учителе, А. В. Адо².

В настоящее время Дмитрий Юрьевич читает общий курс для студентов III курса дневного отделения «История стран Европы и Америки, 1640 – 1815 годов, курс «История Франции», ряд специальных курсов для студентов магистратуры, ведет семинарские занятия. Под его руководством был защищен ряд дипломных работ, посвященных истории Французской революции³ и наполеоновской эпохи⁴.

Франковеды нашей кафедры постоянно находятся в тесном контакте со своими зарубежными коллегами, проходят зарубежные стажировки, участвуют в международных конференциях. Л. А. Пименова – член научного совета журнала *Comparativ* (Германия), член Международного комитета французского журнала *Genèses*. И она, и Д. Ю. Бовыкин – члены Научного совета Общества робеспьеристских исследований.

На кафедре неоднократно принимали многих французских ученых: крупнейшего специалиста по истории Французской революции XVIII века, руководителя кафедры истории Французской революции в Сорбонне Альбера Собуля (последний раз он был в Москве в 1982 г. в связи с присвоением ему звания почетного профессора МГУ)⁵, известных специалистов по истории революции Мишеля Вовеля (преемника Собуля на посту руководителя кафедрой в Сорбонне), профессора Руанского университета Клода Мазорика⁶ и специалиста по аграрной

¹ Бовыкин Д. Ю. О современной российской историографии Французской революции XVIII века (полемиические заметки) // Новая и новейшая история. 2007. № 1; *Он же*. «В противном случае ее зовут иначе...» // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2012. Выпуск 2(10) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000320-1-1> (дата обращения: 14.04.2019); *Он же*. Дискуссионные проблемы истории Французской революции // Преподавание истории в школе. 2013. № 10.

² Бовыкин Д. Ю. Анатолий Васильевич Адо: образ и память. Саратов, 2007.

³ Например: «Борьба с контрреволюцией в годы диктатуры монтаньяров», «Ключевые понятия политической лексики Робеспьера и его сторонников», «Бертран Барер в Национальном Конвенте: политические взгляды (1792–1795)», «Парижский театр после Террора (1794–1799)».

⁴ Например: «Наполеон в мемуарах маршала Мармона», «Образ Испании по мемуарам участников наполеоновских войн».

⁵ Подробнее см.: Мазорик К. Альбер Собуль, историк и гражданин // Французский ежегодник. 2002. М., 2002.

⁶ Подробнее см.: Мазорик К. Мои встречи с советскими историками Французской революции в 1960–1992 гг. // Французский ежегодник. 2007. М., 2007.

истории Сержа Абердама, подготовившего перевод книги А. В. Адо на французский язык.

С 1980-х гг. сложилась традиция приглашения на кафедру французских профессоров для чтения курса лекций. Среди прочих перед студентами выступали Шарль-Оливье Шарбоннель, профессор университета Поля Валери (Монпелье), специалист по истории Европы и политическим мифам (1983), Клод Мазорик (1985), специалист по истории XVIII века, профессор Руанского университета Ги Лемаршан (1987), специалист по электоральной истории и истории партий в XIX–XX вв., профессор университета Поля Валери (Монпелье) Раймон Юар (1988), известный специалист по истории России и Советского Союза, профессор Высшей школы социальных наук Марк Ферро (1989), специалист по колониальной истории и истории международных отношений, профессор университета Париж VIII Жак Тоби (1991).

В настоящее время франковеды кафедры участвуют в международных проектах и конференциях, обеспечивают студентам и аспирантам научное руководство по широкому кругу тем от Франции Старого порядка до современности. Особенно активно франковедами разрабатываются сюжеты, связанные с политическими партиями и политическим лидерством, европейской интеграцией и историей международных отношений, историей культуры и репрезентацией власти.

И. Е. АНДРОНОВ, И. В. ГРИГОРЬЕВА

ИСТОРИЯ ИТАЛИИ

В советских научных журналах 1920-х годов проблематика средневековой и новой истории Италии присутствовала довольно значительно, однако эти темы развивали историки еще старой школы. Глубокая реорганизация исторического образования оборвала эту преемственность. С появлением необходимости осознания явления фашизма связана и разработка первых сюжетов по новейшей истории страны, пока вне стен МГУ. Полноценная специализация по новой и новейшей истории Италии появляется только после окончания Второй мировой войны.

У истоков изучения истории Италии на кафедре новой и новейшей истории стояла Каролина Франческовна Мизиано. Дочь одного из руководителей итальянской Компартии, она в 1920-е годы была вынуждена вместе с семьей эмигрировать из Италии. В 1924 году семья переезжает в Москву, где отец продолжал работу в представительстве ЦК Межрабпома в СССР. Покинув родину подростком, Каролина Франческовна выросла и получила высшее историческое образование в СССР. В годы войны она работала в Западном отделе Всесоюзного радио, ведшем вещание на западные страны, и помогала организовывать радиобращения П. Тольятти к итальянцам, зовущие их на борьбу с фашизмом. После войны она защитила диссертацию по проблемам итальянского Рисорджименто, а затем подготовила ряд учеников. В 1949 году она начала чтение лекций по истории Италии, отличавшихся блестящим знанием материала, итальянской страстностью и темпераментом. Именно из этих лекций, из их слушателей выросла впоследствии и кафедральная специализация по истории Италии, и итальянская секция; из нее вышли те, кто составил цвет советской и российской исторической итальянистики.

В конце 50-х годов Каролина Франческовна перешла на работу в Институт истории (позднее – Институт всеобщей истории) АН СССР.

В конце 50–60-х годов она приняла участие в ряде широких дискуссий историков. Дискуссия о нерешенных социальных проблемах революций была организована сектором методологии истории под руководством М. Я. Гефтера¹. По итогам дискуссии сектор был ликвидирован, а его сотрудники подверглись преследованиям.

В Институте всеобщей истории Каролина Франческовна долгие годы возглавляла сектор истории Италии, организовала перевод ряда источников и коллективных трудов, в частности была одним из руководителей знаменитой трехтомной «Истории Италии»², и по сей день служащей специалистам и студентам.

Взгляды К. Ф. Мизиано на общие проблемы Рисорджименто выражены в публикации, подготовленной к X Международному конгрессу исторических наук в Риме³. В ней, помимо марксистской методологии, связанной прежде всего с пониманием первичности экономической истории как «базиса» и политической и национальной истории как «надстройки», а также отличного владения новейшей историографической панорамой (правда, только в отношении итальянской литературы), следует отметить также яркий полемический запал, подчас создающий представление о конечном характере высказываемых истин. Мы знаем (в частности, по воспоминаниям⁴), что Каролина Франческовна отнюдь не была жестким догматиком и обладала значительной (особенно в контексте той эпохи и среды) гибкостью мышления. Эти качества сформировались, очевидно, в ходе непрекращающегося диалога с европейскими левыми силами, а также под влиянием нового итальянского искусства и особенно послевоенной литературы и кинематографа. Научная жизнь Италии 50-х годов отмечена бурной дискуссией о характере Рисорджименто (возобновляющейся каждый раз на переломном моменте истории). Противники левого крыла историографии обвиняли марксистов в том, что они, упрощая, сводили суть Рисорджименто к неудавшейся аграрной революции. Определенное зерно истины в этом обвинении имелось, однако картина была сложнее, и К. Ф. попыталась это продемонстрировать.

¹ Оpubл. в сборнике «Историческая наука и некоторые проблемы современности». М., 1969.

² История Италии. В 3-х т. Под ред. С. Д. Сказкина. М., 1970–1971.

³ Мизиано К.Ф. Некоторые проблемы истории воссоединения Италии / Misiano C. Alcuni problemi di storia del Risorgimento italiano. М., 1955. (Далее – Некоторые проблемы...).

⁴ См., например: Проблемы итальянской истории. М., 1993. С. 289–293.

Представленная в брошюре концепция Рисорджименто, с одной стороны, опиралась на традиционные взгляды о ведущей роли Кавура и Мадзини, о наличии демократического и династического направлений Рисорджименто. Традиционным было само представление о глубокой связи политического и социального в Рисорджименто, о решающей роли народных масс на завершающем его этапе. В то же время, в работе были закреплены (и стали обязательными для мнения многих поколений советских студентов) представления о буржуазной революции в ряде итальянских государств, позволившей Рисорджименто победить, а также о незавершенности этой революции. «Борьба против феодально-абсолютистских порядков носила в Италии характер национально-освободительного движения»¹.

Значительно более фундированной и независимой от всякого рода клише является вторая крупная работа Каролины Франческовны, подготовленная с использованием материала докторской диссертации². Эта монография почти совершенно свободна от идеологических императивов; в ней использована очень широкая, редкая даже для лучших университетских исследователей источниковая база. Судя по богатству архивного материала и непринужденности в выборе жанров источника, Каролина Франческовна не испытывала проблем с заграничными командировками. Получившаяся картина не противоречила в целом основным постулатам позднемарксистской историографии: после завершения своего формирования рабочий класс выступает как монолит, и его воля всегда очевидна и носит исторически прогрессивный характер. Мир в начале XX века движется к торжеству социалистической идеи, со всей неотвратимостью пробивающей себе дорогу в умах трудящихся. Рабочее движение «перевешивает» политический контекст и иногда действует «в вакууме», и это – с точки зрения критиков начала XXI века – требует дополнительного читательского осмысления. Тем не менее, представленная в монографии картина очень многообразна. Показаны и колебания части лидеров левого движения, и различия между политическими курсами внутри ИСП и вне ее, и сложные компромиссы, и тонкости реальной политики. Авторское сопереживание родине, которую пришлось покинуть, не бросается в глаза; оно, однако, объясняет глубокую погруженность автора в описываемые сюжеты, знакомые ему не только по книгам.

¹ Мизиано К. Ф. Некоторые проблемы... С. 73.

² Мизиано К. Ф. Итальянское рабочее движение на рубеже XIX и XX вв. М., 1976.

*И. В. Григорьева – д.и.н., профессор,
главный научный сотрудник*

Дело К. Ф. Мизиано на кафедре продолжили два ее ученика – И. В. Григорьева и В. С. Бондарчук. Ирина Владимировна Григорьева стала крупнейшим в нашей стране специалистом по истории итальянского марксизма. Итальяей Ирина Владимировна занялась почти случайно и для себя практически неожиданно. Специализации по Италии на кафедре не было. В тот самый момент, когда на 2 курсе (в 1948 году!) нужно было выбирать будущую специализацию, студентам предложили изучение в дополнение к одному из трех «главных» европейских языков еще и итальянского. Вскоре после этого на первом этаже истфака (в здании напротив Зоологического музея МГУ) появилось объявление о курсе истории Италии, который читает К. Ф. Мизиано. Эта возможность была незамедлительно использована. Кроме Ирины Владимировны, на этот курс записались ее сокурсник и будущий муж Кирилл Георгиевич Холодковский (Каролина Франческовна, конечно, была на их свадьбе) и трое студентов со старшего курса. Интерес к Италии был очень живым: она переживала переломный момент своей истории, после краха фашизма быстро менялся политический облик страны, установилась республика. В политике и культуре появлялись новые имена, выдвинулась новая правящая партия – христианские демократы, сильнее, чем где-либо в Западной Европе, укрепились позиции коммунистов. Выходили в русских переводах новые книги итальянских авторов, огромным успехом у зрителей пользовались неореалистические кинофильмы. Неудивительно, что на семинары по истории Италии часто приходили и «гости», интересовавшиеся ситуацией в Италии. Иногда К. Ф. Мизиано сама приглашала на факультет кого-либо из тех, с кем считала полезным познакомиться своих учеников. На истфаке побывали жена Антонио Грамши Юлия Аполлоновна Шухт с сестрой и первый, кто отважился на труднейший русский перевод его философского наследия – Э. Я. Егерман. Это «введение в Грамши» стало для Ирины Владимировны судьбоносным – именно его творчество стало центром ее научных

интересов на всю последующую жизнь. Закончив в 1952 году исторический факультет, а затем аспирантуру, Ирина Владимировна в 1956 году пришла на кафедру ассистентом. Через два года была защищена кандидатская диссертация «Рабочее движение и борьба Маркса и Энгельса за революционную пролетарскую партию в Италии (1871–1877 гг.)».

В тот момент на истфаке еще свежи были воспоминания о «деле Краснопевцева», по которому были арестованы 9 молодых преподавателей и аспирантов-историков¹. Аресты начались после того, как группа молодых историков сначала создала неофициальный (а значит, противозаконный) кружок, а затем подготовила и начала распространять листовку, в которой высказывались самостоятельно выпестованные мысли о нарушении преемственности в ленинской версии марксизма и некоторые другие сугубо теоретические, но исключительно крамольные в те времена мысли. На основании этих тезисов можно было сделать выводы о том, что сталинские репрессии были не «случайностью», а явлением, имманентно присущим советскому строю. Более того, вскрывалась непоследовательность и незавершенность прозвучавшей на XX съезде КПСС критики культа личности Сталина, выдвинуто полностью соответствовавшее Конституции СССР требование передать всю полноту власти от партийных советским органам. На кафедре новой и новейшей истории арестовали Н. Г. Обушенкова – молодого германиста, кандидата наук. Много позже, уже в 1990-е годы, вышедший на свободу Н. Г. Обушенков вспоминал К. Ф. Мизиано как едва ли не единственного человека, робко и осторожно пытавшегося высказаться в поддержку арестованных. И. В. Григорьева вместе с мужем К. Г. Холодковским поддерживала семью невинно осужденного. Красноречив эпизод с характеристикой Н. Г. Обушенкова, затребованной компетентными органами на факультете. Ее подготовил парторг кафедры М. М. Зальшкин, и она была вполне позитивной. Партбюро факультета потребовало добавить в характеристику негативную информацию, но Михаил Михайлович категорически отказался. Тогда негатив был добавлен в приказном порядке и помещен в конце характе-

¹ Подробно см.: «Дело» молодых историков (1957–1958 гг.). Запись беседы в редакции журнала «Вопросы истории», проведенной с жертвами репрессий. URL: <http://old.ihst.ru/projects/sohist/papers/vhist/1994/4/106-135.pdf> (дата обращения: 7.01.2020); *Сергеев В. Н.* «Университетское дело»: формирование оппозиционных взглядов группы Л. Краснопевцева – Л. Ренделя. URL: http://mkonf.iran.ru/papers.php?id=69#_ednref37 (дата обращения: 7.01.2020).

ристики. М. М. Залышкин поставил свою подпись под своим текстом, выше абзаца с негативной информацией, сказав что то, что ниже, он подписывать не намерен. Этот поступок требовал большого мужества и неординарного характера. Очевидно, однако, что общую атмосферу на факультете определяли в то время совсем другие люди.

Такая атмосфера, особенно на начальном этапе, отнюдь не способствовала исследовательскому интересу молодых историков к истории марксистской мысли, не связанной с ленинской линией. Эйфория от реабилитации группы врачей и других пострадавших от репрессий культа личности людей, от речей XX съезда сменилась глубоким разочарованием из-за событий в Венгрии, из-за усиления общего контроля, из-за жестких оргвыводов, принятых в отношении ряда крупных парторганизаций за «неправильное» истолкование решений XX съезда. Тезисы «группы Краснопевцева» были, при всей своей «криминальности» в глазах госбезопасности, созвучны идеям, обсуждавшимся в европейской левой печати и даже в руководстве компартий многих западных стран. Л. Краснопевцев в 1994 году сообщал: «Я слышал, что в кулуарах нас защищала доцент К. Ф. Мизиано, говоря, что ничего особенного в нашем выступлении нет: обычное авангардистское выступление молодежи, не более того»¹. Тем не менее, все осужденные по данному делу получили от 6 до 10 лет лагерей и почти все из них отбыли срок полностью. Н. Г. Обушков вышел на свободу в 1963 году.

На потрясенной этими новостями кафедре сразу же подняли голову те, кто не стяжал лавров в преподавании и науке, но всегда был готов кричать о «бдительности» и травить коллег, в чем-нибудь несогласных с ними². Партбюро факультета занялось проверкой идейной направленности работ студентов кафедры и избрало мишенью дипломную работу, написанную под руководством Н. Е. Застенкера и посвященную роли средних слоев во французском Сопротивлении. Это и послужило толчком к проведению на факультете получившей скандальную известность дискуссии о «средних слоях». Твердокаменные сталинисты инкриминировали дипломанту и его научному руководителю отход от трактовки понятия «средние слои» Сталиным. Обстановка была такой, что всякий, кто знал и использовал в своей работе иностранные языки, попадал в глазах этих людей под подозрение.

¹ «Дело» молодых историков (1957–1958 гг.) // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 122.

² Особенно усердствовал Г. Г. Толмачев (научный руководитель Н. Г. Обушкова).

В альтернативном докладе Н. Е. Застенкера средние слои рассматривались как конгломерат различных частей структуры капиталистического общества, занимающих промежуточное положение между двумя его основными классами (мелкая буржуазия города и деревни, интеллигенция, технические специалисты, часть служащих и т.п.). На кафедре новой и новейшей истории эту точку зрения разделяли К. Ф. Мизиано и И. В. Григорьева. Во время выступления Ирины Владимировны кто-то бросил с места реплику: «Ревизионизм!», и происходящее вышло за рамки допустимого в университетской среде.

В этом противостоянии с догматиками-сталинистами Ирина Владимировна с коллегами доказывала, что, помимо пролетариата или других классов или социальных групп, являющихся передовыми на том или ином этапе исторического процесса, изучения историков-марксистов достойны и сопутствующие классы, интересы которых на данном этапе совпадают или созвучны передовым. Кроме того, И. В. Григорьева отстаивала (видимо, под влиянием своего учителя К. Ф. Мизиано и распространенных тогда в западном коммунистическом движении идей) мысль о необходимости привлечения на сторону рабочего класса широкого спектра средних слоев в общедемократической борьбе. Этот тезис, представляющийся сегодня вполне очевидным, в те годы вполне мог «тянуть» на обвинение в ревизионизме¹, что, в свою очередь, вполне могло повлечь за собой характерные для эпохи репрессивные меры. Противники И. В. Григорьевой и Н. Е. Застенкера, напротив, исходили из старой концепции сталинских времен, подчеркивая ненадежность средних слоев как союзника рабочего класса и очень узко трактуя само это понятие.

Спор шел в сущности не о содержании понятия «средние слои», а о том, есть ли у историков право самостоятельно разбираться в дискуссионных вопросах и иметь по ним собственное мнение. За это право выступали члены «группы Краснопевцева»; это же право отстаивали сторонники изучения «средних слоев» и в выступлениях на факультете, и даже в обращениях в высшую партийную инстанцию КПСС – Президиум ЦК (так называлось тогда Политбюро).

Общая обстановка на факультете в конце 50-х – начале 60-х годов совсем не соответствовала благодистой картине хрущевской «от-

¹ Подробно см.: *Смирнов В. П.* Наум Ефимович Застенкер (1903–1977) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. IV. Новейшая история. Отв. ред. *Г. Н. Севостьянов.* М., 2004.

тепели». В партии оживились попытки пересмотреть курс, намеченный докладом Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» (доклад не был опубликован, но читался вслух на партийных собраниях). На факультете кое-кто пытался поставить деятельность «группы Краснопевцева» в один ряд и даже в прямую связь с выступлениями 1956 года против «реального социализма» в Польше и Венгрии. Партийное руководство факультета воздерживалось от резких «оргвыводов», но не упускало случая упомянуть в своих решениях о допущенных «ошибках».

В том, что эта затянувшаяся история кончилась благополучно для «пострадавших», решающую роль сыграла действенная помощь Анатолия Сергеевича Черняева (1921–2017) – фронтовика, истфаковца, а позже – сотрудника аппарата ЦК КПСС и помощника М. С. Горбачева. В начале 1963 года предстояло всесоюзное совещание историков с докладом возглавлявшего тогда Международный отдел секретаря ЦК Б. Н. Пономарева. Черняев участвовал в подготовке этого доклада и обрисовал Пономареву дискуссию о средних слоях, что нашло отражение в докладе. Мнение высокой инстанции прозвучало в актовом зале главного здания МГУ в присутствии представителей обеих конфликтующих сторон. Конечно, ни о какой «демократизации» или «победе реформаторов» речи не было, и временно отступившие оппоненты победившей стороны сохранили за собой командные высоты и возможность контролировать настроения молодых сотрудников. К сожалению, Ирина Владимировна лично не присутствовала на этом финале баталии – она была на стажировке в Италии.

Важным новшеством, рожденным «оттепелью» и всецело поддержанным новым руководителем кафедры, была активизация и расширение международных научных связей. На истфаке МГУ и раньше учились зарубежные студенты и аспиранты, но только из тех стран, которые, как тогда говорили, «отпали от капиталистической системы». Туда же случалось ездить в качестве туристов кому-то из преподавателей. Но чтобы студент поехал в изучаемую капиталистическую страну в научную командировку, для работы в библиотеках и архивах – такое недавно и не снилось, а теперь стало возможным. МГУ был активнейшим участником заключенных с рядом стран (Италией в том числе) соглашений о культурном обмене. Недавние «мальчики и девочки» (так называли на кафедре молодых сотрудников, принятых на работу заведующим кафедрой И. С. Галкиным) друг за другом отправлялись

на длительную стажировку в «свои» страны. Черед Ирины Владимировны настал в 1962 году.

В 1966 году Ирина Владимировна подготовила монографию «Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала». В эту работу вошли как результаты кандидатской диссертации, так и богатый архивный материал, собранный в ходе длительной заграничной командировки. В монографии проанализирован важнейший для формирования политического облика страны момент, когда отходившие от абстрактных романтических идей Мадзини и утопических социалистов итальянские массы трудящихся обращались к марксизму. Одновременно сильными были анархистские настроения; процессы, приведшие к укреплению классовой идеологии и к формированию Итальянской социалистической партии, были раскрыты в монографии во всей сложности.

В сложной политической обстановке выбор Ириной Владимировной в качестве темы научных изысканий идейного наследия основателя Итальянской коммунистической партии Антонио Грамши был ответственным и смелым шагом. Она не могла не понимать, что внимание факультетского парткома и куда более грозных «компетентных органов» было теперь сосредоточено на талантливых молодых ученых, изучавших историю зарубежных стран и иностранные языки и бывших вследствие этого «питательной средой» для созревания всякого рода опасных подрывных инициатив. С середины 1960-х годов на нескольких советско-итальянских конференциях развернулось обсуждение различных концепций Рисорджименто; Ирина Владимировна активно отстаивала грамшианскую точку зрения. В 70-е годы основное внимание уделяется истокам взглядов Антонио Грамши. Исследование показало, что наиболее близким из предшественников был видный итальянский марксист Антонио Лабриола¹. Плодотворным оказался и анализ полемики Грамши с Б. Кроче², а также критики фашистского режима³. Итогом этой работы стала докторская диссертация «Исторические взгляды Антонио Грамши», защищенная в 1975 году. Через три

¹ Григорьева И. В. Антонио Лабриола и Антонио Грамши // Проблемы новой и новейшей истории. М., 1972.

² Григорьева И. В. Некоторые проблемы методологии истории в «Тюремных тетрадах» Антонио Грамши // Проблемы итальянской истории. М., 1972. С. 141.

³ Григорьева И. В. Исторический анализ фашизма в работах Антонио Грамши // Новая и новейшая история. 1973. № 5. С. 148.

года вышла и монография, обобщившая результаты диссертационного исследования¹. В ней Грамши представлен не только как деятель практической политики, но и как крупный теоретик марксизма, нашедший единомышленников и продолжателей прежде всего в среде западноевропейского коммунистического движения. В начале 80-х годов в Европе, а с середины – и в нашей стране возникла новая волна интереса к теоретическому наследию западных марксистов. В 1980 году при активном участии И. В. Григорьевой была подготовлена публикация некоторых трудов А. Грамши².

Другим важным направлением научных изысканий И. В. Григорьевой стало источниковедение новой и новейшей истории. Этот курс был первым, который И. В. стала читать после своего трудоустройства в 1956 году. Идею предложить этот курс ей выдвинула опять-таки К. Ф. Мизиано. В 1984 году Ириной Владимировной был подготовлен учебник (переиздан в 2010 году), по которому и сегодня студенты всех направлений подготовки кафедры новой и новейшей истории готовятся к экзамену по этой дисциплине. Важнейшее достоинство этого учебника – четкая классификация типов источников по новой и новейшей истории, единые критерии их систематизации, ясное и простое изложение сложного теоретического материала. Специфика изучаемых на кафедре дисциплин заставила И. В. Григорьеву уделить особое внимание зарубежным источникам и особенностям работы с ними. Без преувеличения можно сказать, что этот учебник и другие труды Ирины Владимировны определили развитие источниковедения новой и новейшей истории как дисциплины на десятилетия вперед.

Плодотворная научная работа сопровождалась не менее успешной педагогической деятельностью. Ирина Владимировна выпустила десятки специалистов по новой и новейшей истории Италии; под ее руководством написано 7 кандидатских диссертаций. Тематика спецсеминаров в целом соответствовала научным интересам руководителя и охватывала различные проблемы истории антифашизма, рабочего движения, общественно-политической мысли. В 2001 году был также подготовлен учебник «Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870-х годов – 1918 г.», главным редактором которого стала Ирина Владимировна. Наконец, в 2006 году была подготовлена новая

¹ *Григорьева И. В.* Исторические взгляды Антонио Грамши. М., 1978.

² Антонио Грамши. Избранные произведения. М., 1980.

книга – «Италия в XX веке»¹. В ней И. В. Григорьева, широко используя историко-культурный и другой контекст, показала все сложнейшие поворотные моменты в жизни страны за последние 100 лет; несмотря на то, что эта книга адресована главным образом молодому читателю, интересные аналогии и богатый иллюстративный материал привлекают к ней внимание и ученого сообщества.

Валериан Семенович Бондарчук поступил на истфак МГУ в 1949 году. Это было непростым делом, поскольку в первые послевоенные годы при приеме в вузы предпочтение отдавалось ветеранам войны. Интерес к Италии зародился

еще в глубоком детстве: соседкой Валериана Семеновича по коммунальной квартире была переводчица, работавшая в какой-то советско-итальянской организации. В студенческие годы удалось попасть на специализацию к единственному в те годы специалисту по истории Италии – К. Ф. Мизиано. Несмотря на то, что научные интересы молодого человека лежали в области культуры и истории идей, ему была предложена тема по историографии Рисорджименто. Попытки добиться другой темы привели к неприятностям, о которых впоследствии Валериан Семенович очень не любил вспоминать. После окончания учебы в 1954 году В. С. Бондарчук занимался различными вещами, связанными с Италией, в частности, переводами книг итальянских мыслителей. Среди прочего, он перевел и подготовил к изданию труды А. Грамши, Дж. Канделоро и Дж. Берти.

В 1964 году В. С. Бондарчук был принят на работу на кафедру новой и новейшей истории: специализация по истории Италии расширялась. Его не спешили переводить с позиции преподавателя-почасовика на постоянную должность. Попытки выяснить причину понача-

В. С. Бондарчук (1931–2011) – к.и.н., доцент

¹ Григорьева И. В. Италия в XX веке. М., 2006.

лу ни к чему не приводили, но об этом можно было легко догадаться: беспартийный еврей на факультете был нежелателен. В конце концов (в середине 1970-х годов) он был вынужден пойти на прием к ректору МГУ Р. В. Хохлову. Как водится, после этого справедливость мгновенно восторжествовала.

Первой крупной работой В. С. Бондарчука стала глава в «Истории Италии» под редакцией С. Д. Сказкина, посвященная началу Рисорджименто¹. Ее несомненным достоинством стал выход за пределы традиционного для публикаций той волны изображения классовый борьбы нового времени в черно-белых тонах. Эта волна предвляла празднование 100-летней годовщины со дня рождения В. И. Ленина и открытие XXIV Съезда КПСС; целью издания «Истории Италии», как и ряда других коллективных трудов, было дать массовому читателю целостную концепцию истории в ее непрерывности с акцентом на политической составляющей. Тем не менее, истории отдельных европейских стран (в том числе Италии) писались на основательной архивной базе. Раздел, написанный В. С. Бондарчуком, основан на архивах российского Министерства иностранных дел.

Анализ главы В. С. Бондарчука показывает, как изменился политический климат всего за полтора десятилетия, насколько раскованно и свободно от упрощающих стереотипов можно было теперь писать о новой истории. Внутренней свободой эта глава выделялась даже по сравнению с другими разделами трехтомника. Конечно, классовый подход был неизбежен, однако он был лишен упрощенческих черно-белых характеристик, интерпретации действий отдельных людей через выдуманную «логику» их социального слоя или класса. Место «клерикальной реакции» и «растерянной интеллигенции» заняли конкретные люди, документальные свидетельства. Был дан тщательный экономический анализ, изучены и приведены изменения цен, политические лозунги, воззвания, памфлеты итальянских «якобинцев» и другие документы, чаще всего ранее даже не упоминавшиеся в русскоязычной литературе. В этой главе вполне проявились черты, присущие всем трудам Валериана Семеновича – приятный язык, ясное

¹ *Бондарчук В. С.* Италия в конце XVIII – первой половине XIX века. Первый период Рисорджименто // *История Италии*. Под ред. С. Д. Сказкина. Т. II. С. 5–152. Следует отметить еще глубокую по содержанию статью: *Бондарчук В. С.* Концепция итальянской революции в работах Пизакане // *Из истории трудящихся масс Италии*. Сборник статей. М., 1959. С. 239–278.

изложение, четкая логика. Абстрактные социологические схемы ушли на второй план. Рисорджименто по-прежнему, как и 15 лет назад, трактовалось как одна из форм буржуазной революции, но рассуждений об этом мы не найдем, как не найдем и высказываний о «прогрессивном» или «реакционном» в действиях отдельных людей или групп.

Следующая крупная работа Валериана Семеновича была посвящена крестьянству Сардинского королевства. Сначала в 1974 году была защищена кандидатская диссертация; вышедшая в 1980 году монография¹ существенно расширила поле исследования. Содержание книги не вполне соответствует ее названию: большая часть исследованных в книге материалов относилась к крестьянству Пьемонта и сопредельных континентальных областей Сардинского королевства, а меньшая – принадлежащему той же короне острову Сардиния. Историческая судьба, экономический облик, ландшафт, военный потенциал – все эти факторы выделяли королевство как из итальянского, так и из альпийского контекста. Наблюдения за крестьянством Пьемонта не могли убедительно проиллюстрировать положение крестьянства Италии в целом. При изучении крестьянства Валериан Семенович снова уклонился от жесткой марксистской схемы. Оказалось, что выступления пьемонтских и сардинских крестьян никак не соответствуют классическим представлениям о «классовой борьбе», тем более что в этих представлениях крестьянство не рассматривалось как носитель передового буржуазного мировоззрения. Большая часть описанных выступлений крестьян на деле представляли собой продовольственные бунты, а не как проявления специфического «классового сознания».

Последней монографической работой В. С. Бондарчука стала книга о «революции Мазаниелло» и последующих ближайших событиях в Неаполитанском королевстве². Череди захватывающих, подчас парадоксальных событий формирует остросюжетную линию повествования, развернутую на фоне сложных социальных и экономических процессов. Ярко проиллюстрированы анноблирование купечества, формирование классового сознания у отдельных групп населения Неаполитанского королевства; раскрыты характерные для Южной Италии XVII века механизмы феодальной ренты и система снабжения столицы продовольствием. Сделанные выводы свидетельствуют о глубо-

¹ *Бондарчук В. С.* Итальянское крестьянство в XVIII в. Аграрные отношения и социальное движение в Сардинском королевстве. М., 1980.

² *Бондарчук В. С.* Неаполитанская революция 1647–1648 гг. М., 1994.

кой трансформации института абсолютной монархии, ставшей одной из основных причин глубокого кризиса в Западной Европе середины XVII века. Валериан Семенович планировал продолжить исследование поворотных моментов неаполитанской истории монографией по революции 1799 года, однако череда более насущных проектов – учебник и коллективные монографии – так и не позволила приступить к этому сюжету.

В начале 1990-х годов возобновилась дискуссия о периодизации новой истории, видную роль в которой сыграл Валериан Семенович. Новую периодизацию удалось зафиксировать в новом учебнике по этой дисциплине¹. По воспоминаниям многих участников этого проекта, Валериан Семенович проявил исключительные профессиональные качества, требуя от всех авторов единого подхода, согласовывая единые критерии и расхождения в точках зрения. В результате получился уникальный учебник, значительно превосходящий все аналогичные труды в российской высшей школе. Помимо истории Италии, Валериан Семенович взял на себя большинство общих глав (демографическое и экономическое развитие, структуру общества, государственный строй, научную революцию, просвещенный абсолютизм). Главы по истории культуры XVII–XVIII веков включили в себя значительную часть материала спецкурса, который Валериан Семенович читал в 1980–2000-е годы².

В. С. Бондарчук проявил себя как замечательный руководитель авторского коллектива и в других кафедральных проектах. Так, в 2005 году был подготовлен коллективный труд о национальной идее в странах Европы³. В главу, посвященную Италии, вошли важнейшие положения курса по истории страны. В лекциях, посвященных итальянской общественной мысли раннего нового времени, В. С. уделял особое внимание формированию итальянского национального чувства.

Таким образом, в публикациях последних лет оказались отражены все основные результаты исследований В. С. Бондарчука, долгие годы

¹ *Бондарчук В. С.* (ред.). История стран Европы и Америки в Новое время. В 2 ч. Ч. 1. XVII век. Ч. 2. 1700–1815 годы. М., 2011.

² Материалы другого спецкурса – об итальянском Просвещении – вошли в написанную В. С. Бондарчуком главу в коллективном труде Общественно-политическая мысль европейского Просвещения. Под ред. *Н. М. Мещеряковой*. М., 2002.

³ Национальная идея в Западной Европе в новое время: очерки истории / *Д. Ю. Бобыкин, В. С. Бондарчук, Н. В. Кирсанова* и др. М., 2005.

присутствовавшие только в его лекциях. Концепции Валериана Семенича отличались большой внутренней свободой даже тогда, когда он был не волен сам определять темы своих исследований. Его работы не только внесли большой объективный вклад в развитие советской и российской итальянистики, но и – наряду с трудами многих других членов кафедры – являются весьма характерным памятником целой эпохи в отечественной историографии.

С 1980 года работает на истфаке Екатерина Павловна Наумова. Ученица И. В. Григорьевой, Екатерина Павловна после окончания истфака МГУ оказалась перед выбором темы для дальнейшей научной работы. Больше всего ее привлекала проблематика борьбы с фашизмом. Деятельность ИКП и других марксистских партий и групп была в целом неплохо раскрыта в советской историографии. Гораздо меньше внимания досталось Партии действия – немарксистской партии левого толка, объединявшей в своих рядах заметную часть итальянской интеллигенции. В советское время анализ теоретического наследия этой партии был затруднителен – партия часто боролась против коммунистов и социалистов за симпатии трудящихся, однако воздерживалась от участия в международных социалистических организациях. В частности, от этой темы отказался признанный мэтр советской итальянистики Г. С. Филатов. Проблема стала менее острой после падения железного занавеса, когда многие оценки перестали быть обязательными. Тогда Г. С. Филатов сам порекомендовал Екатерине Павловне тему, которую считал перспективной в научном плане. Эта работа завершилась защитой в 1998 году кандидатской диссертации на тему «Партия действия в Италии (1942–1947 гг.): формирование и эволюция идейно-политической платформы».

Научные изыскания Екатерины Павловны получили признание за рубежом. Она представляла российских историков на научных конференциях в Италии и Франции. Ряд работ Екатерины Павловны были опубликованы в Италии. Е. П. Наумова является членом «Ассоциации политической культуры братьев Росселли» (Флоренция, Италия). Долгие годы Екатерина Павловна выполняла скрупулезную работу по составлению библиографических списков и хронологических таблиц учебников по дисциплине «Новая и новейшая история»¹. С марта

¹ История новейшего времени стран Европы и Америки. 1918–1945. Под ред. Е. Ф. Язькова. М., 1989; История новейшего времени стран Европы и Америки. 1945–1990. Под ред. Е. Ф. Язькова. М., 1993; Новая история стран Европы и Аме-

2011 г. Е. П. Наумова также является заместителем декана по учебной работе факультета государственного управления МГУ. На историческом факультете она читает курс истории Италии новейшего времени, а также ряд спецкурсов по различным аспектам итальянского Сопровитвления.

С 1982 года работает на кафедре ее нынешний заведующий, и. о. декана факультета доктор исторических наук, профессор, академик Российской академии образования Лев Сергеевич Белоусов. Замечательная карьера начиналась обескураживающе: самым сложным рубежом оказался самый первый – поступление в университет! Действовавшая в советское время система квот на представителей различных социальных групп четыре раза становилась непреодолимым препятствием для поступления, и лишь в 1974 году настойчивость была вознаграждена, и заветный рубеж был взят. Ученик И. В. Григорьевой, Лев Сергеевич начал свою научную биографию с изучения социальной политики фашизма в отношении молодежи. Первая его монография «Италия: молодежь против фашизма. 1919–1945»¹ вышла в 1987 году. Книга, обобщающая результаты кандидатской диссертации, была завершена через два года после защиты – в 1984 году, однако ее публикация затянулась. Три года рукопись ожидала одобрения цензурных органов. Рассмотренная в ней проблема была актуальной для мировой историографии фашизма, а на фоне советской выделялась своей свежестью и оригинальностью постановки темы. Фашистский режим в Италии сделал одним из важнейших направлений своей работы проникновение в массовое сознание, привлечение в ряды партии новых, молодых кадров. В монографии раскрыты механизмы того, как режим «множеством видимых и невидимых нитей... опутывал человека с раннего детства»; была показана важность монополизации режимом времени подростка и молодого человека. Важным достижением стало определение пропаганды как «оглушающей»: в условиях неэффективности полной цензуры печати и радио ставка делалась на количественную сторону, что гасило сомнения многих молодых итальянцев. Вывод об эффективности в целом фашистской пропаганды шел вразрез с традицией советской

рики. Начало 1870-х годов – 1918 г. Под ред. *И. В. Григорьевой*. М., 2001; История новейшего времени стран Европы и Америки. 1945–2000. Под ред. *Е. Ф. Язькова*. М., 2001; История новейшего времени стран Европы и Америки. 1918–1945. Под ред. *Е. Ф. Язькова*. М., 2004.

¹ *Белоусов Л. С.* Италия: молодежь против фашизма (1919–1945). М., 1987.

историографии. Не меньшее внимание исследователя было посвящено выходу итальянской молодежи из-под идеологического пресса фашизма, были определены особенности и временные ориентиры этого процесса. Длительные колебания цензурных органов объяснялись паразитическим, бросавшимся в глаза любому читателю сходством политики фашизма и советской власти в отношении молодежи. Имевшие общие истоки в виде скаутского движения, детские организации двух стран продолжили эволюцию в одном направлении, что не могло не вызвать размышлений о тоталитарных свойствах советской власти. Кроме того, было очевидным, что в СССР были напрямую позаимствованы некоторые принципы создания молодежных политических организаций, что, в свою очередь, наглухо замалчивалось советской властью. Колебания партийной цензуры улеглись только к 1987 году – тогда, когда перестройка набрала ход и о некоторых темах стало возможным говорить публично. До этого момента некоторые политические темы могли обсуждаться в научной среде, но не предназначались для выноса на суд широкой общественности.

Следующей поворотной работой в научной биографии Л. С. Белоусова стала биография Муссолини¹, недавно вышедшая вторым, значительно переработанным изданием². Существует великое множество биографий итальянского диктатора, и сказать что-то новое на фоне литературы самых различных научных направлений и литературных жанров крайне сложно. Тем не менее, работа Л. С. Белоусова читается с большим интересом. Биография носит сугубо научный характер, но от других подобных работ ее отличает владение обширным историческим материалом, большое количество живописных подробностей, уместная ирония и юмор. Из этой работы можно понять, почему страной, которую населяет весьма образованный, трудолюбивый, талантливый и мирный народ, на протяжении двух десятилетий правил столь циничный и крайне амбициозный человек, постоянно игравший на публику. Биографическая тема была расширена в специальной публикации, посвященной малоизвестным подробностям личной жизни европейских диктаторов³.

¹ Белоусов Л. С. Муссолини: диктатура и демагогия. М., 1993.

² Белоусов Л. С. Муссолини: диктатура и демагогия. М., 2016.

³ Белоусов Л. С., Патрушев А. И. Любовь диктаторов. Муссолини, Гитлер, Франко. М., 2001.

Другим направлением в исследовании фашизма стал ряд работ, посвященных его социальной базе. В 1987 году в соавторстве была подготовлена монография, исследовавшая отношение итальянской молодежи к фашизму¹. Следующим этапом стала работа об итальянском рабочем классе, подготовленная по совету В. С. Бондарчука². Итогом многолетних трудов стала монография «Режим Муссолини и массы» (2000)³. Главной темой этих трудов является представление о двух рычагах воздействия фашистского режима на массы. Если в предшествующей литературе доминировало представление о насилии как исключительной мере давления на итальянцев, то после появления работ Л. С. Белоусова существование второго рычага – консенсуса – уже не оспаривается. Под консенсусом понимается проявление согласия и поддержки тоталитарного режима со стороны широких народных масс населения. Кроме того, была также поставлена проблема формирования и развала массовой базы фашизма на уровне умонастроений простых итальянцев. Эти проблемы имеют большое научное значение для нескольких магистральных направлений исследования европейской истории XX века. В более широком смысле природа европейского тоталитаризма предстала перед читателями в новом свете. Широкий выбор источников предоставил Центральный государственный архив Италии (ACS), где впервые были охвачены и освещены документы тайной политической полиции (OVRA). Свободно владея итальянским материалом, Л. С. Белоусов на новом этапе исследований уточнил механизмы манипуляции общественным мнением, хронологические рамки консенсуса, причины его установления и разрушения. Насилие – необходимое условие консенсуса в обстановке тоталитарного режима – в Италии носило особенный, неповторимый характер, но оно не стало от этого менее отвратительным и противоречащим природе свободного общества. Исследования Л. С. Белоусова по новейшей истории Италии получили признание в зарубежной науке; он неоднократно выступал с курсами лекций о природе фашизма и его интерпретациях в историографии в университетах Рима, Флоренции, Пармы, Милана, а также с отдельными лекциями в других крупных университетских центрах. До выхода в свет этих работ проблематика рычагов воздействия на массы оставалась неисследованной.

¹ Белоусов Л. С., Ковылов А. И. Молодежь Апеннин: выбор в борьбе. М., 1987.

² Белоусов Л. С. Итальянский рабочий класс в годы фашизма. М., 1996.

³ Белоусов Л. С. Режим Муссолини и массы. М., 2000.

Помимо истории фашистской Италии, Л. С. Белоусов разрабатывал и ряд более общих тем новейшей истории. Наиболее ярким пример – подготовка издания фронтовых листовок, использовавшихся в борьбе Вермахта и Красной Армии между собой¹. Эта работа, проведенная в соавторстве с профессором А. Ю. Ватлиным, сделала яркую и красочную публикацию полноценным исследованием в жанре *visual history*, а представленный материал – пригодным для осмысления специалистами и типологических обобщений. Написанная также в соавторстве книга «В кулуарах Вашингтона»² свидетельствует о постоянном интересе к самым актуальным процессам в международных отношениях. В центре внимания авторов этой книги находится внешняя политика США, особенно те ее стороны, которые проявляются в противостоянии внешней политике РФ в различных точках столкновения интересов этих двух держав. Разносторонние научные интересы являются «вынужденным» явлением в условиях специфического «научного любопытства» студентов: большая часть защищенных под руководством Л. С. Белоусова на историческом факультете дипломных работ посвящена не истории фашизма, а политической истории Италии XXI века.

Отдельным направлением научно-исследовательской работы Льва Сергеевича является методология преподавания истории в школе и университете. В 2009 году вышла программная статья³, а в 2012 году был подготовлен уникальный университетский учебник⁴, в котором Лев Сергеевич, помимо титульного редактирования, написал также предисловие, введение и четыре главы. Этот учебник предложил абсолютно новую концепцию преподавания истории последних лет, вызывающую особую методологическую трудность у педагогов-практиков. Он остается единственной работой такого качества в российской высшей школе, и по этой причине он уже несколько лет остается востребованным и во многих университетах России и зарубежья.

¹ Белоусов Л. С., Ватлин А. Ю. Пропуск в рай. Сверхоружие последней мировой. М., 2007.

² Злобин Н. В., Белоусов Л. С. В кулуарах Вашингтона. Умонастроения истеблишмента США в годы второго срока президента Джорджа Буша (2005–2008). М., 2003.

³ Белоусов Л. С. Как преподавать новую и новейшую историю в университете? // Новая и новейшая история. 2009. № 1. С. 144–150.

⁴ История стран Европы и Америки в XXI веке. М., 2012.

Ведется также работа над созданием целостной программы учебников по истории для средних школ. В ряде учебников, посвященных древнему миру, средним векам и новой истории, Лев Сергеевич выступил в роли редактора¹, в других является одним из авторов². Подготовлен и ряд теоретических статей, посвященных стратегии преподавания истории в школе³. Эта сторона деятельности Л. С. Белоусова получила самое высокое профессиональное признание: в 2019 году он был избран академиком (в 2016 – членом-корреспондентом) Российской академии образования по номинации «Методология преподавания истории».

¹ История. Древний мир. Академический школьный учебник. 5 класс. М., 2010; История. Средние века. Академический школьный учебник. 6 класс. М., 2011; *Медяков А. С., Бовыкин Д. Ю.* История. Новое время. Конец XVIII–XIX век. 8 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. М., 2013; *Лазарева А.В.* История. Новое время. Конец XVIII–XIX век. 8 класс. Тетрадь-тренажер. М., 2013.

² *Белоусов Л. С., Смирнов В. П., Докучаева О. Н.* Всеобщая история. Новейшая история. 11 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений (профильный уровень). М., 2009; *Белоусов Л. С., Бовыкин Д. Ю., Ведюшкин В. А., Медяков А. С., Смирнов В. П., Уколова В. И., Уколова Е. И.* Всеобщая история. Рабочие программы. Предметная линия учебников «Сферы». 5–9 классы. Пособие для учителей общеобразовательных учреждений. С., 2012; *Белоусов Л.С., Смирнов В. П.* История. Новейшее время. XX – начало XXI века. 9 класс. Учебник для общеобразовательных организаций с приложением на электронном носителе. М., 2014; *Белоусов Л. С., Загладин Н. В.* Всеобщая история. Новейшая история. Учебник для 10–11 классов общеобразовательных организаций. М., 2017; *Белоусов Л. С., Загладин Н. В.* Всеобщая история. История нового времени. 1801–1914. Учебник для 9 класса общеобразовательных организаций. М., 2017; *Белоусов Л. С., Загладин Н. В., Пименова Л. А.* Всеобщая история. История нового времени. XVIII век. Учебник для 8 класса общеобразовательных организаций. М., 2017; *Белоусов Л. С., Смирнов В. П., Мейер М. С.* История. Новейшее время. 10 класс. Учебник для общеобразовательных организаций. Базовый уровень. М., 2017.

³ *Белоусов Л. С.* Проблемы методологии преподавания всеобщей истории в средней школе и пути их решения // Психологические и педагогические аспекты научного становления личности. Омск, 2017. С. 7–14; *Белоусов Л. С.* Методологические подходы к решению дискуссионных вопросов преподавания новейшей истории в средней школе // Преподавание истории и обществознания в школе. 2017. № 7. С. 30–36; *Белоусов Л. С.* Актуальные проблемы методологии преподавания всеобщей истории в общеобразовательных учреждениях // Человеческий капитал. № 11 (107). С. 31–36; *Белоусов Л. С.* Методологические принципы преподавания малоизученных тем новейшей истории в общеобразовательных учреждениях // Преподавание истории и обществознания в школе». 2018. № 4. С. 44–54; *Белоусов Л. С.* Историко-культурный стандарт по всеобщей истории: проблемы методологии // Новая и новейшая история. 2019. № 5. С. 166–178.

Впрочем, история не является единственным поприщем научной и общественной деятельности Л. С. Белоусова. Став в 2010 году ректором Российского международного олимпийского университета, он значительное внимание уделяет проблемам истории спорта, подготовки специалистов в области спортивного менеджмента. Так, в коллективной монографии «Олимпийское движение и новые медиа»¹ показаны новейшие тенденции в том, как новые базирующиеся в Интернете средства массовой информации (в первую очередь соцсети) изменяют облик Олимпийских игр и в целом их роль в общественной жизни. Процесс изменения социальной роли большого спорта становится в последнее десятилетие все более заметным. Другим примером может стать богато иллюстрированная коллективная монография, рассматривающая традиции и тенденции в развитии олимпийского движения на разнообразном историческом материале от Античности до наших дней². В работе «Исследования о спортивном менеджменте» обоснована актуальность этого направления, подробно рассмотрены возможные методы планирования и проведения научного анализа, способы и методические особенности подготовки специалистов³.

Илья Евгеньевич Андронов закончил исторический факультет МГУ в 1992 году. Написанная под руководством В. С. Бондарчука дипломная работа (переработанная в 1998 году в кандидатскую диссертацию) на тему «У истоков итальянского Просвещения: Пьетро Джанноне» была создана в значительной степени на архивном материале, собранном во время самостоятельных поездок в Италию в 1990–1991 гг. В ходе этих поездок Илья Евгеньевич установил плодотворные научные контакты с рядом итальянских ученых Туринского и Флорентийского университетов, посещал лекции Ф. Вентури и Дж. Рикуперати. Начав академическую карьеру в 1995 году с преподавания итальянского языка на истфаке, Илья Евгеньевич вскоре перешел на факультет иностранных языков (с 2006 г. иностранных языков и регионоведения) МГУ, где работал до 2016 года. После кончины В. С. Бондарчука он в 2012 году был приглашен для чтения лекций по истории

¹ Белоусов Л. С., Энди М., Золотарев А. Олимпийское движение и новые медиа. М., 2015.

² Белоусов Л. С., Ватлин А. Ю., Стрелков А. В. Олимпийское движение: история и современность. М., 2016.

³ Белоусов Л. С., Кудрявцев В. В. Исследования в спортивном менеджменте. М., 2016.

Италии на историческом факультете, ставшем со временем основным местом работы.

Монография о Пьетро Джанноне вобрала в себя результаты десятилетней работы над биографией неаполитанского юриста и историка¹. В ней на богатом архивном материале описаны жизненный путь и борьба, подробно проанализированы исторические и политические труды, воссоздана интеллектуальная среда его деятельности.

В 2009 году Илья Евгеньевич выпустил в свет монографию о выдающемся политическом деятеле Италии XIX века Джузеппе Мадзини². Для исследования было выбрано время формирования Мадзини как мыслителя до первого ареста в 1830 году. Личность Мадзини в монографии помещена в три различных контекста, которые позволяют увидеть разные грани его мировоззрения, взглядов и личных качеств. Макро- и микросреда отпечатались на вкусах и темпераменте молодого человека, проявившихся на поприще литературной критики. Отдельно исследовано взаимодействие молодого Мадзини с миром карбонери; многие распространенные в историографии оценки эффективности этого движения были пересмотрены.

Работа над биографией Пьетро Джанноне способствовала складыванию особого интереса к историографии. В 2010-е годы И. Е. Андророва как исследователя заинтересовала широкая и практически неизученная проблема преемственности в западноевропейской историографии между Возрождением и Просвещением. Обнаружив недостаточность предлагавшихся в литературе трактовок, Илья Евгеньевич обратился к изучению исторической мысли XVI–XVII веков. В ходе этой работы выяснилось, что богатейшая по объему материала и разнообразию концепций западноевропейская церковная историография, с одной стороны, внесла огромный вклад в совершенствование инструментария исследователя-историка, а с другой, остается и сегодня изолированной от светской науки той эпохи. Был составлен исследовательский проект, первая часть которого была защищена в качестве докторской диссертации в 2016 году. Монография по материалам диссертации вышла три года спустя³.

¹ Андронов И. Е. У истоков итальянского Просвещения: Пьетро Джанноне. М., 2000.

² Андронов И. Е. Джузеппе Мадзини: молодые годы. СПб., 2009.

³ Андронов И. Е. *Nostrī Saeculi Novatores*: межконфессиональная полемика в западноевропейской церковной историографии XVI века. М.–СПб., 2019.

Результаты исследований И. Е. Андропова были представлены на ряде научных конференций в Италии, Германии, Дании, Бельгии и США. Он является членом Международной организации исследований XVI века (Sixteenth Century Society and Conference), Американской исторической ассоциации, а также Общества истории авторства, чтения и издательского дела (SHARP, Великобритания).

Н. В. КИРСАНОВА

ИСТОРИЯ СТРАН ПИРЕНЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Начало изучению новой и новейшей истории Испании на историческом факультете МГУ положил выдающийся советский дипломат, ученый и педагог Иван Михайлович Майский (1884–1975). В 1948 г. он приступил к чтению курса по новой и новейшей истории Испании. Впоследствии на базе этого курса И. М. Майский написал первое в советской исторической науке фундаментальное исследование новой истории Испании¹. Важным вкладом в изучение международных аспектов гражданской войны в Испании стали опубликованные в 1962 г. воспоминания И. М. Майского о работе Лондонского Комитета по невмешательству – «Испанские тетради». Из спецсеминара, который вел в 1948–1953 гг. И. М. Майский, вышла целая плеяда талантливых историков-испанистов – Х. Гарсия, А. Гонсалес, И. В. Данилевич, К. Л. Майданик, С. П. Пожарская, Л. В. Пономарева, Э. Н. Рапп-Лантарон².

В дальнейшем специализацию по новой и новейшей истории Испании продолжила ученица И. М. Майского – Э. Н. Рапп-Лантарон (1925–2017). Судьба Элоины Несторовны отразила трагические потрясения, которые пережила Испания в середине XX века. Э. Н. Рапп-Лантарон родилась в 1925 г. на севере Испании, в городе Рейноса, в многодетной рабочей семье. В сентябре 1937 г., когда франкистские войска вели наступление на севере страны, Элоина и ее брат Нестор вместе с другими детьми были эвакуированы из Хихона (Астурия) на корабле, доставившем их в СССР. Брат и сестра были направлены в детский дом № 8 Ленинграда. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июня 1941 г. Элоине было предоставлено советское гражданство³.

¹ *Майский И. М.* Испания, 1808–1917. М., 1957.

² *Пожарская С. П.* Академик Иван Михайлович Майский (страницы творческой биографии) // Из истории Европы в новое и новейшее время. М., 1984. С. 8–9.

³ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 35л. Д. 5110. Л. 2.

В страшную блокадную зиму 1941–1942 гг. Элоина, окончив курсы Красного Креста, работала в эвакуогоспитале № 2009. В марте 1942 г. Элоина и Нестор были вывезены из Ленинграда по «дороге жизни» и оказались на Кубани, где Элоина работала трактористкой в колхозе. Немецкое наступление 1942 г. на Северном Кавказе заставило Элоину и Нестора бежать. Нестор был схвачен немцами и впоследствии отправлен в франкистскую Испанию; Элоине, благодаря ее мужеству и находчивости, удалось избежать плена и добраться до расположения Красной Армии. Элоину отправили в Грузию, она работала на шелкоткальной фабрике в г. Махарадзе. В сентябре 1943 г. Элоина стала студенткой физико-математического факультета Тбилисского университета, через год она была переведена в Москву на механико-математический факультет МГУ. Вскоре Элоина поняла, что ее призвание – история. В январе 1945 г., блестяще сдав экзамены по историческим дисциплинам за три семестра, Элоина перешла на второй курс исторического факультета МГУ.

Элоина ненавидела фашизм, она рассказывала, что хотела нелегально вернуться в Испанию, чтобы участвовать в антифранкистском партизанском движении, но руководство Коммунистической партии Испании настаивало на том, чтобы Элоина продолжала учиться. Ее дальнейшая жизнь была посвящена изучению истории Испании. После окончания пятого курса в 1949 г. Э. Н. Рапп-Лантарон поступила в аспирантуру. В ноябре 1952 г. она защитила кандидатскую диссертацию «Предательская политика правых испанских социалистов в 1917–1923 гг.», написанную под руководством И. М. Майского.

В конце 1952 г. Элоина Несторовна начала работать на кафедре новой и новейшей истории. Первым важным делом, которое ей было поручено в 1953 г., стало написание глав по истории Испании и Португалии для второго и третьего тома учебника по новой истории¹. В дальнейшем это направление ее научной и педагогической деятельности продолжилось: в начале 70-х гг. Э. Н. Рапп-Лантарон написала главы по истории Испании для новых учебников по новой и новейшей истории². Многие поколения студентов-историков узнавали историю Испании XIX–XX вв. по тем главам, автором которых была Элоина Несторовна. Особо следует сказать о вкладе Элоины Несторовны в изучение

¹ Новая история. Т. II. М., 1958. Новая история. Т. III. М., 1960.

² Новая история. 1870–1918. М., 1973. Новейшая история. 1918–1939. М., 1973. Новейшая история. 1939–1970. М., 1975.

испанской историографии. Написанная ею глава «Испанская историография конца XIX – начала XX вв.»¹ стала первым в отечественной науке исследованием испанской исторической науки этого периода.

В конце 1961 г. Э. Н. Рапп-Лантарон уехала в командировку на Кубу и до конца 1965 г. была приглашенным профессором исторического факультета Гаванского университета². В 1964 было опубликовано написанное Элоиной Несторовной пособие для кубинских учителей по новейшей истории³.

Вернувшись в конце 1965 г. в Москву, Э. Н. Рапп-Лантарон продолжила преподавательскую и научную деятельность на кафедре новой и новейшей истории. Круг научных интересов Элоины Несторовны был очень широк: ее перу принадлежали статьи, посвященные истории революционного движения в Испании, истории международных отношений, национальным проблемам Испании⁴. Она также написала более 20 статей по новой и новейшей истории Испании и Португалии для Большой Советской Энциклопедии, выступала с докладами на научных конференциях.

Но главным научным трудом Э. Н. Рапп-Лантарон стало участие в написании 4-томного исследования «Война и революция в Испании», изданного в Москве на испанском языке⁵. Эта книга была написана коллективом испанских авторов под руководством председателя КПИ Долорес Ибаррури. Для этой работы Э. Н. Рапп-Лантарон была командирована в 1971–1974 гг. в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Элоина Несторовна была автором значительной части четвертого тома (в издании не указывалось, кем именно написана та или иная глава). Э. Н. Рапп-Лантарон работала с документами из архива КПИ и советских архивов (по причинам, не зависящим от авторов, на

¹ Историография нового времени стран Европы и Америки. М., 1967.

² Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 35л. Д. 5110. Л. 40, 42, 47.

³ Guía para el maestro. Historia II Contemporánea. Habana, 1964.

⁴ *Рапп-Лантарон Э.* Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на революционный подъем в Испании в 1918–1920 гг. // Проблемы рабочего и антифашистского движения в Испании. М., 1960; *Галан Х.-М., Рапп-Лантарон Э., Сандоваль Х.* Германский империализм в Испании в период 1936–1945 гг. // Германский империализм и Вторая мировая война. М., 1963; *Рапп-Лантарон Э.* Национальный вопрос в современной Испании // Расы и народы. № 6. М., 1976.

⁵ Guerra y revolución en España 1931–1939. Moscú. Т. I – 1967. Т. II – 1971. Т. III – 1971. Т. IV – 1977. Первая часть этой работы была переведена на русский язык – Война и революция в Испании 1931–1939. Т. I. М., 1968.

документы из советских архивов были даны «глухие» ссылки – «Из государственных архивов СССР» или «Из внешнеполитических архивов СССР»), материалами прессы, воспоминаниями участников событий. Несмотря на определенную политическую ангажированность, выразившуюся в том, что позиция КПИ была представлена как единственно верная, в отличие от позиций других партий Народного Фронта, этот научный труд внес ощутимый вклад в изучение войны и революции в Испании. Были впервые опубликованы некоторые документы (например, написанные в ноябре 1938 г. письма премьер-министра Испании Х. Негрина И. В Сталину и В. М. Молотову с подробным анализом международного и внутривнутриполитического положения республиканской Испании и просьбой о поставках советского оружия). В четвертом томе детально рассматривались военные операции 1938–1939 гг., политика партий, входивших в Народный Фронт, изменения в международном положении республиканской Испании на завершающем этапе гражданской войны. К сожалению, только небольшая часть советских читателей смогла познакомиться с этим чрезвычайно интересным исследованием, так как из-за обострившихся идейно-политических противоречий между руководством КПСС и лидерами КПИ четвертый том не был переведен на русский язык.

В годы работы на кафедре новой и новейшей истории Э. Н. Рапп-Лантарон вела специализацию по новой и новейшей истории Испании, читала годовой курс истории Испании, начиная его с древнейших времен, с эпохи иберов и кельтов, поскольку считала необходимым знание всей многовековой истории Испании. Результаты научной работы Э. Н. Рапп-Лантарон отразились в спецкурсе, который она читала студентам-испанцам четвертого курса, посвященном истории революции и гражданской войны. Свои лекции Элоина (она настаивала на том, чтобы студенты называли ее по имени, как это принято в Испании) читала на испанском языке, что в дальнейшем значительно облегчало освоение источников и литературы при написании курсовых и дипломных работ. Объявленный Элоиной спецсеминар («Антифранкистское движение в Испании») предполагал изучение различных течений в демократическом движении 40-х – первой половины 70-х гг. Курсовые и дипломные работы ее учеников были посвящены борьбе антифранкистских профсоюзов, студенческим выступлениям, деятельности христианских демократов, национальному движению в Каталонии, Стране Басков и Галисии, героической борьбе испанских партизан против

*Э. Н. Рапп-Лантарон (1925–2017) –
к.и.н., доцент*

диктаторского режима в 40-х гг. В своем спецсеминаре Элоина уделяла большое внимание методике научной работы, изо дня в день учила студентов «ремеслу» исследователя. Она была необычайно доброжелательным человеком и талантливым педагогом, всегда была готова помочь студенту и ободрить его, но, в то же время, Элоина не терпела лени и халтуры и буквально «взрывалась», когда ей приходилось

сталкиваться с подобными явлениями в студенческих работах. Элоина умела сочетать высокую требовательность и принципиальность с дружеским общением со студентами. Ее ученики – доктор исторических наук А. А. Сагомоян, кандидаты исторических наук Л. М. Бухармедова (ныне – зав. кафедрой европейских языков Высших курсов иностранных языков МИД РФ), Г. М. Роговицкая, Н. В. Кирсанова.

Все, кто знал Э. Н. Рапп-Лантарон, – и преподаватели, и студенты – запомнили ее как невероятно обаятельную и яркую женщину, как поразительно энергичного, умного и честного человека. Как справедливо отметила Л. М. Бухармедова, всем нам, ученикам Элоины, повезло, она привила нам любовь к стране и людям, этот свет – на всю жизнь.

Элоина всю жизнь мечтала возвратиться на родину. В 1970 г. испанские власти разрешили ей кратковременную поездку в Испанию. После завершения учебного года, летом 1978 г., Элоина Рапп-Лантарон вернулась в Испанию.

В 1977 г. произошло расширение хронологических рамок специализации – Эллида Эдуардовна Литаврина (1928–2002), продолжая заниматься историей стран Латинской Америки, открыла семинар по истории Испании XVIII в. Как отмечала ее ученица, д.и.н. О. В. Волосюк, это был «первый в стране научный семинар по истории Испании XVIII в., который позже развился в новую исследовательскую школу. Благодаря ее энтузиазму богатейшая проблематика испанско-

го Просвещения стала достоянием российской исторической науки»¹. Большую роль в подготовке студентов-испанистов сыграл спецкурс Эллиды Эдуардовны «Испанская культура XVI–XVIII вв.: гуманизм и Просвещение». Результаты научной и педагогической работы Э. Э. Литавриной отразились в написанном ею разделе учебника по новой истории². Студенты, занимавшиеся в семинаре Э. Э. Литавриной, – О. В. Волосюк и Е. Э. Юрчик – впоследствии стали крупными специалистами по истории Испании раннего нового времени.

В 1978 г., после отъезда Э. Н. Рапп-Лантарон, специализацию по истории Испании XIX–XX вв. стала вести Наталья Викторовна Кирсанова. Она окончила исторический факультет в 1977 г., в 1982 г. защитила кандидатскую диссертацию «Национальный вопрос и демократическое движение в Каталонии в 60–70-е гг. XX в.». Она участвовала в написании учебников и учебных пособий, коллективных монографий,³ публиковала статьи, посвященные новейшей истории Испании и истории Португалии в новое и новейшее время, выступала на международных и всероссийских конференциях. Сфера научных интересов Н. В. Кирсановой – политическая история Испании и Португалии, национальные проблемы Испании, «революция гвоздик» в Португалии, общественно-политическая мысль Испании и Португалии. За время

¹ *Волосюк О. В.* Научная дипломатия в советско-испанском диалоге // *Испания и Россия: дипломатия и диалог культур.* М., 2018. С. 387–388.

² *Новая история стран Европы и Америки. Первый период.* Под ред. *А. В. Адо.* М., 1986. Глава 5, часть § 2, глава 6, глава 7, § 2, глава 10, § 5, глава 11, § 3, глава 14, § 9.

³ *Новая история стран Европы и Америки. Первый период.* Под ред. *А. В. Адо.* М., 1986. Глава 5, часть § 2, глава 11, части § 2 и 8, глава 14, § 6; *Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870-х – 1918 г.* Под ред. *И. В. Григорьевой.* М., 2001. Глава 7, глава 17, часть главы 22; *История новейшего времени стран Европы и Америки. 1918–1945.* Под ред. *Е. Ф. Язькова.* М., 2004. Глава 7, § 7, глава 11, § 3; *История стран Европы и Америки в Новое время. Ч. 1. XVII век.* Под ред. *В. С. Бондарчука.* М., 2011. Глава 13; *История стран Европы и Америки в Новое время. Ч. 2. 1700–1815 годы.* Глава 6, глава 18.2 и 18.3; *История стран Европы и Америки в Новое время (1815–1914 гг.).* М., 2016. Глава 8, 9, 21, 30; *Еремин В. В., Кирсанова Н. В.* Специальное страноведение. Королевство Испания Факторный анализ. Учебное пособие. М., 2015. Глава II, IV, VIII; *Разделение властей.* Учебное пособие. М., 2004. Ч. 2, глава 3; *Национальная идея в Западной Европе в Новое время.* Под ред. *В. С. Бондарчука.* М., 2005. Глава III, § 1, IV; *Общественно-политическая мысль европейского Просвещения.* Под ред. *Н. М. Мещеряковой.* М., 2002. Глава V; *Португалия: путь от революции...* Под ред. *В. Л. Верникова.* М., 2014. Ч. I, глава 1.

работы на кафедре Н. В. Кирсанова подготовила 55 специалистов, 5 бакалавров и 1 магистра. В 1988 г. она открыла специализацию по новой и новейшей истории Португалии.

Екатерина Эдуардовна Юрчик закончила исторический факультет МГУ в 1992 г., в 1997 г. защитила кандидатскую диссертацию «Испанские просветители второй половины XVIII в. об исторических судьбах страны». Педагогическая деятельность Е. Э. Юрчик началась в 1999 г. в Литературном институте; она также преподавала на историческом факультете МГУ. В 2014 г. Екатерина Эдуардовна перешла на работу на кафедру новой и новейшей истории исторического факультета МГУ.

Важнейшим научным достижением Екатерины Эдуардовны стало ее участие в двух масштабных проектах. Один из них – издание двухтомной «Истории Испании» – первого в отечественной исторической науке фундаментального исследования истории Испании с древнейших времен до начала XXI века. Е. Э. Юрчик написала для этой книги 14 глав¹, которые знакомят читателя с политической историей, экономической трансформацией, развитием культуры Испании на протяжении XVII–XIX веков. Эта работа Е. Э. Юрчик значительно обогатила и расширила наши представления о новой истории Испании. Екатерина Эдуардовна также участвовала в редактировании, подборе иллюстраций и карт, составлении библиографии, хронологического, именного и географического указателя. Второй проект связан с изучением истории российско-испанских дипломатических отношений со второй половины XVII века до начала нынешнего столетия.² Эта книга стала первым систематическим исследованием работы российских дипломатов в Испании. Е. Э. Юрчик написала главы, о дипломатической деятельности Г. А. Строганова, Д. П. Татищева, П. Я. Убри, А. Н. Волконского, а также подобрала и описала иллюстрации. Перу Е. Э. Юрчик также при-

¹ История Испании. Том I. С древнейших времен до конца XVII века. – М., 2012. Раздел 3, глава 4. История Испании. Том II. От войны за испанское наследство до начала XXI века. – М., 2014. Часть I, раздел 1, главы 1–3; раздел 2, главы 1–3; раздел 4, глава 1. Часть II, раздел 1, глава 1; главы 2–3 (в соавторстве с *И. Ю. Медниковым*); раздел 2, глава 1 (в соавторстве с *С.В. Ведюшкиной*), глава 3; раздел 3, глава 1, (в соавторстве с *С.В. Ведюшкиной*); глава 2 (в соавторстве с *С. В. Ведюшкиной* и *А. Д. Баженовой*).

² Российские дипломаты в Испании. *Diplomáticos rusos en España. 1667–2017*. М., 2016.

надлежат главы учебника новой истории, посвященные истории Испании и ее колониальных владений в XVII–XVIII вв.¹ Большой интерес представляют ее работы, в которых анализируется общественно-политическая мысль испанского Просвещения и представления испанцев XVI–XVIII веков о нации. Е. Э. Юрчик не только выступала на многочисленных международных конференциях, но и участвовала в их организации. Екатерина Эдуардовна вносит большой вклад в развитие международных научных связей исторического факультета МГУ.

В настоящее время специализация по истории Испании и Португалии предполагает чтение курсов «Новая и новейшая история Испании» и «Новая и новейшая история Португалии» для бакалавров третьего года обучения, спецкурсов «Испания и Новый Свет: от колониальной империи до Иberoамериканского сообщества» и «Революции и гражданские войны на Иберийском полуострове» для магистров. Кроме того, испанские и португальские сюжеты включены в те курсы, которые читаются для магистров, изучающих страны Южной Европы.

Студентам предлагается широкий круг тем для написания выпускных квалификационных работ бакалавров и магистерских диссертаций. Большой интерес всегда вызывает проблематика политической истории Испании и Португалии; внимание студентов также привлекают сюжеты, связанные с изучением общественной мысли, идеологии и культуры; большой популярностью традиционно пользуется изучение внешней политики иберийских стран; не иссякает интерес и к экономической истории. Хронологические рамки работ простираются от середины XVII в. до современности, в ходе защиты нередко отмечается высокий научный уровень и научная новизна студенческих исследований.

Многие наши выпускники продолжили научную работу после окончания университета. В 2006 г. и в 2007 г. на историческом факультете МГУ были защищены две кандидатские диссертации, посвященные новой и новейшей истории Испании. Среди тех, кто изучал на историческом факультете новую и новейшую историю Испании, – доктор исторических наук, профессор факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ О. В. Волосюк; зав. сектором международных организаций и глобального политического регулирования

¹ История стран Европы и Америки в Новое время. Ч. 1. XVII век. Под ред. В. С. Бондарчука. М., 2011, главы 12, 19; История стран Европы и Америки в Новое время. Ч. 2. 1700–1815 годы. Под ред. В. С. Бондарчука. Главы 5, 12.

ИМЭМО РАН, доктор политических наук, профессор И. Л. Прохоренко; доктор исторических наук, профессор факультета глобальных процессов МГУ А. А. Сагомоян.

Обучение на кафедре новой и новейшей истории обеспечивает качественную профессиональную подготовку и для других сфер деятельности. Испанисты – выпускники кафедры успешно работают в самых разных областях: преподают испанский язык, находятся на дипломатической службе, занимаются журналистикой, заняты в сфере международного туризма, внося немалый вклад в развитие связей России со странами Пиренейского полуострова.

ИСТОРИЯ «МАЛЫХ СТРАН»

Исторические процессы в Европе невозможно представить без участия в них так называемых «малых» стран. Специализацию по их истории на кафедре новой и новейшей истории начал в свое время ее заведующий профессор И. С. Галкин. Расширяя географию исторических исследований, он заложил основы изучения истории Албании, Венгрии, Греции, Румынии, Швеции.

Албания. В конце 1950-х гг. И. С. Галкин, начал развивать научные связи с учеными Албании; он читал лекции в Тиранском университете и в Учительском институте в Шкодре. В 1956 году под руководством И. С. Галкина защитил диссертацию молодой албанский ученый Ментар Белегу. В 1960-е годы успешно занималась историей Албании и Крита в семинаре И. С. Галкина подававшая большие надежды ученица И. Г. Сенкевич, которая после защиты кандидатской диссертации опубликовала в 1970 году монографию «Россия и критское восстание 1866–1869 гг.». К великому сожалению, она рано ушла из жизни. Воспитанницей кафедры новой и новейшей истории была доктор исторических наук Н. Д. Смирнова – талантливая ученица профессора А. Ф. Миллера, владеющая албанским, итальянским, новогреческим, сербским языками. Одним из оппонентов ее докторской диссертации по истории Албании был И. С. Галкин, который высоко оценил представленную автором теоретическую глубину изучения истоков албанского национализма, проявившегося в политике Энвера Ходжи и Мехмета Шеху.

Венгрия. Специализация по истории Венгрии была вызвана тем, что в 1950-е и 1960-е годы Венгрия неоднократно посылала своих молодых людей в МГУ на кафедру новой и новейшей истории для подготовки специалистов по всеобщей истории. Специализацию по истории Венгрии также начал профессор И. С. Галкин. В 1950-е и 1960-е годы И. С. Галкиным было подготовлено 6 кандидатов наук, которые успешно работали в университетах Будапешта, Сегеда, Мишкольца.

Один из выпускников кафедры, Янош Берез, работал заведующим Международным отделом ЦК Венгерской социалистической рабочей партии, а в начале 1980 года стал главным редактором газеты «Непсабадшаг»¹. В 1970-е годы было подготовлено 3 специалиста по истории Венгрии, которым историю страны читал доктор исторических наук Т. М. Исламов. Один из выпускников, А. Г. Айрапетов, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории исторического факультета Тамбовского государственного университета, возглавлял эту кафедру с 1990 по 2012 годы.

Румыния. Другой страной, историю которой начали изучать на кафедре, была Румыния. В 1952 г. состоялся первый выпуск студентов, специализировавшихся по истории Румынии и Молдавии под руководством И. С. Галкина. Среди них были будущий профессор МГИМО, затем руководитель отдела черноморско-средиземноморских исследований ИЕ РАН д.и.н. А. А. Язькова и будущий зав. сектором Румынии и Албании, а затем зам. директора ИЭМСС (1973–1987) доктор исторических наук И. И. Орлик.

Среди аспирантов И. С. Галкина первого послевоенного выпуска был участник Великой Отечественной войны Михаил Михайлович Залышкин (1925–2002), специалист по истории Румынии, который был оставлен для работы на кафедре. В 1974 году вышла в свет его фундаментальная монография «Внешняя политика Румынии и румынско-русские отношения: 1875–1878»². В 1960 г. М. М. Залышкин подготовил своих первых выпускников, защитивших работы по истории становления румынской государственности и экономики в XIX в., а также по истории социалистической Румынии. Все они работали в институтах Российской академии наук. Специализируясь по истории Румынии под руководством М. М. Залышкина, студенты изучали румынский язык на кафедре романской филологии филологического факультета, проходили архивную практику в Кишиневе, Ужгороде, Черновцах. М. М. Залышкин поддерживал тесные связи с румынскими и молдавскими коллегами. Некоторым студентам удалось побывать на стажировке в Румынии. Своим студентам М. М. Залышкин предлагал для работы, прежде всего, темы по истории Румынии в XIX в., поскольку они были в наибольшей степени обеспечены источниками. По вос-

¹ Галкин И. С. Записки ректора Московского университета. М., 2004. С. 168.

² Залышкин М. М. Внешняя политика Румынии и румынско-русские отношения: 1875–1878. М., 1974.

поминаниям его учеников, М. М. Залышкин чрезвычайно ответственно подходил к профессиональной подготовке студентов. В то же время Михаил Михайлович был очень отзывчивым человеком, старался поддерживать своих студентов в трудных жизненных ситуациях, ученики с любовью его называли Мих. Мих. Большинство его выпускников впоследствии защитили кандидатские диссертации в Институте истории АН СССР, Институте славяноведения и балканистики, ИЭМСС РАН. В начале 1980-х гг. у М. М. Залышкина выявились проблемы со здоровьем, поэтому он был вынужден оставить работу на кафедре. После его ухода подготовка специалистов по истории Румынии на кафедре была приостановлена. В настоящее время специализация возрождается под руководством д.и.н. О. Е. Петруниной.

Греция. На протяжении более 50 лет на кафедре ведется специализация по истории Греции. У истоков изучения истории этой страны также стоял профессор И. С. Галкин. В конце 1950-х – начале 1960-х годов специализация студентов по неозллинистике представляла собой довольно редкое явление и была связана с изучением недавнего прошлого, а именно английской политики в Греции накануне и в годы второй мировой войны, а также Гражданской войны в Греции. Но уже с середины 1960-х годов тематика научных исследований заметно расширилась. В 1960 году была опубликована фундаментальная монография И. С. Галкина «Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции. 1905–1912 гг.»¹, где специальный раздел был посвящен Критской революции 1905 г. и политике Греции в этот период. Именно И. С. Галкин, возглавлявший общество дружбы «СССР – Греция», был первым историком-преподавателем, который в марте 1965 года посетил Грецию с чтением лекций в Афинах и городах Фессалии о системе образования в СССР и проблемах истории балканских стран. Логическим итогом этого визита явились переговоры о возможности сотрудничества между Афинским и Московским университетами. Однако военный переворот 1967 г. в Греции не дал завершить начатые в Афинах переговоры.

Тем не менее, уже в 1968 г. на историческом факультете МГУ была продолжена специализация студентов по новой истории Греции. Курс истории страны с византийского периода до конца XIX в. читал из-

¹ Галкин И. С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции. 1905–1912 гг. М., 1960.

вестный ученый, эллинист, профессор Г. Л. Арш, новейшую историю – кандидат исторических наук С. Зорбалас. Новогреческий язык студенты изучали на филологическом факультете. В 1972 г. в спецсеминаре профессора И. С. Галкина были подготовлены две дипломные работы: «Русская печать о революции 1862 г. в Греции» Э. Бакопулу – студенткой из Греции (теперь она квалифицированный редактор исторической литературы и известный переводчик русской классической литературы в Афинах) и «Либеральная политика правительства Э. Венизелоса. 1909–1912 гг.» Т. В. Никитиной. В 1984 г. Т. В. Никитиной была опубликована монография «Греция накануне первой мировой войны. Внутренняя политика кабинета Э. Венизелоса. 1909–1912 гг.», в основу которой была положена кандидатская диссертация автора, защищенная в 1978 г. В книге показано, что благодаря реформам либерального правительства Э. Венизелоса, была осуществлена комплексная модернизация страны, которая подготовила Грецию к решающей битве за национальное освобождение и воссоединение исконно греческих земель.

С 1978 г. под руководством Т. В. Никитиной на историческом факультете начинается регулярная специализация по неозеллинистике с изучением новогреческого языка. Новогреческий язык много лет преподавала гречанка Э. Г. Даванкова. В связи с ее уходом на пенсию в 2017 г. эта работа полностью легла на плечи О. Е. Петруниной. Начиная с 1990-х гг. помощь в преподавании новогреческого языка студентам кафедры и всего факультета оказывает Министерство образования Греции, направляя на работу в Москву преподавателей-носителей языка.

На кафедре новой и новейшей истории обучались как русские, так и греческие студенты. Выбор тем спецсеминаров и дипломных работ диктовался, в первую очередь, наличием источников по истории Греции. В спецсеминарах изучались проблемы национально-освободительного движения в Греции в XIX в., международных отношений на Балканах, истории социалистического движения в Греции. В 1987 г. в спецсеминаре «История социалистической мысли в Греции» была подготовлена и защищена на «отлично» работа греческой студентки А. Диаллы – «Роль С. Каллергиса в становлении социалистического движения в Греции в конце XIX – начале XX в.». В этом исследовании были сделаны выводы о том, что социалистические идеи, привнесенные извне, приобретали на греческой почве массу особенностей и, главное – социалистические идеи с трудом приживались в этой стране. Студентка была рекомендована в аспирантуру МГУ, но, к сожалению,

жизнь распорядилась по-своему: она была вынуждена вернуться на родину. В настоящее время А. Диалла преподает в Афинском университете. В 1980-е годы в МГУ обучались студенты, направленные в СССР по линии компартии Греции. Поэтому особое внимание привлекли темы, связанные с историей КПГ.

В начале 90-х годов в связи с изменениями в политической жизни как Греции, так и СССР вполне естественной стала постановка проблемы «Реформы и их осуществление в процессе модернизации Греции». В спецсеминаре по этой теме были защищены 5 дипломных работ. В конце 1990-х годов пристальное внимание историков привлекали такие темы, как тоталитаризм, авторитарные режимы, военные диктатуры. В связи с этим несомненный интерес вызвало изучение военного переворота 1967 года и политики «черных полковников» в Греции.

Если говорить о концептуальном подходе в обучении и научных исследованиях по неозеллинистике на кафедре, то он все больше базируется на приоритете человека в истории перед социологическими схемами развития общества и его структур. Именно этим был обусловлен выбор темы О. Е. Петруниной (Мисюревич) «Подготовка и начальный этап греческой революции 1821 года в оценках ее участников». Дипломная работа, написанная на мемуарах участников революции, была успешно защищена в 1994 году. В 1997 году после стажировки в Греции О. Е. Петрунина блестяще защитила кандидатскую диссертацию на тему «Становление национального государства в Греции: «русская партия» в 1837–1844 гг.», которая была опубликована в виде монографии¹.

В спецсеминарах по национальной идее в Греции и истории греческой диаспоры на юге России в XVIII – начале XX в. были подготовлены дипломные работы, а затем защищены диссертации на темы: «Эпистолярное наследие Никифора Феотокиса (в период с 1769 по 1783 гг.)» и «Греческая диаспора на юге России в конце XIX – начале XX в. В первой работе Е. В. Жуковой были приведены еще неизвестные научному миру 124 письма представителя традиционного греческого просветительства XVIII в. – Никифора Феотокиса, а также раскрыта его роль в организации греческих поселений в России. Вторая работа Ф. Янници была опубликована в виде монографии, которая, получив

¹ Мисюревич О. Е. Становление национального государства в Греции: «русская партия» в 1837–1844 гг. М., 1997.

награду на Международном литературном конкурсе «Гомер» (Афины, 23 сентября 2017 года), была издана дважды, второй раз в двуязычном варианте¹. В настоящее время ее автор Ф. Янници является директором Греческого Культурного Центра в Москве.

В спецсеминаре «Модернизация Греции в XX в.» была подготовлена дипломная работа, а затем защищена кандидатская диссертация на тему: «Проблема реконструкции Греции в политике правительства К. Караманлиса 1955–1963 гг.», в которой показано, что именно в эти годы Греция вплотную приблизилась к тому, чтобы стать полноправным членом Европейского сообщества.

Важным направлением исследований является тема – «Греция в международных отношениях». В 2008 году была защищена кандидатская диссертация А. С. Лубоцкой «Греция и идея Балканского союза по материалам журнала “Les Balkans”», где впервые были введены в оборот архивные материалы из трофейных документов периода Второй мировой войны. В том же году (2008) на основе новых дипломатических документов была защищена кандидатская диссертация на тему «Внешняя политика Греции 1936–1941 гг.», которую в 2011 году ее автор Ю. Д. Квашнин опубликовал в качестве монографии «Греция в международных отношениях 1936–1941 гг.»². Ю. Д. Квашнин, заведующий сектором исследований Европейского союза ИМЭМО РАН, в настоящее время является признанным специалистом по истории Греции и стран Южной Европы.

С 2001 г. на кафедре работает О. Е. Петрунина. В 2013 г. она защитила докторскую диссертацию на тему: «Национальная идея в формировании греческого государства в конце XVIII – начале XX вв.». В этой работе была уточнена типологическая квалификация различных форм национальной идеи, выявлена системообразующая роль национальной идеи в функционировании греческого государства, введено новое понятие этноцентрического дискурса, прослежены закономерности развития греческой национальной идеи в конце XVIII – начале XX вв.

О. Е. Петрунина владеет несколькими новыми и древними иностранными языками, а также методами работы с самыми разными типами источников – от греческих рукописных текстов до современных баз данных. В настоящее время ее научные интересы включают широкий

¹ Янници Ф. Греческий мир в конце XVIII – начале XX вв. по российским источникам. Санкт-Петербург, 2017.

² Квашнин Ю. Д. Греция в международных отношениях 1936–1941 гг. М., 2011.

круг вопросов, охватывающий историю греков в Османской империи, церковно-дипломатические отношения между Россией и восточными Церквями, греческое общество в период мировых войн, современные социально-экономические и политические процессы в Греции. Этим сюжетам посвящены десятки статей, главы в коллективных трудах, монографии, публикации неизвестных ранее источников.

Научно-преподавательское сообщество высоко оценило вклад О. Е. Петруниной в развитие истории и ее преподавания: монография «Греческая нация и государство в XVIII–XX в.: Очерки политического развития»¹ была удостоена Макариевской премии (2011). Написанное в соавторстве с профессором факультета государственного управления С. В. Пронкиным учебное пособие «Государственное управление зарубежных стран» (2001) неоднократно переиздавалось, было выпущено в серии «Классический университетский учебник» (2004), стало лауреатом IV Общероссийского конкурса учебных изданий для вузов «Университетская книга – 2008».

В спецсеминаре О. Е. Петруниной «Греческое общество в XVIII–XIX вв.» студенты работают с источниками на греческом и европейских языках: сочинениями европейских путешественников по Греции, прессой, мемуарной литературой, официальными документами. В результате были успешно защищены выпускные работы «Просветительская деятельность Косьмы Этолийского в Греции (1714–1779)» (2004), «Клефты как социальный феномен континентальной Греции в восприятии современников (2-я половина XVIII – начало XIX в.)» (2007), «Греческая национальная идентичность во второй половине XIX в.: взгляд извне и изнутри» (2009), «Политическое развитие Ионических островов в 1799–1807 гг.» (2009), «Греческое общество середины XIX в. в изображении французского публициста Эдмона Абу» (2016).

В 2008 году А. Г. Зоитакис защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Традиционное просветительство в Греции: Косьма Этолийский и Никодим Святогорец». В ней было рассмотрено просветительское движение в греческих землях, опиравшееся не на европейское Просвещение, а на греко-православную культурную традицию, показан вклад этого движения в дело развития образования и национального самосознания греков. В настоящее время А. Г. Зоитакис преподает на кафедре истории Церкви исторического факультета МГУ.

¹ *Петрунина О. Е.* Греческая нация и государство в XVIII–XX в.: Очерки политического развития. М., 2010.

В спецсеминаре «Греция в системе международных отношений в XIX–XX вв.» студенты изучают дипломатические источники, официальные документы, прессу, статистические материалы. В этом спецсеминаре были защищены выпускные работы «Финансово-экономический кризис в Греции и греко-германские отношения с октября 2009 г. по май 2010 г.» (2012), а также «Соперничество и сотрудничество Великобритании и России в вопросе о создании греческого государства в 1821–1827 гг.» (2015).

В 2017 г. была успешно защищена кандидатская диссертация А. К. Александровой на тему: «Антикризисная политика правительства Г. Папандреу в Греции (октябрь 2009 – май 2010)». В исследовании были проанализированы этапы развития финансово-экономического кризиса в Греции в указанный период, изучена политика правительства социалистов и выявлены причины ее неудач. В настоящее время А. К. Александрова – научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Наконец, в спецсеминаре «Общественно-политическое развитие Греции в конце XX – начале XXI вв.» студенты учатся работать как с традиционными, так и с новыми типами источников по новейшей истории: электронными СМИ, сайтами политических партий и общественных организаций, анализировать электоральную статистику. В этом спецсеминаре были защищены выпускные работы «Национал-радикальные партии в общественно-политической жизни Греции на современном этапе» (2005) и «Представления о традиционных ценностях в общественной жизни Греции в конце XX – начале XXI вв.» (2008).

Подводя итог, следует сказать, что в спецсеминарах по истории Греции было защищено свыше 40 выпускных квалификационных работ по новой и новейшей истории Греции, из них 12 – греческих студентов. Семь выпускников защитили кандидатские диссертации под руководством Т. В. Никитиной, двое – под руководством О. Е. Петруниной.

Неоэллинисты кафедры активно сотрудничают с Институтом славяноведения РАН, Институтом всеобщей истории РАН, Институтом мировой экономики и международных отношений РАН, а также Греческим культурным центром в Москве, принимая участие в их научных и просветительских проектах: лекциях, научных конференциях, изданиях.

Усилия кафедры были направлены на создание своей библиотеки, обеспечивающей специализацию по неоэллинистике. В 1980-е годы библиотека кафедры пополнилась греческой литературой благодаря помощи отдела науки ЦК КПГ, а позже – посольства Греции. В 1990–2000-е гг. ряд книг из своей личной библиотеки передал кафедре греческий дипломат и журналист Я. Николопулос.

Изучение истории Греции помогло освоить и сделать известными целые пласты материалов российских архивов, которые долгие годы ждали своих исследователей и которые теперь расширили представления историков об этой стране. Была также внесена посильная лепта в установление тесных контактов между двумя главными государственными университетами. В конце 1980-х годов Афинский и Московский университеты подписали договор о сотрудничестве, в результате которого наши преподаватели и студенты получили возможность участвовать в ежегодной программе Афинского университета по новогреческой истории, филологии и культуре.

Результаты научных исследований преподавателей, аспирантов и выпускников кафедры были доложены на нескольких проведенных на кафедре международных научных конференциях: «Греция: национальная идея, общество, государство. XVII–XX вв.» (2001), «Греческий мир XVIII–XX вв. в новых исторических исследованиях» (2005), по итогам которых факультетом были выпущены сборники статей. В 2016 году, в рамках перекрестного года России и Греции кафедра новой и новейшей истории вместе с Посольством Греческой Республики и Греческим Культурным Центром провела международную конференцию «История Греции в МГУ имени М. В. Ломоносова: от античности до наших дней», которая, способствуя укреплению культурных связей двух стран, получила высокую оценку общественности.

Швеция. Первым специалистом по истории Швеции, вышедшим из стен исторического факультета, стал мэтр отечественной скандинавистики А. С. Кан, в 1949 г. защитивший дипломную работу на тему: «Швеция и начало Первой северной войны 1654–1655 гг.». В 1950-е гг. он несколько лет работал почасовиком на кафедре истории средних веков, где под его руководством обучалась известная ныне исследовательница доктор исторических наук О. В. Чернышева¹.

¹ *Чернышева О. В.* Кан Александр Сергеевич – историк-нордист (к 80-летию со дня рождения) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2006. № 2. С. 103.

Систематическая подготовка студентов-скандинавистов была начата в 1966 г. по инициативе И. С. Галкина. Первый выпуск составили Н. С. Плевако, Т. А. Фидрус и П. Цитрин. Шведский язык они изучали на филологическом факультете, историю страны читала приглашенная из Института истории АН СССР О. В. Чернышева.

После окончания обучения Т. А. Фидрус осталась в аспирантуре исторического факультета и продолжила заниматься историей Швеции под руководством И. С. Галкина, работая одновременно лаборантом кафедры. В 1976 г. состоялась защита ее диссертации «Роль массовой борьбы в формировании позиции Швеции по отношению к агрессии США во Вьетнаме. 1965–1973 гг.». Это была первая диссертация по истории Швеции на кафедре новой и новейшей истории.

В 1978 году Т. А. Фидрус (Салычева) перешла работать в Институт всеобщей истории АН СССР, в 1996 г. она возглавила Российско-шведский учебно-научный центр при РГГУ. Н. С. Плевако после завершения обучения с 1970 г. работала в Институте международного рабочего движения АН СССР, где в 1981 году защитила диссертацию на тему «Проблемы “шведской демократии” в Швеции 1960–1980 гг.». После открытия в Москве Российско-шведского центра Н. С. Плевако работала в нем вплоть до 2002 г. В настоящее время она руководит Центром Северной Европы Отдела страновых исследований Института Европы РАН.

Вторая группа скандинавистов была сформирована в 1969 г. Из семи набранных в группу студентов пятеро выбрали специализацию на кафедре новой и новейшей истории. Среди них были О. А. Воркунова и А. А. Комаров, которые успешно защитили дипломные работы под руководством сотрудницы ИМЭМО О. К. Тимашковой. После защиты кандидатских диссертаций они остались в науке, продолжая работать в ведущих учреждениях страны. В настоящее время А. А. Комаров возглавляет центр истории Северной Европы и Балтии Института истории РАН, являясь ведущим специалистом по новейшей истории государств Швеции и Норвегии в России.

В 1973 г. был осуществлен набор в третью группу историков-скандинавистов из числа поступивших на первый курс студентов. Из трех человек на кафедре была защищена одна работа Е. А. Сорокиной по теме «Особенности внутривнутриполитической борьбы и внешняя торговля Швеции в 60-е гг. XVIII в.».

После выпуска трех указанных групп специализация по истории Швеции на кафедре новой и новейшей истории была прервана на дол-

гие годы. Исключительный случай пришелся на 1990 г., когда на кафедру был осуществлен набор студентов, интересовавшихся историей скандинавских стран. Читать историю страны был приглашен специалист по новой истории Швеции из Института Всеобщей истории АН СССР, кандидат исторических наук В. В. Рогинский. На этот раз студентам было предложено изучать шведский или норвежский языки. Преподавали эти языки специалисты с филологического факультета МГУ.

На защиту дипломов в 1993 году вышли 4 студента. Из них в аспирантуру исторического факультета поступил В. А. Тимофеев, которому было предложено остаться на кафедре. Но вскоре он ушел на административную работу в Правительство Москвы, так попытка открыть специализацию по скандинавским странам не увенчалась успехом.

Скандинавская специализация на кафедре была возобновлена в начале 2000-х гг. по инициативе Е. Ф. Язькова и А. С. Маныкина. В 2003 г. кафедру закончила Е. В. Корунова, защитившая дипломную работу на тему «От “активного” нейтралитета к доктрине нейтрализма в Швеции в период Первой мировой войны (1914–1917 гг.)» под руководством ведущего научного сотрудника, кандидата исторических наук В. И. Терехова.

Из-за тяжелой болезни В. И. Терехов на протяжении многих лет практические не выходил из дома, это вынуждало его проводить спецсеминары на дому. В. И. Терехов был высокоэрудированным историком. Он очень много читал; в малогабаритной квартире книги были повсюду: они лежали на столе, на полках, на шкафах, высокие стопки с человеческий рост располагались на полу кухни и коридора. Он не был специалистом по истории Швеции, но багаж знаний, накопленный им в течении многих лет, позволял ему легко ориентироваться в историческом пространстве. Он обладал знаниями, выходящими далеко за пределы его специализации – истории США. Присущий Виктору Ивановичу редкий дар чувствовать исторические процессы помогал ему четко ставить исследовательские задачи перед своими студентами и направлять их в нужное русло в поисках ответов на поставленные вопросы.

В 2007 г. Е. В. Корунова под руководством В. И. Терехова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Проблема нейтралитета во внешней политике Швеции, 1933–1939 гг.». Она была оставлена для работы на кафедре и в 2009 г. начала читать курс истории Швеции.

Начиная с 2009 г. на специализацию по истории Швеции ежегодно проходили отбор 1–2 студента. За период 2012–2018 гг. по специализации «история Швеции» обучалось и защитилось 6 специалистов, 3 бакалавра и 1 магистр.

Студенты Е. В. Коруновой регулярно удостоиваются грантов на обучение в Стокгольмском институте, что позволяет писать выпускные работы, привлекая материалы из ведущих архивов и библиотек Швеции. Это значительно повышает уровень студенческих проектов и позволяет расширить выбор тем исследований, так как в России представлен весьма ограниченный спектр источников и литературы по скандинавской тематике.

Темы студенческих работ, прошедших защиту под руководством Е. В. Коруновой, отражают лакуны в изучении истории Швеции в отечественной и зарубежной историографии, а также являются выражением стремления студентов к самостоятельности в выборе проблематики исследования. В перспективе специализация по скандинавистике предполагает изучение истории связанных со Швецией стран – Дании, Норвегии.

Е. В. Корунова придает серьезное значение развитию взаимодействия внутри сообщества скандинавистов России и поддерживает тесные научные контакты со специалистами из Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Петрозаводска, Мурманска. Она активно прилагает усилия по привлечению своих студентов и выпускников к участию в совместных внутрискандинавских конференциях и форумах.

Опыт расширения специализации на кафедре по Албании, Венгрии, Греции, Румынии, Швеции показал, что, изучение истории «малых» стран, помимо истории крупных европейских государств, помогает понять многие проблемы европейской и балканской истории, делая ее картину целостной и завершенной.

В. А. БОРОДАЕВ

ИСТОРИЯ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

В 1934 году, когда исторический факультет был восстановлен и создана кафедра истории нового времени, прошлое Латинской Америки первоначально стало предметом научного исследования в качестве крупного сегмента испанской колониальной истории. Поскольку в 1930-е годы особое внимание уделялось революциям и освободительным движениям, то естественным образом внимание историков кафедры привлекла прежде всего борьба народов региона за свою независимость, национальное и социальное освобождение. Первым, кто обратил свой взор на Латинскую Америку, был Владимир Михайлович Мирошевский. В 1932 г. он окончил Институт красной профессуры, после этого несколько лет работал в Институте марксизма-ленинизма. В 1939 году он начал преподавать на кафедре истории нового времени исторического факультета МГУ. В. М. Мирошевский первым в отечественной историографии предпринял попытку систематического изложения основных проблем истории латиноамериканских стран. Им были написаны главы, посвященные Латинской Америке, в учебнике для вузов «Новая история колониальных и зависимых стран»¹. Его научные интересы были связаны главным образом с историей борьбы народов Латинской Америки против испанского колониального владычества.

Лекции В. М. Мирошевского произвели большое впечатление на тогдашнего студента истфака, третьекурсника Моисея Самуиловича Альперовича. В течение 1939–1941 учебных годов он посещал его лекции по Латинской Америке. Особый интерес у студента вызвали сюжеты, связанные с освободительной борьбой латиноамериканцев за независимость от Испании. М. С. Альперович выбрал специализацию по Латинской Америке. 21 июня 1941 года защитил дипломную работу. На рассвете следующего дня началась Великая Отечественная война.

¹ Новая история колониальных и зависимых стран. Т. I. М., 1940.

В. М. Мирошевский, ушедший добровольцем на фронт, погиб в 1942 году. Подготовленная им во время работы на кафедре монография «Освободительное движение в американских колониях Испании от их завоевания до войны за независимость (1492–1810)» была опубликована после окончания войны в 1946 году. Работа В. М. Мирошевского была написана на высоком научном уровне с привлечением широкого круга источников, доступных в тогдашних отечественных архивах. Выход в свет научной монографии по Латинской Америке стал данью памяти первого отечественного латиноамериканиста. Книга была частью предпринятого В. М. Мирошевским фундаментального исследования, в котором он собирался поднять ряд важнейших проблем колониального периода Испанской Америки и борьбы народов региона за освобождение от метрополии. В. М. Мирошевскому не суждено было завершить эту работу, но начало новому научному направлению было положено и это было сделано именно на кафедре новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени Ломоносова¹.

Начатое В. М. Мирошевским дело было продолжено его учеником М. С. Альперовичем. Как и его учитель, он с первых дней войны защищал Родину от нацистского нашествия. Закончил свой боевой путь в Берлине в звании капитана разведки. В августе 1946 года вернулся в Москву и поступил в аспирантуру Тихоокеанского института АН СССР. Три года спустя защитил кандидатскую диссертацию на тему «Мексиканская революция и американский империализм (1913–1917)». В последующие годы все многочисленные работы М. С. Альперовича, как и защищенная в 1965 году докторская диссертация были посвящены борьбе народов Латинской Америки за независимость. Хотя основную часть своей большой научной жизни выпускник кафедры истории нового времени исторического факультета МГУ М. С. Альперович трудился в академических институтах, он всегда поддерживал тесные научные связи с *Alma Mater*. Ряд выпускников нашей кафедры под его руководством защитили кандидатские диссертации по Латинской Америке².

¹ История СССР. 1967. № 3. (статья о Владимире Михайловиче Мирошевском).

² *Калмыков Н. П.* М. С. Альперовичу – 95 лет // Новая и новейшая история. 2013. № 6. С. 212–214; *Дабагян Э. С.* Творческий путь российского историка-латиноамериканиста М. С. Альперовича (1918–2015) // Новая и новейшая история. 2017. № 1. С. 168–175.

Большой вклад в подготовку специалистов, стоявших у истоков отечественной латиноамериканистики в послевоенный период, сыграл выдающийся ученый Аркадий Самсонович Ерусалимский. Среди его учеников, внесших заметный вклад в становление отечественной латиноамериканистики, следует назвать Льва Юрьевича Слезкина. Участник Великой Отечественной войны, он после демобилизации поступил на исторический факультет МГУ, специализировался по кафедре истории нового времени. Под руководством профессора А. С. Ерусалимского окончил аспирантуру. В 1952 году защитил кандидатскую диссертацию «Империалистическая политика Соединенных Штатов в Южной Америке в годы мирового экономического кризиса (1929–1933)»¹.

Л. Ю. Слезкин по праву был как американистом, так и латиноамериканистом. В мировом научном сообществе все, кто занимается изучением проблем Западного полушария, считаются американистами. США и Канада выросли из бывших британских колоний, а большинство стран Латинской Америки возникли в результате освобождения от испанского и португальского владычества. Но, одновременно, также справедливо говорить об англосаксонском и ибероамериканском мирах, как специфических, хотя и тесно взаимосвязанных ветвях трансатлантической европейской цивилизации. Поэтому не удивительно, что латиноамериканистика на кафедре новой и новейшей истории возникла именно на «перекрестке» изучения испанского колониального наследия и освободительной борьбы народов, живущих к югу от Рио-Гранде, против северной империи, начавшей утверждать свое господство вскоре после достижения ими политической независимости.

Упомянутые выше выпускники нашей кафедры М. С. Альперович и Л. Ю. Слезкин кроме индивидуальных работ², за годы своей большой

¹ *Коваль Б. И.* К юбилею Льва Юрьевича Слезкина // Новая и новейшая история. 2010. № 3. С. 250–251; *Коваль Б. И.* Памяти Льва Юрьевича Слезкина // Новая и новейшая история. 2012. № 4. С. 216.

² *Альперович М. С.* Советская историография стран Латинской Америки. М., 1968; *Альперович М. С.* Революция и диктатура в Парагвае (1810–1826). М., 1975; *Альперович М. С.* Франсиско де Миранда в России. М., 1983; *Альперович М. С.* Рождение Мексиканского государства. М., 1979; *Альперович М. С.* Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII века). М., 1993; *Слезкин Л. Ю.* Испано-американская война 1898 года. М., 1956; *Слезкин Л. Ю.* Россия и война за независимость в Испанской Америке. М., 1964; *Слезкин Л. Ю.* История Кубинской республики. М., 1966; *Слезкин Л. Ю.* Земля Святого Креста: открытие и завоевание Бразилии. М., 1970. и др.

творческой жизни создали в соавторстве ряд обобщающих трудов по латиноамериканской проблематике¹.

На самой кафедре новой и новейшей истории латиноамериканистика обрела «второе дыхание» после победы Кубинской революции. Ее становление как самостоятельного направления специализации произошло во второй половине 1960-х годов. Оно связано с именами Э. Н. Рапп-Лантарон, Э. Э. Литавриной, А. И. Строганова и А. А. Соколова. Нельзя не сказать несколько слов о тех сложных путях, которые привели их в латиноамериканистику.

Следует также отметить, что еще ранее, за два десятилетия до победы Кубинской революции, определенным импульсом к изучению новой и новейшей истории ибероамериканского мира послужила гражданская война в Испании (1936–1939 гг.)². Более трех тысяч детей республиканцев еще во время гражданской войны нашли приют в СССР. Родители отправляли их в нашу страну, чтобы спасти от тягот кровавого противостояния, унесшего миллион человеческих жизней и особенно от варварских бомбардировок фашистами городов и рабочих поселков, находившихся под контролем республики. Среди 1100 «детей Испании», прибывших предпоследним, третьим, «конвоем» в августе 1937 году в тогдашний Ленинград, была и 13-летняя Элоина Рапп-Лантарон.

Во время Великой Отечественной войны Э. Рапп Лантарон отказалась от эвакуации и осталась в блокадном Ленинграде, где работала санитаркой в госпитале. Позднее многие «*espano-sovieticos*» стали гражданами нашей страны, дипломированными специалистами. Одной из них была Элоина Несторовна Рапп-Лантарон. После войны она поступила на исторический факультет МГУ. Специализировалась по кафедре новой истории. Под руководством академика Ивана Михайловича Майского защитила в 1952 году кандидатскую диссертацию о

¹ Альперович М. С., Слезкин Л. Ю. Образование независимых государств в Латинской Америке (1804–1903). М., 1966; Альперович М. С., Слезкин Л. Ю. Новая история стран Латинской Америки. М., 1970; Альперович М. С., Слезкин Л. Ю. История Латинской Америки с древнейших времен до начала XX в. М., 1991, и др.

² В силу того, что Испанской республике пришлось отражать агрессию регулярных войск нацистской Германии, фашистской Италии и Португалии, выступивших на стороне Франко, эта война среди республиканцев получила название национально-революционной.

*Э. Н. Рапп-Лантарон – первая слева; в центре – её брат Нестор.
Снимок сделан осенью 1937 года в ленинградской школе-интернате для детей
испанских республиканцев*

политике испанских правых социалистов в 1917–1923 годах¹. В 1960–1970 годы работала в должности доцента на кафедре новой и новейшей истории исторического факультета МГУ.

Когда произошла Кубинская революция, многие советские испанцы были востребованы в качестве специалистов, свободно владевших родным языком. Э. Рапп-Лантарон была в составе первой группы советских испанцев, прилетевших в Гавану 22 ноября 1961 г. Они по призыву Компартии Испании помогли Острову Свободы в разных сферах науки и экономики. Э. Рапп-Лантарон четыре года преподавала на историческом отделении гуманитарного факультета Гаванского университета. Она была одной из тех, кто в первой половине 1960-х положил начало научным связям историков Московского и Гаванского университетов. По возвращении в МГУ она имела возможность передать свои знания и опыт, почерпнутый в первой латиноамериканской социалистической стране, студентам кафедры новой и новейшей истории.

¹ *Рапп-Лантарон Э.* Предательская политика правых испанских социалистов в 1917–1923 гг. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1952.

Продолжая заниматься историей Испании, она сделала первый шаг к изучению новейшей истории Кубы, открыв на кафедре специализацию по Кубинской революции, которая с начала 1960-х годов вызывала большой интерес в нашей стране. Среди учеников Э. Н. Рапп-Лантарон был и автор этих строк.

После завершения учебного года, летом 1978 г., Элоина Рапп-Лантарон вернулась в Испанию. Там она прошла годичный курс лицензирования, после чего ей было присвоено звание доктора искусствоведения. В 1979 году она по конкурсу была избрана профессором вновь созданного тогда Университета Балеарских островов (*Universitat de les Illes Balears*) в городе Пальма де Майорка.

В этой должности Э. Рапп-Лантарон преподавала историю искусства на факультете философии в течение последующих трех десятилетий. В 2009 году после выхода на пенсию она переехала в баскский городок Гуэньес в провинции Бискайя, поближе к родным местам, где обосновались ее друзья по эмиграции, и поближе к родной Кантабрии, в которой в 1924 году начался ее жизненный путь в большой шахтерской семье. До конца своих дней (7 марта 2017) она принимала активное участие в общественной жизни. Коллеги Э. Рапп-Лантарон по Университету Балеарских островов характеризовали ее как «трудолюбивую, смелую, сдержанную женщину с высоким чувством гражданского долга»¹. Она была хорошо знакома с Пасионарией (Доллорес Ибаррури), сопровождала ее в качестве переводчицы в поездках по СССР. Всю свою жизнь она была принципиальным борцом за социальную справедливость, против злоупотреблений властей². Такой она запечатлелась и в памяти ее российских коллег и учеников.

Жизненные линии многих из тех, кто учился на историческом факультете и специализировался по кафедре истории нового времени в дальнейшем пересекались на латиноамериканском направлении, хотя порой самым причудливым образом. В 1937 г., когда Э. Рапп-Лантарон прибыла в СССР, Александр Иванович Шитов уже был студентом четвертого курса исторического факультета МГУ. В начале нового учебного года он подал заявление с просьбой отправить его добровольцем в Испанию. Полтора года он был переводчиком группы советских военных специалистов. В 1939 г. А. Шитов вернулся в СССР и продолжил

¹ *Diario de Mallorca*. 09.03.2017.

² *Ibidem*.

учебу на пятом курсе исторического факультета. В это время началась Вторая мировая война и вскоре ему предложили перейти на учебу в Школу особого назначения, созданную за год до этого. Там он получил новую фамилию – Алексеев. Послужной список советского разведчика А. И. Алексеева (Шитова) – это тема для отдельного исследования. Для нас же представляет особый интерес вклад бывшего студента истфака в «прикладную» латиноамериканистику.

С 1954 г. по 1958 г. Александр Иванович Алексеев работал в советском посольстве в Аргентине. После этого он возглавил отдел стран Латинской Америки Государственного комитета Совета министров СССР по культурным связям с зарубежными странами. Здесь его застала победа Кубинской революции. В октябре 1959 г., когда Вашингтон перешел к фронтальной борьбе с Островом Свободы, для установления прямого контакта между Кремлем и новым революционным руководством Кубы в Гавану прибыл полковник службы внешней разведки А. И. Алексеев. Он был аккредитован на Кубе в качестве журналиста. В конце 1959 г. состоялись его первые встречи с лидерами Кубинской революции¹. После восстановления дипломатических отношений, с мая 1960 по июнь 1962 г., А. И. Алексеев работал советником по вопросам культуры Посольства СССР на Кубе. В сферу его деятельности входило, в числе прочих обязанностей, поддержание связей с Гаванским университетом. Незадолго до Карибского кризиса, 11 июня 1962 г., он был назначен Чрезвычайным и полномочным послом СССР на Кубе. На этой должности он находился до 15 января 1968 года. Э. Н. Рапп-Лантарон – «Доктора Миранда» – преподавала в Гаванском университете в то время, когда советское посольство возглавлял истфаковец А. И. Алексеев, причем оба трудились под «вымышленными» фамилиями, хотя причины для этого были разные.

Именно в эти годы начинается мощный всплеск интереса отечественных ученых к Латинской Америке. Тогда же этот регион стал предметом системного изучения на кафедре новой и новейшей истории. В 1964 году, другая выпускница исторического факультета Эллида Эдуардовна Литаврина, которая тогда работала в созданном в 1961 г. Институте Латинской Америки, побывала в своей первой зарубежной командировке на Кубе.

¹ Gleijeses P. La epopeya cubana. La visión del mundo de Fidel Castro. La Habana, 2009. P. 10.

В конце 1966 г., по прошествии нескольких месяцев после защиты кандидатской диссертации по поздней средневековой Испании Э. Э. Литаврина, которая уже начала осваивать современную историю Колумбии, возвратилась в *Alma Mater* на кафедру новой и новейшей истории. В 1967 году вышла ее первая монография по Колумбии, подготовленная еще во время работы в ИЛА АН СССР. Научное издание имело немислимый по современным меркам тираж – 30 тысяч экземпляров¹. На кафедре в конце 1960-х она вела семинарские занятия по новой истории, читала лекционный курс по новой истории Испании, впервые разработала и начала читать курс лекций по новой и новейшей истории Латинской Америки, а в 1990-е годы – специальный курс по культуре и просвещению в Испании и Латинской Америке.

В 1986 г. Э. Э. Литаврина защитила докторскую диссертацию по теме «Двухпартийная система в Колумбии в период «Национального фронта», 1958–1974»². Огромный вклад Э. Э. Литаврина внесла в подготовку специалистов по Испании и Латинской Америке. Сама Эллида Эдуардовна относилась к агностикам. В своих лекциях и на семинарских занятиях она учила студентов и аспирантов применять научный метод, предложенный еще Декартом, – подвергать все сомнению, искать истину, никогда «не создавать себе кумира», не соглашаться с существованием истины в последней инстанции. Ее лекции по Латинской Америке отличались большой научной глубиной и живой сопричастностью к историческим событиям, неприятием догматизма. К каждому занятию она тщательно готовилась, приносила конспекты последних работ по той проблеме, которая поднималась. Одной из ее настольных книг была работа выдающегося представителя латиноамериканского творческого марксизма Роднея Арисменди «Проблемы латиноамериканской революции»³.

Эллида Эдуардовна учила студентов азам научной и педагогической работы: как эффективнее конспектировать работы для подготовки к семинарам, собирать материал для написания докладов, курсовых и дипломных работ. К студентам она относилась очень доброжелательно, проявляла большое участие в судьбе каждого. Это не мешало ей

¹ *Литаврина Э. Э.* Колумбия. / Серия: Социально-экономические проблемы развивающихся стран. М., 1967.

² *Литаврина Э. Э.* Двухпартийная система в Колумбии в период «Национального фронта», 1958–1974: Дис... докт. ист. наук. М., 1986.

³ Проблемы латиноамериканской революции. М., 1964.

быть строгой и требовательной. В конце 1960-х – начале 1970-х годов Э. Э. Литаврина курировала студенческую педагогическую практику на кафедре, часто присутствовала на занятиях, которые проводили студенты в школе, беседовала с учителями истории, в чьих классах проводились уроки. Подведение итогов педагогической практики было закономерным завершением этого этапа учебы. Она давала развернутую объективную аналитическую оценку каждому из студентов, отмечала достоинства и недостатки при проведении занятий. Это действительно позволяло тем, кто добросовестно трудился, получить полноценный опыт, который можно было в дальнейшем взять на вооружение.

Важный вклад в становление латиноамериканистики на кафедре новой и новейшей истории внес Александр Иванович Строганов (1937–2002)¹. В 1954 г. он стал студентом исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, а в 1959 г. успешно окончил его и поступил в аспирантуру кафедры новой и новейшей истории. Его жизнь без малого полвека была связана с университетом и нашей кафедрой. Предметом его научного интереса еще в аспирантуре стало коммунистическое и рабочее движение стран Южного Конуса – Аргентины и Чили. Первая монография А. И. Строганова увидела свет в 1969 году, вскоре после защиты кандидатской диссертации². В ней он проанализировал деятельность аргентинских коммунистов и других левых сил, профсоюзных организаций по формированию единого рабочего и народного фронта в Аргентине в середине 30-х годов XX века.

Александр Иванович был прекрасным лектором. Именно в лекционных курсах по Латинской Америке раскрылся его незаурядный педагогический талант. Вышедшее в 1995 году учебное пособие «Новейшая история стран Латинской Америки»³ явилось результатом его кропотливого изучения большого массива научной литературы, опубликованной в нашей стране и за рубежом. А. И. Строганов сумел творчески синтезировать знания, накопленные в отечественной, а также доступной иностранной латиноамериканистике и аккумулировать их квинт-эссенцию в своих лекционных курсах. Несмотря на то, что к середине 1990-х годов было создано большое количество фундаментальных ра-

¹ Александр Иванович Строганов. Некролог // Новая и новейшая история. 2003. № 1.

² *Строганов А. И.* Борьба за единый рабочий и народный фронт в Аргентине в 1933–1936 гг. М., 1969.

³ *Строганов А. И.* Новейшая история стран Латинской Америки. М., 1995.

бот по тем или иным проблемам стран региона, очерков по истории наиболее важных государств, а также вышла двухтомная Энциклопедия Латинской Америки, тем не менее не было обобщающего труда, который бы показал динамику исторического процесса в этой части света на протяжении всей новейшей истории. Такую задачу впервые выполнила его вышеупомянутая работа. «Каркасом работы служит концепция прогресса и модернизации стран региона. Автор выделяет три ее этапа: первые десятилетия XX в., 30-е-середина 70-х годов – время революций и реформизма, последняя четверть XX в. – период, когда на первый план выходит «неолиберальный» вариант модернизации. В центре работы – перипетии борьбы сторонников консервативной, реформистской и революционной альтернатив. Книга наполнена «живым» материалом острой социально-политической борьбы, анализом ее самобытных культурно-цивилизационных и этнических черт»¹.

Вскоре после выхода книги в свет Александр Иванович Строганов на основании ходатайства диссертационного совета и с разрешения Экспертного Совета ВАК защитил докторскую диссертацию в форме доклада². Такие решения Экспертный Совет ВАК принимал лишь в исключительных случаях в отношении ученых, подготовивших труды, имевшие большое значение для науки и практики. Всем этим высоким критериям отвечал А. И. Строганов.

В 2002 году работа, начатая А. И. Строгановым ранее по обобщению новейшей истории стран региона, была продолжена в учебном пособии «Латинская Америка в XX веке»³. Эта книга оказалась очень востребована студентами и была позднее переиздана⁴. Два года спустя после кончины А. И. Строганова, в 2004 году, была опубликована его книга «Латинской Америка. Страницы истории XX века»⁵. Как от-

¹ Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки (Учебное пособие для студентов). Под ред. *И. П. Деметьева, А. И. Патрушева*. М., 2000. С. 212.

² *Строганов А. И.* Латинская Америка в XX веке: проблемы развития и модернизации общества. Автореф. дис... докт ист. наук. М., 1997.

³ *Строганов А. И.* Латинская Америка в XX веке: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки и специальности «История». М., 2002.

⁴ *Строганов А. И.* Латинская Америка в XX веке: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки и специальности «История». 2-е изд., испр. и доп. М., 2008.

⁵ *Строганов А. И.* Латинская Америка. Страницы истории XX века. М., 2004.

мечали ее издатели, она «стала последней работой выдающегося учебного и замечательного педагога, доктора исторических наук, профессора МГУ имени М. В. Ломоносова, известного латиноамериканиста А. И. Строганова. Книга представляет интерес для студентов вузов, преподавателей и учащихся гимназий, и лицеев гуманитарного направления, и может быть использована как учебное пособие. Рекомендуются также широкому кругу читателей, желающих ознакомиться с современными проблемами Латинской Америки»¹. Действительно, в этой работе автор сумел в сжатой форме представить целостную картину развития Латинской Америки, проанализировать этапы становления латиноамериканского общества и проследить процессы модернизации его экономических, социальных и политических структур на протяжении всего XX столетия и рубежа XXI века. При этом он отразил и конкретные, существенные события в истории ряда стран, сыгравшие наиболее заметную роль не только в истории континента, но и в мировой политике. Эта работа, как и предыдущая, переиздавалась в последующие годы². А. И. Строганов так же написал разделы по Латинской Америке в ряде университетских и школьных учебниках³.

Вклад в становлении латиноамериканистики на кафедре внес Андрей Александрович Соколов (1944–2000). Тогдашний заведующий кафедрой Илья Саввич Галкин (1953–1981) целенаправленно подбирал кадры, которые своими исследованиями и научными интересами должны были охватить основные страны региона. При этом возрастная разница между ними была примерно в одно десятилетие, что могло бы обеспечить научную преемственность и гарантировать перспективный рост кадров на данном направлении. Колумбию и часть Южной Америки должна была изучать Э. Э. Литаврина, Южный конус взял на

¹ Там же. С. 2.

² *Строганов А. И.* Латинская Америка. Страницы истории XX века. Изд. 2-е. М., 2011.

³ История новейшего времени стран Европы и Америки: 1918–1945 гг.: Учеб. Для студ. вузов по специальности «История» / *Л. С. Белоусов, И. В. Григорьева, В. П. Смирнов и др.*; Под ред. *Е. Ф. Язькова*. М., 1989; История новейшего времени стран Европы и Америки: 1945–2000 гг.: Учеб. Пособие для студентов вузов по спец. «История» / *Л. С. Белоусов, В. П. Смирнов, А. И. Строганов и др.*; Под ред. *Е. Ф. Язькова*. М., 2001; *Сороко-Цюпа О. С., Смирнов В. П., Строганов А. И.* Мир в XX веке. 11 класс. М., 2002; Мир в первой половине XX века. 1918–1945. Материалы к курсу «Новейшая история» / *О. С. Сороко-Цюпа, В. П. Смирнов, В. С. Посконин, А. И. Строганов*; Под ред. *О. С. Сороко-Цюпы*. М., 1994.

себя А. И. Строганов, а Мексика становилась предметом исследования Андрея Александровича Соколова.

В 1970 году А. А. Соколов был принят в аспирантуру, в 1972–1973 учебном году он прошел стажировку в Гаванском университете, чуть позже для сбора материала по теме диссертации был командирован в Мексику. В 1975 году им была защищена кандидатская диссертация, по теме которой в 1978 году опубликована монография¹. Работа была написана с привлечением значительного пласта впервые введенных в научный оборот источников, почерпнутых в мексиканских архивах, с использованием марксистской методологии. Работа была посвящена исследованию становления организованного рабочего движения в Мексике в 1917–1923 гг. В книге также была предпринята попытка показать какую роль сыграли коммунисты в становлении рабочего движения в этом латиноамериканском государстве на начальном этапе установившегося в Мексике в начале 20-х годов прошлого века «революционного кауделизма». Тем самым было положено начало глубокому изучению мексиканской проблематики на кафедре.

Более четверти века, с 1990 г. по 2018 г., трудилась на кафедре Ольга Николаевна Докучаева. В 1975 г. она окончила исторический факультет МГУ, защитила под руководством Э. Э. Литавриной диплом по социально-политической истории Колумбии 1930–1940-х годов. Работу над избранной темой продолжила в аспирантуре. В 1980 году защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Антиимпериалистическое движение в Колумбии в 30–40-х годах XX века и деятельность Х. Э. Гайтана». После окончания аспирантуры первым местом преподавательской работы О. Н. Докучаевой стала Высшая комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ. В 1990 году, вскоре после того как было принято Постановление бюро ЦК ВЛКСМ (Б 2/22) «О ликвидации ВКШ при ЦК ВЛКСМ и НИЦ ВКШ при ЦК ВЛКСМ», вернулась на родную кафедру новой и новейшей истории.

В это время очевидной была необходимость исследования современной истории стремительно набиравшего силу латиноамериканского гиганта – Бразилии. Задачей, которую поставило руководство кафедры перед О. Н. Докучаевой было, в первую очередь, приступить к изучению этой перспективной страны, начать подготовку специалистов по данному научному направлению. Надо отметить, что возвра-

¹ Соколов А. А. Рабочее движение в Мексике. (1917–1923). М., 1978.

щение О. Н. Докучаевой в Alma Mater позволило ей раскрыться как неординарному преподавателю и исследователю.

На рубеже 2000-х годов жизнь внесла свои коррективы – «выбыли из строя» А. А. Соколов и Э. Э. Литаврина, в 2002 г. не стало А. И. Строганова. Поэтому доценту кафедры О. Н. Докучаевой пришлось взять на себя не только изучение Бразилии, но и ряд других стран. Ею был подготовлен ряд параграфов по Латинской Америке в учебнике по новейшей истории для 11 класса общеобразовательной школы¹. В числе ее учеников – Раиса Валидовна Караханова, которая в 2014 году начала работать на кафедре в должности научного сотрудника.

Важный вклад в становление латиноамериканистики внесла Ольга Ивановна Посконина, работающая на кафедре новой и новейшей истории с 1992 года. Под руководством Э. Э. Литавриной она 22 декабря 1992 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Идеология и внутренняя политика диктатуры М. Переса Хименеса в Венесуэле (1948–1958 гг.)». С этого времени началась ее активная научная и педагогическая деятельность.

За последнюю четверть века доцент кафедры О. И. Посконина внесла значительный вклад в исследование научных проблем освободительного движения в Латинской Америке в новое время. Особую ценность для преподавания новой истории Латинской Америки имеют подготовленные О. И. Поскопиной учебник «История Латинской Америки (до XX века)»², и разделы в коллективных учебниках для студентов³ и старшеклассников общеобразовательных школ⁴. Эти публикации дают представление об основных тенденциях исторического развития Латинской Америки с древнейших времен и до начала XX века, доходчиво и увлекательно рассказывают о социально-экономических и политических особенностях исторического развития, куль-

¹ Белоусов Л. С., Смирнов В. П., Докучаева О. Н. Всеобщая история. Новейшая история. 11 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений (профильный уровень). М., 2009.

² Посконина О. И. История Латинской Америки (до XX века). М., 2005.

³ Айзенштат М. П., Байбакова Л. В., Бондарчук В. С., Григорьева И. В., Канинская Г. Н., Кирсанова Н. В., Медяков А. С., Посконина О. И., Федосова Е. И., Хрулева И. Ю. История стран Европы и Америки в Новое время (1815–1914 гг.). М., 2016.

⁴ Дмитриева О. В., Посконина О. И., Новиков С. В. Всеобщая история. 10 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. Профильный уровень. М., 2011.

туре этого региона, о процессе формирования неповторимой по своему многоцветию полиэтнической иберо-американской цивилизации.

В 2001 году группу латиноамериканистов кафедры пополнил Владимир Алексеевич Бородаев. В 1971 году он окончил истфак МГУ, а в 1974 года, после годичной стажировки на Кубе и окончания аспирантуры, был зачислен по распределению в Институт Латинской Америки АН СССР. В 1975 году под научным руководством Э. Н. Рапп-Лантарон защитил кандидатскую диссертацию, посвященную складыванию единства левых сил Кубы и их слиянию в рядах Объединенных Революционных Организаций в 1952–1961 годах.

В ИЛА АН СССР (с 1992 года ИЛА РАН) В. А. Бородаев трудился 27 лет, пройдя за эти годы должности младшего научного сотрудника, старшего научного сотрудника, ведущего научного сотрудника, заведующего сектором Кубы и стран Карибского бассейна. В 1995 году он принял участие в создании Центра иберийских исследований и был назначен его первым директором. Академические исследования по ибероамериканской проблематике в 1990-е годы В. А. Бородаев сочетал с преподавательской деятельностью в российских и испанских университетах, чтением лекций на Кубе, в Швеции и США. Накопленные за многие годы работы знания по проблемам истории, социально-экономического и политического развития стран Латино-Карибской Америки, Испании и Португалии было необходимо не только излагать в научных изданиях, публикациях для служебного пользования, докладах и аналитических записках для правительственных «инстанций», но и делиться ими со студентами и аспирантами.

Преподавание в университетах расширяло диапазон исследовательских интересов. Преподаватель не только учит, но и постоянно осваивает новые пласты знаний. Требовалось постижение различных направлений общественных наук, сопредельных с историей. Жизнь заставляла изучать политологию, геополитику, социологию, культурологию, логику, психологию, этнологию, историю экономики, международных отношений, прикладное страноведение и т.д. Без этого было невозможно составить комплексное представление о проблемах изучаемого региона. Мало того, надо было вписать регион в глобальную систему связей.

Наши учителя закладывали в нас понимание того, что мало знать досконально историю той или иной страны соответствующего периода. Надо всегда четко понимать, что на каждом конкретном отрезке

истории происходило в других странах, в мировой политике и экономике. Чем больше накапливался багаж знаний, тем мир и его история представлялись все более бесконечно сложным живым организмом, понимание которого возможно лишь в конкретно-историческом плане, а сам процесс познания невозможно ограничить никакими рамками.

В 2001 году В. А. Бородаев вернулся в Alma Mater, на кафедру новой и новейшей истории, имея за плечами 27 лет академической научной работы, а также определенный педагогический опыт и звание доцента. В 2009 году им была защищена докторская диссертация, которая явилась результатом четырех десятилетий изучения и постижения ибероамериканского мира¹. В 2010 году В. А. Бородаев был избран по конкурсу на должность профессора кафедры новой и новейшей истории. Предметом исследования в работах его учеников являлись практически все страны региона; в некоторых дипломах и ВКР, кандидатских диссертациях поднимались проблемы, связанные с интеграцией, международными отношениями и революционным национально-освободительным движением. Наряду с педагогической работой В. А. Бородаев продолжал вести научно-исследовательскую. За последние восемнадцать лет им была написана одна индивидуальная монография² и подготовлены две работы в соавторстве³; одна из ранее изданных книг была переведена на испанский язык и опубликована на Кубе⁴, а также была размещена издательством в свободном доступе в интернете на русском языке⁵.

Важное значение для развития латиноамериканистики на кафедре новой и новейшей истории и на историческом факультете в целом имела работа научного общества «Кафедра имени Хосе Марти». Оно было создано 27 февраля 2015 года по решению ректора и усилиями латиноамериканистов кафедры, а также преподавателями и научными сотрудниками других кафедр факультета. Научное общество проде-

¹ *Бородаев В. А.* История формирования и развития новой политической системы на Кубе: 1953–2008 гг.: Дис... докт. ист. наук. М., 2009.

² *Бородаев В. А.* Кубинская революция и становление новой политической системы. 1953–2006 гг. М., 2007.

³ *Бородаев В. А., Леонов Н. С., Лепешкин А. А.* Рауль Кастро: Меня избрали для того, чтобы я защищал дело социализма. 2008-2017. М., 2017; *Бородаев В. А., Булавин В. И., Давыдов В. М., Кононученко С. Б., Мазин А. В., и др.* Страны СНГ и Латинская Америка. М., 2001.

⁴ *Borodaev V. A., Leonov N. S.* Fidel Castro. Biografía Política. La Habana, 2003.

⁵ *Бородаев В. А., Леонов Н. С.* Фидель Кастро: политическая биография. М., 2005.

лало за четыре года своего существования большую работу по налаживанию научных связей с отечественными и зарубежными учеными, изучающими ибероамериканский мир. Сегодня оно вышло далеко за пределы факультета и МГУ, объединяет преподавателей нескольких факультетов нашего университета, а также других вузов, академических институтов, исследователей, специалистов, аспирантов и студентов из Москвы и Санкт-Петербурга. Прочные связи у общества сложились с учеными Кубы, Венесуэлы, Боливии, Аргентины, Испании, Болгарии, Канады. С момента своего создания общество регулярно проводит встречи, лекции, семинары, выставки и другие мероприятия, посвященные истории, современности, культуре, литературе и языкам ибероамериканских стран. Недавно создан собственный сайт общества, который используется для размещения информации о его работе, а также для постоянного общения с коллегами. Самый масштабный проект «Кафедры имени Хосе Марти» – ежегодная международная научная конференция ибероамериканистов – «Мартианские чтения». Уже состоялось пять таких международных научных форумов, которые с каждым разом собирают все большее число участников. По итогам конференций издаются сборники или публикуются в научных журналах развернутые отчеты с тезисами основных докладов, а лучшие из них размещаются в качестве статей в периодических изданиях. «Кафедра имени Хосе Марти» превратилось в один из координирующих центров и признанную площадку для свободного обмена мнениями и научных дискуссий отечественных латиноамериканистов, одним из постоянно действующих каналов общения с зарубежными учеными и дипломатами дружественных стран региона. Будущее открыто для творчества. Для этого на нашей кафедре новой и новейшей истории есть все возможности.

А. С. МАНЬКИН, Е. В. РОМАНОВА

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Изучение истории международных отношений на кафедре новой и новейшей истории имеет давние традиции. В разное время с конца 1930-х до конца 1970-х гг. ее профессорами являлись крупнейшие советские специалисты по истории внешней политики Германии: академик В. М. Хвостов и А. С. Ерусалимский, блестящий историк-франковед, работы которого по ряду ключевых проблем европейской политики XVII в. получили широкое международное признание, Б. Ф. Поршневу, а также возглавивший кафедру в 1953 г. И. С. Галкин.

Середина 1930-х гг., когда восстанавливались исторические факультеты в составе Московского и Ленинградского университетов, была отмечена небывалым интересом к исторической науке, во многом связанным со стремлением объяснить те глобальные потрясения – мировую войну и революцию – свидетелями которых стали входившие в жизнь молодые люди, их отцы и деды.

В поисках ориентиров в процессе формирования внешней политики находилось молодое советское государство. В 1920-е гг. в непростых внутривосточных и международных условиях закладывались ее основы, а затем, в 1930-е гг., СССР столкнулся с проблемой выработки внешнеполитического курса в ситуации растущей международной напряженности и угрозы войны. То, что происходило в исторической науке, в значительной степени отражало этот процесс самоидентификации государства в условиях очевидной несостоятельности идеи мировой революции. Этот период, когда еще не сформировались основные парадигмы советской исторической науки, характеризовался острыми дискуссиями среди ученых, выливающимися в полемику на страницах журналов и газет. Именно на это время пришлось формирование как исследователей Аркадия Самсоновича Ерусалимского и Владимира Михайловича Хвостова, которые обращались в своих трудах к наиболее актуальным для того времени вопросам истории международных отношений.

Решение стоявших перед Советским Союзом задач требовало понимания того, что лежит в основе внешней политики государств, какие силы определяют характер взаимодействия между ними. Оно было возможно лишь с опорой на фундамент исторического знания. Злободневным становилось изучение недавней истории – создания Германской империи, насыщенного противоречиями периода «вооруженного мира» и «империалистической войны». Не случайно, именно эти сюжеты оказались в центре внимания ученых. В числе наиболее значительных работ А. С. Ерусалимского в 1930-е – начале 1940-х гг. – подготовка к изданию ряда томов дипломатических документов из архивов царского и временного правительства в серии «Международные отношения в эпоху империализма» и публикация трехтомника воспоминаний О. фон Бисмарка на русском языке. В 1930-е гг. характер развития ситуации в Германии становился во многом определяющим для дальнейшего хода европейской истории и международных отношений. Германия рассматривалась как наиболее вероятный противник СССР в будущей войне. Ее военную и внешнеполитическую мысль серьезно изучали. Не удивительно поэтому внимание И. В. Сталина к изданию мемуаров Бисмарка, его пометки на рукописи предисловия и встреча с подготовившим это издание А. С. Ерусалимским¹. Во вступительной статье к мемуарам «железного канцлера» А. С. Ерусалимский поднимал такие проблемы, как понимание Бисмарком роли силы в международных отношениях, с одной стороны, и искусства дипломатии – с другой.

Ненадолго возглавивший кафедру новой истории исторического факультета МГУ после окончания войны (1948–1950 гг.) А. С. Ерусалимский продолжил изучение германской внешней политики последней трети XIX в. Результатом его многолетней работы явилась опубликованная в 1948 г. монография, удостоенная Ломоносовской и Сталинской премий.

История внешней политики О. фон Бисмарка в последние годы его канцлерства стала предметом защищенной в 1938 г. докторской диссертации В. М. Хвостова. В 1930-е – 1940-е гг. исследователь активно участвовал в подготовке вузовских учебников по истории. Его перу принадлежали глава первого тома и большая часть текста второго тома

¹ См.: *Ганелин Р. Ш.* Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940–1970-х гг. СПб., 2004. С. 151–152.

«Истории дипломатии» под ред. В. П. Потемкина, вышедшей в свет в 1941–1945 гг. В 1963 г. был опубликован значительно переработанный и дополненный второй том «Истории дипломатии», охватывающий период с 1871 по 1914 гг., полностью написанный В. М. Хвостовым. Глубина анализа, в основе которого лежало тщательное изучение источников, широта обобщений, сочетающаяся с вниманием к деталям, точность формулировок, ясность и выразительность языка – те черты, которые отличали этот труд, вошедший в «золотой фонд» отечественной исторической науки. Вспоминая о Владимире Михайловиче Хвостове, коллеги отмечали его блестящие качества исследователя: широчайшую эрудицию, ответственность и колоссальную работоспособность, присущее ему восприятие научной актуальности изучения истории, связи познания с жизнью, которое позволяло ставить и решать действительно значимые проблемы, открытость новому, выражающуюся, в числе прочего, в готовности взять лучшее из зарубежного опыта¹.

Отличительной чертой организации исторической науки и деятельности ученых в 1930-е – 1960-е гг. являлось то, что они часто совмещали работу в различных научных и учебных институтах, привлекались к работе в государственных и партийных структурах. Преподававший с середины 1930-х гг. в Московском университете, В. М. Хвостов являлся также сотрудником созданного в 1936 г. Института истории АН СССР, руководил которым в те годы академик Н. М. Лукин, одновременно заведовавший кафедрой новой истории исторического факультета МГУ. Со второй половины 1930-х гг. деятельность Хвостова была неразрывно связана с Академией наук, в конце 1950-х гг. он возглавил Институт истории. В годы войны Хвостов вел специальные исследования по поручению Военно-исторической комиссии Генерального штаба, а после ее окончания ученый был привлечен к работе в Министерстве иностранных дел в качестве руководителя Архивного, а затем Историко-дипломатического управления, он входил в коллегию Министерства, заведовал кафедрой в Высшей дипломатической школе МИД. В течение недолгого времени в 1940-е и 1950-е гг. Хвостов работал в аппарате ЦК КПСС, заведовал кафедрой международных отношений в Академии общественных наук при ЦК КПСС.

¹ Нарочницкий А. Л. Академик Владимир Михайлович Хвостов (24 июня 1905 – 9 марта 1972 г.) // Вопросы истории внешней политики СССР и международных отношений. М., 1976. С. 5–23.

На историческом факультете МГУ в предвоенные годы Владимир Михайлович Хвостов читал лекции по новой истории периода империализма, с 1936 г. стал руководить аспирантами. По словам студентки первого набора исторического факультета, в дальнейшем – крупнейшего медиевиста Е. В. Гутновой, он принадлежал к числу лекторов, оставивших наиболее яркий след в ее памяти в годы учебы на истфаке. Содержательные и глубокие лекции В. М. Хвостова увлекали своим предметом и впервые пробудили у юной студентки интерес к рассматриваемой в них эпохе¹. В 1950-е – 1960-е гг. В. М. Хвостов сосредоточился на руководстве дипломными работами и кандидатскими диссертациями студентов и аспирантов кафедры новой истории. По признанию заведовавшего в то время кафедрой И. С. Галкина, в условиях ограниченного числа штатных преподавателей он видел свою задачу руководителя в том, чтобы вырастить молодых ученых, способных в дальнейшем остаться работать на кафедре на постоянной основе и превратить ее в ведущий центр по исследованию и подготовке специалистов по истории нового и новейшего времени. Именно на решение этой задачи были направлены силы крупнейших отечественных ученых, сотрудничавших с кафедрой, в числе которых был и В. М. Хвостов². Одним из его наиболее талантливых учеников являлся впоследствии возглавивший кафедру Николай Васильевич Сивачев, создатель лаборатории американистики при кафедре новой и новейшей истории, в творческой атмосфере которой сформировалось ядро будущей секции истории и теории международных отношений.

Еще одним крупнейшим советским исследователем, преподававшим в послевоенные годы на кафедре новой истории, был Борис Федорович Поршневу. Являвшийся ведущим специалистом по истории Франции, но в то же время увлеченный поисками общих закономерностей развития исторического процесса, склонный к выявлению синхронистических связей между событиями, происходившими в разных странах, в работах 1950-х – 1960-х гг. он нередко затрагивал темы, связанные с международными отношениями.

Его труды отличал системный подход, стремление к синтезу явлений, протекавших и в разных сферах общественной жизни, и в разных регионах мира. Так, в книге «Франция, Английская революция и евро-

¹ Гутнова Е. В. Пережитое. М., 2001. С. 134.

² Галкин И. С. Тропами моей жизни // Новая и новейшая история. 1998. № 5. С. 121.

*Слева направо – профессора А. С. Ерусалимский (1901–1965),
Б. Ф. Поршнев (1905–1972), В. М. Хвостов (1905–1972)*

пейская политика в середине XVII века» Б. Ф. Поршнев уходил от того, что называл «мыслительной абстракцией истории одной страны», отмечая, что понять такую историю можно лишь обратившись к среде, в которой она развивалась, а значит в тесной взаимосвязи с общими тенденциями, характерными для мирового развития в ту или иную эпоху¹.

Труды Поршнева неизменно вызвали живые и острые дискуссии. Его порой упрекали в схематизации исторических процессов, социологизме, преувеличении роли классовой борьбы. В исследовании международных отношений Б. Ф. Поршнев заявлял о себе как о стороннике создания общей теории, отмечая в то же время огромные сложности, стоявшие на пути решения этой задачи. В какой-то степени его искания перекликались с теми процессами, которые происходили в западной социологии и политической науке. Недаром большое место во введении к ставившей эту проблему монографии «Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в.» было отведено анализу концепции французского социолога Раймона Арона, автора опубликованной в 1962 г. книги «Мир и война между народами».

Приветствуя отказ Р. Арона (и в его лице западной науки) от исключительно описательного и фактологического подхода к рассмотрению международных отношений и стремление к созданию научной теории, советский исследователь вместе с тем указывал на ограничен-

¹ *Поршнев Б. Ф.* Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970. С. 20.

ность западных концепций. Так, Б. Ф. Поршнев выдвинул тезисы о необходимости (в противоположность задававшей в тот период тон в западных исследованиях школе политического реализма) не ограничивать фактическую базу для создания теории международных отношений материалами лишь одной эпохи «холодной войны», расширить географические рамки и проблемное поле эмпирических исследований, лежащих в ее основе.

Большое место проблемы истории международных отношений занимали в научной работе И. С. Галкина, заведующего кафедрой в 1953–1980 гг. Начав свой исследовательский путь с изучения истории германской социал-демократии, международного рабочего движения, он затем обратился к чрезвычайно актуальной в то время теме международных отношений эпохи империализма, найдя в ней новый, ранее находившийся в тени исследовательского внимания аспект. Докторская диссертация И. С. Галкина, написанная с привлечением широкого круга архивных материалов, была посвящена проблеме выявления той роли, которую играли взаимоотношения великих держав, малых стран и национально-освободительных движений Балканского полуострова в назревании Первой мировой войны¹.

Сюжеты, связанные с историей международных отношений, были представлены в общих и специальных лекционных курсах, которые читали сотрудники кафедры. С 1970-х гг. особое место среди них занял обязательный для студентов, специализирующихся по новой и новейшей истории стран Западной Европы и Америки, спецкурс вошедшего в число преподавателей кафедры ее выпускника Валерия Николаевича Горохова – блестящего лектора, который в яркой и доступной манере раскрывал перед слушателями сложные перипетии международных отношений XX столетия.

Несмотря на значительное внимание, которое сотрудники кафедры уделяли вопросам межгосударственного взаимодействия и внешней политики стран Запада в своей исследовательской и преподавательской деятельности, как отдельное направление специализации история и теория международных отношений выделилась на кафедре лишь в начале 1990-х гг. Решение о создании соответствующей секции стало реакцией на требования времени, когда в условиях масштабной трансформации всей системы международных отношений, сопровождав-

¹ Галкин И. С. Политика европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции в 1908–1912 гг. Дис... докт. ист. наук. М., 1956.

шейся ростом числа конфликтов и появлением новых угроз, в ситуации растущей взаимозависимости мира и увеличения числа игроков, вовлеченных в международную деятельность, стала остро ощущаться необходимость в профессионалах высокой квалификации, способных анализировать сложные международные процессы и явления. Распад Советского Союза и крах биполярной системы поставили академическое сообщество России перед серьезнейшими идейно-теоретическими вызовами. В этой ситуации в работе новой секции был сознательно сделан акцент на вопросы теории, разработку подходов к осмыслению тех факторов, которые определяют характер взаимодействия на международной арене, к выявлению закономерностей в функционировании международной системы на разных этапах ее развития.

В состав новой секции вошла часть сотрудников лаборатории по истории США и некоторые преподаватели других секций кафедры: Роман Александрович Сетов, Андрей Анатольевич Сидоров, Виктор Иванович Терехов, Мария Олеговна Трояновская, Елена Николаевна Глазунова, Лев Николаевич Еремин, Сергей Александрович Соловьев, Наталья Викторовна Кирсанова, Наталья Николаевна Наумова. Инициатором ее создания являлся профессор Александр Серафимович Маныкин, который возглавляет секцию и поныне. Он создал и читал ставший стержневым для специализации учебный курс «Становление и развитие системности в международных отношениях» (в настоящее время этот курс читает доцент Екатерина Владимировна Романова). Доцент Р. А. Сетов в рамках спецкурса знакомил студентов с разработанными в американской политологии теоретическими подходами к изучению международных отношений; другой его курс был посвящен проблеме исследования международных конфликтов и кризисов в международных отношениях. Ведущий научный сотрудник В. И. Терехов читал специальный курс, посвященный роли военной мощи в истории международных отношений, а также специально подготовленный для молодых международных курс исторической географии (ныне его читают доцент Константин Валерьевич Миньяр-Белоручев и ведущий научный сотрудник Ольга Игоревна Агансон).

Методологические наработки, накопленные в ходе изучения проблем истории и функционирования двухпартийной системы США, в определенной степени повлияли на выработку подходов к изучению и преподаванию международных отношений в рамках новой секции. В их основе лежал системный анализ, суть которого состояла в рас-

смотрении международных отношений как особой системы, функционирование которой подчиняется определенным законам. При этом основными исследовательскими задачами становилось выделение критериев, которые позволяют наиболее полно и точно охарактеризовать такую систему, и постижение закономерностей, в соответствии с которыми происходит ее развитие. Направление для научной работы новой секции было во многом задано напечатанной в «Вестнике Московского университета» статьей А. С. Маныкина «Системность в международных отношениях: причины формирования и этапы развития»¹. В ней автор предлагал свою трактовку понятия «системность», вводил категорию «модель системы», положенную им в основу периодизации истории международных отношений, обращался к проблеме вычленения консолидирующих систему и системоразрушающих факторов. В качестве ключевого фактора, обусловившего становление системности в международных отношениях на заре нового времени, рассматривалось появление государств нового типа, для которых было характерно наличие осознанного комплекса долгосрочных интересов.

Внимание к политическому аспекту межгосударственных отношений не означало пренебрежения вопросами влияния на эту сферу социально-экономических процессов и явлений. В период разработки учебного плана новой секции было очевидно, что понимание современных международных отношений невозможно без знания основных закономерностей функционирования мировой экономики. Этот факт определил важное место, которое отводилось в ходе подготовки студентов-международников созданному доцентом С. А. Соловьевым курсу «Эволюция мирового хозяйства и международные отношения». Позднее сотрудники секции сочли целесообразным углубить и расширить изучение этих сюжетов. Наряду с курсом, который по-прежнему читает С. А. Соловьев, доцент А. А. Сидоров подготовил отдельный курс, нацеленный на раскрытие взаимосвязи мировой экономики и международных отношений во второй половине XX – начале XXI вв.

¹ Маныкин А. С. Системность в международных отношениях: причины формирования и этапы развития // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1992. № 5. С. 3–16; *Он же*. Системность в международных отношениях: причины формирования и этапы развития (окончание) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1992. № 6. С. 3–16.

Европейская тематика нашла отражение в предложенных доцентом Л. Н. Ереминым курсах по истории британского колониализма и проблемам войны и мира в международных отношениях нового времени, а также в разработанном доцентом Н. Н. Наумовой ярком и оригинальном специальном курсе по истории европейской интеграции. В нем дается широкое панно становления, развития и текущего состояния этого важнейшего для современных международных отношений процесса.

Специализация предполагала создание учебников и учебных пособий, в которых были бы изложены и раскрыты основные понятия и категории теории международных отношений, намечены траектории дальнейшего развития этой дисциплины. Отметим, что период конца 1990-х – начала 2000-х гг. характеризовался ростом внимания к исследованиям в этой области не только на историческом факультете МГУ. По всей стране открывались новые кафедры и факультеты, публиковались научные труды, освещавшие различные сюжеты мировой политики. Ряд ученых занялся разработкой теоретических проблем. В условиях отказа от доминирования марксистской парадигмы в общественных науках и отсутствия в СССР альтернативных теорий этот процесс порой подменялся изложением с элементами минимального синтеза концепций западных (прежде всего американских) политологов. Как и в западной науке, многие исследователи, которые работали в сфере теории международных отношений, основывали свои суждения на анализе событий недавнего прошлого – последних лет функционирования биполярной системы или даже постбиполярных реалий. Наряду с этим, шла разработка проблем прикладного теоретического анализа в международных отношениях – управления современными конфликтами и кризисами, процесса переговоров, деятельности международных или неправительственных организаций.

На фоне формирующихся в тот период в России направлений в изучении теории международных отношений особенностью школы, сложившейся на историческом факультете, являлось представление о том, что создание теории мирополитических процессов может базироваться лишь на изучении истории, что любая теория имеет практическую ценность, если она опирается на исторические факты и находит в них свое подтверждение. Этот подход нашел свое выражение в подготовленных коллективом секции под редакцией А. С. Манькина «Введении в теорию международных отношений» (2001), а также «Основах общей те-

ории международных отношений» (2009)¹. Эти учебные пособия были нацелены не только на то, чтобы сформировать у читателей представление о предмете дисциплины, познакомить с трактовками основных категорий, относящихся к этой сфере, дать обзор концепций ведущих западных школ, но и ставили своей задачей на конкретно-исторических примерах проследить эволюцию степени и характера влияния экономических, силовых, идеологических факторов на состояние международной системы на разных этапах ее развития. Отдельный раздел «Основ общей теории международных отношений» был посвящен анализу соотношения конфликта и стабильности в развитии системного механизма: вопросам о функциях первого и путях поддержания последней.

С момента своего открытия специализация вызвала большой интерес среди студентов, которых привлекала как актуальность проблематики предлагаемых курсов и потенциальных дипломных работ, так и ощущение сопричастности процессу научного поиска, который вели сотрудники секции, разрабатывавшие новые методологические подходы к изучению истории и современного состояния международных отношений. Обстоятельное обсуждение теоретических разделов курсовых, дипломных работ, отношение к студенту как к начинающему исследователю, от которого ждут постановки и решения серьезных задач, вдохновляло и вызывало желание совершенствоваться в получаемой профессии. Важным с точки зрения вовлечения молодого поколения в науку, являлось подключение студентов и аспирантов к участию в постоянно проводимых на кафедре научных конференциях по различным проблемам международных отношений. На протяжении 1990-х гг. росло число студентов, стремящихся выбрать в качестве специализации международные отношения. Несмотря на увеличение набора, секция не могла принять всех желающих. Отбор происходил в ходе обязательного собеседования при поступлении на кафедру. Проверялся уровень владения иностранным языком, необходимым инструментом в профессии историка-международника, а также то, насколько студент ориентировался в наиболее общих вопросах истории международных отношений. Для сотрудников секции было важно понять, в какой степени осознанным, подкрепленным чтением специальной литературы являлся интерес к выбираемому предмету.

¹ Введение в теорию международных отношений: учебное пособие / под ред. А. С. Манькина. М., 2001; Основы общей теории международных отношений / под ред. А. С. Манькина. М., 2009.

Уже на рубеже XX–XXI вв. были защищены первые кандидатские диссертации, подготовленные в рамках секции. Они были обращены к разным периодам истории, однако их объединяла постановка теоретических проблем международных отношений. Написанная под руководством профессора А. С. Манькина и защищенная в 1998 г. диссертация Е. А. Степановой (ныне – доктора политических наук, профессора РАН, руководителя группы по исследованию мира и конфликтов ИМЭМО РАН) была посвящена исследованию подходов США к регулированию региональных конфликтов в период краха Ялтинско-Потсдамской модели международных отношений. На основе анализа богатого фактического материала автор ставила проблемы «системного сдвига» и методов утверждения американского лидерства в нарождающейся после распада биполярности расстановке сил¹. Предметом исследования также принадлежавшего школе А. С. Манькина А. В. Пилько (2004 г.) стало выявление специфики отношений внутри блока НАТО и их влияния на европейскую политику во второй половине 1950-х – 1960-е гг.²

Подготовленные под руководством В. И. Терехова диссертации Е. В. Романовой (2000 г.) и Е. Ю. Зубаревой (2001 г.) (обе остались преподавать на кафедре, впоследствии Е. Ю. Зубарева перешла работать на факультет иностранных языков и регионоведения, а затем в высшую школу перевода МГУ) затрагивали отдельные аспекты проблемы кризиса Венской и Версальской моделей международных отношений³. Так, обратившись к изучению англо-германских отношений накануне Первой мировой войны, Е. В. Романова рассмотрела процесс перерастания конфликта между этими державами в военное столкновение, проследила, как в условиях череды международных кризисов

¹ *Степанова Е. А.* Формирование современной американской модели регулирования региональных конфликтов 1989–1997 гг. Дис... канд. ист. наук. М., 1998.

² *Пилько А. В.* «Кризис доверия» в НАТО и его влияние на политику альянса в Европе, 1956 – сер. 1960-х гг. Дис... канд. ист. наук. М., 2003. Совмещавший в течение долгого времени научную деятельность и работу в сфере PR, а также являвшийся сотрудником одного из крупнейших информационных агентств «РИА Новости», А. В. Пилько в настоящее время занимает пост директора Евразийского коммуникационного центра.

³ *Романова Е. В.* Англо-германский конфликт и пути его регулирования, 1907–1914. Дис... канд. ист. наук. М., 2000; *Зубарева Е. Ю.* Германо-югославские отношения в 1933–1937 гг. и кризис Версальской системы в Юго-Восточной Европе. Дис... канд. ист. наук. М., 2001.

и локальных войн начала XX в. неуклонно сужалось поле для дипломатического маневрирования. На богатейшем фактическом материале Е. Ю. Зубарева показала, каким образом германская политика в 1930-е гг. расшатывала основы Версальской системы в Юго-Восточной Европе. Иные аспекты кризиса Версальской системы были рассмотрены в диссертации А. О. Наумова (2004 г.) (научный руководитель – А. С. Маныкин), также оставшегося в большой науке и преподающего ныне на факультете государственного управления Московского университета¹. Становление Версальской системы на Ближнем Востоке стало предметом диссертации Александра Михайловича Фомина (2003 г.) (научный руководитель – Л. Н. Еремин), который, будучи в настоящее время доцентом кафедры новой и новейшей истории, продолжает разрабатывать сюжеты, связанные с политикой великих держав в этом сложном и турбулентном регионе².

Конечно, далеко не все выпускники секции связали свою судьбу с наукой. Часть из них продолжает заниматься международными отношениями, работая в МИД или будучи сотрудниками международных организаций. Другим знания и навыки, полученные в процессе обучения на историческом факультете, позволили успешно реализоваться в банковской сфере, получить работу в крупных российских и международных компаниях.

Привлечение новых сотрудников к работе секции (Е. В. Романовой, А. М. Фомина, А. В. Пилько) способствовало расширению сферы как конкретно-исторических, так и теоретических изысканий. В 2007–2010 гг. на основе защищенных кандидатских диссертаций ими была опубликована целая серия монографических исследований³.

¹ Наумов А. О. Нарастание кризисных тенденций Версальской системы международных отношений. Дис... канд. ист. наук. М., 2004. Диссертация легла в основу монографии: Наумов А. О. Кризис Версальской системы. М., 2005.

² Фомин А. М. Проблемы Ближнего Востока в англо-французских отношениях в 1918–1923 годах. Дис... канд. ист. наук. М., 2003.

³ Пилько А. В. «Кризис доверия» в НАТО: альянс на пороге перемен (1956–1966). М., 2007; Романова Е. В. Путь к войне: развитие англо-германского конфликта, 1898–1914 гг. М., 2008; Бартенев В. И. «Ливийская проблема» в международных отношениях. 1969–2008. М., 2009. Защитив в 2008 г. кандидатскую диссертацию под руководством Е. Н. Глазуновой, В. И. Бартенев начал свою научную и педагогическую карьеру на историческом факультете, а ныне продолжает ее на факультете мировой политики МГУ; Фомин А. М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство». 1918–1923. М., 2010.

Стоявшие у истоков секции сотрудники продолжали сочетать научную и преподавательскую деятельность. В 2010 г. вышла в свет книга Р. А. Сетова, в значительной степени посвященная анализу понятийного аппарата теории международных отношений, являющегося основой любой научной дисциплины. В числе ключевых категорий, рассмотренных автором, – те, которыми сегодня активно оперируют специалисты-международники: «государство», «интерес», «мощь», «сила», «политика», «система». Посредством этих, на первый взгляд, «интерпретаций очевидного» Р. А. Сетов показывал, что за одними и теми же словами порой скрывается разное понимание сущности явлений и процессов международной жизни. Книга знакомила читателя с палитрой отечественных и западных исследований в области теории международных отношений, многообразием подходов к видению основных закономерностей их развития¹.

Один из крупных сюжетов, которым занимались и который продолжают разрабатывать сотрудники секции, – интеграция, прежде всего европейская и североамериканская. Н. Н. Наумова является автором целой серии научных статей, глав в учебных пособиях и коллективных монографиях, посвященных различным аспектам истории европейской интеграции, а также современным проблем, стоящим перед единой Европой. Под ее руководством защищены десятки дипломных работ и кандидатских диссертаций по этой проблематике. Североамериканская интеграция находится в поле научных интересов А. А. Сидорова. Не случайно, эти исследователи стали ядром сформированного А. С. Манькиным авторского коллектива, подготовившего первое в России учебное пособие, в котором рассматривается широкий спектр интеграционных процессов, разворачивавшихся в Евразии, Северной и Латинской Америке, Африке, Азиатско-Тихоокеанском регионе после окончания Второй мировой войны. Особое внимание в этой книге уделено проблемам теоретического обоснования различных форм и методов интеграции и современному состоянию крупнейших интеграционных проектов².

К концу первого десятилетия XXI в. был существенно расширен диапазон спецкурсов, которые предлагались студентам секции.

¹ Сетов Р. А. Современный миропорядок и государственные интересы России. Термины, теории, прогнозы. М., 2010.

² Модели региональной интеграции: прошлое и настоящее. Учебное пособие / под ред. А. С. Манькина. М., 2010.

В преддверии перехода на двухуровневую систему обучения «бакалавриат – магистратура» коллектив кафедры подготовил новое, переработанное и дополненное (по сравнению с вышедшим в 2003 г.) издание их программ¹. Три направления, по которым были сгруппированы курсы, – «Системность в международных отношениях: прошлое и настоящее», «Интеграционные процессы в мировой экономике и международных отношениях: история и современность», «Проблемы войны и мира в истории международных отношений» – отражали основные сферы научных интересов преподавателей секции. Хронологически сюжеты, изучаемые в рамках спецкурсов и спецсеминаров, охватывали период с конца XVIII в. до современности. Так, ведущий научный сотрудник М. О. Трояновская предлагала студентам спецкурс, посвященный формированию основ внешней политики молодого американского государства. Е. В. Романова начала вести специализацию по широкому комплексу вопросов, связанных с происхождением и последствиями Первой мировой войны. Доцент А. М. Фомин создал спецкурс, в котором рассматривался характер взаимодействия великих держав на Ближнем Востоке с последней трети XIX в. до окончания Второй мировой войны. Под руководством Р. А. Сетова, А. А. Сидорова, Н. Н. Наумовой, Е. Н. Глазуновой студенты обращались к наиболее актуальным проблемам мировой политики XXI в.: роли международных организаций, экономическим санкциям, воздействию миграций на состояние европейского общества, феномену международного терроризма и т.д.

К первым годам нового столетия относится подключение к работе секции одного из наиболее опытных специалистов по истории международных отношений доцента В. Н. Горохова, что позволило углубить изучение прежде всего процессов, происходивших в недрах Версальско-Вашингтонской системы. Неоценимую помощь в этом деле оказал его лекционный курс, который был издан в качестве учебного пособия². Однако круг интересов В. Н. Горохова не ограничивается только межвоенным периодом. Его пристальное внимание привлекают сюжеты, связанные с современной мировой политикой. На протяжении целого ряда лет он читает лекционные курсы, посвященные анализу наиболее сложных проблем международных отношений начала

¹ Программы специальных курсов по истории и теории международных отношений в новое и новейшее время / под. ред. А. С. Маныкина. М., 2010.

² *Горохов В. Н.* История международных отношений в 1918–1939 гг.: Курс лекций. М., 2004.

постбиполярной эпохи¹. Яркие, насыщенные, увлекательные лекции В. Н. Горохова неизменно вызывают интерес специализирующихся в рамках секции студентов; из его спецсеминара вышло немало квалифицированных историков, продолживших исследования в аспирантуре и защитивших кандидатские диссертации.

Подготовка специалистов высшей квалификации по-прежнему рассматривалась в качестве одной из основных задач секции. Тематика кандидатских диссертаций, как и раньше, отличалась широтой диапазона. Большая часть работ была написана на основе изысканий авторов в отечественных и зарубежных архивах. На страницах данного очерка есть возможность упомянуть только некоторые, наиболее интересные исследования этого ранга. В 2007 г. диссертацию, посвященную проблеме шведского нейтралитета в 1930-е гг., защитила Евгения Валерьевна Корунова (научный руководитель – В. И. Терехов)². Принятая в штат кафедры, она создала специализацию по истории Швеции и продолжает в настоящее время разрабатывать в рамках секции международных отношений проблематику нейтралитета. Защитившая диссертацию, подготовленную под руководством Е. В. Романовой, и оставшаяся преподавать на кафедре О. И. Агансон расширила проблемное и географическое поле научных интересов секции, включив в него балканские сюжеты и вопросы взаимосвязи и взаимозависимости процессов, протекавших на уровне общеевропейской системы и региональной (балканской) подсистемы³. Продолжает научную деятельность на факультете мировой политики выпускник секции Н. В. Юдин (научный руководитель – Е. В. Романова), посвятивший диссертацию одному из аспектов проблемы состояния массового сознания населения стран Антанты в начале Первой мировой войны⁴. Специфика фаз консолидации и стабильного развития Версальско-Вашингтонской системы нашла отражение в

¹ Для освоения этих сюжетов в помощь студенту автором было подготовлено пособие: *Горохов В. Н.* Международные отношения в 2001–2010 годах. Учебно-методическое пособие. М., 2010.

² *Корунова Е. В.* Проблема нейтралитета во внешней политике Швеции, 1933–1939 гг. Дис... канд. ист. наук. М., 2007.

³ *Агансон О. И.* Политика Великобритании в Юго-Восточной Европе в условиях кризиса Балканской подсистемы международных отношений: 1903–1914. Дис... канд. ист. наук. М., 2011.

⁴ На основе диссертации Н. В. Юдиным была подготовлена монография: *Юдин Н. В.* Патриотический подъем в странах Антанты в начале Первой мировой войны. М., 2017.

кандидатской диссертации И. Э. Магадеева¹ (научный руководитель – Р. А. Сетов), ныне успешно преподающего в МГИМО и в то же время не теряющего связь с секцией и активно участвующего в ряде коллективных проектов наряду с ее сотрудниками. Интересные по постановке проблем и насыщенные по содержанию работы А. М. Уразова и О. Н. Скороходовой (научный руководитель – А. С. Манькин), обращались к ранее не исследованным сторонам функционирования биполярной модели². В 2018 г. сотрудником секции стал Д. В. Родин, в настоящий момент завершающий работу над кандидатской диссертацией, в которой рассматриваются некоторые региональные аспекты европейской безопасности в середине – второй половине 1920-х гг.

В разнообразном спектре тем, которые разрабатываются в рамках секции, традиционно прослеживалась общая, объединяющая различные сюжеты, «сквозная» проблематика. Именно это позволяет сотрудникам сочетать работу над собственными индивидуальными исследованиями с участием в создании масштабных коллективных научных проектов.

На протяжении последнего десятилетия сотрудниками секции разрабатывается крупная теоретическая проблема трансформации международных отношений в ходе глобальных конфликтов: анализируются структурные факторы происхождения мировых войн, а также вопросы, связанные с путями формирования нового миропорядка. Так, в 2014 г., в 100-летнюю годовщину начала Первой мировой войны, увидела свет коллективная монография «Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации» (под ред. Л. С. Белоусова и А. С. Манькина)³.

Нареченная Дж. Кеннаном «исходной катастрофой XX в.», Первая мировая война во многом определила его облик, стала прологом рево-

¹ *Магадеев И. Э. Взаимодействие Великобритании и Франции в сфере безопасности в 1920-е годы. Дис... канд. ист. наук. М., 2012.*

² На основе диссертации А. М. Уразов опубликовал монографию: *Уразов А. М. Время перемен. Эволюция внешней политики США и Великобритании на Большом Ближнем Востоке в первые десятилетия холодной войны. М., 2019; Скороходова О. Н. Роль нефтяного фактора в международных отношениях (1973–1986 гг.). Дис... канд. ист. наук. М., 2015.*

³ *Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / под ред. Л. С. Белоусова, А. С. Манькина. М., 2014.* К участию в написании ряда разделов монографии, ядро авторского коллектива которой составили сотрудники секции, были привлечены исследователи с других кафедр исторического факультета и из других вузов.

люций, распада европейских империй, способствовала возникновению национально-освободительного движения в колониях. В ней проявились реалии «века масс», она дала импульс растущему вмешательству государства в сферу экономики и социальных отношений, принявшему разные формы в межвоенный период.

Но не только «круглая дата» и осознание масштабов революционности перемен, порожденных войной, подталкивали исследовательский коллектив к изучению ее истории. В преддверии приближения столетия с момента начала Великой войны было очевидно, что спустя более чем два десятка лет после краха биполярной системы международная жизнь не обретает стабильности, не утихают локальные конфликты и войны, грозящие перерастанием в новое глобальное столкновение. Столкнувшееся с комплексом сложнейших проблем человечество, – как говорилось в предисловии к изданию, – «вновь обращается к опыту прошлого, пытаясь понять, какие действия политических элит превратили постепенно вызревавший в недрах европейского сообщества конфликт в неотвратимый, что нарушало, казалось бы, вполне размеренный ритм его функционирования и в итоге повлекло за собой качественный скачок в развитии европейской цивилизации»¹. Авторский коллектив работы ставил своей задачей воссоздать атмосферу жизни предвоенной Европы, проанализировать те процессы, которые разворачивались на международной арене и внутри государств: в социо-культурной, политической и военной сферах, раскрыть их эволюцию в годы войны и роль в рождении новой, послевоенной Европы.

Успех первого проекта пробудил к жизни второй, связанный с анализом воздействия Второй мировой войны на сферу международных отношений. Тема значения мировых войн в истории объединяет оба исследования, однако замысел труда о Второй мировой войне, вышедшего в свет в апреле 2020 г.², существенно отличался от проблематики предшествующей работы. В основе новой книги – проблема структурной трансформации системы, перехода от многополярности к биполярности. Она связана с вопросом о закономерности или случайности концентрации мощи во все меньшем количестве центров силы по мере

¹ Там же. С. 12.

² Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру / под ред. Л. С. Белоусова, А. С. Маныкина. М., 2020.

развития системы международных отношений. Авторы рассматривают разворачивавшиеся накануне войны, в ее ходе и сразу после ее окончания процессы на уровне глобальной системы, региональных подсистем, отдельных государств. Сквозными являются сюжеты, связанные с эволюцией за время войны представлений государств об инструментах и способах обеспечения собственной безопасности, с оценкой роли военных, экономических, идеологических факторов в трансформации системы международных отношений.

Завершение масштабного труда о Второй мировой войне позволяет сосредоточить внимание на других серьезных задачах, которые стоят перед секцией в преддверии начала третьего десятилетия XXI в. Одной из них является дальнейшая корректировка и усовершенствование программ в условиях перехода на двухуровневую модель обучения – в бакалавриате и магистратуре, а также более активное привлечение молодых людей к научным исследованиям в аспирантуре. Возможно, стоит задуматься о подготовке к публикации уникальных, не имеющих аналогов в других вузах, спецкурсов. В научном плане перспективным выглядит расширение диапазона исследований теоретических проблем, таких как, например, международная и региональная безопасность, с опорой на конкретно-исторический материал, охватывающий период новой и новейшей истории.

Л. В. БАЙБАКОВА

ИСТОРИОГРАФИЯ

Со второй половины 1950-х гг. начинается отсчет преподавания истории исторической науки как учебной дисциплины на исторических факультетах университетов и педагогических вузов, но речь идет преимущественно об историографии античности, средних веков и истории России. Интерес к историографии нового и новейшего времени в качестве направления в области исследований и учебной дисциплины возникает только к началу 1960-х гг. по мере осознания необходимости историографических исследований в этой сфере. К тому времени в высших учебных заведениях сложилась практика чтения разнообразных курсов по историографии, однако серьезные историографические труды представляли большую редкость. Преобладали статьи, а не монографии, а их проблематика касалась революций в Европе, истории социалистической мысли и II Интернационала¹. Однако их количество было явно недостаточно для построения целостной марксистской концепции, что затрудняло создание каких-либо учебников или пособий.

Состоявшееся в декабре 1962 г. всесоюзное совещание историков, на котором обсуждались меры по улучшению подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам, обосновало важность повышения уровня преподавания истории на основе «ленинской партийности», усиления критики идейных противников из буржуазного лагеря². Дополнительным импульсом к улучшению преподавания историографии в высших учебных заведениях стало постановление ЦК КПСС 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию обществен-

¹ Колтаков А. Д. Ирландия в русской и советской исторической литературе // Новая и новейшая история. 1967. № 2. С. 138–144; Бендрикова Л. А. Французская историография революции 1848–1849 гг. во Франции (1848–1968). М., 1969; Орлова М. И. Основные направления буржуазной и социал-реформистской историографии ФРГ // Новая и новейшая история. 1977. № 4. С. 178–185; Застенкер Н. Е. Очерки истории социалистической мысли. М., 1985.

² Всесоюзное совещание историков // Вопросы истории. 1963. № 2. С. 3–33.

ных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве». Содержавшееся в директивных документах указание об активизации наступательной борьбы с буржуазной идеологией, антимарксизмом, ревизионизмом и догматизмом воспринималось в качестве первой обязанности советских ученых, имевших непосредственное отношение к исторической науке, особенно историографии, главной задачей которой считалось критическое осмысление идейной сущности зарубежной немарксистской литературы.

Преподаватели истфака, оперативно реагируя на руководящую директиву партии, заявили, что «изучение историографии новой и новейшей истории должно стать неотъемлемой частью исторического университетского образования». По их словам, не стоит ограничиваться изучением только учебников и рекомендуемой научно-популярной литературы по курсу новейшей истории, а следует уделять не меньшее внимание источникам и научным трудам, вокруг которых разворачиваются напряженные идейные дискуссии¹. Отсюда следовало, что разработка марксистского курса историографии была необходима, прежде всего, для использования методологических принципов исторического материализма в учебном процессе.

В становлении историографии новой и новейшей истории, как учебной дисциплины на кафедре, особую роль сыграли И. П. Дементьев и А. Д. Колпаков, которые на рубеже 1960–1970-х гг. приступили к чтению соответствующего курса лекций. Одновременно в 1967–1968 гг., вместе с другими сотрудниками кафедры под руководством И. С. Галкина², они приняли участие в подготовке соответствующего 2-х томного учебного пособия³. Авторскому коллективу пришлось идти по ранее непроторенному пути, итогом чего стало создание первого в нашей стране обобщающего исследования по историографии новой и новейшей истории стран Европы и Америки. Помимо членов кафедры (Л. А. Бендриковой, И. В. Григорьевой, Н. Е. Застенкера, И. П. Дементьева⁴, А. Д. Колпакова, Е. Ф. Язькова), к написанию пособия были привлечены сотрудники научно-исследовательских институ-

¹ Галкин И. С., Сороко-Цюпа О. С. Преподавание новейшей истории в университетах // Вопросы истории. 1972. № 7. С. 125–130.

² См. главу Т. В. Никитиной об И. С. Галкине в разделе II.

³ Историография нового времени стран Европы и Америки. Учеб. пособие для ун-тов и пединститутов. М., 1967; Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. Учеб. пособие для ун-тов и пединститутов. М., 1968.

⁴ См. главу И. Ю. Хрулевой об И. П. Дементьеве в разделе II.

тов (М. С. Альперович, И. М. Белявская, И. Р. Григулевич, Н. А. Ерофеев, В. А. Дунаевский, А. Н. Глинкин, В. Л. Мальков, Г. С. Филатов, М. Н. Машкин), ученые стран социалистического содружества.

Главная цель учебных пособий, по словам самих авторов, состояла в изложении основ марксистско-ленинского понимания историографии... как истории того раздела исторической науки, который изучает конкретный ход развития капитализма и буржуазного общества на всех стадиях его становления, утверждения, расцвета, а затем начала загнивания»¹. В первом томе был рассмотрен период с XV в., создавшего гуманистическую историческую мысль эпохи Возрождения, до начала XX в., а второй том, поделенный на две части, хронологически охватывал период от октябрьской революции 1917 г. до середины 1960-х гг. Главное место в них заняло обоснование идейного противоборства марксизма-ленинизма и буржуазной науки в методологическом плане, поэтому значительное место в учебных пособиях отводилось анализу советской историографии, выделению ее главных этапов, начиная с исторического материализма, созданного К. Марксом и Ф. Энгельсом, до первых шагов, предпринятых В. И. Лениным, инициировавших создание таких научно-исследовательских центров, как Институт Красной профессуры. Важность изучения ленинского наследия была ярко продемонстрирована в главе под названием «В. И. Ленин о проблемах новой и новейшей истории», написанной Галкиным.

Авторам пособий удалось создать достаточно полную картину развития советской историографии, для чего ими были проанализированы фундаментальные труды различных поколений ученых, начиная от В. П. Волгина и кончая А. С. Ерусалимским. Им важно было показать, что «советская историческая наука, опираясь на самую передовую и единственно научную методологию марксизма-ленинизма», особое внимание традиционно уделяет буржуазным революциям, крестьянским и городским национально-освободительным движениям, истории социалистических идей, теории научного коммунизма, международного социалистического движения и т. д.² Исходя из такого сугубо классового подхода, пособия содержали специальные разделы, посвященные становлению и развитию историографии стран социализма (Болгарии,

¹ Историография нового времени стран Европы и Америки. Учеб. пособие для ун-тов и пединститутов. М., 1967. С. 151.

² Зайцев В. Я., Макаренко А. А., Тарбинская И. Я. Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки // Вопросы истории. 1969. № 7. С. 156–159.

Польши, ГДР, Венгрии, Румынии, Югославии, Чехословакии и Кубы), где в результате народно-демократических революций произошел крах буржуазной историографии, на смену которой пришла марксистско-ленинская интерпретация исторического процесса. В этой связи более скромной оказалась трактовка буржуазной историографии в главных капиталистических странах (Великобритании, Франции, Италии, Германии и США), а критерий отбора ряда стран Латинской Америки, представленный в работе, не был четко аргументирован.

Учебные пособия в целом получили высокую оценку научной общественности. По словам рецензентов, «без преувеличения можно сказать, что публикация этого издания... ставит преподавание курса историографии на новый более высокий уровень и обеспечивает преподавателей хорошо систематизированным, тщательно отобранным и обобщенным материалом»¹. В качестве пожелания настоятельно рекомендовалось опубликовать сравнительно краткий учебник по историографии нового и новейшего времени (с учетом тематического принципа изложения) и одновременно – более подробный фундаментальный курс лекций, предназначенный, в первую очередь, для преподавателей и научных работников.

В 1970 г. Ломоносовской премии был удостоен И. С. Галкин, как глава коллектива авторов учебных пособий, допущенных Министерством высшего и среднего образования СССР для изучения на исторических факультетах вузов. В обосновании столь высокой награды указывалось, что «работа представляет собой обобщающее исследование развития исторической мысли и исторической науки в Европе и Америке по проблемам новой и новейшей истории... Новым был подход к историографии, представляющий не изучение отдельных событий, а изложение поступательного развития исторической науки с вычленением социальной основы исторического знания, методологии, методики с анализом научного творчества влиятельных историков»².

Важным рубежом в обосновании значимости данного направления в науке и педагогическом процессе стали решения Всесоюзной конференции преподавателей историографии истории СССР и всеобщей

¹ Болховитинов Н. Н., Дунаевский В. А. Историография нового времени стран Европы и Америки // Вопросы истории. 1969. № 7. С.151–155.

² Ломоносовская премия – 1970 г.: И. С. Галкин // Летопись Московского университета. URL: <http://letopis.msu.ru/content/lomonosovskayapremiya-1970-isingalkin> (дата обращения: 01.02.2020).

истории университетов и педагогических институтов, состоявшейся в 1973 г. Дискуссии велись об определении места историографии в системе исторических дисциплин, выявления тесной взаимосвязи двух ее аспектов – научно-исследовательского и педагогического. Следуя рекомендации конференции о создании профильного учебника, коллектив кафедры новой и новейшей истории истфака МГУ подготовил новое издание по историографии, допущенное Министерством высшего и среднего образования СССР в качестве учебника для студентов исторических факультетов¹.

В его основу было положено двухтомное пособие, вышедшее в 1967-68 г., но материал был тщательно переработан и дополнен новыми главами, хотя по объему оно оказалось в три раза меньше своего предшественника. Члены кафедры новой и новейшей истории (А. В. Адо, Н. Е. Застенкер, И. П. Дементьев, А. Д. Колпаков, В. П. Смирнов под руководством И. С. Галкина) составили костяк авторов. К написанию раздела «Становление и рост марксистско-ленинской исторической науки в социалистических странах» были привлечены сотрудники кафедры истории южных и западных славян истфака, научно-исследовательских институтов АН СССР, ученые из ГДР.

Новшеством учебника явилось четкое определение понятия историография, понимаемого как процесс «становления и развития исторической науки». В частности утверждалось, что «историография изучает содержание и форму исторических знаний, позволяет раскрыть движущие силы исторической науки, основные ее этапы, тенденции развития». Значительный интерес представляло наличие в учебнике таких важнейших категорий историографического анализа, как «течение», «направление» и «школа», вычленяемых на основе «теоретико-методологических принципов исторического познания, присущих каждому направлению исторической мысли»². Учебник был поделен на две части, водоразделом между которыми выступала октябрьская революция 1917 г., но при этом у каждого раздела имелось введение, в котором были обозначены наиболее важные тенденции в развитии исторической науки.

Сильная сторона учебника была связана с подробным разбором достижений советской историографии и марксистско-ленинской тра-

¹ Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1977.

² Там же. С. 5–6.

диции в социалистических странах, а также выявления основных вех в формировании марксистских научных школ в капиталистических странах (особенно в Италии и Франции). Главная мысль, проходящая красной нитью через весь текст учебника, состояла в обосновании противоборства марксистско-ленинской парадигмы с буржуазной историографией, подверженной идейно-методологическим шатаниям, отражавшим общий кризис капитализма. Между тем, в наши дни трудно согласиться с точкой зрения авторитетных ученых, утверждавших в соответствии с директивными партийными документами, что для исторической литературы подобного рода характерны «неверие в общественный прогресс, отказ от идеи закономерности в развитии человечества, обращение к узким и частным темам»¹.

Научная общественность в целом благосклонно приняла появление нового университетского учебника по историографии, заявив, что он призван оказать «стимулирующее влияние на дальнейшее развитие этой отрасли исторического знания»². Его практический итог был весом: на всех исторических факультетах пединститутов в 1973–1974 гг. был введен типовой учебный план по историографии новой и новейшей истории в объеме 50 часов, что свидетельствовало о повышении качества преподавания спецдисциплины в высшей школе.

К началу 1970-х гг. с накоплением определенного опыта сложилось более или менее общепринятое понимание историографии как предмета исследований и учебной дисциплины, содержание которой было сведено к «эволюции исторической мысли, анализу ее теоретических основ, выяснению развития проблематики исторических исследований, характерной для различных эпох и направлений»³. Правда, обобщающих историографических работ выпускалось мало. Исключение составил труд И. С. Галкина, вышедший в 1977 г. под названием «В. И. Ленин и развитие советской историографии новой и новейшей истории стран Европы и Америки»⁴. Приуроченный к 60-летию октябрьской революции, он подвел итоги изучения новой и

¹ Там же. С. 284.

² *Остальцева А. Ф., Парфенов И. Д.* Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки // *Вопросы истории.* 1979. № 9. С. 152–155.

³ *Нарочницкий А. Л.* О преподавании историографии в высшей школе // *Вопросы истории.* 1973. № 6. С. 3–15.

⁴ *Галкин И. С.* В. И. Ленин и развитие советской историографии новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1977.

новой истории в СССР, рассматриваемые в органической взаимосвязи с развитием марксистско-ленинской науки в целом. Среди работ коллег по кафедре преобладали исследования, сделанные в основном в русле проблемной историографии отдельных стран. Так, монография В. С. Посконина была посвящена рассмотрению причин студенческих волнений в 1968 г. в трудах французских историков и публицистов¹. Объектом изучения кафедральных германистов стала немарксистская историография: А. И. Патрушев изучал труды ученых неолиберального направления в ФРГ, а М. И. Орлова – эволюцию буржуазных концепций ноябрьской революции 1918–1919 гг.² Однако таких работ было немного, а потребности учебного процесса заставляли сотрудников кафедры вновь и вновь обращаться к проблемам общей историографии.

В 1990 г. под редакцией И. П. Дементьева вышло новое пособие по историографии³. Его главным новшеством стал отказ от излишнего идеологизирования при познании исторического процесса, стремление к более объективной оценке результатов деятельности советских и зарубежных ученых. В виду дискуссионности новой трактовки ряда явлений, за читателем было оставлено право на критику, которую редакционная коллегия учебного пособия обязалась с благодарностью принять. Новизна учебного пособия состояла в переработке ряда глав с учетом критического переосмысления основ методологических подходов. По замыслу авторов планировалось издать два тома: в первом – рассмотреть динамику исторической мысли от зарождения (XVI–XVIII вв.) до начала XX в., а во втором – показать эволюцию историографии с 1918 г. до середины 1990-х гг. И хотя по ряду объективных причин между их выпусками прошло 10 лет, оба тома объединяла единая авторская концепция.

В качестве дани прежней традиции существенное внимание было уделено становлению и развитию марксистской историографии. Однако присутствовавшая в прежних пособиях глава о «проблемах новой истории в трудах В. И. Ленина» была дополнена материалом о воз-

¹ *Посконин В. С.* Французская публицистика и историография «красного мая» 1968 г. М., 1982.

² *Патрушев А. И.* Неолиберальная историография ФРГ. Формирование, методология и концепции. М., 1981; *Орлова М. И.* Германская революция 1918–1919 гг. в историографии ФРГ. М., 1986.

³ *Историография истории нового времени стран Европы и Америки. Учебное пособие для студентов вузов.* М., 1990.

никновении марксизма, написанным И. В. Григорьевой, а также разделом о формировании материалистического понимания истории, подготовленным Н. Е. Застенкером и Н. Ю. Колпинским. Одновременно в учебнике был широко представлен материал страноведческих глав, принадлежавший перу видных исследователей – Н. А. Ерофеева (Англия), А. В. Адо (Франция), А. И. Патрушева (Германия), И. П. Дементьева (США), А. И. Строганова (Латинская Америка). Историография отдельных стран Европы и Америки была увязана с общими закономерностями развития исторической мысли.

Второй том учебного пособия, охватывающий период с 1918 г. до середины 1990-х гг., вышел в свет в 2000 г.¹ Его главными редакторами выступали А. В. Адо, И. П. Дементьев и А. И. Патрушев, а членами редколлегии – И. В. Григорьева, Г. И. Зверева и В. В. Согрин. По мнению авторов, существенные изменения в общественно-политической жизни нашей страны, прошедшие между публикацией двух томов, создали основу для идейного плюрализма, что оказало глубокое влияние на историческую науку, органически включенную в жизнь современного общества. Перед отечественными исследователями встала настоятельная потребность в формировании нового понимания истории на основе творческого диалога с зарубежными учеными. В частности, при анализе советской историографии авторы сочли целесообразным отойти от представления о марксизме как единственно научной методологии социально-исторического познания и показать, что во всех странах Европы и Америки при сохранении определенной национальной специфики наблюдались сходные явления, позволяющие говорить о складывании единой мировой науки, органической частью которой становилась российская историография. Исходя из данной методологической установки, были определены не только основные историографические направления, но и проанализировано творчество ведущих историков, внесших существенный вклад в развитие исторической мысли. Учебное пособие, выдержавшее несколько переизданий, ныне входит в список обязательной литературы, необходимой для подготовки студентов к экзамену.

Новая программа по историографии, в написании которой участвовали многие сотрудники кафедры новой и новейшей истории, поя-

¹ Историческая наука в XX веке. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки. Учебное пособие для студентов вузов. М., 2000.

вилась только в 2009 г.¹ В феврале 2010 г. учебно-методический совет по истории и искусствоведению УМО по классическому университетскому образованию допустил ее в качестве учебно-методического пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «история».

В начале XXI в. существенно изменился статус историографии истории нового и новейшего времени, изучаемой ныне в качестве особой академической дисциплины не только во многих университетах страны, но и за рубежом. Соответствующий лекционный курс занял важное место в учебном процессе кафедры новой и новейшей истории на истфаке. После смерти Колпакова (1978 г.) и Дементьева (1998 г.) сменился состав его лекторов. Им на смену пришли А. И. Патрушев и А. В. Тырсенко. С 2010 г. чтение спецдисциплины обеспечивается сменяющимися друг друга лекторами – Л. В. Байбаковой и А. Ю. Ватлиным, Т. А. Некрасовой и И. Е. Андроновым, защитившим докторскую диссертацию на тему «Межконфессиональная полемика в западноевропейской церковной историографии XVI века», которая была опубликована в 2019 г. в виде монографии².

¹ Байбакова Л. В., Ватлин А. Ю., Тырсенко А. В. История исторической науки. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки. Программа учебной дисциплины. М., 2009.

² Андронов И. Е. Межконфессиональная полемика в западноевропейской церковной историографии XVI в. М.–СПб., 2019.

РАЗДЕЛ II. НАШИ КОЛЛЕГИ И УЧИТЕЛИ

А. В. ЛАЗАРЕВА

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ЛУКИН И СОЗДАНИЕ КАФЕДРЫ НОВОЙ ИСТОРИИ

За Николаем Михайловичем Лукиным (1885–1940 гг.) в историографии прочно закрепилось имя «организатора исторического образования в нашей стране в первые годы революции»¹. На долю Н. М. Лукина действительно выпала основная работа по созданию фундамента исторического образования в СССР в 20–30-е гг. XX в. Несмотря на то, что сегодня в адрес научного наследия Н. М. Лукина чаще слышатся критические замечания², его исследования неотъемлемы от советской литературы по западноевропейской истории нового времени благодаря тому, что Лукин стал основателем целой школы советских специалистов по новому времени. Не случайно, многие известные историки советского периода называли Н. М. Лукина своим учителем³. С именем Н. М. Лукина связана и первая страница развития кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

¹ *Авербух Р. А.* Н. М. Лукин – организатор подготовки советских историков // Европа в Новое и Новейшее время. Сб. статей памяти Н. М. Лукина. М., 1966. С. 55. Ср. с: *Галкин И. С.* Н. М. Лукин – историк, революционер, ученый. М., 1984. С. 190–197; *Манфред А. З.* Н. М. Лукин // Европа в Новое и Новейшее время. С. 10; *Дунаевский В. А., Цфасман А. Б.* Николай Михайлович Лукин. М., 1987. С. 4; *Чудинов А. В.* Историк воюющий: Н. М. Лукин // Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. Саратов, 2006. С. 199–250. С. 199.

² *Чудинов А. В.* Историк воюющий: Н. М. Лукин // Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. Саратов, 2006. С. 199–250. Ср. с: *Он же.* Н. М. Лукин у истоков советской историографии // Французская революция: история и мифы. М., 2007. С. 14.

³ См., например, воспоминания о Лукине *И. С. Галкина, Р. А. Авербух.* К школе Лукина принадлежали В. М. Далин, А. В. Ефимов, А. З. Манфред, И. И. Минц и др.

Лукин заложил целый ряд традиций, которые кафедра соблюдает и сегодня. Во-первых, он всегда призывал к добросовестной работе с источниками и литературой. Как вспоминал профессор И. С. Галкин, ученик, первый обстоятельный биограф Лукина и заведующий кафедрой новой и новейшей истории в 1953–1980 гг.: «Лукин учил своих питомцев, что труд историка, если он претендует на научность, должен основываться на: 1) исчерпывающем изучении библиографии исследуемой проблемы; 2) учете ее историографии; 3) добытой документации (во избежание компилятивности)»¹. Во-вторых, он всегда был уверен, что историки, занимающиеся проблемами истории Запада обязательно должны работать в зарубежных архивах и библиотеках. «Николай Михайлович боролся против, как он сам выражался, «безъязычности». <...> Н. М. Лукин добивался заграничных командировок <...> для специализировавшихся по всеобщей истории. <...> Я не встречал среди них (т.е. побывавших в длительных заграничных командировках – А. Л.) ни одного, кто бы пожалел о требовательности в этом вопросе Н. М. Лукина», – вспоминал другой коллега и ученик Н. М. Лукина, академик И. И. Минц². В-третьих, и это до сих пор всегда подчеркивается на кафедре новой и новейшей истории, Н. М. Лукин всегда был требователен как к своим текстам, так и к научным сочинениям своих студентов и аспирантов: «Аспиранту, заявившему, что ему надоело перерабатывать свою диссертацию, Лукин», – по воспоминаниям Галкина, – «спокойно сказал: «Батенька, вы не туда попали»³.

* * *

Н. М. Лукин родился 8 (20) июля 1885 г. в семье скромного учителя начальной школы и дочери отставного подполковника в подмосковном селе Кусково. Он был старшим сыном, с которым родители связывали свои главные надежды, не жалея денег на его образование⁴. В 10 лет Н. М. Лукин поступил в Московскую прогимназию, в которой он учился на протяжении 6 лет. Среднее образование он закончил в 1903 г. в Московской 2-ой гимназии – одном из самых известных

¹ Галкин И. С. Указ. соч. С. 192.

² Минц И. И. О Н. М. Лукине – преподавателе. // Европа в Новое и Новейшее время. С. 61.

³ Галкин И. С. Указ. соч. С. 194.

⁴ Дунаевский В. А., Цфасман А. Б. Указ. соч. С. 125.

Здание Московской 2-ой гимназии, в которой учился Н. М. Лукин, в начале XX в. Почтовая открытка начала XX в.

учебных заведений дореволюционной России. Гимназия славилась своей фундаментальной библиотекой, особым вниманием к преподаванию гуманитарных дисциплин. Ее выпускниками были и известный зоолог Н. В. Насонов, и знаменитый октябрист А. И. Гучков, и современник и коллега Н. М. Лукина историк академик М. Н. Покровский. Этот список можно было бы значительно увеличить. Документы свидетельствуют, что Н. М. Лукин был блестящим учеником, одним из немногих выпускников гимназии, получившим по окончании золотую медаль¹. Один из самых известных биографов Лукина, историк В. А. Дунаевский замечает: «Аттестат зрелости, полученный Лукиным, свидетельствовал о его «образцовой любознательности» и отличных оценках по всем предметам за время обучения и выпускным экзаменам (общим числом – 19): «Во внимание к постоянно отличному поведению, вниманию и прилежанию и отмеченным успехам в науках, – указывалось в аттестате, – педагогический совет постановил наградить его золотой медалью»².

¹ Центральный государственный архив города Москвы (далее ЦГА). Ф. 111. Оп. 4. Д. 8. Л. 26.

² Дунаевский В. А. Николай Михайлович Лукин // «Портреты историков. Время и судьбы». В 2-х т. М. – Иерусалим, 2000. Отв. ред Г. Н. Севостьянов и Л. Т. Мильская. Т. II. Всеобщая история. С. 310–321. С. 310.

После окончания гимназии Н. М. Лукин поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Как позже вспоминал историк академик Н. М. Дружинин – коллега и единомышленник Лукина в 20–30-е гг., в это же время учившийся на том же факультете, «историко-филологический факультет требовал больше инициативы и самостоятельности от учащихся. <...> Однако на факультете оставалась группа видных ученых, у которых можно было с пользой заниматься, не жертвуя самостоятельными взглядами и выработанными методами»¹. «Самостоятельность взглядов» Лукина в тот период уже находилась в фарватере российской социал-демократии.

*Н. М. Лукин в студенческие годы**

В 1904 г. он вступил в РСДРП (б) и вскоре был одним из руководителей Бюро социал-демократической фракции Московского университета. На протяжении всей учебы в университете Н. М. Лукин параллельно активно вел подпольную революционную работу, в 1907 г. за участие в нелегальном собрании был арестован на 3 месяца², однако в 1908 г. уже восстановился на историко-филологическом факультете. Несмотря на то, что партийная работа отнимала много времени и сил – Лукин рано стал истинным убежденным пламенным революционером³ – он по-прежнему блестяще осваивал учебный курс. Из профессоров факультета первого десятилетия XX в. особой популярностью пользовался Р. Ю. Виппер (1859–1954) – ученик В. И. Герье и В. О. Ключевского, один из ведущих специалистов по всеобщей истории того времени, человек огромной эрудиции и обаяния. Виппер

¹ Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка. М., 1979. С. 21–22.

* Фото из статьи А. З. Манфреда «Н. М. Лукин» // Европа в Новое и Новейшее время. С. 9.

² Дружинин Н. М. Н. М. Лукин в большевистском подполье // Европа в Новое и Новейшее время. С. 51. Дружинин приводит факсимильный оттиск письма-справки Московской охранки в университет об аресте Лукина в 1907 г. (см. с. 52–53).

³ Галкин И. С. Указ. соч. С. 192. Ср. с Дружинин Н. М. Н. М. Лукин в большевистском подполье. С. 49; Манфред А. З. Указ. соч. С. 8.

«соединял в себе обширные и разносторонние знания, способность самостоятельно и тонко мыслить; при этом у него была спокойная и в то же время увлекающая форма изложения. Курсы Р. Ю. Виппера по истории античного мира, новейшего времени, социальных идей, методологии исторической науки открывали перед нами широкие перспективы, возбуждали работу мысли, воспитывали навыки научно-исторического анализа», – вспоминал Н. М. Дружинин¹. Те основы методов исторических исследований, которые в будущем Н. М. Лукин старался передать своим ученикам, были привиты ему именно Виппером. Лукин посещал семинары Виппера по античной и новой истории, запоминавшиеся своими жаркими прениями и яркими докладами, которые делали студенты под внимательным руководством Виппера². Благодаря семинарам Виппера оформился магистральный интерес Лукина-студента к проблемам новой истории западноевропейских стран, которым он посвятил всю свою научную жизнь. Виппер высоко оценивал исследовательский потенциал Лукина, в частной беседе с профессором И. С. Галкиным, спустя 38 лет, Виппер вспоминал о нем очень тепло: «С ним было полезно и интересно заниматься. Он много читал, ценил источники, погружался в их анализ»³. Р. Ю. Виппер стал научным руководителем Лукина при подготовке дипломной работы, которая была посвящена проблеме падения Жиронды во время Французской революции⁴. «Я знаком был с работами Ип. Тэна и его антипода Альфонса Олара о французской революции, но то, что было сказано в дипломном сочинении Н. Лукина, – это было оригинально», – впоследствии вспоминал Р. Ю. Виппер⁵. За дипломную работу Н. М. Лукин получил факультетскую премию.

После окончания историко-филологического факультета в 1909 г., Н. М. Лукину по ходатайству Виппера предложили остаться при кафедре всеобщей истории для подготовки к преподавательской деятельности⁶. В течение почти 6 лет – срок более долгий, чем

¹ Дружинин Н. М. Воспоминания. С. 22.

² Дружинин Н. М. Н. М. Лукин в большевистском подполье. С. 49.

³ Галкин И. С. Указ. соч. С. 54. Ср. с: Чудинов А. В. Историк воюющий. С. 201.

⁴ Подробный критический обзор этого сочинения дан в статье А. В. Чудинова «Н. М. Лукин у истоков советской историографии».

⁵ Цит. по: Галкин И. С. Ранние страницы революционной и научной деятельности Н. М. Лукина // Французский ежегодник. М., 1983. С. 235.

⁶ А. В. Чудинов метко проводит аналогию такого предложения с сегодняшней аспирантурой. (Чудинов А. В. Историк воюющий. С. 201).

обычно¹ – Лукин готовился к сдаче магистерских экзаменов, а в 1915 г. прочитал пробные лекции по древней и новой истории, которые были высоко оценены аттестационной комиссией, присудившей ему звание приват-доцента². О таланте Лукина-лектора, проявившемся в этот период, в дальнейшем вспоминал Ю. В. Готье, который был одним из экспертов комиссии, а в 1930-е работал на историческом факультете МГУ: «Они (лекции) поразили нас, экспертов, <...> не только эрудицией Н. М. Лукина, о которой мы уже знали по магистерским экзаменам, но структурой и характером прочитанных им пробных лекций. <...> Это была лекция, дающая необходимый фактический материал и возбуждавшая живой интерес студентов к освещаемой проблеме»³. В 1916–1917 гг. количество занятий в университете у Лукина было более, чем скромным – его лекционная нагрузка составляла лишь два часа в неделю. Параллельно он начал преподавать в Коммерческом училище Горбачева, Народном университете Шанявского и историко-теоретическом отделении Московской консерватории⁴. С накалом революционной ситуации в России Н. М. Лукин все сильнее уходил в пропагандистскую журналистскую деятельность, сотрудничал в газете «Социал-демократ» под псевдонимом Н. Антонов. Историк-франковед А. В. Чудинов, неоднократно обращавшийся в своих статьях к историческому наследию Н. М. Лукина, обратил внимание на то, что в 1916–1917 гг. Лукин не опубликовал ни одной научной работы, всецело сконцентрировавшись на революционной пропаганде⁵. В своих многочисленных пропагандистских статьях (свыше 50 работ) он неоднократно обращался к историческим примерам, стремясь поставить «на службу революционному пролетариату годами накопленные знания в истории»⁶. Лукин писал о милитаризме, о войне и мире, о революционной борьбе и тактике. Он давал оценки Временному правительству, сравнивая его с французской Директорией – «неустойчивой, колеблющейся властью своекорыстной, враждебной народу буржуазии»⁷.

¹ Там же.

² ЦГА. Ф. 418. Оп. 42. П. 19. Л. 69 об.

³ Цит. по: *Галкин И. С.* Н. М. Лукин... С. 58.

⁴ *Галкин И. С.* Указ. соч. С. 59.

⁵ *Чудинов А. В.* Историк воюющий.

⁶ *Манфред А. З.* Указ. соч. С. 8.

⁷ *Антонов Н.* Что такое директория? // Социал-демократ, 1 (28) сентября 1917 г. № 154. С. 2–3. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/43252-154-1-28-sen#mode/grid/page/1/zoom/6> (дата последнего обращения: 30.06.2019).

*Н. М. Лукин в 1915–1918 гг.**

В статьях Лукина сказывался талант хорошего лектора, который мастерски мог донести до аудитории главные мысли: благодаря четкой структуре повествования его выводы казались логичными и исчерпывающими, а исторические аргументы, интерпретированные в марксистском духе, служили не только яркими примерами, но и убедительными доказательствами. Историческое образование и тематика новой истории, которой занимался Лукин, были очень востребованными: вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом, лидеры большевиков, в первую очередь В. И. Ленин, при подготовке революции уделяли историческим аналогиям большое место. Лукин искренне разделял не только марксистский взгляд на Французскую революцию, которой он продолжал заниматься, но и на весь исторический процесс. После Великой русской революции 1917 г. Н. М. Лукин был приглашен для сотрудничества в главную большевистскую газету – «Правду», в которой он писал статьи «простым, доступным любому читателю языком, <...> излагал взгляды партии по острым вопросам «текущего момента». В ту пору решающих боев за укрепление и за самое сохранение республики Советов, когда борьба велась «винтовкой и листовкой», эти популярные брошюры, обращенные к народу, были особенно нужным и важным партийным делом»¹. Однако после революции главной задачей, которую поставила партия большевиков перед историками, стала организация нового исторического образования, построенного на марксистских принципах. Та часть университетских преподавателей, которая искренне и с большим энтузиазмом приняла революционные изменения, активно включилась в этот процесс. Н. М. Лукин, бывший к 1917 г. уже очень известным и давним членом партии, стал одним из руководителей формирования новой концепции мирового исторического развития на основах марксизма и одним из ведущих организаторов новой советской высшей школы.

¹ Манфред А. З. Указ. соч. С. 10.

* Фото из статьи А. З. Манфреда «Н. М. Лукин» // Европа в Новое и Новейшее время. С. 13.

В 1918–1919 гг. была реорганизована структура гуманитарных факультетов Московского и Петроградского университетов¹. Для развития гуманитарных наук в них были образованы ФОНы, то есть факультеты общественных наук, которые объединили исторические, филологические, литературные, а также экономические, юридические и статистические науки. В составе ФОНа Московского университета оказалось бывшее историческое отделение историко-филологического факультета университета, и одним из его первых преподавателей стал Н. М. Лукин². По воспоминаниям И. С. Галкина, новая советская власть старалась вытеснить из университета старых профессоров, негативно относившихся к революции, при этом не разрушив университет как очаг науки и культуры³, стремясь превратить его в идеологическую опору социализма. В 1920 г. была создана специальная комиссия под руководством революционера-историка Ф. А. Ротштейна, в которую вошли главные историки-марксисты того времени: М. Н. Покровский, В. П. Волгин, Н. М. Лукин и ряд других специалистов, для «создания системы переподготовки преподавателей высшей школы и выработки плана преподавания общественных наук»⁴. Выполняя поставленную задачу, комиссией Ротштейна вскоре были подготовлены необходимые учебные планы и программы, по которым началось обучение в открытых в 1921 г. Институте К. Маркса и Ф. Энгельса и Институте Красной профессуры (ИКП). Эти учебные программы, несмотря на неоднократные изменения в 1920-х – 1930-х гг., тем не менее стали основой новой методологии преподавания гуманитарных наук, и, в первую очередь, истории для всех учебных заведений СССР. В них отразилась как марксистская периодизация всемирной истории и новые акценты в самом курсе, так и, что особенно важно, структура преподавания истории. Н. М. Лукин был одним из тех, кто отстаивал сохранение деления преподавания на лекции и семинары, т.к., по его мнению, благодаря семинарским занятиям будущие преподаватели высшей школы во время своего обучения могли получить не только практические навыки работы, но и включиться в научную деятельность. В итоге в учебных программах было зафиксировано деление на лекционные и семинар-

¹ Летопись МГУ. 12.02.1918; 14.04.1919

² Летопись МГУ. Факультет общественных наук 1919–1925. URL: <http://letopis.msu.ru/facultet/obshchestvennyh-nauk-fon> (дата последнего обращения 1.07.2019).

³ Галкин И. С. Указ. соч. С. 74–75.

⁴ Там же. С. 73.

ские занятия, специальное время отводилось на изучение иностранного языка, древних языков, палеографии¹. Все это позволило создать каркас для будущего высшего исторического образования в СССР. Сам Лукин стремился превратить те семинарские занятия, которые он вел и в Историческом институте ФОНа МГУ, и в Институте Красной профессуры в настоящие научные лаборатории. Как вспоминал в 1960-х гг. А. З. Манфред, посещавший в конце 1920-х семинар Н. М. Лукина, это был «синтез громадных знаний и точнейшей организованности»². Лукин объяснял своим слушателям трудности работы с источниками, однако призывал их не бояться быть исследователями-первопроходцами: «В сущности у нас не будет предшественников, работа историка должна будет начинаться с установления фактов, за этим последует все остальное... И снова сняв пенсне и оглядев нас своим твердым и внимательным взглядом, Николай Михайлович коротко заключил: – Мне кажется, это будет интересная работа...»³.

С начала 1920-х гг. Н. М. Лукин начал получать назначения на ключевые посты в руководстве советскими историками. С 1921–1923 он занимал должность декана ФОНа МГУ. Он преподавал Новую историю в Социалистической (позднее Коммунистической) академии, Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова, Академии Генштаба РККА, Институте Красной профессуры, участвовал в преподавательской работе Ассоциации научных институтов общественных наук (АНИОН), созданной в 1924 г. на базе Института Истории ФОНа МГУ, а с 1926 г. – в работе еще одной структуры в системе советской высшей школы – в Институте истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), преобразованном из АНИОН, выведенном в 1929 г. из состава ФОНа МГУ и включенном в состав Комакадемии, где РАНИОН опять превратился в «Институт истории»⁴. Главными темами лекций и семинаров Н. М. Лукина были Парижская Коммуна 1871 г., история революционных армий, история Французской революции, немецкая социал-демократия в конце XIX – начале XX вв., Крестьянская война 1524–1526 гг.

¹ Программы и планы на 1935/1936 учебный год Института Красной профессуры. М., 1935. С. 5.

² Манфред А. З. Указ. соч. С. 16.

³ Там же. С. 17.

⁴ Галкин И. С. Указ. соч. С. 72. Ср. с Летопись МГУ.

*Н. М. Лукин среди коллег в 1933 г. на VII Международном конгрессе историков в Варшаве**

в Германии, французская социал-демократия рубежа веков¹. Широкую известность в кругах советских историков Н. М. Лукину обеспечил учебник «Новейшая история Западной Европы», вышедший в 1923 г., который, по выражению А. З. Манфреда стал «чем-то вроде знаменитых писем о Новом Свете Америго Веспуччи»². Многие поколения советских историков вслед за Манфредом указывали, что именно Лукину в этой работе удалось впервые дать целостную марксистскую концепцию исторического развития Европы со второй половины XVIII в.³ С 1926 г. Лукин вошел в редколлегия Большую советскую энциклопедию, выход первого тома которой известный советский журналист М. Кольцов сравнил с появлением во Франции «Энциклопедии» Ди-

¹ Труды Н. М. Лукина и литература о нем // Европа в Новое и Новейшее время. С. 67–72. Ср. с: *Лукин Н. М.* Избранные труды. В 3-х т. Под ред. В. М. Далина. М., 1963–1963.

* Фото из журнала «Борьба классов». 1933. № 10 (октябрь). С. 3.

² *Манфред А. З.* Указ соч. С. 3.

³ Там же. С. 6. Ср. с: *Галкин И. С.* Указ соч. С. 195; *Дунаевский В. А., Цфасман А. Б.* Указ соч. С. 26.

дро и Д'Аламбера¹. В главной редакции БСЭ Лукин руководил отделом новой и новейшей истории. Завоевав себе прочные позиции среди историков-марксистов, став одним из лидеров советской науки в 20-х гг. XX в., Н. М. Лукин вошел в Международный исторический комитет и представлял СССР на многочисленных международных конгрессах².

В 1929 г. он был избран академиком. По существовавшей в то время традиции, один из действующих членов Академии наук должен был сделать представление, с указанием заслуг нового кандидата. Для Н. М. Лукина такую работу проделал его единомышленник и коллега академик В. П. Волгин³. Волгин писал: «Николай Михайлович Лукин представляет собой редкий пример соединения в одной личности ученого и революционера»⁴. Он высоко оценил вклад Лукина в марксистскую историографию новой и новейшей истории западных стран и неоднократно подчеркнул, новаторский характер его научных трудов, умелый анализ источников и обоснованность выводов⁵. В своей небольшой брошюре В. П. Волгин подвел своеобразный итог научно-педагогической деятельности Н. М. Лукина в первое десятилетие существования советской власти. Он отметил не только публикацию многочисленных статей и монографий (за это время Н. М. Лукин написал около 10 статей на разные исторические сюжеты, опубликовал 6 монографий, включая 2 курса лекций и учебник по новейшей истории Западной Европы, бесчисленное количество рецензий на отечественную и зарубежную литературу по истории нового и новейшего времени, статьи в начавшей издаваться с 1926 г. Большой советской энциклопедии, пропагандистские статьи в газете «Правда»⁶), но и большой вклад Н. М. Лукина в преподавательскую и редакционную работу. В этом контексте Волгин особо отметил, что именно Н. М. Лукин был инициатором и главным организатором публикации сборников документов для преподавания истории в высшей школе, среди которых главное место принадлежало огромному, в 700 страниц, изданию «Револю-

¹ Кольцов М. Важный кирпич // Правда. 1926. № 5.

² Галкин И. С. Указ соч. С. 196. Ср. с: Отчет о... // Историк-марксист. 1937.

³ Волгин В. П. Записка об ученых трудах проф. Н. М. Лукина. М., 1929.

⁴ Там же. С. 65.

⁵ Там же. С. 66–68.

⁶ Труды Н. М. Лукина и литература о нем. С. 66–72. Ср. с: Лукин Н. М. Избранные труды.

*Н. М. Лукин с коллегами в 1930 г. Слева направо: Н. М. Лукин, Е. А. Мороховец, В. П. Волгин**

ционное правительство в эпоху Конвента»¹. Таким образом, начало 1930-х гг. Н. М. Лукин встретил ведущим специалистом по новой и новейшей истории в СССР.

Такой статус обусловил дальнейшие важные назначения на ключевые должности, которые последовали в 1931–1934 гг. В 1931 г. Н. М. Лукин стал заведующим кафедрой истории Запада МИФЛИ, в 1932 г. – возглавил Институт истории Комакадемии, в 1933 г. – получил должность главного редактора ведущего советского исторического журнала того периода «Историк-марксист»².

16 мая 1934 г. СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) приняли судьбоносное для дальнейшей организации исторического образования в СССР постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР», благодаря которому «в целях подготовки квалифицированных специалистов по истории с 1 сентября 1934 года» восстанавливались «исторические факультеты в составе Московского и Ленинград-

¹ Волгин В. П. Указ. соч. С. 69.

* Фото из статьи Р. А. Авербух «Н. М. Лукин – организатор подготовки советских историков» // Европа в Новое и Новейшее время. С. 57.

² О значении этого журнала для советской исторической науки подробнее см.: Ала-торцева А. И. Журнал «Историк-марксист» 1926–1941 гг. М., 1971.

ского университетов с контингентом осеннего приема на каждый из факультетов по 150 человек, установив срок обучения 5 лет»¹. После публикации этого постановления и в жизни советских историков, и в жизни Московского университета была открыта новая страница – с 1 сентября 1934 г. в МГУ был открыт исторический факультет в составе 5 кафедр – истории СССР, истории древнего мира, истории средних веков, новой истории, истории колониальных стран и зависимых народов².

Воссоздание истфака в МГУ было для Лукина делом глубоко личным. Он всегда подчеркивал, что он «прежде всего – профессор Московского университета, а потом академик»³. На новом факультете Лукин, к 1934 г. являвшийся общепризнанным лидером историков, занимавшихся проблемами зарубежной истории, возглавил кафедру новой истории. Лукин уже имел не просто большой опыт преподавательской деятельности, к 1934 г. профессиональными историками стал целый ряд его учеников, которые также работали в исторических институтах СССР. В 1934 г. на историческом факультете МГУ начали работать 69 преподавателей⁴. В первоначальный состав кафедры Лукин пригласил 6 человек: профессора Г. С. Фридлянда (он был назначен и первым деканом истфака), В. М. Далина, А. В. Ефимова, В. М. Хвостова, Х. Г. Лурье, С. Б. Кана⁵. По своим научным интересам первый состав преподавателей кафедры был весьма схожим. Главное место занимали история Франции и Германии. Сам Лукин, Фридлянд и Далин занимались проблемами Французской революции и французской социал-демократии, Кан – немецкой историей нового времени, с акцентом на ремесленные и крестьянские восстания, Хвостов – международными отношениями Германской империи эпохи Бисмарка, Лурье был специалистом по международному рабочему движению и Интернационалу. На этом фоне выделялась тематика Ефимова, который занимался вопросами американской истории нового времени. Среди

¹ Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК от 16 мая 1934 года. № 113

² Летопись МГУ. 16.05.1934.

³ Галкин И. С. Указ соч. С. 194.

⁴ Отчет о работе факультета за 1934/1935 учебный год // Архив МГУ. Ф. 9, оп. 9. Ед. хр. 3. С. 9.

⁵ Галкин И. С. Указ соч. С. 190. Галкин указывает, что в 1934 г. на кафедру было принято 7 сотрудников, упоминает еще П. С. Виноградскую. Ср. с: Отчет о работе факультета за 1934/1935 учебный год. С. 30.

Первые сотрудники кафедры новой истории. Слева направо: Г. С. Фридлянд, В. М. Далин, А. В. Ефимов

первых преподавателей кафедры, приглашенных Лукиным, было два его бывших студента: В. М. Далин и А. В. Ефимов посещали семинары Лукина в ИКП¹.

Ввиду острой нехватки профессиональных кадров, о чем говорилось в «Отчете о работе факультета за 1934/1935 уч.г.»², первые преподаватели, не имевшие за спиной диссертаций, тем не менее быстро получили ученые степени докторов и кандидатов наук, которые были присуждены им Квалификационной комиссией по кафедре новой истории³. Согласно учебному плану истфака, новую историю предполагалось читать на 3 курсе, а специализация по кафедрам начиналась лишь с 4-ого года обучения⁴. Для усиления кафедры и разнообразия ее научно-преподавательской тематики в 1935–1937 гг. Лукин пригласил историка-латиноамериканиста В. М. Мирошевского, профессором

¹ Манфред А. З. Указ соч. С. 16.

² Отчет о работе факультета за 1934/1935 учебный год. С. 7.

³ Протокол заседания квалификационной комиссии по кафедре Новой истории. От 3 ноября 1935 г. // Архив МГУ. Ф. 9, оп. 8. Ед. хр. 13. Лурье была присвоена степень «доктора исторических наук, звание профессора без защиты диссертации, на основании напечатанных работ»; Далину – степень «доктора исторических наук, звание профессора без защиты диссертации»; Хвостову – степень «кандидата исторических наук, звание и.о. профессора до защиты диссертации»; Ефимову степень «кандидата исторических наук, звание и.о. профессора без защиты диссертации»; Кану степень «кандидата исторических наук, звание доцента до защиты диссертации».

⁴ Отчет о работе факультета за 1934/1935 учебный год. С. 8.

*Н. М. Лукин. Середина 1930-х гг.**

Л. М. Иванова, имевшего степень кандидата экономических наук и разработывавшего в то время проблемы международных отношений времен Первой мировой войны, а также профессора М. С. Зоркого, известного своими работами по рабочему движению¹. Согласно протоколам и отчетам по кафедре новой истории за 1935–1936 гг., в это время к работе на кафедре присоединился и С. Д. Сказкин, разработывавший проблемы генезиса феодализма². Сам Лукин на протяжении своего заведования кафедрой с 1934–1938 г. совмещал эту работу с преподаванием в ИКП, руководством журналом «Историк-марксист», а с 1936 г. с постом ди-

ректора Института истории АН СССР, что не помешало ему активно включиться в организационно-педагогическую деятельность молодого факультета. По воспоминаниям своих коллег, Лукин «как руководитель <...> заслуживает высокой оценки»³.

Кафедра новой истории, как и весь исторический факультет, столкнулась в 1934 г. с рядом проблем, как в материально-технической, так и в научно-преподавательской сферах. «Помещение истфак получил только в половине июля 1935 г. (так в источнике – *А. Л.*) необходимо было прежде всего создать организационно-материальную базу для работы факультета, закупить необходимый инвентарь, собрать необхо-

¹ Галкин И. С. Указ соч. С. 191.

* Фотоархив РАН. URL: <http://www.ras.ru/nappelbaum/5374a8a5-33bc-4198-b49a-9d4e5eac8efc.aspx?hidetoc=1> (дата последнего обращения: 30.06.2019).

² Протокол заседания квалификационной комиссии по кафедре Новой истории. От 3 ноября 1935 г.; Отчет о выполнении плана научно-исследовательских работ кафедры истории Нового времени за 1935/1936 гг. // Архив МГУ. Ф. 9, оп. 8. Ед. хр. 15.

³ Нечкина М. В. О Лукине Николае Михайловиче // Дунаевский В. А. «Дело» академika Н. М. Лукина // Новая и новейшая история. 1990. № 6. С. 189.

димую научную литературу», – вот спектр хозяйственных проблем, на которые обращалось особое внимание по итогам первого года работы факультета¹.

Для кафедры новой истории особо острым стал вопрос о комплектации кабинета (т.е. библиотеки) кафедры, т.к. в 1934 г. ей «не пришлось воспользоваться каким бы то ни было «наследством». Библиотека (историко-филологического факультета – А. Л.) была частично присвоена ИФИ, частично растеряна»². Лукин, который в своей педагогической деятельности и работе со студентами всегда настаивал на максимально подробном изучении всей имеющейся по теме литературы³, понимал важность наполнения кафедральной библиотеки. Благодаря его авторитету, при распределении закупленных для факультета книг, кафедре новой истории досталось 6450 наименований, больше (6700) получила только кафедра истории СССР, бывшая в то время флагманом истфака по количеству преподавателей и слушателей⁴.

Коллектив кафедры новой истории под руководством Н. М. Лукина столкнулся с тем, что новая организация учебного процесса на факультете, который претендовал стать самым востребованным среди других гуманитарных факультетов в советском государстве, диктовала необходимость возвращения определенных дореволюционных традиций преподавания, подразумевавшее четкое, продуманное ведение не только семинарских, но и лекционных курсов, внимание к иностран-

*Здание истфака в 1934 г.**

¹ Отчет о работе факультета за 1934/1935 учебный год. С. 1.

* Архив Центра историко-градостроительных исследований (ЦИГИ). URL: <https://pastvu.com/p/63802> (дата обращения 30.06.2019).

² Там же.

³ Авербух Р. А. Указ. соч. С. 56.

⁴ Отчет о работе факультета за 1934/1935 учебный год. С. 5.

ным и древним языкам. В учебном плане первого курса стояла латынь и европейские иностранные языки¹. Для Лукина и его кафедры изучение этих предметов играло важную роль, т.к. своим ученикам Лукин всегда указывал на необходимость работы с историографией на иностранном языке, такой насущной для специалиста по всеобщей истории². Пять лет лекций и семинаров должны были дать студентам представление о всемирном историческом процессе, в котором одна эпоха сменяла другую. Для чтения курсов лекций требовался наглядный материал – карты. За первый год своей работы кафедра подготовила 6 карт по новой истории – «Европа в 1720 г.», «Разделы Польши», «Отклики революции 1830 г. в Западной Европе», «Таможенный союз 1834 г. в Германии», «Битва при Вальми», «Европа 1815 г.»³.

В 1937–1938 учебном году Лукин читал курс новой истории для 3 курса исторического факультета. «Словно сейчас мы видим за кафедрой актового зала университета на Моховой улице (ныне проспект Маркса) Николая Михайловича Лукина: невысокий рост, большой лоб, поблескивают очки, целеустремленный вперед волевой взгляд; как всегда подтянутый, собранный, изредка нервно покашливающий. Просто, не спеша, читает лекцию, в которой пульсирует творческая беспокойная, революционная мысль. Лукин говорил искренне, суждения его отличались строгой научной глубиной и той убежденностью, которая так свойственна большевикам. Таким же неистовым предстал Лукин и в выступлениях на многочисленных диспутах в Комакадемии, в ИКП, в Обществе историков-марксистов в Московском университете»⁴.

Профессор кафедры истории СССР М. В. Нечкина, которая была тесным образом связана в своей работе с Лукиным, вспоминала, что «хотя по внешнему виду Н. М. Лукин и был несколько угрюм и очень сдержан, он тем не менее был прост в обращении и вполне доступен для сотрудников»⁵. В своих дневниках Нечкина подчеркивала высокую эмоциональность Н. М. Лукина, иногда характеризуя встречи с ним как очередное «бурное свидание»⁶.

¹ Там же. С. 9; 16.

² *Авербух Р. А.* Указ. соч. С. 56.

³ Список исторических карт и хронологических таблиц, изготовленных историческим факультетом МГУ // Отчет о работе факультета за 1934/1935 учебный год. С. 2.

⁴ *Галкин И. С.* Указ соч. С. 191.

⁵ *Нечкина М. В.* О Лукине Николае Михайловиче. С. 189.

⁶ *Нечкина М. В.* «И мучилась, и работала вероятно». Дневники М. В. Нечкиной. М., 2013. С. 338.

Членский билет общества историков-марксистов, одним из организаторов которого был Н. М. Лукин.

По замыслу Н. М. Лукина семинары должны были привить студентам навыки аналитической работы с источниками. Однако у кафедры новой истории в тот период практически не было переведенных на русский язык исторических документов по истории Запада. Если кафедра истории СССР могла взять на вооружение письменные памятники на родном языке, то преподаватели кафедры новой истории, в первую очередь сам Николай Михайлович, взялись за подготовку переиздания хрестоматии, которую Лукин и его коллеги опубликовали впервые еще в конце 1933 г. Обновленная хрестоматия должна была стать одной из основ для проведения семинарских занятий по курсу новой истории. Хрестоматия «Новая история в документах и материалах (часть 1)», только в 1934 г. выдержала 2 издания, несмотря на свои гигантские тиражи в 150 тыс. экземпляров¹. Как замечал сам Лукин в предисловии ко 2-ому изданию, «лучшим доказательством полезности пособия по общему курсу новой истории для вузов является большой спрос на

¹ Новая история в документах и материалах. Под редакцией Н. М. Лукина и В. М. Далина. Изд. 2-ое, дополненное. М., 1934. С. 408.

него. Тираж первого издания быстро разошелся. Пришлось спешно подготовить новое издание»¹. Второе издание заметно отличалось от первого: значительно расширялся хронологический и тематический охват. Именно эта хрестоматия должна была теперь использоваться на истфаке в преподавании новой истории. Основными авторами сборника стали коллеги Н. М. Лукина по кафедре – В. М. Далин, С. Б. Кан, А. В. Ефимов, В. М. Хвостов. При работе над хрестоматией четко проявились взгляды Лукина на периодизацию новой истории, проблеме, которая в 30-е гг. XX в. ярко заявила о себе во время научных дискуссий². Для Лукина новая история начиналась с Английской революции XVII в., а заканчивалась началом 1920-х гг., то есть временем после Первой мировой войны и Ноябрьской революции в Германии³. Основной упор в хрестоматии делался на «историю рабочего и революционного движения»⁴, однако в реальности она содержала в себе весьма обширный круг документов, среди которых были такие как письмо испанца об английской торговле, датированное 1568 г., различные королевские патенты XVII в., выдержки из английского журнала заседания палаты общин, Кобленцкий манифест герцога Брауншвейгского 1792 г., целая подборка документов о Наполеоне. Таким образом, хрестоматия по новой истории действительно обеспечивала студентов-историков самым насущным – первоисточниками, наличие которых, в свою очередь, «предоставляло возможность руководителю семинара создавать импульсы для самостоятельной работы студента и развивать в нем научно-исследовательские навыки»⁵. В дальнейшем эти документы активно использовались в работе кафедральных семинаров, о чем свидетельствуют не только те, кто их посещал⁶, но и тот факт, что до сегодняшнего дня в библиотеке кафедры сохранилось 8 экземпляров 2-ого издания этой первой, изданной Лукиным, хрестоматии.

¹ Лукин Н. М. Предисловие ко второму изданию. // Новая история в документах и материалах. С. III.

² Лукин Н. М. Доклад о периодизации «Всемирной истории» // Историк-марксист. 1937.

³ Новая история в документах и материалах. Т. I–II.

⁴ Лукин Н. М. Предисловие к первому изданию. // Новая история в документах и материалах. С. II.

⁵ Совещание исторических факультетов и исторических институтов // Историк-марксист. 1935. № 5–6. С. 167.

⁶ Галкин И. С. Записки ректора Московского университета. М., 2004. С. 88.

Помимо отсутствия опубликованных и доступных документов по новой истории, другой важнейшей проблемой, которую предстояло преодолеть Н. М. Лукину и его соратникам по кафедре, являлось отсутствие учебника по новой истории. Как отмечал Г. С. Фридлянд в статье, вышедшей в «Историке-марксисте» по итогам всесоюзного совещания исторических факультетов в 1935 г.: «Приходится констатировать полное отсутствие учебников по различным разделам истории для высшей школы. У нас нет учебников и даже необходимых учебных пособий; старая литература, имеющаяся в распоряжении наших библиотек в недостаточном числе, не может ни количественно, ни качественно удовлетворить студенческую аудиторию»¹. Первый год на истфаке «стенографировались лекции, перепечатывались отдельные главы из буржуазных учебников и т.д.»². В 1934 г. под руководством Н. М. Лукина была сформирована комиссия по подготовке учебника для средней школы³, а параллельно началась работа над учебником для вузов⁴. Н. М. Лукин понимал, какая трудная и большая работа предстояла в этой связи. Ему предстояло подобрать коллектив авторов, которые смогут выполнить ее достойно. Он воспринимал работу над учебниками как безусловно идеологическую. «Для наших ребят важны не даты царствования просто Вильгельмов или Фридрихов-Вильгельмов, нам важно знать, когда жил и умер Маркс, Лютер. Здесь нужно остерегаться, как бы не перегнуть палку, и в погоне за ... (отточие в тексте стенограммы – А. Л.) не дать неправильных установок. Нужно остерегаться, чтобы в новом стабильном учебнике преобладали все эти даты царствований, войн, битв и т.д. Все это надо очень умело сочетать», – такие цели ставил Лукин при подготовке новых учебников истории⁵. Безусловно, школьный и университетский учебники отличались друг от друга и количеством фактов, и наглядностью, и языком подачи материала, однако в акцентах, хронологии и марксистской интерпретации исторических событий они были едины. Конспект учебника для

¹ Фридлянд Ц. К итогам совещания исторических факультетов. // Историк-марксист. 1935. № 5–6. С. 165.

² Совещание исторических факультетов и исторических институтов // Историк-марксист. 1935. № 5–6. С. 168.

³ Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК от 16 мая 1934 года. № 113.

⁴ Из стенограммы совещания наркома просвещения РСФСР А. С. Бубнова с историками о стабильном учебнике. 08.03.1934 // ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2177. Л. 1–35. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 5.

средней школы, над которым работала группа Н. М. Лукина, был подготовлен менее, чем за 3 месяца, хотя лично он возражал против спешки: «Но что касается написания определенных учебников, боюсь, что в этом году вряд ли удастся кого-нибудь из товарищей, взявших на себя целый ряд и других обязательств, заставить написать учебник. Но повторяю, что от такого рода работы [никто] ни в коем случае не отказывается и готов взять ее», – говорил Лукин на заседании в Наркомпросе весной 1934 г.¹ 9 августа 1934 г. специальная комиссия ЦК ВКП (б), в составе И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова высказала свои замечания по поводу этого конспекта, которые стали основополагающими для дальнейшего преподавания новой истории не только в школах, но и в вузах СССР. Важнейшими вопросами, которые были «разъяснены» партией историкам-новистам, были вопросы, связанные с периодизацией новой истории и содержательным наполнением ее ключевых определений.

Сталин, Жданов и Киров «рекомендовали» начинать новую историю Французской революцией, а заканчивать ее 1934 г.² Это шло вразрез с теми хронологическими представлениями, сторонником которых Лукин оставался всю свою жизнь³. Первые главы Конспекта учебника были посвящены борьбе Республики Соединенных провинций за независимость и революции в Англии в середине XVII в. Однако «подробное изложение событий нидерландской и английской революций» теперь было необходимо отнести «к концу учебника средней истории»⁴. Таким образом, из конспекта учебника по новой истории исчезли первые 6 глав⁵, превратившись «в краткое введение»⁶. Основное внимание в курсе новой истории сконцентрировалось на Французской революции, пример которой должен был подчеркивать «всю глубину разницы и противоположности» «между революцией буржуазной и социалистической»⁷.

¹ Там же. Л. 25.

² Сталин И., Жданов А., Киров С. Замечания о конспекте учебника Новой истории // Историк-марксист. 1936. № 1. С. 7.

³ Лукин Н. М. О периодизации...

⁴ Сталин И., Жданов А., Киров С. Замечания о конспекте учебника Новой истории. С. 7.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Ср. с: Новая история, учебник под ред. Е. Тарле. М., 1939.

⁷ Там же. О восприятии Французской революции в СССР в 30-е гг. подробнее см.: Чудинов А. В. Н. М. Лукин.

Используемые в Конспекте учебника определения, такие как «старый порядок», или «революция» были подвергнуты комиссией ЦК ВКП (б) критике: «Хорошо было бы освободить конспект от старых затасканных выражений вроде «старый порядок» и пр. Лучше было бы заменить их словами «докапиталистический порядок», или еще лучше «абсолютистско-феодалный порядок». При таком изменении так называемый «новый порядок», т.е. капиталистический порядок, будет выглядеть уже как порядок **старый** (выделено в тексте – *А. Л.*), в сравнении с советским строем в СССР, представляющим высший тип устройства человеческого общества»¹. Революции в обязательном порядке следовало делить на «буржуазные» и «социалистическую»². Руководству СССР не понравилось и то, что в будущем учебнике тема общественно-культурного развития Запада занимала больше места, чем проблема колониализма: «В то время как Жорж Зандам, Шпенглерам, Кипплингам и т.д. уделено достаточно много внимания, колониальному вопросу и положению, скажем, в таком государстве, как Китай, уделено мало внимания»³.

Позиция партии, безусловно, играла для Н. М. Лукина ведущую роль при подготовке университетского учебника и построения курса преподавания новой истории. Однако не все указания были исполнены им точно. На семинарских занятиях и лекционных курсах Лукин продолжал читать курс новой истории, начиная с изложения английских событий в середине XVII в., о чем свидетельствует «хронологически не выдержанное», как он сам выразился⁴, переиздание хрестоматии по новой истории, в которую, несмотря на уже известные ему в то время замечания хронологического порядка, тем не менее были намеренно включены дополнительные документы по Английской революции (в частности Великая ремонстрация)⁵. Переработанный учебник новой истории, который с «нетерпением ожидали» «учащиеся и профессура исторических факультетов, слушатели и преподаватели военных ака-

¹ *Сталин И., Жданов А., Киров С.* Замечания о конспекте учебника Новой истории. С. 8.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 8.

⁴ *Лукин Н. М.* Предисловие ко второму изданию // Новая история в документах и материалах. С. III.

⁵ Великая ремонстрация // Новая история в документах и материалах. С. 49.

демей и многочисленная армия педагогов средних школ»¹, был издан лишь в 1939 г. под редакцией не Н. М. Лукина, а академика Е. В. Тарле. Лукин, а также многие члены первоначальной редколлегии были репрессированы в 1937–1938 гг.

Н. М. Лукин был арестован 22 августа 1938 г.² К этому времени многие из его коллег, учеников и близких друзей уже давно подверглись репрессиям: в 1936 г. был арестован, а затем расстрелян Г. С. Фридлянд – первый декан восстановленного истфака, профессор кафедры новой истории, в этом же году оказался в тюрьме один из самых верных учеников Лукина, которого он привел на созданную им кафедру и с которым постоянно работал вместе – В. М. Далин. В 1938 г. репрессии коснулись семьи – сестра Н. М. Лукина, бывшая первой женой Н. И. Бухарина, была арестована 1 мая 1938 г., весной 1938 г. репрессированным оказался младший брат, военный врач М. М. Лукин. Все это время Лукин по-прежнему занимал ключевые посты в руководстве советскими историками. С 1937 г. он был директором Института Истории АН СССР, заведовал в Институте сектором новой истории. До своего ареста он продолжал быть главным редактором ведущего советского исторического журнала «Историк-марксист», руководил кафедрой новой истории на историческом факультете МГУ. В 1937–1938 гг. участилась критика стиля руководства Лукина: «Дирекция Института Истории с Н. М. Лукиным во главе работой сектора (истории СССР – А. Л.) руководила мало»³. Его все чаще обвиняли в «политической беспечности», из-за которой в Институт истории пробрались «враги народа»⁴. Не удивительно, что имя Лукина неоднократно встречалось на допросах репрессированных историков⁵ – его знали все, многие работали с ним долгие годы, не все и не всегда были довольны принимаемыми им решениями административного характера.

¹ Учебник Новой истории. // Военно-исторический журнал. 1940. № 4. С. 26.

² О следствии и обвинениях против Н. М. Лукина подробнее см.: Дунаевский В. А. «Дело» академика Н. М. Лукина. К сожалению, В. А. Дунаевский, явно работавший с материалами следствия по делу Лукина, в своей публикации не дал ни одной ссылки на те документы, которые он обильно цитирует.

³ Хроника о работе сектора истории СССР Института Истории Академии наук СССР. [Не позднее декабря 1937 г.] // Институт истории Академии наук СССР в документах и материалах. Вып. 1. М., 2016. С. 39.

⁴ Там же.

⁵ Артизов А. Н. Судьбы историков «школы Покровского» (середина 1930-х гг.) // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 34–48. Ср. с Дунаевский В. А., Цфасман А. Б. Н. М. Лукин. М., 1987.

*Внутренний вид Бутырской тюрьмы в 1937–1938 гг., в которой находился Н. М. Лукин**

Основанием для ареста стало «изобличение Лукина» «в том, что является участником антисоветской организации правых»¹. Сам Лукин считал, что его посадили из-за родственных связей с Бухариным². Ученый был прав: его допрашивали параллельно с его сестрой Н. М. Лукиной-Бухариной. Неоднократные допросы быстро привели к резкому ухудшению здоровья академика. Согласно заключению врача Бутырской тюрьмы, в которой содержался Лукин, ему был поставлен диагноз «стенокардия инфаркта миокарда. Состояние здоровья тяжелое»³.

Материалы следственного дела показывают, что во время допросов, на которых к Лукину применялось «физическое воздействие», он называл фамилии только тех, кто уже был репрессирован в 1936–1937 гг.⁴ Свою собственную вину он полностью признавал⁵, брал на

* Фото с сайта архива общества «Мемориал». URL: <https://old.topos.memo.ru/butyrskaya-tyurma> (дата последнего обращения: 30.06.2019).

¹ Цит. по: Дунаевский В. А. «Дело» академика Н. М. Лукина. С. 186.

² К такому выводу пришел В. А. Дунаевский, знакомый с документами из «дела» Н. М. Лукина. См.: Дунаевский В. А. «Дело» академика Н. М. Лукина. С. 187.

³ Цит. по: Дунаевский В. А. «Дело» академика Н. М. Лукина. С. 189.

⁴ Дунаевский В. А. «Дело» академика Н. М. Лукина. С. 187–188.

⁵ Дунаевский замечает по этому поводу: «В ответ на вопрос Алексеева (бригадир-юриста Военной коллегии Верховного суда СССР – А. Л.), что толкнуло Лукина на путь «контрреволюционной деятельности», последовал ответ: «Прежде всего я не был согласен с политикой партии по вопросу ликвидации кулачества на базе сплошной коллективизации с.х. (сельского хозяйства. – В. Д.) в стране, поддерживая а.с. (антисоветский. – В. Д.) Бухаринский взгляд о вращении кулака в социализм и считая, что партия допускает поспешность в коллективизации сельского хозяйства». (Дунаевский В. А. «Дело» академика Н. М. Лукина. С. 189).

себя ответственность за создание «троцкистской-бухаринской группы» в Академии наук, утверждал, что «журнал «Историк-марксист», находящийся в наших руках, был фактически превращен в рупор фашизма»¹. Однако на заключительном слушании Военной коллегией Верховного суда СССР дела академика Н. М. Лукина, он категорически отверг все предъявленные ему обвинения в шпионской деятельности и подготовке убийств Ленина в 1918 г. и Кирова в 1934 г.² 26 мая 1939 г. ему был вынесен приговор, согласно которому Лукина признавали «виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 17-58-8 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР», и приговаривали «к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на 10 лет с поражением в политических правах на пять лет и конфискацией всего, лично принадлежащего ему имущества. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит»³. Через год Н. М. Лукин скончался в тюрьме.

Во время десталинизации и «оттепели» Н. М. Лукин был полностью реабилитирован. 16 марта 1957 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР приняла «Определение» за № 4н/01994/57, которое отменяло приговор в «отношении Н. М. Лукина за отсутствием состава преступления»⁴. Коллеги Н. М. Лукина, по-прежнему работавшие на историческом факультете МГУ, хорошо знавшие и помнившие его, в 1966 г. опубликовали сборник памяти, в который наряду с личными воспоминаниями поместили научные статьи по новому времени, тем самым укрепив исследования в той области, которой Н. М. Лукин посвятил свою жизнь⁵. В мемуарах учеников и коллег Лукин изображен как человек, обладавший широтой натуры, крайне работоспособный и очень серьезный. Р. А. Авербух характеризовала его как «теплого и душевного» научного руководителя⁶. Он стремился создать «атмосферу товарищества, свободы и непринужденности» между преподавателями и студентами⁷, но в то же время был очень требователен как к молодому поколению будущих историков, так и к своим коллегам.

¹ Цит. по: Дунаевский В. А. «Дело» академика Н. М. Лукина. С. 187.

² Там же. С. 189.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Европа в Новое и Новейшее время. Сб. статей памяти Н. М. Лукина. М., 1966.

⁶ Авербух Р. А. Указ соч. С. 57.

⁷ Там же. С. 55.

М. В. Нечкина, которой по работе часто приходилось спорить с Лукиным, отмечала его эмоциональность, но отходчивость¹. И. И. Минц в своих воспоминаниях о первой встрече с Лукиным подчеркнул его тонкое чувство юмора: «На чем Гамбетта выбрался из осажденного Парижа», – такой вопрос был задан мне, когда я прямо из Конного корпуса <...> явился сдавать экзамен в Институт красной профессуры. «Ну и сухарь! И какое отношение это имеет к науке?», – подумал я. <...> Мучительные поиски ответа на «каверзный», как мне казалось, вопрос успеха не принесли. И, признаюсь, заметив под стеклами пенсне какой-то блеск в глазах экзаменатора, чуть не решил, что этот глубоко штатский человек подшучивает над моими шпорами. <...> На чем все же Гамбетта выбрался... но «из осажденного Парижа», значит не в поезде <...> оставалось одно – по воздуху, а о полетах братьев Монгольфье я помнил. «На воздушном шаре» – довольно нерешительно ответил я, и только вздрогнувшее пенсне, да едва уловимый след улыбки экзаменатора, подсказали мне, что я угадал»².

Накануне 100-летнего юбилея Лукина, один из его самых известных учеников и продолжателей традиций профессор И. С. Галкин, сам побывавший в должности заведующего кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета МГУ, опубликовал монографию о Н. М. Лукине. Эту книгу он подарил 1 сентября 1984 г. еще одному заведующему кафедрой – профессору Е. Ф. Язькову с дарственной надписью: «Дорогому Евгению Федоровичу, на память об основателе кафедры, которой Вы имеете честь руководить в настоящее время»³.

¹ Нечкина М. В. Указ. соч. С. 338.

² Минц И. И. Указ. соч. С. 50.

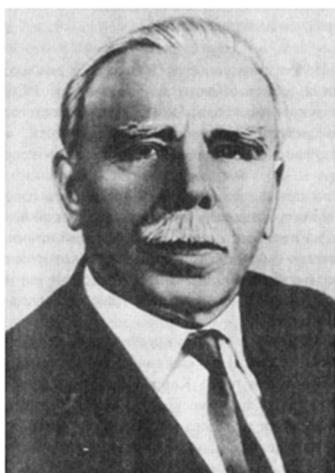
³ Галкин И. С. Н. М. Лукин – революционер, ученый. Книга с дарственной надписью хранится в библиотеке кафедры новой и новейшей истории.

Т. В. НИКИТИНА

ИЛЬЯ САВВИЧ ГАЛКИН. ПОРТРЕТ

«Апофеоз моей жизни – благодарность учеников, переросших меня в науке».

И. С. Галкин. Из мемуаров

*И. С. Галкин (1898–1990) –
д.и.н., профессор*

Илья Саввич Галкин – человек сложной и драматичной эпохи в истории России, принадлежал к поколению той новой российской интеллигенции, которая сформировалась после Октября 1917 г. Он родился 2 августа 1898 г. в бедной крестьянской семье деревне Панасюки Пружанского уезда Гродненской губернии (ныне Каменецкий р-н Брестской обл., Белоруссия). Отец, Савва Галка, в годы Первой мировой войны переехал с многочисленной семьей в российскую глубинку, во Владимирскую губернию, где Илья закончил школу, а затем техническое училище в городе Коврове. После окончания училища стал работать формовщиком литейного цеха железнодорожных мастерских. В октябре 1917 года девятнадцатилетнего юношу призвали в армию и направили в Киев, в школу прапорщиков, куда он не доехал; начавшаяся революция изменила его судьбу. Стремясь получить образование, осенью 1918 г. он поступил в только что открывшийся Политехнический институт в Иваново-Вознесенске, но уже через три месяца ушел на фронт, участвуя в военных операциях 1918–1919 гг. по разгрому армии Колчака. В феврале 1920 года на станции Тайга его свалил сыпной тиф, а после демобилизации, вернувшись во Владимир, он вскоре заболел туберкулезом. Врачи советовали сменить климат и, чтобы дышать сухим степным воздухом, он переезжает

в Поволжье, тогда самое голодное место в России. Там он встретил молодую учительницу русского языка Евдокию Михайловну Козлову-Федорук, которая стала его женой и верным другом на всю жизнь. Ее забота и лечение кумысом помогли излечиться от туберкулеза.

С 1921 года, почти десять лет, Илья Саввич работал учителем начальной и средней школы, участвовал в ликвидации детской беспризорности, возглавляя группу детских колоний для беспризорных в Аткарском уезде Саратовской губернии. Работе в народном образовании он отдавался полностью, заслужив глубокое уважение и учеников и коллег. За свою активную и плодотворную деятельность был избран делегатом первого Всесоюзного съезда учителей, на котором встречался и беседовал с Н. К. Крупской, А. В. Луначарским, Н. И. Бухариным. 1927 год стал важным рубежом в жизни И. С. Галкина, он стал коммунистом. Очень часто в беседах, рассказывая о себе, Илья Саввич повторял: «... все, что я имею в жизни, мне дала революция». В 1928 году Илья Саввич вместе с Евдокией Михайловной были зачислены на заочное отделение Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского: он на историческое, она на филологическое отделение. В 1930-е годы, когда в стране началась широкая подготовка специалистов через высшую школу, И. С. Галкин был командирован в Московский университет для завершения образования. Сдав экстерном экзамены, он был сразу зачислен на второй курс этнологического факультета (так назывался будущий исторический факультет).

С этого времени вся жизнь И. С. Галкина связана с МГУ. В своих воспоминаниях Илья Саввич с восхищением писал о блестящих лекциях своих учителей – Е. А. Косминском, С. Д. Сказкине, Ф. В. По темкине, Ю. В. Готье, В. П. Волгине. Но с особой благодарностью он всегда вспоминал своего научного руководителя, крупного советского историка, академика Н. М. Лукина, который возглавлял кафедру новой истории стран Запада. В его семинаре Илья Саввич занимался историей рабочего, социалистического движений в Германии и в 1935 году успешно окончил аспирантуру. С этого времени началась научная, педагогическая и научно – организаторская деятельность Ильи Саввича Галкина в Московском институте философии, литературы, истории (МИФЛИ), созданном на базе исторического факультета МГУ, а затем вновь в родном Московском университете. Защитив в 1936 году кандидатскую диссертацию, он уже в 1938 году в «Трудах МИФЛИ» опубликовал свою первую крупную работу, посвященную борьбе в

германской социал-демократии. Постоянно углубляя эту проблематику в своих многочисленных статьях и обобщающих работах, Илья Саввич стал признанным специалистом по истории Германии в новое и новейшее время.

И. С. Галкин многое сделал для развития университетского образования. Его незаурядные организаторские способности проявились еще в бытность деканом исторического факультета и проректором МИФЛИ (1937–1941 гг.), а в 1941 г. – ректором МИФЛИ. В трудные военные годы, будучи проректором (1941–1943), а затем и ректором МГУ, он выполнял огромную работу по эвакуации университета сначала в Ашхабад, затем в Свердловск и реэвакуации в Москву. Это было очень трудное для университета время. Но университет сумел не только выстоять, но и помочь фронту. За годы войны было выполнено 1600 научных работ, из них 440 оборонного значения. И в этом немалая заслуга его руководителя И. С. Галкина. На посту ректора (1943–1948), И. С. Галкин активно содействовал поступательному развитию науки в МГУ в последние годы Великой Отечественной войны. В своих мемуарах он писал, что, став ректором, он понимал: «Надо не администрировать, а прислушиваться к голосу ученых. Наука предъявляет большой счет своим руководителям.... Здесь необходимы собранность, целеустремленность, компетентность»¹.

К концу войны как на естественных, так и на гуманитарных факультетах было открыто много перспективных кафедр. В 1943 году в МГУ был основан факультет истории международных отношений, преобразованный в 1944 г. в самостоятельный Институт международных отношений МИД СССР. В 1944 году после капитального ремонта открылась университетская библиотека им. А. М. Горького. В послевоенные годы, в условиях острой идеологической борьбы, когда советской науке был нанесен значительный ущерб, И. С. Галкин способствовал не только сохранению лучших кадров ученых МГУ, но и созданию новых научных подразделений – кафедр, лабораторий, научных баз как на естественных, так и на гуманитарных факультетах. Количество факультетов возросло с 7 до 12, кафедр – с 81 до 151, лабораторий – с 64 до 101, преподавателей – с 600 до 2 тысяч². На историческом факультете было открыто отделение стран Востока. В 1946 году

¹ Галкин И. С. Записки ректора московского университета. М., 2004. С. 113.

² Московский университет в дни Великой Отечественной войны. М., 1975. С. 71.

вместе с ведущими учеными МГУ Илья Саввич был инициатором создания Научно-исследовательского института ядерной физики, тогда же началось строительство циклотрона; интересы страны требовали развития новых отраслей знаний. В связи с этим возникла необходимость усиления естественно-математического направления науки, подготовки новых научных кадров. Преодолев противодействие сторонников классической физики времен русской школы П. Н. Лебедева и А. Г. Столетова, обвинявших И. С. Галкина в преклонении перед Западом, и, заручившись поддержкой видных ученых-физиков – С. И. Вавилова, И. В. Курчатова, И. М. Виноградова, Л. Д. Ландау, Илья Саввич направил письмо на имя Сталина. В итоге удалось открыть физико-технический факультет в МГУ, позже выделившийся в самостоятельный, хорошо известный сегодня Физико-технический институт (Физтех). С сожалением вспоминал Илья Саввич о том, что не смог предотвратить разгром университетской школы генетиков сторонниками Лысенко, которым покровительствовал сам Сталин. И хотя это произошло после того, как Илья Саввич подал в отставку с поста ректора, в своих мемуарах по этому поводу он привел слова А. Т. Твардовского: «Я знаю, никакой моей вины..., но все же, все же, все же...»¹.

В университетском архиве хранятся документы, свидетельствующие о большом вкладе И. С. Галкина в строительство зданий МГУ на Воробьевых горах. Вспоминая о годах руководства университетом, о времени, «заполненном сверхзадачами, заботами, перегрузками, усталостью, тревогами, бессонными ночами», Илья Саввич писал, что ему все это помогло перенести и устоять «только глубокое сознание ответственности перед партией, перед Родиной»². Выйдя из бывшего крестьянского племени «отверженных» и «проклятьем заклеяемых», новая творческая интеллигенция считала, что она в большом долгу перед своей страной³. В 1953 году после очередного инфаркта Илья Саввич был вынужден оставить пост ректора и по предложению И. Г. Петровского – нового ректора МГУ – стал заведующим кафедрой новой и новейшей истории, оставаясь ее научным консультантом до конца своей жизни. Оставив пост ректора, И. С. Галкин смог больше времени посвящать научной работе.

¹ Галкин И. С. Записки ректора... С.142.

² Там же. С. 123.

³ Там же. С.186.

Творческий путь И. С. Галкина как ученого примечателен тем, что Илья Саввич не замыкался в рамках одной тематики. Будучи в первую очередь известным историком-германистом, И. С. Галкин постоянно расширял круг своих научных интересов. Его интересовали вопросы международного рабочего движения, международных отношений, национально-освободительных движений народов Балканского полуострова, а также вопросы методологии и историографии исторической науки; им было опубликовано около 200 печатных работ. В 1950-е годы центральным направлением в научной деятельности И. С. Галкина становится история национально-освободительных движений в Европе в к. XIX – начале XX вв., а также история международных отношений того времени. Цель, которую поставил перед собой ученый, заключалась в исследовании сразу нескольких сложных взаимосвязанных проблем на Балканах. Это размах национальных движений народов балканского полуострова против османского господства в начале XX в., сочетание национальных и социальных движений, а также влияние на эти процессы конфликтующих между собой европейских держав. Первые статьи с использованием новых, неизвестных еще научному сообществу материалов появились в начале 1950-х годов¹. Окончательным итогом его исследований стал фундаментальный труд «Политика европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1908–1912 гг.», основанный на изучении большого объема архивных документов, который он защитил в 1956 году в качестве докторской диссертации. В 1960 году на ее основе он опубликовал монографию – «Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции. 1905–1912»². Дипломатические документы Великобритании, Франции, Германии и Австро-Венгрии, использованные в работе, содержали материал для анализа проблемы соперничества великих держав на Балканах. Материалы из Архива внешней политики России и Центрального государственного военно-исторического архива – донесения послов, консулов, военных наблюдателей в ряде городов Македонии, Албании и Крита дали возможность изучить все тонкости

¹ Галкин И. С. Из истории национально-освободительного движения в Албании 1912 г. // Вопросы истории. 1954. № 11; *Он же*. Вопрос о реформах в Македонии и дипломатия империалистических держав в 1907–1908 гг. // УЗИС. М., 1947. Т. 15.

² Галкин И. С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции. 1905–1912. М., 1960.

национально-освободительных и социальных движений в балканском регионе в начале XX в. Привлекая обширную литературу на французском, английском, немецком и болгарском языках, автор выявил и особенности национальной историографии по этим проблемам. По сути И. С. Галкин был первым историком, изучившим экономическое развитие и социальные отношения на Крите, в Македонии и Албании; положение крестьянства, ремесленников, мелкой буржуазии, а также политический вес национальной компрадорской буржуазии в этих землях. Особенностью монографии являлся подход автора рассматривать национально-освободительную борьбу одновременно с борьбой за решение социально-экономических вопросов: «...аграрное движение являлось составной частью национального движения и придавало ему большую силу и огромный размах»¹. Решение аграрного вопроса означало передачу крестьянам земли, находившейся в собственности у турецких феодалов. Поэтому борьбу балканских народов против османского господства И. С. Галкин рассматривал одновременно и как буржуазную революцию. Особенно ярко представлено в монографии Критское восстание 1905–1906 гг., лидер которого Э. Венизелос, через несколько лет стал главой правительства Греции.

Сложность балканского вопроса в начале XX в. заключалась в том, что ход событий в этом регионе определялся не только внутренними, но и внешними факторами. Балканы оказались в сфере интересов не только Великобритании, которая издавна господствовала в этих землях, но и новых претендентов на раздел «османского наследства». Свои права на это «наследство» заявили Германия, Франция, Австро-Венгрия, Россия, а также Болгария, Греция, Сербия. В итоге накануне Первой мировой войны сложились две враждебные коалиции – Антанта и Тройственный союз, между участниками которых существовали острые внутренние противоречия. Детально изучив все перипетии их дипломатической борьбы, И. С. Галкин убедительно доказал, что за декларациями представителей европейских держав о своей приверженности к свободе угнетенных народов, скрывалась заинтересованность в сохранении статус-кво в европейской части Османской империи. В заключение автор делает вывод: «Именно заинтересованность в балканских делах европейских государств, готовившихся к борьбе

¹ Галкин И. С. Дипломатия... С. 8.

за передел мира, превратила Балканы в пороховой погреб Европы»¹. Научная общественность высоко оценила монографию И. С. Галкина. В рецензиях академика С. Д. Сказкина и доктора исторических наук Н. Д. Смирновой отмечались новаторство и глубина исследования, которое явилось первым обобщающим трудом по истории национально-освободительной борьбы в европейской Турции в 1905–1912 гг.²

Историческая наука в СССР была чрезвычайно идеологизирована; все научные труды должны были следовать официальной марксистско-ленинской методологии. Занимаясь вопросами методологии, И. С. Галкин подготовил и опубликовал в 1977 году монографию «В.И. Ленин и развитие советской историографии новой и новейшей истории стран Европы и Америки», которую он посвятил студентам МГУ имени М. В. Ломоносова. Уже в этой книге, анализируя исследования советских историков по проблемам новейшей истории, Илья Саввич указал на пробелы в их работе. Это полное отсутствие работ по социальной и национальной психологии, недостаточная разработка теории международных отношений, крайне мало было исследований по истории зарубежных партий, истории культуры, науки и техники, недостаточно изучалась история представительных учреждений, изменения в избирательных системах, мотивы поведения избирателей³. Это означает, что уже в 1970-е годы И. С. Галкин указал на темы, которые сегодня стали самыми разрабатываемыми у историков.

Большой духовный заряд и воспитательное значение имеет книга И. С. Галкина «Н. М. Лукин-революционер и ученый»⁴, которую он написал о своем учителе, основателе кафедры новой и новейшей истории, крупном ученом историке Николае Михайловиче Лукине. В 1937–1938 годы ряд крупных политических и пропагандистских кампаний, организованных в стране, коснулся и исторического факультета. Одним из пострадавших в годы «большого террора» был Н. М. Лукин, которого Илья Саввич всегда считал невиновным. «Мой учитель – вспоминал И. С. Галкин – академик Н. М. Лукин погиб, будучи арестованным в 1938 г. Я счел своим долгом и по велению сердца посвятить

¹ Там же. С. 246.

² Новая и новейшая история. 1961. № 2. С. 151–152; Вопросы истории. 1961. № 5. С. 140.

³ Галкин И. С. В. И. Ленин и развитие советской историографии новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1977. С.355.

⁴ Галкин И. С. Н. М. Лукин – революционер и ученый. М., 1984.

ему специальную монографию¹. Как пишет автор книги: «Наше слово о Николае Михайловиче Лукине не воспоминание, это слово о современнике, о времени и событиях, непосредственными участниками которых мы были, о делах революционера, ученого, о судьбе человека, жившего рядом с нами в общем-то не так давно»². Эта монография не просто детальное исследование, основанное на материалах из многочисленных архивов, газет, журналов тех лет, но эмоциональное произведение, проникнутое глубоким уважением к своему учителю и любовью к университету, где долго работал Н. М. Лукин.

Научная деятельность Н. М. Лукина рассмотрена в широком контексте развития российской исторической науки – от Т. Н. Грановского и «русской исторической школы» до историков советского периода. И. С. Галкин указал на широкий круг проблем, поднятый Лукиным при изучении истории новейшего времени Германии, Франции, а также французской историографии XX в. В конце 1920-х – начале 1930-х годов академик Н. М. Лукин был в зените своей творческой научной деятельности, тогда же развернулся в полную мощь его педагогический талант. Поэтому именно он был назначен в 1934 году руководителем кафедры новой истории стран Запада, прежде такую же кафедру он возглавлял в МИФЛИ. Уже в 1923 году Н. М. Лукиным был издан первый марксистский учебник по западноевропейской истории, со второй половины XVIII в. до середины XIX в. – «Новейшая история Западной Европы. Вып. 1». По образному выражению А. З. Манфреда, эта книга «была примерно чем-то вроде знаменитых писем о Новом Свете Америго Веспуччи»³. Илья Саввич отмечал, что Лукин был автором блестящего курса по марксистской историографии новой истории стран Запада, заложив таким образом мощную научную традицию, которая впоследствии была сохранена и развита на кафедре. В книге отмечается, что Лукин был талантливым аналитиком исторического процесса, оставаясь равнодушным к прошлому, настоящему, будущему, «и это был признак высокой культуры его как революционера, ученого»⁴. Отмечая глубокий патриотизм ученого, Илья Саввич вспоминал, что на вопрос студента: «Как можно объяснить эмиграцию таких незаурядных ученых и писателей, как П. Г. Виноградов, И. А. Бунин?».

¹ Галкин И. С. Записки ректора... С.89.

² Галкин И. С. Н. М. Лукин – революционер, ученый. М., 1984. С. 5.

³ Галкин И. С. Н. М. Лукин... С. 195.

⁴ Там же. С. 192.

Н. М. Лукин процитировал по памяти слова из романа И. С. Тургенева: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись... космополитизм – чепуха, космополитизм – нуль, хуже нуля, вне народности ни художества, ни истины, ни жизни – ничего нет»¹. Характеризуя Н. М. Лукина, Илья Саввич писал: «Огромный запас знаний и новаторство, высокая общая культура и изумительная работоспособность, талант и педагогическое мастерство – таков облик Лукина – профессора Московского университета»². Н. М. Лукин стоял у истоков становления и развития всей советской исторической науки, подготовив целую плеяду советских историков, среди которых был и И. С. Галкин.

И. С. Галкин был и остался марксистом. Именно с этих позиций была написана и издана в 1986 году книга «Создание Германской империи 1815–1871 гг.», в основу которой был положен прочитанный им специальный курс лекций. На большом фактическом материале автор показал все перипетии сложного и драматичного процесса образования германского государства. В книге освещается рост национально-самосознания и своеобразие революции 1848–1849 г. в Германии, борьба Пруссии и Австрии за гегемонию в объединительном процессе, а также политика Бисмарка объединения Германии «железом и кровью» и подъем рабочего движения. Особо в книге освещены проблемы создания Германской империи в немецкой историографии.

С 1953 по 1980 гг. Илья Саввич возглавлял кафедру новой и новейшей истории, одновременно работая с 1956 по 1959 гг. проректором по гуманитарным факультетам. В послевоенное десятилетие чуть ли не каждый год менялись руководители кафедры – с 1945 по 1952 год ими были Ф. В. Потемкин, Б. Ф. Поршнев, А. С. Ерусалимский, и.о. А. С. Черняев³. И. С. Галкин, будучи заведующим на протяжении 27 лет, сыграл чрезвычайно важную роль в развитии кафедры новой и новейшей истории.

Блестящий организатор науки, Илья Саввич Галкин умел выделить главные и второстепенные направления. Именно он превратил кафедру в крупный научно-педагогический центр страны. В 1950-е годы перед кафедрой, на которой работало всего четыре доцента:

¹ Там же. С. 193.

² Там же. С. 194.

³ Дементьев И. П. Илья Саввич Галкин (1898–1990) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. IV. С. 113.

Н. Е. Застенкер, К. Ф. Мизиано, Л. А. Бендрикова, Г. Г. Толмачев и один штатный профессор И. Д. Белкин, стояла задача вырастить новую смену историков, которым предстояло читать общие и специальные курсы, вести семинарские занятия, руководить дипломниками. Для этого И. С. Галкин приглашал для чтения конкретных лекционных курсов и руководства студентами и аспирантами крупных ученых – В. М. Хвостова, Н. Н. Любимого, И. М. Майского, Л. Н. Иванова, А. С. Ерусалимского, Л. И. Зубока, А. А. Губера, Б. Ф. Поршнева, которые помогли вырастить первых молодых послевоенных специалистов в области новой и новейшей истории¹. Курс на привлечение талантливой молодежи в состав коллектива кафедры стал главным в деятельности И. С. Галкина. Часто среди наиболее способных выпускников кафедры были аспиранты, которые не имели московской прописки. Кроме того, необходимо было получить дополнительные штатные единицы. Илье Саввичу удалось сделать, казалось бы, невозможное – убедить ректора МГУ И. Г. Петровского в необходимости оставить на кафедре талантливых выпускников – А. В. Адо, Е. Ф. Язькова, И. П. Дементьева, М. М. Залышкина. Позже это были В. П. Смирнов и Н. В. Сивачев. И. С. Галкин добивался для молодых не только ставок, но и для иногородних – прописки в Москве. В людях Ильи Саввич умел видеть и ценить индивидуальность. Все оставленные на кафедре после окончания исторического факультета, а затем аспирантуры обнаружили незаурядные способности в науке, а главное – любовь к труду и глубокую привязанность к Московскому университету, а это немаловажный фактор в педагогической работе². Таким образом, постоянно придерживаясь избранного курса, при Илье Саввиче кафедра выросла в слаженный коллектив высококвалифицированных специалистов. В 1960-е годы на кафедре уже работали 30 человек, а специализация велась по истории США, Канады, Великобритании, Франции, Германии, Италии, Испании, стран Латинской Америки, Балканских стран.

Занимаясь зарубежной историей, Илья Саввич понимал необходимость международных контактов. В 1950-е годы редко кто из историков ездил в длительные зарубежные командировки. И. С. Галкин приложил немало усилий, чтобы доказать, что историю зарубежных стран невозможно серьезно изучать без работы в иностранных архивах

¹ Галкин И. С. Записки ректора... С. 150.

² Там же. С. 155.

и библиотеках. Он проложил дорогу молодым ученым во многие университеты мира. Только специалист, побывавший в стране, знающий ее традиции, культуру, считал И. С. Галкин, может быть полноценным преподавателем МГУ. Нельзя быть высокопрофессиональным ученым по зарубежной истории, не имея возможности использовать документы из архивов стран Запада в научной работе, не имея личных контактов с зарубежными учеными. В сложных условиях идеологических кампаний тех лет Илье Саввичу удавалось видеть перспективу развития кафедры, необходимость налаживания связей с научными институтами, университетами и учеными зарубежья. Уже тогда он считал возможным и нужным чтение лекций зарубежными учеными в Московском университете. Преодолевая косность чиновников административных и партийных органов, Илья Саввич добился возможности направлять своих сотрудников в длительные зарубежные командировки. В 1970-х годах все доктора и кандидаты наук кафедры побывали в зарубежных командировках. В результате значительно выросло качество публикуемых учеными кафедры монографий и статей, повысился уровень преподавательской работы.

И. С. Галкин постоянно стремился наращивать научный потенциал коллектива, стремясь к тому, чтобы сфера научной деятельности была многоплановой. Расширяя географию исторических исследований, Илья Саввич начал специализацию по так называемым «малым» странам – Албании, Венгрии, Греции, Румынии, Швеции. Венгрия неоднократно посылала своих молодых людей в МГУ для подготовки специалистов по всеобщей истории. В 1950-е и 1960-е годы Илья Саввич подготовил 6 кандидатов наук, которые успешно работали затем в университетах Будапешта, Сегеда, Мишкольца. Развивая активные научные связи с зарубежными учеными, И. С. Галкин читал лекции в Тиранском университете и в Учительском институте в Шкодре (1959 г.), в Афинском и Салоникском университетах (1965 г.). Именно И. С. Галкин, представлявший общество дружбы «СССР – Греция» был первым историком – преподавателем, который в марте 1965 года посетил Грецию с чтением лекций в Афинах и городах Фессалии о системе образования в СССР и проблемах истории балканских стран. Греческая пресса освещала каждый день этого визита, помещая материал с фотографиями. Итогом этого визита явились переговоры о возможности сотрудничества между Афинским и Московским университетами. Однако военный переворот в Греции 1967 года не дал завер-

шить начатые в Афинах переговоры¹. Илья Саввич подготовил первых отечественных специалистов для кафедры по истории Румынии – М. М. Залышкина, по истории Албании – И. Сенкевич, по истории Греции – Т. В. Никитину. Таким образом, помимо истории великих держав, студенты получили возможность углубленного знакомства с историей многих других народов. И. С. Галкин, а позже и Н. В. Сивачев настаивали на том, чтобы проблемы истории этих стран включали в чтение общих курсов лекций.

Кроме страноведческих секций на кафедре также была основана группа по проблемам историографии и источниковедения. Для работы в этой группе на кафедру был принят доктор исторических наук А. Д. Колпаков. В 1965 году в журнале «Вопросы истории» (№ 10) была опубликована первая историографическая статья И. С. Галкина совместно с А. Д. Колпаковым – «Основные проблемы историографии нового времени». Именно И. С. Галкин в 1960-е годы задумал написать первое в Советском Союзе учебное пособие по историографии нового и новейшего времени стран Европы и Америки. В авторском составе работали как ученые МГУ, так и историки из Венгрии, ГДР, Румынии, Польши, Чехословакии, Болгарии. Илья Саввич сумел увлечь и объединить творческий коллектив вокруг общего дела. В итоге был создан фундаментальный двухтомный (110 п. л.) труд, который не только получил высокую оценку научной академической общественности и был удостоен Ломоносовской премии, но и явился образцом плодотворной коллективной работы ученых².

В связи с расширением тематики исследований по истории США в 1977 г. при кафедре была создана лаборатория американистики, руководство которой было возложено на профессора Н. В. Сивачева. Главной задачей лаборатории было комплексное исследование истории и современного состояния двухпартийной системы США, с тем, чтобы в дальнейшем осуществить подготовку и выпуск фундаментального исследования в этой области.

Постоянная связь научной и преподавательской деятельности, – примечательная черта профессора И. С. Галкина. Илья Саввич всегда проявлял живой интерес к вопросам исторического образования и в средней, и в высшей школе. Первый учебник по новой истории

¹ *Никитина Т. В.* Изучение новой и новейшей истории Греции в МГУ имени М. В. Ломоносова. Вестник МГУ. Серия 8. История. 1996. № 3. С. 69–78.

² *Галкин И. С.* Записки ректора... С. 167.

(ч. 2) для IX класса средней школы был написан им уже в 1938 году, а в 1940-е годы – опубликованы стенограммы его лекций по обширной проблематике новой истории стран Европы и Америки. В учебнике для средней школы под редакцией В. М. Хвостова и Л. И. Зубока И. С. Галкиным было написано 9 глав¹. Этот учебник выдержал 17 изданий и был удостоен Государственной премии. Имея богатый педагогический опыт, он много сделал в плане разработки вопросов методики и совершенствования исторического образования, принимая деятельное участие в составлении программ, написания учебников для высшей школы. В 1960–1970-е годы под его руководством был создан цикл вузовских учебников по новой и новейшей истории стран Европы и Америки и двухтомное учебное пособие, а затем учебник по историографии новой и новейшей истории этих стран, который был отмечен Государственной премией. Эти учебники отражали уровень отечественной исторической науки в сфере новой и новейшей истории. Как отмечали академик Е. М. Жуков и профессор Н. В. Сивачев, оценивая работу кафедры, она – «под руководством И. С. Галкина превратилась в постоянно действующую лабораторию научно-педагогической мысли»².

Как талантливый руководитель И. С. Галкин всегда внимательно следил за ростом своих сотрудников, что несомненно стимулировало их научную и педагогическую деятельность. Он постоянно подчеркивал, что готовить специалистов высокой квалификации могут лишь преподаватели, которые сами являются исследователями высокого класса. Илья Саввич воспитал целую когорту таких профессоров: А. В. Адо, Е. Ф. Язьков, И. П. Дементьев, Н. В. Сивачев, О. С. Сороко-Цюпа, А. Д. Колпаков, Н. М. Мещерякова, А. И. Строганов, Э. Э. Литаврина, В. П. Смирнов, И. В. Григорьева. За годы руководства кафедрой И. С. Галкиным на ней уже работало не 7, а 27 преподавателей и научных сотрудников, из них 11 докторов наук. За десятилетие – 1971–1980 – было опубликовано 22 монографии и 8 учебников и учебных пособий, лишь за пятилетие – 1973–1978 – принято к защите 90 кандидатских диссертаций³.

Илья Саввич по-отечески заботился о своих сотрудниках. Это располагало к нему людей, они считали его своим наставником. Илья

¹ См.: Новая история (1870–1918). М., 1945.

² Жуков Е. М., Сивачев Н. В. И. С. Галкину – 80 лет // Новая и новейшая история. 1978. № 4. С. 204.

³ Дементьев И. П. Илья Саввич Галкин... С. 119.

Саввич никогда не боялся, что кто-то из учеников превзойдет его в науке, напротив, он искренне радовался успехам каждого ученого кафедры. Залогом активной и плодотворной жизни Ильи Саввича явились его человеческие качества, прежде всего глубокая заинтересованность в жизни коллектива и каждого сотрудника. Как вспоминал профессор Е. Ф. Язьков, в 1957–1958 гг. Илья Саввич сделал все, чтобы помешать ортодоксам на факультете и внутри кафедры в связи с дискуссией о «средних слоях» обрушить удар на целый ряд преподавателей, обвиненных в ревизионизме, среди которых был доцент кафедры, известный специалист по истории Франции Н. Е. Застенкер. Илья Саввич вывел его из-под удара¹. В сложные годы, когда каждый дорожил карьерой, И. С. Галкин решал вопросы, не останавливаясь ни перед какими трудностями. Сам человек деловой, безразличный к людям, он очень не любил чиновников-бюрократов. Присутствовавший на его выступлениях в министерстве профессор В. И. Кузищин вспоминал, что когда Илья Саввич выступал, чиновники буквально немели – так страстно, так убежденно он говорил. Ломал, казалось бы, непробиваемую стену, так как болел всем сердцем за студентов, преподавателей, за честь науки. И побеждал². И. С. Галкин был председателем секции истории Научно-координационного совета Министерства высшего образования. Благодаря усилиям Ильи Саввича через Министерство было проведено постановление о значительном увеличении часов на языковую подготовку студентов – историков. В результате значительно повысился уровень дипломных работ, написанных на широком круге иностранных источников и литературы. Самобытный, принципиальный и искренний человек, И. С. Галкин всегда следовал вечным человеческим ценностям – добру и справедливости. Именно поэтому он сумел создать на кафедре атмосферу дружного творческого труда, товарищеской взаимопомощи, внимательного отношения ко всем членам коллектива.

Илья Саввич остался в памяти как замечательный педагог, который щедро делился знаниями со своими учениками. Все, кто учился у Ильи Саввича, всегда вспоминали его содержательные лекции, семинарские занятия, его высокую требовательность и в то же время до-

¹ Никитина Т. В. К 100-летию со дня рождения И. С. Галкина // Новая и новейшая история. 1998. № 6. С. 211–213.

² Там же. С. 212.

брожелательность по отношению к своим ученикам. Главный смысл своей педагогической работы он видел в том, чтобы развить у студента обостренное чувство исторического факта, любовь к источнику, способность размышлять над историческим материалом. Поэтому Илья Саввич добивался того, чтобы его студенты и аспиранты получали доступ к архивам. Автору этих строк выпало счастье быть ученицей Ильи Саввича. В 1971 году, для подготовки дипломной работы по греческой тематике, не обеспеченной достаточным количеством источников и литературы, нужны были российские дипломатические документы. Илья Саввич добился разрешения, сам привел меня в Архив внешней политики России и научил работать с архивными материалами. Так были подготовлены и успешно защищены сначала дипломная, а затем диссертационная работы по истории Греции начала XX века. Сегодня библиотека кафедры состоит из книг и публикаций документов по истории Греции, которых нет в других хранилищах Москвы. Вспоминая с глубокой благодарностью о своем научном руководителе, Герхард Кайзер, один из первых студентов из ГДР, приехавших в 1951 году в МГУ, отмечал, что при подготовке его дипломной работы по политической борьбе в Германии в 1920-е годы, Илья Саввич значительно раньше американских ученых (уже в 1953–1954 гг.) рекомендовал применить метод *oral history* и строить свое исследование не только на архивных источниках, но и на воспоминаниях современников – участников событий. Вспоминая о помощи Ильи Саввича, он отметил, что, помимо правки стилистических погрешностей, он тайком от него заплатил за перепечатку дипломной работы, узнав случайно, что стипендии на это не хватит. В своих воспоминаниях Герхард Кайзер написал, что, несмотря на политические изменения 1990-х годов, «...то, чему они научились в Москве, никто не сможет у них отнять»¹.

Будучи чрезвычайно скромным в быту, Илья Саввич всегда радушно встречал дома своих учеников. За чаепитием он делился знаниями и давал мудрые советы. Часто Илья Саввич призывал своих учеников соблюдать три основные заповеди в научной работе. Об этом писала его ученица Улла Пленер, и знали все его студенты. Первая заповедь – не замыкаться на узком круге вопросов, не бояться многосторонности исторических тем, не становиться узким специалистом. Вторая – пом-

¹ Вестник МГУ. Серия 8. История. 1998. № 4. С. 103.

нить о том, что историю «делают» конкретные живые люди, не забывать о личности, о человеке. И третья заповедь – трудиться насколько хватает сил – это сохранит свежесть мысли и не даст постареть раньше времени. Живым примером в этом был сам Илья Саввич¹. Человек чрезвычайно авторитетный среди всех поколений ученых, Илья Саввич был в то же время доступен для всех, и в частности для студентов. Не одному их поколению он дал путевку в жизнь, в науку. Учителем с большой буквы назвал Илью Саввича один из его учеников, его однофамилец, доктор исторических наук, профессор А. А. Галкин, специалист по истории фашизма. Как научный руководитель, отмечал он, Илья Саввич никогда не навязывал своего мнения, не подавлял своим превосходством, но внимательно слушал и направлял, щедро делясь своими идеями, профессиональными знаниями. А. А. Галкин отмечал глубокую порядочность Ильи Саввича. Поколение А. А. Галкина, которое прошло через горнило войны, вернулось после победы с уверенностью, что возвращается в другую страну, в общество, о котором оно мечтало. Однако вновь начались идеологические чистки, которые охватили и МГУ, и истфак, и кафедру. Чтобы не посадить корабль на рифы, т.е. противостоять подлости и в то же время не навлечь на университет гнев властей, требовался большой такт, выдержка и глубокая порядочность. Все это было присуще Илье Саввичу. Только позже А. А. Галкин понял, почему научный руководитель тянул с защитой его диссертации. Это были мудрые и дальновидные действия, которые отвели возможный удар по его научной карьере². Важное значение придавал Илья Саввич воспитанию мировоззрения студентов. Профессор, считал он, должен быть и наставником, и воспитателем, и философом, и человеком³. Большая часть жизни И. С. Галкина была связана с преподавательской деятельностью в стенах Московского университета. Он создал не одну школу советских историков, специалистов не только по истории Германии, но и по истории США, Испании, Венгрии, Греции, Албании, Швеции. За долгие годы работы он подготовил только одних аспирантов (не считая студентов) 131, из которых – 99 российских специалистов, а остальные – из Германии, Венгрии, Болгарии, Италии, Португалии, Греции. Более 30 человек стали докторами наук, известными историками.

¹ Там же. С. 104.

² *Никитина Т. В.* К 100-летию со дня рождения И. С. Галкина. С. 212.

³ *Галкин И. С.* Записки ректора... С. 200.

Многие годы И. С. Галкин был в центре чрезвычайно разносторонней общественной деятельности: он был одним из инициаторов создания Всесоюзного общества по распространению научных и политических знаний, членом бюро Национального комитета историков Советского Союза, вице-президентом общества «СССР–Греция», заместителем председателя Советско-германской комиссии историков. В 1969 году он был избран почетным доктором Сегедского университета (Венгрия). Разнообразная и обширная деятельность И. С. Галкина как ученого, преподавателя, общественного деятеля отмечена высокими правительственными наградами – орденами Ленина (дважды), орденом Октябрьской революции, орденом Трудового Красного Знамени, многими медалями. В 1973 году ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР».

В 1998 году в журнале «Новая и новейшая история» были опубликованы мемуары Ильи Саввича Галкина¹. Главный редактор журнала, академик Г. Н. Севостьянов назвал Илью Саввича Просветителем с большой буквы, многогранной личностью, ученым, щедро делившимся своими идеями, профессиональными знаниями, а его мемуары, считал Г. Н. Севостьянов, отразили «богатую палитру российской истории XX века, персонифицированную в И. С. Галкине». В 2004 году мемуары были опубликованы отдельной книгой – «Записки ректора МГУ. Воспоминания», в которой представлена история Московского университета сквозь призму 39-го ректора, второго историка после С. М. Соловьева, возглавлявшего МГУ. Подводя итог своей жизни, Илья Саввич закончил книгу искренними словами, – «Я являюсь свидетелем большого этапа объективно-исторического развития моей Родины,.. Судьба моей Родины – моя судьба»².

Илья Саввич вошел в историю Московского университета как блестящий организатор науки, создатель кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки, талантливый ученый, любимый Учитель, прекрасный человек. На протяжении всей своей жизни Илья Саввич Галкин отдавал людям все силы ума, таланта, души, и это оставило глубокий след в сердцах его коллег и учеников.

¹ Галкин И. С. Тропами моей жизни // Новая и новейшая история. 1998. № 4, 5.

² Галкин И. С. Записки ректора... С. 202.

Л. А. ПИМЕНОВА

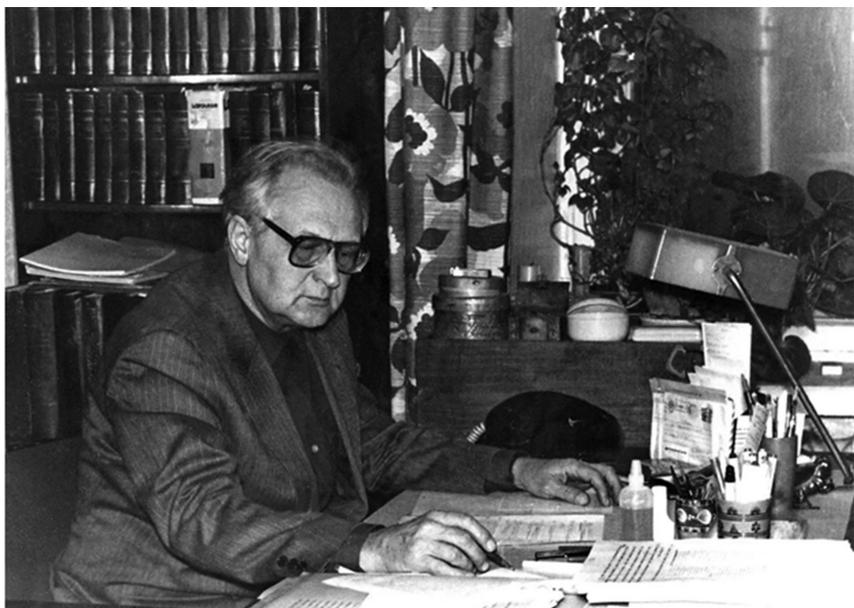
МОЙ УЧИТЕЛЬ АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ АДО

Изучением истории Франции нового времени на кафедре новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова много лет руководил профессор Анатолий Васильевич Адо (1928–1995)¹. Он принадлежал к числу тех немногих ученых, кто сумел создать свою научную школу, и этот факт уже нашел признание и оценку в историографии². Его творческий путь ученого-историка и вся жизнь со студенческих лет были неразрывно связаны с Московским государственным университетом.

В личности Анатолия Васильевича воплотилась преемственность русской университетской традиции. Он родился в старинном университетском городе Казани, в семье потомственных интеллигентов. По бытовавшей в семье Адо легенде, их родоначальник переселился в Россию в XVIII веке из Швеции, чем и объясняется происхождение необычной фамилии. Большая и дружная семья Адо, традициями которой дорожил Анатолий Васильевич, дала стране ряд известных ученых, преподавателей, врачей. Среди предков Анатолия Васильевича были также чиновники и купцы. Дед по отцовской линии окончил Горный институт в Санкт-Петербурге и возглавлял Костромское окружное пробирное управление. Отец, Василий Иванович, преподавал историю в Казанском университете. Мать, Александра Михайловна, работала в

¹ О жизненном пути и научном вкладе А. В. Адо написано уже немало. См., например: *Смирнов В. П., Федосова Е. И.* Анатолий Васильевич Адо // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1996. № 5; *Смирнов В. П.* Анатолий Васильевич Адо: человек, преподаватель, ученый (1928–1995) // Новая и новейшая история. 1997. № 1; *Бовыкин Д. Ю.* А. В. Адо: научная эволюция в контексте эпохи // Французский ежегодник. 2007. М., 2007; *Его же.* Анатолий Васильевич Адо: Образ и память. Саратов, 2007; *Гордон А. В.* Великая французская революция в советской историографии. М., 2009; *Его же.* Историки железного века. М.-СПб., 2018.

² *Гордон А. В.* Историки железного века. Гл. 9: А. В. Адо и его школа. С. 384–433.

Профессор А. В. Адо за работой в своем домашнем кабинете. 1986 г.

Государственном краеведческом музее ТАССР и занималась археологическими раскопками Волжской Булгарии. Сына они назвали в честь наркома просвещения А. В. Луначарского¹.

Любовь к родному городу, к его особой, немосковской атмосфере Адо сохранил на всю жизнь. В последние годы в одном из писем Анатолий Васильевич посвятил ему такие слова: «Съездил в Казань, был там 21-24 января. Славно было оказаться в заснеженном старом городе, в особой атмосфере зимних улиц, где еще много уютно светящихся окнами вечерами деревянных домов, нет того немыслимого хаоса, толп людей, всеобщего торгашества, как сейчас в Москве. И особая атмосфера отцовского дома, где часто собираются славные, умные люди; отец время от времени читает знакомому Вам кругу лиц главы воспоминаний, которые активно пишет. Их обсуждают, обмениваются мнениями, все очень любят эти “собрания”. Вроде бы переносятся в иное время, иную жизнь. А воспоминания и вправду очень интерес-

¹ Об этом вспоминает отец Анатолия Васильевича В. И. Адо. См.: *Адо В. И. Записки русского интеллигента XX века* // Казань. 2000. № 9. С. 52.

ные, найден и нужный тон, и мера сочетания частного и элементов общего, и т.д.¹ Вчера я уже вернулся в Москву и не без внутреннего сопротивления втягиваюсь вновь в здешнее бытие»².

Изучать историю Французской революции XVIII века Адо задумал еще старшекласником. Интерес именно к этой стране и эпохе у него зародился во многом под влиянием отца. Правда, родители, хотя и сами были историками, решение сына продолжить семейную традицию приняли не сразу – очевидно, слишком хорошо ощущая на себе тесные рамки творческого поиска и идеологическое давление на людей своей профессии в СССР 1940-х годов. Но интерес к истории переселил, и осенью 1945 г. А. В. Адо поступил на исторический факультет МГУ.

Вот каким его в те годы запомнил друг и коллега, профессор кафедры новой и новейшей истории Владислав Павлович Смирнов: «Внешне Толя был очень привлекателен. Высокий, красивый, с густой копной золотистых волос, звучным голосом и обаятельной улыбкой, он стал любимцем студентов и, особенно, студенток. Адо обладал веселым, жизнерадостным и общительным характером, любил хорошую компанию и дружеское застолье, был очень чувствительным к женскому обаянию, отлично танцевал, хорошо плавал, умел со вкусом выпить рюмку вина или выкурить хорошую сигарету. Летом он охотно бродил с нами по тогда еще не полностью захламленным лесам Подмосквья, плавал на лодках и байдарках по Волге, по Оке, карельским рекам и озерам»³. В молодые годы у себя на родине, в Казани он даже переплывал Волгу. В университете Адо включился в многообразную студенческую жизнь, выступал с агитбригадой вместе с учившимся в то время на истфаке известным поэтом Валентином Берестовым⁴, выезжал с однокурсниками в совхоз «на картошку», а позднее, уже молодым преподавателем – на целину. Анатолий Васильевич вспоминал, что совхоз в Зарайском районе, где работали студенты истфака, состоял из трех деревень, названных почти по Некрасову: Потлово, Пронюхлово и Мен-

¹ Эти воспоминания опубликованы в журнале «Казань»: *Адо В. И.* Записки русского интеллигента XX века // Казань. 2000. № 7–12.

² А. В. Адо – Л. А. Пименовой. 26.01.1993. Из личного архива.

³ *Смирнов В. П.* От Сталина до Ельцина: автопортрет на фоне эпохи. М., 2011. С. 220.

⁴ *Орлик И. И.* Наш курс. Истфак МГУ в 1947–1952 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 6. С. 129.

дюкино. И, по его словам, названия вполне соответствовали тому, что им довелось там увидеть.

Для меня неожиданностью стали в прекрасной книге Дмитрия Юрьевича Бовыкина отрывки из писем Анатолия Васильевича, отправленных из Москвы родителям осенью 1945 г., после поступления на истфак Московского университета. В них он выражает сильное разочарование и от университета, и от Москвы в целом, которую называет, как Печорин Тамань, «скверным городишком»¹. Со временем его впечатления сильно изменились, и мне запомнилось совсем другое. Анатолий Васильевич хорошо знал Москву, любил гулять по центру города, любовался старой архитектурой. Несколько раз случалось, как мы шли куда-то по делам, и он вдруг останавливался перед особнячком, освещенным неярким зимним солнцем, и предлагал: «Давайте немного постоим, посмотрим!».

По окончании аспирантуры, с сентября 1953 г. Адо стал работать на истфаке МГУ, на кафедре, которая в то время называлась кафедрой новой истории. Начало его работы как преподавателя пришлось на годы «оттепели». Он принадлежал к поколению, которое потом стали называть «шестидесятниками», или «поколением XX съезда». В университете развернулись политические дискуссии. Когда началось потрясшее факультет «дело Краснопевцева», Анатолий Васильевич, наряду со многими другими преподавателями и сотрудниками факультета, попал в поле зрения КГБ, так как общался с Л. Н. Краснопевцевым и Н. Г. Обушенковым. Его вызывали на допросы, к счастью, для него все обошлось без последствий².

Научным руководителем дипломной работы и кандидатской диссертации Адо на истфаке МГУ был Борис Федорович Поршневу³. Спустя много лет он вспоминал своего научного руководителя с неизменной симпатией, правда, с некоторой иронией. Безудержный полет фантазии Поршневу ему был явно чужд, и теоретические построения Адо всегда опирались на солидную фактическую базу и глубокое изучение источников.

Как возникает интерес ученого к теме, определяющий направление его исследований на долгие годы? Вошедший в науку как исто-

¹ Цит. по: *Бовыкин Д. Ю.* Анатолий Васильевич Адо: Образ и память. Саратов, 2007. С. 18.

² Об обстановке на кафедре и факультете в то время см.: *Смирнов В. П.* От Сталина до Ельцина. С. 246–251.

³ О Б. Ф. Поршневе см.: *Гордон А. В.* Историки железного века. С. 169–226.

рик крестьянства, Адо был человеком совершенно городским, у него даже дачи не было. На формирование исследовательских интересов в данном случае повлиял научный руководитель. Выбор темы диссертации – крестьянское движение в первые годы Французской революции – вполне соответствовал интересу Поршнева к народным восстаниям и той роли, которую он отводил классовой борьбе в истории. Но в процесс работы над диссертацией Поршневу не вмешивался и тексты своего ученика, в лучшем случае, только просматривал. У Адо не раз возникали серьезные разногласия со своим руководителем по научным вопросам. Как вспоминал Анатолий Васильевич, Поршневу полагалось, что его ученик слишком преувеличивает степень развития капиталистических отношений в дореволюционной Франции и, соответственно, недооценивает тяжесть феодального гнета.

Путь Адо в науку начинался в трудное время, когда страна пребывала за «железным занавесом», в трактовке истории отклонение от «генеральной линии» не допускалось и преследовалось, а о зарубежной поездке для работы в архивах или на конференцию до начала 1960-х гг. не могли мечтать не только студенты, но и преподаватели. В 1962 г. Анатолий Васильевич получил длительную научную командировку во Францию. Как пишет В. П. Смирнов, «это была неслыханная удача. “Мы выиграли 100 тысяч на трамвайный билет”, – повторял Адо»¹. К тому времени он был уже сложившимся, крупным специалистом по истории Французской революции. Зарубежные коллеги быстро оценили его, признав в нем достойного наследника и продолжателя классической русской исторической школы. Париж он уже хорошо знал по книгам и всей душой полюбил этот город. Своим ученикам он увлеченно говорил, что там каждый квартал имеет свое неповторимое лицо и даже запах у каждого квартала свой, особенный.

Во время этой поездки завязалась дружба Адо с выдающимся французским историком Альбером Собулем. Тот ввел советского коллегу в круг крупнейших на тот момент специалистов по истории Французской революции из разных стран. В доме Соболя собирались Клод Мазорик, Ричард Кобб, Армандо Саитта. Их объединяли не только научные интересы, но и левые политические убеждения. В том и в другом они оставались последовательными. Неслучайно Кобб по мере эволюции своих взглядов отошел от этой компании. Адо добился того,

¹ Смирнов В. П. От Сталина до Ельцина. С. 285.

что в 1982 г. Собулю присвоили звание почетного профессора Московского государственного университета, и был очень этим доволен. Он радовался тому, что мы, его ученики сумели найти с Собулем общий язык – а характер у того был очень непростой. Когда мы провожали Собуля, Анатолий Васильевич повторял: «Какой яркий человек!». Общался он и с Франсуа Фюре – лидером противостоящего Собулю, «ревизионистского» направления в историографии революции, но близкой дружбы, как с Собулем, между ними не сложилось.

Собрав во время командировки архивный материал, Анатолий Васильевич защитил в 1968 г. докторскую диссертацию на тему «Крестьянское движение во Франции накануне и во время Великой французской буржуазной революции конца XVIII века». От старших коллег я не раз слышала, что присутствовавший на защите Петр Андреевич Зайончковский назвал ее «праздником исторической науки». Диссертация легла в основу монографии «Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII века»¹. В ней Адо впервые в мировой историографии на обширном архивном материале показал роль крестьянства в первые пять лет Французской революции, разработал периодизацию и типологизацию крестьянского движения во Франции в 1789–1794 гг. Диссертация и книга выдержаны в последовательно марксистском ключе. И это было не просто обязательной данью времени. Адо, как редко кто другой из советских историков, в своих работах раскрыл и использовал эвристический потенциал материалистического подхода и формационной теории. При этом среди своих предшественников – исследователей аграрно-крестьянской истории революции – он назвал не только авторов, которых принято было именовать «прогрессивными» (Ж. Жореса, Ж. Лефевра, А. Собуля), но и «реакционного» Ипполита Тэна, впервые обратившего внимание на «гигантский размах массового народного насилия в революционные годы»². А особенно высоко среди предшественников Адо ценил Жоржа Лефевра (1874–1959). Данная им оценка трудов французского историка помогает понять подход самого Анатолия Васильевича: «Свои наблюдения и выводы Лефевр суммировал в понятии особой “крестьянской революции”, развивавшейся “в рамках Французской революции”, но автономной по своему происхождению,

¹ Адо А. В. Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII века. М., 1971.

² Там же. С. 9.

А. В. Адо выступает на церемонии вручения диплома почетного доктора МГУ Альберу Собулю. Слева направо: ректор МГУ А. А. Логунов, А. Собуль, преподаватель кафедры иностранных языков исторического факультета И. В. Шевлягина, А. В. Адо, Н. М. Мецзякова (сидит сзади), В. Н. Горюхов и Ю. Н. Афанасьев (сидят справа). 31 марта 1982 г.

методам, кризисам и тенденциям. В крестьянстве он увидел не просто подсобную армию буржуазии, но активно действующую силу, со своими особыми интересами и методами борьбы»¹.

Книга Адо стала новаторской. К изучению крестьянства в годы Французской революции XVIII века он обратился раньше, чем живой интерес к этой теме пробудился у французских историков. Видный специалист по истории крестьянства доктор исторических наук Александр Владимирович Гордон назвал книгу Адо «первым в советской историографии революции портретом коллективного субъекта, точнее коллективной личности, выступающей в роли революционного субъекта»². Адо вписал протестные выступления крестьян в историю

¹ Там же. С. 11.

² Гордон А. В. Великая французская революция в советской историографии. С. 327.

Французской революции и убедительно доказал, что аграрное законодательство Учредительного, Законодательного собрания и Конвента складывалось и менялось в ответ на требования восставших крестьян. Он выявил четыре основных направления в крестьянском движении: «войну против замков» (или, как ее еще называл автор, «общекрестьянскую войну против феодального строя»), «войну за землю», «войну за хлеб» (против дороговизны) и борьбу сельских рабочих за повышение заработной платы. Одним из наиболее сложных стал поднятый в книге вопрос об аграрных итогах революции. Получается, что своей революционной борьбой крестьяне многого добились и стали мелкими собственниками, но именно в упрочении мелкой земельной собственности многие историки видели тормоз капиталистического развития Франции в XIX в. Адо решительно не согласился с тем, что крестьянское движение было архаичным по своей направленности и успехи крестьянства обусловили замедленность развития капитализма во Франции. По его словам, напротив, «радикальная ломка феодализма в результате крестьянской революции» ведет к созданию «наиболее благоприятных условий для торжества капиталистического развития»¹. С точки зрения Адо, тормозом дальнейшего экономического развития Франции стала не крестьянская революция, а то, что она оказалась незавершенной и ее завоевания – непрочными. Он предложил «еще раз осмыслить реальные масштабы и прочность крестьянских завоеваний в революционное время»² и пришел к выводу, что хотя феодальная структура землевладения и была полностью ликвидирована в результате революционной борьбы крестьянства, но сохранились крупная земельная собственность, обременявшие крестьянское хозяйство земельные ренты и острая проблема крестьянского малоземелья. Более того, после термидора начался пересмотр завоеваний прежних лет, в результате чего крестьяне потеряли часть приобретенных ранее земель и были обложены дополнительными рентами. Французский путь развития капитализма при эксплуатации мелкого крестьянина крупным землевладельцем и ростовщическим капиталом оказался медленным и трудным.

В 1987 г. книга вышла вторым изданием под названием «Крестьяне и Великая французская революция» и позднее, к сожалению, уже

¹ Адо А. В. Крестьянское движение во Франции. С. 396.

² Адо А. В. Там же. С. 397.

после смерти автора была переведена и опубликована во Франции и в Германии¹. Труды Адо по истории крестьянства становились предметом специального обсуждения на международных конференциях². Ко времени подготовки второго издания книги изменилась ситуация в мировой историографии, произошел поворот от социальной истории к исторической антропологии. Концепция книги, в основном, сохранилась, но текст был обновлен автором в духе новейших историографических тенденций. Адо больше внимания уделил крестьянскому мировоззрению, появился специальный параграф о сдвигах в массовом сознании крестьянства в XVIII в. Концептуально обновились и размышления автора об аграрных итогах революции. Он отошел от идеи революции как основополагающего события, определяющего дальнейшее развитие страны, и заострил проблему соотношения исторической преемственности и революционного разрыва в истории Франции конца XVIII в. Адо пришел к выводу, что аграрные итоги Французской революции укладывались в русло тенденций социально-экономического развития, которые прочно укоренились во французской деревне уже к концу Старого порядка. Развитие аграрного капитализма английским путем экспроприации крестьянства было невозможно в стране, где крестьянам принадлежало не менее 40% земли и где капитализм в сельском хозяйстве развивался не только внутри сеньории, но и в ходе имущественной дифференциации крестьянства. «В конечном счете, – пишет автор, – решительно уничтожив сохранявшиеся феодальные порядки и во многом пойдя навстречу крестьянам, революция закрепила и стимулировала те пути аграрно-капиталистического развития, которые достаточно прочно определились в стране к концу XVIII в.»³ Оценивая результаты исследования Адо, Мишель Вовель в предисловии к французскому изданию книги отметил, что автор показал, «как французский путь оказался жизнеспособным и в конечном

¹ *Адо А. В.* Крестьяне и Великая французская революция: Крестьянское движение в 1789–1794 гг. М., 1987; *Адо А.* Paysans en Révolution: Terre, pouvoir et jacquerie, 1789–1794. Paris, 1996; *Адо А. В.* Die Bauern in der Französischen Revolution, 1789–1794. Leipzig, 1997. Подготовкой немецкого издания книги занимался доктор Маттиас Мидделл, прослушавший в студенческие годы курс лекций профессора Адо в Лейпцигском университете.

² *Autour des travaux d'Anatoli Ado sur les soulèvements paysans pendant la Révolution française // La Révolution française et le monde rural. Actes du colloque tenu en Sorbonne.* Paris, 1989.

³ *Адо А. В.* Крестьяне и Великая французская революция. С. 360.

итоге менее травматичным, чем эволюция-чистка на английский манер в направлении капиталистического сельского хозяйства»¹. Жаль, что, готовя новое издание, автор решил сократить количество приложений и пожертвовал интереснейшими хронологическими таблицами крестьянских выступлений с сентября 1789 по июль 1792 г.² Несмотря на признанную им самим неполноту, они содержали полезную информацию и служили хорошим дополнением к составленным им картам.

Вне поля зрения автора осталось антиреволюционное крестьянское движение – Вандея. А. В. Гордон вспоминает: «В разговоре со мной в конце 60-х годов Анатолий Васильевич признавался, что при архивных разысканиях документы о контрреволюционных выступлениях в деревне чередовались с не меньшим постоянством, но он их сознательно упускал. “В каждом департаменте была своя Вандея”, – резюмировал Адо. Знаменательно, что в конце 80-х годов (в условиях перестройки) он замыслил книгу именно о Вандее»³. В другой работе Гордон пишет, что Адо не ждал многого от этой книги ввиду недостатка источников у нас в стране и изобилия литературы о Вандее в мировой историографии⁴. Но не было ли это проявлением нормальных сомнений творческой личности на пороге нового большого труда? Ведь ряд источников Анатолий Васильевич взял на заметку, когда работал во французских архивах над первой книгой. Во всяком случае, в контексте отечественной историографии новая книга Адо могла бы стать такой же новаторской, как в свое время его исследование крестьянского движения в революции. К этой мысли меня привела его фраза: «В каждом департаменте была своя Вандея». То есть Адо рассматривал Вандею как широкий общенациональный феномен и имел в виду работу, в которой изучал бы антиреволюционные выступления крестьян не только на Западе, но и по всей Франции. А это предполагало не просто дополнительное исследование новых источников, но и серьезное концептуальное переосмысления всей проблематики места и роли крестьян во Французской революции. По мнению Гордона, изучение Вандеи требовало от историка пересмотра такой важнейшей

¹ *Ado A. Paysans en Révolution*. P. XV.

² *Адо А. В. Крестьянское движение во Франции*. С. 415–435.

³ *Гордон А. В. Великая французская революция в советской историографии*. С. 267.

⁴ *Гордон А. В. Историки железного века*. С. 422.

категории марксистской историографии, как «народное движение»¹, которое в книге Адо о крестьянстве представало неотъемлемой частью революционного процесса.

История Французской революции оставалась главной темой научной жизни Анатолия Васильевича. При этом в его творчестве удачно соединялись эмпиризм и концептуальность: выдающиеся качества историка-исследователя с тенденцией к масштабной генерализации. Гордон дал очень точную характеристику Адо как историка: «Анатолий Васильевич Адо принадлежал к мало популярной и тогда, и сейчас категории историков-концептуалистов. Фактография его не увлекала и не убеждала. Он тщательно работал с источниками, собрав огромный массив фактических данных; но накопление фактов само по себе отнюдь не было определяющим для его творческого почерка»².

Кроме своей главной книги, Анатолий Васильевич написал более ста тридцати научных работ, которые переводились и печатались в странах Европы и в США. Он обладал редким умением увидеть неисследованную научную проблему. По его инициативе и под его руководством коллеги и ученики подготовили в издательстве Московского университета серию книг к 200-летию Французской революции «Великая французская революция: Документы и исследования»³. В них впервые в отечественной историографии была освещена история разных слоев французского общества в годы революции. Перевод «Социалистической истории Французской революции» Жана Жореса начиная со второго тома, после смерти А. З. Манфреда выходил под редакцией Адо, который помимо общего научного редактирования текста проделал также гигантскую и кропотливую работу по подготовке комментариев к нему⁴.

¹ Гордон А. В. Великая французская революция в советской историографии. С. 263–271.

² Гордон А. В. Историки железного века. С. 384.

³ Кожокин Е. М. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до революции 1848 года. М., 1985; Пименова Л. А. Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986; Адо А. В. Крестьяне и Великая французская революция. М., 1987; Гусейнов Э. Е., Кожокин Е. М., Ревякин А. В., Туган-Барановский Д. М. Буржуазия и Великая французская революция. М., 1989; Документы истории Великой французской революции. Т. I–II. М., 1990–1992; Смирнов В. П., Посконин В. С. Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции. 1789–1989. М., 1991.

⁴ Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. В 6-ти т. М., 1976–1983.

Начиная с 1960-х годов и до конца жизни Адо писал полемически заостренные историографические статьи. В полемике вокруг работ профессора Ленинградского университета Владимира Георгиевича Ревуненкова, на протяжении долгих лет будоражившей советских историков Французской революции, Адо, в отличие от многих своих коллег, неизменно старался оставаться в рамках научной дискуссии, уважал оппонента и не навешивал ему идеологических ярлыков. Не могу не согласиться с мнением Д. Ю. Бовыкина, что «в дискуссии с В. Г. Ревуненковым мы вновь видим все то же присущее Анатолию Васильевичу стремление к разумному компромиссу и нежелание участвовать в политических баталиях»⁵. «Вчитываясь в текст выступления Адо⁶, спустя десятилетия, не могу не признать его научное достоинство», – пишет А. В. Гордон⁷. И в целом, говоря об отношении Адо к коллегам, Гордон справедливо отметил его «феноменальную корректность»⁸.

В большинстве своем историографические статьи Адо посвящены концепции Французской революции в целом, а не отдельным вопросам ее истории. Ученый признавал, что Франсуа Фюре, Дени Рише, Эмманюэль Леруа Ладюри, Ричард Кобб и другие историки «ревизионистского направления» привлекли внимание к действительно сложным и важным проблемам, прежде всего к проблеме феодализма, которая «на современном уровне <...> разработана недостаточно»⁹. Но их концептуальные построения представлялись ему в корне неверными, и он с марксистских позиций полемизировал с ними, отстаивая антифеодальную направленность революции конца XVIII в. Споры вокруг интерпретации Французской революции имели для Адо не только научный, но и мировоззренческий смысл, потому что он видел в них «фундаментальный вопрос о роли социальных революций в развитии общественного прогресса»¹⁰.

⁵ Бовыкин Д. Ю. Анатолий Васильевич Адо: Образ и память. С. 71.

⁶ Речь идет о выступлении на симпозиуме «Проблемы якобинской диктатуры», состоявшемся в Институте всеобщей истории АН СССР в 1970 г. См.: Проблемы якобинской диктатуры // Французский ежегодник. 1970. М., 1972. С. 278–313.

⁷ Гордон А. В. Великая французская революция в советской историографии. С. 311.

⁸ Гордон А. В. Историки железного века. С. 225.

⁹ Адо А. В. Французская буржуазная революция конца XVIII в. и ее современные критики // Новая и новейшая история. 1981. № 3. С. 53. В дальнейшем проблема феодализма подверглась в отечественной историографии серьезному переосмыслению. См., напр.: Феодализм: понятие и реалии. М., 2008.

¹⁰ Адо А. В. Французская буржуазная революция конца XVIII в. и ее современные критики. С. 43.

Несмотря на многолетнюю полемику Анатолия Васильевича с историками-«ревизионистами», помню, что, когда мы на четвертом курсе начали заниматься у него в спецсеминаре, он первым делом потребовал от нас прочесть работы Фюре и Рише. Предполагалось, что с работами Соболя мы к тому времени были уже хорошо знакомы.

Взгляды ученого со временем эволюционировали. Намеки на пересмотр прежней и подход к обновленной концепции Французской революции можно проследить в выступлении Адо на «круглом столе» в Институте всеобщей истории в 1988 г. Ученый подверг критике характерную для марксистской историографии трактовку революции «как качества демиурга новой общественно-экономической системы»¹. Уже правка, внесенная во второе издание книги о крестьянстве, свидетельствовала о том, что его все больше стала занимать методологическая проблема соотношения континуитета и разрыва исторической преемственности. Не отказываясь от марксистской теории смены общественных формаций, он предложил рассматривать Французскую революцию «как важнейший “событийный” рубеж в ходе протяженного во времени межформационного перехода», растянувшегося во Франции от XVI века до конца 1860-х гг. и возникновения Третьей республики².

На примере Французской революции ученый размышлял над «броделевской» проблемой взаимодействия процессов разной временной протяженности: спрессованного во времени исторического события, каковым была революция 1789–1799 гг., и долговременных процессов экономического и социального развития³. К осмыслению этой проблематики он старался привлечь внимание своих коллег-исследователей. В опубликованном посмертно тексте он призывал российских историков совершать раскованный, свободный выбор собственной позиции. «Сейчас, – писал он, – как я думаю, нет нужды стремиться к созданию некой общеобязательной для всех историков концепции якобинского периода Французской революции, как и всей этой революции в целом. Очевидно, в перспективе – кристаллизация различных концепций, альтернативных, конкурирующих, сближающихся и расхо-

¹ Адо А. В. О месте Французской революции конца XVIII века в процессе перехода от феодализма к капитализму во Франции // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. М., 1989. С. 9.

² Там же. С. 11.

³ Адо А. В. Французская революция в советской историографии // Исторические этюды о Французской революции. М., 1998. С. 310–318.

дящихся. В этом ведь и состоит нормальный процесс развития любой науки»¹.

Свою статью о научном пути Адо Д. Ю. Бовыкин завершил сравнением с эволюцией взглядов его отца: «Выйдя из образованной и благополучной семьи, Василий Иванович стал коммунистом, искренне принял идеалы Октябрьской революции, чем, на мой взгляд, во многом объясняется и его непрестанный интерес к революции французской. Сам же Анатолий Васильевич проделал, в известной степени, обратный путь, характерный уже для его поколения: будучи в молодости уверен в том, что революция – залог прогресса человечества, он постепенно, на протяжении жизни все больше разочаровывался в коммунистических и революционных идеалах»². С этим полемизирует А. В. Гордон, предлагая не спешить «с выводом об отказе Адо при Перестройке от “классической концепции” Революции и революционной традиции в пользу “ревизионистской” историографии»³. Как мне представляется, вывод о разочаровании в революционных идеалах можно отнести, скорее, к размышлениям Адо о российской истории. Собранные Дмитрием Юрьевичем выдержки из дневниковых записей и частных писем Адо это подтверждают. Но позитивная, в целом, роль революции XVIII века в становлении той Франции, которую он знал и любил, для него оставалась несомненной. Я вообще думаю, что ответ на вопрос о научной эволюции Адо выходит за рамки дилеммы: революция – это благо или зло. Его взгляд на Французскую революцию был обусловлен не только марксистской интерпретацией истории, но и, – что, на мой взгляд, еще важнее, – концепцией исторического прогресса, которой он остался верен до конца. А это глубже, чем марксизм: взгляд Адо на историю как восхождение по пути прогресса уходит корнями в эпоху Просвещения, столь близкую ему своим оптимистичным зарядом. Кроме того, и сам он, и его отец были носителями демократической культуры русской интеллигенции. Этим прочно усвоенным демократизмом диктовался его взгляд на народ, на его ведущую и позитивную роль в истории.

Анатолий Васильевич Адо был артистичным лектором и прекрасным педагогом, не жалевшим для многочисленных учеников ни

¹ Там же. С. 318.

² *Бовыкин Д. Ю.* А. В. Адо: научная эволюция в контексте эпохи // Французский ежегодник. 2007. М., 2007. С. 275–284.

³ *Гордон А. В.* Историки железного века. С. 423.

времени, ни сил. Своими обширными знаниями он всегда охотно и с удовольствием делился. Он блестяще читал лекции по истории нового времени, истории Франции, спецкурс «Актуальные проблемы истории Великой французской революции». Мне довелось слушать этот спецкурс в 1985–1986 учебном году. Просматривая свои записи того времени, я вижу, что большое внимание Анатолий Васильевич уделил критическому разбору новейшей, в том числе и немарксистской историографии, обращая внимание студентов не только на спорные утверждения, но и на заслуги тех историков, с выводами которых он не соглашался. Он не отказывался от социальной интерпретации Французской революции, характеризуя ее как буржуазную и народную. При этом он отмечал, что старые подходы (очевидно, имея в виду, в том числе, и «классическую» интерпретацию революции в ее марксистском изводе) исчерпали свой эвристический потенциал. Обозначая новые возможные подходы, он говорил о проблеме противоречивого взаимодействия народной и книжной культуры, мировоззрения народа и образованных кругов. Он говорил, что при несомненной автономности народного движения не следует выводить его за рамки буржуазной революции. При этом Анатолий Васильевич отмечал, что народ мог участвовать в революции двояко: следует различать революционную народную толпу, с одной стороны, и организованное, политически ориентированное народное движение, – с другой (в качестве примера последнего он приводил восстание в Париже 10 августа 1792 г.). Как одну из наиболее сложных Анатолий Васильевич обозначил проблему исторических итогов революции и связанную с ней – разрыва и преемственности в истории до- и послереволюционной Франции. Он полагал, что эти проблемы не только не решены, но и недостаточно осмыслены в историографии. Непонятно, – говорил он, – каким образом конкретная революция связана с изменениями в экономике и социальной сфере, иными словами, как взаимодействуют спрессованные во времени политические перемены (революция) с процессами большой длительности (*la longue durée*, по Ф. Броделю). Подход к осмыслению этой проблематики он по-прежнему искал в рамках формационной теории и обращал наше внимание на то, что Французская революция произошла в переходную эпоху между концом уходящей и началом зарождающейся формации. Такая эпоха обладала известным своеобразием, но была лишена внутренней целостности, и именно переходной эпохе соответствовал цикл буржуазных революций в разных странах.

Как мы видим, размышления Адо-лектора перекликались с проблемами, поставленными им в эти годы в научных статьях.

Много времени, сил и энергии Анатолию Васильевичу приходилось отдавать подготовке университетских учебников по новой истории стран Европы и Америки и по историографии¹. Как к любой университетской работе, Адо не мог относиться к этому делу формально, без души, потому что для него оно было частью профессиональной работы преподавателя. Для вышедшего под его редакцией учебника истории нового времени он, помимо авторских глав по истории Франции и общего введения, написал введения к разделам, в которых концептуализировал и объяснял студентам историческое своеобразие периодов XVII–XVIII вв. и XIX в. В учебниках историографии его перу принадлежат главы, посвященные исторической науке во Франции XVIII–XIX вв., а также введения к разделам, в которых дана общая характеристика развития исторической мысли в раннее новое время и в XIX веке.

В дальнейшем он относился к самой идее коллективных университетских учебников скептически, полагая, что их время прошло и что вместо них следует издавать учебные пособия на основе авторских лекционных курсов. К этой мысли он возвращался неоднократно и делился со мной своими размышлениями: «Е. Ф. Язьков задумал было заставить нас делать новый учебник по новой истории XVII–XIX вв. (под это – т.е. под учебные пособия – факультет выделил специальные деньги, которые должны выплачиваться ежемесячно). Я сопротивлялся, полагая, что прошло время учебников старого типа, много говорил с Валер. Семен.² – оторопь брала при одной мысли опять замешивать все это тесто. К счастью, Валериан Семенович согласился подготовить и издать читанный и читаемый им курс лекций. Это было бы замечательно³. Он подготовил проспект, очень интересный, это как раз то, что сейчас нужно для студентов»; «Меня при одной мысли о том, чтобы вновь начать это неподъемное дело, охватил ужас. К счастью, мне

¹ Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки / под ред. И. С. Галкина. М., 1977; Новая история стран Европы и Америки. Первый период / под ред. проф. А. В. Адо. М., 1986; Историография истории Нового времени стран Европы и Америки / под ред. проф. И. П. Дементьева. М., 1990.

² Валериан Семенович Бондарчук.

³ К сожалению, этот замысел не был реализован.

удалось убедить Е. Ф.¹, что сейчас совсем не время создавать учебники-монстры старого типа, а Вал. Семеновичу я подал идею издать его курс лекций – у него же начитан блестящий лекционный курс»². Конечно, «учебники-монстры старого типа» проще было создавать, когда существовала единая, обязательная для всех марксистская методология. Сочинить коллективный труд в изменившихся условиях, когда авторы придерживаются разных методологических подходов, стало гораздо сложнее. Мы с коллегами ощутили это в полной мере, когда нам пришлось уже в 2000-х писать новый учебник³.

Несколько поколений историков воспитаны на трудах профессора Адо, занимались по его учебникам, а тем, кто постарше, посчастливилось слушать его блестящие лекции. Адо создавал вокруг себя душевную и творческую атмосферу. У нас, его учеников, возникали неформальные, по-настоящему дружеские отношения со своим Учителем. А. В. Гордон совершенно прав, что Анатолий Васильевич стал для нас «учителем в самом высоком смысле – и таким, кто научает азам профессии, и таким, кто способствует духовно-нравственному формированию»⁴. Он по сей день остается для нас эталоном интеллигентности, порядочности и профессионализма. С учениками, начиная с подготовки дипломной работы, он предпочитал заниматься не на факультете, а дома, в своем уютном рабочем кабинете, в окружении книг и документов. Тексты дипломных работ, статей и диссертаций он заставлял нас переделывать по пять-шесть раз и возвращал их испещренными замечаниями и пространными размышлениями. Он был ученым мирового уровня, его вклад в исследование Французской революции по достоинству оценен международным сообществом историков. Многие из его учеников и коллег на собственном опыте знают, как одно имя Адо служило им рекомендацией, открывавшей двери самых престижных мировых научных центров. Адо жил в доинтернетную эпоху, поэтому у тех, кто с ним работал, к счастью, сохранилось немало написанного его рукой, с характерной точкой в конце, после подписи.

Он очень любил Францию, Париж, французскую культуру, французскую кухню и умел «заразить» своей любовью. Мог подробно и

¹ Евгений Федорович Язьков.

² А. В. Адо – Л. А. Пименовой. 14.04.1993 и 8.05.1993. Из личного архива.

³ История стран Европы и Америки в Новое время. В 2-х ч. / под ред. В. С. Бондарчука. М., 2011.

⁴ Гордон А. В. Историк железного века. С. 387.

со вкусом обо всем этом рассказывать. Его любовь к Парижу и глубокое знание города ощущаются в письме, которое он написал мне, естественным образом переходя с русского на французский, в ответ на известие, что я сняла квартиру в 10-м округе Парижа, недалеко от канала Сен-Мартен: «Живо представил ваш район – это ведь классический Paris de l'Est¹ (и Gare de l'Est² рядом), демократический Париж XIX в., рядом La Villette³, Парк des Buttes Chaumont⁴, неподалеку – и площадь Colonel Fabien⁵, где здание ЦК ФКП, построенное знаменитым бразильским архитектором⁶, что строил город Brasilia (столицу) [...]. А канал St.-Martin очень хорош, и очень приятны прогулки вдоль него. И еще стоило бы Вам купить билет на бато-муш⁷, который ходит по каналу [...] – это очень живописная и колоритная поездка через весь восточный Париж от Бастилии до La Villette (где раньше были знаменитые боины с мясными ресторанами вокруг, я их еще застал)»⁸.

Помимо истории Франции, он преподавал нам и тонкости французского языкового этикета. У меня сохранились его записка с перечислением формул вежливости на разные случаи жизни, которыми полагается заканчивать письмо, адресованное французскому коллеге. В конце перечня Анатолий Васильевич сделал выразительную приписку: «Здорово, верно? Во всем этом – определенные в историю уходящие традиции общения и культуры...»⁹.

Ко всем местам, где ему доводилось бывать, А. В. проявлял неподдельный интерес, делился о них меткими воспоминаниями и давал профессиональные исторические комментарии. Читая лекции в Лейпциге, он прислал мне открытку с видом университета и написал: «На 24 этаже этого небоскреба, что за ратушей, я и читаю свои лекции, а сама ратуша стоит на месте той крепости (донжон от нее остался), где когда-то во время знаменитого диспута Лютер и Эрк сочно поносили друг друга, к большому удовольствию бывшего при том курфюрста

¹ Восточный Париж.

² Восточный вокзал.

³ Ла-Виллет – большой парк на северо-востоке Парижа, построенный на месте бывших скотобоен.

⁴ Парк Бют-Шомон.

⁵ Площадь Полковника Фабьена.

⁶ Оскарот Нимейером.

⁷ Парижский речной трамвайчик.

⁸ А. В. Адо – Л. А. Пименовой. 18.01.1992. Из личного архива.

⁹ А. В. Адо – Л. А. Пименовой. Без даты. Из личного архива.

саксонского...»¹. А на открытке из Веймара он сообщил: «А вокруг этого стола, что на открытке, сживали вокруг старой герцогини веймарские министры, среди них – Гете...»².

Он ценил живопись и имел свои пристрастия. Еще в начале 1950-х гг., готовя кандидатскую диссертацию, Адо отправился в командировку в Ленинград для работы в библиотеке. Потом он вспоминал, как часто ходил в полупустой тогда осенью Эрмитаж и подолгу задерживался в залах итальянской живописи. Особенно он любил художников раннего итальянского Возрождения. Впоследствии, в период длительной командировки в Париж он не раз ходил уже в Лувр смотреть работы Фра Беато Анжелико и других мастеров кватроченто.

В живописи, как и в литературе Анатолий Васильевич не принимал авангарда. Вероятно, его эстетические пристрастия можно объяснить тем, что он – как ученый и как человек – был последовательным рационалистом и отказывался воспринимать то, что считал иррациональным. Сам был очень светлым человеком и отвергал то, в чем ему виделось темное начало.

Про себя не раз иронически говорил, что хотел бы быть «либеральным помещиком». И для нас, учеников он воплощал собой преемственность со старой университетской традицией. У него было неотразимое обаяние. Он любил застолье и всегда был душой компании. При этом он жил постоянно в крайне напряженном ритме, работал на износ. Несмотря на большое сердце, мало отдыхал. Вот что он написал однажды в открытке в самом начале учебного года: «Я после 15.VII все время работал, впору бы вновь поотдыхать – но, увы, приходится вползать в новый учебный год»³.

У Анатолия Васильевича остались невоплощенные замыслы: книга о Старом порядке, книга о Вандее. Но изучение истории и историографии Французской революции продолжают его ученики⁴. Многие

¹ А. В. Адо – Л. А. Пименовой. 22.01.1985. Из личного архива.

² А. В. Адо – Л. А. Пименовой. Без даты. Из личного архива.

³ А. В. Адо – Л. А. Пименовой. 3.09.1987. Из личного архива.

⁴ *Блуменау С. Ф.* От социально-экономической истории к проблематике массового сознания. Французская историография революции: 1945–1993. Брянск, 1995; *Его же.* Революционные преобразования Учредительного собрания во Франции в 1789–1791 годах. Брянск, 2011; *Блуменау С. Ф., Салимон В. Ю.* Политические группировки Учредительного собрания революционной Франции (1789–1791). «Левый центр». Брянск, 2016; *Бовыкин Д. Ю.* Революция окончена? Итоги Термидора. М., 2005; *Его же.* Король без королевства: Людовик XVIII и французские роялисты в

его ученики, ставшие кандидатами и докторами наук, работают теперь в университетах и научных центрах России, Франции, Германии. Один из них, доктор исторических наук Дмитрий Юрьевич Бовыкин, приняв эстафету от учителя, читает на историческом факультете МГУ лекционный курс «Французская революция XVIII в.: дискуссионные вопросы». Пусть ученики не занимаются аграрно-крестьянской проблематикой, а многие в своих исследованиях далеко ушли от Французской революции, но как профессиональные историки все они сформировались в семинаре профессора Адо. Своими собственными исследованиями и личным примером жизни в науке он создал центр притяжения, вокруг которого движутся, расходясь и сходясь, их собственные пути. Одна из первых учениц Адо, Тамара Кондратьева, которая начинала в его семинаре заниматься Французской революцией, а потом защитила во Франции две диссертации по советской истории, написала А. В. Гордону о значении книги своего учителя о крестьянстве для себя и для других его учеников: «Она-то и есть в центре школы, даже если мало кто из учеников занимался крестьянами. <...> В этом весь интерес школы. Призывая нас всегда критически относиться к своей собственной работе, Адо вел себя как un vrai Maître d'Ecole¹»².

1794–1799 гг. М., 2016; *Тырсенко А. В.* Фельяны: У истоков французского либерализма. М., 1999; *Его же.* Эмманюэль Жозеф Сийес и французская либеральная мысль его времени. М., 2005.

¹ Истинный наставник.

² Цит. по: *Гордон А. В.* Историки железного века. С. 425–426.

Г. Н. КАНИНСКАЯ, Н. Н. НАУМОВА

«Я – РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ»: ВЛАДИСЛАВ ПАВЛОВИЧ СМИРНОВ КАК ЧЕЛОВЕК, УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ

Творческое имя Владислава Павловича Смирнова, доктора исторических наук, Заслуженного профессора МГУ, хорошо известно научному историческому сообществу как в нашей стране, так и во Франции. Владислав Павлович 60 лет (с 1957 по 2017 годы) проработал на кафедре новой и новейшей истории, где прошел путь от ассистента до профессора. Он принадлежал к тому поколению университетских историков, которое определяло лицо факультета и кафедры на протяжении нескольких десятилетий XX и начала XXI вв.

В редакционном поздравлении журнала «Новая и новейшая история» по случаю 90-летия В. П. Смирнова, которое он отмечал 3 декабря 2019 года, его по праву назвали «выдающимся отечественным историком-франковедом», «общепризнанным создателем научной «школы» специалистов по новейшей истории Франции»¹. Во время чествования юбиляра на историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова 17 декабря 2019 года выпускники разных лет «школы» В. П. Смирнова подарили ему подготовленный специально к 90-летию сборник своих трудов², и одновременно состоялась презентация посвященной исторической науке новой книги В. П. Смирнова «Что такое история и зачем она нужна? (размышления историка)», которая, ввиду ухода из жизни Владислава Павловича 10 июля 2020 года, по праву может считаться посланием наставника будущему поколению тех, кто интересуется, любит и изучает историю³. Надо отметить, что В. П. Смирнов неоднократно обращался к проблемам историописания, адресуя публикации

¹ Юбилей В. П. Смирнова // Новая и новейшая история. 2019. № 6. С. 212.

² Очерки по истории стран Европейского Средиземноморья. К юбилею заслуженного профессора МГУ имени М. В. Ломоносова Владислава Павловича Смирнова / Под общ. ред. Л. С. Белоусова. СПб., 2020.

³ Смирнов В. П. Что такое история и зачем она нужна? (размышления историка). М., 2019.

В. П. Смирнов (1929–2020) – д.и.н., профессор

специалистам и студентам-историкам¹.

В. П. Смирнов родился в городе Кинешма, прежде Костромской, а ныне Ивановской области, «на Волге, в самом центре России», как написал он об этом в своих оригинальных воспоминаниях, где на основе собственной биографии он реконструирует «историю умственной жизни рядового советского человека»².

Семья В. П. Смирнова имеет крестьянские корни, и первыми к образованию приобщились его

родители. Владислав Павлович вспоминает, что в его семье любили читать и было множество книг, в частности, произведения классической литературы – Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Любимыми детскими книгами В. П. Смирнова были «Приключения Травки», написанные советским писателем Сергеем Розановым в 1930 году, и роман Л. В. Соловьева «Возмутитель спокойствия» (1940 г.) – первая часть его наиболее значительного произведения «Повесть о Ходже Насреддине». По словам Владислава Павловича, позже, уже в юности, он с большим интересом читал прозу Ремарка и Хемингуэя, военные романы; большое впечатление на него произвела повесть В. Некрасова «В окопах Сталинграда», впервые опубликованная в журнале «Знамя» в 1946 году.

Отец и мать В. П. Смирнова получили образование в сельскохозяйственном практическом институте в городе Плес, где они и познакомились. Затем мать заочно окончила педагогическое училище, готовившее учителей начальной школы, и в дальнейшем неизменно трудилась на педагогическом поприще. Отец В. П. Смирнова посто-

¹ См., например, написанные В. П. Смирновым главы 2 и 3 учебника «Историография нового и новейшего времени стран Европы и Америки». М., 2000, а также статьи в журнале «Новая и новейшая история»: Две жизни одного издания // 2002. № 3; О достоверности исторического знания. 2010. № 3; К вопросу о причинах Первой мировой войны. 2015. № 1 и др.

² *Смирнов В. П. От Сталина до Ельцина: автопортрет на фоне эпохи.* М., 2011.

янно был связан с сельским хозяйством, некоторое время работал директором племенного совхоза крупного рогатого скота в городе Тутаев Ярославской области и вывел его в передовики. Осенью 1940 года отца перевели на работу в Ярославль на должность начальника областного управления животноводства земельного отдела облисполкома. Еще в 30-е годы, он, по воспоминаниям В. П. Смирнова, проходил военную службу, поэтому в мае 1941 года его мобилизовали на курсы переподготовки артиллеристов в звании лейтенанта в Днепропетровск, где отца Владислава Павловича и застала война. Он прошел «от звонка до звонка» все четыре года Великой Отечественной – от Ленинграда до Берлина; был ранен, неоднократно отмечен боевыми наградами и закончил войну в звании майора. На долю матери и Владислава Павловича, остававшихся в Ярославле, выпали все тяготы военного лихолетья, пережитые населением тыловых областей.

В 1947 году В. П. Смирнов окончил в Ярославле с золотой медалью школу № 33 и вначале поступил по совету отца в МВТУ им. Баумана, но, проучившись один год, понял, что инженерно-техническая специальность – не его призвание, и успешно сдал экзамены на исторический факультет МГУ. Так, с 1948 года и до наших дней, судьба Владислава Павловича оказалась накрепко связана с историческим факультетом, где, едва появившись, он, по собственному признанию, отчетливо почувствовал, что оказался «в своей среде». Он учился легко, пропадал целыми днями на факультете, и поступление на истфак всегда считал своей удачей.

Специализировался студент В. П. Смирнов по кафедре новой и новейшей истории по истории Франции под руководством, по его словам, «строгого, но внимательного и добродушного» наставника – Наума Ефимовича Застенкера. Впоследствии он неизменно очень тепло о нем вспоминал, и было видно, что он относился к своему учителю с огромным уважением. В 1953 году В. П. Смирнов защитил дипломную работу, посвященную деятельности Французской компартии в межвоенные годы, и сразу же поступил в аспирантуру на кафедру, а в 1958 году защитил кандидатскую диссертацию о внутренней политике французских правительственных кабинетов в период «странной войны» (сентябрь 1939 – май 1940 годов). В том же году, в № 1 журнала «Новая и новейшая история» была опубликована его первая научная статья, и с тех пор Владислав Павлович более 50 лет продолжал оставаться постоянным автором журнала. В нем, как и в других научных отечественных

журналах, печатались его многочисленные статьи по истории Второй мировой войны и французского движения Сопротивления, по взаимоотношениям ФКП и Коминтерна, деятельности генерала де Голля и становлению идеологии военного голлизма, биографические работы о Н. Е. Застенкере и А. В. Адо.

В январе 1957 года, после окончания срока аспирантуры, В. П. Смирнов начал свою научную карьеру на кафедре новой и новейшей истории с должности ассистента. Руководил тогда кафедрой единственный в ее штате профессор Илья Саввич Галкин, исполнявший обязанности ректора МГУ в период Великой Отечественной войны. Владислав Павлович влился в состав кафедры наряду с такими будущими видными учеными и незаурядными людьми из «галкинских призывов», как Е. Ф. Язьков, А. В. Адо, И. П. Дементьев, Н. В. Сивачев и др., и наряду с преподавательской работой продолжил углубленное изучение истории Франции во время Второй мировой войны. В 1961 году вышла в свет его первая монография – «Франция во время Второй мировой войны», а в 1963 году – вторая – «“Странная война” и поражение Франции», не потерявшие и поныне своей научной значимости и актуальности. Предметом научного интереса Владислава Павловича надолго становится французское движение Сопротивления.

Благодаря огромной энергии И. С. Галкина, добившегося предоставления молодым ученым длительных научных зарубежных командировок, в 1963 году В. П. Смирнов отправился на 10-месячную стажировку во Францию, чтобы, так сказать, «на месте» продолжить изучение истории движения Сопротивления. За время пребывания во Франции Владиславу Павловичу удалось собрать уникальные исторические документы, опросить более 30 участников Сопротивления, в том числе руководителей всех его основных организаций, познакомиться и заручиться поддержкой главы Комитета по истории Второй мировой войны при премьер-министре Франции профессора Анри Мишеля, разрешившего ему работать в библиотеке Комитета и поспособствовавшего установлению контактов с корреспондентами Комитета на местах. Не будет преувеличением сказать, что и на сегодняшний день в нашей стране коллекция документов В. П. Смирнова включает в себя наибольшее количество французских источников по истории Сопротивления, а В. П. Смирнов может считаться основоположником изучения французского Сопротивления в СССР. Хотелось бы добавить, что Владислав Павлович щедро делился этими документами со

своими учениками. В значительной степени на «смирновских» архивных материалах было написано немало курсовых, дипломных работ и кандидатских диссертаций.

Научные изыскания во Франции во многом способствовали защите в 1972 году докторской диссертации по истории движения Сопротивления во Франции в 1940–1944 годы, а также публикации в 1974 году капитальной монографии «Движение Сопротивления во Франции во время Второй мировой войны». В этой работе впервые была представлена общая картина развития движения Сопротивления во Франции, проанализированы его основные проблемы, рассмотрена деятельность главных группировок Сопротивления, исследованы вопросы идейно-политической и классовой борьбы внутри этого движения.

Развивая данную тематику, В. П. Смирнов опубликовал в 1982 году статью о деятельности двух генералов – де Голля и Жиро – в период войны¹, а позднее представил краткий, но весьма емкий и глубокий анализ процесса формирования доктрины голлизма сначала как военного движения, а затем и политического²; выявил отличительные особенности голлистской идеологии и сопоставил ее с программами правых и левых сил Франции военных и первых послевоенных лет. Исследуя историю Франции периода Второй мировой войны, В. П. Смирнов неизбежно соприкасался с целым комплексом более крупных проблем, без осмысления которых было бы трудно передать подлинную атмосферу, царившую во французском обществе в эти трудные годы. Он изучал особенности развития страны в межвоенный период, взгляды ее основных политических лидеров, специфику расстановки политических сил в 40–50-е годы, эволюцию массового сознания французов и их отношение к своему историческому прошлому.

Впоследствии, вплоть до последних дней жизни, В. П. Смирнов продолжил исследование этих тем, результатом чего явилась публикация интересных трудов – книг и статей, основанных на новых архивных материалах, которые существенно дополняют и уточняют наши прежние представления о Франции военных лет, особенно в наиболее дискуссионный период 1939–1941 годов. Речь идет как о французских, так и о советских архивах, которые в 90-е годы открыли многие ранее

¹ Смирнов В. П. Де Голль и Жиро // Новая и новейшая история. 1982. № 2. С. 135–153.

² Он же. Генерал де Голль в годы Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 1990. № 6.

засекреченные факты, что позволило Владиславу Павловичу дополнить представления о Второй мировой войне и по-новому взглянуть на некоторые ее события. Показателем исключительной научной добросовестности В. П. Смирнова явилась предпринятая им после открытия архивов Коминтерна критика собственных работ о периоде «странной войны», в частности – трактовки в них позиции ФКП, которую доступные прежде источники не давали возможности представить всесторонне и объективно.

Тема истории Второй мировой войны оставалась одним из центров научных интересов Владислава Павловича. Как признанный знаток этой проблематики он был включен в состав редколлегии четырехтомного издания «Мировые войны XX века» (М., 2002 г.). В 2005 году издательство «Весь мир» опубликовало написанную В. П. Смирновым «Краткую историю Второй мировой войны». В ней в сжатой форме обрисованы главные события войны, автор дал им взвешенные оценки и привлек внимание читателей к спорным вопросам, которые до сих пор вызывают научные и политические дискуссии. В 2015 году в издательстве «АСТ-Пресс» вышла новая книга Владислава Павловича под названием «Две войны – одна победа», написанная на мало известных или даже не изученных ранее источниках и замалчиваемых документах, которые позволяют по-новому взглянуть на перипетии военно-политических событий Первой и Второй мировых войн. В. П. Смирнов представил в ней краткое изложение главных событий, нарисовал живые портреты ведущих политических деятелей тех лет, показал их непростые взаимоотношения и вклад в переживаемые ими исторические события. Значительное место в книге уделено развенчанию мифов, критике измышлений и фальсификаций, которые имели место и даже укоренились в исторической памяти. В этом труде он расширил свой исследовательский диапазон и предпринял попытку сравнить Первую и Вторую мировые войны.

Весной 2020 года к празднованию 75-летия победы СССР во Второй мировой войне В. П. Смирнов в соавторстве с Н. Н. Наумовой написал раздел «Европейское движение Сопротивления как фактор нарастания кризисных явлений в фашистском блоке» в коллективной монографии «Вторая мировая война и трансформация международных отношений. От многополярности к биполярному миру» (под редакцией Л. С. Белоусова и А. С. Манькина). В нем авторы рассмотрели разные – национальные – варианты антифашистской борьбы евро-

пейских сопротивленцев, делая упор на роли французского движения Сопротивления в освобождении своей страны и восстановлении государственно-политических структур. Эта работа стала последней прижизненной публикацией Владислава Павловича.

В. П. Смирнов – великолепный знаток истории Франции и самой страны, ее традиций и современной жизни. После первой длительной научной командировки во Францию он еще много раз там побывал, исколесил ее из конца в конец, встречался со многими видными французскими учеными, политическими и общественными деятелями, простыми французами. Здесь он приобрел немало друзей и единомышленников. Среди них были как известные французские историки, например, М. Вайс, К. Виллар, П. Гийоль, Р. Готлиб, Б. Гэно, К. Мазорик, М. Эймар и др., так и представители иных профессий, часто простые французы, с которыми Владислав Павлович познакомился в том числе благодаря деятельности общества «СССР – Франция» еще в 60-е годы. М. Эймар, представитель третьего поколения «школы Анналов», долгое время возглавлявший Дом наук о человеке, отзывался о В. П. Смирнове как о «блестящем специалисте по истории революции и новейшей истории Франции».

Владислав Павлович проникся глубокими симпатиями к Франции и ее жителям, сумел глубоко вникнуть в проблемы французского общества, его характерные черты, нравы и обычаи. Свои наблюдения и впечатления о Франции и французах в тесной связи с глубоким анализом прошлого и настоящего этой страны он изложил в содержательной, увлекательно написанной книге «Франция: страна, люди, традиции», изданной в 1988 году. Во «Французском ежегоднике» 2002 года В. П. Смирнов опубликовал заслуживающую внимания биографию маститого французского мэтра знаменитой «школы Анналов» Фернана Броделя, с которым неоднократно встречался и беседовал. А в 2017 году в издательстве «Ломоносовъ» вышла книга В. П. Смирнова «Образы Франции. История, люди, традиции», в которой, как справедливо отмечается в аннотации, «систематическое изложение французской истории сочетается ... с проникновением в национальную психологию и описанием подробностей быта». Владислав Павлович рисует портрет любимой им Франции на фоне современной эпохи, уделяя особое внимание национальным особенностям и национальному характеру французов.

Французские коллеги относились к Владиславу Павловичу с большим пиететом. Крупный французский ученый, историк-междуна-

родник, почетный профессор Института политических наук (Париж) М. Вайс считает его «настоящим ученым, требовательным и знающим историком, который так хорошо знал Францию и всегда стремился поддерживать связи между нашими двумя странами». Во многом благодаря этому, а также огромным усилиям его и другого талантливого профессора кафедры новой и новейшей истории, ведущего специалиста по истории Французской революции А. В. Адо в 1981 году удалось организовать обмен молодыми специалистами и приглашение французских профессоров для чтения лекций и ведения семинаров на историческом факультете МГУ. В свою очередь, В. П. Смирнова постоянно приглашали в Париж и другие французские города для участия в международных конференциях, по итогам которых, как правило, публиковались сборники статей. Имя его хорошо известно историкам и таких стран, как Германия, Польша, Румыния и КНР, где неоднократно переводились его исследовательские работы. Из общего количества 170 научных трудов В. П. Смирнов имел более 25 зарубежных публикаций. Общеизвестный создатель научной «школы» специалистов по новейшей истории Франции, в 2015 году в знак признания его заслуг он был награжден французской золотой медалью «La Renaissance Française».

Тематика исследований В. П. Смирнова по истории Франции постоянно расширялась. Так, с давних лет, его внимание привлекала Французская революция XVIII века. Как член редколлегии он принимал активное участие в подготовке задуманной А. В. Адо серии книг к двухсотлетию революции и сам опубликовал в ней в соавторстве со своим бывшим учеником, а на то время уже его коллегой по кафедре новой и новейшей истории В. С. Поскопиным монографию «Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции» (1991 г.). В этой работе авторов прежде всего интересовало, как закладывалась и развивалась во Франции революционная традиция, как она проявлялась в деятельности и левых, и правых политических партий, как события Французской революции на разных исторических этапах преподавались в школе. В 2003 году под редакцией В. П. Смирнова во Франции вышел сборник «Российские историки и Французская революция после коммунизма»¹, целью которого было

¹ *Les Historiens russes et la Révolution française après le Communisme / Sous la dir de V. Smirnov. Études révolutionnaires. N 5. Paris, 2003.*

представить французскому читателю современное состояние российской историографии по этому сюжету.

Другим направлением научных интересов Владислава Павловича стала история французского либерализма. В 2001 году под редакцией В. П. Смирнова и с его участием кафедрой была издана коллективная монография «Французский либерализм в прошлом и настоящем», где свои разделы по разным периодам развития либерализма во Франции написали историки, когда-то слушавшие его лекции или учившиеся под его руководством в спецсеминаре, а ныне известные ученые-франковеды Е. О. Обичкина, Е. И. Федосова, Н. Н. Наумова, Г. Ч. Моисеев, А. А. Преображенская, А. В. Тырсенко.

В. П. Смирнов всегда имел вкус к сюжетам, расположенным на стыке мемуарной литературы, историографии и историописания, изучения исторической памяти. В разные годы он публиковал статьи о жизни и научных достижениях своих коллег – Н. Е. Застенкера, А. З. Манфреда, А. В. Адо, С. Н. Гурвич и др. В 2011 году вышли и его собственные мемуары «От Сталина до Ельцина: автопортрет на фоне эпохи», в которых он стремился не столько рассказать о своей жизни, сколько познакомить новые поколения с духом того времени, в котором ему довелось жить.

В. П. Смирнов был блестящим оратором, его выступления всегда поражали ясностью мысли, четкостью их изложения, логикой. Он много лет читал на истфаке МГУ общий курс по новейшей истории стран Западной Европы и США, специальные курсы по истории движения Сопротивления и истории Пятой республики, долгие годы преподавал молодым студентам-франковедам интересный и познавательный курс «История Франции». Одновременно Владислав Павлович читал общие курсы по новейшей истории на филологическом факультете, факультете журналистики и ИСАА, в Институте повышения квалификации МГУ. Его лекции неизменно вызывали живой интерес у студентов, отличались насыщенным содержанием, увлекательностью, оригинальными оценками и выводами.

Имея огромный опыт преподавания, В. П. Смирнов активно участвовал в создании кафедрой учебной литературы для студентов по общему курсу новейшей истории, историографии, истории Франции. Им написаны главы в учебниках «Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки» (2000 г.), «История новейшего времени стран Европы и Америки. 1945–2000» (2001 г.), «История

стран Европы и Америки в XXI веке» (2012 г.). Особую ценность представляют учебные пособия по истории современной Франции: «Новейшая история Франции. 1918–1975» (1979 г.) и «Франция в XX веке» (2001 г.). В центре внимания этих книг – развитие французского общества от традиционного к современному. История Третьей, Четвертой и Пятой республик излагается через призму исторических традиций страны, проблем внутренней и внешней политики, парламентских и президентских выборов, баталий политических партий, потрясений от мировых и колониальных войн, социальных движений, идеологической борьбы и развития культуры. Начинающие специализироваться по истории Франции XX в. студенты-франковеды в первую очередь изучают перечисленные выше работы Владислава Павловича.

Заметный вклад В. П. Смирнов внес и в развитие школьного образования. Он выпустил три школьных учебника по новейшей истории, которые были включены Министерством образования РФ в список рекомендуемых для изучения. Первый – «Мир в XX веке» (в соавторстве с О. С. Сороко-Цюпой и А. И. Строгановым) – увидел свет в 1996 году и к настоящему времени выдержал 12 изданий. Вторым учебником – «Новейшая история» (в соавторстве с О. Н. Докучаевой и Л. С. Белоусовым) – опубликован в 2008 году. Эти два учебника предназначены для учащихся 11-х классов, а третий, изданный в 2014 году – «История. Новейшее время. XX – начало XXI века» (в соавторстве с Л. С. Белоусовым), предлагает знакомство и изучение истории учащимся 9-го класса.

Владислав Павлович был одним из тех представителей старшего поколения профессоров, кто сыграл важную роль в развитии и сохранении традиций кафедры новой и новейшей истории на историческом факультете МГУ, в формировании ее нынешнего коллектива. Он пользовался большим уважением и искренними человеческими симпатиями среди товарищей по кафедре и факультету, среди своих учеников. В. П. Смирнова отличали научная добросовестность, скрупулезное внимание к конкретным историческим фактам, документам. Именно на этом фундаменте он основывал свои концептуальные оценки и выводы. Ему были чужды абстрактное умозрительное теоретизирование, глобальные обобщения, не основанные на конкретных исторических фактах. Важными достоинствами В. П. Смирнова как ученого, исследователя были уважительное отношение к своим коллегам, к их научным взглядам и предположениям, стремление избегать категоричности

в собственных оценках и выводах, быть по возможности объективным. Он всегда был открыт для дискуссий, всегда признавал, что даже те точки зрения, которых он сам не придерживался, имеют право на существование, хотя неизменно был готов аргументированно и горячо отстаивать свою позицию, если считал ее верной.

В своих мемуарах Владислав Павлович написал: «Я – русский интеллигент». И это очень точный его образ. Каждый, кто общался с ним, непременно чувствовал его искреннюю заинтересованность в собеседнике, его обостренное чувство справедливости и доброжелательную готовность оказать помощь. В. П. Смирнов обладал большой внутренней культурой; будучи глубоко эрудированным историком, он оставался чрезвычайно скромным человеком. Он одинаково ровно и уважительно относился и к коллегам, и к ученикам, всегда обращаясь к студентам на «Вы». Критически оценивая многие факты и события, В. П. Смирнов всегда пытался, опираясь исключительно на достоверные источники, добиваться исторической правды. Этому он учил своих учеников и младших коллег. Владислав Павлович был большим знатоком русского языка, блестящим стилистом. Он умел предельно четко, кратко, красивым языком оформить свои мысли. С таким требованием он подходил и к текстам других авторов.

До лета 2017 года, когда В. П. Смирнов ушел на пенсию, он возглавлял на кафедре секцию истории Франции, Испании, Италии и Греции. На протяжении двух десятков лет он поддерживал в секции благожелательную атмосферу и руководил ею с присущей ему мягкостью и интеллигентностью. Он всегда с готовностью читал работы исследователей не только по истории Франции, но и Греции, Испании, Италии. Для каждого из членов секции правка Владислава Павловича была окончательной.

Студенты и аспиранты, специализирующиеся по новейшей истории Франции, считали за честь осуществлять свои исследования под его руководством. И дело не только в том багаже знаний, которым Владислав Павлович щедро делился с будущими франковедом. Как мудрый учитель В. П. Смирнов всегда находил в текстах молодых ученых те тезисы, которые заслуживали большего внимания, чем считали сами их авторы. Его, казалось бы простые, но частые замечания на полях: «Почему Вы так считаете?», «Что Вы хотите этим показать? Для чего это нужно?» и «Чем Вы это докажете?» побуждали искать и находить новые материалы, оттачивать формулировки и приобретать

очень ценный навык - смотреть на свою работу глазами неискушенного в теме читателя. Его целью было научить, передать свои знания другим, поэтому он кропотливо и вдумчиво исправлял написанные студентами и аспирантами работы, иногда по 5–6 раз. Обширные знания В. П. Смирнова разных периодов истории Франции всегда впечатляли, бывало, он с улыбкой спрашивал: «Слыхали ли вы об этом событии или об этой личности? – Нет? Но тогда нужно расширить Ваш запас знаний». Он обучал не только научной, но и преподавательской деятельности, говоря, что все и всегда надо делать с увлечением, и именно это увлечение историей старался передать своим студентам.

Владислав Павлович тщательнейшим образом работал не только с рукописями своих студентов, аспирантов и докторантов, специализировавшихся под его руководством, но и продолжал оказывать им всестороннюю помощь и поддержку после завершения срока их обучения. Он всегда был готов обсуждать новые научные проекты бывших учеников, читать их работы, часто совершенно далекие от сюжетов их прежней исследовательской деятельности на кафедре, давать ненавязчивые советы. Среди учеников В. П. Смирнова десятки дипломников, 16 кандидатов наук, 5 докторов наук: к сожалению, ныне ушедшие из жизни В. С. Шилов, И. М. Бунин, Г. Н. Новиков, а также продолжающие трудиться на исследовательском поле отечественного франковедения профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова Г. Н. Канинская и доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН М. Ц. Арзаканян. Владислав Павлович никогда не терял связи со своими бывшими учениками, его интерес к их профессиональной и личной жизни был искренним и неподдельным, а отеческая забота, готовность поделиться своими знаниями вызывали глубокое уважение.

В. П. Смирнова отличали порядочность, интеллигентность, живой ум. Это был общительный и гостеприимный человек, интересный собеседник. Те, кому довелось работать рядом с ним или учиться у него, знают и ценят его прекрасные человеческие качества – внимательное отношение к людям, требовательность в сочетании с доброжелательностью, которая превращала общение с ним в радость, точность в выполнении своих обязательств, надежность в дружбе, неиссякаемый юмор.

Владислав Павлович любил жизнь, все ее проявления: походы в лес, катание на лыжах, путешествия по миру и стране. Он не пропустил

ни одной поездки, которые исторический факультет организовывал каждый год: Вологда, Ярославль, Пушкинские горы, Тарханы, Муром, Вязники... – все было ему интересно, радостно: новый город, новые знакомства, общение с коллегами, обмен впечатлениями.

Владислав Павлович был большим любителем туризма, он изобразил на байдарке немало наших рек и озер и посетил с экскурсиями несколько зарубежных стран. Прекрасный семьянин, своими успехами в жизни и в работе он в немалой степени был обязан поддержке и заботам со стороны его обаятельной жены и верного друга – Инны Ефимовны. Она также окончила истфак МГУ, являлась специалистом по истории Великобритании и до выхода на пенсию трудилась в ИМЭМО РАН. У них есть сын и четверо внуков, в воспитании которых они принимали, а после смерти Инны Ефимовны в 2017 году – один Владислав Павлович – самое активное участие. Сын В. П. Смирнова Сергей и внук Степан помогли Владиславу Павловичу подготовить и отредактировать последнюю написанную им книгу, которая содержит его размышления о значении истории в образовательном процессе. Обобщив свой многолетний опыт историка-ученого, исследователя и педагога, Владислав Павлович рассказал об основных проблемах исторического познания, объяснил, зачем нужна история, как она изучалась в прошлом и исследуется в настоящем, насколько достоверны исторические знания, как история связана с идеологией и политикой. Книга написана мудрым, пережившим многочисленные пертурбации нашего общества и прекрасно образованным человеком. Интересны рассуждения автора, над которыми читателю следует поразмышлять самостоятельно. По убеждению В. П. Смирнова, «историю время от времени переписывают не только в России, но почти во всех странах... Стремление к переписыванию истории особенно возрастает в период крупных общественных преобразований... Очень важную, часто решающую роль в переосмыслении и переписывании истории играли – и сейчас играют – ненаучные, прежде всего идеологические и политические соображения»¹. Для В. П. Смирнова очевидно существование исторических фактов, «которые имеют объективный характер, независимо от чьего-либо мнения или воли», а «споры об исторической истине должны решать ученые путем свободной дискуссии между ними и при условии получения необходимых документов, причем это

¹ Смирнов В. П. Что такое история... С. 133.

может занять длительное время»¹. Автор, высказавшись «в пользу закономерности исторического развития», признает при этом, что сфера действия закономерностей в человеческом обществе «ограничена теми или иными аспектами человеческой деятельности», в результате чего «возникают разные случайные события или процессы, определяющие конкретные особенности развития разных стран»². В. П. Смирнов не сомневался в необходимости «альтернативных» подходов в историческом исследовании, что, по его мнению, «позволяет шире взглянуть на исторические процессы и способствует изучению таких тенденций общественного развития, которые существовали, но не реализовались»³.

Уже будучи человеком преклонных лет, В. П. Смирнов не боялся строить смелые научные планы и делиться мыслями о них с близкими и коллегами. Он прожил долгую жизнь, но оставался всегда современным человеком, независимо от возраста. Интересовался жизнью внуков, очень хотел их понять, и чтобы они поняли его, а значит – сохранить преемственность поколений, что казалось ему очень важным. Так кажется и нам – его ученикам, задачей которых является также сохранить преемственность иного рода – научную и педагогическую, продолжить все то, чем жил и над чем трудился Заслуженный профессор МГУ Владислав Павлович Смирнов.

¹ Там же. С. 137, 141.

² Там же. С. 143.

³ Там же. С. 150–151.

Л. В. БАЙБАКОВА

Е. Ф. ЯЗЬКОВ КАК ОДИН ИЗ ОСНОВАТЕЛЕЙ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ШКОЛЫ ИСТОРИКОВ-АМЕРИКАНИСТОВ

Современному поколению студентов, возможно, неизвестно, что в Московском государственном университете в течение долгого времени не было ни одного штатного американиста, а специализация велась спорадически за счет приглашенных из Академии наук ученых. В отличие от сложившихся еще в дореволюционной России научных школ в изучении Франции, Германии и Италии традиция в изучении и преподавании истории США практически не сложилась. Только во второй половине 1950-х гг. на историческом факультете были созданы необходимые политические и материально-технические условия для превращения американистики в самостоятельное и быстро развивающееся направление страновой специализации¹. Решающий вклад в становление университетской школы американистики внес заведующий кафедрой И. С. Галкин², пригласивший для преподавательской работы когорту молодых и перспективных выпускников истфака. И в первом списке, с которым он пришел к ректору в 1955 г. для того, чтобы получить штатные единицы и «пробить» московскую прописку для иногородних сотрудников, значилась фамилия Евгения Федоровича Язькова.

Молодой специалист приступил к работе на кафедре в трудные времена для советской американистики, в обстановке «холодной войны», сделавшей непримиримыми врагами бывших союзников по антигитлеровской коалиции – США и СССР. Остроту антиамериканской пропаганды, по воспоминаниям академика Н. Н. Болховитинова, можно представить, ознакомившись с характерными названиями научных работ тех лет – «Американский империализм – злейший враг народов», «Разбойничий путь американских агрессоров» и т.д.³ Да и сам Язьков,

¹ См. главу Ю. Н. Роголева «История США» в разделе I.

² См. главу Т. В. Никитиной об И. С. Галкине в разделе II.

³ Болховитинов Н. Н. Российская американистика. 1814–1999 // Исторические записки. М., 2000. № 3 (121). С. 55.

рассказывая о своих аспирантских годах, ссылался на кафедральные методологические семинары, на которых «настойчиво проводилась мысль о том, что американский империализм всегда был и остается «самым реакционным» и «самым грабительским»¹. Разъясняя, почему систематическое изучение истории США началось в России значительно позже, чем в других странах Европы, он отмечал, что «главной причиной, которая вплоть до середины 50-х годов практически блокировала формирование советской научной американистики, был тоталитарный режим, утвердившийся в 30-х годах в СССР. В этих условиях развитие исторической науки целиком определялось политико-идеологическими установками, которые диктовались советским ученым партийно-государственным руководством страны. Любые отклонения от этой официальной линии немедленно вызвали грозный окрик сверху и подвергались беспощадному разносу, а то и разгрому»². В частности, во время печально известной кампании борьбы с космополитизмом были уволены работавшие на кафедре новой и новейшей истории американист Л. И. Зубок и англовед И. С. Звавич³.

Данный пример красочно рисует атмосферу, царившую в те годы в академическом сообществе. В то время нельзя было избежать излишне категоричных и во многом упрощенных идеологических стереотипов официальной сталинской пропаганды, которая и предопределяла политико-идеологическую заданность научных трудов. Да и сами исследователи, хотя и осознавали некую вульгаризацию подобных оценок, в целом были искренне убеждены в их правильности, поскольку для этого имелось достаточное количество неопровержимых фактов, связанных с возникновением феномена «сверхдержавности» в международных отношениях. Дело в том, что после Второй мировой войны США, значительно укрепив экономическую мощь за счет военных заказов и обладая монополией на ядерное оружие, стали претендовать на роль мирового лидера. Биполярное противостояние с СССР, которое стало

¹ Язьков Е. Ф. Изучение истории США в Московском университете и роль программы фонда Фулбрайта в развитии научных исследований и подготовке кадров // Исторический образ Америки. М., 1994. С. 16.

² Язьков Е. Ф. Н. В. Сивачев и развитие школы научных исследований и преподавания истории Соединенных Штатов Америки в Московском университете // Памяти профессора Н. В. Сивачева. США: эволюция основных идейно-политических концепций. М., 2004. С. 6.

³ См. главу П. Ю. Князева и С. А. Соловьева «История Великобритании и Ирландии» в разделе I.

оформляться не только в институциональном (с образованием военных блоков НАТО и ОВД), но и в пространственно-географическом плане, главной вехой которого стала война в Корее 1950–1953 гг., требовало определения его причин. Советские историки, руководствуясь теоретико-методологической установкой марксизма, выводили агрессивность американского империализма преимущественно из его классовой сущности. Вот почему представление об Америке времен «холодной войны» как о «загнивающем» монополистическом капитализме», достигшем своей высшей стадии, находило выражение в особой актуальности исследований, посвященных изучению классовой борьбы трудящихся против буржуазии в «эпоху империализма».

Эта проблематика оказалась настолько востребованной, что многие американисты тех лет занимались преимущественно историей рабочего движения. Не менее важным был вопрос о его союзниках, в частности, трудового крестьянства, изученного в советской историографии гораздо в меньшей степени. Это обстоятельство во многом предопределило выбор Язьковым в качестве темы кандидатской диссертации фермерского движения в США, представлявшего в период мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. одно из массовых движений социального протеста. Начинаящего исследователя интересовали причины, содержание и формы протестного движения или, как бы сейчас сказали, модели поведения разных слоев крестьянства. Для решения поставленных задач требовалось привлечение большого круга источников, проливавших свет на условия возникновения фермерского движения, степени его зрелости, социально-классового состава, организационных форм борьбы, выработки программных требований и их идеологического обоснования. Однако здесь возникли определенные трудности, связанные со слабой языковой подготовкой молодого специалиста. Представленный им доклад о сути мирового экономического кризиса был подвергнут критике доцентом кафедры Н. Ф. Мочульским¹ за недостаточное использование американской прессы. Язькову пришлось интенсивно заниматься английским языком. Неоценимую помощь ему оказала старший преподаватель Н. П. Малыгина, которой была разработана интенсивная методика обучения, предназначенная специально для историков. Скоро ее ученики не только бегло заговорили, но и научились читать и грамотно переводить иностранные документы в подлинниках.

¹ См. главу «История Великобритании и Ирландии» в разделе I.

Немалое трудолюбие было проявлено Язьковым в сборе самых разнообразных источников, имевшихся в московских библиотеках. В итоге написанная им диссертация (594 стр.) поражала читателей широтой информационной базы. Ее составили впервые вводимые в научный оборот официальные документы, отчеты департамента сельского хозяйства, материалы конгресса США, статистика, дневниковые записи и биографии государственных и общественных деятелей, периодические издания разного идейного толка.

Определяя хронологические рамки диссертации, исследователь выбрал один из самых переломных периодов американской истории, когда наиболее ярко проявился потенциал протестного движения. Он считал, что мировой экономический кризис 1929–1933 гг. нанес сокрушительный удар по благосостоянию рядовых американцев, вызвав всплеск сначала рабочих забастовок, а затем рост движения аграриев, требовавших от правительства активных мер социальной защиты. И если президент Г. Гувер, защищая незыблемость догматов «твердого индивидуализма», отказал им в поддержке со стороны государства, то Ф. Д. Рузвельт, пришедший к власти в 1933 г., инициировал принятие конгрессом закона о правительственных субсидиях фермерам за ограничение собственного производства (сокращение посевных площадей и поголовья скота) с целью повышения цен на сельскохозяйственную продукцию. Этот пример, по мнению автора, убедительно свидетельствовал не только о растущем потенциале массовых движений протеста, но и определенной гибкости, проявленной правящей элитой «для того, чтобы удержать под своим влиянием миллионы трудящихся». В 1955 г. кандидатская диссертация на тему «Массовое фермерское движение в США в период мирового экономического кризиса 1929–1933 гг.» была успешно защищена¹. Несколькоими годами позже она была издана в виде монографии, ставшей первой в советской американистике работой, в которой на разнообразных источниках решался вопрос об общем и особенном в мощном протестном движении аграриев². В своих последующих исследованиях Язьков, придерживаясь данной концепции, неизменно подчеркивал, что в годы «нового курса»

¹ Язьков Е. Ф. Массовое фермерское движение в США в период мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. Дис... канд. ист. наук. М., 1955.

² Язьков Е. Ф. Стачное движение сельскохозяйственного пролетариата США в 1929–1935 годах: пособие по спецкурсу. М., 1962.

произошли существенные сдвиги в сфере государственной аграрной политики¹.

Конечно, современных читателей вряд ли удовлетворит объяснение ряда исторических событий, идущих от принятых в послевоенные годы идеологических клише, но нам важно отметить вклад молодого ученого в советскую историческую науку, которому удалось детально воссоздать сложную картину борьбы «сельского населения» за свои кровные интересы, заставившей правящий класс пойти на их частичное удовлетворение. Однако всесторонне осмыслить и тем более теоретико-методологически убедительно интерпретировать собранный ценный конкретно-исторический материал ему было трудно из-за господствовавшей в советском общественном сознании упрощенной марксистско-ленинской схемы классовой оценки сущности капиталистического государства периода империализма.

В 1963 г. Язьков был откомандирован в США на стажировку в рамках заключенного в 1958 г. соглашения между СССР и США о сотрудничестве и обмене в сфере культуры, образования и науки, которое предоставило советским историкам возможность работать в американских библиотеках и архивах. Продолжая изучать фермерское движение, хотя и в более ранний период, он исходил из марксистского тезиса о том, что крестьянство в буржуазном обществе представляет разношерстную социальную прослойку, различные категории которого имеют разные материальные интересы, поэтому их организационное оформление является делом непростым. В качестве доказательства исследователь ссылался на затяжной аграрный кризис 1920-х гг., усиливший социальную дифференциацию фермеров: на одном полюсе оказались капиталистические хозяйства, поставлявшие основную массу сельскохозяйственной продукции, а на другом – масса мелких производителей, владившие жалкое существование. Несмотря на разницу в их имущественном положении и политических настроениях, эти разнородные слои сплотились в борьбе против крупного капитала, выдвинув лозунг «равноправие для сельского хозяйства». Однако степень их

¹ Язьков Е. Ф. Фермерское движение в США в 1932–1933 гг. // Вопросы истории. 1956. № 9; *Он же*. Аграрная политика правительства Рузвельта и фермерское движение в США в 1933–1935 гг. // Новая и новейшая история. 1957. № 3; Мальков В. Л., Язьков Е. Ф. Внутренняя политика правящих кругов США в 1929–1933 гг. // Вопросы истории. 1960. № 5.

участия в антимонополистической борьбе, а тем более характер защищаемой ими программы действий был различен¹.

Для реализации научного замысла требовалось существенное расширение источниковой базы за счет привлечения новых документальных материалов, допуск к которым для ученых в СССР был ограничен. Чтобы восполнить имевшийся пробел, Язьков изучил огромный массив материалов, выявленных в Национальном архиве, библиотеках Исторического общества штата Висконсин, университетов Миссури, Оклахомы и Калифорнии. В числе оригинальных источников, впервые вводимых им в научный оборот, оказались разнообразные материалы фермерских организаций, официальные издания, материалы законодательной власти, отчеты правительственных комиссий и департамента сельского хозяйства, выступления президентов и отчеты министров земледелия, мемуары и дневники непосредственных участников событий, а также данные центральной и местной прессы (около 40 наименований). Исследователем были тщательно изучены работы американских ученых по истории фермерства, при этом он проявил научную добросовестность и гражданское мужество, заявив о высоком научном уровне публикаций «немарксистских» историков².

Глубокий анализ собранных в ходе зарубежной командировки источников позволил Язькову разработать типологию протестного движения, в свете чего деятельность фермеров приобрела более четкие и конкретные очертания. Им были выделены главные виды их экономической борьбы (стихийные выступления в форме забастовок, разные формы сельскохозяйственной кооперации, организации по созданию централизованной правительственной помощи и проч.). Немаловажное значение имел анализ ученым независимых политических действий, когда, согласно логике радикализации протестного движения, часть аграриев перешла от чисто экономических требований к более решительным формам борьбы³. Вывод автора, по существу ломавший

¹ Язьков Е. Ф. Фермерское движение в США в 1918–1933 гг. Дис... докт. ист. наук. М., 1972.

² Язьков Е. Ф. Рецензия на кн.: *Shover J. L. Cornbelt Rebellion. The Farmers Holiday Association. Urbana, 1965* // Новая и новейшая история. 1966. № 3.

³ Язьков Е. Ф. Движение за независимые политические действия трудящихся в США после Первой мировой войны и позиция фермерской организации (1918–1920 гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 9. История. 1968. № 2; *Он же*. Развитие сельскохозяйственной кооперации и ее роль в фермерском движении в

сложившиеся идеологические стереотипы, состоял в том, что именно фермеры, а не рабочий класс, активнее и раньше других слоев американского общества включились в антимонополистическую борьбу. Они первыми взяли на вооружение идею государственной помощи сельскому хозяйству и смогли добиться определенных успехов в улучшении своего положения.

Докторская диссертация Язькова «Фермерское движение в США в 1918–1929 гг.», успешно защищенная в 1973 г., актуализировала интерес научной общественности к углубленному изучению классовых конфликтов в капиталистическом мире, роль которых во второй половине XX в. заметно возросла. Обозначенная в исследовании перспектива в развитии индивидуального крестьянского хозяйства позволила и в дальнейшем разрабатывать типологию массовых протестов (по формам, целевой направленности, социальному составу и результативности движений), определять степень политизации широких народных масс и соотносить действие политического фактора с социально-экономическими процессами в обществе. Сформулированные в докторской диссертации выводы были впоследствии углублены и уточнены автором при издании в 1974 г. монографии¹, отмеченной Ломоносовской премией второй степени. Кроме того, за участие в двухтомном коллективном исследовании «История рабочего движения в США в новейшее время», где он писал главы о фермерском движении, Язьков был удостоен (вместе с Н. В. Сивачевым²) Государственной премии СССР³.

Свидетельством роста профессионального мастерства ученого явился выход в свет в 1972 г. учебного пособия «Новейшая история США», написанного совместно с Сивачевым на базе долголетнего чте-

США после Первой мировой войны (1918–1923 гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 9. История. 1969. № 3; *Он же*. Образование Фермерского блока и его борьба за государственную помощь сельскому хозяйству в США в 1921 г. // Вестник Московского университета. Сер. 9. История. 1972. № 1; *Он же*. Движение фермерского бойкота в США в 1920–1921 гг. // Американский ежегодник. 1970. М., 1972; *Он же*. Движение за независимые политические действия трудящихся в США (1921–1923 гг.) // Проблемы новой и новейшей истории. М., 1972.

¹ Язьков Е. Ф. Фермерское движение в США (1918–1929 гг.). М., 1974.

² См. главу А. С. Манькина и Ю. Н. Роголева о Н. В. Сивачеве в разделе II.

³ История рабочего движения в США в новейшее время. Отв. ред. Б. Я. Михайлов. Т. I. 1918–1939. М., 1970.

ния лекционного курса¹. Евгений Федорович написал первые его четыре главы, посвященные американской истории межвоенного периода. Не ограничиваясь приведением общеизвестных фактов, он пытался показать не просто путь, пройденный американским обществом на этапе общего кризиса капитализма, но и определить суть его социально-политических антагонизмов. Труд известных американистов, вызвав заметный интерес научной общественности, был издан на английском языке издательством «Прогресс» под названием «История США от Первой мировой войны до наших дней», получив благожелательный отклик американских рецензентов².

Успехи на профессиональном поприще стали основанием для продвижения ученого по службе: в 1973 г. он получил должность профессора. График его работы был чрезвычайно плотным, а педагогическая нагрузка доходила до 800–900 учебных часов в год. Язьков регулярно читал общий курс лекций по новейшей истории стран Западной Европы и Америки (1918–1945 гг.), вел спецсеминары, осуществлял руководство работой дипломников, аспирантов и стажеров. Одним из первых преподавателей кафедры он подготовил курс лекций по истории США, ставший с того времени базовым для всех начинающих американистов. Большим успехом среди студентов пользовался читаемый им с 1994 г. и до самой кончины спецкурс под названием «Новый курс» президента Ф. Д. Рузвельта³, в котором он убедительно доказывал, что проводимые в его рамках реформы были оптимальным путем к стабилизации американской социально-политической системы. Сами лекции были академически выдержанными, их отличало четкое изложение материала, глубокое научное содержание, образность приводимых примеров, блестящая форма изложения.

По воспоминаниям учеников, Язьков был ярким лектором: он никогда не читал подготовленную им лекцию по конспекту, а четко излагал свои мысли, подтверждая точку зрения ссылками на источники. У него будущие американисты «брали первые уроки в освоении научных методов», обсуждении дискуссионных теоретико-методологических проблем, анализе просчетов и достижений зарубежной исто-

¹ Сивачев Н. В., Язьков Е. Ф. Новейшая история США. 1917–1972. М., 1972.

² Rochester S. [Review of book] // The Journal of American History. 1978. Vol. 64, No. 4. – (Рец. на кн.: Sivachyov N.; Yazkov E. History of the USA since World War I. Moscow, 1976).

³ Летопись Московского университета. Исторический факультет. М., 2009. С. 135.

риографии¹. Постепенно вокруг Язькова складывалась собственная научная школа. Она формировалась не только из его дипломников и аспирантов, но также из тех специализировавшихся на кафедре студентов, кто слушал прочитанные им лекции и работал в семинарах, в дальнейшем продолжал заниматься изучением истории США. Двери гостеприимного дома Язькова всегда были открыты для учеников, с которыми он проводил длительные и обстоятельные консультации, знакомил с новинками научной литературы, представленными в его обширной библиотеке. Он внес существенный вклад в процесс аттестации профессиональных историков высшей квалификации, являясь членом трех специализированных советов по всеобщей истории при МГУ имени М.В. Ломоносова, Институте всеобщей истории и Институте США и Канады АН.

Несмотря на огромную педагогическую работу, Язьков не снижал интенсивности научных изысканий. Их главной темой оставалась реформаторская деятельность президента Рузвельта, но при ее оценке у него возникало немало трудностей. «В советской американистике, – по его словам, – по-прежнему господствовал жесткий классово-формационный подход к анализу американского общества на всех этапах его развития», поэтому изучение его любого аспекта должно было осуществляться в рамках догматической теории общего кризиса капитализма². Исходя из «одиозных догм вульгаризованного марксизма», каждый историк был обязан делать вывод о невозможности успешного приспособления капитализма к потребностям общественного развития, а, значит, и улучшения материального положения рядовых американцев при сохранении буржуазного строя. Единственное, что мог тогда сделать серьезный исследователь, это – показывать, опираясь на конкретно-исторический материал, что «либерально-демократические» реформы президента Рузвельта, направленные на укрепление классового господства монополистической буржуазии, частично удовлетворяли и требования трудящихся. Правда, ученый был вынужден делать многозначительные оговорки о том, что неотложные меры по государственному регулированию аграрной отрасли были осуществлены

¹ Профессору Евгению Федоровичу Язькову – 70 лет // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 244.

² Язьков Е. Ф. Изучение истории США в Московском университете и роль программы фонда Фулбрайта в развитии научных исследований и подготовке кадров // Исторический образ Америки. М., 1994. С. 17–18.

правительством под непосредственным воздействием сельскохозяйственного пролетариата. Наличие благодатного исторического материала позволяло ему интерпретировать реформаторскую деятельность Рузвельта, как попытку предотвратить, хотя бы на время, неизбежную гибель капиталистической системы, предсказываемую партийными документами¹. В последующие годы освещение ученым сюжетов «нового курса» приобрело более объективный характер. Он считал, что, начиная с 1930-х гг., государственное регулирование экономики и социальных отношений перешло на постоянную основу².

Важным этапом в научной деятельности Язькова стало участие в коллективных трудах, в которых были задействованы специалисты разных академических институтов. В 1985 г. он впервые вошел в состав авторского коллектива, работавшего над четырехтомным изданием «История США», которое до сих пор не утратило своей научной значимости. Язьков являлся не только членом редколлегии, но и написал 4 главы третьего тома, в которых дал развернутую картину политического и социально-экономического развития США в 1920–1930-х гг.³

При подготовке очередного фундаментального труда он, совместно с государствоведом А. А. Мишиным, выступал уже одним из руководителей межотраслевого авторского коллектива, подготовившего монографию «Конституция США: история и современность». Обращение к междисциплинарности позволило ученым (историкам, юристам и философам), используя достижения смежных дисциплин обществознания, «осуществить комплексный анализ стержневых направлений эволюции конституционно-правовых доктрин на протяжении всей истории США». Научная актуальность работы была обусловлена новизной постановки проблемы, поскольку в то время суть государственного права в основном редуцировалась к «лицемерию буржуазной демократии». Сложившийся в годы горбачевской «перестройки» более благоприятный общественный климат позволил изучать американский

¹ Язьков Е. Ф. Фермерское движение в США в 1932–1933 гг. // Вопросы истории. 1956. № 9. С. 44.

² Язьков Е. Ф. Новый курс Ф. Рузвельта и его место в истории США // Новый курс Ф. Рузвельта: значение для США и России. М., 1996. С. 31; *Он же*. Американский либерализм: прошлое и настоящее // Американское общество на пороге XXI века. М., 1996. С. 7.

³ История США. В 4-х т. Т. III. М., 1985.

опыт государственного строительства, при сохранении классово-обусловленного подхода, с позиции историзма, учитывая противоречивые социально-экономические и политические процессы на разных этапах развития страны. Теперь появилась возможность более взвешенно оценить демократический потенциал конституционного права, а не только видеть в нем выражение воли господствовавшего класса буржуазии. Примечательно, что главный вывод, к которому пришли ученые, гласил, что «Конституция США оказалась не просто сводом оригинальных идей, а практическим документом, сыгравшим большую роль в становлении нового государства». Более того, она и ныне «продолжает развиваться, сравнительно успешно адаптируясь» к изменяющимся условиям жизни¹. Признание советскими исследователями, хотя и с рядом оговорок, позитивного влияния конституционализма на развитие американской государственности означало оформление нового методологического подхода к изучению властных структур.

Знаковым событием в жизни Язькова стало образование в 1975 г. общеуниверситетского Научного координационного совета по проблемам американистики², председателем которого был назначен Сивачев³. Печатным изданием нового органа стали междисциплинарные ежегодники «Проблемы американистики», выходившие с 1978 по 2001 гг. В течение нескольких десятилетий Язьков являлся бессменным руководителем их авторского коллектива и готовил обстоятельные введения к каждому выпуску. В них он предостерегал молодых ученых от написания «скороспелых псевдоисторических опусов», исходящих в своих оценках прошлого из примитивного принципа «от противного», путем смены плюса на минус и, наоборот. Он не устал повторять, что в процессе начавшейся в 1990-х гг. критической переоценки многих укоренившихся стереотипов марксистской историографии имеет место «безоглядная идеализация всех ценностей западной цивилизации». Язьков полагал, что при переосмыслении американского опыта исследователи должны вести речь не столько об уникальности пройденного страной пути, сколько о благоприятных условиях для развития национальной идентичности. Резкой критике он подвергал появлявшиеся

¹ Конституция США: история и современность. Отв. ред. А. А. Мишин, Е. Ф. Язьков. М., 1988. С. 266–267.

² См. главы У. Джеймса, А. С. Манькина и Ю. Н. Роголева об изучении истории США в настоящем издании.

³ Летопись Московского университета. Исторический факультет. М., 2009. С. 85.

время от времени в российской публицистике работы, на страницах которых из истории США полностью исчезали классовые противоречия и социальные битвы, а сама страна в угоду сиюминутной конъюнктуры представлялась «идеалом политической демократии и социальной справедливости»¹.

Успехи американистов привели к созданию при кафедре в 1977 г. лаборатории по истории США² под руководством Сивачева. Первым результатом ее деятельности стали изданные в 1981–1982 гг. сборники статей, посвященные истории американских партий в новое и новейшее время³. По словам Язькова, в них были сформулированы новаторские идеи о том, что «все политические институты функционируют в виде замкнутой системы, внутри которой действуют присущие только ей закономерности и ее развитие осуществляется по вполне определенному циклу»⁴.

Безвременная кончина Сивачева в марте 1983 г. возложила много дополнительных административных обязанностей на Язькова, достойно продолжившего дело своего коллеги. С 1983 по 2008 гг. он не только возглавлял коллектив кафедры новой и новейшей истории, но и являлся председателем Научно-координационного совета МГУ по проблемам американистики, главным редактором междисциплинарных сборников, руководителем лаборатории по изучению истории США. По его инициативе были изданы два фундаментальных издания, посвященных эволюции американских политических партий, от их создания до наших дней. Первой была опубликована коллективная монография на английском языке под названием «Двухпартийная система США: история и современность», ответственным редактором которой был Евгений Федорович⁵. Вскоре в ведущем историческом журнале «*American Historical Review*», издаваемым Американской историче-

¹ Язьков Е. Ф. Либеральная традиция в США и ее творцы. Проблемы американистики. Вып. 10. М., 1997. С. 4.

² См. главу Ю. Н. Роголева «История США» в разделе I.

³ Политические партии в новое время. М., 1981; Политические партии в новейшее время. М., 1982.

⁴ Язьков Е. Ф. Н. В. Сивачев и развитие школы научных исследований и преподавания истории Соединенных Штатов Америки в Московском университете // Памяти профессора Н. В. Сивачева. США: эволюция основных идейно-политических концепций. М., 2004. С. 11.

⁵ The U.S. Two-Party System: Past and Present. A View by Soviet Historians. Yazkov E. (ed.). Moscow, 1988.

ской ассоциацией, появилась на нее хвалебная рецензия¹. Позднее в издательстве МГУ вышло в свет двухтомное исследование, озаглавленное «Принципы функционирования двухпартийной системы США: история и современные тенденции», в котором авторы пытались доказать, что американские партии на всех этапах своего развития являлись «орудием классового господства правящих кругов», но приведенный ими богатый конкретно-исторический материал во многом уже не мог быть интерпретирован в рамках устаревшей теоретико-методологической парадигмы².

Следующим шагом на пути углубления сотрудничества российских и американских историков стали совместные научно-исследовательские проекты. Сначала ученые приняли участие в подготовке пятитомной «Международной аннотированной библиографии по истории США», а затем перешли к изданию сборников под общим названием «Российско-американский диалог по истории США», главным редактором которых с российской стороны выступал Язков³. Юридическим основанием для их публикации явилось подписанное в 1986 г. соглашение между МГУ и университетом Миссури, нацеленное на ознакомление американской общественности с научными достижениями советских исследователей. Публикация подобных трудов, с одной стороны, способствовала началу научной дискуссии между учеными обеих стран, а, с другой, показала уязвимость утвердившейся в советской науке марксистско-ленинской концепции.

Именно тогда по инициативе ученых Московского университета был сделан еще один важный шаг в координации деятельности американистов различных специальностей, работавших в учебных и исследовательских центрах нашей страны. В 1995 г. было принято решение о создании Российской ассоциации историков-американистов⁴

¹ *Johannsen R. W.* [Review of book] // *The American Historical Review*. 1990, Vol. 95, № 5 (Рец. на кн.: *The U.S. Two-Party System: Past and Present. A View by Soviet Historians. Yazkov E.* (ed.). Moscow, 1988).

² Принципы функционирования двухпартийной системы США: история и современные тенденции: В 2-х ч. Отв. ред. *Е. Ф. Язков*. М., 1988. С. 6.

³ *Soviet-American Dialogue on the New Deal. Graham, Jr. O. L.* (ed.). Columbia (Mo.), 1989; *Russian-American Dialogue on the American Revolution. Wood G. S., Wood L. G.* (eds.). Kansas-City, 1995; *Russian-American Dialogue on Cultural Relations, 1776–1914. Saul N. E., McKinzie R. D.* (eds.). Kansas-City, 1997; *Russian-American Dialogue on the History of U.S. Political Parties. Silbey J. H.* (ed.). Kansas-City, 2000.

⁴ См. соответствующую главу.

под председательством Язькова¹. Основной формой ее деятельности стало регулярное проведение научных конференций. Самой яркой из них стало празднование 30-летия программы Фулбрайта на историческом факультете в июне 2004 г., на котором Евгений Федорович в приветственном слове подвел итоги многолетнего опыта сотрудничества ученых двух стран. Его мысли были поддержаны в выступлениях 9 американских историков, читавших в разное время лекции для студентов истфака.

Одной из сторон многогранной научно-педагогической деятельности Е. Ф. Язькова явилось создание университетских учебников по новейшей истории, которые он считал «самым ответственным видом литературы». По его словам, учебники «не просто читают, а штудируют сотни тысяч студентов и пропагандистов. И то, что почерпнуто из учебников – факты, оценки исторических событий, характеристики партий, государственных и общественных деятелей – остается в сознании на многие годы»². Язьков часто вспоминал начало своей трудовой деятельности, когда отсутствие учебников тормозило процесс преподавания, а появившиеся на рубеже 1950–1960-х гг. учебные пособия, в написании которых участвовали сотрудники научных центров Москвы и Ленинграда, имели ряд существенных недостатков, о которых он не раз заявлял в научной полемике.

Именно тогда у него сложилось представление о том, каким должен быть университетский учебник по новейшей истории. Его важнейшими условиями он называл сжатый объем, живость и доступность изложения, достоверность используемых фактов и цифровых данных, их опора исключительно на солидные и заслуживающие безусловного доверия источники. Разделы учебника должны были соответствовать основной периодизации курса, сочетать тематическую целостность с хронологической последовательностью. Немаловажное значение имело, с его точки зрения, максимальное приближение текста учебника к достигнутому уровню теоретико-научного понимания проблем новейшей истории, наличие в нем историографических обзоров по ключевым проблемам современной истории.

¹ Об учреждении ассоциации изучения США // Проблемы американистики. Вып. 10. М., 1997. С. 316-318.

² Домнич М. Я., Лунев И. И., Славин Г. М., Язьков Е. Ф. Учебные пособия по новейшей истории // Новая и новейшая история. 1960. № 4. С. 101.

Впервые Языков участвовал в подготовке первого университетского учебника по истории новейшего времени, изданного коллективом кафедры в 1974 г. Он не только вошел в состав редакционной коллегии, возглавляемой Галкиным, но и написал главы по истории США. Они соответствовали новейшим достижениям советской американистики, прежде всего, в богатом конкретно-историческом изложении материала, хотя часть введенных в научный оборот фактов уже не могла быть убедительно интерпретирована в русле устаревших директивных установок¹. Сам автор осознавал явные трудности создавшегося положения, но изменить что-либо было не в его силах.

Одновременно возникла еще одна проблема, касавшаяся принципа построения учебника. Языков считал наиболее оптимальным не чисто страноведческое изложение материала, а ориентацию на проблемно-хронологический подход, подразумевающий раскрытие того или иного явления сначала в общетеоретическом плане, а затем показа конкретных проявлений этих закономерностей в различных странах. Разработанный им метод корреляции проблемности с событийностью был реализован в 1989 г., когда ослаб идеологический контроль над наукой, что позволило подготовить новый университетский учебник по истории новейшего времени стран Европы и Америки. В написанном им предисловии был заявлен отказ от сверхооптимистического прогноза о поступательном движении мирового социализма и сформулирован исходный постулат об «определенной жизнестойкости» капитализма, продемонстрированной на протяжении всего XX в. Исходя из этого, следовало, что соотношение между разными общественными системами могло меняться в зависимости от конкретных обстоятельств и совсем необязательно только в пользу социализма, хотя в перспективе, с точки зрения законов общественного развития, капитализм должен быть заменен более прогрессивным строем². Новый университетский учебник обладал немалым позитивным потенциалом, однако срок его действия, как оказалось, был ограничен.

Кардинальные перемены в жизни нашей страны в конце 80-х – начале 90-х гг., вызванные упразднением СССР, потребовали переосмыс-

¹ Новейшая история 1918–1939 гг. Учебник. Под ред. *И. С. Галкина*. М., 1974; Новейшая история 1939–1973 гг. Учебник. Под ред. *И. С. Галкина*. М., 1975..

² История новейшего времени стран Европы и Америки. 1918–1945. Под ред. *Е. Ф. Языкова*. М., 1989.

ления всего хода исторического развития на новой методологической основе. Откликаясь на требования времени, коллектив кафедры под руководством Язькова приступил к выработке новой концепции, основанной на пересмотре укоренившихся в советской исторической науке догм вульгаризированного марксизма. Она была изложена в изданных в 2000 и 2004 гг. университетских учебниках, используемых до сих пор в учебном процессе¹. В главах, написанных Язьковым, не воспроизводилась формационно-стадиальная схема, основанная на этапах общего кризиса капитализма, а давалось объективное представление о характере исторического процесса и особенностях его проявления в истории отдельных стран. Введенный в текст учебника ряд современных понятий («индустриальное» и «постиндустриальное общество», модели государственно-регулируемого капитализма) в русле модернизационной парадигмы позволил «определить социально-экономическую систему высокоразвитых стран Запада, сложившуюся во второй половине XX в., как социально ориентированный государственно-корпоративно-конкурентный капитализм».

Наиболее последовательно эта концепция была изложена в опубликованном Язьковым курсе лекций по истории стран Европы и Америки между двумя мировыми войнами². Полностью отказавшись от присущей советской историографии ошибочной характеристики новейшей истории, как этапа неизбежной гибели капиталистического мира, он сформулировал более сбалансированную трактовку развития капитализма в XX в. Буржуазное общество, по его мнению, «эволюционировало в сторону более гуманных принципов самоорганизации», его неотъемлемой чертой стала «социальная ориентированность». Этот процесс внутренней трансформации, часто именуемый «социализацией капитализма», стал возможен не только в результате органического развития самого буржуазного общества, но и под воздействием идеи социалистического переустройства³. Издание курса лекций,

¹ История новейшего времени стран Европы и Америки: 1945–2000 гг. Под ред. *Е. Ф. Язькова*. М., 2000; История новейшего времени стран Европы и Америки: 1918–1945 гг. Учеб. для студ. вузов по спец. «История». Под ред. *Е. Ф. Язькова*. М., 2004.

² *Язьков Е. Ф.* История стран Европы и Америки в новейшее время. 1918–1945. М., 1998. С. 23.

³ *Печатнов В. О.* Рец. на кн: Язьков Е. Ф. История стран Европы и Америки в новейшее время (1918–1945 гг.). Курс лекций. М., 1998 // Новая и новейшая история.

в котором удачно сочеталась необходимая дидактичность с научной дискуссионностью, а большой фактический материал с его глубокой концептуально-теоретической разработкой, было высоко оценено научной общественностью¹. Впервые вышедшее в 1998 г. оно оказалось востребованным специалистами и переиздавалось дважды. Сам автор считал выход в свет лекционного курса, подводящего итог его 50-летней преподавательской работы, одной из самых важных вех в профессиональной деятельности.

В последние годы жизни Язьков много сил и энергии отдавал работе в редакциях периодических изданий. На протяжении многих лет он являлся членом консультативного совета «Американского ежегодника», редакционных коллегий журналов «Новая и новейшая история», «Вестник Московского университета» (серия история). По словам академика Г. Н. Севостьянова, долгие годы возглавлявшего журнал «Новая и новейшая история», «в трудных, спорных ситуациях компетентные суждения Е. Ф. Язькова не раз помогали найти конструктивное решение возникших проблем. Подкупают стремление... помочь талантливым авторам и в то же время твердая решимость не пропускать на страницы журнала легковесные, конъюнктурные, дискредитирующие подлинную историческую науку материалы». Долголетнее сотрудничество Евгения Федоровича с журналом, с его точки зрения, «раскрыло многие грани его яркой личности»².

Научные заслуги Язькова были высоко оценены правительственными наградами. В 1998 г. ему присвоили почетное звание заслуженный профессор Московского университета, в 2004 г. – звание заслуженного деятеля наук РФ, а в последний год жизни наградили орденом Дружбы³. Достижения Язькова в области американистики были признаны за рубежом: в 2001 г. он стал почетным иностранным членом Американской исторической ассоциации.

1999. № 4; Кантор Р. Е. Рец. на кн.: Язьков Е. Ф. История стран Европы и Америки в новейшее время (1918–1945 гг.). Курс лекций. М., 2000 // Вопросы истории. 2002. № 10.

¹ Печатнов В. О. Рецензия на кн.: Язьков Е. Ф. // История стран Европы и Америки новейшее время (1918–1945 гг.). М.: Изд-во Московского университета // Новая и новейшая история. 1999. № 5. С. 213.

² Профессору Евгению Федоровичу Язькову – 70 лет // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 244.

³ Летопись Московского университета. Исторический факультет. М., 2009. С. 183, 227, 279.

В конце жизни лет Евгений Федорович тяжело и долго болел. Тем не менее, он продолжал вести педагогическую и организационную работу, хотя каждый приход на кафедру стоил ему больших усилий воли. Во время чтения лекционного курса по истории США в апреле 2008 г. ему неожиданно стало плохо. Он был вынужден срочно уехать домой и больше не появлялся в родной alma mater, хотя каждый день надеялся продолжить прерванную работу. Скончался Язьков 28 марта 2009 г.

Но жизнь идет своим чередом и научная школа американистов Московского университета, в создании которой Евгений Федорович принимал самое активное участие, продолжает успешно развиваться. Десятки его учеников, защитившие под его руководством кандидатские и докторские диссертации, продолжают трудиться не только в России, но и странах ближнего зарубежья. Каждый год на кафедру новой и новейшей истории приходят новые студенты, желающие специализироваться по истории США, которую они постигают по его учебникам, учебным пособиям, монографиям и статьям. Это говорит о том, что независимо от смены научных парадигм и жизненных коллизий Евгений Федорович Язьков навсегда останется в числе наиболее почитаемых и достойных представителей отечественной американистики.

А. С. МАНЬКИН, Ю. Н. РОГУЛЕВ

Н. В. СИВАЧЕВ – ПЕДАГОГ, УЧЕНЫЙ И ОРГАНИЗАТОР НАУКИ

Отечественную американистику невозможно представить себе без Николая Васильевича Сивачева. Его имя известно практически каждому, кто сколько-нибудь серьезно занимался изучением Соединенных Штатов. Хорошо знают и помнят его и в академических кругах самих США. Несмотря на то, что им прожита сравнительно недолгая жизнь, неожиданно оборвавшаяся в момент наивысшего расцвета творческих сил, он успел сделать удивительно много не только для углубленного изучения важнейших сторон истории американского общества, но и для подготовки целой плеяды талантливых молодых специалистов, для качественного расширения научных связей между нашими и американскими историками.

Практически вся его самостоятельная жизнь связана с Московским университетом. В 24 года он был принят в аспирантуру кафедры новой и новейшей истории МГУ. В тот период еще только закладывался фундамент серьезного, углубленного изучения истории США. Ему повезло с научным руководителем. Им стал один из самых крупных отечественных историков-зарубежников академик В. М. Хвостов, человек, умевший уловить новые веянья в науке, не боявшийся их поддержать. Когда в 1956 г., наметились определенные сдвиги в общем отношении к проблеме международных контактов по линии Восток-Запад, они затронули и сферу научных связей с США. Николай Васильевич стал одним из первых стажеров из нашей страны, посланных в научную командировку в США. Это произошло в самом начале 60-х годов. Сивачев блестяще воспользовался открывшейся перед ним возможностью. Уже за время своей первой командировки он собрал интереснейший научный материал, позволивший ему подготовить яркую, в полном смысле слова новаторскую кандидатскую диссертацию, на базе которой в 1966 г. была опубликована его первая монография, заложившая вместе с появившимися примерно в это же время работа-

ми В. Л. Малькова и Н. Н. Яковлева основу советской, а затем и российской школы изучения истории «нового курса» Ф. Д. Рузвельта. Во время командировки он установил широкие и плодотворные контакты с американскими историками, политиками, общественными деятелями. В числе его знакомых оказались известные и влиятельные в США люди – Э. Рузвельт, А. Гарриман, Х. Хэмфри и др. Живое общение, поездки по стране заметно расширили его представления о нравах, обычаях, традициях, специфике изучаемой страны, а следовательно, и его профессиональный кругозор. После защиты кандидатской диссертации Н. В. Сивачев был зачислен в штат кафедры новой и новейшей истории, которой руководил профессор И. С. Галкин, разглядевший в нем перспективного ученого. Научная карьера Н. В. Сивачева была успешной и стремительной. В 1972 г. он защищает докторскую диссертацию, еще через несколько лет создает и возглавляет координационный совет МГУ по американистике, а затем избирается заведующим одной из крупнейших в Европе исторических кафедр – кафедры новой и новейшей истории. В эти же годы он был удостоен Государственной премии СССР и Ломоносовской премии.

За внешней легкостью и стремительностью продвижения к научным вершинам крылся огромный труд. Его отличали исключительная работоспособность и целеустремленность. Надо сказать, что научная работа никогда не была ему в тягость. Сивачев ежедневно работал по 14–16 часов, и получал от нее огромное удовлетворение, ибо это был труд творческий в полном смысле этого слова. Николай Васильевич ставил перед собой все новые, более сложные научные задачи и не жалел сил и времени для их решения. Иной он просто не представлял свою жизнь. Любовь и уважение к труду были заложены в нем с раннего детства. Николай Васильевич родился 26 апреля 1934 г. в глухой мордовской деревне Ташкино, в семье простых крестьян, где всегда пользовался уважением любой честный труд. Крестьянская закваска, основательность во всем, остались в Сивачеве на всю жизнь.

В 1951 г. после окончания сельской средней школы Николай Васильевич, тогда просто Коля, принимает смелое решение: поступать на исторический факультет МГУ. В то время конкурс туда был весьма высоким – более 10 человек на место. Но Сивачев уверенно взял это первое серьезное препятствие. На первых порах молодой человек из глубинки чувствовал себя в университете несколько неуютно. Однако он быстро впитывал в себя все лучшее, что мог ему дать историче-

ский факультет. Большую проблему для него представлял английский: без отличного знания языка нечего было рассчитывать на серьезный прогресс в выбранной специальности, а, как хорошо известно, преподавание иностранных языков в сельских школах до сих пор оставляет желать много лучшего. По существу Сивачеву в этом плане пришлось начинать чуть ли не с нуля. Молодой ученый успешно решил эту проблему: упорно занимаясь английским, он в короткий срок догнал своих однокурсников.

С первых шагов на поприще историка, по сути дела со студенческих лет Сивачев начал проявлять склонность к глубокому научному анализу, к постижению сути исследуемого явления, его самостоятельной интерпретации. Эти черты отметил в отзыве на дипломную работу Н. В. Сивачева его первый научный руководитель, будущий академик Г. Н. Севостьянов.

В 1956 г. Сивачев с отличием закончил университет. Однако именно в это время по инициативе высоких чинов в Минвузе было принято, мягко говоря, весьма спорное, а если говорить прямо, просто неразумное решение, что для поступления в аспирантуру необходимо было иметь как минимум двухгодичный стаж педагогической работы. В соответствии с распределением, Сивачев был направлен на работу в школу-интернат поселка Красногорский Челябинской области. При той педагогической нагрузке, которая, как правило, ложится на плечи школьного учителя, у него просто не остается ни сил, ни времени для серьезного повышения своей квалификации. Тем более в такой глухомани, где практически нет никакой научной литературы. Тем не менее, все два года работы в школе Николай Васильевич упорно готовился к поступлению в аспирантуру. Поскольку нужные библиотеки были далеко, выручали конспекты прочитанных книг, лекционных курсов, прослушанных в свое время в Университете, и та небольшая библиотека, которую он сумел собрать за время учебы и привез с собой. Настойчивость Сивачева была вознаграждена – в 1958 г. он поступил в аспирантуру.

Поскольку отечественная американистика в то время только становилась на ноги и профессиональных специалистов можно было пересчитать по пальцам, ясно, что, прежде всего, необходимо было направить их усилия на разработку узловых проблем американской истории. В. М. Хвостов, обладавший редким научным чутьем и проницательностью, посоветовал своему аспиранту заняться изучением

«нового курса» Ф. Рузвельта, периода, который многие американские историки справедливо нарекли «зарей современной Америки». Удачный выбор темы сразу позволил Сивачеву выйти на магистральные проблемы истории крупнейшей мировой державы современности.

В то время в советской американистике бытовали упрощенные, схематизированные представления о «новом курсе». Собственно закавычивание этого термина как бы подчеркивало, что он – не более чем демагогия, с помощью которой правящие круги США пытались предотвратить «углубление общего кризиса капитализма». В учебном курсе по истории США тех лет лекции, посвященные 30-м годам XX в. назывались «США в годы депрессии «особого рода»». При таком подходе смазывалась принципиально изменившаяся роль государства в решении социально-экономических проблем.

Как человек творческий, думающий нестандартно, Н. В. Сивачев быстро увидел серьезные изъяны в наших тогдашних представлениях об этом важнейшем периоде американской истории. Он активно искал ответы на волновавшие его вопросы, пытался выстроить собственную концепцию, объясняющую историческое место «нового курса». Далеко не все благожелательно относились к этому. Ему приходилось отстаивать свои взгляды в жесткой полемике. В 1962 г. он защищает кандидатскую диссертацию, и это была в полном смысле слова защита. Несмотря на выпады со стороны ряда ортодоксов, Сивачев сумел доказать правомерность своего подхода к проблемам «нового курса».

В том же году Сивачев начал преподавать на кафедре новой и новейшей истории. Преподавательская работа органично сочеталась у него с интенсивной научно-исследовательской деятельностью. Теперь его внимание привлекает рабочая политика правительства США в годы Второй мировой войны. Подобная постановка проблемы тогда у многих вызвала прямые возражения. Многие авторитетные историки и правоведа полагали, что в принципе неправомерно говорить о какой-то «рабочей политике буржуазного государства». Она, якобы, по определению должна быть исключительно антирабочей. Однако Сивачев сумел добиться того, что в программу специализации по истории США был включен его спецкурс по этой проблематике. Отметим, что впервые в практике исторического факультета МГУ он прочел его на английском языке.

Одновременно с исключительно интенсивной научно-исследовательской работой Сивачев успешно занимался научно-организацион-

ной и общественной деятельностью. Он был заместителем декана по учебной, а затем по научной работе. Как многие социально активные люди того времени Сивачев был членом КПСС и принимал деятельное участие в жизни огромной партийной организации Московского университета. И не просто принимал, но в начале 1980-х годов даже возглавил ее. В 1980 г. он стал заведующим кафедрой новой и новейшей истории. Те, кто знал его, не переставали удивляться, как он умудрялся все успевать; и не просто успевать, а делать все предельно качественно, работая с полной самоотдачей. Сам Сивачев, отвечая на этот вопрос, любил повторять: «Тот не сделал для науки ничего, кто не сделал всего, что мог».

Из всех видов деятельности, Сивачев больше всего увлекался преподавательской. Его любимым детищем была специализация по США. Собственно ее современная структура была во многом создана его усилиями, и это он считал главным итогом своей работы. Большой популярностью среди студентов пользовался его спецсеминар, тематика которого постоянно обновлялась: «новый курс», рабочая политика правительства США, история двухпартийной системы.

Н. В. Сивачев никогда не считался со временем, если речь шла о работе со студентами. Это был строгий и требовательный преподаватель, внешне казавшийся даже суровым и аскетичным. Н. В. Сивачев не заигрывал со студентами, всегда соблюдал дистанцию в общении с учениками и иногда мог прямо и резко критиковать студенческие работы и ответы, так что некоторые студенты его побаивались. Однако он не стремился воздвигать невидимый барьер между преподавателем и учеником, всегда отмечал успехи и достижения своих студентов и аспирантов. Н. В. Сивачев общался с учениками и в неформальной обстановке, мог с кем-то сыграть в шахматы, часто приглашал к себе домой в гости, особенно когда к нему приходили его зарубежные коллеги. В домашней обстановке это был открытый и приветливый человек, любивший пошутить и даже попеть песни под гитару. Он всегда готов был поделиться с учениками не только оригинальными идеями и гипотезами, но и уникальными материалами, почерпнутыми в архивах США, недоступными студентам книгами и документами. Истинный учитель, он стремился к тому, чтобы его ученики как можно раньше почувствовали вкус к самостоятельной научной работе, всячески помогал им как можно раньше войти в «большую науку», опубликоваться в серьезных академических изданиях. Так постепенно формирова-

лась «школа Сивачева», и сегодня целая группа его учеников успешно трудится в институтах РАН и во многих вузах страны и ближнего зарубежья. В специальном семинаре Н. В. Сивачева подготовили и защитили дипломные работы такие известные ученые американисты как И. К. Лапшина, С. В. Листиков, А. А. Попов, И. М. Савельева и В. А. Савельев, Н. А. Сахаров, А. Ю. Зудин, Е. Я. Борщевская, А. Н. Дарчиев. Кроме того, из семинара Н. В. Сивачева вышли и в аспирантуре защитили под его научным руководством кандидатские диссертации В. И. Борисюк, М. З. Шкундин, Ю. Н. Рогулев, И. В. Галкин, С. А. Поршаков, Г. А. Дубовицкий, В. Качарава.

Исключительно большое внимание Н. В. Сивачев уделял совершенствованию общего курса по новейшей истории. Все новейшие тенденции, проявившиеся в исторической науке, немедленно получали отражение в его курсе.

Сейчас модно рассуждать о периоде «застоя», т.е. о времени, на которое пришелся пик трудовой активности Сивачева. Сегодня очевидно, что он во многом упрощает и обедняет ту непростую и многоцветную ситуацию, которая сложилась в 1970-е годы в нашем обществе. И судьба Н. В. Сивачева – яркое тому подтверждение. Действительно, работать в тех условиях ученому-обществоведу было подчас нелегко. Однако, констатация этого факта отнюдь не равнозначна тому, что творческая мысль остановилась, а наука, образование и культура владели жалкое существование. Конечно, в идеологическом отделе ЦК КПСС было немало людей, которые подозрительно относились к любым нововведениям, в штыки встречали всякую свежую мысль. Но одни ученые мирились с этим, приспосабливались к запросам номенклатуры, другие же настойчиво боролись за обогащение и творческое развитие нашей исторической науки и гуманитарного знания в целом. К таким людям относился и Сивачев. Это стоило ему немало нервов и здоровья, но иначе он не мыслил себе своего существования. В этом и заключался подлинный патриотизм таких людей. Несмотря на то, что Сивачев по профессии был историком-американистом, он всегда говорил, что любой историк, независимо от своих профессиональных интересов, прежде всего, обязан быть гражданином, что в его представлении неразрывно ассоциировалось с глубоким знанием и пониманием отечественной истории. К ней он всегда проявлял глубочайший интерес, много размышлял о прошлом и настоящем нашей Родины. Ему в равной мере претили, как отлакированная версия отече-

ственной истории, так и ее огульное очернение. Вспоминается случай, связанный с подготовкой учебника по новейшей истории, редактором которого должен был стать Н. В. Сивачев. В силу этого, именно ему пришлось утрясать с начальством все спорные вопросы. Он упорно доказывал «наверху», что мы обязаны сказать в учебнике об ошибках и просчетах И. В. Сталина накануне войны, без этого просто немыслимо вразумительно объяснить причины наших тяжелейших неудач в 1941 – первой половине 1942 г. В то же время он резко выступал против попыток тех, кто утверждал, что заключение советско-германского пакта в августе 1939 г. якобы спровоцировало начало Второй мировой войны. Он активно боролся за то, чтобы наша история перестала быть безымянной, стремился представить перед широкими кругами читателей реальную картину исторического процесса – трагическую и одновременно достойную. Так, в работе Н. В. Сивачева и Е. Ф. Язькова «Новейшая история США», вышедшей в свет в 1980 г., авторам удалось назвать имена целого ряда исторических деятелей, упоминать которых в то время не разрешалось. Сивачев всегда считал, что мы не имеем права уходить от обсуждения нелегких для нас вопросов, мы обязаны дать им научное объяснение.

К сожалению, эту простую истину не желало понимать тогдашнее руководство, поэтому любую мелочь приходилось решать, преодолевая огромные препятствия. Отношение Сивачева к «запретным темам» хорошо иллюстрирует один эпизод. На факультете составлялся план мероприятий к 70-летию Первой русской революции. В ее истории имелось немало острых, слабо изученных вопросов, которые большинство предпочитало обходить стороной. Когда Сивачев (тогда он был заместителем декана по научной работе) стал подталкивать руководство кафедры истории КПСС к постановке нетрадиционных сюжетов, заведующий этой кафедрой заметил, что ни к чему, кроме выговора ему и Сивачеву, это не приведет. Ответ Сивачева ярко иллюстрирует его жизненную позицию: «Чувство страха не должно подменять чувства ответственности».

Неизмерим вклад Н. В. Сивачева в развитие контактов между нашими и американскими учеными. Он отчетливо осознавал их огромную роль в формировании общего климата в советско-американских отношениях. Ему было очевидно, что только постоянный равноправный диалог ученых наших двух стран способен создать основу для взаимного преодоления порочных стереотипов, сформировавшихся

еще на ранней стадии «холодной войны». Именно Н. В. Сивачеву принадлежала идея подключения исторического факультета к программе научных обменов по линии Фонда Фулбрайта. Сегодня просто невозможно представить себе, какие титанические усилия ему пришлось приложить для того, чтобы убедить руководство Министерства высшего образования, ответственных работников отдела науки ЦК КПСС дать согласие на приглашение в МГУ первого американского профессора для чтения полугодового спецкурса студентам, специализировавшимся по истории США.

Программа, которая продолжалась более 30 лет, открылась в феврале 1974 г., когда на историческом факультете начал читать лекционный курс по истории «Прогрессивной эры» известный американский ученый, профессор Висконсинского университета Д. Кронон. Позднее профессора из США стали читать лекции и на других факультетах и вузах нашей страны. Как в нашей, так и в американской прессе программе неоднократно давалась высокая оценка. Душой этой программы был Н. В. Сивачев. Он, как никто другой, умел снимать напряженность, устранять ненужную официальность, переводить контакты с американцами в сферу нормальных, человеческих чувств. И вполне закономерно, что крупнейшее объединение американских историков – Организация американских историков – на своем ежегодном собрании в 1983 г. официально выразила глубокое соболезнование по случаю кончины Николая Васильевича: «Мы надеемся, – писали американские коллеги, – что вечным памятником ему станет... продолжение и расширение контактов между историками Соединенных Штатов и Советского Союза»¹.

В наши дни компьютер стал неотъемлемым атрибутом повседневной жизни большинства российских граждан. Но всего четверть века назад он был экзотикой даже в Московском университете. Прекрасно понимая, какие перспективы открывает перед историками внедрение в научный процесс компьютеров, Сивачев настойчиво ставил вопрос о необходимости привития студентам навыков использования количественных методов, которые тогда стремительно и мощно ворвались в традиционные исторические исследования на Западе и к тому времени уже дали интересные результаты. Первые плоды на этом поприще появились после 1982 г., когда было принято решение о создании

¹ Цит. по: Новая и новейшая история. 1983. № 5. С. 216.

на факультете кабинета технических средств обучения, где студенты обучались обращению с компьютерами, получали первичные навыки практической работы на них, знакомились с основами информатики.

Еще в 1975 г. по инициативе Сивачева в университете был создан Научный координационный Совет МГУ по проблемам американистики, на базе которого позднее, уже в 1995 году, была образована Ассоциация американистов вузов России. Важнейшая задача совета состояла в поиске путей стимулирования междисциплинарных исследований. Уже в первые годы своего существования совет организовал ряд крупных научных конференций и семинаров, наладил регулярный выпуск междисциплинарного издания «Проблемы американистики», главным редактором которого являлся Н. В. Сивачев. Это издание продолжало выходить много лет и было приостановлено в 90-е годы в связи с финансовыми трудностями и фактическим прекращением работы издательства МГУ. При непосредственном участии Сивачева были заключены прямые соглашения об обменах между МГУ и университетом штата Нью-Йорк, а также Консорциумом университетов средне-западных штатов, часть из которых действует до сих пор.

Много сил и времени Сивачев отдавал тому, чтобы шире познакомить научную общественность США с работами отечественных историков. После долгих проволочек, несмотря на многочисленные препоны, воздвигавшиеся бюрократами обеих стран, ему удалось добиться заключения договора с издательством Чикагского университета о публикации в США монографии о русско-советско-американских отношениях, подготовленную им совместно с другим известным американистом Н. Н. Яковлевым. Заметным событием в научных обменах стал его доклад на ежегодной сессии Американской исторической ассоциации в 1981 г., где живо и плодотворно обсуждался вопрос о достоинствах и недостатках созданной американистами МГУ концепции развития двухпартийной системы США.

На историческом факультете МГУ Николай Васильевич сумел создать и сплотить вокруг себя коллектив единомышленников, занимавшихся интенсивной разработкой истории и современного состояния одного из важнейших элементов политической системы США – двухпартийной системы. В 1977 г. по его инициативе при кафедре новой и новейшей истории была образована лаборатория по истории США, научная деятельность которой как раз и концентрировалась на исследовании данной проблематики. Уже тогда у него вызревали пла-

ны подготовки ряда фундаментальных изданий по истории двухпартийной системы, некоторые из которых воплотились в жизнь уже после его смерти.

Научные изыскания для Н. В. Сивачева были святы, им он ежедневно, почти всегда за счет сна и отдыха, уделял значительную часть своего времени. За четверть века научной деятельности им подготовлено 6 монографий¹, более 80 статей, множество рецензий. Он был одним из основных участников фундаментальных коллективных исследований советских американистов – двухтомной «Истории рабочего движения в США в новейшее время»² и четырехтомной «Истории США»³.

Круг его научных интересов был необычайно широк: это и «новый курс» Ф. Рузвельта, и рабочая политика США на всех этапах ее истории, и социальные движения в США, и история политических партий, и многое другое. Н. В. Сивачев в ходе своих исследований затрагивал многие проблемы американского общества. Среди них можно выделить главный вопрос, к которому он, так или иначе, обращался в своих работах. Этот вопрос был связан с усилением роли государства в США в XX веке при одновременном возрастании в экономике крупного корпоративного бизнеса. Н. В. Сивачева волновал вопрос, как эти процессы уживались в американском обществе с сохранением частной собственности, мелкого бизнеса и как они влияли на социальные и политические процессы в США. Он писал, что усиление вмешательства государства «это сложный и противоречивый процесс огосударствления, охватывающий всю структуру современного буржуазного общества, проникающий в каждую его клетку»⁴. Он указывал на усиление государственного регулирования экономики через налоговую, бюджетную, кредитную, валютную политику и регулирование цен, вклю-

¹ Сивачев Н. В. Политическая борьба в США в середине 30-х годов XX в. М., 1966; Он же. Правовое регулирование трудовых отношений в США. М., 1972; Сивачев Н. В., Язьков Е. Ф. Новейшая история США. М., 1972; Сивачев Н. В. Рабочая политика правительства США в годы второй мировой войны. М., 1974; Он же. США: Государство и рабочий класс: (От образования Соединенных Штатов Америки до окончания второй мировой войны). М., 1982.

² История рабочего движения в США в новейшее время. 1918–1965. Т. I–II. М., 1970–1971.

³ История США. Под ред. Г. Н. Севостьянова. В 4-х т. Т. I–IV. М., 1983–1987.

⁴ Сивачев Н. В. Правовое регулирование трудовых отношений в США. М., 1972. С. 3.

чая при необходимости и национализацию собственности. Отмечал усиление роли государства в решении социальных проблем общества и огосударствление идеологических функций, направленных на защиту капитализма от идейной критики его противников. В те времена, когда в нашем обществоведении господствовала схема неуклонно «загнивающего» капитализма, постановка этих проблем звучала актуально и позволяла взглянуть на социально-экономические и политические аспекты истории США в XX веке по-новому.

К разработке центральных узловых проблем американской истории Н. В. Сивачев шел по пути их расщепления на множество разнообразных, но логически взаимосвязанных вопросов, их анализа на основе максимально широкого круга первоисточников. К источникам он относился очень серьезно и тщательно. Его исследования, в особенности, посвященные хронологически и тематически ограниченным темам, испещрены ссылками на американские архивы. Во время научных командировок в США им были проработаны десятки тысяч документов в рукописном отделе Библиотеки Конгресса США, Национальном архиве, Библиотеке Франклина Д. Рузвельта в Гайд-Парке, Документальном центре по трудовым соглашениям при Корнельском университете, Архиве устной истории при Колумбийском университете и во многих других архивах. И, разумеется, он стремился использовать и все опубликованные первоисточники (а с публикацией таковых – от материалов заседаний конгресса США и бумаг президентов до всевозможных документов федеральных, отраслевых, штатных и локальных профсоюзных организаций – дело в США обстоит действительно превосходно). Н. В. Сивачев прекрасно знал и исчерпывающе использовал американскую прессу. Он считал возможным обращаться к написанию широких обобщающих монографий только тогда, когда все входящие в нее темы прорабатывались на основе первоисточников. Это давало возможность обеспечить если не абсолютную неуязвимость, то уж, безусловно, документальную обоснованность его оригинальным концептуальным построениям.

Испытывая очевидное недоверие к фактам, почерпнутым из «вторых рук», стремясь к их критической перепроверке, Н. В. Сивачев вместе с тем считал своим долгом по достоинству оценить и указать на исследовательский вклад своих отечественных и зарубежных коллег. Прекрасное знание литературы и признание заслуг других ученых – не только проявление научной этики: резко сужалась вероятность и опас-

ность «повторения пройденного», обеспечивалась точность в поиске непроторенных исследовательских троп.

Важнейшей основой получения объективных результатов Н. В. Сивачев считал выработку надежного методологического инструментария исследования. При этом он был убежден, что не может ограничиться использованием глобальной теории, а должен сформулировать конкретные методологические приемы и правила изучения избранной исторической проблемы. Историческую науку он рассматривал как по своей сути междисциплинарную, изучающую совокупность тех объектов прошлого, которые применительно к современности исследуют экономика и юриспруденция, социология и психология. Не случайно в 1970-е годы он неизменно находил позитивное содержание в исследованиях зарубежной междисциплинарной историографии¹, в то время как значительная часть советских авторов фокусировала внимание на ее действительных и мнимых просчетах. Ценой неустанного самообразования Н. В. Сивачев вырабатывал и развивал у себя навыки междисциплинарного мышления. Сначала он овладел и стал успешно использовать в своем, по сути, историческом исследовании приемы правовой науки, к удивлению оппонентов, обвинявших его в «юридическом уклоне». Этими приемами он овладел действительно в совершенстве, что позволило ему опубликовать несколько своих исследований, среди них и монографию, в специализированных юридических научных изданиях².

Позднее он вторгся в епархию политической экономии и попытался на примере США уточнить понимание закономерностей развития государственно-монополистического капитализма, что дало ему ключ

¹ *Сивачев Н. В.* Государственно-монополистический капитализм США: (Генезис и эволюция социально-экономических доктрин доктрин новейшего времени) // Вопросы истории. 1977. № 7. С. 79–102; *Он же.* О некоторых проблемах государственно-монополистического капитализма // Новая и новейшая история. 1980. № 3. С. 85–102.

² *Сивачев Н. В.* Государственное регулирование профсоюзных гарантий в коллективных договорах периода второй мировой войны в США // Вестник Московского университета. Серия. 12, Право. 1968. № 3. С. 34–44; *Он же.* Вмешательство органов исполнительной власти США в трудовые конфликты в годы второй мировой войны // Там же. 1969. № 4. С. 20–30; *Он же.* Трудовой арбитраж в годы второй мировой войны в США // Там же. 1972. № 1. С. 44–55; *Он же.* Правовое регулирование трудовых отношений в США. М, 1972.

к корректировке собственных ранних трактовок социальной политики США новейшего времени, в частности и «нового курса».

В своей первой монографии он испытывал явное недоверие к концепции «просвещенных» мотивов в политике Ф. Д. Рузвельта и его окружения и противопоставлял ей концепцию, согласно которой мероприятия «нового курса» были ответной и защитной реакцией правящего класса на протестные выступления широких народных масс¹. В более поздних трудах подобная оценка «нового курса», а в более широком плане либерально-реформистской социальной политики США в новейшее время представлялась ему, безусловно, упрощенной. Нет, он не стал отрицать или преуменьшать фактор классовой борьбы. Однако Сивачев в один ряд с этим фактором поставил важнейшие объективные потребности развития капиталистического производства и собственности, возникающие на стадии зрелого монополистического капитализма. Именно эти потребности побуждали наиболее дальновидных деятелей США к разработке антициклических и антикризисных мер, ограничению конкуренции между предпринимателями, участию в подготовке и переподготовке, распределении и перераспределении рабочей силы, гибкой политики в отношении трудовых ресурсов, окружающей среды и других мер в политике государственного регулирования². Таким образом, социально-экономический реформизм предстает в его трудах как результат саморазвития данной социально-экономической системы, а не только как побочный продукт классовой борьбы.

Взгляды Н. В. Сивачева на «новый курс» в монографии 1966 г. претерпели в последующем и некоторые другие изменения. К примеру, в этой монографии присутствует непосредственная увязка социально-экономических мероприятий, проводимых в рамках «нового курса», с идеями известного британского теоретика, провозвестника государственно-монополистического регулирования Дж. Кейнса³, а в более поздних работах правомерно доказывается, что политика Рузвельта складывалась не в результате чтения Кейнса, а под давлением объективных обстоятельств и интуитивной реакции на них либерально-ре-

¹ Сивачев Н. В. Политическая борьба в США в середине 30-х годов XX в. С. 119, 157.

² Сивачев Н. В. Рабочая политика правительства США в годы второй мировой войны. С. 5–6, 180–193; Он же. США: Государство и рабочий класс. С. 3; Он же. «Новый курс» Ф. Рузвельта // Вопросы истории. 1981. № 9. С. 47, 48, 54.

³ Сивачев Н. В. Политическая борьба в США. С. 20, 114, 161, 186, 233.

формистского правительства США¹. В последующих исследованиях Н. В. Сивачев более обстоятельно и глубоко рассматривал структурные экономические реформы «нового курса», в первую очередь дефицитное финансирование, и либерально-демократическую социальную политику, которая имела более масштабный характер, чем представлялось ему ранее, охватывала не только рабочих и фермеров, но также городские средние слои, интеллигенцию и даже распространялась на сферу образования и культуры².

«Поправки», вносимые Н. В. Сивачевым в свою интерпретацию «нового курса», свидетельствовали об углублении его теоретического мышления, расширении исследовательского кругозора, обретении им большей научной смелости при выявлении закономерностей стратегического курса американского государства в новейшее время. Определенный пересмотр положений, выдвинутых исследователем в монографии 1966 г., представляется вполне обусловленным и понятным. Вместе с тем, констатируя его, мы меньше всего хотели бы умалить значение первого крупного научного исследования Н. В. Сивачева. Более того, с течением времени во все большей мере раскрываются ее новаторские, не утратившие научного значения наблюдения и выводы.

В монографии, как и в последующих исследованиях, Н. В. Сивачев стремился раскрыть классовую ограниченность мероприятий «нового курса». Вместе с тем, он убедительно показывал, что социальные реформы Рузвельта не были сплошным обманом, но действительно способствовали улучшению положения широких масс населения.

В монографии о «новом курсе» был дан яркий политический и психологический портрет Ф. Д. Рузвельта, сформулированы выверенные оценки мировоззрения и практической деятельности этого «выдающегося деятеля американской буржуазии, одного из крупнейших лидеров мирового капитализма в новейшее время»³. Через 16 лет Н. В. Сивачев вновь вернется к политическому портрету знаменитого американца, а концептуальная оценка его политического облика будет выражена уже в названии статьи: «Франклин Рузвельт – президент действия и политический реалист»⁴.

¹ Сивачев Н. В. «Новый курс» Ф. Рузвельта. С. 51.

² Там же. С. 51–56.

³ Там же. С. 247.

⁴ США – экономика, политика, идеология. 1982. № 1.

Три монографии Н. В. Сивачева были посвящены рабочей политике американского государства на различных этапах истории США. Все эти работы отличает многосторонний, системный подход и использование междисциплинарного анализа. Первая из них¹, вышедшая в 1972 г., представляла как бы «пробу пера» и одновременно демонстрацию научной зрелости автора в правовом анализе проблемы. В ней скрупулезно проанализированы все судебные доктрины, использовавшиеся в отношении рабочего движения, законодательные акты Конгресса США и легислатур штатов, наконец, решения исполнительной власти. Была также рассмотрена деятельность разнообразных правительственных органов в области регулирования трудовых отношений и правовые формы взаимоотношений между трудом, капиталом и государством в США. Книга эта и сегодня остается одним из самых полных и объективных исследований трудового права США в отечественной историографии. Но результаты изучения темы, изложенные в книге, показались автору недостаточными. Ее всестороннее раскрытие требовало дополнить правовой анализ социально-экономическим, идейно-политическим и, конечно, историческим. Такой междисциплинарный анализ рабочей политики американского государства в годы Второй мировой войны был сделан Н. В. Сивачевым в докторской диссертации (защищена в 1972 г., опубликована в качестве монографии в 1974 г.)². В этой диссертации помимо историко-политических и социально-экономических сюжетов значительное внимание было уделено правовым вопросам. Его работа обсуждалась и на юридическом факультете МГУ, а одним из официальных оппонентов на защите диссертации был доктор юридических наук профессор В. П. Мозолин. Тот же комплексный метод исследования применен и в последующей обобщающей монографии, увидевшей свет в 1982 г. В книге представлены результаты изучения истории рабочей политики США за весь период его существования: от образования государства до окончания Второй мировой войны³.

Логика применения междисциплинарного подхода привела Н. В. Сивачева к необходимости более углубленной разработки методологических вопросов в исторических исследованиях. Как уже отме-

¹ Сивачев Н. В. Правовое регулирование трудовых отношений в США.

² Сивачев Н. В. Рабочая политика правительства США в годы второй мировой войны. М., 1974.

³ Сивачев Н. В. США: Государство и рабочий класс. М., 1982.

чалось выше, в середине 70-х годов он пишет известные статьи: одну в соавторстве с И. Д. Ковальченко на тему «Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке»; другую в соавторстве с К. С. Гаджиевым «О междисциплинарном подходе в современной буржуазной историографии США», третью в соавторстве с И. М. Савельевой и В. А. Савельевым «Послевоенная буржуазная литература США о трудовых отношениях: критика методологических основ и идейно-политических концепций»¹. Все они в той или иной мере касались ведущих теоретических и методологических направлений в мировой исторической науке и проблемы междисциплинарных исследований.

Разрабатывая эти вопросы, Н. В. Сивачев неизбежно столкнулся с господствующей официальной советской идеологической доктриной общего кризиса капитализма. Обладая гибким, пытливым умом и глубоким пониманием истории американского общества, Н. В. Сивачев осознавал узость и догматизм этой концепции. Фактически эта доктрина имела существенный изъян: она отказывала западному и в частности американскому обществу в самой возможности развития. В 1977 году он пишет статью «Государственно-монополистический капитализм США (генезис и эволюция социально-экономических доктрин новейшего времени)». В этой работе, обильно сдобренной принятой терминологией, он попытался развить теорию о том, что ГМК представляет собой новый период, новый этап в развитии капитализма. Но эти его попытки натолкнулись на мощное сопротивление в основном со стороны представителей советской политэкономии, которые и слышать не хотели о каких-либо изменениях, оставаясь на позициях ленинской теории империализма как высшей и последней стадии капитализма. Будучи прагматичным человеком, Н. В. Сивачев понял, что одними публикациями этот вопрос не решить. Не случайно, что эта статья оказалась первой и последней на эту тему. Он не оставил этот

¹ Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке // История СССР. 1976. № 5. С. 60–92. В соавт. с И. Д. Ковальченко); О междисциплинарном подходе в современной буржуазной историографии США // Новая и новейшая история. 1977. № 6. С. 67–82. В соавт. с К. С. Гаджиевым; Послевоенная буржуазная литература США о трудовых отношениях: критика методологических основ и идейно-политических концепций // Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977. В соавторстве с И. М. Савельевой и В. А. Савельевым.

вопрос совсем, но отказался от глобальных обобщений и продолжал развивать свои взгляды в рамках общей концепции рабочей политики государства в США. Уже в докторской диссертации им была выдвинута оригинальная концепция двух исторических форм ГМК в США – неолиберальной и неоконсервативной. К этой концепции он возвращался во многих своих последующих работах, придав ей в конечном итоге цельную, проработанную в деталях форму¹.

В работах 1970–1980-х годов Н. В. Сивачев рассматривал процесс генезиса ГМК в США вписанным в широкие рамки тех процессов, которые развертывались в эпоху монополистического капитализма. Он доказывал, что свою лепту в этот процесс внесли и социально-экономическое законодательство начала XX в. – Т. Рузвельта и В. Вильсона, и государственно-монополистическое регулирование периода Первой мировой войны, и даже отдельные социально-экономические мероприятия «твердого индивидуалиста» Г. Гувера, бывшего президентом в 1920-е годы. Все же решающее значение для оформления государственно-монополистической системы имел «новый курс» 1930-х годов. «Новый курс» и был первой зрелой исторической формой ГМК в США. Его идеологию Н. В. Сивачев определял как неолиберализм, в отличие от классического либерализма, выступавший за активное государственное регулирование социально-экономических процессов. Особенностью неолиберального варианта ГМК являлось сочетание экономических антикризисных мероприятий с широким социальным законодательством, учитывавшим интересы рабочего класса и средних слоев и осуществлявшимся через механизм буржуазной политической демократии. В этом заключалось принципиальное отличие неолиберализма от другого варианта государственно-монополистического капитализма 1930-х годов, а именно – фашистского, утвердившегося в Германии и Италии. В отличие от фашизма, неолиберализм доказал свою жизнеспособность и явился важнейшим фактором стабилизации и дальнейшего развития американской капиталистической системы в последующие десятилетия.

¹ См. особенно его монографии: Рабочая политика правительства США в годы второй мировой войны. Гл. IX; США: Государство и рабочий класс. Гл. XII; и статьи: Государственно-монополистический капитализм США: (Генезис и эволюция социально-экономических и идейно-политических доктрин новейшего времени) Вопросы истории. 1977. № 7; «Новый курс» Ф. Рузвельта // Вопросы истории. 1981. № 9.

Н. В. Сивачев раскрывал как противоречивость и социальную ограниченность неолиберализма, так и его динамизм, указывая, что в 1960–1970-е годы он вобрал в себя и способствовал практическому воплощению новых важных направлений социально-экономических реформ: в области гражданских прав, образования, медицинского страхования и налогов. Динамизм неолиберализма позволял ему удерживать под своим влиянием профсоюзы, значительную часть афроамериканского населения, других расово-этнических меньшинств. В 1970–1980-е годы неолиберализм оказался в кризисном состоянии, что не отрицает его роли как фактора, способствовавшего упрочению позиций капитализма в США.

Неоконсерватизм, отличавшийся от классического консерватизма позитивным отношением к участию государства в социально-экономическом процессе, идеологически оформился, согласно концепции Н. В. Сивачева, в 1940–1950-е годы. Главную цель государственного регулирования он видел в обеспечении наиболее благоприятных условий для капиталистической конкуренции внутри страны и конкурентоспособности крупного капитала на мировой арене, а также в утверждении социально-экономического порядка жесткой рукой, включая антипрофсоюзное законодательство и насилие.

Абсолютных граней между неолиберализмом и неоконсерватизмом не существовало, оба были прагматичны и в случае необходимости заимствовали некоторые принципы оппонента. Так неоконсерватизм, институционализировавшийся в периоды пребывания у власти республиканской партии, постепенно воспринял некоторые основополагающие положения кейнсианства, составлявшие первоначально кредо неолиберализма. Наличие в США двух вариантов государственно-монополистического регулирования, как доказывал Н. В. Сивачев, также расширяло возможности для социально-экономического и идейно-политического маневра американского капитализма.

Помимо новых идей в отношении общих вопросов развития американского капитализма в XX веке, Н. В. Сивачеву принадлежит первенство и в разработке концепции рабочей политики американского государства. До него эта проблема затрагивалась в тех или иных аспектах. Однако именно Н. В. Сивачев применил в исследовании этого вопроса теоретический и системный подход, в результате которого проявился анализ своеобразного «разделения труда» между тремя ветвями государственной власти – исполнительной, законодательной

и судебной. В условиях США оно опиралось на одну историческую особенность американского государства, заключающуюся в том, что принцип «разделения властей» получил в нем большее развитие, чем в других странах капитала. Н. В. Сивачев обоснованно обратил внимание на то, что «рабочая политика современного американского государства осуществляется всеми ветвями государственной власти (законодательной, исполнительно-административной и судебной) и всеми звеньями государственного аппарата (федеральной властью, властями штатов и муниципалитетами)», отмечая, что рабочая политика имеет различные аспекты: экономический, социальный, идеологический¹. В плане экономической политики, например, – это установление и регулирование минимума заработной платы; в социальном – борьба с безработицей, программы социального страхования, регулирование трудовых конфликтов. Идеологический аспект был связан с эволюцией идейно-политических концепций неолиберализма и неоконсерватизма в разработке и реализации рабочей политики государства.

На основе комплексного анализа Н. В. Сивачев разработал свой вариант периодизации истории рабочей политики. Он обоснованно выделял четыре исторических этапа рабочей политики американского государства. На первом этапе, в эпоху «свободного» капитализма, когда профсоюзные организации были малочисленны, распались от малейших дуновений экономического кризиса, а рабочий класс не завоевал для себя сколь-либо прочных политико-правовых гарантий, в государственной рабочей политике доминировали грубо примитивные методы регулирования и подавления, в частности доктрина «преступного заговора», которая применялась в исках предпринимателей и судебных решениях. На втором этапе с середины 80-х годов до 1932 года, начавшемся с вступления США в монополистическую эпоху, когда социальный вопрос встал во весь рост, государство обратилось к более тонким методам, сочетавшим определенные уступки рабочему движению с репрессивными мерами. К ним относилось, например, использование в борьбе с мощными профсоюзными объединениями антимонополистического закона Шермана. Этот закон был принят под давлением ранних антимонополистических движений, получил название «антитрестовского» и был предназначен для восстановления свободной конкуренции в предпринимательской сфере. Однако судеб-

¹ Сивачев Н. В. США. Государство и рабочий класс. М., 1982. С. 5.

ная ветвь государственной власти в решениях судов и выносимых ими судебных предписаниях с самого начала стала использовать его против профсоюзов, приравняв их к монополиям, подавляющим конкуренцию на рынке труда. Поэтому этот период Н. В. Сивачев определял как «правление путем судебных предписаний».

Начало третьего этапа датируется «новым курсом» Ф. Рузвельта, когда рабочая политика становится органической частью государственного регулирования и оформляется в развитый и гибкий механизм, в большей мере ориентированный на либерально-реформистские методы. Н. В. Сивачев убедительно показал в своих работах, что сложившейся, «современной» систему регулирования трудовых отношений в США можно считать только с середины 30-х годов XX века, когда началось бурное развитие трудового права и активизация на этой основе рабочей политики исполнительных органов государства¹.

Послевоенный четвертый период 40–50-х годов XX века, по его мнению, ознаменовался поворотом к консерватизму и реакции с принятием закона Тафта –Хартли в 1947 году, хотя одновременно продолжалось формирование законодательных основ рабочей политики государства, становление и рост современного профсоюзного движения, как одного из объектов регулирования рабочей политики.

Периоду 60–80-х годов XX века Н. В. Сивачеву, как современнику, труднее было дать какое-либо четкое определение. В это время проявились разнородные процессы и усилились противоречивые тенденции в функционировании системы трудовых отношений. Сама система не претерпела за этот период принципиальных изменений, исходя из тех законодательных и организационных основ, которые были созданы в предыдущий период. Но в отдельных ее составляющих стали происходить заметные перемены. Так, в области рабочей политики государства проявились весьма противоречивые процессы. Например, Н. В. Сивачев в своей последней крупной работе, вышедшей в 1982 году, отмечает, что после 60-го года начался период усиления вмешательства государства в трудовые отношения. В доказательство этого тезиса он ссылается на практику прямых предписаний в области ограничения заработной платы, к которой прибегали «все президенты – от Дж. Кеннеди до Дж. Картера»².

¹ Сивачев Н. В. Правовое регулирование трудовых отношений в США. С. 10.

² Сивачев Н. В. США. Государство и рабочий класс. С. 305.

Правда, это не бесспорное утверждение, так как сам же Н. В. Сивачев признает, что эти ограничения не носили обязательного характера, «за исключением периода 1971–1974 года, когда Р. Никсон, опираясь на соответствующее законодательство, вводил временное замораживающие заработной платы»¹.

Тем не менее, с точки зрения Н. В. Сивачева, важно было то, что прямое вмешательство государства в решение важнейшего вопроса коллективного соглашения «подорвало сам институт коллективных переговоров». Хотя упомянутые президенты сочетали эту практику с продолжением прежнего подхода по привлечению профсоюзных лидеров для работы в «различных консультативных органах, связанных с регулированием отношений между трудом и капиталом», создававшихся президентами США на федеральном уровне. Конечно, эта политика носила скорее символический, нежели практический характер, но она имела важное общественное значение, демонстрировала положительное отношение государства к рабочему вопросу и придавала профсоюзам политический вес. Вместе с тем, Н. В. Сивачев отмечает, что уже в 70-е годы «роль этих комитетов упала». Последняя крупная работа Н. В. Сивачева по рабочей политике государства вышла в 1982 году. Он уже не застал тех перемен, которые произошли позже в рабочей политике, однако успел обратить внимание «на наметившийся в 1981 году курс на ослабление государственного регулирования экономики» при одновременном применении «жестких репрессивных мер» в отношении профсоюзов².

Важно также отметить, что, рассматривая государственную рабочую политику в США, Н. В. Сивачев уделял внимание не только социально-экономическим вопросам, но и идеологическому аспекту на всех исторических периодах. С большим вниманием им были проанализированы доктрины «патернализма», «человеческих отношений», «социальной инженерии», «научного менеджмента», «государства всеобщего благоденствия» и другие, призванные «интегрировать» рабочий класс в буржуазное общество. Много внимания Н. В. Сивачев уделил и самому рабочему движению. Подход к изучению его истории, как и других проблем, отличался нетривиальностью, ниспровержением, если это подтверждалось источниками и теоретическим анализом,

¹ Там же.

² Там же. С. 311.

устоявшихся схем. Многие его суждения воспринимались как парадоксы, первоначально даже шокировали, но, в конце концов, после соответствующего обоснования неизменно убеждали. Приведем для примера одно из таких суждений, относящееся к рабочему движению США периода Второй мировой войны: «В рабочем движении, особенно в его левом крыле, возник настоящий культ Ф. Рузвельта, чему в огромной степени содействовали обстоятельства военного времени. Консервативные профсоюзы страдали этим в гораздо меньшей мере, а многим из них он был вообще чужд. Это, между прочим, явилось одной из причин того, что после войны левое крыло КПП существенно подорвало свои позиции, а АФТ, наоборот, укрепило их»¹.

В последние годы своей работы Н. В. Сивачев уделил самое пристальное внимание проблемам истории двухпартийной системы в США. В середине 1970-х годов он сумел привлечь к изучению истории двухпартийной системы большую группу как опытных, так и начинающих американистов. При этом с самого начала он был не только организатором и научным вдохновителем этого творческого коллектива, но и выдвигал для разработки и апробирования применительно к самым разным периодам американской истории оригинальные гипотезы и трактовки относительно закономерностей и особенностей развития американской партийно-политической системы. Одной из первых публикаций по этой проблеме стал сборник статей по истории политических партий США в новое время, редактором которого был Н. В. Сивачев². При его непосредственном участии³ и под его научным руководством в течение шести-семи лет были подготовлены многие десятки научных статей, диссертаций, монографий, коллективных трудов. В результате была создана целостная и развернутая концеп-

¹ *Сивачев Н. В.* Рабочая политика правительства США в годы второй мировой войны. С. 225.

² Проблемы американистики. Политические партии США в новое время. М., 1981.

³ См., например: Двухпартийная система США: История и современность: (Некоторые методологические проблемы исследования.) // Новая и новейшая история. 1978. № 3. С. 18–38. В соавт. с *А. С. Манькиным*; К вопросу о периодизации истории двухпартийной системы США // Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1978. С. 110–163. В соавт. с *И. П. Дементьевым, А. С. Манькиным, В. В. Согриным, Е. Ф. Язьковым*; О некоторых принципах функционирования двухпартийной системы США // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1981. № 6. С. 127–145. В соавт. с *И. П. Дементьевым, А. С. Манькиным, В. В. Согриным, Е. Ф. Язьковым*.

ция основных этапов и закономерностей функционирования двухпартийной системы США, от ее зарождения в конце XVIII в. до наших дней.

Основные итоги изучения истории двухпартийной системы США были подведены группой ученых-американистов¹. Поэтому в этом очерке можно ограничиться упоминанием лишь некоторых, наиболее важных аспектов. В ходе исследований творческого коллектива под руководством Н. В. Сивачева был поставлен фундаментальный вопрос об особенностях американской партийной системы. Ведь в ходе истории американского государства возникали и исчезали сотни политических партий. Однако в отмеченных работах была обоснована закономерность зарождения, развития и функционирования американской партийно-политической системы именно как двухпартийной, каковой она остается и до настоящего времени. Другим фундаментальным вопросом с учетом двухпартийности, который был поставлен в этих публикациях, была проблема взаимоотношений между двумя главными партиями на разных исторических этапах. Партии играли разную роль. На определенных этапах одна их занимала ведущие позиции, была партией большинства, а другая находилась в оппозиции, и обе они взаимодействовали не только между собой, но и с другими существовавшими партиями. В основе взаимоотношений двух партий, с одной стороны, лежало согласие (консенсус) в отношении базовых принципов частнокапиталистических основ и республиканского устройства и взаимодействие на этой основе, и, с другой стороны, политическое противостояние, выражавшееся в альтернативности в выборе путей сохранения и развития существующего политического порядка. В серии отмеченных статей было исследовано содержание консенсуса и пределы альтернативности во взаимоотношениях партий. Изучен механизм преодоления внутренних кризисов на основе партийно-политических перегруппировок, способы поглощения и нейтрализации «левой» и «правой» оппозиции. Показана роль двухпартийной системы в создании факторов стабилизации и развития американского общества, разработана общая модель периодизации эволюции двухпартийной системы и выделены ключевые характеристики каждого периода во взаимоотношении партий.

¹ Манькин А. С., Никонов В. А., Роголев Ю. Н., Язьков Е. Ф. Некоторые итоги изучения истории двухпартийной системы США // Новая и новейшая история. 1988. № 2. С. 18–33.

Научные работы Н. В. Сивачева отличало стремление к постановке крупных, нестандартных теоретических проблем, а его исследовательские интересы не ограничивались изучением рассмотренных проблем. Обширные познания первоисточников и литературы, теоретический кругозор позволили ему выдвигать оригинальные и плодотворные научные идеи по многим проблемам истории США. Это относится и к его интерпретации истории русско-американских и советско-американских отношений, внешней политики в общем курсе по новейшей истории США, изданной в США книге «Россия и Соединенные Штаты». Нетривиально трактовались им негритянская проблема, различные аспекты экономической истории, общественно-политической мысли, разнообразных социальных движений, американской историографии. Неординарные концептуальные подходы к истории США позволяли Н. В. Сивачеву давать ее своеобразное изложение и в учебной литературе. Все это позволило Н. В. Сивачеву поднять американистику на историческом факультете МГУ на качественно более высокий уровень развития.

Судьба прервала жизненный путь Николая Васильевича в тот момент, когда его работа на кафедре новой и новейшей истории, на историческом факультете и на уровне Московского университета находилась на подъеме. Усилиями профессора Н. В. Сивачева при активной поддержке руководства Московского университета в 70-х годах были предприняты крупные научно-организационные меры, которые позволили повысить уровень научно-исследовательской работы историков-американистов, а также уровень подготовки специалистов по истории США. Результаты исследовательской и научно-организационной деятельности Н. В. Сивачева будут долго служить кафедре новой и новейшей истории, историческому факультету МГУ и исторической науке в целом.

У. ДЖЕЙМС

РАБОТАЯ С НИКОЛАЕМ СИВАЧЕВЫМ НАД ЛЕКЦИОННЫМИ КУРСАМИ В МГУ ПО ПРОГРАММЕ ФУЛБРАЙТА*

Официантка задавала каждому из сидящих за столом одни и те же вопросы, и в ее голосе слышалась все та же легкая скука. Однако когда она обратилась со своей заученной речью к последнему гостю, советскому профессору, разговор за столом прекратился. Успешно справившись с вопросами о горячем, овощах и картошке, гость попросил ее повторить, какие у них есть соусы к салату. «Тысяча островов, голубой сыр, ранчо, итальянский, французский, масло, уксус и низкокалорийные», – ответила официантка. На секунду воцарилась тишина, а затем он воскликнул почти с восторгом: «Пусть будет французский!». Вздохнув с облегчением, его американские коллеги, пораженные тем, как он это произнес, чуть было не разразились аплодисментами.

Этим профессором был Николай Сивачев. Хотя этот эпизод произошел в марте 1979 года, многие из тех, кто присутствовал там, запомнили его на долгие годы, потому что он отражал сущность Николая: его очарование, непринужденную манеру держаться в американской обстановке, способность найти нужные слова или сделать нужный жест в нужное время. Естественно, тогда мы не осознавали до конца, что наши теплые воспоминания об этой истории говорили кое-что и о нас самих, о наших взглядах, о состоянии американо-советских отношений. Зато мы точно знали, что Николай не вписывался в наши обычные представления о советском ученом: в нем была утонченность, уверенность и авторитет. Мы также знали, что он разделял нашу приверженность идее американо-советских обменов в области образования и радовались тому, что мы все – одна команда. Несмотря ни на

* Впервые опубликовано: Джеймс У. Работаю с Николаем Сивачевым по программе Фулбрайта // Памяти профессора Н. В. Сивачева. США: эволюция основных идейно-политических концепций. Под ред. А. С. Манькина. М., 2004. С. 17–30. Публикуется с сокращениями.

что, даже сейчас, двадцать лет спустя, Николай остается для нас незаурядным ученым, коллегой и другом.

С ноября 1978 года, когда я познакомился с ним, и до его преждевременной кончины в марте 1983 года мы с Николаем работали над проектом, представлявшим взаимный интерес: чтение лекций по истории США для студентов-американистов в МГУ в рамках программы Фулбрайта. Тогда я был руководителем программы обменов с СССР в Совете по международному обмену учеными – организации, созданной в 1947 году для содействия правительству США в осуществлении программы Фулбрайта. Вспоминая то время, мне хотелось бы рассказать о важной роли, которую играл Николай в осуществлении программы Фулбрайта в России, особенно в первые годы ее существования. Мне также хотелось бы поделиться своими личными воспоминаниями, чтобы будущие поколения, не знавшие Николая, смогли понять, что же лежало в основе той исключительной репутации, которой он пользовался как среди российских, так и среди американских ученых и руководителей.

В 2003–2004 учебном году отмечается тридцатилетие программы Фулбрайта в России. За прошедшие десятилетия эта программа получила дальнейшее развитие и заняла почетное место в системе обменов между США и Россией. Тогда, в 1978 году, когда я начинал работать в Совете по международному обмену учеными, статус программы Фулбрайта в СССР и динамика американо-советских научных обменов были совершенно другими. Помимо того, что наши отношения носили официальный, межправительственный характер, обстановка для обменов была тогда гораздо более формальной, ограниченной и менее прогрессивной. Иначе говоря, если сегодня – при наличии достаточных средств – новые начинания приветствуются и в систему обменов постоянно включаются все новые слои академического сообщества, то в те годы были разрешены обмены только в рамках Соглашения в области культуры (далее – «Соглашение»)¹. Общий объем обменов

¹ Первым документом, оформившим договорно-правовую основу для таких обменов, стало подписанное в 1958 г. советско-американское Соглашение об обменах в области культуры, техники и образования («Соглашение Лэйси–Зарубина»). Позднее, в 1973 г., между СССР и США было заключено новое Общее соглашение о контактах, обменах и сотрудничестве, после подписания которого начались советско-американские обмены по программе Фулбрайта. Подробнее см.: *Иванян Э. А. Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века. М., 2001. С. 317–319. – Прим. ред.*

в области образования был гораздо меньше, чем сейчас, а число их участников с каждой стороны не превышало двухсот человек, причем среди них были только кандидаты наук, профессорско-преподавательский состав и старшие научные работники. Поскольку речь идет о советском периоде, в действительности непосредственно российских участников обменов было меньше, потому что учитывались получатели грантов почти из всего СССР. Тот факт, что все академические обмены осуществлялись исключительно в области научных исследований, которые в те годы считались самой престижной сферой научной деятельности в СССР, также повышал престиж этих программ. Наконец, учитывая общую вялость двусторонних отношений, предпочтение отдавалось проверенным годами программам.

На практике планирование и реализация программ находились в лучшем случае в зачаточном состоянии. Поэтому неудивительно, что в таких условиях Совет по международному обмену учеными воспринял предложение Николая по только что учрежденной программе Фулбрайта в СССР как настоящую удачу. Он предложил, начиная с зимнего семестра 1974 года, принимать по одному американскому специалисту в области истории США, которые целый семестр читали бы лекции по американистике студентам-старшекурсникам МГУ, а затем принимали бы у них зачет. Эта инициатива имела огромное значение для программы Фулбрайта и Совета по международному обмену учеными как с точки зрения ее признания американско-советскими кругами, занимавшимися обменами, так и с точки зрения практического осуществления программы. Предложение Николая способствовало формированию доверия к программе Фулбрайта и ее признанию в тот переломный момент, когда никто в СССР не знал ни о программе, ни о Совете по международному обмену учеными. Кроме того, благодаря положению Николая в советских научных кругах и Коммунистической партии, его поддержка устранила обычные административные проблемы, связанные с началом осуществления новой программы в МГУ, и означала одобрение начала обменов преподавателями в рамках программы Фулбрайта.

Предложение Николая также принесло практическую пользу, поскольку он помогал Совету по международному обмену учеными с отбором участников программы. Несмотря на скромное количество стипендий Фулбрайта, присуждавшихся в первые годы как советским, так и американским преподавателям, – до 1977–1978 учебного года каждая

сторона получала не более двенадцати стипендий – набор преподавателей для СССР был новой областью для Совета по международному обмену учеными. Вначале на первом плане стояла задача познакомить научные круги США с программой Фулбрайта в СССР, однако, помимо информирования общественности и приема заявлений, существовала еще и проблема качества. Здесь помощь Николая также сыграла решающую роль: каждый год он предлагал кандидатуры американских специалистов по истории США, которых хотел бы пригласить для чтения лекций в МГУ. Поскольку все его кандидаты были хорошо известными и уважаемыми историками, проблем с их утверждением Советом по международному обмену учеными никогда не возникало. В результате Николай получал ученых, которых хотел видеть в качестве лекторов, а Совет приобрел хорошую репутацию, так как привлек к своей новой деятельности по программе Фулбрайта ряд лучших американских историков.

Николай взял на себя решение еще одного непростого вопроса: практическую ответственность, связанную с преподаванием американцев в советском университете. Подавляющее большинство преподавателей, приезжавших по программе Фулбрайта, никогда раньше не были в СССР, не владели русским языком и не имели представления о советской методике преподавания и деятельности советского университета. Более того, в отличие от наших дней, когда мы имеем широкий выбор прекрасных книг о жизни и культуре современной России, в течение нескольких лет после начала обмена не было никаких справочников и пособий. В отличие от советских ученых, привыкших ездить в научные командировки без супругов, американцы обычно изъявляли желание приехать вместе с супругами, а иногда даже и с детьми. Николай решал все эти вопросы. Во время поездок на конференции в США он встречался с кандидатами на участие в обмене по программе Фулбрайта, чтобы обсудить и решить с ними вопросы по программе лекций, а также другие учебные вопросы. Преподавателям, приглашенным читать лекции по программе Фулбрайта, выделялась просторная квартира, а старшекурсники должны были выполнять роль их гидов и своевременно решать возникающие у них проблемы. Вскоре в Совете по международному обмену учеными поняли, что с обменом преподавателями в области американской истории, которым занимался Николай, практически не возникало никаких проблем – от отбора кандидатов и в течение всего периода чтения лекций.

Незадолго до того, как я начал работать в Совете по международному обмену учеными в ноябре 1978 года, Николай предпринял еще один шаг в доказательство своей поддержки программы Фулбрайта. 31 августа 1978 года «Комсомольская правда» опубликовала его статью под названием «Полезьа – взаимная», в которой он рассказал о работе приглашенных американских преподавателей и обосновал свою поддержку программы Фулбрайта. Учитывая обстановку того времени, это была исключительная поддержка для программы и необычная статья по нескольким причинам:

1. Она содержала положительную оценку программы Фулбрайта, и доказывала, что участие в ней приносит пользу как советским людям, так и американцам;
2. В ней была представлена фактическая информация о системе образования США;
3. Она поддерживала идею присутствия сторонников разных идеологий в советской аудитории.

Приблизительно через неделю после опубликования статьи проректор МГУ по международным отношениям Владимир Тропин¹ подчеркнул значение статьи. Один из моих бывших посольских коллег рассказал, как на приеме проректор Тропин подошел к группе американских дипломатов, раздал им экземпляры статьи и воскликнул: «Смотрите, что сделал Сивачев для программы обмена!».

Даже по прошествии четверти века эта статья производит глубокое впечатление, поскольку в ней сочетается авторитетность и дипломатия. Хотя, как было принято, она начинается и заканчивается цитатами тогдашнего советского лидера Леонида Брежнева, в ее основной части Николай дает положительную и уверенную оценку своему опыту работы с программой Фулбрайта. В то время ежегодные визиты американских историков не были распространенным явлением в СССР, однако Николай откровенно рассказал, что было сделано в МГУ за пять лет, описал практические стороны преподавания и работы с американцами и отметил, что эта практика будет продолжена в будущем. Одновременно он назвал проблемы, связанные с тем, что в одной аудитории

¹ Владимир Иванович Тропин (1925–2019) – советский и российский историк, кандидат исторических наук, доцент. Занимал должность проректора по учебно-научной работе с иностранными учащимися и международным связям в 1970–1992 гг. См.: Летопись Московского университета. URL: <http://letopis.msu.ru/peoples/4109> (дата обращения: 20.04.2020). – Прим. ред.

представлены два разных философских подхода к истории, используя при этом метафору, которая стала триумфом дипломатии: «И здесь проблема “стыковки” куда сложнее тех задач, которые так успешно были решены в ходе совместного советско-американского эксперимента в космосе “Союз-Аполлон”». Смысл был понятен: если советские люди и американцы могут сотрудничать в космосе, они также смогут работать вместе в университетах, несмотря на существующие проблемы. Эту метафору Николая продолжали повторять месяцы спустя.

Для тех из нас, кто работал с Николаем, его статья тоже давала обоснование сотрудничества по программе Фулбрайта. Он считал, что его студенты будут жить в мире, где народы будут больше общаться друг с другом и где чаще станут соприкасаться различные идеологии, некоторые из которых будут несоциалистическими и даже антисоветскими. Поэтому он высказал свое убеждение, что для студентов-историков было бы крайне полезно встречаться и обсуждать вопросы со своими коллегами, взгляды которых на историю построены на противоположных идейных основах, чтобы они могли «выковать прочные принципы научно-теоретического, идейно-политического и профессионального диалога». Проще говоря, Николай считал, что, учитывая неизбежность расширения международных контактов, лучше, если американские историки будут читать лекции советским историкам в МГУ, где студенты смогут получить ответы на свои вопросы у профессоров и преподавателей МГУ, нежели, оказавшись в США, впервые столкнуться там один на один с американским подходом.

Можно было бы привести и другие цитаты из статьи Николая, но замечание проректора Тропина было абсолютно справедливым: Николай выразил исключительную публичную поддержку программе Фулбрайта в СССР. К сожалению, статья Николая оказалась единственной в своем роде. Насколько я знаю, в последующие годы ни один советский ученый или руководитель не выступал с публичной поддержкой такого обмена учеными, которую Николай выразил на страницах газеты.

Помимо организационных вопросов, которыми я занимался в Совете по международному обмену учеными, и трудностей, связанных с осуществлением программы Фулбрайта в СССР, мне также приходилось приспосабливаться к моей первой должности и началу карьеры. Переход от уединенной жизни докторанта, изучающего российскую историю, к исполнению обязанностей новоиспеченного администрато-

Ректор МГУ А. А. Логунов подписывает соглашение о сотрудничестве с Университетом штата Нью-Йорк (SUNY). Справа налево: Н. В. Сивачёв; слева от него – представитель Университета штата Нью-Йорк, В. А. Никонов (стоит), Н. С. Тимофеев (стоит), А. А. Логунов, В. И. Тропин. Третий слева – будущий ректор МГУ В. А. Садовничий. Конец 1970-х – начало 1980-х гг.

ра, которому приходилось осваивать бумажную работу в устоявшейся бюрократической структуре, означал для меня большую перемену. Скоро я понял, что хоть мой академический опыт и помог мне получить работу в Совете по международному обмену учеными, теперь от меня ожидают выполнения задач, имевших весьма отдаленное отношение к этому опыту. Более того, я считал, что по сравнению с моими коллегами, чья работа была полностью связана с Россией и СССР, я начал утрачивать свои профессиональные знания. В отличие от их работы обмена с СССР составляли лишь малую часть моих непосредственных обязанностей, которые охватывали гораздо более широкий международный аспект, которым я должен был заниматься в Совете. Наконец, я неожиданно столкнулся с конкуренцией с некоторыми коллегами из других организаций, занимавшихся обменов. Отдельные замечания, сделанные в шутку, по поводу того, что программа Фулбрайта охватывает только обмен преподавателями с СССР, тогда как исследовательские программы обмена стимулируют крайне важное научное сотрудничество с Советским Союзом, умаляли значение моей работы в

Совете по международному обмену учеными и оказывали отрицательное воздействие на мое отношение к ней.

Николай сыграл важную роль и здесь. В то время среди выпускников программы обмена Фулбрайта был ряд весьма уважаемых американцев, и только единицы советских выпускников пользовались таким же признанием, по крайней мере в США. Николай, напротив, был очень хорошо известен не только благодаря своему статусу в МГУ, познаниям в американистике и положению в советских академических кругах; он был одним из первых представителей Советского Союза, посетивших США по обмену в конце пятидесятых годов, встречался с Элеонорой Рузвельт, переписывался с ней. Поэтому, если среди выпускников программ Совета по международным исследованиям и обменам было несколько знаменитых ученых, и Совет поддерживал постоянную связь с многими выдающимися советскими учеными, например, с Георгием Арбатовым, то Совет по международному обмену учеными мог похвастать сотрудничеством с Николаем Сивачевым из МГУ в области американистики. Это отнюдь не уравнивало две организации в статусе, но, по крайней мере, наличие такого важного контакта придавало новому руководителю программы некоторый вес среди его «коллег по цеху».

Наше знакомство с Николаем состоялось за несколько недель до начала моей работы в Совете по международному обмену учеными в ноябре 1978 года на небольшом приеме в честь его приезда. В тот вечер он дал мне совет, который помогает мне и по сей день. Он, должно быть, заметил, что я не очень твердо держался на ногах из-за довольно безжалостной череды тостов и щедрости хозяина, который постоянно наполнял наши бокалы. Во всяком случае, Николай подошел ко мне и сказал: «Если вы собираетесь пить с русскими, вы должны пить, как они. Когда вы берете в руку рюмку водки, возьмите в другую что-нибудь закусить». Он заметил, что, к сожалению, на приемах большинство американцев обычно не обращают внимание на то, сколько они пьют и едят, при этом результат оказывается предсказуемым.

За несколько лет совместной работы над программой Фулбрайта мы поддерживали связь главным образом во время редких поездок в Москву или в Вашингтон или передавали друг другу письма через американских и советских преподавателей – участников программы Фулбрайта, либо через американское посольство в Москве. В то время регулярная телефонная связь с Советом по международному обмену

учеными была неслыханным делом из-за цены телефонных переговоров и технических проблем, а таких способов связи, как факс и электронная почта, еще не существовало. Единственным более или менее надежным способом международной почтовой связи были открытки, но даже на этот простой канал нельзя было положиться – они могли не прийти вовремя или не прийти вообще. Поэтому, когда у нас появлялась возможность встретиться и обсудить вопросы, связанные с программой Фулбрайта, мы старались ее использовать на сто процентов.

Во время одного из визитов Николая мы пришли к соглашению, которое лично мне запомнилось навсегда и которое раскрывало его характер. С тех пор, как в 1974 году Николай впервые предложил принимать американцев по программе Фулбрайта, он рекомендовал кандидатуры Совету по международному обмену учеными, и тот, в свою очередь, связывался с этими людьми и выяснял, интересуется ли их участие в программе обмена. Несмотря на высокий уровень этих ученых, они специализировались главным образом на истории двадцатого века. Более того, никто ни разу не пытался пригласить американцев прочитать цикл лекций по истории США, который охватывал бы период с начала и до окончания второй мировой войны: в то время преподавателям, участвовавшим в программе обмена Фулбрайта, разрешалось покрывать хронологически исторический период вплоть до окончания второй мировой войны. Я же предложил другой подход: разбить историю США на три периода – приблизительно 1776–1860, 1860–1900 и 1900–1945 годы – и читать по ним лекции последовательно. Поскольку самого Николая интересовал период Великой депрессии, последовавший за биржевым крахом в США в 1929 году, и в этом случае ему пришлось бы уступить часть своих полномочий при отборе американских ученых для чтения лекций в МГУ, он был заинтересован в сохранении *status quo*. Одновременно он понимал, что на кон поставлен научно обоснованный принцип и признал, что новый подход позволит более глубоко осветить период принятия Конституции США и Гражданской войны. Поэтому он не стал вступать в долгую дискуссию и согласился с новой системой.

Одним из моих самых ярких воспоминаний о Николае стали встречи с его студентами в МГУ. До этого я знал его как человека, которого интересовали все детали осуществления программы Фулбрайта: отбор лекторов, учебников, библиотечные фонды. Он также выгодно представлял советские научные круги и на встрече или приеме мог блес-

нуть как чувством юмора, так и профессионализмом. Николай обладал не только этими качествами: это был статный джентльмен с изысканными манерами, и некоторым из моих коллег по Совету он напоминал Михаила Барышникова. Когда же я увидел Николая со студентами, передо мной предстал учитель и наставник, и я воочию увидел ту дисциплину, о которой слышал от некоторых участников программы, которым довелось с ним работать. Выражение его лица и глаза могли передать оценку работы студента быстрее и красноречивее любых сказанных им слов.

Другой обязательной остановкой во время посещения МГУ было посещение библиотеки американистики, собирать которую начал Николай и которую ежегодно пополняли американские участники программы Фулбрайта. Каждому ученому, приезжавшему читать лекции, выделялись средства на учебники по теме, которую он преподавал. Если от них что-либо оставалось, то эти деньги тратились на покупку учебников для библиотеки. За время нашего с Николаем сотрудничества он составил полный каталог библиотеки, а также список книг, которые хотел бы для нее приобрести. Моя задача заключалась в обсуждении каталога библиотеки с участниками программы обмена сразу же после того, как они принимали предложение Совета, чтобы у них было достаточно времени для приобретения книг для Николая. В этом мне блестяще помогали выпускники программы Фулбрайта, которых рекомендовал Николай: они связывались с новыми участниками программы и заручались их поддержкой в отношении библиотеки. В отличие от других кандидатур, рекомендованных министерству Советом по международному обмену учеными, утверждение которых могло тянуться до лета, одобрение американских кандидатов Николая никогда не вызывало никаких сомнений, что позволяло его историкам получать нужные им книги. Другой моей обязанностью была передача текстов дипломатической почтой правительства США. Для российских студентов и профессорско-преподавательского состава эта библиотека превратилась в важный источник информации. В отличие от Библиотеки им. Ленина библиотека американистики имела тщательно составленный каталог, открытый доступ в книгохранилище, а собранная в ней коллекция книг превосходила по наличию первоисточников и вспомогательных материалов все другие коллекции в Москве, к которым имели доступ рядовые советские исследователи.

Помимо делового сотрудничества, я также хотел помочь Николаю в решении его собственных научных проблем и по возможности познакомиться с ним поближе. Одной из сфер его научных интересов была избирательная кампания в США с акцентом на двухпартийную систему. Находясь в Вашингтоне, не составляло особого труда договориться о встречах с представителями обеих политических партий и организовать с ними встречу в период пребывания Николая в городе. К сожалению, с представителями Республиканской партии договориться о встрече не удалось, но мы смогли попасть в штаб-квартиру комитета по выборам в Конгресс Демократической партии и встретиться с одним из его членов.

Сначала нам устроили ознакомительную экскурсию по зданию, во время которой Николай мог задавать любые интересовавшие его вопросы, а когда появилась возможность продолжить беседу, разговор принял такой поворот, который я не забуду никогда. Поинтересовавшись у Николая, может ли он говорить откровенно, член Комитета по выборам в Конгресс Демократической партии, недавно посетивший СССР в составе делегации, сказал, что ему не очень понравилось отношение к делегации во время визита. В частности, он упомянул встречу с ректором, руководителями и профессорско-преподавательским составом Киевского государственного университета. Он рассказал, что у членов делегации были вопросы, но ректор отказался отвечать на них и, как им показалось, не хотел вступать в открытый диалог с американцами. Вместо этого руководство университета выступило перед встречей с докладом, который, как им, наверное, казалось, содержал ответы на все вопросы. В конце представитель Комитета сказал, что это неправильный подход, что он продемонстрировал слабость советской системы и что его нужно менять.

Учитывая принятый американско-советский этикет, по крайней мере, в научных обменах, такая откровенная оценка звучала несколько необычно. Кроме того, встреча происходила после советского вторжения в Афганистан и в первые годы пребывания у власти администрации Рейгана, когда состояние американско-советских отношений ухудшалось. Несмотря на это, Николай взглянул на него и без заминки ответил: «Вы правы. Возможность упущена», после чего они перекинулись несколькими фразами о том, что могло послужить причиной такого поведения ректора. Когда мы покидали здание, я спросил мнение Николая о встрече. Он повторил, что, по его мнению, принимав-

ший нас член Комитета прав, и сказал, что советские преподаватели должны учиться общению с гостями, придерживающимися других взглядов. Казалось, что на некоторое время Николай погрузился в свои мысли, и наша беседа постепенно сошла на нет.

К сожалению, мне так и не представилась возможность поговорить с Николаем на эту тему более подробно, а также обсудить с ним другие вопросы. Оглядываясь назад, я думаю, нас больше заботило поддержание диалога на основании позитивных моментов наших рабочих отношений, нежели обсуждение многочисленных проблем, которые были довольно интересными, но в то же время могли посеять раздор. Естественно, мы не задумывались над тем, что время, отпущенное нам на решение стоящих перед нами задач, ограничено, и что в 1983 году Николая не станет.

Для меня смерть Николая в марте 1983 года означала конец интересного периода моей жизни, а для программы Фулбрайта в России, казалось, наступили тяжелые времена. Позднее в том же месяце исследование деятельности отдела капиталистических стран министерства высшего и специального образования СССР завершилось полной сменой состава сотрудников. Такой поворот событий, в свою очередь, вызвал фактический застой в процессе отбора кандидатов для участия в обмене преподавателями по программе Фулбрайта, а также в отношении всех остальных научных обменов с США. Хотя в декабре 1979 года, после ввода советских войск в Афганистан, Соглашение прекратило свое действие, обе стороны хотели продолжать научные обмены, несмотря на отсутствие правовой основы. Такое джентльменское соглашение довольно хорошо поддерживало процесс обменов до 1983–1984 учебного года. Тогда в результате кадровой чистки в отделе капиталистических стран в программе Фулбрайта приняли участие восемь американских преподавателей и один советский – самый низкий уровень советского участия в программе. В сентябре 1983 года я должен был отправиться в СССР и посетить МГУ, чтобы договориться о чтении курса лекций по истории США, которые охватывали бы период правления администрации Трумэна. Учитывая тот факт, что в 1984 году должно было отмечаться столетие со дня рождения президента Трумэна, я надеялся, что у нас есть шанс получить одобрение. Однако, из-за уничтожения в том же месяце южнокорейского самолета, следовавшего рейсом 007, моя поездка в СССР – первая с весны 1980 года – не состоялась. Программа Фулбрайта вновь начала

набирать силу только после подписания в 1985 году Общего соглашения между правительством Соединенных Штатов Америки и Союзом Советских Социалистических Республик о контактах, обменах и сотрудничестве в области науки, техники, образования, культуры и других областях.

За двадцать лет, прошедших со дня кончины Николая, его авторитет только вырос для тех, кто его знал. Его участие в осуществлении программы Фулбрайта позволило ряду лучших американских историков учить детей советской элиты, а в отдельных случаях подготовить в России будущих ведущих специалистов США, что было непревзойденной возможностью. На это решение повлияла поездка Николая в США в конце 50-х годов. Подобный опыт в США также оказал влияние на тогдашнего ректора МГУ Рема Хохлова¹, который энергично поддержал предложение Николая по программе Фулбрайта. Если бы возможно оценить практическую пользу от американско-советских обменов, то ярким примером здесь стало бы участие МГУ в программе Фулбрайта. Однако меня поражает то, что в США побывало много советских ученых, но никто из них, кроме Николая, не воспользовался этим для того, чтобы выковать активное сотрудничество по программе Фулбрайта. Конечно, членство Николая в Коммунистической партии давало ему необычную для ученого власть, но фактом остается то, что он использовал свое влиятельное положение для усиления диалога с США – возможность, которую мало кто использовал в схожих обстоятельствах, если такие вообще находились.

Что касается программы Фулбрайта, то Николай сыграл исключительную роль в ее поддержке. Помимо того, что Николай создал в МГУ базу для чтения лекций по программе Фулбрайта, он взял на себя все практические вопросы, решение которых было необходимо для ее успешного осуществления, – от набора кандидатов до их размещения, суточных и организации досуга. Вклад Николая был неизмеримым для Совета по международному обмену учеными не только с практической точки зрения, но еще и потому, что участие Николая свидетельствовало о его личной поддержке работы этой организации в СССР. Помимо административной деятельности, статья Николая, опубликованная в 1978 году в «Комсомольской Правде», оказала необыкновенную

¹ Рем Викторович Хохлов (1926–1977) занимал должность ректора МГУ с 1973 по 1977 гг. Подробнее см.: Летопись Московского университета. URL: <http://letopis.msu.ru/people/1381> (дата обращения: 20.04.2020). – Прим. ред.

поддержку программе научного обмена, которая в сущности являлась основной программой международного научного обмена правительства США, однако тогда в России она была почти не известна. Наконец, в ходе работы с преподавателями, участвовавшими в программе Фулбрайта, он создал в МГУ уникальную по тем временам библиотеку, собрав в ней первоисточники и вспомогательные материалы по американистике, которая способствовала проведению исследований по США в период, когда доступ к первоисточникам и точным данным был крайне затруднен.

Учитывая научные заслуги Николая в области американистики и влияние, которое он оказал на ее рост в СССР, а также его поддержку, вполне справедливо, что сейчас программа академического обмена, осуществление которой начал Николай, носит его имя. Программа была названа в его честь не только в знак признания прошлых заслуг, но и с тем, чтобы будущие поколения знали, что в период «холодной войны», когда программа Фулбрайта нуждалась в поддержке, нашелся советский ученый, который откликнулся и содействовал укреплению взаимопонимания между нашими двумя странами.

В заключение от себя лично хочу сказать, что знакомство с Николаем – одна из самых ярких страниц моей карьеры. Его невозможно забыть как человека: он придавал моей работе в Совете по международному обмену учеными стимул и целеустремленность. Более того, в то время, когда никто из выдающихся советских ученых не сотрудничал с программой, Николай оказывал ей искреннюю поддержку. Я счастлив, что мне довелось поработать с ним.

И. Ю. ХРУЛЕВА

У ИСТОКОВ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ АМЕРИКАНИСТИКИ: ИГОРЬ ПЕТРОВИЧ ДЕМЕНТЬЕВ

Профессор Игорь Петрович Дементьев – выдающийся отечественный специалист по истории США нового времени, автор первого в стране учебника по историографии истории нового и новейшего времени – стоял у истоков великолепной университетской школы американистики. Игорь Петрович во многом олицетворял лучшие качества университетского профессора. Как отмечает его коллега и близкий друг В. П. Смирнов, «среди нас Дементьев выделялся своей эрудицией и широким кругозором. Яркий, красивый, талантливый человек, он был любителем и знатоком поэзии, помнил наизусть множество стихов различных поэтов разных эпох. Очень интеллигентный, скромный и деликатный, порой насмешливый, но неизменно доброжелательный и внимательный к людям»¹.

Игорь Петрович Дементьев родился 1 июля 1925 года в Харькове, его отец – Петр Трофимович, донской казак – работал экономистом-планировщиком, а мама, Елизавета Васильевна, происходившая из дворянской семьи, преподавала в школе русский язык и литературу. Детские годы прошли в Ростове-на-Дону, но в 1935 году в Харькове отца арестовали по анонимному доносу, а затем вместе с семьей выслали в Омск, где Игорь Петрович окончил среднюю школу. В 1943 году, в 18 лет его призвали в армию, и до конца войны он служил авиатехником в одной из авиационных частей в Сибири. После демобилизации в 1945 году вернулся в Омск и поступил в местный автодорожный институт, однако проучился в нем всего один год, забрал документы и отправился в Москву поступать на исторический факультет МГУ. Истфак МГУ был «покорен» с первой попытки в 1946 году.

¹ Смирнов В. П. От Сталина до Ельцина: автопортрет на фоне эпохи. М., 2011. С. 222.

И. П. Дементьев в годы обучения в аспирантуре, 1953 год

Когда пришло время определяться со специализацией, Игорь Петрович остановил свой выбор на истории США на кафедре новой и новейшей истории. Однако специализация по истории США на кафедре в конце 1940-х – начале 1950-х годов была сопряжена с рядом трудностей. Во-первых, по справедливому замечанию Е. Ф. Язькова, «даже в крупнейших университетах Советского Союза наличие специалистов по истории США было тогда скорее не правилом, а исключением... Дело дошло до того, что в первое послевоенное десятилетие среди штатных сотрудников кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета вообще не было ни одного

специалиста по американской истории, и специализация в этой области, которая проводилась в те годы на кафедре, обеспечивалась периодическим приглашением отдельных ученых, работавших в системе Академии наук»¹.

Во-вторых, с началом «холодной войны» стал кардинально меняться характер советско-американских отношений, недавние союзники превратились в главных противников на международной арене, официальная пропагандистская машина стала лепить «образ врага» как олицетворения «грубой империалистической экспансии» и «неограниченного монополистического произвола» – требовалось настоящее мужество, чтобы в условиях жесткого идеологического пресса создавать объективные научные исследования по истории США, ведь малейшие отклонения от официальной линии «немедленно вызывали грозный крик сверху»².

Возглавивший кафедру в 1953 году Илья Саввич Галкин впервые пригласил на работу (по совместительству) специалистов по истории

¹ Язьков Е. Ф. Изучение истории США в Московском университете и роль программы Фонда Фулбрайт в развитии научных исследований и подготовке кадров // Исторический образ Америки. М., 1994. С. 16.

² Там же. С. 15.

США из Академии наук Л. И. Зубока и Г. Н. Севостьянова¹, однако в качестве научного руководителя можно было выбрать только штатного сотрудника кафедры. Для написания дипломной работы И. П. Дементьев выбрал спецсеминар германиста И. С. Галкина, который всегда отмечал незаурядные исследовательские способности и интерес к истории своего ученика: «Среди студентов, а затем аспирантов особой одаренностью отличался питомец руководимого мною семинара Игорь Дементьев, влюбленный в науку и одержимый ею. При всей увлеченности наукой, он не был лишен мечтательности, а это хорошо, ведь мечта – начало действия. Игорь всегда проявлял твердость и независимость в суждениях, что является великим благом для формирования ученого. Я полюбил его. Может быть, потому, что он особенно настойчиво докапывался до глубин во всех сложных научных вопросах. А это нравилось»².

В 1955 году И. П. Дементьевым была защищена кандидатская диссертация на тему «Американская буржуазная историография гражданской войны 1861–1865 гг. в США» (научный руководитель – профессор И. С. Галкин). Спустя 8 лет после защиты диссертации была опубликована монография³, которая сегодня «признана первым крупным исследованием американской историографии как по теме Гражданской войны, так и в более широком плане»⁴. В книге были рассмотрены основные течения американской историографии Гражданской войны, причем характеристика основных исторических школ США была дана на широком фоне американской общественной мысли и общественно-политической борьбы. И. П. Дементьев проанализировал взгляды лидера прогрессистского направления Чарльза Бирда⁵, концепцию рабства Уильяма Фиппса, работы представителей негритянской историографии.

¹ *Дементьев И. П.* Илья Саввич Галкин (1898–1990) // *Портреты историков. Время и судьбы.* Т. IV. Новая и новейшая история. М., 2004. С. 114.

² *Галкин И. С.* Тропами моей жизни // *Новая и новейшая история.* 1998. № 5. С. 123.

³ *Дементьев И. П.* Американская историография Гражданской войны в США. М., 1963.

⁴ *Козенко Б. Д.* Игорь Петрович Дементьев (1923–1998) // *Портреты историков. Время и судьбы.* Т. IV. Новая и новейшая история. М., 2004. С. 147.

⁵ К творчеству Чарльза Бирда И. П. Дементьев возвращался не раз, публикуя статьи, посвященные анализу взглядов выдающегося американского историка: *Дементьев И. П.* Об исторических взглядах Чарльза Бирда // *Вопросы истории.* 1957. № 6; *Дементьев И. П.* Чарльз Остин Бирд // *Новая и новейшая история.* 1995. № 5.

Еще до защиты кандидатской диссертации – в 1954 году – руководство кафедры и факультета пригласило Игоря Петровича работать на кафедре новой и новейшей истории. Однако осуществить это было очень непросто – будущему молодому преподавателю для работы в МГУ требовалась московская прописка и ставка. И. С. Галкин отправился на прием к ректору МГУ академику И. Г. Петровскому со списком молодых ученых, занимавшихся западноевропейской и американской историей, которым нужно было выделить ставки; в этом списке, помимо И. П. Дементьева, были фамилии А. В. Адо, М. М. Залышкина, Е. Ф. Язькова¹.

Решить проблемы с московской пропиской помогло личное обращение И. С. Галкина через ректора МГУ академика И. Г. Петровского (который был членом Президиума Верховного Совета СССР) к председателю Президиума Верховного Совета К. Е. Ворошилову. «При содействии Галкина их поселили в общежитие для преподавателей в только что построенном «Доме преподавателей МГУ» на Ломоносовском проспекте. В одной комнате небольшой двухкомнатной квартиры жили ... только что принятые на работу преподаватели кафедры новой и новейшей истории А. В. Адо и И. П. Дементьев»².

Игорь Петрович прошел все ступени университетской преподавательской карьеры: ассистента, доцента и профессора (с 1973 года). Наряду с Евгением Федоровичем Язьковым, И. П. Дементьев стал первым штатным американистом кафедры, основателем великолепной исследовательской школы американистики в МГУ. Учениками Игоря Петровича стали ведущие американисты страны: В. В. Согрин, К. С. Гаджиев, В. А. Ушаков, М. О. Трояновская, М. А. Власова и многие другие.

Его лекции были прекрасно структурированы, продуманы. Дементьев читал курс лекций по Истории США (новое время) и по историографии. Интересно описывает процесс подготовки к лекциям Игоря Петровича его коллега и друг В. П. Смирнов: «Дементьев предпочитал обдумывать будущую лекцию, лежа на кровати, заложив руки за голову, с папиросой в зубах, нередко всего за несколько часов до ее начала. Завершив свои размышления, он вставал, направлялся к своему маленькому, почти дамскому письменному столику, заваленному

¹ Галкин И. С. Тропами моей жизни // Новая и новейшая история. 1998. № 5. С. 123; Козенко Б. Д. Указ. соч. С. 148.

² Смирнов В. П. От Сталина до Ельцина... С. 218.

книгами и кипами бумаг, выдергивал чистый листок, писал на нем несколько слов и отправлялся на работу»¹.

Соглашусь с оценкой лекций И. П. Дементьева, данной Б. Д. Козенко: «Дементьев прекрасно знал фактический материал, который он преподносил в спокойной обстоятельной манере, неторопливо. Он был хорошим лектором, с сильной логикой, но без ораторского «блеска», всякого рода «украшений», жестов, шуток и т.п. Можно даже было бы сказать: скромно читал. Но попав в жесткие логические рамки лектора Дементьева, вы уже не могли покинуть их до конца лекции. Кстати, он так и писал: короткие простые фразы, не обремененные обилием специальных терминов и иностранных слов, без замысловатых оборотов и «изысков»: просто, но твердо, ясно, логично. В лекциях ли, в книгах и статьях – только нужное, ничего лишнего, «красивого». Запись его лекций – готовый конспект темы – глубокий, содержательный, интересный»².

Однако к текстам своих учеников Игорь Петрович относился очень тактично, всегда пытался понять авторскую логику и манеру подачи материала; нередко шутил по поводу «женской» манеры письма с ее «изыществами» и красивыми оборотами, но никогда ничего жестко не навязывал, текст правил очень деликатно, карандашом делая пометки «подумайте», «напишите четче» и т.д. Игорь Петрович всегда очень внимательно и уважительно относился к «своим» студентам, был неизменно благожелателен – но категорически нетерпим к лицемерию и фальши, «конъюнктурщине». Всегда открытый к общению, он удивительным образом сохранял дистанцию «учитель – ученики». Он очень искренне и как-то не по-современному трепетно относился к делу своей жизни, был требователен прежде всего к самому себе и к любимым питомцам. Игорь Петрович был легко ранимый, даже обидчивый человек, но никогда – равнодушный.

Изучение американской истории предполагало работу в библиотеках и архивах США, однако вплоть до конца 1950-х – начала 1960-х годов такой возможности у отечественных американистов не было. Перелом наступает в 1958 году в результате подписания соглашения между СССР и США о сотрудничестве и обменах в сфере культуры, образования и науки. В 1962 году целая группа молодых

¹ Там же. С. 219.

² Козенко Б. Д. Указ. соч. С. 148–149.

преподавателей кафедры получила разрешение на длительные, по несколько месяцев, зарубежные командировки: А. В. Адо отправился во Францию, Е. Ф. Язьков и И. П. Дементьев – в США, И. В. Григорьева – в Италию. И. С. Галкин настаивал на длительных командировках, «обошел все мыслимые инстанции, осаждал Министерство высшего образования и соответствующий отдел ЦК КПСС, добрался даже до Микояна и, при его содействии, наконец, добился своего»¹.

В ходе поездки по Соединенным Штатам Игорь Петрович собрал богатый материал, который в дальнейшем лег в основу его докторской диссертации. Он смог объездить всю Америку вдоль и поперек, побывал во многих штатах США. Он любил рассказывать о своих «американских впечатлениях», далеко не все они были позитивны. Но даже в этих рассказах в полной мере проявлялась его эмоциональная и решительная натура: «Дементьев умел, когда это требовалось, проявить смелость и решительность. Во время научной командировки в США в пустынном подземном переходе нью-йоркского метро на него напал какой-то негр. Угрожая ножом, он потребовал денег. Дементьев схватил его за руку и попытался вырвать нож. Он изрезал в кровь свои ладони, но бандит, не ожидавший сопротивления, растерялся. В это время в переходе показались люди, и бандит убежал»².

Америку Игорь Петрович хорошо знал и понимал, был в курсе политических новостей, интересовался американской культурой и особенно увлекался литературой.

В 1971 году И. П. Дементьев защитил докторскую диссертацию «Идейная борьба в США по вопросам империалистической экспансии на рубеже XIX–XX вв.» – в числе официальных оппонентов были ведущие специалисты по истории США нашей страны: член-корреспондент АН СССР А. В. Ефимов, будущие академики Г. Н. Севостьянов и Н. Н. Болховитинов. В 1973 году на основе докторской диссертации И. П. Дементьев издал монографию³. Это «фундаментальное исследование»⁴, являющееся классической работой по истории общественной мысли, до сих пор не потеряло своей научной актуальности. Написанная

¹ Смирнов В. П. От Сталина до Ельцина... С. 285.

² Там же. С. 222.

³ Дементьев И. П. Идейная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX–XX вв.). М., 1973.

⁴ Болховитинов Н. Н. Рецензия на: Дементьев И. П. Идейная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX–XX вв.) // Новая и новейшая история. 1974. № 5. С. 185.

на широком круге источников, монография И. П. Дементьева поражает масштабом своего замысла, в ней рассмотрены вопросы формирования идеологии империалистической экспансии, проблема ее социальных и идейных истоков, история идейно-политической борьбы.

И. П. Дементьев показывает влияние экспансионистских идей на рядовых американцев и рассуждает о территориальной экспансии как об определяющем векторе внутривнутриполитического развития США на протяжении нескольких веков: «Беспрецедентная экспансия, продолжавшаяся на протяжении жизни многих поколений, оказала влияние на самые различные стороны жизни и мировоззрения американцев. Она породила устойчивые иллюзии, что на этом пути возможно разрешение многих общественных коллизий. С ней также связывалось осуществление едва ли не всех религиозных, политических и социальных идеалов. Пионерами, прибывавшими в Америку, владел дух миссионерства. Здесь надеялись они создать образцовую страну»¹.

И. П. Дементьев показывает сложные метаморфозы, которые претерпевает ключевая американская доктрина «предопределения судьбы» на протяжении нескольких столетий американской истории: «в колониальный период преобладала теологическая ее трактовка, «идея «избранности», «особой миссии» американской нации гносеологически тесно связана с кальвинистским учением о предопределении, занимавшем центральное место в пуританской идеологии». После же Войны за независимость «экспансионистские теории получили новую пищу для обоснования исключительности американского пути. Утверждалось, что республиканское правление только в форме, господствующей в США, благотельно и для других народов. С другой стороны, высказывались мнения о необходимости экспансии для сохранения в стране внутреннего социального мира и режима демократии»².

По справедливому наблюдению И. П. Дементьева, существовали различные трактовки доктрины «предопределения судьбы»: «кассимиляция политически отсталых народов (прежде всего по отношению к индейцам), политическое тяготение (по отношению к Кубе), политическое сходство (по отношению к Канаде)»³.

Рассматривая эволюцию доктрины «предопределения судьбы», ее роль в формировании экспансионистских концепций, И. П. Дементьев

¹ Дементьев И. П. Идейная борьба в США по вопросам экспансии... С. 50.

² Там же. С. 51–53.

³ Дементьев И. П. Идейная борьба в США по вопросам экспансии... С. 53.

*И. П. Дементьев (1925–1998) –
д.и.н., профессор*

обращает внимание на мессианский характер внешнеполитических доктрин США, оказавших влияние на формирование империалистической идеологии. Анализируя внешнеполитический аспект теории «подвижной границы» Ф. Тернера, миссионерский экспансионизм Д. Стронга и «доктрину морской мощи» А. Мэхэна, И. П. Дементьев наглядно демонстрирует, насколько гибкой, целеустремленной и многосторонней была пропаганда экспансионизма в США на рубеже XIX–XX вв.: «Идеи, изложенные в фундаментальных трудах, преподносились в «облегченных» популярных вариантах, а также с уни-

верситетских кафедр и церковных амвонов»¹.

И. П. Дементьев исследует причины радикальных изменений во внешнеполитической стратегии США в конце XIX – начале XX вв., изучает общественно-политическую мысль эпохи, выявляет значимость и взаимосвязь исторических, политических и социологических теорий, провозглашенных в США на рубеже XIX–XX веков: «Все эти концепции оказали глубокое влияние на американскую общественную мысль, причем каждая из них имела специфическую направленность. Доктрина превосходства англосаксов обращалась к живучим иллюзиям о США как о стране передовой демократии и расистским предрассудкам; теологическая апология экспансии поддерживалась верой многих американских протестантов в религиозное «предопределение» США; теория «границ», апологетически переосмысливая демократическую мифологию, возникшую в вековой борьбе за «свободную» землю, создавала широкую идейную базу для экспансионизма; доктрина морской мощи оказала воздействие на военно-политические круги»².

В 1975 году И. П. Дементьев стал лауреатом Ломоносовской премии в составе авторского коллектива за серию работ по проблеме «Рабочее движение, антимонополистическая борьба в США в эпоху империализма».

¹ Там же. С. 341.

² Там же.

Важным направлением научной и педагогической деятельности И. П. Дементьева стала подготовка нового университетского курса по историографии новой и новейшей истории, а затем и публикация учебников по этому предмету. «И. П. Дементьеву принадлежала ведущая роль в подготовке университетского курса историографии новой и новейшей истории. Разработанный при его активном участии подход к историографии как целостному предмету, включающему в себя изучение истории исторической науки, ее методологии, методов исторического исследования, анализ творчества наиболее крупных и влиятельных историков различных стран, а не только историографии отдельных проблем, был положен в основу подготовленного коллективом ученых кафедры по инициативе и под руководством И. С. Галкиной двухтомного учебного пособия по историографии»¹.

Двухтомный учебник по историографии новой и новейшей истории, изданный в 1967–1968 гг.², стал, безусловно, событием в научной жизни нашей страны, так как «это была первая в отечественной и мировой литературе попытка создания общей картины развития исторической науки стран Европы и Америки»³. Кардинальным образом переосмысленный учебник по историографии был издан в 1990 году⁴. На учебниках по историографии, написанных под руководством И. П. Дементьева, подготовлено несколько поколений отечественных историков.

В 1991 году И. П. Дементьев возглавил Диссертационный совет по всеобщей истории. Неизменно благожелательный и справедливый по отношению к соискателям ученых степеней, он был символом университетского профессора: требовательный прежде всего к самому себе, строгий, но тактичный критик, всегда был готов прийти на помощь, никогда не отказывал в консультации и поддержке. Он много работал до самого конца своей жизни, был человеком «с твердым характером, уважением к себе и своему мнению, болезненной ранимостью чуткой души, способностью постоять за себя и свои принципы»⁵.

¹ Козенко Б. Д. Указ. соч. С. 150.

² Историография нового времени стран Европы и Америки. М., 1967; Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1968.

³ Козенко Б. Д. Указ. соч. С. 151.

⁴ Историография истории нового времени стран Европы и Америки / Под ред. И. П. Дементьева. М., 1990; Дементьев И. П. Некоторые проблемы истории нового и новейшего времени // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 177–183.

⁵ Козенко Б. Д. Указ. соч. С. 155.

Е. А. МАКАРОВА

ИСТОРИК-АНГЛОВЕД НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА МЕЩЕРЯКОВА*

Представленная статья – дань памяти моему научному руководителю – Надежде Михайловне Мещеряковой, с которой я была знакома с осени 1977 года, когда, будучи студенткой 4-го курса твердо решила специализироваться по истории Великобритании в новое время. Так сложилось, что под ее руководством я писала свою дипломную работу, а потом и диссертацию, и во многом благодаря ее положительным рекомендациям была оставлена на кафедре новой и новейшей истории, в стенах которой мое профессиональное и личное, человеческое общение с ней продолжалось вплоть до ее смерти.

Этот небольшой очерк основывается, прежде всего, на моих воспоминаниях, а также воспоминаниях тех моих коллег, кто знал Надежду Михайловну в течение долгих лет совместной работы на Историческом факультете МГУ, ее учеников и близких знакомых, с которыми ее связывали дружеские узы¹.

Говоря о творческом пути Н. М. Мещеряковой как человека, педагога и ученого, о ее личности, жизни и деятельности, мне хотелось бы отметить следующее. На мой взгляд, подлинное понимание творчества ученого-историка возможно при рассмотрении его в двух контекстах. Во-первых, необходимо определить место и значение его трудов в развитии того научного направления, которым он занимался. А, во-вто-

* Впервые опубликовано: *Англоведение в современной России. Коллективная монография / Отв. ред. М. П. Айзенштат и Т. Л. Лабутина.* М., 2019. С. 271–290. Печатается с сокращениями.

¹ В этой связи, хотелось бы выразить благодарность Ирине Владимировне Григорьевой, а также уже ушедшим от нас Владиславу Павловичу Смирнову, Ие Леонидовне Маяк и близкой подруге Н. М. Мещеряковой, профессору-востоковеду Фериде Мустафовне Ацамба, которые знали Надежду Михайловну еще со студенческих и аспирантских лет и охотно рассказали мне о том периоде ее жизни, когда я еще не была с ней знакома.

рых, представить себе жизнь этого человека в контексте современной ему эпохи, обратиться к социальной среде и эмоциональному климату, которые окружали его в детстве и юности, впечатлениям и интересам, причинам прихода в науку и т.д. Это позволило бы лучше понять мировоззрение и мотивы обращения историка к тем или иным темам исследования.

Со сменой идеологий, в среде гуманитариев наблюдается тенденция к тому, чтобы «сдать в архив» творчество предшественников – прежде всего историков, писавших в советский период. Однако гораздо более плодотворной представляется попытка объективно оценить достижения и недостатки работ предшественников и задуматься о внутренней логике их творчества. Ведь и наше творчество также может быть понято лишь исходя из этих критериев.

* * *

Надежда Михайловна Мещерякова родилась 30 ноября 1925 года в городе Нальчик Кабардино-Балкарской АССР. В своей семье она была единственным и долгожданным ребенком. Родители ее просто обожали.

Мама Надежды Михайловны – добрая, тихая, мягкая женщина, происходила из простой среды и никакого особенного образования не имела. В родословной по материнской линии, в двух предшествующих поколениях, как рассказывала Надежда Михайловна, были священники. Отец – Михаил Петрович Мещеряков – окончил Институт востоковедения, который в то время назывался Институт живых восточных языков. Специалист-тюрколог, он в совершенстве знал турецкий язык. Дядя Надежды Михайловны, родной брат ее отца – Алексей Петрович Мещеряков – стал известным химиком, лауреатом Государственной премии, а его сын – двоюродный брат Надежды Михайловны – ученым-физиком. В семье Мещеряковых явно прослеживается очевидная склонность к научным изысканиям ...

В начале 30-х годов (в 1931–1934 гг.) родители вместе с маленькой Надей некоторое время жили в Турции, в Стамбуле. Ее отец работал в советском торговом представительстве в этой стране. По свидетельству Ф. М. Ацамба, с юных лет близко дружившей с Н. М. Мещеряковой, возможно, он выполнял в Турции некие особые функции и поручения.

После возвращения домой семья Мещеряковых довольно часто переезжала. Это было связано со службой ее отца¹. В школьные годы Надежда Михайловна училась не только в Москве, но также в Баку и в Киеве². Она рассказывала, как в начальной школе учила то азербайджанский язык, то украинский. Кроме того, ее родители, заботясь о хорошем образовании для дочери, рано приобщили ее к чтению, учили музыке и иностранным языкам.

Начало Великой Отечественной войны застало их семью в Киеве. Надежда Михайловна с мамой успели уехать в эвакуацию в Свердловск, а ее отец был оставлен в городе (по всей видимости, для организации подполья) и погиб при невыясненных обстоятельствах в ноябре 1941 года, в самом начале войны.

В Свердловске Н. М. Мещерякова училась в последних классах школы, которую она закончила с отличием в 1944 году. По ее словам, эта школа была «очень хорошей и сильной», особенно в плане преподавания гуманитарных предметов – литературы и истории. Русский язык и литературу преподавали выпускницы Бестужевских курсов, историю – профессиональный историк.

В том же 1944 г., сразу после школы, Надежда Михайловна поступила без вступительных экзаменов на Исторический факультет МГУ, который с отличием закончила в 1949 году, получив «красный» диплом. На первых курсах большой интерес у нее вызывали предметы, которых не было в школе – латынь и политическая экономия.

Следует отметить, что заканчивала она не кафедру новой истории, на которой впоследствии работала многие годы, а кафедру истории средних веков. Ее дипломная работа была посвящена общественным взглядам Томаса Старки (ок. 1499–1538) – английского гуманиста и политического мыслителя.³

¹ В 1935–1937 гг. Михаил Петрович Мещеряков занимал должность помощника начальника 4 отделения в 4-м отделе Главного управления государственной безопасности НКВД СССР (URL: <http://nkvd.memo.ru/index.php>, дата обращения 11.08.2017). Ф. М. Ацамба вспоминала, что отец Надежды Михайловны «один, без оружия, уходил в горы, призывая “басмачей” сложить оружие и сдаться, и как правило, его миссия заканчивалась успешно».

² В мае 1937 г. М. П. Мещеряков был отозван в распоряжение НКВД Азербайджанской ССР. В июне 1940 г. он был уволен в запас и работал в системе Управления особого строительства НКВД в Киевской области (URL: <http://nkvd.memo.ru/index.php>, дата обращения: 11.08.2017).

³ См. список дипломов, защищенных в период с 1940 по 2017 гг. на сайте кафедры истории средних веков на портале исторического факультета МГУ: URL: www.hist.

Кафедра истории средних веков представляла в то время уникальное сообщество. Прежде всего, потому, что она включала в себя целое созвездие крупнейших отечественных специалистов в области медиевистики. Не будет преувеличением сказать, что, пожалуй, это была самая сильная кафедра исторического факультета, в плане своего профессорско-преподавательского состава. На кафедре истории средних веков тогда работали Е. А. Косминский, С. Д. Сказкин, А. И. Неусыхин, В. М. Лавровский, В. В. Стоклицкая-Терешкович, Б. Ф. Поршнева, Н. П. Грацианский, Ф. А. Коган-Бернштейн, М. М. Смирин и ряд других ученых, каждый из которых представлял собой яркую индивидуальность. В те годы начинали свою успешную научную карьеру Н. А. Сидорова, Е. В. Гутнова, З. В. Удальцова. Надежда Михайловна с благодарностью и теплотой отзывалась и об одном из основателей кафедры древних языков истфака, профессоре Викторе Сергеевиче Соколове (1889–1967)¹.

Все они были очень разные, но каждый являлся неординарной и незаурядной личностью. Сотрудники кафедры средних веков отличались не только высокими научными, но и прекрасными человеческими качествами. Благодаря им на кафедре царил атмосфера научной требовательности, поощрения исследовательского поиска, доброжелательности. Для многих студентов и аспирантов профессора кафедры на всю жизнь остались интеллектуальным и нравственным мерилом. Кафедра как магнит притягивала к себе студентов, искренне стремившихся работать в избранной области, чрезвычайно сложной и трудоемкой.

Научным руководителем Н. М. Мещеряковой был известный отечественный медиевист-англовед Владимир Михайлович Лавровский (1891–1971) – по воспоминаниям Е. В. Гутновой, «милейший, добрый и благородный человек»². Он был крупным специалистом по истории Англии позднего средневековья и раннего нового времени, принадлежал к отечественной школе социальной истории, занимался

msu.ru/Departments/Medieval/index.html (дата обращения: 10.03.2017). Впоследствии вышла ее статья, написанная на эту тему: *Мещерякова Н. М.* Английский гуманист Томас Старки – представитель ранней буржуазной идеологии // Средние века. Вып. 31. М., 1968. С. 256–276.

¹ *Мещерякова Н. М.* Слово об учителе – В. С. Соколове // Труды кафедры древних языков Исторического факультета МГУ. М.-СПб., 2000. С. 15–16.

² *Гутнова Е. В.* Кафедра истории Средних веков // Вестник Московского университета. Серия «История». № 4. 1997. С. 30–43.

преимущественно проблемами исследования земельной собственности в Англии XVI–XVIII веков¹. Побывав в Англии в 1925–1926 гг. и работая там в течение года в архивах, он выпустил в 1940 году превосходную книгу по истории парламентских огораживаний в Англии XVIII века, получив за нее докторскую степень.² Занятия, которые вел В. М. Лавровский, привлекали не только студентов-медиевистов, но также студентов и аспирантов с других кафедр³. Он любил своих многочисленных учеников и опекал их, что бывает далеко не всегда. Отличало В. М. Лавровского также его умное и бережное отношение к своим старым учителям, особенно к Р. Ю. Випперу⁴.

Немаловажно отметить, что научным руководителем В. М. Лавровского в свое время был профессор Александр Николаевич Савин (1873–1923), ученый необычайной эрудиции и колоссальных знаний, специализировавшийся на средневековой истории Англии, особенно на аграрных отношениях в ней⁵. Как исследователь Савин отличался редкой научной скромностью и осторожностью. Свободно оперируя объемным историческим материалом, он был очень скуп на обобщения, если они не вытекали прямо из источников. Каждое слово в его книгах и лекциях «было продумано и обосновано, в каждом случае было учтено все, что сделала по этому вопросу историческая наука».⁶

¹ См., например: *Лавровский В. М.* Основные проблемы аграрной истории Англии конца XVIII и начала XIX в. М., 1935; *Лавровский В. М., Барг М. А.* Английская революция XVII века. М., 1958; *Лавровский В. М.* Проблемы исследования земельной собственности в Англии XVII–XVIII веков. М., 1958; *Он же.* Исследования по аграрной истории Англии XVII–XIX вв. М., 1966.

² *Лавровский В. М.* Парламентские огораживания в Англии конца XVIII – начала XIX веков. М., 1940.

³ Лавровский читал лекции и спецкурсы очень темпераментно. Особым успехом у студентов пользовался его курс по истории английской революции, который, несмотря на частые повторения и, может быть, излишнюю экспрессивность, не терял своей увлекательности и глубины содержания. См.: *Гутнова Е. В.* Пережитое. М., 2001. Глава 17. Кафедра истории Средних веков.

⁴ *Мильская Л. Т.* Воспоминания Е. В. Гутновой и их достоверность // Средние века. 2002. Вып. 63. С. 396.

⁵ Памяти А. Н. Савина была посвящена статья В. М. Лавровского в первом выпуске «Трудов института истории РАНИОН» за 1926 год.

⁶ Цит. по: *Косминский Е. А.* Изучение истории западного средневековья. [Работы русских дореволюционных и советских историков] // Вестник АН СССР. 1945. № 10–11. С. 98.

Под началом А. Н. Савина Лавровский следовал лучшим традициям отечественной исторической науки, в свою очередь, передавая их своим ученикам. Я думаю, что неслучайно впоследствии Надеждой Михайловной были написаны статьи о А. Н. Савине для энциклопедических изданий¹.

В силу того, что Н. М. Мещерякова была очень способной студенткой, она уже в годы учебы входила в узкий круг людей, близких к Евгению Алексеевичу Косминскому (1886–1959), возглавлявшему тогда кафедру средних веков². О нем она всегда очень высоко отзывалась и, можно сказать, буквально благоговела перед ним³. Мне почему-то всегда казалось, что за этим благоговейным отношением, возможно, стояло нечто большее, может быть более глубокое чувство, чем просто восхищение ученика учителем ...

То, что Надежда Михайловна рассказывала о нем, очень близко совпадает с воспоминаниями о Е. А. Косминском Е. В. Гутновой (1914–1993), непосредственно у него специализировавшейся, которая писала: «Возглавлял кафедру Евгений Алексеевич Косминский... Это был очень крупный и талантливый историк, ... известный не только у нас в стране, но и за границей, в частности в Англии, прошлым которой он занимался. Но помимо этого он был обаятельным и многогранно талантливым человеком. Внешне очень интересный, хотя нельзя сказать, что красивый, высокий, большой, с крупной головой и тоже крупными, но вместе с тем приятными чертами лица, при первом общении Евгений Алексеевич казался по-английски сдержанным, холодноватым и, как считали некоторые, даже надменным. Я и мои товарищи, начав заниматься с ним в семинаре на третьем курсе, сначала его стеснялись и

¹ См.: Мещерякова Н. М. Савин Александр Николаевич // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 37, 1955; Она же. Савин Александр Николаевич // Советская историческая энциклопедия. Т. 12, 1969. О Савине она неоднократно рассказывала мне, в бытность мою студенткой-дипломницей. Поскольку работа моя была посвящена Фабианскому обществу, она адресовала меня к материалам из архива А. Н. Савина, хранившимся в отделе рукописей Ленинской библиотеки, в которых содержались записи о посещении Александром Николаевичем заседаний и лекций фабианцев и его комментарии по этому поводу.

² Е. А. Косминский возглавлял кафедру истории средних веков исторического факультета с 1934 по 1949 год. См.: Летопись Московского университета. Исторический факультет. 2-е издание, дополненное. М., 2014. С. 20, 47.

³ Об этом же свидетельствовала и И. Л. Маяк, которая делилась со мной воспоминаниями о студенческих годах Надежды Михайловны.

даже боялись. Однако, повседневно общаясь с ним, мы узнали его как милого, доброго, отзывчивого наставника, в высшей степени интеллигентного и воспитанного, с которым, в конечном итоге, было легко и просто. Его барственный вид и манеры на поверку оказались своего рода защитной маской тонкого и по-своему застенчивого человека, ограждавшей его от далеких ему людей, но отбрасываемой им в более тесном кругу»¹.

Чрезвычайно важным было то, что на кафедре средних веков студентам прививалась любовь к источникам, убеждение в том, что делать какие-либо общие выводы следует только исходя из их анализа. Косминский учил точности в интерпретации фактов. Как и другие ученики Д. М. Петрушевского, он часто начинал свои занятия взятой у учителя фразой: «Доклад есть такое произведение, автор которого отвечает за каждое слово и за каждую запятую, поставленную и не поставленную»².

В те годы Н. М. Мещерякова предпочитала общаться с людьми, которые были значительно старше ее. Несмотря на молодость Надежды Михайловны и существенную разницу в возрасте она была допущена в круг профессоров, мэтров, была ими хорошо и благожелательно принята...

Училась она с большим увлечением и интересом. При этом, все, кто помнит ее студенткой, отмечали ее общительность, энергичность, смещливость и жизнерадостность (такой я ее уже не знала). Те, кто учился вместе с ней, говорили о ее большом уме и столь же большом трудолюбии.

Фундаментальное образование, полученное Надеждой Михайловной на кафедре средних веков, открывало ей путь для дальнейшей исследовательской работы. В 1949 г. она была принята в аспирантуру исторического факультета МГУ. От студенческих лет до аспирантуры ее исследовательские интересы претерпели изменения. Начав научную работу с изучения идеологии английского гуманизма, она в годы учебы в аспирантуре углубилась в исследование социально-экономических проблем, особенно социального аспекта генезиса буржуазного общества в Англии.

В 1952 г. Н. М. Мещерякова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Наемные рабочие в промышленности Англии первой поло-

¹ Гутнова Е. В. Пережитое. М., 2001. С.143–144.

² Цит. по: Мильская Л. Т. Указ. соч. С. 396.

вины XVII века». Тем, кто присутствовал на этой защите, запомнилось яркое выступление и слова одного из оппонентов – специалиста по социальным и политическим проблемам Англии XVI–XVII веков В. Ф. Семенова – о том, что «каждая глава этого исследования могла бы стать законченной монографией»¹.

Работа была написана в духе марксистской историографии. Здесь необходимо пояснить, что стояло за этим понятием тогда, в конце 1940-х – самом начале 1950-х годов, как именно, за официальной идеологией скрывались реальные типы и формы восприятия «марксизма» во взглядах конкретных историков. Только тогда мы сможем составить представление об особенностях «марксизма» Надежды Михайловны.

Как известно, в первой половине 1930-х годов отечественные историки «учились марксизму» по-разному. Если отвлечься от конъюнктурных моментов, связанных с необходимостью признания новой идеологии, этот процесс протекал не одинаково у людей различных взглядов. Те, кто принадлежал к государственно-юридическому направлению, не принимали «марксизм» как чуждое им новшество. Исследователи, которые еще в дореволюционный период были погружены в изучение социально-экономической проблематики – а их в отечественной медиэвистике было большинство – воспринимали марксизм более или менее позитивно, но остро чувствовали в нем вульгаризацию идейно близкого им социально-экономического подхода к установлению законов развития общества.

После постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школе», восстановления в том же году истфака МГУ и репрессий 1937 г., когда молодые «историки-марксисты» были отодвинуты на периферию научного сообщества или сгинули в лагерях, именно представители социально-экономического направления возглавили советскую историческую науку и сформировали канонический «марксизм», который пережил и смерть Сталина и «оттепель»².

В медиэвистике этот канонический «марксизм» теснее, чем в других областях исторической науки, был связан с социально-экономическим направлением, которому следовали Е. А. Косминский,

¹ Записано мною со слов Ф. М. Ацамба.

² Недавно опубликованные воспоминания Л. В. Черепнина «Моя жизнь», написанные в 1970–1971 гг., дают представления о психологической анатомии этого процесса. См.: *Черепнин Л. В. Моя жизнь. Воспоминания. Приложения.* Т. II. М., 2015.

В. М. Лавровский и другие. Тем драматичнее протекала деформация этого направления во время кампании по борьбе с космополитизмом 1949 г.¹.

Именно у таких людей училась Надежда Михайловна. Однако, в плане идеологическом, Н. М. Мещерякова придерживалась в своих взглядах иной, я бы сказала, ультра-марксистской позиции. Главными для нее были марксистские методологические принципы – в основе эволюции любого общества лежит его социально-экономическая жизнь, а один из главных двигателей этой эволюции – классовая борьба². Причем, в ее случае, на мой взгляд, соображения конъюнктурного характера отсутствовали. Ей не приходилось «наступать на горло собственной песне». Это было дело принципа, то, во что она свято и непоколебимо верила до конца.

События 1949 и 1953 годов – борьба с космополитизмом и «дело врачей», как известно глубоко затронули исторический факультет в целом и кафедру средних веков в частности. Тогда по сути дела вся отечественная медиевистика оказалась под подозрением. В. М. Лавровский, А. И. Неусыхин, Ф. А. Коган-Бернштейн были вынуждены уйти с кафедры. Е. А. Косминский, безуспешно пытавшийся защитить своих сотрудников, отказался от заведования кафедрой и перенес тяжелый инфаркт. В связи с уходом В. М. Лавровского, который был руководителем Надежды Михайловны на дипломе, по всей видимости, кардинально изменилась и тематика ее диссертационного исследования.

Эти события никогда и ни в какой форме в разговорах с Надеждой Михайловной не возникали и не обсуждались. Если речь хотя бы отдаленно, косвенно заходила об этом периоде, зависало молчание, в воздухе как будто возникала невидимая стена, и становилось понятно,

¹ Шарова А. В. Евгений Алексеевич Косминский и советская историческая наука 1920–1950-х гг. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1994.

² Эта ее позиция нашла выражение в статьях для энциклопедических изданий, посвященных «Славной революции» 1688 года, которую она трактовала исключительно как верхушечный «государственный переворот», «без участия широких масс английского народа», сравнительно с революционным периодом 1640–1660 гг., «когда проявилась подлинная революционная энергия народных масс», и восстанию Уота Тайлера. Подробнее см.: «Славная революция» // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т.37, Т.39, 1956; «Славная революция» // Советская историческая энциклопедия. Т. 12. 1969; Уота Тайлера восстание // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 44, 1957; Уота Тайлера восстание // Советская историческая энциклопедия. Т. 14, 1973.

что дальнейший разговор на эту тему следует прекратить. Не только со мной, но и с другими своими аспирантами, она об этом никогда не говорила и мне, увы, не известно, как она воспринимала оборотную сторону того времени, на которое пришлось ее успешные аспирантские годы.

К 1950-м годам относится начало работы Н. М. Мещеряковой на педагогическом поприще. Еще до защиты своей кандидатской диссертации она стала преподавать по совместительству на кафедре Всеобщей истории¹ Высшей Партийной Школы при ЦК КПСС. Тогда же в 1951 г. она вступила в партию.

В 1957 году она перешла на работу в Институт марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС, в сектор произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Там, среди ее коллег и друзей особенно хотелось бы выделить замечательного человека и ученого Льва Исааковича Гольмана, автора работ не только по марксведению, истории Первого Интернационала, об Энгельсе как историке, но и по истории Ирландии².

С 1961 года Н. М. Мещерякова стала работать старшим преподавателем на историческом факультете МГУ на кафедре новой истории³ и проработала здесь без малого полвека.

Надо сказать, что тогда кафедра переживала сложный период⁴. Не хватало квалифицированных специалистов из-за отсутствия постоянного состава преподавателей. Часть педагогической нагрузки несли ученые, которые приглашались из Академии Наук⁵. Почти в то же самое время, в 1960 году, на кафедре начал работать и Лев Николаевич Еремин (1932–2011), занимающийся внешней политикой и дипломатией Великобритании в XIX веке.

¹ Впоследствии она была переименована в кафедру международного рабочего и национально-освободительного движения.

² История Ирландии / Л. И. Гольман, А. Д. Колпаков, В. Э. Кунина, Ю. М. Сапрыкин. М., 1980.

³ С 1992 г. подразделение стало именоваться кафедрой новой и новейшей истории стран Европы и Америки (прим. – Е. М.).

⁴ Работавший на кафедре в 1940–1949 годах специалист по истории Великобритании профессор Исаак Семенович Звевич (1904–1950) с 1949 года преследовался как космополит за дружеские связи с британским лейбористом Гарольдом Ласки и недостаточную критику английского империализма в своих работах. Он был отстранен от преподавания, вынужден уехать в Ташкент, где и скончался.

⁵ Галкин И. С. Тропами моей жизни // Новая и новейшая история. 1998. № 5. С. 121.

В начальный период своей работы на кафедре Н. М. Мещерякова читала курс по истории Первого Интернационала¹. Занималась она также проблемами генезиса капитализма², историей английского и международного рабочего движения³, вела спецсеминар по колониальной политике Англии во второй половине XIX века.

В 1966 году, во многом благодаря усилиям Ильи Саввича Галкина, который тогда возглавлял кафедру и всячески приветствовал и «пробивал» подобные поездки, состоялась научная командировка Надежды Михайловны в Англию. Эта научная стажировка проходила под эги-

¹ В эти годы ею совместно с И. А. Бах и М. П. Мариничевой была подготовлена публикация документов: Генеральный Совет Первого Интернационала. 1866-1868. Протоколы. М., 1963. См. также: *Мещерякова Н. М.* Утверждение социалистических принципов в качестве программных основ Интернационала // Первый Интернационал. (1864-1870). М., 1964; *Она же.* Брюссельский конгресс Первого Интернационала // Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1964; *Она же.* Программные принципы Первого Интернационала – принципы объединения международного пролетариата на основе научного коммунизма // Вестник Московского Университета. Серия «История». 1964. № 6.

² *Мещерякова Н. М.* О промышленном развитии Англии накануне буржуазной революции XVII века // Средние века. Вып. VII. М., 1955; *Она же.* Мануфактура // Большая советская энциклопедия. 2-е издание. Т. 26. 1955; *Она же.* Кризис сукноделия в Англии накануне буржуазной революции XVII века // Средние века. Вып. XV. М., 1959; *Она же.* К проблеме формирования наемных рабочих в промышленности Англии первой половины XVIII века // Средние века. Вып. 22. М., 1962; *Она же.* Изучение генезиса капитализма // Вопросы истории, 1966, № 9; *Она же.* Мануфактура // Советская историческая энциклопедия. Т.9. М., 1966; *Мещерякова Н. М., Барг М. А., Чистозвонов А. Н.* и др. Итоги исторического процесса в Западной Европе XIV–XV вв. // Проблемы генезиса капитализма. М., 1978; *Мещерякова Н. М.* Английская буржуазная историография о генезисе капитализма в промышленности Англии // Формирование пролетариата. Проблемы историографии и источниковедения. М., 1980.

³ *Мещерякова Н. М.* Формирование промышленного пролетариата в Англии, Франции и Германии и переход от ранних форм борьбы пролетариата против буржуазии к массовым революционным и самостоятельным политическим движениям // История международного рабочего и национально-освободительного движения в период победы и утверждения капитализма. М., 1957; *Она же.* Методы эксплуатации и борьба наемных рабочих в промышленности Англии первой половины XVII в. // Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. М., 1968; *Она же.* Происхождение пролетариата. Начальная стадия его развития и борьбы рабочих // Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. Т. 1. М., 1976; *Она же.* Основные черты генезиса капитализма в промышленности Англии XVI – первой половины XVII вв. // Проблемы генезиса капитализма. М., 1978.

дой Лондонской школы экономики (The London School of Economics and Political Science) и продолжалась полгода. В Англии Н. М. Мещерякова получила возможность работать с широким кругом рукописных и печатных источников из библиотеки Британского музея и архивов Лондона. Из этой поездки она вынесла огромное количество ярких впечатлений ...

Получить командировку для работы в британских архивах было очень большой удачей, чем-то запредельным, практически невозможным в то время¹. Архивные материалы, собранные Надеждой Михайловной в Англии, легли в основу ее докторской диссертации «Пролетариат Англии в процессе формирования (первая половина XVIII века)». Диссертация была защищена в 1978 году и опубликована как монография в 1979 году².

Работа была написана с сугубо марксистских позиций. Главный акцент был сделан на исследовании ранней истории английских рабочих в эпоху мануфактурного капитализма. Автор обратилась к изучению экономического развития Англии, рынка рабочей силы, проблемам пауперизма. Одной из центральных тем исследования стали положение бедняков в Англии, деятельность рабочих домов и государственная система мер помощи нуждающимся³.

Надо сказать, что в диссертациях отечественных историков, написанных в начале 2000-х годов и затрагивающих данную проблематику, неизменно присутствуют ссылки на эту работу⁴.

¹ По воспоминаниям А. Б. Давидсона – ученика и друга Н. А. Ерофеева, ученый лишь единожды и всего несколько дней был в Англии, да и то, только как турист. Всю жизнь занимаясь историей Великобритании, Ерофеев так и не получил возможности работать там в архивах и библиотеках. См.: *Давидсон А. Б.* В поисках туманного Альбиона... Из воспоминаний о Николае Александровиче Ерофееве (1907–1996) // Новая и новейшая история. 1997. № 5.

² *Мещерякова Н. М.* Пролетариат Англии в процессе формирования (первая половина XVIII века). М., 1979.

³ По этой же проблематике Н. М. Мещеряковой был опубликован цикл научных работ, часть которых была переведена на датский, румынский, японский и другие языки. В 1970 году она приняла участие в проходившем в Ленинграде V Конгрессе Международной ассоциации экономической истории. Эта ассоциация возникла на рубеже 1950–1960-х годов по инициативе французского историка Ф. Броделя и английского историка М. Поста. См.: *Летопись Московского Университета.* Исторический факультет. 2-е издание, дополненное. М., 2014. С. 74–75.

⁴ См., например: *Соколова Т. В.* Социальные практики лондонских приходов конца XVI – начала XVIII веков в контексте государственной политики и муниципально-го управления. Автореф. дис... канд. ист. наук. Иваново, 2014. С. 5; *Кутявин Д. В.*

Столь успешно начавшаяся научная карьера Надежды Михайловны чуть было не оборвалась в связи с болезнью. В начале 1970-х годов она, вследствие интенсивной работы над докторской диссертацией, требующей постоянного напряжения глаз, почти ослепла. В возрасте 45 лет у нее произошло отслоение сетчатки. Н. М. Мещерякова мужественно преодолела этот удар судьбы. Несмотря на мрачные прогнозы врачей, она категорически отказалась от операции на глазах, в буквальном смысле слова «сбежала» из Первой Градской больницы и в конце концов фактически вылечила себя сама, правильно подобрав лекарства и мази. Характерной чертой Надежды Михайловны было жизнелюбие, соединенное с огромной уверенностью в том, что человек самостоятельно может преодолевать жизненные преграды.

Наиболее, на мой взгляд, интересное научное начинание, которому я была свидетелем, было предпринято Надеждой Михайловной в конце 1970-х годов. Это был новый цикл исследований, который как бы приняв эстафету изучения Н. М. Мещеряковой в начале ее научной деятельности гуманизма эпохи Возрождения, был посвящен идеологии английского Просвещения. Под ее руководством, в рамках ее спецсеминара, студенты (а впоследствии аспиранты) стали разрабатывать сюжеты, связанные с историей Просвещения XVIII века в Англии. Итогом этой многолетней работы стала коллективная монография «Просветительское движение в Англии» (1991) в которой Надежда Михайловна выступила как автор и редактор¹.

В этой работе, посвященной 350-летию английской революции XVII века, рассматривалось просветительское движение в Англии с конца XVII до конца XVIII века. Были исследованы как общие проблемы английского Просвещения (его исторические корни, характерные черты, теоретические истоки)², так и общественно-политические воззрения отдельных выдающихся просветителей, таких как Шефтс-

Торийская партия в Англии конца XVII – начала XVIII вв. и министерство 1710–1714 гг. Автореф. дис... канд. ист. наук. Самара, 2006. С. 5. Упомянется также работа Н. М. Мещеряковой и в статьях современных экономистов. См., например: Ясин Е., Снеговая М. Роль инноваций в развитии мировой экономики // Вопросы экономики. 2009. № 9. С.20.

¹ Просветительское движение в Англии / Под ред. Н. М. Мещеряковой. М., 1991.

² Н. М. Мещеряковой были написаны теоретические, постановочные разделы этой коллективной монографии.

бери¹, Болингброк², Дж. Толанд³, Б. МанDEVиль⁴, Г. Филдинг⁵, А. Юнг⁶, Дж. Пристли⁷, У. Годвин⁸. Разделы, посвященные им, были написаны группой аспирантов Н. М. Мещеряковой, которые в то время либо уже защитили свои диссертации, либо были близки к их завершению. Забегая немного вперед, надо сказать, что плодотворность предложенной Надеждой Михайловной идеи выразилась и в том, что авторы указанной коллективной монографии, воспитанные ею как научным руководителем, в большинстве своем остались в профессии, продолжив свои изыскания в области английской истории нового времени.

Основные мысли и положения, высказанные в этом исследовании, затем получили дальнейшее развитие в большом разделе, посвященном идеям Просвещения в Англии в коллективной монографии «Общественно-политическая мысль европейского Просвещения», изданной под редакцией Н. М. Мещеряковой кафедрой новой и новейшей истории в 2002 году⁹.

Говоря о роли и влиянии Надежды Михайловны на кафедре, надо подчеркнуть, что здесь она сделала очень многое (таково мнение тех, кто с ней дружил и работал, нашего старшего поколения – Ирины Владимировны Григорьевой, Владислава Павловича Смирнова). На протя-

¹ *Петтинова А. И.* Общественные воззрения Шефтсбери // Просветительское движение в Англии. С. 190–211.

² *Иерусалимская Е. В.* Болингброк – политик и мыслитель. Политическая биография // Просветительское движение в Англии. С. 258–275; *Рубинштейн Е. Б.* Политическое учение Болингброка // Просветительское движение в Англии. С. 275–300.

³ *Кованов К. В.* Джон Толанд о власти, политике, партиях // Просветительское движение в Англии. С. 212–232.

⁴ *Кованов К. В.* Социально-политическая концепция Бернарда МанDEVиля // Просветительское движение в Англии. С. 233–257.

⁵ *Мясникова Л. Г.* Генри Филдинг – публицист // Просветительское движение в Англии. С. 301–326.

⁶ *Гриднев С. В.* Артур Юнг о государстве, обществе, экономике // Просветительское движение в Англии. С. 343–366.

⁷ *Петтинова А. И.* Социально-политические идеи Джозефа Пристли // Просветительское движение в Англии. С. 367–390.

⁸ *Макарова Е. А.* Просветительское мировоззрение Уильяма Годвина // Просветительское движение в Англии. С. 391–423.

⁹ *Мещерякова Н. М.* Общественно-политические идеи Просвещения в Англии // Общественно-политическая мысль европейского Просвещения / Под ред. Н. М. Мещеряковой. М., 2002. (Труды Исторического факультета МГУ / Под ред. С. П. Карпова; Вып. 21. Исторические исследования; 6).

жении многих лет – если не сказать десятилетий – она читала лекционные курсы по истории Великобритании, идеологии и культуре Англии в новое время, общий курс по новой истории для искусствоведов.

Одной из сторон научно-педагогической деятельности Н. М. Мещеряковой явилось создание университетских учебников по новой истории. Ее перу принадлежат разделы по новой истории Англии в учебниках, изданных кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета МГУ. Это и учебник под редакцией Анатолия Васильевича Адо, выпущенный в 1986 году¹, и учебник под редакцией Ирины Владимировны Григорьевой², и последний, не так давно вышедший из печати учебник под редакцией Валериана Семеновича Бондарчука³, когда Надежды Михайловны уже не стало.

На историческом факультете МГУ Н. М. Мещерякова была членом трех Ученых советов и пользовалась непререкаемым авторитетом. Ее слово много значило в принятии тех или иных решений. Бывало и так, что она выступала одна против всех, считая что «и один в поле воин» – и склоняла чашу весов на свою сторону, убедительно одерживая верх. Время показало, что во многих своих бескомпромиссных и казавшихся тогда слишком жесткими заявлениях и позициях она была абсолютно права.

О педагогической деятельности Надежды Михайловны следует, на мой взгляд, сказать особо. Подготовка смены, квалифицированных и хорошо образованных историков, прошедших настоящую научную школу, опирающуюся на традиции А. Н. Савина, Е. А. Косминского, В. М. Лавровского и других – ведь это тоже вклад в развитие отечественного англоведения, и в данном случае вклад весьма существенный.

¹ Новая история стран Европы и Америки. Первый период. Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «История» / Под ред. А. В. Адо. М., 1986. Н. М. Мещеряковой были написаны: Введение к части I; главы 1,2; глава 10, параграф 1; глава 11 параграф 4; глава 14 параграф 1; глава 16.

² Новая история стран Европы и Америки. Начало 1870-х годов – 1918 г.: Учебник. Под ред. И. В. Григорьевой. М., 2001. В этом учебнике Н. М. Мещеряковой были написаны Глава 3. Англия в 1870–1900 гг., и Глава 11. Англия в 1900–1914 гг.

³ История стран Европы и Америки в новое время. В двух частях. Часть I. XVII век: Учебник для студ. учреждений высш. проф. образования. Под ред. В. С. Бондарчука. М., 2011. Н. М. Мещеряковой принадлежат главы 8 и 9, посвященные английской революции XVII столетия. Общее количество научных и учебных трудов, опубликованных Надеждой Михайловной, приближается к 80-ти. Их объем превышает 100 печатных листов (и это не считая многочисленных публикаций документов).

В центре – к.и.н., доцент С. А. Соловьев, справа от него – д.и.н., профессор Н. М. Мещерякова, слева – выпускница кафедры Е. А. Сулопарова. Крайний слева – выпускник кафедры А. Н. Комаров, крайняя справа – выпускница кафедры Т. С. Соловьева. 1995 г.

Как преподаватель и особенно как научный руководитель Надежда Михайловна была очень строгой, требовательной и взыскательной. Своим студентам и аспирантам она внушала любовь, благоговение и трепетное отношение к источникам. Мне думается, что это было заложено в ней кафедрой средних веков. Подобное отношение к источникам как основе основ было присуще ей самой и привито ею ученикам. Она любила приводить в пример работу А. Н. Савина со своими учениками. Прежде чем предложить студенту тему для исследования, он не просто изучал все, что к ней относилось, но сам писал пробный текст на эту тему.

С одной стороны, Надежда Михайловна была внимательна к студентам, пестовала их¹. И в то же время она была к ним очень строга и требовательна. Ее отличала скрупулезная работа со студентами и аспирантами. На меня произвело особое впечатление то, что составлялся жесткий график предоставления аспирантом глав диссертации. Причем определялся не только месяц, но и конкретный день, когда вы-

¹ Это отмечает И. В. Григорьева.

читанный и буквально «вылизанный» текст должен был быть ей представлен. И это было окончательно и «обжалованию» не подлежало. Для аспирантов это было крайне тяжело. Несмотря на все старания, уложить творческую работу в «прокрустово ложе» жестких временных рамок было чрезвычайно трудно. Надежда Михайловна могла иногда внушать «священный трепет». В ее голосе была одна «особая» интонация, от которой буквально «замирало сердце». Ослушаться приказаний, данных *таким* тоном, и исключаяющим какие бы то ни было возражения, было просто невозможно.

Среди выпускников Н. М. Мещеряковой докторские диссертации защитили Е. Б. Рубинштейн, И. Г. Ковалев, Л. А. Галкина (правда, защищали они их не у нее). Надежда Михайловна считала, что нужно «дозреть» до «докторской» не только в плане накопления объема необходимых знаний и их осмысления, но и в плане полученного человеком жизненного опыта и умения «подняться над собой».

Когда я стала подсчитывать тех, у кого она была научным руководителем и кого я знала лично, то насчитала более 30 человек, из которых кандидатские диссертации защитили 12. На самом же деле оказалось, что их значительно больше. Посмотрев хранящиеся на кафедре списки студентов и дипломные работы, я увидела, что за годы работы Надежды Михайловны в университете под ее руководством в спецсеминаре защитили свои работы около 60 дипломников, а двадцать ее выпускников впоследствии защитили кандидатские диссертации.

За этими цифрами стоит поистине грандиозный труд. Каждая работа прочитывалась не менее трех раз, всегда было как минимум три варианта текста, совершенствование которого продолжалось вплоть до момента защиты. Работа включала в себя следующие моменты: во-первых, концепция, выдвинутая автором, должна была быть предельно ясно сформулирована; во-вторых, тщательно проверялись все факты, почерпнутые из источников, на которые эта концепция опиралась; в-третьих, шла скрупулезная работа по совершенствованию стиля изложения.

Но важно даже не количество защитившихся, а то, что большая часть тех, кто специализировался у Н. М. Мещеряковой, несмотря на все сложные обстоятельства в нашей науке осталась «в профессии» и продолжает научные изыскания, посвященные английской истории. И в этом тоже состоит значительный вклад Надежды Михайловны в отечественное англоведение.

Заслуга ее состояла и в том, что фактически ей удалось сохранить преемственность поколений, став связующим звеном между ее учителями и учениками, хотя по своим взглядам она значительно отличалась как от тех, так и от других. Как тут не вспомнить закон «отрицания отрицания» в диалектике Гегеля ...

По характеру и своим человеческим качествам Надежда Михайловна была человеком сложным, о котором так просто, в двух словах и не скажешь. С одной стороны, она была довольно закрытым человеком, и в то же самое время была способна к глубокой и искренней дружбе. Так с Феридой Мустафовной Ацамба и Ией Леонидовной Маяк она тесно общалась с середины 1940-х годов.

Ее внешность, могла, пожалуй, ввести людей, которые не знали ее близко, в заблуждение: небольшого роста, полноватая, с немного детским и наивным взглядом голубых глаз, румяными щеками–яблочками и тщательно уложенными волосами, чем–то отдаленно напоминающими парик английских судей (занятия английской историей, безусловно, накладывали определенный отпечаток), она производила впечатление человека очень добродушного.

Однако по своим внутренним свойствам Надежда Михайловна была не совсем такой, какой представлялась с виду. На деле она обладала сильным и даже жестким характером, следовала своим принципам до конца, без компромиссов, «без страха и упрека», и единожды сформировав свое мнение относительно человека или его работы, впоследствии его не меняла. Обладая твердым внутренним стержнем, она была исключительно требовательна не только по отношению к другим, но, и, прежде всего, по отношению к самой себе.

Мои личные отношения с ней складывались очень непросто. Бывало и так, что «коса наезжала на камень», «летели искры, пух и перья» и возникала мысль – а не уйти ли мне из аспирантуры? Особенно часто это происходило в процессе написания диссертации, и когда она была завершена, Надежда Михайловна, просмотрев ее в уже переплетенном виде, потребовала «расплести» работу и изъять из нее шесть пассажей, которые мне казались как раз очень интересными и значимыми. В противном случае она отказывалась выпустить меня на защиту. Ситуация осложнялась тем, что в тот момент я ждала ребенка, и был риск, что если диссертация не будет защищена сейчас, то она не будет защищена никогда (надо сказать, что подобное уже имело место среди аспиранток Надежды Михайловны незадолго до описываемых событий). Поэтому,

со слезами на глазах, я вынуждена была покориться, и защита состоялась. Впоследствии, в статья я смогла опубликовать тот материал, который, как казалось Надежде Михайловне, мог спровоцировать «ненужную дискуссию» с оппонентами. Эта история говорит о том, что она могла ставить границы «вольномыслию» аспирантов.

Тогда мне казалось, что это было недоверие ко всему новому и слепое следование идеологическим стереотипам. Теперь, под влиянием опыта последних двух десятилетий, мое мнение несколько изменилось. Как мне кажется, Надежда Михайловна не принимала *то* новое, что могло пошатнуть установленные закономерности, разрушить марксистскую схему, которую она считала верной, поколебать истину.

Это стремление не утратить способность дать происходящему разумное объяснение, возможно, лежало в основе ее интереса к Просвещению с его поисками универсальных законов, по которым функционирует человеческое общество.

Последние годы жизни Надежды Михайловны были омрачены болезнью. У нее случился инсульт, который был вызван с одной стороны большой нагрузкой и переутомлением, связанными с написанием глав по Англии в новом учебнике, а с другой – ее нравственными переживаниями. Они были вызваны тем, что незадолго до этого она выступила на Ученом Совете против присуждения докторской степени одному из молодых сотрудников кафедры. Она не испытывала к нему никакой личной неприязни и руководствовалась исключительно соображениями соответствия этой работы критериям, предъявляемым к докторской диссертации, как она их понимала. В своем выступлении она убедительно доказала, что этим критериям работа не соответствует. В итоге защита не состоялась.

Если в научном плане ее доводы были неубязвимы, то в плане этическом многие коллеги по кафедре ее не поддержали. И это было для нее ударом.

Инсульт не лишил ее возможности двигаться, но лишил дара речи, что очень затрудняло возможность общения. После смерти в 1979 году ее мамы, к которой она была очень привязана, Надежда Михайловна жила одна, своей семьи у нее не было. Ответ на казенный вопрос о семейном положении в ее личном деле звучит как-то по-человечески не формально и очень печально – «живу одна» ...

Ее не стало 6 августа 2010 года, в испепеляющее жаркое лето, когда горели леса вокруг Москвы и было много смертей.

А. Ю. ВАТЛИН

УЧЕНЫЙ НА СЛОМЕ ЭПОХ: АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ПАТРУШЕВ

А. И. Патрушев родился 20 июля 1946 г. в селе Идринское Красноярского края, в семье агронома. На историко-филологическом факультете Томского государственного университета выбрал в качестве специализации историю Германии, защитил дипломную работу под руководством известного специалиста по историографии Б. Г. Могильницкого. В 1970 г. поступил в аспирантуру исторического факультета МГУ и 10 декабря 1975 г. защитил кандидатскую диссертацию (научный руководитель М. И. Орлова). Исследование Патрушева было посвящено формированию неолиберального направления в буржуазной историографии ФРГ. В этот момент коллектив кафедры начинал работу над масштабным проектом – учебником по историографии, и перспективный ученый еще до защиты был приглашен ее руководителем И. С. Галкиным на работу в качестве научного сотрудника. С кафедрой новой и новейшей истории оказалась связана дальнейшая биография Александра Ивановича Патрушева.

Коллеги вспоминают, что за тридцать лет работы на кафедре он сохранил свою «провинциальную стеснительность», казался несколько замкнутым и отстраненным, без особой надобности не брал слова на заседаниях кафедры, а если это было необходимо – говорил тихо и деликатно, не стремясь произвести впечатление, но всегда по существу обсуждаемого вопроса. В общении со студентами и аспирантами он проявлял чрезвычайную тактичность и сдержанность, предпочитая режим диалога на равных. Но на самой защите мог выступить «с подковыркой», походя и как бы невзначай указывая на существенные недостатки, мимо которых прошли другие оппоненты.

В памяти знавших его коллег и студентов Патрушев остался невероятным эрудитом, знатоком не только германской истории и историографии, но и практически всех сюжетов прошлого и настоящего европейских стран. Его характер и темперамент раскрывались в им-

*А. И. Патрушев
(1946–2006) – д.и.н.,
профессор*

провизированных «курилках», которые были на каждой лестничной площадке Первого гуманитарного корпуса МГУ, располагавшегося напротив цирка на проспекте Вернадского. Здесь из «тихони» он превращался в мастера меткого словца и законченного фрондера. Не скрывая своего критического мнения по отношению к застою в советской исторической науке, Патрушев мог «пройтись» и по серьезным политическим проблемам, сохраняя невозмутимый вид и позволяя себе едва заметную ухмылку.

Сторонясь активного участия в общественной жизни кафедры и факультета, которое облегчило бы ему академическую карьеру¹, Александр Иванович на равных общался с известными историками ГДР и ФРГ, обменивался с ними научными публикациями. В ходе стажировки в Западной Германии он познакомился и впоследствии много лет вел переписку с профессором Гейдельбергского университета Вернером Конце, одним из основателей направления «социальной истории». Коллегам, бывавшим у него дома, запомнились две вещи: сиамская кошка, вокруг которой в семье сложился настоящий культ, и горы книг, окружавших стол, за которым работал ученый. Патрушев был ценителем и страстным собирателем научной литературы – искренне радовался, когда получал в подарок ту или иную новинку, из года в год выписывал академические журналы, давал студентам почитать книги, привезенные из ФРГ. Его личная библиотека после смерти была передана вдовой Мариной Яковлевной Германскому историческому институту в Москве.

Ключевым кафедральным курсом, который А. И. Патрушев начал читать уже на рубеже 80-х гг., была историография истории нового времени, которую слушали четверокурсники в осеннем семестре. После ухода из жизни И. П. Дементьева он взял на себя преподавание годового курса историографии. Студенты считали этот предмет одним из самых информативно насыщенных и трудных для успешной сдачи, зубрили накануне экзамена имена и термины, листали огромный учеб-

¹ Характерно, что в факультетской хронике имя Патрушева появляется только в связи с публикациями монографий и учебников. См.: *Летопись Московского университета. Исторический факультет. 2-е изд. М., 2014.*

ник формата А4. В то время образование на истфаке носило абстрактно-академический характер, и курс историографии вполне ему соответствовал, а на фоне «общественно-политических дисциплин» даже смотрелся выигрышно. Обязательно давая тому или иному историку «классовую характеристику» (буржуазный, социал-реформистский, радикально-демократический), лекторы знакомили студентов с новейшими тенденциями в развитии западной исторической мысли, подробно пересказывали книги, которые были нам недоступны из-за того, что не закупались библиотеками или сразу же попадали в «спецхраны».

Патрушева отличал мягкий стиль и преподавания, и проверки знаний. Он читал лекции без ярких эмоций и внешнего блеска, не стремился понравиться студентам, как говорится, «не лез в душу». Всегда сохраняя критическую и местами даже ироническую дистанцию по отношению к рассказываемому, лектор самой своей манерой, тоном и всегдашней полуулыбкой располагал к себе аудиторию. Лекции Патрушева по историографии невозможно назвать «сухими», поскольку сам материал был всегда интересен, выстроен исключительно логично. Кроме того, внимание студентов постоянно оживлялось яркими фактами, цитатами, характеристиками исторических персонажей и самих историков.

Ученики Александра Ивановича вспоминают, что он «всегда относился к нам, студентам, как к коллегам. Студенческие и аспирантские научные работы были для него настолько же ценны, как и любая другая работа историка. Он понимал, что в каждый текст вкладывается огромное количество энергии, что для студентов и аспирантов написание таких работ всегда есть путь в неизвестное. И он был готов поддерживать их на этом пути, при условии, конечно, что и сами студенты и аспиранты были готовы приложить максимум усилий для добросовестного достижения поставленных целей»¹.

Любимым курсом самого Патрушева была история Германии в новое и новейшее время, которая читалась студентам-германистам кафедры на протяжении учебного года. Он вел лекцию практически без конспекта, сочетая обильный фактический материал с широкими обобщениями. В моей тетради (я слушал этот курс в 1981–1982 гг.) рукописный конспект одной лекции занимал 3–4 страницы (больше,

¹ Воспоминания Игоря Петрова, защитившего под руководством Патрушева кандидатскую диссертацию в 2000 г., ныне – руководителя русской редакции швейцарского информационного портала «Swissinfo» (рукопись).

чем у какого-либо другого лектора) и являлся достаточной основой для достойного ответа на экзамене.

Мне больше всего запомнилась часть курса, посвященная внутренней и внешней политике нацизма, хотя это и не было предметом моей специализации. В советскую эпоху о «секретных статьях» пакта о ненападении августа 1939 г. в научной литературе ничего не говорилось, но Патрушев познакомил нас с ними, сославшись на «мнение западногерманских историков», а заодно и выразив свое личное отношение к сделке Сталина и Гитлера. Главный мотив советского вождя заключался не в стремлении оттянуть нападение на СССР, а в попытке повернуть агрессию вермахта на Запад. Решение о разделе Польши было «внешне некрасивым, но на деле справедливым» (так записано в моем конспекте).

Задолго до «спора историков» 1986 г. Патрушев познакомил студентов-германистов с позицией Эрнста Нольте, рассматривавшего европейский фашизм во всех его национальных проявлениях прежде всего как антимарксизм. С одной стороны, это приближалось к советской трактовке фашизма, с другой (и это тоже отметил лектор) – показывало общие черты сталинского и нацистского режимов. Как и фашизм в целом, любое из событий или процессов прошлого рассматривалось в лекционном курсе с разных сторон, автор избегал черно-белых оценок, хотя и отдавал должное штампам отечественной историографии тех лет.

Характерным примером была лекция об идеологии и идеологах национал-социализма. Студенты получали наглядное представление не только о ключевых тезисах нацизма в пропагандистской упаковке ведомства Геббельса, но и о его социальных и идейных корнях, причинах эффективного воздействия на умы широких слоев населения, в том числе и на немецкий рабочий класс. Расовая теория, как подчеркивал лектор, была доведена до абсурда, превратившись в «теорию племенного скотоводства». Успех партии Гитлера был бы невозможен без того унижения, который немцы испытали в рамках Версальской системы и неэффективной демократической системы, которая также воспринималась как результат военного поражения.

Показателем популярности авторского спецкурса «Происхождение и идеология германского национал-социализма 1919–1933» было то, что на него записывались «гости» с других кафедр и даже факультетов. Он читался в годы перестройки, когда рушились устои «марк-

систско-ленинской» науки, и для того, чтобы не потерять авторитет в глазах студентов, нужно было не отставать ни на шаг от перемен в духовном климате страны. А. С. Медяков, слушавший этот спецкурс в 1989 г., вспоминает: «глубокое знание самых разных концепций и подходов зарубежной историографии позволило лектору избежать обоих видов массового бедствия тех лет в исторической науке – марксистского догматизма, с одной стороны, и некритичного энтузиазма в принятии всего, что вдруг пришло «оттуда», с другой. Это хорошо видно, например, в его трактовке концепции «тоталитаризма», начавшей тогда свой триумфальный поход по советским, а затем и российским общественным наукам. А. И. Патрушев, во-первых, обращал внимание слушателей на политические мотивы как создателей концепции, так и ее критиков, выделял в ней «эмоциональное» и «научное» понимание и, говоря о втором, предлагал свое собственное видение диктатур XX века»¹.

На рубеже 90-х гг. спецкурс Патрушева по идеологии национал-социализма влился в первый коллективный курс лекций, подготовленный преподавателями кафедры – «Авторитарные и тоталитарные режимы в XX веке». Патрушев активно включился в его подготовку, консультировал молодых коллег, обсуждал с ними, был ли в той или иной стране фашизм или дело ограничивалось авторитарным режимом с фашистскими чертами (Испания Франко, Португалия Салазара, Австрия Дольфуса, режим И. Метаксаса и «черных полковников» в Греции).

Патрушев позитивно воспринял отказ от застарелых догм «идеологической борьбы» в исторической науке, сопровождавший горбачевскую перестройку. Однажды он выразил удивление, за что это я в рецензии столь жестко оценил очередной том «Истории немецкого общества» Ганса-Ульриха Велера², ибо признание историка «буржуазным» отнюдь не является позорным клеймом на его научных трудах. Позже сам Патрушев посвятил несколько статей «новой социальной истории», где по достоинству оценил вклад ее творцов, в том числе и Велера, в развитие мировой исторической мысли³. Каждый год, рассматривая данную тему в лекции по историографии, я вспоминаю урок

¹ Интервью с А. С. Медяковым (11 февраля 2019 г.)

² Вопросы истории. 1989. № 12.

³ Патрушев А. И. Ханс-Ульрих Велер и немецкая социально-историческая наука // Новая и новейшая история. 2004. № 3.

«критической критики», заставившей меня задуматься об ущербности столь легковесной расправы с авторитетами.

Появление с началом эпохи «гласности» русских переводов трудов западных историков и философов, считавшихся до того «реакционными», стало основой для неформальных бесед-обсуждений Патрушева со своими студентами. Они остались в памяти последних и по сегодняшний день. Игорь Петров вспоминает: «Наследие К. Р. Поппера, с которым я познакомился только благодаря Александру Ивановичу, является для меня бесценными и плодотворными опорой и ориентиром. Тоже самое случилось и со шпенглеровским «Закатом Европы». Он настоятельно советовал мне прочитать предисловие к только что вышедшему новому изданию первого тома этой гениальной книги, после чего мир вокруг меня, да и я сам, стали совсем другими»¹.

При чтении лекционных курсов в начале 90-х годов Патрушев (в 1993 г. он получил звание профессора) сохранял верность марксистскому подходу в анализе прошлого, отстаивал классовые оценки доминирующих течений современной западной историографии. И в то же время он многое сделал для «освобождения от оков доктрины» и продвижения вперед всеобщей переоценки ценностей, которая происходила в общественных науках постсоветской России. Процесс этот шел медленно, нелегко даваясь представителям университетской науки, особенно тем, кто год за годом читал соответствующие лекционные курсы, убеждая самого себя в безальтернативности материалистического объяснения истории.

В качестве характерного примера можно привести изменение взглядов Патрушева на представителей либеральной традиции в идейном дискурсе нового времени. Если ранее европейский либерализм выступал в его лекциях в роли маскировочной идеологии и практики буржуазии, одного из вариантов обеспечения ее классового господства, то теперь подчеркивалась ценность и новаторство этого течения общественной мысли. Либеральная демократия Германии, утверждал А. И. Патрушев, сочетала в себе двойственные черты. С одной стороны, в XIX веке она была главной силой общественных преобразований, с другой – не имела широкой социальной базы в буржуазной среде. «Поэтому, как реальная политическая сила, немецкий либерализм отличался слабостью и аморфностью, что приводило к необходимости

¹ Воспоминания Игоря Петрова.

постоянного поиска союзников, прежде всего в лице государственной власти»¹. Фактически речь шла о поисках путей модернизации Германии, адекватных ее социально-экономическому уровню и политическому статусу, да еще и в условиях враждебного окружения более передовых держав. А разве не с этим вызовом столкнулась Россия 90-х?

Применительно к послевоенной Германии Патрушев называл основной чертой либерализма «постоянный пересмотр догм и адаптацию к политическим реалиям, в которых нет и не может быть окончательных решений и рецептов... Невозможность полного знания исключает обязательность какой-то идеи и предполагает поэтому необходимость свободы, которая, как и истина, реализуется в конфликте»². Именно в таком ключе и развивалась «постсоветская» часть научной биографии самого ученого.

Завершающее десятилетие прошлого века для историков было временем не только материальных лишений, но и полезных инициатив. В августе 1996 г. А. И. Патрушев прошел конкурсный отбор и стал по совместительству преподавателем Института европейских культур, созданного РГГУ и Бохумским университетом. В рамках этого образовательного проекта была открыта магистратура по профилю культурологии, существующая и по сегодняшний день. В Институте европейских культур Патрушев взял на себя «Введение в историческую науку», читал общий курс по истории Европы в XX веке, преподавал источниковедение и методы исторического исследования.

Сразу же после зачисления в штат А. И. Патрушев активно включился в написание кафедральных учебников, которые затем использовались на всех исторических факультетах советских вузов. В 1977 г. под редакцией И. С. Галкина вышел первый отечественный учебник по историографии новой и новейшей истории, в котором Патрушевым была написана глава об исторической науке в ГДР³. Впоследствии он сам вместе с И. П. Дементьевым стал одним из редакторов этого учебного пособия, которое было разделено по периодам на историческую науку нового и новейшего времени и до сих пор является основным для

¹ Патрушев А. И. Пути и драмы немецкого либерализма // Согрин В. В., Патрушев А. И., Токарева Е. С., Фадеева Т. М. Либерализм Запада. XVII–XX века. М., 1995. С. 74.

² Он же. Крах и возрождение германского либерализма // Там же. С. 173.

³ Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1977.

преподавания в бакалавриате многих российских вузов¹. Авторский вклад Патрушева в двухтомник составил более 17 печатных листов.

В начале 90-х гг. на кафедре был поставлена задача подготовки нового учебника по историографии XX века, без идеологических шор оценивающего западную историческую мысль и учитывающего ее новейшие достижения. Работа продвигалась вперед крайне медленно, ее тормозило не только переосмысление устаревших подходов и засушенных схем, требовавшее времени, но и борьба за выживание исторической науки в новых условиях, когда она потеряла и мантию «учительницы жизни», и корыстное покровительство власти.

После смерти Дементьева в 1998 г. Патрушеву пришлось взять на себя основную работу на завершающем этапе подготовки учебника. В его заключительном разделе он продемонстрировал переход от советского догматизма к интегрирующему взгляду на развитие мировой исторической науки. Смена парадигмы при оценке западной историографии отнюдь не исключала критического подхода, но в то же время признавала достижения зарубежных коллег, открывала дорогу для расширения научного диалога с ними. В написании заключительного раздела автору помогло то, что он прекрасно представлял себе реальное положение дел в европейской исторической науке, был в курсе всех концептуальных «поворотов», поддерживал живую связь с зарубежными коллегами-германистами.

На протяжении 20 лет Патрушев был автором разделов по Германии в кафедральных учебниках по истории и нового, и новейшего времени². Он принимал активное участие в дискуссиях вокруг каждого из них, предлагал компромиссные решения, хотя его собственные тексты не вызывали особых нареканий и острых споров на заседаниях редколлегий – их автор понимал, что нужно излагать позитивное знание, а не личную точку зрения. При подготовке сотрудниками кафедры учебника «Новая история», вышедшего в свет 1986 г.³, его редакторы –

¹ Историография истории нового времени стран Европы и Америки. М., 1990; Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки. М., 2000.

² Последний из них вышел из печати за год до смерти Патрушева: История новейшего времени стран Европы и Америки 1918–1945 гг. Под ред. проф. Е. Ф. Язькова. М., 2005.

³ Новая история стран Европы и Америки. Первый период. Под ред. проф. А. В. Адо. М., 1986.

А. В. Адо и В. С. Бондарчук отмечали высокое качество представленных Патрушевым текстов, их структурную четкость и отработанный стиль¹.

Уже в кандидатской диссертации проявился интерес Александра Ивановича к интеллектуальным сдвигам в европейской общественной мысли, и как частный случай – в исторической науке. В основу формирования неолиберального направления среди историков ФРГ им был положен не романтизм, а «гейдельбергская либерально-просветительская историография и классическая немецкая философия»². Границами, в которых это направление развивалось, стали, с одной стороны, апология прошлого и догматизм консерваторов, а с другой – «радикализм антиимпериалистических историков».

Сведя к минимуму марксистский лексикон и неизбежные штампы советской эпохи, автор диссертации показал реальные причины выхода неолиберальных историков на первый план в 60-е – начале 70-х гг. «Неолибералы перешли к плюралистическому толкованию истории, создающему в отличие от открытого субъективизма и иррационализма консерваторов иллюзию всестороннего и объективного подхода к исторической действительности»³. Следует отметить, что в послесталинскую эпоху многие советские историки брались за историографические сюжеты потому, что они позволяли «без купюр» читать и анализировать западную научную литературу, и хотя бы в дозированной форме инкорпорировать выводы и концепции зарубежных коллег в дискурс отечественной исторической науки.

Через «критику буржуазной историографии» Патрушев пришел к главной научной проблеме, которая занимала его всю жизнь – интеллектуальной биографии Макса Вебера. Он даже внешне стремился походить на своего героя – отпустил длинные волосы и бородку клинышком, что придавало ему реальное сходство с Вебером. Уже в первой из своих «веберовских» статей Патрушев подчеркивал, что «рациональная бюрократия» является признаком любого современного государства, а модель легитимации государственной власти отражает «стремление Вебера и его некоторых современных интерпретаторов

¹ Интервью с Т. В. Никитиной (18 декабря 2018 г.)

² Патрушев А. И. Формирование неолиберального направления в буржуазной историографии ФРГ. Автореферат диссертации на соискание научной степени кандидата исторических наук. М., 1975. С. 8.

³ Там же. С. 12.

интегрировать элементы марксизма в буржуазную методологию»¹. В переводе на современный язык это означает, что методология познания прошлого, предложенная Максом Вебером, открыла путь для плодотворного взаимодействия материалистических и идеалистических взглядов на историю человеческого общества.

В 1990 г. А. И. Патрушев защитил докторскую диссертацию «Макс Вебер и германская буржуазная историография в эпоху империализма», и сразу же начал переработку ее текста в монографию. В жизни случается так, что некоторые книги появляются крайне своевременно, отражая интеллектуальную атмосферу общества в тот или иной исторический момент, становясь катализатором острых идейно-политических дебатов. Такой книгой был «Закат Европы» Шпенглера, такой книгой стал сборник статей «Иного не дано», появившийся на заре горбачевской перестройки. В этом плане центральной научной работе А. И. Патрушева крайне не повезло. Она увидела свет в 1992 г., когда научные издательства, в том числе и университетские, дышали на ладан, а население постсоветской России, в том числе и ее интеллектуалов, волновали прежде всего проблемы собственного выживания.

Только теперь кажется понятным смысл, вложенный автором в столь громкое название². Мы слишком быстро и самонадеянно объявили «расколдованным» собственный мир, так и не поняв, что же с нами произошло на самом деле. Ученых, предупреждавших о ловушках нового, «постсоветского» общества, просто не принимала в расчет ни новая политическая элита, ни те, кто из «строителей светлого будущего» попал в ряды «вечно вчерашних».

«Расколдованный мир Макса Вебера» был набран мелким плохо читаемым шрифтом и опубликован мизерным тиражом на серой бумаге, однако он не остался незамеченным. Достаточно взять потрепанные и испещренные заметками экземпляры этой книги в РГБ или ГПИБ, чтобы понять, что они нашли своего читателя. Подробно описывая «веберовский ренессанс», начавшийся на Западе в 60-е годы, Патру-

¹ Патрушев А. И. К вопросу об оценке Макса Вебера в современной буржуазной историографии // История и историки. Историографический ежегодник. 1976. М., 1976. С. 227, 230.

² Трагизм современности, потерявшей связь с прошлым, нашел свое отражение и в выборе эпитафии к книге: «Судьба нашего времени, из которого уходят последние и самые возвышенные ценности, определена рационализацией и интеллектуализацией, но прежде всего – расколдовыванием мира... Макс Вебер, 1919 г.»

шев подчеркивал его связь с новым прочтением Маркса левыми интеллектуалами. То, что эти явления были в штыки встречены замшелыми догматиками в СССР, не позволило нашей стране вырваться из плена сталинской версии «марксизма-ленинизма», обрекло ее еще на два десятилетия научного и духовного застоя.

Уничтожающие характеристики, которые давались Веберу в советской историографии, были высмеяны Патрушевым уже во введении: обвинения немецкого социолога в том, что он был «апологетом агрессивного германского империализма», могли быть следствием только полного игнорирования его ключевых работ, а также «самодовольной уверенности в собственном превосходстве над всем немарксистским как ненаучным, спекулятивным и бесполезным». «Даже его противоречия и ошибки будят пытлиую мысль, они не тормоз, а стимул развития науки, и он не нуждается в защите», – подчеркивал автор, имея в виду своего героя¹. Эпоху заранее известных ответов сменило время «езды в незнаемое», и здесь творцам новой России веберовская методология многофакторного общественного анализа могла бы оказаться крайне полезной. Увы, она осталась практически невостребованной, а слепое следование готовым западным схемам, которое реформаторы начала 90-х оправдывали историческим цейтнотом, неизбежно обернулось трагическими испытаниями для постсоветского общества.

При подготовке докторской диссертации, а потом и монографии о Вебере Патрушев отточил свой собственный стиль, сочетавший логику научного исследования и раскованность биографического жанра. Все 48 глав и разделов книги были озаглавлены цитатами из трудов Макса Вебера; сюжеты, посвященные отдельным отрезкам в жизни немецкого ученого, перемежались с глубоким анализом его интеллектуального наследия. На 180 страниц основного текста пришлось более 900 сносок, что свидетельствовало не только об академическом характере книги, но и об уникальном трудолюбии ее автора, примером которого для него являлся сам Вебер.

«Трудность адекватного истолкования усугубляется не только принципиальным плюрализмом его методологии, но и во многом экспериментальным, гипотетическим характером его произведений», справедливо отмечалось в заключении книги.² Реконструируя веберов-

¹ Патрушев А. И. Расколдованный мир Макса Вебера. М., 1992. С. 6–7, 182–183.

² Там же. С. 183.

скую концепцию происхождения европейского капитализма, Патрушев помещал ее в контекст общественных отношений, окружавших его героя. Бурный экономический подъем в странах Западной Европы, рационализация всего спектра общественных отношений «побуждали буржуазных ученых разрабатывать теорию генезиса и сущности» капитализма, и Вебер не без азарта включился в конкурентную борьбу. Итогом стал не только анализ религиозного чувства как мотива реальных общественных перемен, но и более широкая теория социального развития, по своим масштабам сопоставимая с марксистской. Но там, где у Маркса довлел примат материального, Вебер, как убедительно показано Патрушевым, раскрывал сложное взаимодействие «трех аналитических уровней – социальной структуры, действующего индивида и религиозной этики»¹.

Как и его главному герою, Патрушеву довелось жить в эпоху революционной модернизации общественных отношений. Но в отличие от Вебера, который попробовал себя и в качестве депутата городского совета, и в роли творца конституции новой Германии, Александр Иванович скрывался от глобальных потрясений и сопровождавших их бытовых невзгод за пишущей машинкой. В начале 90-х гг. он открыл для себя и для интеллектуальной аудитории целую плеяду немецких мыслителей, многие из которых в советскую эпоху являлись либо «фигурами умолчания», либо подвергались тотальному поруганию. Для Патрушева это стало символом личного освобождения от оков доктрины, довлевшей над ним большую часть его собственной жизни.

Не случайно, что первый из биографических очерков, следовавших за веберовским этапом в научной биографии ученого-германиста, был посвящен Фридриху Ницше – трагическому предсказателю модерна как эпохи «нового средневековья»². Он был полемически заострен против крайних оценок любой направленности – как против апологетов, превозносивших ницшеанство как Библию современности, так и против их оппонентов, которые видели в трудах Ницше лишь «гимн насилию и войне», взятый на вооружение нацистами.

«Разумеется, существует несомненная ответственность мыслителей за их идеи. Но допустимо ли смешивать ее с ответственностью за дела? Любая система, основанная на господстве идеологии, в том чис-

¹ Там же. С. 144–145.

² Патрушев А. И. Жизнь и драма Фридриха Ницше // Новая и новейшая история. 1993. № 5.

ле и национал-социалистическая, предполагает такое перекраивание прошлого, при котором любые учения вплоть до античной философии могут превратиться в дубинку для избияния политического противника... Если у Ницше речь идет о достоинстве человека как личности, то у нацистов – о превосходстве. Яростный протест великого философа против посредственности и унылой серости был деформирован до новизности массовой, убогой, но страшной идеологии»¹.

Вполне закономерно, что следующим героем биографического очерка стал Освальд Шпенглер, один из самых известных толкователей и пропагандистов ницшеанства (обращает на себя внимание даже созвучие названий обоих очерков). Впервые Патрушев попробовал себя не в качестве ученого-аналитика, а в роли творца художественных образов, которые надолго остались в памяти благодарных читателей. Вот первые строки очерка, где описывается единственная встреча Шпенглера с Гитлером, разочаровавшая обоих. «25 июля 1933 г., чуть пополудни. В апартаментах одного из городских отелей беседуют двое мужчин. Первый, человек невысокого роста, с косою челкой темных волос. Лихорадочно горящие синие глаза, под длинным утинообразным носом попорщится щеточка усов... Его визави с едва скрытым презрением поглядывает на экспрессивные жесты собеседника, который упрекает его в консерватизме, в пренебрежении расовым фактором в истории и вообще в непонимании грандиозных задач новой эпохи. Разговор, который явно не получился, наконец закончен. Собеседники холодно, едва ли не враждебно прощаются друг с другом»².

В статье не было ни грана превознесения Шпенглера (в отличие от Ницше), хотя Патрушев справедливо отмечал, что к концу жизни его герой «окончательно понял криминальную природу новой власти, которая оказалась не союзником, а опаснейшим врагом его мировоззрения»³. Один из самых ярких представителей «консервативной революции» был выведен за скобки оруженосцев германского фашизма, каким видела его советская историография.

Подобные научно-популярные работы символизировали поиск новых путей развития отечественной науки в первой половине 90-х годов. Ученые, сохранившие верность призванию, хотели вернуться к

¹ Там же. С. 148–149.

² Патрушев А. И. Миры и мифы Освальда Шпенглера // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 122.

³ Там же. С. 143.

живому диалогу с общественностью, который отличал просветительскую деятельность российских историков второй половины 19 века. Биографические очерки о Ницше и Шпенглере до сих пор выложены на множестве сайтов в Интернете, их читали и читают не только историки и философы, но даже физики и математики¹. За очерками о Ницше и Шпенглере, которые своим общим объемом – шесть печатных листов – тянули на небольшую монографию, последовали биографии историков Карла Лампрехта, Вернера Конце и Курта Брейзига². Эти статьи закладывали основы российской ветви «интеллектуальной истории», тесно связанной со смежными гуманитарными дисциплинами.

Так уж сложились звезды, что 2000 год стал пиком научной активности А. И. Патрушева. Он печатался в ведущих исторических журналах, в альманахе «Диалог со временем», в университетских научных сборниках, открывая для себя все новые имена и темы. Его заинтересовало использование макросоциологических теорий в конкретно-исторических исследованиях, дискуссии о «модернизаторстве» национал-социалистического режима³. Преодолев Атлантику с запада на восток, писал Патрушев, послевоенные теории модернизации (У. Ростоу, Б. Мур и др.) были подвергнуты сторонниками «социальной истории» серьезному переосмыслению. Они показали, что «процесс модернизации, который американцы рассматривали как чистый выигрыш, несет с собой и значительные негативные компоненты»⁴. В то время как для социологов США модели модернизации, утвердившиеся в Японии и Германии, выступали в качестве всего лишь отклонений от магистрального пути развития, для историков ФРГ они отражали «разлад между индустриальным модернизмом и социально-политической консервацией», характерный, в частности, для Второго рейха.

Развивая эту тему, Патрушев одним из первых отечественных ученых дал развернутый анализ дискуссии немецких историков о том,

¹ Интервью с Т. В. Никитиной (18 декабря 2018 г.)

² Патрушев А. И. Взлет и низвержение Карла Лампрехта // Новая и новейшая история. 1995. № 4; Он же. Вернер Конце и пути немецкой социальной истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М. 1996; Он же. Курт Брейзиг – еретик исторической науки // Диалог со временем. М., 1999.

³ Он же. Теории модернизации и их модернизация // Теоретические проблемы исторических исследований. Труды исторического факультета МГУ. Выпуск 3. М., 2000. С. 50–68.

⁴ Там же. С. 56.

были ли нацизм особым вариантом модернизации, или следует говорить о «воинствующем антимодернизме» Гитлера. Сам автор склонялся к первому варианту ответа, поставив вопрос о цене прогресса в «эпоху крайностей»: «Столь же ужасную цену заплатил и Советский Союз, также в первой половине XX века прорвавшийся в современность по пути, вымощенному костями миллионов людей»¹.

Отчасти предвосхищая современные дебаты историков о разного рода методологических и тематических поворотах, Патрушев приводил в качестве ориентира научную этику своего героя: «Вебер не мог отвергать того очевидного факта, что ценностные постулаты решающим образом определяют процесс научно-культурного познания. Он не устал подчеркивать, что это познание не является простым отражением реальных структур... Выбор тем, проблем, теорий, понятий всегда продиктован направлением исследовательского интереса, определенным углом зрения, на которые и оказывают воздействие вненаучные ценностные ориентации исследователя»². Этот подход в полной мере сохраняет свое значение для нынешних и будущих поколений ученых-обществоведов, к числу которых относятся и историки.

Последней в ряду биографических очерков, принадлежащих перу А. И. Патрушева, стоит статья, посвященная историку и социологу Вернеру Зомбарту. Читателя в ней подкупает зрелое мастерство, с которым автор погрузил своего героя в интеллектуальную атмосферу Германской империи. Резкие смены зомбартовского мировоззрения связаны автором с «противоречием между его темпераментным и увлекающимся характером театрального склада и холодными рассудочными правилами этикета немецкого академического сообщества»³.

Патрушев подробно освещает дуэль двух титанов исторической социологии, размышлявших над путями становления современного им капитализма. За острыми спорами он увидел то общее, что объединяло взгляды Вебера и Зомбарта: «их роднило амбивалентное чувство: признание гигантской мощи капитализма, создавшего целый мир, преобразившего землю по своему образу и подобию, и в то же самое время ощущение сверх-, если не античеловеческого ее характера. Характера,

¹ Там же. С. 66.

² Патрушев А. И. Проблемы и значение творческого наследия Макса Вебера // Новая и новейшая история. 2000. № 6. С. 68.

³ Он же. Метаморфозы Вернера Зомбарта // Новая и новейшая история. 2006. № 2. С. 123.

в котором уже проступают контуры пределов, тех границ капитализма, какие он ставит своему создателю – человеку, а тем самым и самому себе»¹. Так мог написать только глубоко мыслящий ученый и человек, которому не безразличны судьбы его собственной страны, в XX веке столь трагично пытавшейся выйти за предписанные капиталистическим мироустройством пределы.

Нет смысла рецензировать все рецензии Патрушева, регулярно появлявшиеся в академических журналах². Остановимся лишь на его оценках энциклопедии отечественных ученых, занимавшихся проблемами новой и новейшей истории. Он не просто рецензировал отдельные биографические справки, но дополнял их собственными впечатлениями о жизни и научных достижениях своих коллег по кафедре: И. П. Дементьева, Н. В. Сивачева, И. С. Галкина. Достаточно привести одну цитату, свидетельствующую об искренней признательности автора своим предшественникам: «Изучение даже сотен и сотен книг не в состоянии заменить непосредственные впечатления и знакомство с жизнью и ментальностью живущих в этой стране людей. Насколько же по-государственному мыслил в этой связи И. С. Галкин, благодаря многолетним и настойчивым усилиям которого «птенцы его гнезда» – кафедры новой и новейшей истории МГУ, молодые преподаватели направлялись на длительные стажировки в изучаемые ими страны для сбора материала, улучшения языковой подготовки и просто знакомства со страной»³.

С начала 2000-х годов Патрушева стал все больше увлекать научно-популярный жанр. Трудно сказать, что за этим стояло: признание «прикладного» характера исторической науки в современных условиях или тривиальное желание поправить семейный бюджет в нелегкие годы «переходной экономики»? Первой ласточкой стала книга «Любовь диктаторов», написанная вместе с Л. С. Белоусовым⁴. Ее тематика отражала поиск сюжетов, которые могли бы заинтересовать широкую

¹ Там же. С. 145.

² См. рецензии, опубликованные в журналах «Вопросы истории» (1975, № 4; 1976, № 12; 1986, № 4), и «Новая и новейшая история» (1977, № 2; 1978 № 1; 1990, № 5; 1995, № 6).

³ Патрушев А. И. Время и судьбы историков // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 125.

⁴ Белоусов Л. С., Патрушев А. И. Любовь диктаторов. Муссолини, Гитлер, Франко. М., 2001.

аудиторию, выйти в сферу «публичной истории». Впервые на полках отечественных книжных магазинов переводные биографии диктаторов XX века потеснили произведение российских историков.

Первый тираж, обозначенный в 10 тыс. экземпляров, быстро разошелся, книга нашла своего читателя. Следуя социокультурному тренду в мировой историографии, авторы попытались нарисовать общий психологический портрет своих «героев». Гитлера, Муссолини и Франко объединяли не только созданные ими политические режимы, но и то, что в детстве у каждого из них «в большей или меньше степени развился эдипов комплекс в форме бессознательного сексуального влечения к матери и бунта сына против отцовского самовластия, рожденного патриархальной традицией»¹.

Сквозь призму отношений с женщинами был показан характер Гитлера, все его мании и фобии, начиная с болезненной чистоплотности и заканчивая крайней степенью мизантропии. «Как раз в элементарных житейских отношениях с другими людьми, в том числе и с женщинами, отчетливо проявлялись неестественность и склонность к самопоенности» Гитлера. Его отличал ярко выраженный «нарциссизм, уход от реальности и отсутствие любви или привязанности к кому или чему бы то ни было»². Требовалось лишь время, чтобы эти черты фюрера нашли свое отражение в практике созданного им Третьего рейха.

Параллельно Патрушевым создавались обзоры и очерки истории Германии разного объема и предназначения: от краткого ознакомления широкой аудитории с ключевыми моментами развития этой страны³ до учебных пособий, адресованных студентам-историкам⁴. Уже после его смерти вышла из печати объемистая «Германская история: сквозь тернии двух тысячелетий», связавшая в единую цепь события со времен легендарного Арминия и до прихода к власти Ангелы Меркель⁵. Параллельно ученый принимал самое активное участие в подготовке первой отечественной энциклопедии по культурологии, для которой написал более семидесяти статей по различным сюжетам интеллектуальной истории Европы. Около половины из них представляли собой

¹ Патрушев А. И. Диктаторы и женщины (Вместо предисловия) // Там же. С. 2.

² Там же. С. 193, 202.

³ Патрушев А. И. Вехи германской истории. М., 2002.

⁴ Он же. Германская история в XX веке. М., 2004.

⁵ Он же. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М., 2007.

биографические очерки выдающихся историков, философов и социологов¹.

«Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель» – последняя из работ Патрушева, дошедшая до читателя. Символично, что эта книга вышла в издательстве МГУ им. М. В. Ломоносова – университета, в котором прошла вся научная жизнь Александра Ивановича. Ему он сохранял верность всю свою жизнь, благодаря за то, что работа на кафедре новой и новейшей истории дала ему возможность подняться на Олимп отечественной исторической науки.

На письменном столе ученого-германиста осталось огромное количество набросков и рукописей, находившихся на полпути к завершению. Среди них – научно-популярная работа, озаглавленная «Идеологи консервативной революции». Автор предполагал дать широкую картину германского консерватизма как одной из духовных предтеч нацизма, и в то же время подчеркнуть его отличия от «коричневой революции», которая воспользовалась его идейным багажом.

В проекте введения к книге представлена квинтэссенция авторского замысла, увы, так и оставшегося нереализованным: «Революционный консерватизм объединял группу весьма различных, но едва ли не самых блестящих и ярких немецких мыслителей Веймарского периода. Целью этого движения ставилось возрождение главных национальных ценностей на основе жесткой критики явлений современной цивилизации, техницизма и культурного пессимизма. Его ведущим представителям грезился апокалипсис новой истинной революции, которая уничтожит все прежние системы, перевернет или отбросит в духе философии Ницше все традиционные нормы и ценности и создаст новый Германский рейх невиданной мощи. Эти идеологи отказывали политике в праве на рациональные мотивы и цели и идеализировали насилие как самодостаточную ценность. В своей политической практике они стремились к созданию нового синтеза стиля и политического мышления. Объективно их иррационализм и нигилизм расчищали национал-социализму путь к власти»².

Еще один научно-просветительский проект А. И. Патрушева, реализация которого не была завершена – популярный очерк развития

¹ Культурология. Энциклопедия в двух томах. М., 2007. Список статей А. И. Патрушева см. во втором томе энциклопедии, С. 1175–1176.

² Патрушев А. И. Введение к книге «Идеологи консервативной революции» (рукопись).

европейской исторической мысли начиная с раннего нового времени¹. В архиве ученого остались наброски к биографиям Ницше и Зомбарта, Шпенглера и Гитлера, перевод первого тома книги Г.-У. Велера «История германского общества», которая так и не добралась до российского читателя. Остались оттиски статей с благодарственными надписями коллег, тщательно выверенные отзывы на кандидатские и докторские диссертации, подборки иллюстраций для будущих книг.

На протяжении всей своей научной жизни А. И. Патрушев сохранял верность сотрудничеству с журналом «Новая и новейшая история», где появилось более десяти его статей и рецензий. В год его смерти в журнале увидели свет сразу две его научные работы, которые отличали точный выбор проблемы исследования, удачная композиция и зрелость авторских выводов. Там же появился и некролог на безвременную смерть историка-германиста, скончавшегося 22 июля 2006 г.²

Патрушев ушел из жизни на следующий день после своего шестидесятилетия. Что осталось? Статьи, монографии и научно-популярные книги, открывшие читателям интеллектуальную историю Германии в новое и новейшее время. Но главное даже не это. Александр Иванович остался в памяти коллег по кафедре уникальным ученым, не щадившим себя и работавшим по принципу «ни дня без строчки». Его научная и личная биография отразили тот переломный период, в котором оказалась отечественная историческая наука после распада СССР. На него пришлось не только приобретения, но и безвозвратные потери. Одной из таких потерь стала кончина Патрушева, ученого, жившего в истории и жившего историей, человека, всю свою жизнь тихо страдавшего от идеологической опеки и официального догматизма. Избавление от них произошло слишком поздно, так и не став подлинным освобождением его научной энергии.

Пытаясь найти свое место в непривычном укладе постсоветского общества, Александр Иванович двигался вперед методом проб и ошибок, много писал, забегая вперед и придумывая все новые и новые проекты, не имевшие перспективы практического воплощения. Коллегам и ученикам все чаще казалось, что он замкнулся в собственной

¹ *Он же.* От гуманизма до постмодернизма. Очерки исторической мысли Запада XVI–XX веков (рукопись). В рабочем компьютере автора сохранились оглавление книги, введение «Зачем нужна история?», заключение «Конец истории?», наброски отдельных глав.

² Александр Иванович Патрушев // Новая и новейшая история. 2007. № 1. С. 254.

скорлупе, потерял связь с коллективом единомышленников, который переживал трудные (не только в материальном плане) времена. Герои и демоны германской истории захватили власть над его личностью, стали препятствием для обыденной педагогической коммуникации со студентами и аспирантами. Мы так и не узнаем, смог ли бы он найти в себе силы для того, чтобы вернуться в реальный мир, оторвавшись от экрана старенького компьютера, который был главной роскошью его рабочего кабинета. С уверенностью можно сказать только одно: уйдя из жизни, А. И. Патрушев забрал с собой огромный мир прошлого, который он не просто изучал – в котором он жил.

Е. Э. ЮРЧИК

ЭЛЛИДА ЭДУАРДОВНА ЛИТАВРИНА: ПУТЬ ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯ

Эллида Эдуардовна Литаврина (1928–2002)¹ положила начало новым направлениям в исследованиях истории Испании и Латинской Америки на кафедре новой истории. Она начала работать на кафедре в 1966 году, будучи уже сложившимся ученым, специалистом по тогда еще мало разработанным проблемам в отечественной исторической науке.

Э. Э. Литаврина родилась в семье московских интеллигентов. Ее отец, Эдуар Эжен Понс (Эдуард Евгеньевич Понс), француз, происходил из уважаемого нормандского семейства, переехавшего в Россию на исходе XIX века². Семейной профессией было фехтование – искусство, которым в совершенстве владели и дед, и отец Эллиды Эдуардовны.

Благодаря Э. Е. Понсу в историю семьи вошел Московский университет. Отец Эллиды Эдуардовны получил образование сначала в

¹ Основные факты жизни и деятельности Э. Э. Литавриной содержатся в публикациях ее учеников и коллег: *Ведюшкин В. А., Щелчков А. А.* Литаврина Эллида Эдуардовна (1928–2002) // *Портреты историков: время и судьбы.* М., 2010. Т. V. Средние века, новая и новейшая история. Отв. редактор *Г. Н. Севостьянов.* С. 87–99; Памяти Э. Э. Литавриной // *Латинская Америка.* 2002. № 4. С. 109–111; *Романова Е. В.* Литаврина Эллида Эдуардовна // *Энциклопедический словарь Московского государственного университета. Исторический факультет.* М., 2004. С. 284–285. Анализ ее научного вклада в исследования истории Испании Средних веков и латиноамериканистику – в детальном очерке В. А. Ведюшкина и А. А. Щелчкова. Информация, которой любезно поделились ее коллеги и ученики, за исключением личных воспоминаний автора этого очерка, специально отмечена в сносках и в тексте.

² Биография Э. Е. Понса реконструирована его внучкой, дочерью Э. Э. Литавриной, доктором искусствоведения М. Г. Литавриной. См. *Литаврина М. Г.* Гулаг для д'Артаньяна: судьба француза в сталинской России // *Право на имя. Биография XX в. Восьмые чтения памяти Вениамина Иофе.* 20–22 апреля 2010 г. СПб., 2011. С. 161–170. Сведения о нем – из этой статьи.

университетской гимназии, а затем, в 1912 году, закончил юридический факультет. Э. Е. Понс преподавал французский язык, литературу и перевод в МГУ-II (сейчас Московский государственный педагогический институт), а в начале 1930-х гг. заведовал кафедрой иностранных языков Научно-исследовательского рентгенологического института. Он был известен и в московских театральные кругах – и своей эрудицией, и искусством «владеть шпагой». В 1920-х гг. он обучал фехтованию студентов театральных институтов Москвы, и некоторые из его учеников упомянули «меся Понса» в своих воспоминаниях. К. С. Станиславский и А. Я. Таиров ценили его художественный вкус и знание французской культуры. В 1926–1928 гг. Э. Е. Понс был членом художественного совета Камерного театра, в 1926 г. участвовал в подготовке спектакля «Женитьба Фигаро» в МХТ.

В 1926 году Э. Е. Понс женился на Вере Петровне Савиновой, учившейся у него на романо-германском отделении в МГУ-II. Через два года родилась первая дочь, которую назвали Эллидой в честь героини пьесы Г. Ибсена «Женщина с моря»¹. Когда Эллиде Эдуардовне едва исполнилось пять лет, семью постигла трагедия. В феврале 1933 года Э. Е. Понс был арестован, обвинен в шпионаже, приговорен по статье 58-6 к 10 годам ИТЛ в Ухтпечлаге, где в 1943 году погиб. Драматическая судьба отца определила жизнь семьи на многие годы вперед, повлияла на характер Эллиды Эдуардовны и моральные правила, которыми она руководствовалась. Вместе с чувством собственного достоинства и умения отстаивать свои права ей был свойственен своеобразный политический скепсис. Она сдержанно воспринимала изменения политического курса и учила этому своих студентов².

С тех пор преодоление трудностей, социальных и бытовых, почти превратилось в норму жизни. Особенно тяжело пришлось в военные годы, когда семья оказалась в эвакуации в Уфе и только в 1943 г. вернулась в Москву. Вера Петровна была вынуждена постоянно искать работу; некоторое время она работала переводчиком для миссии Северного конвоя³. Вопреки тяжелым обстоятельствам Вера Петровна сумела сохранить особый уклад и ценности, свойственные интеллигентной среде, традиции образованности, привить любовь к иностранным языкам. Эллида Эдуардовна вспоминала семейные уроки французско-

¹ Ведюшкин В. А., Щелчков А. А. Литаврина Эллида Эдуардовна... С. 87.

² По воспоминаниям В. А. Бородаева.

³ Ведюшкин В. А., Щелчков А. А. Указ. соч. С. 88.

го и помнила наизусть стихи В. Гюго, выученные в детстве в качестве упражнения. Овладев впоследствии немецким, испанским, английским языками, она будет считать филологические знания основой гуманитарного образования и важным исследовательским инструментом.

Поступление в МГУ было первым препятствием, с которым Эллида Эдуардовна успешно справилась. В 1946 году она стала студенткой исторического факультета. Путь в науку начался в 1948 г. на кафедре истории средних веков. Именно там Эллида Эдуардовна выбрала в качестве специализации историю Испании XVI–XVII вв. Ее научным руководителем стал академик С. Д. Сказкин (1890–1973), выдающийся ученый-медиевист, основатель научной школы, известный своим широким кругозором и требовательным отношением к студентам.

Выбор кафедры и специальности, думается, был связан с несколькими обстоятельствами. Решающую роль, видимо, сыграли личные качества С. Д. Сказкина, его стиль общения со студентами и коллегами, свойственное ему стремление поддержать научную инициативу своих учеников¹. Работа с ним открывала исследовательские перспективы. С. Д. Сказкина интересовали проблемы генезиса капитализма в сравнительном страноведческом контексте, в том числе связанные с аграрной историей. В этом смысле испанская история могла привлечь его внимание, особенно если учитывать состояние отечественной испанистики в послевоенные годы.

В то время исследования истории Испании только складывались в самостоятельное научное направление. По сравнению с франковедением или англоведением, в этой сфере исторической науки пока не существовало последовательных традиций и школ. В дореволюционную эпоху благодаря трудам И. В. Лучицкого, А. С. Трачевского и В. К. Пискорского были определены общие векторы научного интереса, намечены основные проблемы и сюжеты – история представительских учреждений, конституционная идея, аграрная история². После Первой мировой войны и вплоть до начала 1930-х годов история Испании практически отсутствовала в поле зрения отечественных

¹ Ведюшкин В. А., Щелчков А. А. Литаврина Эллида Эдуардовна... С. 90.

² Ведюшкин В. А. Попова Г. А. Введение // История Испании. Т. 1. С древнейших времен до конца XVII в. М., 2012. С. 10–13. Юрчик Е. Э. История Испании XVIII–XIX вв. в трудах российских историков (А. С. Трачевский, И. В. Лучицкий, В. К. Пискорский) // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М., 2017. С. 415–432.

историков. Освоение источников, хранящихся в российских архивах и библиотеках, приостановилось, а доступ к иностранным научным ресурсам был практически закрыт. Ситуация изменилась в период Второй испанской республики и Гражданской войны 1936–1939 гг., когда испанистика стала политически востребованным направлением исторических исследований. На исходе 1930-х годов в советских научных журналах появились публикации, интерпретировавшие испанскую историю с точки зрения марксистской концепции и идеологии, в сущности, сводившиеся к пересказу цикла статей К. Маркса «Революционная Испания». Медиевистика оказалась менее идеологически ангажированной областью исторических исследований, и в 1940–1950-е годы развивалась активнее, чем исследования новой или новейшей истории¹. Спецсеминар С. Д. Сказкина сыграл в этом важную роль², несмотря на то, что сам его руководитель был знаком с материалом в основном по общим работам³.

Таким образом Эллида Эдуардовна уже в студенческие годы оказалась среди первооткрывателей исторической специализации. Ее дипломная работа «Особенности экономического развития Испании в XVI веке» была связана с актуальными научными проблемами и медиевистики, и испанистики. Речь шла о природе экономического кризиса рубежа XVI–XVII вв. (так называемого «Упадка») в восприятии современников, который Эллида Эдуардовна, в соответствии с традиционными для своего времени представлениями, связывала с феноменом первоначального накопления капитала и генезисом капитализма. Ракурс темы определялся доступностью источников. Она обратилась к политико-экономическим трактатам, созданным интеллектуалами, и актам кортесов, имевшимся в отечественных библиотечных собраниях. «Первичные» экономические данные она анализировала, основываясь на трудах зарубежных испанистов, в то время весьма немногочисленных. Уже в период подготовки диплома проявились черты исследова-

¹ Заметим, что в это же время на кафедре новой истории исторического факультета история Испании начала развиваться в качестве специализации. В 1948 г. академик И. М. Майский в первый раз прочитал курс лекций по истории Испании нового времени, ставший впоследствии основой его монографии «Испания 1808–1917» (М.: Наука, 1957).

² Ауров О. В. Изучение средневековой истории Испании в России и СССР // Исторический вестник. 2015. Т. XII. С. 410, 412–414.

³ Ведюшкин В. А., Щелчков А. А. Литаврина Эллида Эдуардовна... С. 89.

тельского стиля Эллиды Эдуардовны – стремление ставить проблемы на малоизвестном материале, настойчивость в поиске источников, неприятие научных стереотипов и опора только на собственные силы.

Несмотря на блестящую защиту диплома, Эллида Эдуардовна не смогла продолжить занятия в аспирантуре МГУ. Анкетная запись о репрессированном отце, казалось, закрыла путь в науку. С 1951 по 1962 г. Эллида Эдуардова работала учителем истории в школе рабочей молодежи при ЗИСе (автозаводе имени Сталина), но не оставляла надежды вернуться к исследованиям. В те годы это было непросто. Эллида Эдуардовна уже имела собственную семью: на последнем курсе университета она вышла замуж за Г. Г. Литаврина, будущего известного византиста; у нее родилось двое детей. Труд в школе отнимал много сил и практически все время, но и научил многому. Может быть, благодаря «школьному» опыту она умела говорить просто о сложном и быстро находила общий язык с любой аудиторией. В это время раскрылась и ее «фамильная» страсть к сценическому искусству. При ЗИСе она организовала театральный кружок, в котором ставились и пьесы испанских драматургов Золотого века. Этот самодеятельный театр однажды гастролировал в Западной Украине.

Возвращение Эллиды Эдуардовны к научной деятельности произошло благодаря «оттепели», но оно не было ни быстрым, ни легким. В 1956 году она поступила в заочную аспирантуру Института истории АН СССР. Через год по инициативе академика И. М. Майского в Институте была создана научная группа, целью которой была организация и координация исследований по испанской истории. Отчасти благодаря этому событию, отчасти благодаря содействию С. Д. Сказкина Эллида Эдуардовна опубликовала первую статью¹, основанную на материалах дипломного сочинения. Сергей Данилович поддерживал свою ученицу и упомянул о перспективах ее работы в рецензии на монографию И. М. Майского «Испания 1808–1917» в журнале «Новая и новейшая история»². Некоторые критические замечания, высказанные рецензентом, были основаны на данных Эллиды Эдуардовны: речь шла о влиянии деятельности Месты («Мэсты» у автора) на развитие аграрных отношений в Испании нового времени.

¹ Литаврина Э. Э. К проблеме экономического упадка Испании в XVI веке // Из истории средневековой Европы (X–XVII вв.). М., 1957.

² Сказкин С. Д. Академик И. М. Майский. Испания 1808–1917. Исторический очерк. М., 1957. Рецензия // Новая и новейшая история. 1958. № 4. С. 159.

1962 год обозначил новый поворот в жизни Эллиды Эдуардовны. В марте был посмертно реабилитирован Э. Е. Понс¹. Тогда же она стала со школой рабочей молодежи и начала работать младшим научным сотрудником в секторе современных экономических проблем организованного годом ранее Института Латинской Америки. Институт ориентировался на изучение проблем новейшей истории региона, переживавшего революционные времена, но специалистов в этой области почти не было. Среди новых коллег Эллиды Эдуардовны были испанцы, например, Г. Н. Коломиец, еще до войны занимавшийся медиевистикой в Ленинградском Государственном Педагогическом Университете. Так, волею судеб, Эллида Эдуардовна оказалась у истоков научной организации советской латиноамериканистики и начала осваивать новый материал и новую проблематику. Она занялась современной историей Колумбии и написала о ней (в соавторстве с Е. А. Винокуровым) научный страноведческий очерк, изданный в 1967 г. Работа в ИЛА предоставила ей возможность зарубежных командировок, первой из которых была поездка в 1963 году на Кубу в качестве переводчика.

Занятия испанской историей отошли на второй план, но не прекратились. В 1964 году она завершила работу над кандидатской диссертацией «Проблема экономического упадка Испании в XVI – начале XVII века. (По сочинениям испанских экономистов XVI–XVII вв)»² и защитила ее в Институте истории АН СССР в 1965 году. Через год Эллида Эдуардовна, наконец, вернулась на исторический факультет МГУ. Она начала работать на кафедре новой истории в должности ассистента. Специализация изменилась: Эллида Эдуардовна стала одним из первых на кафедре специалистов по истории Латинской Америки.

Следующие годы ее жизни были связаны с кафедрой и с университетом. В 1972 г. Эллида Эдуардовна стала доцентом, а в 1990 г. – профессором. Она читала лекции по общему курсу новой истории и по истории Латинской Америки, вела страноведческую специализацию по истории андского региона, спецсеминар по истории Колумбии, просеминары по новой истории. У нее в разные годы учились веду-

¹ *Литаврину М. Г.* Гулаг для д'Артаньяна... С. 170.

² *Литаврину Э. Э.* Проблема экономического упадка Испании в XVI – начале XVII века. По сочинениям испанских экономистов XVI–XVII вв. Москва, 1964 г. Дис... канд. ист. наук. М., 1964.

щие ученые-латиноамериканисты, сейчас работающие на кафедре – В. А. Бородаев, О. И. Посконина и О. Н. Докучаева.

Развивалась и тематика ее собственных исследований. Эллида Эдуардовна продолжала заниматься историей Колумбии второй половины XX века и одновременно обратилась к фундаментальным проблемам истории Латинской Америки – сущности так называемого «зависимого развития» региона и особенностям общественно-политического движения в регионе. Ее интересовали темы, связанные с социальным реформизмом, природой политических режимов, динамикой этносоциальных отношений.

В 1986 г. она защитила докторскую диссертацию по проблемам эволюции политической системы Колумбии в период Национального фронта (1958–1978)¹. Это научное выступление стало новаторским не только из-за объема проанализированного материала, но и по примененным исследовательским методам. Совместив инструменты политологического и экономического анализа, Эллида Эдуардовна изучила механизм консенсуса колумбийских политических элит, благодаря которому, по ее мнению, страна сумела избежать еще одной гражданской войны.

В своих научных публикациях Эллида Эдуардовна обращала внимание на феномены, которые, по ее мнению, определяли своеобразие латиноамериканской истории (или, по ее выражению, «исторические судьбы» региона). Это, в первую очередь, социально-экономическое наследие колониальной системы, влияние которого, с ее точки зрения, не было изжито вплоть до XX века. Речь шла о разрабатываемой ею концепции многоукладности колониальной экономики, совмещение в ней капиталистических элементов и традиционных экономических отношений, включая полуфеодальные и общинные формы организации хозяйства. Во-вторых, последствия Войны за независимость, среди которых она особенно отмечала аграрные преобразования, предопределившие социальные привилегии креольской элиты, и политическое влияние армии.

Интерес к истории колониальной Америки был «предопределен» ее базовой специализацией по истории Испании раннего нового времени, а латиноамериканские исследования придали ему новый ракурс.

¹ *Литаврину Э. Э. Двухпартийная система в Колумбии в период Национального фронта 1958–1974. Дис... докт. ист. наук. М., 1986. Монография по теме докторской диссертации была подготовлена, но, к сожалению, не опубликована.*

Эллида Эдуардовна подчеркивала историческое единство Испании и Латинской Америки. С конца XV в. политические, социально-экономические, культурные явления в истории двух исторических сообществ, по ее мнению, нельзя было объяснить вне взаимных связей и влияний. Эта мысль прозвучала в кандидатской диссертации, была главной в статье «Испания в эпоху Великих географических открытий» (1966 г.)¹ и в написанных спустя двадцать лет работах «Симон Боливар и революционная Испания» (1985 г.) и «К проблеме многоукладности экономической структуры юго-запада Колумбии в колониальную эпоху» (1994 г.)². В 1991–1992 гг., период празднования 500-летнего юбилея открытия Америки, Эллида Эдуардовна с увлечением развивала свои идеи в выступлениях на конференциях и круглых столах, проводившихся в то время. В лекционных курсах, рассматривая особенности латиноамериканской освободительной идеологии времен Войны за независимость, она обращала внимание на присутствующий в ней синтез европейских (и особенно испанских) общественно-политических теорий и идей креолизма, сформировавшихся в колониях во второй половине XVIII века.

Особенности научных интересов позволяли Эллиде Эдуардовне совмещать занятия современной историей Латинской Америки с историей Испании XVI–XVII вв. На исходе 1970-х годов она обратилась к исследованию XVIII века, к истории «просвещенного абсолютизма» и просветительской мысли. Такой поворот был связан с изменениями в советско-испанских отношениях, развитием научных контактов между двумя странами, что привело к расширению исследовательских возможностей отечественных историков³.

В 1977 году, когда были установлены дипломатические отношения между СССР и Испанией, на кафедре была открыта специализация

¹ *Литаврину Э. Э.* Испания в эпоху Великих географических открытий // Бартоломе де лас Касас. К истории завоевания Америки. М., 1966. С. 38–63.

² *Она же.* Симон Боливар и революционная Испания // Симон Боливар: история и современность. М., 1985. С. 190–202; К проблеме многоукладности экономической структуры юго-запада Колумбии в колониальную эпоху // К 500-летию открытия Америки. Латинская Америка в исторической ретроспективе XVI–XIX вв. М., 1994. С. 45–58.

³ *Волосюк О. В.* Научная дипломатия в советско-испанском диалоге // Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений. España y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones / Отв. ред. О. В. Волосюк. М., 2018. С. 385–388.

по новой истории Испании. В ее рамках Эллида Эдуардовна организовала первый в стране научный семинар по изучению испанской истории XVIII в. Этот период был практически неизвестен отечественным испанистам; в учебных пособиях его основные события в очень малом объеме описывались в общих очерках «просвещенного столетия». Источником сведений оставались разделы в переведенных в к. XIX – нач. XX века на русский язык трудах Ф. К. Шлоссера и Ш. Сеньобоса¹, а из работ российских исследователей – главы в книгах А. С. Трачевского и В. К. Пискорского². Эллида Эдуардовна вновь оказалась первооткрывателем и со свойственным ей энтузиазмом увлекла за собой студентов. С 1986 г. она начала читать спецкурс «Испанская культура XVI–XVIII вв.: гуманизм и Просвещение».

Интерес Эллиды Эдуардовны к XVIII веку, как представляется, логически связан с двумя темами, которые, в свою очередь, восходили к двум главным проблемам ее научного творчества – изучению особенностей первоначального накопления капитала в испано-американском мире и реформизма как идеологии и практики. В контексте ее испанских исследований, это, во-первых, тема так называемого «Упадка», то есть экономического спада и социальных конфликтов в Испании раннего нового времени как объективного исторического феномена и восприятия его современниками. Эллида Эдуардовна подчеркивала идейную преемственность между сочинениями мыслителей Золотого века и проектами просветителей, особенно министров Карла III. В более узком смысле ее привлекала судьба экономических реформ, предложенных авторами трактатов XVI–XVII вв, в веке XVIII. Изучение испанских просветительских идей она начала с творчества Г.-М. де Ховельяноса и его главного труда – «Доклада об аграрном законе» (1794 г.). Эллида Эдуардовна считала «Аграрный закон» перспективным и практически применимым проектом, который отвечал особенностям экономического развития и Испании, и ее колоний. Начинать «открытие» испанского XVIII века для будущих испанистов с

¹ Шлоссер Ф. К. История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи с особо подробным изложением хода литературы. 2-е изд.: в 8-и т. СПб., 1868–1871. Т. VI; Сеньобос Ш. Политическая история современной Европы: эволюция партий и политических учреждений. 1814–1896: в 2 ч. СПб., Ч. 1. 1899.

² Трачевский А. С. История Испании девятнадцатого века. М., 1872. Ч. 1. Пискорский В. К. История Испании и Португалии. СПб., 1902. 2-е изд., доп., 1909.

трудов Ховельяноса было в 1977 году и идеологически безупречным решением, принимая во внимание уважительные оценки Марксом творчества и деятельности испанского мыслителя. Жизненный и исследовательский опыт побуждал Эллиду Эдуардовну учитывать политические условия при выборе научной тематики.

Во-вторых, история XVIII века стала связующим звеном между двумя другими направлениями исследований Эллиды Эдуардовны – историей колониального периода и Войной за независимость латиноамериканских колоний Испании. В XVIII веке изменились отношения между Испанией и ее владениями в Новом Свете, что привело к кризису испанской колониальной системы, который, в свою очередь, повлек за собой антиколониальную войну 1808–1826 годов. Эллиду Эдуардовну интересовало влияние колониальных реформ просвещенных министров Карла III на социально-экономическую обстановку в колониях, на политические позиции и идеи креольской элиты. Изучение испанского Просвещения, по ее мнению, могло бы объяснить и мировоззрение Симона Боливара, Освободителя, одного из ее любимых исторических деятелей. Эллида Эдуардовна полагала, что реформы просвещенных министров Карла III стимулировали развитие социально-экономических противоречий в колониях, которое стало одной из причин антиколониального движения. Она рассматривала последствия военной реформы в контексте политических характеристик региона. Изменение принципов комплектования колониальной армии, по ее мнению, привело к изменению этнического и социального состава колониальной элиты, к качественно новому влиянию армии на политическое развитие Латинской Америки.

Ее собственный научный вклад в изучение истории Испании Нового времени покажется скромным, если оценивать его количеством публикаций. В сущности, они исчерпываются разделом в учебнике по новой истории стран Европы и Америки и главами об испанском крестьянстве XVI–XVIII вв. в III томе «Истории крестьянства в Европе»¹. Но эти работы были первыми специальными исследованиями ранней новой истории в отечественной испанистике. Главы в «Истории крестьянства» стали и первыми детальными и системными очерками испанской аграрной истории нового времени.

¹ Литаврина Э.Э. Крестьянство Испании и Португалии в XVI–XVIII вв. // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1986. Т. III. С. 175–197.

Влияние спецсеминара по истории испанского XVIII века на развитие интереса к этому периоду представляется более значительным. Эллида Эдуардовна показала студентам исследовательские перспективы, особенности источников и исторических концепций. Так и получилось, что большая часть ее идей реализовались не в ее собственных трудах, а в работах ее студентов – в их дипломных работах, статьях, диссертациях и книгах. Ее ученики, О. В. Волосюк и Е. К. Трахтенберг (Кузмичева), стали первыми отечественными специалистами по истории Испании XVIII века и испанской просветительской мысли.

Эллида Эдуардовна сформировалась как историк марксистской школы, однако идеологические рамки ее явно тяготили. Теория формаций, по ее мнению, не объясняла особенности исторического развития Латинской Америки¹, «зависимое» развитие региона и «компрадорскую» природу предпринимательства. А. А. Щелчков полагает, что «Литаврина была сторонницей десарролистской концепции, которую она [в докторской диссертации – *Е. Ю.*] закамouflировала марксистской терминологией»². В работах по испанской истории видно влияние П. Шонно и Б. Беннассара, особенно в статье об особенностях управления государственным долгом Испании в XVI–XVII вв. и о влиянии королевской финансовой политики на процесс первоначального накопления капитала³.

Положение первопроходца повлияло на особенности «исследовательской манеры»⁴ Эллиды Эдуардовны. Она стремилась выделить крупные, основополагающие проблемы региона и исторического периода, а затем переходила к истории их изучения. Цель состояла в том, чтобы сформулировать рабочую гипотезу, которую анализ источников либо подтверждал, либо опровергал⁵.

Эллида Эдуардовна была автором глав по истории Испании и Латинской Америки в университетских учебниках по истории Средних

¹ *Литаврина Э. Э.* Проблема экономического упадка Испании... С. 45. *Она же.* К проблеме многоукладности экономической структуры... С. 45–46.

² *Ведюшкин В. А., Щелчков А. А.* Эллида Эдуардовна Литаврина... С. 96.

³ *Литаврина Э. Э.* «Революция цен» и государственные финансы Испании в XVI–XVII вв. // Проблемы испанской истории, 1979. М., 1979. С. 213–230.

⁴ *Ведюшкин В. А., Щелчков А. А.* Указ. соч. С. 90.

⁵ См. подобный алгоритм у А. Я. Гуревича. *Гуревич А. Я.* Что такое исторический факт? // Источниковедение: теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 87.

веков, нового времени и по историографии. В учебнике по истории средних веков, изданном в 2005 году, в главах по истории Великих Географических открытий, истории колониальной системы и Испании XVI–XVII сохраняются части текстов, созданных ею в 1965 и 1977 годах. Благодаря написанному ею параграфу в учебнике новой истории под редакцией А. В. Адо, история Испании XVIII века была представлена как самостоятельный предмет научного исследования и преподавания.

Научный авторитет Эллиды Эдуардовны был признан за рубежом. В 1970-е годы она читала курсы лекций по истории Латинской Америки в университетах США, Колумбии и ФРГ. Колумбийский университет присвоил ей степень почетного доктора. Среди ее учеников есть колумбийские историки. Эллида Эдуардовна была членом «Испанского Общества исследователей XVIII века» и принимала участие в работе российско-испанских коллоквиумов историков.

Каждый, кто был знаком с Эллидой Эдуардовной, будь то коллега, студент, аспирант, ощущал обаяние ее личности. Она была открытым, легким в общении человеком, чуждым в равной степени и фамильярности, и высокомерия. Эллида Эдуардовна уважала мнение коллег и не стеснялась спрашивать их совета или консультации; научный снобизм она искренне не понимала. И все же она могла быть очень прямолинейной и жесткой, когда речь шла о научной позиции.

В памяти своих учеников Эллида Эдуардовна – человек активный, увлеченный, буквально «живущий» в профессии. Готовность опекать и поддерживать студентов сочеталась в ней с учительской строгостью. Когда кто-нибудь из ее студентов «исчезал» из поля зрения на долгое время, она начинала оправдывать его (или ее) отсутствие серьезными причинами, которые всегда находились. Но стоило заблудшей душе появиться, требовательность научного руководителя возрастала пропорционально времени отсутствия ученика; тогда Эллида Эдуардовна, по ее собственным словам, переходила «от коммунизма к диктатуре пролетариата». Тем не менее, она умела отдать должное качеству научной работы, даже если ее автор оказывался, по ее мнению, личностью малопривлекательной, не отличался ответственностью или пунктуальностью.

Привлекал и артистизм, несомненно присущий ее натуре. Она много лет курировала студенческую театральную студию исторического факультета МГУ. Многие из ее учеников познакомились с ней

именно там и выбрали сначала научного руководителя, а потом уже специализацию¹.

Артистизм и литературный дар проявлялся в увлекательной и увлекательной манере чтения лекций, умении передать «характерность» исторического деятеля, выявить интригу даже в таком своеобразном сюжете, как первоначальное накопление капитала. «Дело Антонио Переса» в ее изложении напоминало детектив, а судьба «Аграрного закона» Г. М. Ховельяноса или встреча Боливара и Сан-Мартина в Гуаякиле – классическую трагедию. Статья о восстании комунерос в Новой Гранаде в конце XVIII в. начинается лирическим вступлением², а эссе «Долгий путь в Сан-Педро-Александрино» написано в романтическом стиле³.

Эллида Эдуардовна была удивительной рассказчицей. В 1993 году она отправилась в Испанию с группой студентов и с удовольствием показывала ученикам Мадрид, Толедо и Эскориал. В покоях Филиппа II она так долго и занимательно рассказывала о своем любимом «благоразумном короле», что в движении экскурсионных групп образовалась «пробка». Служащие музея не сразу решились прервать «*señora doña profesora*» и попросить ее продолжить лекцию в других залах королевской резиденции.

Многие коллеги помнят традиционные весенние или летние встречи на даче Эллиды Эдуардовны, веранду, на двери которой была наклейка «*Las Malvinas son Argentinas*», которая воспринималась как пароль. Внутри на стене висел плакат с портретами героев латиноамериканской истории, имена которых гостям предлагали назвать. Симона Боливара и Тупака Амару не узнать было нельзя, а вот с другими персонажами, как правило, у гостей были трудности.

Не только научные работы определили вклад Э. Э. Литавриной в развитие отечественной латиноамериканистики и испанистики. Благодаря ее эрудиции и педагогическому таланту на кафедре новой и новейшей истории сформировались новые перспективные специализации.

¹ О. В. Волосюк, Т. Ю. Мишукова (Вепрецкая).

² Литаврина Э. Э. К 200-летию восстания комунерос в Новой Гранаде // Латинская Америка. 1981. № 6. С. 95.

³ Шульговский А. Ф., Литаврина Э. Э. Долгий путь в Сан-Педро Александрино. Эссе // Государство, гражданское общество и процесс демократизации в Латинской Америке. Памяти А. Ф. Шульговского. М., 1995. С. 175–206.

О. И. ПОСКОНИНА, Е. Д. СТРОГАНОВА

ТАКИМ БЫЛ НАШ АИСТ: РАССКАЗ ОБ А. И. СТРОГАНОВЕ

Выдающийся ученый Александр Иванович Строганов, доктор исторических наук, профессор, один из самых известных отечественных исследователей в области латиноамериканистики, родился в 1937 г. в небольшом древнем городке Почеп Брянской области, в семье учителей, которая в годы Великой Отечественной войны была эвакуирована в Алтайский край. Здесь Саша (Шурик, как называли его родные) пошел в первый класс, а вскоре семья переехала в г. Торжок, где мальчик получил тяжелую травму. В школе какая-то девочка толкнула его на лестнице, он сильно ударился, и в результате этого несчастного случая десятилетний Шурик сломал позвоночник. Его уложили в гипс, в котором он провел 5 лет, а затем долго был вынужден носить корсет. Надолго прикованный к постели подросток не только мужественно боролся с болезнью, но и сумел, благодаря любви к учебе, силе воли и упорству, продолжить образование. Учителя приходили к Строгановым домой, давали Шурику задания и проверяли их исполнение. Он был очень способным учеником, много читал, что приходилось делать лежа. У него испортилось зрение, но обострилась память. Следствием травмы стало и то, что рост Александра Ивановича оказался ниже, чем у его родных.

С золотой медалью окончив среднюю школу (уже в г. Смоленске), в 1954 г. Александр Строганов поступил на исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, в 1959 г. стал его выпускником, а затем диплом с отличием и глубокие знания позволили ему поступить и в очную аспирантуру. Еще до защиты кандидатской диссертации, в 1961 г. профессор И. С. Галкин, в то время заведующий кафедрой новой и новейшей истории стран Европы и Америки, очень хорошо разбиравшийся в людях, привлек талантливого аспиранта к преподавательской работе. В целом любимому делу в широком смысле этого понятия – обучению и воспитанию молодого поколения в сочетании с научной ра-

ботой А. И. Строганов посвятил более 40 лет своей яркой и деятельной жизни, пройдя путь от ассистента до профессора.

Он был и навсегда останется **нашим** Александром Ивановичем – учителем, ученым и удивительно светлым человеком. В кругу родных и друзей его называли АИСТом. Красивая аббревиатура, содержащая глубокий внутренний смысл! Ведь аист – благородная, выносливая птица, символ семьи и верности, которая, согласно легенде, оберегает Землю от всего дурного.

Александр Иванович был уникальным преподавателем. Он обладал настолько емкой, энциклопедической памятью, что, в отличие от многих выпускников исторического факультета, в том числе молодых, хорошо помнил содержание даже тех дисциплин, которые, согласно учебному плану, изучаются студентами на первом курсе и к которым преподавателям истории нового и новейшего времени приходится обращаться не часто. Так, однажды Александр Иванович заметил, что не забыл историю древнего мира и ее сложнейший раздел – историю древнего Востока, и, если найдутся желающие проверить, может перечислить, в частности, все династии, правившие в тот исторический период в Египте и других государствах региона. Тогда один из преподавателей кафедры попросил его указать даты правления некоего фараона (сейчас сложно вспомнить, о ком именно шла речь). Александр Иванович, подумав, извинился, что не может назвать их точно, но определил примерный временной диапазон. Как выяснилось позже, точные даты пребывания на троне этого правителя науке не известны, однако они действительно укладывались в диапазон, указанный Александром Ивановичем. Следует ли после этого удивляться, что, будучи блестящим лектором, все учебные курсы он читал по памяти, не используя каких-либо заметок даже в виде тезисов, а таких курсов было немало.

Помимо истории стран Европы и Америки в новейшее время (общий лекционный курс и семинарские занятия), А. И. Строганов бесценно преподавал новейшую историю стран Латинской Америки в самых разнообразных формах, включая интереснейшие специальные курсы по истории Чили, Аргентины, Кубинской революции, по проблемам, связанным с революционными процессами в латиноамериканском регионе, особенностями его политического и социально-экономического развития. При чтении спецкурсов, что обычно происходило в небольших аудиториях, он практически не садился за преподавательский стол, предпочитая неторопливо перемещаться в узком простран-

стве между окном и дверью, что нисколько не мешало студентам внимать каждому его слову. Его лекции любили слушать все, поскольку Александр Иванович был хорошим оратором и умел ярко и образно преподнести даже самые, казалось бы, рутинные темы.

Сейчас трудно себе представить, что относительно недавно еще не существовало столь привычных для нас технических средств, за исключением проекторов с диапозитивами, поэтому основными наглядными пособиями служили карты, которые перед лекциями вывешивались в аудиториях с помощью шнурков. Нашу старенькую, ветхую, но, к счастью, сохранившуюся карту Латинской Америки недавно разыскал и, насколько это было возможно, своими руками отреставрировал профессор В. А. Бородаев, и теперь она украшает одну из стен кафедры Хосе Марти на пятом этаже Шуваловского корпуса. Нам, бывшим советским студентам, очень дорога эта бесценная реликвия прошлого, поскольку в свое время ее держали в руках и приносили на свои занятия наши учителя – А. И. Строганов, Э. Э. Литаврина, А. А. Соколов.

Будучи научным руководителем студентов и аспирантов, Александр Иванович вел увлекательные спецсеминары, помогая им разобраться в сложной проблематике латиноамериканской истории и современной жизни. Итогом его многолетнего научно-педагогического труда стал выпуск более 100 историков-латиноамериканистов из разных стран, многие из которых, получив от него путевку в жизнь, достойно представляют отечественную и зарубежную науку, занимаются преподаванием, журналистикой и иными видами деятельности. Сам он с благодарностью и теплотой вспоминал своего учителя – одного из первых советских исследователей стран Латинской Америки В. И. Ермолаева (1917–1974). Александр Иванович всегда с заботой и большим терпением относился к собственным ученикам, и они отвечали ему искренней любовью и уважением. Он помогал и молодым, и уже состоявшимся ученым, постоянно участвуя в заседаниях Ученого совета исторического факультета, выступая в качестве рецензента или официального оппонента на защитах кандидатских и докторских диссертаций.

Помимо преподавательской, Александр Иванович успешно занимался научно-методической работой, которая, при свойственной ему добросовестности, требовала огромных затрат труда и времени. Так, он был одним из авторов учебников для студентов исторических факультетов государственных университетов, ставших базовыми учебными

пособиями и для студентов исторического факультета МГУ, входил в состав их редакционной коллегии. Если в учебниках, выпущенных в середине 70-х годов, его перу принадлежали лишь главы по истории Аргентины (одна из них была написана в соавторстве с В. И. Ермолаевым), то в дальнейшем ему поручались разделы не только по истории Латинской Америки в целом и ее отдельных стран, но и истории Испании, развитию мировой капиталистической системы и международных отношений¹. Сложнейшие проблемы прошлого и настоящего, с которыми столкнулись страны Запада, в том числе латиноамериканский регион, в изложении и интерпретации А. И. Строганова становились более доступными для понимания студентов, причем автор, тщательно подбирая и анализируя фактический материал, побуждал читателей к самостоятельным размышлениям и осмыслению ключевых тенденций развития мировой истории, а также историографии².

Свой вклад Александр Иванович внес и в совершенствование школьного образования, когда коллектив преподавателей нашей кафедры задумал и осуществил сначала сокращенное, а затем полное издание учебника по новейшей истории для старшеклассников³. В 90-е годы появилось большое количество новых учебных пособий для средней школы, причем далеко не все авторы, предлагая новые трактовки событий отечественной и зарубежной истории, базировались на подлинных исторических фактах и демонстрировали взвешенный подход к изучению проблем далекого или недавнего прошлого. Противостоять этой опасной тенденции, создав школьный учебник на научной, а не субъективной и конъюнктурной основе, стало главной и успешно выполненной задачей авторского коллектива с участием А. И. Строганова. Он всегда отстаивал принцип, согласно которому при изучении исторических процессов, явлений и событий следует, с одной стороны, отказаться от устаревших и тенденциозных подходов к их оценке, с другой – не пытаться «модернизировать» прошлое.

¹ См.: Новейшая история. 1918–1939. М., 1974; Новейшая история. 1939–1973. М., 1975; История новейшего времени стран Европы и Америки. 1918–1945. М., 1989; История новейшего времени стран Европы и Америки. 1945–1990. М., 1993.

² *Строганов А. И.* Формирование и развитие национальной историографии в странах Латинской Америки во второй половине XIX – начале XX века // *Историография истории нового времени стран Европы и Америки.* М., 1990.

³ Мир в первой половине XX века. 1918–1945. Материалы к курсу «Новейшая история». М., 1994; Мир в XX веке. Учебное пособие для 10–11 классов общеобразовательных учреждений. М., 1996.

Александр Иванович придерживался твердых мировоззренческих позиций. С ними можно не соглашаться, но все то, о чем он говорил и что делал, всегда было продиктовано его внутренними убеждениями и обостренным чувством справедливости. Не изменяя своим политическим взглядам, наш учитель оставался убежденным коммунистом и очень переживал за судьбу страны и будущее ее людей, верил в социализм, в 90-е годы открыто говорил, в том числе студентам, что власти предали интересы государства и общества, а распад СССР он считал преступлением правящей элиты. В письмах, адресованных родственникам и друзьям, Александр Иванович давал волю своим чувствам и мыслям о том, что происходило на его родной земле, возмущался торжеством подлости и бесчеловечности, которые процветали, как он полагал, при попустительстве и покорности большинства людей и бессилии тех немногих, которые пытались отстаивать принципы справедливого общественного устройства. Все это постоянно мучило его, поэтому письма Александра Ивановича были полны боли. Его без малейшего преувеличения можно назвать настоящим патриотом своей Родины, а собственным примером он показывал всем окружающим, что это означает.

На рубеже 50–60-х годов прошлого века, после победы Кубинской революции в нашей стране резко возрос интерес к латиноамериканскому региону, в том числе в историческом аспекте, и был создан академический Институт Латинской Америки¹. Отметим, что в 1946 г. вышло в свет посмертное издание труда В. М. Мирошевского, посвященного изучению освободительного движения в американских колониях Испании от их завоевания до войны за независимость, начавшейся в 1810 г. Эта скромная по объему, но содержательная книга, задуманная автором как часть большого исследования и в основном подготовленная им еще до начала Великой Отечественной войны, базировалась на анализе разнообразных документальных источников². Так было положено начало развитию советской латиноамериканистики, которой в нашей стране ранее не существовало. Война и послевоенные трудности прио-

¹ Институт был основан в 1961 г., а в 1969 г. началось издание научного журнала «Латинская Америка».

² См.: *Мирошевский В. М.* Освободительные движения в американских колониях Испании от их завоевания до войны за независимость (1462–1810). Издательство Академии наук. М.–Л., 1946. Владимир Михайлович Мирошевский (1900–1942) погиб на фронте.

становили формирование в СССР собственной научной школы латиноамериканских исследований, однако спустя непродолжительное время этот процесс возобновился, и Александр Иванович оказался одним из тех молодых ученых, кто стоял у его истоков. Как справедливо отмечала О. Н. Докучаева, «будучи студентом истфака МГУ, он увлекся романтикой революционной борьбы в Латинской Америке и сохранил преданность этому региону на всю жизнь»¹. Об этом мы, его бывшие студенты, знаем благодаря не только занятиям, но и неформальным беседам с Александром Ивановичем.

Научная деятельность А. И. Строганова началась в первой половине 60-х годов, когда появились его аспирантские статьи, посвященные проблемам экономической и социально-политической истории Аргентины конца 20–30-х годов XX века, а в 1965 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию². Спустя четыре года Александр Иванович, основываясь на ее материалах, дополненных новыми данными, опубликовал свою первую монографию³. В те времена в центре внимания многих представителей советской исторической науки оказались сюжеты, связанные с развитием мирового революционного процесса и его составной части – рабочего движения, которое в 30-е годы XX в. переживало подъем в Аргентине и некоторых других странах Латинской Америки и являлось важным фактором их общественно-политической жизни. Отметим, что и кандидатская диссертация, и указанная монография, и последующие труды Александра Ивановича стали результатом его искренней увлеченности актуальными в тот период времени проблемами истории латиноамериканского региона, на который возлагались большие надежды в плане его революционного потенциала.

К середине 90-х годов список научных трудов А. И. Строганова насчитывал значительное количество работ, разнообразных по тематике и жанру: статьи в ведущих научных журналах (в том числе зарубежных) и тематических сборниках, разделы в коллективных монографи-

¹ Докучаева О. Н. Латинская Америка навсегда // Латинская Америка. 2005. № 4. С. 101.

² Строганов А. И. Подъем рабочего движения в Аргентине в середине 30-х годов XX века. Автореф. дис... докт. ист. наук. М., 1965.

³ Строганов А. И. Борьба за единый рабочий и народный фронт в Аргентине. М., 1969.

ях, рецензии, тезисы выступлений на конференциях¹. Как вспоминают его родные, работа Александра Ивановича над текстами выглядела следующим образом: если, предположим, нужна была статья либо отзыв объемом в 5 страниц, он писал сначала 100, затем сокращал первый вариант до 50, 30, 15, 10 страниц, и только потом рождался окончательный вариант текста, отработанный до последней буквы. Напомним, что компьютеры в нашей стране появились поздно, поэтому длительное время написание и правка чего-либо выливались в весьма трудоемкий процесс. Столь же добросовестно и вдумчиво Александр Иванович писал многостраничные письма своим родным, друзьям и знакомым.

Хотя большинство публикаций А. И. Строганова было посвящено изучению различных аспектов истории Аргентины, его глубоко взволновали события, развернувшиеся в начале 70-х годов в Чили – приход к власти, а затем свержение правительства С. Альенде и установление диктатуры генерала А. Пиночета. В период радикальных преобразований, проводившихся правительством Народного единства во главе с Альенде, он находился в этой стране в научной командировке и волею судьбы стал не только очевидцем, но и участником революционных потрясений, навсегда сохранив симпатии к чилийскому народу. Обо всем увиденном, а также «уроках Чили» Александр Иванович увлеченно рассказывал на лекциях общих и специальных курсов и семинарских занятиях, в трудах общего характера, затем появились его аналитические работы, посвященные чилийской действительности при Пиночете, занимавшем президентский пост до 1990 г., и ситуации после падения его режима².

Несмотря на научные достижения предшествующего тридцатилетия, своим главным трудом Александр Иванович считал вышедшую в 1995 г. книгу под названием «Новейшая история стран Латинской

¹ Список основных публикаций А. И. Строганова до 1997 г. см.: *Строганов А. И. Латинская Америка в XX веке: проблемы развития и модернизации общества. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук // Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. М., 1997.*

² См.: *Строганов А. И. «Экономическое чудо» в Чили – реальность или миф? // Megapolis-Continent. 1993. № 21; Он же. Чили после Пиночета: страна надежд? // Там же. № 28; Он же. Пиночет – миф и реальность // Правда. 18 февраля 1998; Он же. О «неолиберальной» политике в Латинской Америке в последней четверти XX в. // Правда. 26 февраля 1998.*

Америки», которая стала первой в нашей стране монографией, обобщающей историю стран региона с 1918 г. до середины 1990-х годов и адресованной серьезному, подготовленному читателю¹. Материалы для этой книги он собирал и анализировал на протяжении длительного времени, формируя на их основе собственную научную концепцию развития латиноамериканских государств. Хотя данное издание позиционировалось как учебное пособие, рекомендованное Государственным комитетом РФ по высшему образованию, его исследовательский характер, научная новизна и значимость неоспоримы. Не случайно этот труд (в совокупности с другими публикациями 1963–1996 гг.) в октябре 1997 г. был блестяще защищен автором в качестве докторской диссертации, а сам Александр Иванович неоднократно говорил, что работал над ним всю свою жизнь.

Таким образом, «Новейшая история» представляет собой синтез предыдущих научных исследований А. И. Строганова и одновременно существенное дополнение к ним. Кроме того, сам Александр Иванович в предисловии к книге отметил, что она была создана на основе читавшегося им на протяжении 30 с лишним лет курса лекций по истории Латинской Америки на историческом факультете МГУ, а также с учетом последних достижений отечественной и зарубежной латиноамериканистики. Автор стремился представить прежде всего общую картину исторического развития Латинской Америки как единого процесса, обращая внимание на национальную специфику отдельных республик, в первую очередь Аргентины, Бразилии, Мексики, Чили и Кубы – стран, играющих заметную роль в жизни региона и на международной арене, на долю которых приходится большая часть населения и территории Латинской Америки². В этих республиках, за исключением Кубы, еще остававшейся под властью Испании, в 70–80-е годы XIX в. начался промышленный переворот, однако даже в XX в. экономика региона

¹ *Строганов А. И.* Новейшая история стран Латинской Америки. М., 1995. В приложениях к книге содержится обширный и полезный для читателя справочный материал – хронология важнейших событий, а также даты правления президентов (либо верховных правителей) Аргентины, Бразилии, Мексики, Чили, Кубы, Колумбии, Венесуэлы, Перу с 1918 по 1994 г., представлена также солидная библиография, тщательно отобранная автором, причем присутствует как научная литература общего характера, так и работы по отдельным странам, в том числе небольшим, включая Центральную Америку и Карибский бассейн.

² Там же. С. 4.

сохраняла преимущественно агроэкспортный, сырьевой характер, в деревне господствовал латифундизм при малоземелье основной массы крестьянства, в добывающие отрасли, инфраструктуру, торговлю, финансовую сферу активно внедрялся иностранный капитал, сыгравший позитивную роль в их развитии, но усугубивший диспропорции в экономике, замедляя развитие местного производства и консервируя его монокультурный характер. Одновременно в социально-политической жизни латиноамериканских стран крайне живучими оказались патриархально-патерналистские, каудильистские традиции, не были изжиты региональные, этнические, политические противоречия, причем все это, начиная с конца XIX в., осложнялось интервенционистской политикой США. «История Латинской Америки была наполнена, – писал Александр Иванович, – борьбой сторонников консервативной, реформистской и революционной альтернатив общественного развития. В ходе их противоборства сталкивались и взаимодействовали интересы различных классов и слоев населения, политических партий, шли поиски решения острых экономических, социальных и политических проблем. В разные периоды и в разных странах эти процессы протекали неодинаково, изобиловали резкими поворотами и изменениями в соотношении сил»¹.

Подводя итог своего исследования, А. И. Строганов подчеркивал, что «неолиберальная» перестройка хозяйства, проводившаяся в последней трети XX в., имела противоречивые последствия, тяжело отразилась на положении большинства латиноамериканцев, привела к снижению уровня их жизни, обнищанию широких масс. Это затормозило как дальнейшее проведение реформ, так и политическую демократизацию. В то же время на протяжении прошлого столетия, хотя и медленно, преобразался облик Латинской Америки, она продвигалась по пути превращения из аграрно-сырьевой окраины в регион с собственной индустрией и развитой инфраструктурой, менялось положение в аграрном секторе экономики, социальной и особенно политической сфере – в последнее десятилетие XX в. Латинская Америка вступила, впервые за свою историю, практически без диктатур. Постепенно возрастала роль латиноамериканских республик на мировой арене, они активно включились в интеграционные процессы и работу международных организаций. Вместе с тем многие насущные про-

¹ Там же. С. 21.

блемы к концу века решить так и не удалось, страны региона в своем экономическом, социальном, научно-техническом развитии заметно отставали от ведущих государств мира, неуклонно росла их внешняя задолженность. В итоге они вновь столкнулись с необходимостью поиска новых вариантов развития, отвечающих местным условиям, и дальнейшего проведения реформ, в том числе направленных на защиту социальных прав населения¹.

Важным дополнением к предыдущим исследованиям, глубокой по содержанию и концептуально завершенной работой мы считаем автореферат, подготовленный Александром Ивановичем к защите докторской диссертации. В автореферате, а затем в основательном выступлении на заседании Ученого совета он изложил различные концепции развития и модернизации общества в странах Латинской Америки, выдвигавшиеся зарубежными и отечественными учеными в тот или иной период времени, а также затронул основные дискуссионные проблемы латиноамериканской истории и их освещение в историографии. Базируясь на концептуальных положениях предыдущих научных трудов, прежде всего «Новейшей истории стран Латинской Америки», Александр Иванович представил четкую периодизацию процесса развития и модернизации общества в государствах региона в XX в., разделив этот процесс на три основных неравнозначных этапа и раскрыв содержание каждого из них. На основе многолетних исследований он пришел к выводу, что начальный этап модернизации охватывает первую треть XX в., когда развитие стран Латинской Америки происходило преимущественно на основе и в рамках традиционных экономических и социальных структур, при сохранении экспортной ориентации, аграрной и сырьевой, в условиях периферийного, зависимого положения латиноамериканских республик в мировом хозяйстве и мире в целом. Второй, самый длительный этап, продолжавшийся с 30-х до середины 70-х годов XX в., был насыщен сложными, бурными обновленческими процессами, когда на фоне кризиса традиционных структур началась их модернизация на базе активного вмешательства государства в экономику и социальные отношения, инициировалось проведение промышленных, аграрных и социальных преобразований, причем этот период характеризуется преобладанием и взаимодействием революционной и реформистской тенденций развития и модернизации. Наконец,

¹ Подробнее см. там же. С. 396–398.

на третьем этапе, то есть в последней четверти XX в. на первый план выходит неоконсервативный («неолиберальный») вариант модернизации общества, имевший противоречивые последствия¹.

Если задаться вопросом, почему Александр Иванович стал доктором наук относительно поздно, когда достиг шестидесятилетнего рубежа своей жизни, то этому найдется простое и очевидное объяснение: ему просто не хватало времени на собственную диссертацию, ведь в первую очередь он со свойственной ему добросовестностью выполнял разностороннюю работу на кафедре, в том числе постоянно помогал в подготовке диссертаций своим аспирантам. Среди них, благодаря этой помощи, уже были доктора наук, а он все еще не защитил свою докторскую. Зная о его чрезмерной старательности при написании текстов и опасаясь, что Александр Иванович затянет время, члены Ученого совета разрешили ему выйти на защиту без диссертационного текста, на основании предыдущих работ и автореферата.

После «Новейшей истории стран Латинской Америки» и защиты докторской диссертации А. И. Строганов подготовил и опубликовал еще одну замечательную книгу – «Латинская Америка в XX веке», которая также стала существенным вкладом и в отечественную латиноамериканистику, и в процесс обучения студентов высших учебных заведений, особенно будущих историков, политологов, экономистов². В этом значительном по объему томе, как и в предыдущей книге (обе содержат более 400 страниц), по возможности подробно, насколько это позволяла масштабность авторской задачи, и в адаптированном к восприятию «простого читателя» варианте вновь были изложены и проанализированы история и современное, применительно к рубежу веков, состояние стран региона, которые наиболее ярко заявили о себе в минувшем столетии (преимущественно речь шла об Аргентине, Чили, Бразилии, Мексике, Кубе, хотя уделялось внимание и другим республикам). Кроме того, автор в доступной форме сумел донести до всех желающих повысить свой образовательный уровень такие сложные сюжеты, как закономерности и особенности развития Латинской Америки в целом, ее трудноразрешимые проблемы, непростой и не всегда успешный путь модернизации различных сторон жизни общества.

¹ См.: *Строганов А. И.* Латинская Америка в XX веке: проблемы развития и модернизации общества. Автореф. дис... докт. ист. наук. С. 66.

² Латинская Америка в XX веке. М., 2002. В настоящее время это издание является библиографической редкостью.

Две любопытные рецензии, датированные соответственно 2007 и 2012 гг., встретились авторам статьи на одном из интернет-сайтов: «Очень жалею, что не прочитала данный учебник раньше, до того, как браться за художественную литературу латиноамериканских авторов. Многие в романах Варгаса Льосы и прочих писателей было бы изначально ближе и понятнее. Книга дает очень четкое и подробное представление о политической, социальной и экономической ситуации в большинстве стран Южной и Центральной Америки и Мексике в XX веке. Иногда, правда, при прочтении возникало ощущение, что автору тяжело дается отказ от принятой ранее «прокоммунистической» трактовки событий, однако в целом остается ощущение объективности написанного: и роль церкви в развитии общества уже описывается несколько иначе, чем пару десятков лет назад, и непродуманные действия коммунистических партий отдельных стран зачастую оцениваются критически...»; «Уф! Я это осилила! Ура! Очень хороший, и ну очень подробный учебник по политике и экономике Латинской Америки на протяжении всего XX века. Перед глазами проносится вся история экономических, политических преобразований, всевозможные революции с огромным количеством лидеров, а также самые основные выборы и их результаты. Много данных, много цифр. Конечно, столько информации запомнить просто невозможно. Главный вопрос в том, для чего читать. Просто любопытствующему без определенной цели – будет сложновато. Лучше взять какие-нибудь мемуары. А вот студенту-международнику или экономисту, которому по учебе необходимо ясно себе представлять во всей своей полноте, какие процессы развивались в ЛА в данный период – этот учебник становится очень существенным подспорьем»¹.

Хотя, как мы видим, эти суждения высказаны не профессиональными историками-латиноамериканистами, а представляют собой личные впечатления обычных любознательных читательниц (что в данном случае и привлекло наше внимание), в целом можно согласиться с их мыслями. Действительно, и разделы учебников, и статьи, и книги А. И. Строганова, помимо научной объективности, отличаются высокой информативностью, поскольку Александр Иванович всегда придавал, как уже отмечалось, большое значение фактическому материалу и выстраивал свои выводы исключительно на его глубоком анализе.

¹ URL: <https://www.ozon.ru/context/detail/id/1365165/> (дата обращения: 14.03.2019).

В то же время подчеркнем, что знакомство с Латинской Америкой для неподготовленного читателя, т.е. «простого любопытствующего без определенной цели», обычно сопряжено с трудностями восприятия того специфического бытия, которое характерно для латиноамериканского региона в историческом, социальном, этническом, культурном, ментальном отношении. Каждый, кто возьмет в руки книгу «Латинская Америка в XX веке», непременно найдет в ней что-то нужное для себя – либо воспользуется ею для получения необходимой информации, либо попытается проникнуть в суть процессов, имевших место на просторах американского континента, причем запоминать «много данных, много цифр» совсем не обязательно, так как их всегда можно уточнить, еще раз обратившись к этой оказавшейся весьма востребованной книге, второе издание которой вышло в 2008 г.¹

К сожалению, свою следующую работу, задуманную как научно-популярное издание, ориентированное на самый широкий круг читателей, Александр Иванович не увидел, хотя в основном успел завершить подготовку текста новой книги. Ее выход в свет стал возможен благодаря Елене Дмитриевне Строгановой, известному историку-латиноамериканисту, которая завершила последний труд Александра Ивановича. Впервые книга вышла в 2004 г., а в 2011 г. была переиздана². Хотя эта монография относительно невелика по объему, она, как и другие труды А. И. Строганова, освещает широкий круг проблем и содержит ценный фактический материал. Вскоре в журнале «Латинская Америка», в рубрике «Размышляя о прочитанном» появилась рецензия на книгу, написанная О. Н. Докучаевой, специалистом по новейшей истории стран региона, где она с большой любовью и благодарностью вспоминала об Александре Ивановиче как учителе и замечательном человеке, а также выдающемся ученом, с которым ее связывало длительное профессиональное сотрудничество и теплые человеческие отношения. Поскольку в рецензии содержится глубокий анализ содержания книги, обратимся к некоторым, причем справедливым и точным, соображениям и выводам рецензента, кратко и в доступной форме из-

¹ *Строганов А. И.* Латинская Америка в XX веке. М., 2008. Чтобы довести изложение до современности, это издание было дополнено главой 22, автором которой является Е. Д. Строганова.

² *Строганов А. И.* Латинская Америка. Страницы истории XX века. М., 2004; *Он же.* Латинская Америка. Страницы истории XX века. Изд. 2-е. М., 2011.

ложившего научную концепцию А. И. Строганова и сумевшего еще раз донести ее до читателя.

О. Н. Докучаева отметила, что Александр Иванович в своей последней работе показал тот сложный путь, который прошли страны Латинской Америки от традиционного патриархального общества и олигархического государства, через «импортзамещающую индустриализацию», национал-реформистские режимы и революции к новому этапу экономической и политической модернизации. «Логика авторского повествования приводит читателя к выводу, что «пружиной» модернизации латиноамериканского региона в XX в. были взаимодействие, противоречия и борьба трех тенденций – революционной, реформистской и консервативной. Именно их переплетение определило основную линию развития. Вместе с тем, на отдельных этапах (и это наглядно представлено в рецензируемой монографии) часто доминировала какая-либо одна из тенденций. Например, 60-е и начало 70-х годов были периодом бурного революционного подъема. В исследовании сжато, но очень емко освещены важнейшие события и проблемы новейшей истории Латинской Америки. Это – революции в Мексике и на Кубе, в Чили и Никарагуа, деятельность национал-реформистских партий и правительств в разных странах, политика правых и левых военно-авторитарных режимов, процессы демократизации, партизанское движение, региональная экономическая интеграция, неолиберальные реформы и многое другое.

А. И. Строганов справедливо считал, что в истории региона каждая из названных тенденций сыграла свою роль. Так, благодаря революционной борьбе были реализованы многие радикальные преобразования устаревшей социально-экономической структуры, стало неизбежным проведение необходимых реформ. Реформистская тенденция развития стала особенно влиятельной на современном этапе. Консерватизм способствовал сохранению традиций и преемственности». Ценность монографии состоит, как подчеркнула О. Н. Докучаева, в «удачном сочетании общего и конкретного, в способности исследователя предложить читателю целостную, обобщающую концепцию развития континента, и, в то же время, живо и интересно рассказать о ключевых эпизодах его истории. Важно и то, что автору книги удалось уделить заметное внимание ярким политическим фигурам, таким, например, как Эмилиано Сапата и Аугусто Сандино, Фидель Кастро и Эрнесто Че Гевара, Сальвадор Альенде, Хуан и Эва Перон, а также другим общественным

деятелям, о которых молодые читатели знают мало»¹. Нельзя не согласиться с оценками и выводами О. Н. Докучаевой, однако следует добавить, что благодаря трудам Александра Ивановича Строганова не одно поколение студентов и просто заинтересованных читателей многое узнали о Латинской Америке и ее людях.

* * *

Александр Иванович был очень добрым, обаятельным, открытым человеком, неизменно доброжелательным по отношению к коллегам, студентам, аспирантам и всем окружавшим его людям, легким в общении, интересным собеседником. К нему в любое время можно было обратиться с вопросом либо за советом, он с большим сочувствием воспринимал чужую беду или неудачу, по возможности старался помочь и всегда оставался человеком с внутренней, самой дружеской расположенностью к людям, которому можно было «поплакать в жилетку» и почувствовать себя намного лучше. Высокообразованный и при этом скромный, тактичный, отличавшийся безукоризненной манерой поведения Александр Иванович обладал всеми лучшими качествами настоящего русского интеллигента, заложенными в нем еще в детстве родителями. Он очень их любил и часто навещал родительский дом в Смоленске. Ему, к счастью, очень повезло в личном плане, рядом с ним до последней минуты его жизни оставалась любимая жена Елена Дмитриевна, которую он впервые встретил на историческом факультете, когда она была еще студенткой, а он уже преподавал. Они вырастили и достойно воспитали двоих детей, сына Илью и дочь Арину, которые выбрали свой путь в жизни – Илья стал геологом, Арина работает в Центре охраны дикой природы.

Несмотря на постоянную занятость преподавательскими и научными делами, Строгановы не забывали о простых, но столь необходимых для каждого человека радостях. Александр Иванович и Елена Дмитриевна были радушными, гостеприимными хозяевами. Они очень любили гостей, в их квартире в Коньково, на улице Островитянова часто находили приют приехавшие в Москву родственники либо друзья, а гости-москвичи непременно приглашались по случаю праздников и дней рождения. «Кафедра» (т.е. коллеги) тоже приходила, чтобы от-

¹ Полный текст рецензии О. Н. Докучаевой см.: Латинская Америка. 2005. № 4. С. 101–104.

метить важные события, причем в июне обязательно праздновалось окончание учебного года. Все с удовольствием принимали участие в организации дружеского застолья, захватив с собой какие-то яства или напитки, но украшением стола всегда служили вкуснейшие блюда грузинской кухни, мастерски приготовленные Еленой Дмитриевной при активном содействии Александра Ивановича, который неизменно помогал ей не только в кулинарии, но и в другой домашней работе.

В этом доме царил самая теплая и дружеская атмосфера, никто не отказывался в меру выпить и не всегда в меру закусить (уж очень все было вкусно!), гостей веселили и приводили в умиление перемещавшиеся по квартире в свободном полете маленькие волнистые попугайчики. Особенно запомнился выдающийся оратор и политически подкованный оппозиционер Кузя, который виртуозно занимался саморекламой. «Долой Ельцина, долой Гайдара, долой всех к чертовой бабушке!», «Кузя герой!», «Кузя орел!», «Кузя лучше всех!», «Кузю в президенты!», «Кузенька хорошенький мальчик!», – четко выговаривала голосом Александра Ивановича эта удивительная птица. Свои речи Кузенька произносил публично, не боясь чужих для него людей, а мы, гости Строгановых, смеялись, что лучше Кузя, чем те, кто возглавляет страну (это были трудные 90-е годы). Еще попугайчик садился на плечи гостей и провокационно вещал: «Пить хочешь, кушать хочешь? Дай денежку! Коньяк, виски хочешь? Давай выпьем! Давай поцелуемся!», а порой даже признавался в своих буржуазных наклонностях: «Хочу амаретто и омаров!», иногда добавляя к сказанному несложные вопросы на английском языке. Не только Кузя, но и другие, совершенно ручные попугаи очень хорошо воспринимали слова Александра Ивановича, прилетали к нему на плечо или садились на грудь и дергали за губу, требуя, чтобы он с ними поговорил. Родственные души! Разные животные перебивали в доме Строгановых за многие годы, но самые близкие отношения сложились именно с волнистыми попугайчиками – такими веселыми и душевными.

Рядом с домом Строгановых есть лес, где приятно погулять и посидеть в компании в теплые погожие дни, что с удовольствием использовали и хозяйева, и гости. Зимой семья каталась там на лыжах, гуляла с детьми, пока они росли. Александр Иванович, несмотря на проблемы со здоровьем, старался вести подвижный образ жизни, очень любил и хорошо умел плавать, никогда не отказывался приходить на субботники, которые в советское время ежегодно устраивались в апреле и по

традиции были приурочены ко дню рождения В. И. Ленина. Местом весенней уборки для преподавателей и сотрудников исторического факультета была зона лыжного трамплина на Ленинских горах, и Александр Иванович вместе со всеми выметал мусор и сгребал прошлогодние листья, сохранились даже фотографии, правда, еще черно-белые и не очень хорошего качества. По завершении тяжелого труда успешно проведенный субботник скромно отмечался там же, «на природе», обычно в это время было уже тепло и солнечно.

Настоящую природу Александр Иванович тоже очень любил, по натуре своей он был путешественником, поэтому вместе с семьей побывал во многих районах нашей страны и когда она была Советским Союзом, и когда стала Российской Федерацией. Вместе с Еленой Дмитриевной они летали в Южную Америку, куда их пригласили аргентинские коммунисты, для которых Александр Иванович прочитал курс лекций о событиях, происходивших в нашей стране в 90-е годы. У него было множество друзей по всему миру и на территории бывшего СССР, включая Западную Украину.

Одним из мест, где Александр Иванович, Елена Дмитриевна и их дети неоднократно отдыхали, стало озеро Селигер. Там в Картунском бору, вдали от цивилизации находилась и до сих пор существует основанная 50 лет назад небольшая туристическая база «Геохи» (турбаза Института геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского, где работал сын Строгановых Илья). Людей в этих «строгановских местах», как мы их называли, было совсем немного, потому изумительная по красоте природа сохранилась в почти первозданном виде. Воды Селигера изобиловали рыбой, окрестные леса, в зависимости от сезона – ягодами и грибами. Быт отдыхающих отличался простотой, а добраться от базы до г. Осташков можно было только на катере.

Помимо Селигера, вспоминается и другое озеро, небольшое, но относительно глубокое, с прохладной и прозрачной, голубовато-серебристой водой, его так и называли – Серебряным. Бодрящая и, как говорили местные жители, целебная вода располагала к купанию, особенно людей закаленных, поэтому Александр Иванович часто и с удовольствием там плавал. Здесь же, у озера, летом 2002 г. неожиданно оборвалась его жизнь. Он по привычке заплыл далеко, а потом добрался до берега благодаря помощи друга, который понял, что происходит что-то не то. К тому времени Александр Иванович перестал дышать. Семья была рядом, но АИСту уже никто не мог помочь. Это трагиче-

ское событие стало большим горем, невосполнимой потерей для всех, кто знал и любил Александра Ивановича. Он никогда не выглядел пожилым человеком, оставался молод душой и мог подарить родным и близким, да и всем окружавшим его людям много любви, тепла и радости общения, написать новые статьи, учебники и книги. К несчастью, многим планам и замыслам выдающегося ученого и замечательного человека не суждено было осуществиться.

Александр Иванович вел дневники, причем каждый день и очень подробно. В толстых общих тетрадях он год за годом описывал свою жизнь и жизнь семьи, а также все происходившее в мире и на родине. Как ему, при его занятости, удавалось находить для этого время, объяснить сложно. Эти материалы ждут своего издателя. Именно небольшими фрагментами из дневника Александра Ивановича хотелось бы завершить наш рассказ об АИсте.

26 декабря 1996 г. «Мне везло в жизни на товарищество и дружбу, на хороших людей – как без этого жить? Но я и сам был воспитан на ощущении чужой боли, на равнодушии к окружающим и к тому, что происходит вокруг. Потому и стал историком по призванию, по чувству, потому и стал стихийным социалистом, неспособным к индивидуализму и замкнутости в себе, к изоляции от людей... Что-то сделать для кого-то – в этом частица счастья и осознания того, что живу не зря. Больше дать, чем взять – тогда душа спокойна».

29 декабря 1996 г. «Стремление к человечности, к добрым чувствам, даже к сентиментальности, к любви к окружающим – вот единственная основа жизни, которая оправдывает наше существование. Развитие духовности и душевности, духовного творчества и самосовершенствования – совместно с ближними, окружающими, умение увидеть хорошее в окружающем мире и опереться на него, не уходя от реалий жизни, – вот смысл жизни. Конечно, не абсолютный, как и сама жизнь, но все же.

...я – стихийный, органический коллективист, социалист, коммунист. Хотя я против крайностей, против подавления личности, личных интересов общественными, ибо в обоих случаях – капитализма и крайнего «коммунизма» – личность противопоставляется обществу, личный интерес общественному или наоборот. Мой идеал – сочетание, соединение личного и общественного, чтобы личное больше воплощалось в общественном, а общественное в личном. Без личности нет

общества, а без общества нет личности. Возвышение (а не подавление) личного до общественного – вот мое понимание коллективизма, социализма и коммунизма. Коммунизм – как далекий бесконечный идеал – полярная звезда, по которой мы должны сверять свой путь, бесконечно приближаясь к нему».

Таким был и так думал Александр Иванович Строганов, человек, много хорошего сделавший для других людей, которые всегда будут его любить и помнить.

РАЗДЕЛ III. НАШИ ВЫПУСКНИКИ

И. М. БУНИН*

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О КАФЕДРЕ

Мое самое яркое воспоминание о кафедре новой и новейшей истории стран Европы и Америки связано с фигурами двух крупных франковедов: Владислава Павловича Смирнова и Анатолия Васильевича Адо.

Владислав Павлович, у которого я писал дипломную работу, научил меня работать с первоисточниками и работать с фактом. В начале нашего сотрудничества он привел мне в пример образ из романа Анатоля Франса «Остров пингвинов», в котором описывался труд историка. Человек собирал информацию, заполнял карточки, у него скопилось огромное количество этих карточек. В какой-то момент карточки начали падать, и под грузом этих карточек человек умирает.

Для Владислава Павловича важен непосредственно исторический факт. В основном он работал именно с новой информацией, и самым главным было эту информацию обработать. Такой подход был реакцией на сталинский мир жестких формулировок. Я думаю, что 60–70-е годы прошли на кафедре под лозунгом «умейте собирать и обрабатывать информацию». А сама теория была вторична, так как за ее пределы было очень сложно выйти.

На кафедре меня научили работать с первоисточниками. Я считаю это большой заслугой В. П. Смирнова и А. В. Адо. Они работали в парижских архивах, тратили все деньги на то, чтобы купить и привезти микрофильмы. Докторская диссертация должна была быть на уровне крупных французских историков, и поэтому для написания исторической работы они собирали сотни микрофильмов. От такого подхода я ушел, потому что в дальнейшем для меня все меньшее значение стал

* Игорь Михайлович Бунин (1946–2018) – доктор политических наук, президент фонда «Центр политических технологий».

иметь просто исторический факт. На первый план вышло умение выстраивать некие системы и пытаться понять, как элементы этой системы взаимодействуют между собой.

Кафедра новой и новейшей истории, как любая кафедра, связанная с современностью, позволила мне открыть для себя западный мир, понять, что такое современное западное общество, современная жизнь. Если бы я пошел на любую другую кафедру (например, КПСС), связанную с историей далекого прошлого, то современный мир для меня не был бы открыт. Я не имел бы никакого представления о том, как функционируют западные общества. Потому что именно это понимание помогло мне в дальнейшей работе в Институте мировой экономики и международных отношений и позже, когда я стал создавать Центр политических технологий.

На кафедре меня научили хорошо писать тексты. Когда я написал диплом и принес его в аспирантуру ИМЭМО, то, несмотря на «5 пункт», меня взяли в первую очередь (это был 1970 год, и уже остро стояла проблема статуса евреев в академических институтах). Если бы мой диплом не был такого высокого уровня, я бы не смог поступить в аспирантуру.

А. А. ГАЛКИН*

ОСОБНЯК НА БОЛЬШОЙ НИКИТСКОЙ

Не знаю, оправдано это – или нет, но истфак и его кафедра новой и новейшей истории неразрывно связаны в моей памяти со скромным особняком на Большой Никитской.

Минуло почти шесть десятилетий с тех пор, как я, получив благоговение Ученого Совета и право именовать себя кандидатом исторических наук, покинул его стены. И тем не менее, до сих пор, несмотря на возраст, я с предельной рельефностью удерживаю в памяти внешний облик этого скромного пристанища тогдашней университетской исторической науки, его полутемные коридоры и закоулки и, что самое главное, атмосферу причастности к чему-то очень серьезному и значительному.

Для меня это было особенно важным и потому, что, будучи оторванным на многие годы войной, а затем продолжавшейся воинской службой, я чувствовал себя в университетской среде своего рода пришельцем, не очень достойным нового для меня интеллектуального окружения. Атмосферу эту создавали, разумеется, люди. Будучи «пришельцем», я не был в курсе сложных течений и порогов, которые существуют в любом коллективе. Зато я имел неограниченную возможность воспринимать то самое главное, что как-то незримо витало в воздухе – знание, которое можно было черпать горстями, если на то было искреннее желание. Особенно рельефно я ощутил это в годы пребывания в аспирантуре. Несмотря на тогдашнее увлечение журналистикой, я не пропускал ни одного учебного семинара, ни одного семинара кафедры новой и новейшей истории.

* Александр Абрамович Галкин – доктор исторических наук, профессор, участник Великой Отечественной войны, сотрудник Советской военной администрации в Германии, руководитель Отдела проблем теории политики Института сравнительной политологии РАН; с 1997 г. – главный научный сотрудник Института социологии РАН.

Именно тогда я сумел в полной мере оценить глубокие знания корифея кафедры Аркадия Самсоновича Иерусалимского, мудрость Ильи Саввича Галкина, педагогический талант златоуста Наума Ефимовича Застенкера и многих других членов кафедры. Да и сам аспирантский состав был в мое время неординарным. Достаточно назвать несколько имен тех, с кем мы сидели вместе на семинарах Аркадия Самсоновича: Анатолий Черняев, Борис Тартаковский, Яков Драбкин, Лев Слезкин. Роберт Евзеров. Их последующий вклад в историческую науку и общественную жизнь страны ни у кого не вызывает сомнений.

Скромный особняк на Большой Никитской давно стал чужим для исторической науки и для меня лично. Но истфак и кафедра живы. И жив дух, который оплодотворял их деятельность на протяжении многих десятилетий. Да будет это и впредь.

*Старый, а ныне и очень старый,
истфаковец,
Александр Галкин*

АЛ. А. ГРОМЫКО*

МОЯ «МАЛАЯ» АЛЬМА-МАТЕР

Еще учась в школе, я был покорен красотой высотки – главного корпуса Московского государственного университета на Ленинских горах. До сих пор считаю ее наиболее изящной и гармоничной из «семи сестер». Тогда же всерьез увлекся историей, которая стала моим любимым предметом. Несмотря на вполне понятные ожидания старших членов семьи в отношении поступления в МГИМО, принял решение, что буду пытаться счастье и сдавать экзамены на исторический факультет МГУ. Надо сказать, что советовался и с дедом, Андреем Андреевичем, тогда уже председателем президиума Верховного совета СССР. Получил от него понимание, ведь история была для него второй натурой после дипломатии. Кроме того, МГУ был для него особым местом, ведь именно диссертационный совет университета Ломоносова присудил ему в феврале 1956 г. степень доктора экономических наук, ровно за год до назначения на должность министра иностранных дел СССР. Решение, которое я принял тогда, в середине 80-х, во многом определило всю дальнейшую жизнь.

Первые два года обучения я не имел четкого представления о том, какую специализацию выбрать. Захлестывали текущие занятия, темп и объемы учебы, не сопоставимые со школьными, бурные события в стране, два года службы в армии, куда нас забрали после первого курса по так называемому «горбачевскому призыву». В университете мы изучали историю. И одновременно история страны, а вместе с ней и мира, творилась на наших глазах, но воспринималась как часть нашей собственной жизни. То была история крушения страны и многих привычных представлений о мире, но молодость была превыше всего.

Когда же стал заботиться о выборе кафедры, то поначалу увлекся идеей изучения Испании и испаноязычного мира. Но достаточно

* Алексей Анатольевич Громько – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, профессор РАН, директор Института Европы РАН.

быстро, это получилось как-то само собой, решил стать англоведом. В какой-то степени сказалоь то, что и отец, и дед в разные времена работали в советском посольстве в Лондоне, а также массовое увлечение в перестроечном СССР фигурой Маргарет Тэтчер. В общем, кафедра новой и новейшей истории под руководством профессора Евгения Федоровича Язькова оказалась моей «малой» альма-матер.

Надо сказать, что исторический факультет в целом был и остается местом для получения фундаментального образования. Как сейчас помню традиционную и самую первую для первокурсников лекцию академика Б. А. Рыбакова, это было захватывающее зрелище. В этом заключалась и вся классность истфака, его интеллектуальность, достаточное свободомыслие, демократичность – обитатель научного Олимпа общается как бы на равных с юнцами.

Те, кто хотел и был готов поглощать большой объем информации, получили за пять лет учебы хорошее представление о потоке истории с древних времен до наших дней, ее быстрых и медленных ритмах, о том, как она выглядит в микроскоп и в подзорную трубу, о ее полицентризме, хотя тогда этот термин не употреблялся. Скажу точно, что узколобого европеизма нам не прививали, хотя, конечно, европейская история является львиной долей истории российской. Истфак был местом знакомства действительно с историей мира. Преподавание в целом велось так, что в остатке были не только, а, может быть, и не столько тысячи фактов и их интерпретаций, а наработка способности к поглощению материалов большого охвата и его анализ. Нас буквально заставляли не столько заучивать, сколько учиться мыслить. На том или другом экзамене хуже было не продемонстрировать способность размышлять, чем метко привести несколько цифр без понимания более широкой картины.

Кафедра новой и новейшей истории стала для меня обрамлением истфака, местом, где после «первичной обработки» на общих потоках первых двух курсов желающие могли превращаться в молодых специалистов, доводить до ума и отшлифовывать свои навыки в познании истории. А это требовало большого труда. Именно с началом специализации я по-настоящему почувствовал вкус к учебе, начал получать от нее истинное удовольствие. У нас было много талантливых ребят, соревноваться в учебе с которыми было азартно. Конечно, не меньше зависело от преподавателей. Почти не помню лекций, семинаров или спецкурсов, которыми бы я тяготился и изнывал в ожидании звонка.

Напротив, как правило, было жалко, что время занятий заканчивалось. Формировалось и ощущение «цеха», принадлежности к определенному кругу людей, выходцев с истфака. Затем по жизни не раз ловил себя на мысли, что при знакомстве с теми или иными выпускниками МГУ разных лет, тем более, если речь шла о нашей кафедре, воспринимал его или ее как «своего человека».

Учеба на кафедре дала бесценное понимание того, что история не прямолинейна, не однозначна, что мир не черно-белый, что из истории нельзя «выпрыгнуть», т.е. судить о ней с высоты сегодняшнего дня. Напротив, в историю любого периода надо научиться «погружаться», попытаться понять мировоззрение и восприятие мира людей прошлого. Впрочем, это относилось и к навыкам изучения современности, например, английской, французской или германской. А значит, надо хорошо владеть иностранными языками, обильно читать иностранную прессу и специализированную литературу.

Итак, моей стезей стала английская история. Прошло уже много лет, но со временем только еще больше утверждаюсь во мнении, что лучших преподавателей нам сложно было представить. Это касалось не только их познаний и искусного преподавания. Не менее важно было то, какими людьми они были. А большинство являли собой представителей русской интеллигенции, русской университетской профессуры, что несравнимо ценнее, чем категория просто интеллектуалов. Последних намного больше, чем людей не только умных, но достойных, с которых хотелось бы брать пример. Вообще большинство выходцев с истфака, по крайней мере, те, кто оказывался в моем поле зрения и профессионального интереса позже, подтверждали первые впечатления студенческих лет. На каких бы постах и в каких бы профессиях они не оказывались, то были порядочные люди. Кафедра новой и новейшей истории и истфак в целом обладают еще одной удивительной особенностью – магнетизмом. Сколько примеров того, как тот, кого жизнь забрасывала в другие сферы, многим позже возвращался на факультет.

До сих пор нахожусь под впечатлением, как будто и не прошло 30 лет, от лекций Надежды Михайловны Мещеряковой. Особо запомнилось ее преподавание истории рабочего движения и политической мысли Великобритании. Это была стройность логики, четкая выстроенность фактов. Сложнейшие явления раскладывались для студента, что называется, «по полочкам». Важно отметить, что визитной карточкой нашей профессуры было доскональное знание предмета, мало кто

из лекторов на кафедре зачитывал тексты. Большинство из них сами получали удовольствие от занятий, и причина была простой – они любили свой предмет. Надежда Михайловна прививала нам и усердие в работе со сносками – важнейшей части научного аппарата. Уже потом это превратилось в прописную истину – корректно применять сноски, что требует особого навыка, и правильно их оформлять. Но ведь поначалу студентам такие «мелочи» казались неважными.

В историю Британской империи мне помог окунуться Лев Николаевич Еремин. Его спецсеминары были неспешными, глубокими, насыщенными и деталями, и ценными общими наблюдениями и выводами. Его амплитуда знаний впечатляла. К нам он относился снисходительно, был добр и терпелив. Его спокойное и слегка ироничное лицо и сейчас стоит у меня перед глазами, а в ушах звучит его негромкий и неторопливый голос.

Своим выбором в пользу новейшей истории Англии я обязан Сергею Александровичу Соловьеву, непревзойденному знатоку истории Британии периода Первой мировой войны, да и последующей английской социально-экономической и политической истории. Но и так сказать – значит сказать мало. Речь идет о глубоком знании всего периода новой и новейшей истории. И все же для меня Сергей Александрович был важен в первую очередь как англовед. Не исключаю, что без общения с ним мое решение после окончания университета профессионально заняться англоведением было далеко не гарантировано. Он сыграл большую роль в том, что моя дипломная работа получила высокую оценку, хотя, возможно, была чрезмерно переполнена материалом, собранным мной на пятом курсе во время стажировки в Даремском университете, который не весь был должным образом обработан. Тогда сказывалось стремление максимально наращивать знания, а не более зрелое желание от накопленного объема знаний отсекал не самое важное для оптимальной подачи материала и его доказательности.

Сознательно говорю именно об общении с Сергеем Александровичем, а далеко не только о передачи знаний в формате «лектор – учащийся». Его лекции и семинары больше напоминали изложение-разговор. Он читал легко и непринужденно, с только ему присущим звучанием голоса. Я бы даже сказал, что Соловьев не столько читал лекции, сколько рассказывал нам об очень интересных вещах, которые у другого лектора могли превратиться в что-то скучное и невыразительное, что быстро забылось бы. Именно он научил тому, что и эконо-

мическая, и политическая история могут быть не просто интересными, но захватывающими, в том числе для еще мало знающих студентов. Помимо знаний об объективных категориях производительных сил и производственных отношений, ученики Соловьева получали удовольствие от того, как он подавал историю через фигуры политических деятелей, премьер-министров, одним словом – через человеческий фактор. Все последующие годы общения с Сергеем Александровичем я всегда знал, что он найдет возможность уделить внимание, дать нужный совет, откликнется на приглашение.

Кафедра новой и новейшей истории была полна незаурядными и уникальными людьми. Среди них Олег Стефанович Сороко-Цюпа, ученый чрезвычайно разносторонний. Начав как кореист, он позже стал непревзойденным знатоком Канады, но кроме этого читал нам общие курсы по истории Европы и Америки, уделял много времени и британской истории. Помню его проницательный и заинтересованный взгляд.

В те годы я познакомился с Василием Николаевичем Истратовым, хотя по-настоящему знакомство, а не просто общение с преподавателем, случилось многим позже. Во многом его занятия определили мои научные интересы в 90-е годы – это Лейбористская партия Великобритании, за которую я принялся после увлечения тэтчеризмом. Семинары он проводил непринужденно, был одним из самых интересных для студентов рассказчиков. Жизнь свела нас вновь с Василием Николаевичем по работе в фонде «Русский мир» году в 2009. Меня всегда привлекала разносторонность его знаний, прекрасная память, доброжелательность и редкое чувство юмора. Рад, что его таланты вновь в распоряжении кафедры. Причудливость судьбы заключалась и в том, что сам я сотрудничать с фондом стал по приглашению его основателя Вячеслава Алексеевича Никонова, выпускника истфака, трудившегося до конца 80-х годов на кафедре новой и новейшей истории. Сейчас он не только признанный крупный историк, но председатель комитета по науке и образованию Государственной Думы и декан факультета государственного управления МГУ.

Кафедра, а значит и англоведение, свели меня с Еленой Алексеевной Суслопаровой, с которой мы вместе с начала 2000-х годов участвовали в многочисленных научных дискуссиях, посвященных политической истории Британии XX века. Будучи ученицей С.А.Соловьева, она стала знатоком межвоенного периода в истории страны, особенно лей-

боризма, мастером политического портрета, в чем она пошла по стопам другого англоведа – профессора МГИМО Наталии Кирилловны Капитоновой. Со временем ее исследования и преподавание охватили все прошлое столетие. В изучении Англии связывало нас и то, что с небольшим перерывом каждый из нас получил стипендию фонда Веббов и вел исследовательскую работу в Раскин-колледже, ассоциированном при Оксфордском университете. А с фондом Веббов меня в свое время познакомила Наталья Михайловна Степанова, замечательный советский и российский историк и англовед, с кем мне посчастливилось работать в Институте сравнительной политологии РАН (бывший Институт международного рабочего движения АН СССР).

Сегодня исторический факультет уже не расположен в первом «гуме», как по традиции студенты называли первый гуманитарный корпус университета около вечного огня. Он переехал в современное просторное здание рядом с фундаментальной библиотекой МГУ. Кафедра новой и новейшей истории, как и весь факультет, продолжают свое служение науке и высшему образованию под руководством истфаковца Льва Сергеевича Белоусова, известного российского итальяниста, человека многих дарований. Несмотря на новое расположение, дух нашей кафедры сохранился, это знают те, кто учился тогда и работает или посещает ее сейчас.

В. Н. ИСТРАТОВ*

OVERQUALIFICATION

На кафедре новой и новейшей истории я попал случайно.

Написав эту фразу, я задумался. Жизнь давно научила меня, что случайного в ней нет, или почти нет. Каждый год, месяц и день судьба завязывает тебе особые узелки, развязать которые тебе предстоит в неведомом тебе пока будущем. Так, что пусть будет сказано, «закономерно», но, в любом случае, путь мой на нее был извилист.

Историком я хотел стать давно, со второго класса, шел туда, преодолевая попытки родных меня от этого отговорить, но, безусловно, хотел заниматься отечественной историей. Почему-то меня тянуло на международные отношения, и я еще на первом курсе решил, что надо бы заняться Антантой. Но когда надо было распределяться по кафедрам, единственный специалист по международным отношениям со стороны России, И. И. Астафьев, неожиданно скончался. Мои планы летели в пропасть. И тогда, по совету прекрасной Ии Леонидовны Маяк, я обратился на кафедру новой и новейшей истории ко Льву Николаевичу Еремину, и он согласился иметь со мной дело с прицелом на историю Антанты, но уже со стороны Великобритании.

Тут крылся существенный нюанс. Антантой я теперь собирался заниматься со стороны Великобритании, а учил в это время французский. Тем не менее, собеседование на кафедру я прошел. Может быть сыграла роль моя наглость, а может быть то, что я был круглый отличник. По крайней мере поверили, что английский я выучу.

Так что к третьему курсу, к началу специализации, у меня уже завязалось пара узелков – международные отношения и английский язык. С английским языком дело пошло сразу, а вот международные отношения пришлось на время забыть.

* Василий Николаевич Истратов – кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный посол.

Но сначала два слова про английский. Я принадлежу к поколению, что учило иностранные языки у учителей, которые в своем абсолютном большинстве никогда, НИКОГДА, не пересекали границ СССР и крайне редко имели возможность поучиться у «носителя языка». И тем не менее... Они учили так, что мы, их ученики, до сих пор можем легко и свободно, без акцента говорить, а также читать и писать на иностранных языках. Это был подвиг. И не только учителей. В нашем случае это был подвиг руководства факультета, которое обеспечивало студентам 10–12 часов иностранного языка в неделю и свою отдельную кафедру иностранных языков.

Вернусь к международным отношениям. Вот с нею случился облом. Лев Николаевич ушел в «докторантуру» и мне предстояло выбирать между спецсеминарами по Англии XVII века и национальным вопросам на Британских островах с уклоном на Ирландию.

Я выбрал Ирландию. Завязался еще один «узелок», а я получил своего Учителя. Артемия Дмитриевича Колпакова. Формально он был специалистом по историографии. Читал достаточно скучные лекции. Но душа его принадлежала Ирландии. Тут он оживал, вырастал и для нас, его учеников, превращался в фигуру вселенского масштаба, становился даже не учителем, а гуру.

Я многим ему обязан. К сожалению, как и Н. В. Сивачев, он умер очень рано. Но я всегда стараюсь сверять свою жизнь по нему. Редко остаюсь собой доволен.

Историки, как представители любой профессии, это корпорация. Часто наследственная. Предыдущий историк в моей семье, отец моего деда, родился в 1835, а Московский Университет закончил еще при крепостном праве. Приходилось находить себе место самому.

Если в аспирантуру кафедры я попал как бы по инерции, то дальше судьба становилась совсем невнятной. После кончины А. Д. Колпакова мной стал заниматься профессор О. С. Сороко-Цюпа. Он всю жизнь занимался Канадой, по моей теме знал немного, но был прекрасным методистом, а к тому же просто умным и порядочным человеком. Лучшего себе не пожелаешь. Но в плане дальнейшего трудоустройства это помочь не могло. Ему я был чужой.

Помогла опять наглость. Я решился и поговорил с Е. Ф. Язьковым, он поговорил с И. С. Галкиным, а тот собрался с силами и пошел к ректору. Пошел и попросил под меня ставку. Как опытный бюрократ, чтоб получить одну, он попросил две и через полгода. Но ему дали

две, притом дали сразу. Пришлось Володю Посконина отзывать из АН СССР, а меня отчислять из аспирантуры досрочно. Последнее мне косвенно помогло, поскольку я и защитился досрочно. Еще 25 не было.

А дальше без всякого моего участия стал завиваться еще один узелок. Меня стали тянуть в сторону административной работы.

Началом послужило чье-то решение направить меня «отрабатывать» ставку на факультете работой секретарем Комитета комсомола. Дальше понеслась. Сначала я едва отбился от назначения в аппарат ЦК ВЛКСМ (им я был интересен как кандидат наук на руководящей комсомольской работе). Мне помог Н. В. Сивачев, тогда секретарь Паркома МГУ, который мне строго сказал: «Вас не для этого брали на кафедру». Потом у меня были «смотрины» в аппарат ЦК КПСС. Про тот раз запомнилась фраза старого приятеля: «Дворянину идти работать в ЦК?». Мне самому такая мысль в голову не приходила. И уж затем, со второй попытки, меня «зазвали», именно зазвали, каждый раз без моей инициативы, в МИД.

Уходил я в МИД без энтузиазма. Помог развеять сомнения наш декан Юрий Степанович Кукушкин, у которого я к тому времени был уже восемь лет заместителем. Он сказал: «Идите, но не поступайте, как Фет». Я, честно говоря, не знал, как поступал Фет. Оказалось, что, будучи выпускником Московского Университета, Фет, проезжая мимо его корпусов, останавливал извозчика, вылезал, плевал на университет и уезжал. Причина так и осталась неизвестной.

Дипломатическая служба в сто раз более корпоративно замкнутая структура, нежели историки. Почти все они выпускники МГИМО. не просто выпускники. Как-то раз я сообразил, что почти у всех моих мидовских приятелей либо папа, либо тесть посол. У одного и папа, и тесть, а еще у одного и папа, и мама послы. Выпускники МГУ, в том числе с исторического факультета, это редкая рыбешка, а послами из них становились единицы. Я, например, могу за всю историю МИД назвать только пятерых, включая себя. Правда один из нас, Володя Воронков, сейчас заместитель генсекретаря ООН. А это многого стоит.

Так что же помогало не затеряться? Школа кафедры, школа факультета, школа МГУ. Там я получил энциклопедические знания, прошел школу как искать, находить и понимать суть вопросов, научился грамотно излагать свои мысли на бумаге, в том числе писать на английском и переводить с английского. И все это я умел не хуже, а лучше выпускников МГИМО. Стеснения и робости не было, даже когда

приходилось без предупреждения брать на себя обязанности переводчика президента.

Основную часть своей работы в МИД я посвятил российско-американским отношениям. С 1996 по 2006 гг. я был заместителем, а потом первым заместителем директора Департамента Северной Америки. Но был у меня и перерыв, когда я был посланником в Ирландии (еще один узелок развязался). Там я сформулировал четыре требования к своим подчиненным. «Российский дипломат в Ирландии должен уметь писать на русском, говорить на английском, уметь самостоятельно водить машину и не пить запоем». Вроде не много. Но лишь один, кстати выпускник ИСАА, соответствовал всем четырем, один трем (онпил запоем), а каждый из остальных только двум.

Один момент требует особенного внимания. Я проработал в МИД двадцать лет. Все работники МИД обязаны проходить повышение квалификации каждые три года. Я не проходил их ни разу. Хотя базового образования не имел. Но того, что получил на кафедре, мне хватило с избытком.

Было бы нечестно не сказать, что часть моего опыта из МГУ мне мешала. Что? Откуда-то взявшееся убеждение, что работа должна доставлять удовольствие и уверенность в том, что справа, слева, сверху и снизу у тебя друзья. Первый момент еще удавалось компенсировать, переходя на новые направления. Например, самым счастливым периодом для меня была вторая половина 90-х, когда я ходил на работу с постоянным ощущением счастья. Было жутко интересно, а, кроме того, была уверенность, что приношу пользу. Да и люди вокруг подобались прекрасные. Мы до сих пор встречаемся. Но такое везение вечным не бывает.

Ну и в завершение. Помню, я был начинающим работником МИД, но уже стал заместителем начальника управления, а мне не было и сорока, да еще и кандидат наук. Разумеется, меня стали заманивать в докторантуру Академии госслужбы. Тогда я спросил у своего одногруппника по кафедре, Артема Рудницкого, он после выпуска всегда работал в системе МИД (в тот момент он был проректором Дипакадемии), что он посоветует. Он переспросил, докторская? Для МИД это overqualification. Он был прав.

М. А. ЛИПКИН*

ВОСПОМИНАНИЯ ПОКА ЕЩЕ НЕ ОЧЕНЬ СТАРОГО ВЫПУСКНИКА КАФЕДРЫ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ (выпуск 1998 года)

Мое попадание на исторический факультет МГУ в 1993 году было связано с необычайным везением – я набрал на экзаменах полупроходной балл из-за массы стилистических ошибок в сочинении. Но судьбоносным решением тогдашнего декана Кукушкина все несколько абитуриентов с полупроходными баллами были зачислены вместе с основным потоком поступавших. В дальнейшем по иронии судьбы работа над стилем стала едва ли не профессиональным призванием. Пройдя школу истфака МГУ, аспирантуры ИВИ РАН, работы в редакциях разных сборников и альманахов я сам дорос до уровня тех, кто проверял мое вступительное испытание и должен признать, что они были совершенно правы. Но тогда я полагал, что это придирки и главное – глубина смысла излагаемого.

Наш курс был одним из тех, который педагоги в глаза называют «самым худшим», но по прошествии лет трех-пяти начинают вспоминать со слезами на глазах и умилением в голосе, ставя в пример вновь пришедшим – мол, «вот были выпускники, не то, что вы, неучи!». И так повторяется, по-видимому, каждый год.

На третьем курсе мне второй раз посчастливилось попасть не просто на кафедру новой и новейшей истории, а на только-только открывшуюся в середине 1990-х (в 1995 году?) специализацию «история международных отношений» – название, манившее своей новизной и безграничностью. Уж и не помню, что я отвечал на собеседовании строгому Александру Серафимовичу Манькину, когда нас отбирали на эту новую кафедральную программу обучения. Помню что было

* Михаил Аркадьевич Липкин – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН.

безумно интересно и я действительно испытывал внутреннее желание не подвести кафедру, оказавшую мне такую честь стать первопроходцем в этом новом направлении.

Как теперь я понимаю, конечно, открытие нового направления означало совершенно новую линейку курсов для преподавателей кафедры и тут, как это часто бывает с новыми программами, не будучи обкатанными на студентах-первопроходцах, нам читали увлеченно, но с явным «перегрузом» относительно наших способностей усвоить и переварить новый материал. Тем не менее, даже в не совсем систематизированном виде информация «цепляла» и западала в душу. Нам читали эксклюзивные кафедральные курсы и вели семинары: строгий и педантичный А. С. Маныкин по истории международных отношений, романтический и увлеченный Р. А. Сетов – по теории международных отношений, грозный и требовательный (но глубоко в душе добрый) В. И. Терехов – по исторической географии, добрый и понимающий С. А. Соловьев – по экономической истории.

Конечно, для каждого студента есть педагоги вообще, а есть «свои» учителя – те, кто повлияли на формирование вкусов, интересов, кому хотелось в чем-то подражать, с кем интересно было поспорить. Для меня это были два связанных с международной специализацией человека: преподаватель английского Наталья Вадимовна Клименко и мой научный руководитель Лев Николаевич Еремин.

Наталья Вадимовна была уникальным педагогом, «последним могоканином» из преподавателей иностранных языков, которая не ушла в период раскола на факультет иностранных языков, а осталась до конца своих дней верной кафедре иностранных языков именно исторического факультета. Она готовила именно специалистов кафедры новой и новейшей истории – нас, будущих международных не очень понятного тогда, но казавшегося безбрежным и полным возможностей нового мирового порядка. Она была прекрасный педагог-практик, полный юмора и самоиронии, которая постоянно разрабатывала и совершенствовала методики и материалы, заставляя нас с листа переводить статьи из *«The Economist»*, учиться понимать современный английский слэнг и вообще не пасовать даже в самой безнадежной лингвистической ситуации. Она была главным оппонентом попыток свести преподавание иностранных языков на истфаке к пассивному «чтению и переводу со словарем». Откровенно говоря, можно было рваться на

кафедру только ради возможности учиться у такого педагога и, кстати, именно она посоветовала мне пойти на это направление, за что я ей безмерно благодарен.

Лев Николаевич Еремин – один из самых колоритных преподавателей кафедры, обаятельный и галантный, он как будто сошел со страниц английских романов. У нас он устойчиво ассоциировался с британским колониализмом и кто-то даже предлагал подарить ему пробковый шлем на день рождения. Он обладал прекрасным артистическим талантом и был по-своему уникальным педагогом, но мастером именно устного жанра. У него практически не было публикаций, хотя он безумно много читал, смотрел, слушал и учил писать других. Он был как Паганель – один-единственный раз в советский период ему удалось побывать в Великобритании и с тех пор до конца своей жизни он ни разу так и не побывал на берегах Туманного Альбиона. Но зато знал о нем абсолютно все.

В силу вышеуказанных причин к нему обычно шли в дипломницы девушки. Я же пошел из интереса к Великобритании и желания поспорить. Однако должен сказать, что с ним не сразу я нашел общий язык, пока не понял его метод обучения. Моментом откровения стала неделя перед защитой диплома, когда я вдруг узнал от Льва Николаевича, что диплом надо переделывать и, по его мнению, тема не раскрыта. При этом он ничего не писал и не предлагал, а говорил лишь наводящими фразами. В великом гневе и досаде я ринулся в Ленинку и, помнится, сделал то «свое» небольшое открытие, из которого потом выросла интрига и логика одной из глав диплома. В итоге диплом его устроил и я успешно успел вовремя защититься.

Какое-то время я даже дулся на него за то, что со своими театральными эффектами он чуть не довел меня до провала на защите. Но потом, уже будучи аспирантом Института всеобщей истории РАН, я понял его подход и стал больше общаться с ним и зауважал его безмерно. Его метод заключался в том, что он, «задевая» студента иронией и интригой, заманивал его самого разобраться в сути явления, выстроить систему аргументов, раскрыть себя. Он не принадлежал к тем преподавателям, которые по-школьному расписывают пошагово что, где и как искать. Он работал мастерски, но, должен сказать, этот авторский метод доведения до отчаянья с целью заставить студента раскрыть свой потенциал самостоятельно при очень тонком «внешнем» руководстве подходит далеко не для всех.

Говоря о кафедре новой и новейшей истории в тот период «бури и натиска» второй половины 1990-х годов, хочется отметить, что она давала крайне важный момент общения на равных со «старшими» – старшекурсниками и выпускниками, которые стажировались в США, проходили практику в МИДе, поступали в аспирантуру западных университетов. Я не был «краснодипломником» и потому не претендовал на то, чтобы остаться на кафедре новой и новейшей истории после выпускного. Некоторые из однокурсников передавали отдельные предметы ради «красных корочек». Имея полученные на первом курсе тройки по археологии (полученную у самого Д. А. Авдусина) и по отечественной истории до XVIII века, я их не передавал и не считал и не считаю круглых отличников показателем потенциала для дальнейшей научной карьеры. О перспективах будущего ученого говорят не оценки на экзамене, которые во многом являются рулеткой удачи, о перспективах говорят дипломные и курсовые – те работы, где автор имеет возможность проявить свой интерес и показать себя, работа на семинарах, вовлеченность в дополнительные от основной сетки расписания семинары и занятия. Для ученого важно, как человек формулирует мысли и насколько развивает свой кругозор. Зубрежка фактов и дат, ярких цитат лектора для получения лучшей оценки при сдаче ему экзамена – конъюнктурные моменты, известные всем старшекурсникам, но абсолютно ненужные в дальнейшей карьере и по жизни. Мои навыки написания рефератов, докладов, построения ответов, оформления цитирований, введений-заключений, разных уровней обобщения – это школа, полученная на кафедре Новой и новейшей истории, это не просто марка «МГУ» в дипломе, это базовые навыки, которыми как позже выяснилось, владеют далеко не все выпускники истфаков.

Д. Н. НАЗАРБАЕВА*

ВОСПОМИНАНИЯ О КАФЕДРЕ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОSOBA

Студенческие годы и учеба в аспирантуре в Московском государственном университете – один из самых важных и насыщенных периодов в моей жизни.

Навсегда запомнилась удивительная атмосфера исторического факультета и нашей кафедры новой и новейшей истории. Здесь всегда царил дух подлинно научного знания, глубокого изучения предмета, уважения к коллегам и студентам.

Но главное, что сохранилось в памяти – выдающиеся Ученые и Учителя.

Профессор Евгений Федорович Языкков. Возглавлял кафедру новой и новейшей истории стран Западной Европы и Америки. Помню, что воспринимался всеми нами, студентами и аспирантами как царь и бог. Его имя произносили шепотом в благоговейном уважении.

Заведующий кафедрой древних языков профессор Андрей Чеславович Козаржевский. Читал лекции по истории мирового искусства.

Он привил особое отношение к культуре и искусству, которые не знают границ. Мы практически жили в музеях, церквях, монастырях. Благодаря его лекциям привычное становилось необычайно интересным, живым, с глубокой и древней историей.

Лекции Андрея Чеславовича пробудили у меня интерес к латыни – она для меня стала совсем не «мертвым», а живым универсальным языком культуры. К тому же здорово помогает развивать логическое мышление.

Профессор кафедры археологии Даниил Антонович Авдусин.

Потрясающе интересные лекции. Но самые большие впечатления, конечно же, с археологической практики в Смоленске и Новгороде. За-

* Дарига Нурсултановна Назарбаева – кандидат исторических наук, доктор политических наук, председатель Сената парламента Республики Казахстан (2019–2020).

одно и российскую провинцию увидела: уютную, красивую, богатую хорошими добрыми людьми.

Профессор Ирина Владимировна Григорьева. Научный руководитель моей кандидатской диссертации.

Диссертация была посвящена политике в послевоенной Италии (принятие конституции 1947 года). Писалась со всеми советскими условиями (как же без них то?!), но Ирина Владимировна, блестящий специалист по итальянской истории, превратила научную работу над диссертацией в глубокое и невероятно интересное погружение в мир быта, нравов и традиций Италии. Вспоминаю это время с огромной теплотой и благодарностью.

А еще?

Вспоминается масса примет времени.

Осенний выезд на картошку под Можайск, практика на московской овощебазе, где перебирали капусту.

Диета на картофеле и макаронах с сыром. На сладкое – бутерброд из печенья и шоколада, купленных в местном продуктовом.

Вечерние посиделки, студенческие приколы... Воробьевы – тогда еще Ленинские – горы...

Теперь мне это время кажется удивительным и прекрасным. Зачеты, экзамены, бессонные ночи... Тогда было полное ощущение, что это никогда не закончится... Мечтала о времени без экзаменов.

Я всегда с особой гордостью говорю, что училась в МГУ. На историческом факультете. На кафедре новой и новейшей истории.

Моя юность. Моя любовь.

В. А. НИКОНОВ*

О КАФЕДРЕ

В ноябре 2019 года оказался я на заседании «Клуба Астана», который собирает ежегодно Нурсултан Абишевич Назарбаев. Людей было немного, но я поймал себя на мысли, что за столом – четыре выпускника кафедры новой и новейшей истории. Спикер казахстанского Сената Дарига Назарбаева. Посол Казахстана в трех важнейших странах Кайрат Абусейтов. Руководитель американского Центра национальных интересов и мой соведущий по телевизионной «Большой игре» Дмитрий Саймс. И ваш покорный слуга.

А сколько еще таких столов у меня было в разных странах! Наши – везде. И наши – везде на высоте.

Кафедральное воспитание у меня началось с рождения: мой отец ведь тоже учился и работал на кафедре – с перерывом на Великую Отечественную.

На кафедре прошла большая и важная часть и моей жизни. Может быть, лучшая.

Появился я на кафедре в 1975 году, в девятнадцать, и провел на ней 14 незабываемых лет – от третьекурсника до доктора наук. Это был мой дом, моя большая семья. Место творчества и настоящего взросления, окно в большой глобальный мир и школа настоящих человеческих отношений.

Кафедра – это люди. Замечательные люди, выдающиеся учителя, которые всегда с нами.

Все знавший и все видевший Илья Саввич Галкин, который в меня поверил.

Начинавший работать в пять утра Николай Васильевич Сивачев, наставник жизни, ответственности, четкости.

* Вячеслав Алексеевич Никонов – доктор исторических наук, декан факультета государственного управления МГУ, председатель Комитета Государственной Думы по образованию и науке.

– Лежа на диване, не делается ничего великого, – справедливо говорил он.

Евгений Федорович Язьков, научивший думать головой и писать, как надо. Объяснивший секрет своих блестящих лекций и преподавательского мастерства:

– Первые тридцать пять лет будет тяжело, а потом попроще.

Умный и язвительный Александр Серафимович Манькин, опекавший нас – молодняк – и неизменно предупреждавший:

– Каждый человек – кузнец собственного несчастья.

Добрейшей души Юрий Николаевич Рогулев, введивший в мир американистики. Феерическая, взрывная Мария Ивановна Орлова. Интеллигентнейший Анатолий Васильевич Адо. Блистательный Владислав Павлович Смирнов. Загадочная умница Ирина Владимировна Григорьева. Ироничный Игорь Петрович Дементьев. Добродушный интеллектуал Сергей Александрович Соловьев... Учиться у них было и везением, и удовольствием.

Кафедра – это и друзья на всю жизнь. И Лева Белоусов, с которым еще в школе вместе учились и комсомолом на факультете заведовали. И Саша Кормилец, Катя Наумова, которые и сейчас замдеканствуют на факультете госуправления.

И пусть простят меня все не поместившиеся на эту одну страницу коллеги, которых не назвал. Вас я тоже хорошо помню и люблю.

Кафедра, как мне уже очевидно, отлично готовила ко всем возможным жизненным коллизиям. Где бы я потом ни трудился, я был уверен, что все, чему научили, не подведет. И не подводило.

Желаю неиссякаемого творчества и благодарных студентов!

Д. САЙМС*

ГОРЖУСЬ ИСТФАКОМ

Кафедру новой и новейшей истории исторического факультета МГУ я по-настоящему оценил только после того, как эмигрировал в Соединенные Штаты и начал преподавать в американских университетах. Тогда я понял, что по общему уровню она никак не уступала лучшим американским вузам, что некоторые сотрудники, в их числе мой научный руководитель Евгений Язьков, специалист по американской истории, были не только прекрасными преподавателями, но и очень серьезными учеными.

Попал я на кафедру несколько необычным образом: меня исключили из списка студентов дневного отделения истфака после спора о Брестском мире с заведующим кафедрой истории КПСС профессором Наумом Савинченко. Он требовал моего полного изгнания с факультета, но заместитель декана по научной работе, впоследствии декан исторического факультета Юрий Кукушкин проявил гуманность и позволил мне остаться на заочном отделении. Он был человеком масштабным и по своему настрою одним из тех реформаторов в системе, о которых говорил впоследствии Евгений Примаков. Позже у меня возникли дополнительные проблемы в связи с обвинениями, что я на студенческом митинге в Доме дружбы народов якобы поддерживал агрессию США во Вьетнаме, что тоже, естественно, не помогло моему статусу в университете.

Постоянную работу тогда найти было очень сложно, я подрабатывал какое-то время, где получалось. Неожиданно, используя связи моего отца, в свое время преподававшего в МГИМО, мне удалось поступить в Институт мировой экономики и международных отношений младшим научно-техническим сотрудником. Я занялся внешней по-

* Дмитрий Саймс – американский политолог, председатель и главный исполнительный директор Центра национальных интересов, издатель и генеральный директор американского журнала «*The National Interest*».

литикой, и мне показалось логичным в этих условиях, если уж продолжать учебу, пойти на кафедру новой и новейшей истории, сфера научных интересов которой пересекалась с тем, чем я занимался в ИМЭМО. Я пришел к профессору, тогда еще доценту Е. Ф. Язькову, который был главным американистом кафедры, он знал про мою ситуацию и практически немедленно сказал, что меня можно зачислить, но существовала маленькая проблема: у кафедры не было заочного отделения. Однако, учитывая, что я работал в ИМЭМО, в ведущем профильном институте, мне разрешили заниматься заочно, работая целый день в институте.

Я проводил меньше времени на кафедре, чем большинство учащихся дневного отделения, и тем не менее сумел достаточно познакомиться с профессорами и студентами. Наибольшее впечатление на меня производил профессор Язьков, который был не только выдающимся специалистом, но и замечательным человеком, русским интеллигентом в лучшем смысле этого слова, человеком благородным, думающим, очень серьезно относившемся к своему предмету. До какой степени профессор Язьков был хорошим специалистом, я понял тоже только спустя несколько лет, оказавшись в Соединенных Штатах, когда смог сравнить его с американскими специалистами, когда своими глазами увидел, как ведущие американские историки реагировали на него, с каким уважением о нем говорили.

Второй американист, Николай Сивачев, который несколько лет занимал должность заместителя декана по учебной работе, был из другого теста. С самого начала у меня с ним не сложились отношения, потому что для него, выходца из простой семьи, возможность получить университетское образование, особенно в таком месте как МГУ, казалась высшей ценностью. И когда кто-то приходил и начинал заниматься, по его мнению, всякой чепухой, – это ему глубоко претило, даже независимо от какого-то давления официальных инстанций. Впрочем, впоследствии, когда я заново познакомился с ним, уже живя в Вашингтоне, мы, что называется, нашли друг друга, много общались, и, как мне кажется, прониклись взаимной симпатией.

Из других профессоров на факультете я особенно запомнил Петра Зайончковского, который был действительно историком международного класса, он специализировался по истории России XIX века и преподавал ее, скажем прямо, очень необычно для советского вуза. Например, мы изучали Табель о рангах российской государственной

службы, узнавали все, что только можно было узнать о разнице между дворянством по выслуге и потомственным дворянством, узнавали, как была организована в целом российская структура власти и как в России принимались законы, причем все это давалось с минимальной отсылкой к идеологии и всегда с большим знанием и реальной любовью к предмету.

Предмет, которому я не мог уделить достаточно внимания, являясь заочником, – английский язык. Мне разрешили, как заочнику, ограничить посещение занятий только двумя разами в неделю, тогда как студенты дневного отделения кафедры посещали эти занятия пять раз в неделю. Разница была очень большая, и когда я приехал в США, я отчетливо понял, чего сам себя лишил. Те, кто на кафедре серьезно занимались иностранным языком, могли свободно читать и, как правило, свободно говорить на языке той страны, которую изучали.

Мое пребывание на кафедре было относительно недолгим. В 1969 году, когда я заканчивал университет, мне дали рекомендацию в аспирантуру, рекомендацию в общем, а не целевую в аспирантуру истфака, хотя Язков считал, что я этого заслуживаю и рекомендовал меня для этого. Я решил последовать совету Язкова и попробовал сдать экзамены, это закончилось полным фиаско: я получил тройку по специальности, что, естественно, ставило точку в любом разговоре о поступлении. Это сопровождалось небольшим скандалом, потому что профессора, принимавшие экзамен, совещались за фанерной перегородкой, отделявшей их от коридора, где сидели студенты, и говорили достаточно громко. Особенно наезжавший на меня во время экзамена профессор Николай Мочульский, известный своей закостенелостью, активно давил на других экзаменаторов. После того, как я получил тройку, несколько возмущенных студентов под предводительством парторга курса Марка Шкундина даже написали письмо в «Литературную газету». Кстати, на дальнейшей судьбе подписавшихся это никак не отразилось.

Но мне достаточно быстро стало ясно, что насильно мил не будешь, и бороться за то, что, в общем-то, мне не очень было нужно, не стоит. Тем более, к этому моменту в ИМЭМО мне дали тему и вновь пришедший первый заместитель директора Евгений Примаков сказал, что мне не надо ни за что больше бороться, не надо даже сдавать никакие новые экзамены в аспирантуру ИМЭМО, что меня сделают соискателем и дадут достаточно времени, чтобы заниматься диссертацией,

и что ко мне здесь гораздо более расположены, чем на истфаке, где у меня была бунтарская репутация. В ИМЭМО к тому моменту я был уже замсекретаря комитета комсомола, и Примаков сказал, что всем будет только лучше, если я пойду по этому пути, что и произошло.

Но главное мое воспоминание об истфаке действительно связано не с тем, что я понял, учась в Москве, а с тем, что я понял, преподавая в таких американских университетах как университет Джонса Хопкинса, Калифорнийский университет Беркли и Колумбийский университет. Я понял, что несмотря на идеологический характер факультета, несмотря на достаточно жесткие рамки, которые существовали, там давалось серьезное историческое образование, и не только по советским, но и по мировым стандартам. Я понял нечто не менее важное, что мое несколько пренебрежительное отношение к профессорам, которые должны были руководствоваться официальной линией, было не до конца справедливо, потому что в американских университетах и мозговых трестах, хотя и отсутствовало давление со стороны какой бы то ни было партии и правительства, существовало большое никем формально не определявшееся правило быть конформистом и соответствовать какой-то общепринятой линии. Конечно, всегда бывали исключения, как они бывали и в Московском университете, но в общем-то те, кто в политических науках занимали позицию, существенно отличную от сложившегося консенсуса, сами, хотя их, безусловно, не выгоняли за это и не лишали перспективы получать повышение, ограничивали свою возможность быть услышанными и тем более иметь какое-то реальное политическое влияние, к которому люди этой профессии, естественно, стремились. При том, что в России и США разные политические системы, и к тому же есть и серьезные отличия в политических культурах, природа человека, как правило, берет свое, даже в самых сложных условиях талантливые и энергичные ученые и в той и в другой стране находили возможность вносить значительный вклад в свою научную дисциплину, а другие использовали объективные, а иногда и надуманные препятствия, чтобы объяснить свои скромные результаты.

Н. К. СВАНИДЗЕ*

КОГДА МЫ БЫЛИ МОЛОДЫМИ...

Прежде чем начать писать, я позвонил своему старинному близкому другу, однокурснику и выпускнику той же кафедры Чрезвычайному и полномочному послу Василию Николаевичу Истратову. И говорю ему: «Вася, вот мне самому трудно сообразить, а ты меня помнишь во все времена. Вот какой я был до поступления на кафедру и после нее?». А Василий Николаевич мне отвечает: «Коля, все очень просто. До ты был раздолбаем, после ты стал человеком».

Это чистая правда. Конечно, волшебное превращение меня из раздолбая в человека имело, вероятно, разнообразные причины. В том числе, естественные возрастные изменения. Но, несомненно, кафедра новой и новейшей истории сыграла в этом действе не последнюю роль.

Напомню исторический контекст. Речь идет о курсе 1972-го года поступления. Времена глухие, начало расцвета застоя, водка двух видов – эконом-вариант – 3 рубля 62 копейки, бизнес – 4.12. Но это для публики бездуховной. Молодые аристократы духа, юная советская интеллигенция, предпочитают то, что в ту пору звалось портвейном. Как ухитрились совмещать это с учебой непонятно, но многим удавалось.

Распределение по кафедрам было, как всегда, в конце второго курса. На Новую и Новейшую из моих дорогих однокурсников пошли, в частности, две подружки-красавицы Женя Обичкина и Маша Трояновская, мои друзья Артем Рудницкий, Вася Истратов, Женя Кожокин. Приемное собеседование у меня принимали два американиста – Евгений Федорович Язьков, который потом стал моим научным руководителем, и Игорь Петрович Дементьев. Разговор был по форме не жесткий, но это не должно было вводить в заблуждение. Вопросы задавались неслучайные: с чем связан интерес к кафедре, знание языка

* Николай Карлович Сванидзе – тележурналист, директор Института массмедиа РГГУ, член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека.

и общий уровень. Надо сказать, что эту манеру ведения разговора я усвоил и долгие годы спустя сам, проводя собеседования в различных гуманитарных вузах, к ней с удовольствием и успехом прибегал: что читаете, кого из русской классики предпочитаете и почему, кого из зарубежной. Я тогда, как сейчас помню, читал Ремарка, и Язьков по ассоциации заговорил со мною про Хемингуэя. Причем это не был пустопорожний треп. Меня проверяли на организованность мысли и способность формулировать. Дементьев был настроен элегично, больше молчал и вежливо улыбался. Меня приняли. Увидев себя в списке на стене возле деканата, я был счастлив.

Американисты тогда рулили кафедрой. Их было трое, старших. Кроме Язькова и Дементьева, еще Николай Васильевич Сивачев. На самом деле, завкафедрой был не американист, а великий Илья Саввич Галкин, человек «бывшего времени» и широчайшей эрудиции, в прошлом ректор МГУ. Тогда он казался нам очень старым, хотя было ему всего за 70 и жить и трудиться ему предстояло еще более полутора десятилетий. И потому скорее не возраст, а разнообразная занятость и пришедшее с огромным жизненным и административным опытом умение абстрагироваться от необязательных мелочей, явились причиной того, что, осуществляя стратегическое руководство кафедрой, он не считал нужным демонстрировать себя восхищенным младшим коллегам, аспирантам и студентам в ежедневном режиме. У меня, и не только, было впечатление, что практической регулярной работой кафедры руководит Сивачев, человек талантливый, яркий, рано ушедший. Они чем-то походили друг на друга с Язьковым, и внешне, и стилистически. Оба поджарые, с фактурными, «нездешними», этакими сенаторскими лицами и богатыми шевелюрами. Только у Сивачева она была смоляная, без единого седого волоса, а у Язькова – платиновая. Еще ростом Сивачев был повыше и намного моложе. Но оба одинаково энергичны, по манере слегка суховаты, со спокойным бесстрастным юмором, блестящими профессиональными знаниями и фантастической памятью. Как экзаменаторы оба были страшны. Не свирепостью, а конкретностью и неотступностью. Их невозможно было заговорить, «налить воды». Они требовали знаний.

Я, конечно, лучше знал Евгения Федоровича Язькова, был у него в семинаре. Он заходил в аудиторию минута в минуту и прямо от двери, поздоровавшись, начинал читать. Читал лекции ровно, не акцентируя,

не делая пауз и не меняя темпа, словно, наизусть. Но эта манера завораживала. О содержательности нечего и говорить.

Атмосферу на кафедре я бы охарактеризовал, как подчеркнуто академичную. Не было церемонного раскланивания и целования дамам ручек, но не было и фамильярности. Умеренно старомодный, уважительный стиль классического университета. И еще отсутствовала напыщенная и лживая идеологизированность, которая в то время у нас, молодых людей, вызывала аллергическую реакцию.

Вот этот благородный стиль, дружелюбная атмосфера и собственная юность – и есть Кафедра.

В. А. ТИШКОВ*

МАРТИН МАЛИА, ИСААК ДОЙЧЕР И МОЙ ПЕРЕХОД НА КАФЕДРУ

После обучения на первых двух курсах истфака МГУ (первый курс был в формате заочного обучения, чтобы заработать трудовой стаж) перед нами встал вопрос специализации по кафедрам. По какой-то причине я выбрал кафедру «История КПСС» – самую серьезную с точки зрения предмета и состава как преподавателей, так и студентов (на нее записались почти исключительно ребята с армейским стажем и даже некоторые из них уже были членами партии). Чего меня туда занесло, сказать трудно, но помню, что хотел сначала идти на кафедру этнографии, но там было много желающих, и мой сосед по общежитию Марат Дурдыев попросил меня уступить ему это место, ибо он и приехал в Москву, чтобы стать этнографом и изучать потом свой туркменский народ. Так оно и получилось: ныне уже покойный Марат Бяшимович Дурдыев стал известным этнографом в своей республике. А вот у меня с выбранной специализацией получилась неудача.

На 3-м курсе я уже проживал в общежитии на Ленинских горах, где познакомился с американским стажером Мартином Малиа. Мартин был старше, у него в 1961 году уже вышла книга «Александр Герцен и рождение русского социализма», он был очень активным, имел обширные контакты, включая встречи с Анной Ахматовой и некоторыми людьми, которые стали затем известны как «диссиденты». Именно он дал мне почитать на английском языке книгу Исаака Дойчера «Сталин. Политическая биография», из которой я впервые прочел о таких страницах нашей истории, как репрессии и депортации, о чем и посмел высказываться на кафедральных семинарах, которые у нас вел доцент Ацаркин. Это вызвало недовольство на кафедре и заведующий профессор И. В. Савинченко распорядился обсудить мое поведение на

* Валерий Александрович Тишков – доктор исторических наук, академик РАН, член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, научный руководитель ИЭА РАН.

собрании партийной ячейки кафедры. Стало понятно, что здесь мне будет трудно и вообще – это не мое.

Не дожидаясь репрессалий, я обратился к заместителю заведующего кафедрой новой и новейшей истории стран Западной Европы и Америки Е. Ф. Язкову с просьбой разрешить мне перевестись на эту кафедру. «Я знаю английский язык, знаком с зарубежной литературой и хочу заниматься зарубежной историей стран Запада», – сказал я тогда молодому профессору с его всегда доброжелательной улыбкой и мягким голосом. Евгений Федорович меня услышал и дал добро на переход. Так в середине первого семестра 3 курса (это был конец 1961 года) я «драпанул» с кафедры истории КПСС на новую и новейшую. И это было правильное решение.

На кафедре, помимо обычных предметов, сразу начал серьезно заниматься курсовыми, затем – дипломной работой. Сначала моим руководителем был Даниил Ефимович Меламид – известный историк-германист, только что защитивший докторскую диссертацию, автор книг по истории фашистской Германии, который работал на кафедре по совместительству. Темой курсовой, а затем и дипломной стало послевоенное устройство мира в Европе. Затем Меламид, видимо, уехал работать за рубежом, и меня взял также молодой доктор наук и совместитель по кафедре Григорий Николаевич Севостьянов. Он при нашей первой встрече сказал мне запомнившуюся фразу: «Валерий, я сделаю из Вас историка». И хотя я позднее ушел и от «чистого историка» в пользу этнологии-антропологии, но его влияние и поддержка значили для меня очень много.

Написание диплома стало увлекательным приключением. Во-первых, я получил допуск в спецхран ФБОН, что была на улице Маркса-Энгельса. Там я смог читать изданные на Западе дневники-воспоми-

В. А. Тишков (справа). Слева – его однокурсник И. Л. Волгин, между ними – студентка из Италии. 1963 год, 4 курс истфака.

нения военных деятелей стран антигитлеровской коалиции (К. Хэлла, Симпсона, Трумэна, Черчилля и других), а также книги западных историков. На формулярах некоторых книг (были такие приклеенные кармашки с карточкой на оборотной стороне обложки) список их прочитавших был всего лишь из одной записи: «академику Майскому на дом». Но настоящим подарком было для меня привезенное из США еще одним американским стажером Теренсом Эммонсом 2-томное издание документов в серии «Foreign Relations of the United States», посвященное Берлинской (Потсдамской) конференции.

На этих по-настоящему свежих первоисточниках я и написал свою дипломную работу и успешно ее защитил на кафедре весной 1964 года. Это была работа на полторы сотни страниц и по нынешним меркам могла бы сойти и за кандидатскую диссертацию. Но свою рекомендацию поступать в аспирантуру я не использовал, ибо меня сманили поехать работать вузовским преподавателем в Магаданский государственный педагогический институт. Сманили закончившие на истфаке аспирантуру по кафедрам отечественной истории Владимир Николаевич Балязин и Марина Павловна Павлова-Сильванская. Им для создания там кафедры истории был нужен специалист по новой и новейшей истории. «Аспирантура от тебя не уйдет, а вот вузовская работа на краю Земли и с хорошей зарплатой – это здорово».

Так я оставил свою кафедру, но хорошие отношения с Е. Ф. Язковым сохранились надолго. Дальнейшая моя судьба была связана с МГПИ имени В. И. Ленина и Алексеем Леонтьевичем Нарочницким, а после окончания аспирантуры – с Академией наук СССР. Где и пребываю поныне, храня добрую память об университетских годах и своей родной кафедре.

А. С. ЧЕРНЯЕВ*

«ДВА СЛОВА» О КАФЕДРЕ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ИСТФАКА МГУ

Я заведовал этой кафедрой в 1950–1953 гг. в качестве «и.о.». Произошло это назначение неожиданно. Было жуткое время «охоты на безродных космономов» – позорнейшая в истории нашей страны антисемитская кампания на партийно-государственном уровне. Затеял ее Сталин в страхе перед «пятой колонной» на случай «войны с американским империализмом», которую он, судя по всему, готовил.

Последнее время руководил кафедрой Наум Ефимович Застенкер¹, блестящий лектор, строгий и доброжелательный преподаватель, уважаемый мужественный человек. (Однажды он бросился выручать женщину, которую пытались изнасиловать двое громил и... попал к Склифосовскому). Но... еврей. И поэтому подлежал снятию. Партбюро и деканат выдвинули на его место Колю Мочульского. Очень подходящий, потому что отъявленный антисемит. Но вмешался проректор МГУ Аркадий Лаврович Сидоров². Известный тогда человек, позже он был директором Института истории АН СССР. Внешне он напоминал «Петра Первого» из кинофильма. По натуре эдакий уцелевший «старорежимный» большевик, прямой, грубоватый, авторитарный и по-русски благородный интернационалист. Он вынужден был проводить «космополитскую» партийную линию. Кое-кого из «космополитов» ему удавалось сохранить для университета, во всяком случае, исхитрялся минимизировать вред этой кампании и для учебы, и для науки,

* Анатолий Сергеевич Черняев (1921–2017) – кандидат исторических наук, и.о. заведующего кафедрой новой и новейшей истории (1950–1953 гг.), помощник Генерального Секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева (1986–1991 гг.), в последние годы – руководитель проектов «Горбачев-Фонда».

¹ В тот момент Н. Е. Застенкер очень короткое время исполнял обязанности заведующего кафедрой. – *Прим. ред.*

² Подробнее об А. Л. Сидорове см.: Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. Под общ. ред. С. П. Карпова. М., 2004. С. 420–421.

и для «человеческих отношений» в студенческой и преподавательской среде.

Он «отвел» Мочульского и навязал истфаку меня. Когда к нему явились с возражениями, он, как потом дошло до меня, говорил: а почему не Черняев? – Тоже, как и Мочульский, фронтовик, тоже вступил в партию на Войне, тоже только недавно защитил диссертацию, успешно преподает. Правда, пассивен как общественник и не такой солидный на вид и по манере держаться и говорить, но это и не обязательно для руководства кафедрой.

Вот так я стал на три года «и.о.», пока меня не заменили Ильей Саввичем Галкиным, бывшим директором знаменитого ИФЛИ, «вли того» в МГУ в 1943 году¹.

Кафедра находилась на третьем этаже старинного дряхлого особняка по ул. Герцена, 5 (здесь был только истфак). Надо было подняться по скрипучей деревянной лестнице и за угол по коридору, еще три ступеньки за высокой двустворчатой дверью – и открывался большой круглый зал с колоннами по периметру. Окна – на Зоологический музей напротив через улицу. Сбоку в зале пять ступенек вниз и – дверь в большую комнату, заставленную стеллажами. Набор книг на всех мыслимых языках достоин был, наверно, по «древности» и ненужности какого-нибудь готического западноевропейского университета. Там же стоял стол для «и.о.», а хозяйкой была замечательная женщина, редкой интеллигентности со следами былой красоты, из «бывших».

Преподавательский состав – разнообразный и оригинальный. На первом плане – мэтры, профессора, зарекомендовавшие себя в науке еще до Войны. Борис Федорович Поршнева, на редкость одаренная личность, виртуозный блестящий лектор, человек феноменальной образованности. Он был не просто учитель, а друг студентов, которые его просто «боготворили». Возвышаясь над всеми, он умел держаться на равных, особенно, когда звал к себе домой и брал в руки гитару – этот почетный доктор Дижонского университета (уникальное явление в той нашей советской обстановке)². Возьмите в руки первый том учебни-

¹ МИФЛИ был объединен с МГУ в 1941 г., в период эвакуации. См.: Московский университет в Великой Отечественной войне. 2-е изд. М., 1985. С. 40; Летопись Московского университета. Исторический факультет. Под общ. ред. С. П. Карпова. М., 2009. С. 34. – *Прим. ред.*

² Б. Ф. Поршнева был почетным доктором Клермон-Ферранского университета. См.: *Вите О. Т.* Борис Федорович Поршнева и его критика человеческой истории

ка «Новая история» изд. 1950 года, где большинство глав и общая редакция принадлежали Поршневу. Вы поразитесь, как он, делая изящные реверансы в сторону классиков марксизма, умел писать учебный (!) текст увлекательно, живо, великолепным русским языком. Хобби Бориса Федоровича (над чем посмеивались) были экспедиции на Алтай – выслеживать «снежного человека». Тоже – штрих к оригинальности натуры¹.

Аркадий Самсонович Ерусалимский. Авторитетный германист, автор монографии «Бисмарк», написанной накануне Войны по личному заданию Сталина, который этой книгой хотел предупредить немцев против войны на два фронта. А.С. был на Войне корреспондентом то ли «Известий», то ли «Красной Звезды»². Оратор от бога, сочетавший в своих лекциях точность факта и метафоричность обобщений. По масштабам и смелости мышления, которые полностью раскрывались, конечно, только в узком, «доверительном» кругу, он не реализовал весь заложенный в нем творческий потенциал.

Хвостов Владимир Михайлович. Будущий академик и директор Института истории АН СССР, один из авторов знаменитой сталинской брошюры «Фальсификаторы истории», крупнейший тогда знаток международных отношений, германист. Спецкурсы Хвостова «очаровывали» строгостью стиля и «высокой научностью» аргументации. Он читал их стоя в кафедральном зале, в отдалении от стола, чуть расставив свои длинные ноги, которыми восхищались студентки. Неудобным, но насмешливым лицом он напомнил известного актера Басова.

// Французский ежегодник. 2005. С. 9; *Вите О. Т., Гордон А. В.* Борис Федорович Поршнев (1905–1972) // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 181–200; *Поршнев Б. Ф.* Поездка во Францию // Новая и новейшая история. 1958. № 3. С. 209–210. Упоминаний о присвоении Б. Ф. Поршневу почетных степеней Дижонским университетом в данных публикациях найти не удалось. – *Прим. ред.*

¹ Скорее всего, автор имеет в виду участие Поршнева в экспедиции на Памир (1958 г.). См.: *Вите О. Т.* Указ. соч. С. 28; *Поршнев Б. Ф.* Загадка снежного человека. Современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах. М., 2012. С. 95. – *Прим. ред.*

² В период Великой Отечественной войны А. С. Ерусалимский был корреспондентом и начальником иностранного отдела газеты «Красная звезда». См.: *Портреты историков. Время и судьбы. Т. II. Всеобщая история. Отв. ред. Г. Н. Севостьянов, Л. П. Маринович, Л. Т. Мильская.* М.–Иерусалим, 2000. С. 348.

С ним соперничал по популярности Исаак Израилевич Звавич¹ (кстати, мой научный руководитель). Звавич – англовед, до того работал в торгпредстве в Лондоне. Остроумный человек и лектор, оснащавший «логику истории» анекдотами и эпизодами чудачеств из личной жизни своих героев. Как «космополита» его «перевели» в Ташкентский университет². Он уехал (тяжелое было прощанье со мной, его учеником) и вскоре умер.

Появлялся иногда на кафедре, где формально «числился», легендарный академик Тарле. Снисходил до прочтения «вкрапленных» в чужой курс отдельных лекций. Это были настоящие «праздники», на которые сбегались студенты и аспиранты даже с естественных факультетов. К «молодому» и.о. он был снисходителен, доброжелателен, но и осторожен (время-то вон какое! и опять же – какое-никакое, но «начальство»). А он старый царедворец «талейрановской школы»). Иногда приглашал к себе домой в «Дом на Набережной», поил кофе и коньячком. Однажды, в один из таких моих редких визитов к нему, он подошел к полке, вынул книгу и говорит: «Вот, молодой человек... Каждый Божий день я беру в руки наугад том Герцена и читаю 2-3 страницы. Только 2–3 – не больше». Врезалось это в память на всю жизнь.

Профессор Ревекка Абрамовна Авербух. Специалист по Австро-Венгрии. Такая милая «бабушка», напоминавшая по внешности Мариэтту Шагинян. Запомнился такой отвратительный эпизод с нею. На кафедре шло очередное обсуждение – то ли диссертации, то ли какого-то курса лекций. Каждый раз в такие дискуссии тогда (иногда без всякого повода) прорывалась «страсть» выявить в обсуждаемом предмете и у автора «признаки космополитизма». Затевали, как правило, два доцента (о них ниже). На этот раз под их разоблачительную струю попала давнишняя книга Ревекки Абрамовны о Венгерской революции 1848–1849 годов и о погроме, который ей устроил Николай I. Естественно, в русле марксистско-ленинской историографии, царь был заклеямен. Так вот, теперь оказалось, что со стороны Авербух такая оценка – «антипатриотический выпад» (кстати, нечто похожее происходит у нас с историей сейчас). Грешен и я, ведший то заседание, не дал отпора этой очередной «охоте за ведьмами». Вся сжалась от обиды и оскорбления

¹ Имеется в виду Исаак Семенович Звавич (1904–1950). – *Прим. ред.*

² В указанный А. С. Черняевым период носил название Среднеазиатского государственного университета (САГУ). – *Прим. ред.*

старая почтенная еврейская женщина – профессор еще с довоенных времен.

Вышеупомянутые доценты – Бендрикова и Толмачев. Имена стали нарицательными даже за пределами кафедры. Фигуры одиозные своим вопиюще примитивным догматизмом, необразованностью, иногда просто невежеством. С «космополитией» наступил их «звездный час» – как для всякой завистливой бездарности в подобные моменты. Бендрикова вела французскую тему, Толмачев – австро-германскую. Но занимались они главным образом в те годы разоблачительством, и не только на кафедре. Толмачев, кстати, постоянно «давал понять», что он брат одного из тех, кто расстреливал Николая II.

В разоблачительно-покаянной эпопее случались просто трагикомические эпизоды. Шло большое факультетское собрание в актовом зале нашего особняка. Выходили ораторы и клеймили то одного, то другого из своих коллег. Дошла очередь до профессора нашей кафедры Владимира Михайловича Лавровского, крупнейшего знатока Английской революции XVII века. Кругленький, быстрый, добродушный, рассеянный – прямо как с экрана, когда показывали типичных советских ученых. Русский и по облику, и по всем своим манерам. Но «было указание»: чтобы маскировать антисемитскую суть кампании, выявлять «объективистский подход» и у некоторых неевреев. Прослушав всякие ругательные слова про себя, Владимир Михайлович выскочил на трибуну, распахнул свои короткие ручки и воскликнул: «Товарищи! Да посмотрите на меня: какой же я космополит!». Этот искренне наивный жест – едва ли не самое убийственное разоблачение антисемитского замысла «космополитии».

Иван Михайлович Майский (кстати, оппонент по моей диссертации, которую он, понятно, не читал, но на защите похвалил, указав на пару «неудачных фраз»). Долгое время, в том числе во время Войны, он был послом в Великобритании, сопровождал Сталина в Тегеран и Ялту. Никакой он не ученый. Но после дипслужбы Сталин его сделал академиком, а потом посадил. И освободился Иван Михайлович только после смерти вождя.

Работала на кафедре Каролина Франческовна Мизиано – из итальянских эмигрантов, бежавших от Муссолини. Щупленькая, быстрая, остро-горбоносая, с копной черных вьющихся волос и алмазными глазами, будто постоянно излучавшими удивление и негодование «всем, что происходит». Мы с ней очень подружились. Нас даже «подозре-

вали», но, признаюсь, не было ни малейших оснований. Ее квартира на ул. Горького была домом родным для всех московских и приезжих итальянцев, с которыми она перезнакомила своих русских друзей. В доме Мизиано образовалась, можно сказать, первая интеллигентская «кухня», которыми прославилась потом Москва как очагами неподцензурной мысли. Каролина Франческовна позволяла себе произносить такое, за что другой тут же остался бы без партбилета. Ее люто ненавидели Толмачев, Бендрикова, тот же Мочульский, их единомышленники. Но ее спасали остатки «коминтерновской совести» у наших местных вождей.

Она вырастила прекрасных специалистов по Италии, среди которых такие известные теперь ученые «широкого профиля», как Кирилл Холодковский, его жена Ира Григорьева, Нелли Комолова...

Среди преподавателей моего поколения стоит упомянуть Машу Орлову, не без оснований выросшую в заметного германиста; Севостьянова, который вел на кафедре историю США (после изгнания профессора Зубока), теперь он академик и главный редактор журнала «Новая и Новейшая история».

В те годы закончили кафедру люди, ставшие крупными величинами в исторической и других науках. Среди них Язков и его жена Алла, носившая тогда другую фамилию, Адо, Вебер, Майданик, Тимофеев, Мельников, Перегудов. Все они стали профессорами, докторами, авторами многих публикаций.

Не могу не отметить: именно на нашей кафедре защищала диплом Светлана Сталина. Меня назначили ее «вторым» оппонентом (я был тогда еще аспирантом). Человеку нашего времени трудно себе представить мои переживания – как я мучился, стараясь при оценке диплома дочери Сталина выглядеть «объективным», не «сервильным».

Учебный процесс в рамках кафедры состоял из спецкурсов по странам или отдельным периодам истории (это около 15 студентов), спецсеминаров (3–5 человек), курирования дипломантов и диссертантов. Запомнились эти наши занятия, особенно в просеминарах, где обсуждали также и подготовленные загодя рефераты. Дискуссии были бурными, страстными, с обидами и даже слезами. Приходилось, бывало, «разнимать» и успокаивать. Темы просеминаров для III курса – по крупным событиям, например, Французская революция, Гражданская война в США, революции 48-го года в Европе, колониальное соперничество держав и т.п.

В спецсеминарах студенты приучались уже и к исследовательской работе. Трудностей здесь было немало: иностранные источники были мало доступны, но кое-что можно было разыскать в крупных библиотеках, например, по Англии – Hansard’ы (стенограммы парламентских дебатов), подшивки Times’а и т.д. Литературы на языках тоже было в обрез и только по XVIII–XIX веку. Газеты и книги, изданные после 1917 года, – почти все в спецхранах. Однако пробивная студенческая сила «творила чудеса», некоторые дипломные работы выходили на уровень кандидатских диссертаций – даже по оценкам «внешних экспертов» (как бы теперь их назвали).

Немало было просто талантливых ребят и девушек, особенно выделялись умные красавцы.

Перебирая свои тогдашние блокноты, многих вспомнил в лицо. Назову тех, кто прошел через мои семинары и просеминары. Это учившиеся у меня в 1950–1958 гг., – т.е. и за пределами моего пребывания в должности «и.о.». Расставляю не по очередности их у меня и не по годам. Все они, разумеется, занимались у меня историей Англии. Может, если попадется им на глаза этот мой «мемуар» – помянут свою истфаковскую юность. Кориньков, Ландо, Носков, Андерсон, Цукерман, Рогов, Самуэли (сын того самого мадьяра, одного из вождей Венгерской Советской республики, который запечатлен в известном кадре рядом с Лениным на Красной Площади в 1919 году), Вескин, Усено, Лисс, Магницкая, Борцова, Гершман, Фурсова, Вексер, Трейвас, Соболев, Муравьева, Разина, Судейкин, Сейдл, Бурджалов, Белезерова, Попова, Янчевская, Усов, Осипова, Гидаспова, Пронина, Карпова, Лооне (теперь – профессор Тартуского университета), Чукина, Мурадян, Моисеева, Лоцманова, Морозова, Хидоятов, Ющенко... Кого-то, увы! пропустил... По фамилиям легко догадаться, что среди моих студентов были люди разных национальностей, в том числе – из стран «народной демократии». Это было великолепное интеллигентное поколение, сумевшее не запачкаться в сталинистской грязи.

Были и любимчики, и любимые. Тот же татарин Хидоятов – яростный в работе, въедливый, неугомонный, Лоцманова – дерзкая, бесцеремонная, но явно влюбленная, спортсменка, дочка какого-то большого чина в Моссовете; милая Городецкая, Галя Алексеева – робкая, но целеустремленная и практичная; Лооне – умница и энциклопедист с прибалтийской дисциплиной в занятиях; очень неординарный Самуэли; яркая, задорная хохлушка с характерной фамилией Шейка-Чай-

ка; классически красивая и ультра-интеллигентная Первухина (дочь члена Президиума ЦК КПСС, зампредсовмина); Бурджалов – сын зам. главного редактора журнала «Вопросы истории», разгромленного в 1957 году в ЦК за «неправильно понятый» XX съезд КПСС. И, конечно, моя любимица, редкостная красавица и умница Рита Орлова, которая увлекалась Ирландией, много потом написала ценных книг и статей по истории этой своеобразной страны. В моем семинаре они с Бурджаловым и сошлись, и поженились.

Приведу вразброс несколько тем, по которым писали рефераты и курсовые мои студенты в разные годы. «Образование Британской соцпартии», «Политическая борьба в связи с бюджетом Ллойд-Джорджа в 1909 году», «Основные явления экономики британского империализма», «Положение английского рабочего класса в конце XIX века», «Политическая ситуация в Англии в последней трети XIX века», «Возникновение партии тори», «Христианский социализм в Англии», «Трэдюнионы и лейборизм», «Возникновение Лейбористской партии». Были темы и более конкретные. Сам я, например, защищал диплом «О покупке премьер-министром Дизраэли акций Суэцкого канала» (очень тогда «актуально»!).

В просеминарах темы были по другим основным странам Западной Европы и Америки, по крупнейшим событиям в их истории XIX и начала XX века.

Как видно из этого перечня, за вульгарной актуальностью не гнались. Приучали заниматься реальной историей, уважать факты, хотя, конечно, и приспособляли «ход событий» под марксистско-ленинские закономерности. Наука в них во всяком случае присутствовала.

Такой мне вспомнилась «моя» кафедра новой и новейшей истории на истфаке МГУ в конце 40-х – начале 50-х гг., 60 лет назад.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. Англоведение в современной России. Коллективная монография. Отв. ред. *М. П. Айзенштат* и *Т. Л. Лабутина*. М.: ИВИ РАН, 2019. – 390 с.
2. *Байбакова Л. В.* Е. Ф. Язьков (1923–2009): Творческий путь педагога и ученого // Новая и новейшая история. 2011. № 3. С. 202–220.
3. *Бовыкин Д. Ю.* А. В. Адо: научная эволюция в контексте эпохи // Французский ежегодник. 2007. М.: URSS, 2007. С. 277–286.
4. *Бовыкин Д. Ю.* Анатолий Васильевич Адо: образ и память. Саратов: Издательство «Научная книга», 2007. – 132 с.
5. *Ватлин А. Ю.* Послесловие // Патрушев А. И. Германская история. Через тернии двух тысячелетий. М., 2007. С. 671–673.
6. *Галкин И. С.* Записки ректора Московского университета. М.: Издательство Московского университета, 2004. – 206 с.
7. *Галкин И. С.* Н. М. Лукин – революционер и ученый. М.: Издательство Московского университета, 1984. – 203 с.
8. *Гордон А. В.* Историки железного века. М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 446 с.
9. *Дементьев И. П.* Илья Саввич Галкин: ученый, педагог, организатор исторической науки. К 100-летию со дня рождения // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 200–215.
10. Историческая наука в Московском университете. 1755–2004. Под ред. *С. П. Карпова*. М.: Издательство Московского университета, 2004. – 636 с.
11. Историческая наука в XX веке. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки. Под ред. *И. П. Дементьева* и *А. И. Патрушева*. М.: Простор, 2002. – 430 с.
12. Летопись Московского университета. Исторический факультет. Под общ. ред. *С. П. Карпова*. 2-е изд. М.: Издательство Московского университета, 2014. – 382 с.
13. *Манькин А. С., Согрин В. В.* Николай Васильевич Сивачев (1934–1983) // Новая и новейшая история. 1989. № 1. С. 183–196.
14. *Меркулова А. М.* Ректор Московского университета Илья Саввич Галкин (1898–1990 гг.). Дис... канд. ист. наук. М., 2011. – 229 с.
15. «Мы называли его графом»: Памяти Анатолия Сергеевича Черняева. Воспоминания современников. Документы. Публикации. Сост. *Д. Белановский*. М.: Любимая Россия, 2019. – 603 с.
16. *Никитина Т. В.* Изучение новой и новейшей истории Греции в МГУ имени М. В. Ломоносова // Вестник Московского университета. Серия «История». 1996. № 3. С. 69–78.

17. *Никитина Т. В.* Изучение новой и новейшей истории Греции на Историческом факультете МГУ // Греческий мир XVIII–XX вв. в новых исторических исследованиях. М., 2006. С. 3–7.

18. *Никитина Т. В.* К 100-летию со дня рождения И. С. Галкина // Новая и новейшая история. 1999. № 2. С. 211–213.

19. Памяти профессора Н. В. Сивачева. США: эволюция основных идейно-политических концепций. Под ред. *А. С. Маныкина*. М.: Издательство Московского университета, 2004. – 397 с.

20. Портреты историков. Время и судьбы. В 5-ти т. Т. II: Всеобщая история. Отв. ред. *Г. Н. Севостьянов, Л. П. Маринович, Л. Т. Мильская*. М. – Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. – 463 с.

21. Портреты историков. Время и судьбы. В 5-ти т. Т. IV: Новая и новейшая история. Отв. ред. *Г. Н. Севостьянов*. М., Наука, 2004. – 549 с.

22. Портреты историков. Время и судьбы. В 5-ти т. Т. V: Средние века. Новая и новейшая история. Отв. ред. *В. Я. Головин и Г. Н. Севостьянов*. М.: Наука, 2010. – 632 с.

23. *Рогулев Ю. Н.* Изучение истории США в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова // Американский ежегодник 2008/2009. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 201–205.

24. *Савельева И. М.* [О моих учителях] // Учителя и ученики: Приложение к информационному бюллетеню НИУ ВШЭ «Окна Роста». 2012. № 3 (03). С. 2–4.

25. *Смирнов В. П.* Анатолий Васильевич Адо: человек, преподаватель, ученый (1928–1995) // Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 184–209.

26. *Смирнов В. П.* От Сталина до Ельцина: автопортрет на фоне эпохи. М.: Новый хронограф, 2011. – 501 с.

27. *Черняев А. С.* Моя жизнь и мое время. М.: Международные отношения, 1995. – 460 с.

28. Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. Под общ. ред. *С. П. Карпова*. М.: Издательство Московского университета, 2004. – 543 с.

29. *Язьков Е. Ф.* Илья Саввич Галкин // Вестник Московского университета. Серия «История». 1998. № 4. С. 4–7.

Сведения об авторах

Разделы I и II

Андронов Илья Евгеньевич – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Байбакова Лариса Вилоровна – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Белоусов Лев Сергеевич – доктор исторических наук, академик РАО, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Бовыкин Дмитрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Бородаев Владимир Алексеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Ватлин Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Григорьева Ирина Владимировна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Джеймс Уильям – американский дипломат, бывший руководитель программы обменов с СССР в американском Совете по международному обмену учеными (CIES)

Канинская Галина Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова

Кирсанова Наталья Викторовна (1955–2020) – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Князев Павел Юрьевич – младший научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Корунова Евгения Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Лазарева Арина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Макарова Елена Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Манькин Александр Серафимович – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Медяков Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Моисеев Георгий Чеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Наумова Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Никитина Татьяна Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Петрунина Ольга Евгениевна – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Пименова Людмила Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Посконина Ольга Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Рогулев Юрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Романова Екатерина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Соловьев Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Строганова Елена Дмитриевна (1941–2019) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН

Тимофеева Татьяна Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Хрулева Ирина Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Юрчик Екатерина Эдуардовна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Раздел III

Бунин Игорь Михайлович (1946–2018) – доктор политических наук, президент фонда «Центр политических технологий»

Галкин Александр Абрамович – доктор исторических наук, профессор, участник Великой Отечественной войны, сотрудник Советской военной администрации в Германии, руководитель Отдела проблем теории политики Института сравнительной политологии РАН; с 1997 г. – главный научный сотрудник Института социологии РАН

Громыко Алексей Анатольевич – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, профессор РАН, директор Института Европы РАН

Истратов Василий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Чрезвычайный и Полномочный посол

Липкин Михаил Аркадьевич – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН

Назарбаева Дарига Нурсултановна – кандидат исторических наук, доктор политических наук, председатель Сената парламента Республики Казахстан (2019-2020)

Никонов Вячеслав Алексеевич – доктор исторических наук, декан факультета государственного управления МГУ, председатель Комитета Государственной Думы по образованию и науке.

Саймс Дмитрий – американский политолог, председатель и главный исполнительный директор Центра национальных интересов, издатель и генеральный директор американского журнала «The National Interest»

Сванидзе Николай Карлович – тележурналист, директор Института массмедиа РГГУ, член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека

Тишков Валерий Александрович – доктор исторических наук, академик РАН, член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, научный руководитель ИЭА РАН

Черняев Анатолий Сергеевич (1921–2017) – кандидат исторических наук, и.о. заведующего кафедрой новой и новейшей истории (1950–1953 гг.), помощник Генерального Секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева (1986–1991 гг.), в последние годы – руководитель проектов «Горбачев-Фонда»

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Белоусов Л. С.</i> Кафедра – наш дом	7
РАЗДЕЛ I. НАША РАБОТА	22
<i>Розулев Ю. Н.</i> История США	22
<i>Лазарева А. В., Медяков А. С., Тимофеева Т. Ю.</i> История Германии	48
<i>Князев П. Ю., Соловьев С. А.</i> История Великобритании и Ирландии	67
<i>Бовыкин Д. Ю., Моисеев Г. Ч.</i> История Франции	89
<i>Андронов И. Е., Григорьева И. В.</i> История Италии	115
<i>Кирсанова Н. В.</i> История стран Пиренейского полуострова	138
<i>Корунова Е. В., Никитина Т. В., Петрунина О. Е.</i> История «малых стран»	147
<i>Бородаев В. А.</i> История стран Латинской Америки	159
<i>Манькин А. С., Романова Е. В.</i> История и теория международных отношений	175
<i>Байбакова Л. В.</i> Историография	193
РАЗДЕЛ II. НАШИ КОЛЛЕГИ И УЧИТЕЛИ	202
<i>Лазарева А. В.</i> Николай Михайлович Лукин и создание кафедры новой истории	202
<i>Никитина Т. В.</i> Илья Саввич Галкин. Портрет	228
<i>Пименова Л. А.</i> Мой Учитель Анатолий Васильевич Адо	245
<i>Канинская Г. Н., Наумова Н. Н.</i> «Я – русский интеллигент»: Владислав Павлович Смирнов как человек, ученый, педагог	265
<i>Байбакова Л. В. Е. Ф.</i> Язьков как один из основателей университетской школы историков-американистов	279
<i>Манькин А. С., Розулев Ю. Н. Н. В.</i> Сивачев – педагог, ученый и организатор науки	297
<i>Джеймс У.</i> Работая с Николаем Сивачевым над лекционными курсами в МГУ по программе Фулбрайта	321
<i>Хрулева И. Ю.</i> У истоков университетской американистики: Игорь Петрович Дементьев	335
<i>Макарова Е. А.</i> Историк-англовед Надежда Михайловна Мещерякова	344

<i>Ватлин А. Ю.</i> Ученый на сломе эпох: Александр Иванович Патрушев	363
<i>Юрчик Е. Э.</i> Эллида Эдуардовна Литаврина: путь первооткрывателя	383
<i>Посконина О. И., Строганова Е. Д.</i> Таким был наш АИСт: рассказ об А. И. Строганове	396
РАЗДЕЛ III: НАШИ ВЫПУСКНИКИ	415
<i>Бунин И. М.</i> Мои воспоминания о кафедре	415
<i>Галкин А. А.</i> Особняк на Большой Никитской	417
<i>Громько Ал. А.</i> Моя «малая» альма-матер	419
<i>Истратов В. Н.</i> Overqualification	425
<i>Липкин М. А.</i> Воспоминания пока еще не очень старого выпускника кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ (выпуск 1998 года)	429
<i>Назарбаева Д. Н.</i> Воспоминания о кафедре новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова	433
<i>Никонов В. А.</i> О кафедре	435
<i>Саймс Д.</i> Горжусь истфаком	437
<i>Сванидзе Н. К.</i> Когда мы были молодыми...	441
<i>Тишков В. А.</i> Мартин Малиа, Исаак Дойчер и мой переход на кафедру	444
<i>Черняев А. С.</i> «Два слова» о кафедре новой и новейшей истории истфака МГУ	447
Избранная библиография (сост. <i>П. Ю. Князев</i>)	455
Сведения об авторах	457

Л.С. Белоусов — заведующий кафедрой,
д.и.н., профессор, академик РАО

О.И. Агансон — к.и.н.,
ведущий научный сотрудник

И.Е. Андронов —
д.и.н., профессор

Л.В. Байбакова —
д.и.н., профессор

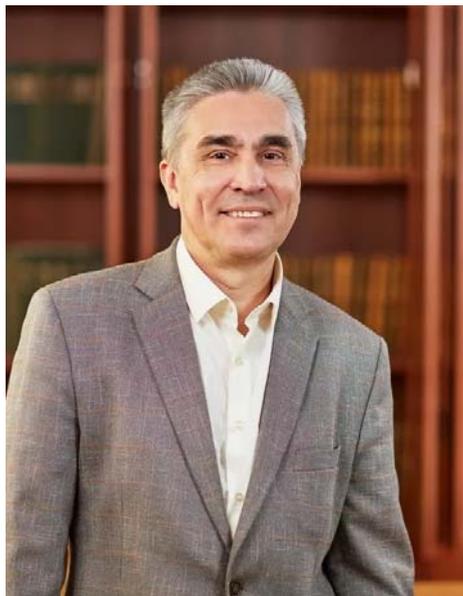
Д.Ю. Бовыкин —
д.и.н., профессор

**В.А. Бородаев —
д.и.н., профессор**

**В.Г. Васенин —
старший
преподаватель**

**А.Ю. Ватлин — д.и.н.,
профессор**

**Е.Н. Глазунова — к.и.н.,
научный сотрудник (работала
на кафедре в 1982-2014 гг.)**

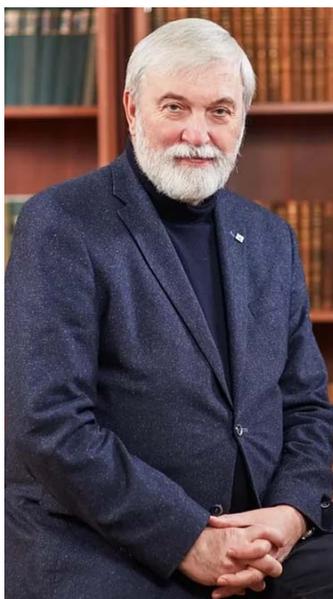
**Л.Н. Еремин (1932-2011) —
к.и.н., доцент**

**О.Н. Докучаева — к.и.н., доцент
(работала на кафедре в 1990-2018 гг.)**

**В.Н. Горохов —
к.и.н., доцент**

**В.Н. Истратов — к.и.н.,
доцент**

**Р.В. Караханова —
научный сотрудник**

**Н.В. Кирсанова
(1955-2020) —
к.и.н., доцент**

**П.Ю. Князев —
младший научный
сотрудник**

**Е.В. Корунова —
к.и.н., доцент**

А.В. Лазарева — к.и.н.,
доцент

Э.Э. Литаврина
(1928-2002) —
д.и.н., профессор

Е.А. Макарова —
к.и.н., доцент

А.С. Манькин —
д.и.н., профессор

А.С. Медяков —
к.и.н., доцент

К.В. Миньяр-Белоручев —
к.и.н., доцент

Г.Ч. Моисеев –
к.и.н., доцент

Е.П. Наумова –
к.и.н., доцент

Н.Н. Наумова –
к.и.н., доцент

Т.А. Некрасова – к.и.н.,
ведущий научный
сотрудник

Т.В. Никитина –
к.и.н., доцент

О.Е. Петрунина –
д.и.н., профессор

В.И. Терехов (1953-2010) –
к.и.н., ведущий
научный сотрудник

**Л.А. Пименова –
к.и.н., доцент**

**О.И. Посконина –
к.и.н., доцент**

**Ю.Н. Рогулев –
к.и.н., доцент**

**В.П. Смирнов
(1929-2020) –
д.и.н., профессор**

**Е.В. Романова –
к.и.н., доцент**

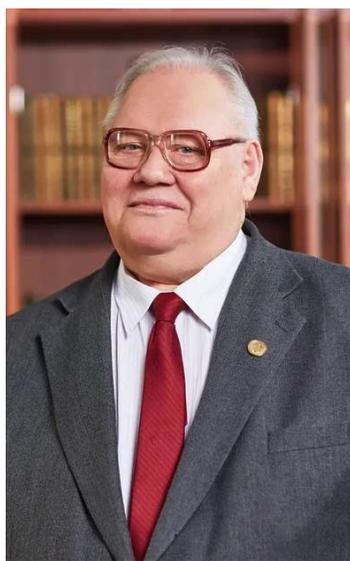
**Д.В. Родин –
младший научный
сотрудник**

Р.А. Сетов –
к.и.н., доцент

А.А. Сидоров –
к.и.н., доцент

С.А. Соловьев –
к.и.н., доцент

Е.А. Суслопарова –
к.и.н., доцент

Т.Ю. Тимофеева –
к.и.н., доцент

А.И. Строганов (1937-2002) – д.и.н., профессор

М.О. Трояновская (1954-2014) –
к.и.н., доцент

Е.И. Федосова –к.и.н., доцент
(работала на кафедре в 1976-2014 гг.)

А.М. Фомин –
к.и.н., доцент

А.Р. Фофанова – к.и.н.,
младший научный
сотрудник

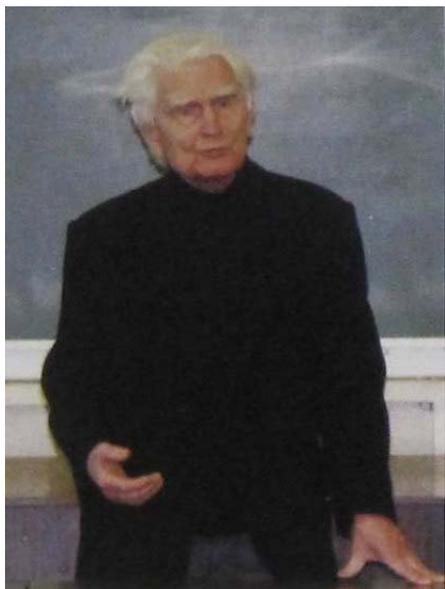
И.Ю. Хрулева –
к.и.н., доцент

Е.Н. Шулешов –
научный сотрудник

Е.Э. Юрчик – к.и.н., ведущий
научный сотрудник

Е.Ф. Язьков (1923-2009) –
д.и.н., профессор

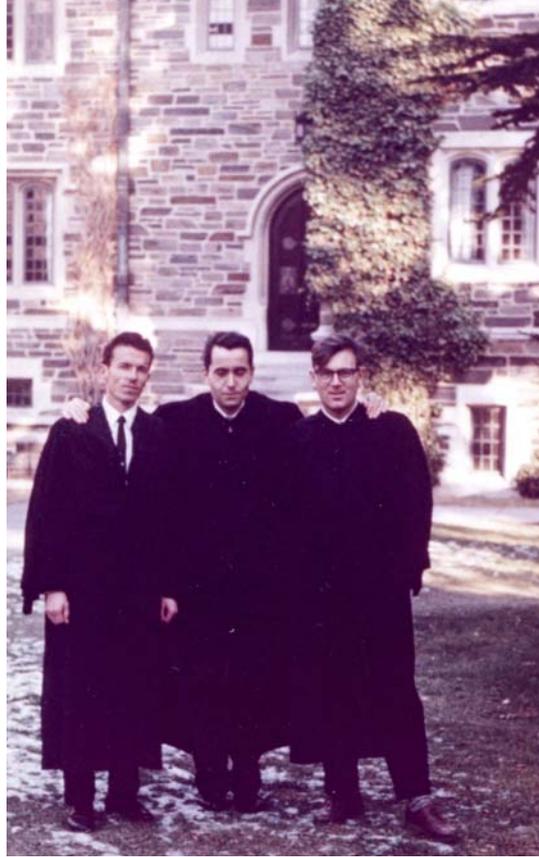
Л.К. Полякова —
секретарь кафедры

Учебно-вспомогательный персонал кафедры. Слева - направо:
М.О. Якимова, А.С. Морозова, А.А. Пастушенко и Р.Д. Евлоева

Элеонора Рузвельт (1884-1962)
встречает гостей из СССР. Слева
направо: В.П. Мозолин, Н.В. Сивачев,
Ю.В. Татузов. Начало 1960-х гг.

И.П. Дементьев (справа) с коллегами
во время стажировки в США
(г. Принстон). Декабрь 1962 г.

Н.В. Сивачев и сенатор
Эдвард Кеннеди. 1970-е гг.

Н.В. Сивачев и американский дипломат Аверелл Гарриман.
1970-е гг.

Слева направо: Н.В. Сивачев, аспирант Г.А. Дубовицкий, профессор
П. Уокер (Университет Северной Каролины в г. Чапел-Хилл),
аспирант А.Г. Бочкарев, В.И. Терехов, Ю.Н. Рогоулев и Л.В. Байбакова.
Январь 1977 г.

Слева направо: И.П. Дементьев, профессор
Э. Смит (США), Н.В. Сивачев, Е.Ф. Язьков. 1982 г.

Слева направо: Л.Н. Еремин, М.О. Трояновская, профессор У. Прайт
(Университет штата Небраска в г. Омаха), Л.В. Байбакова. Июнь 2001 г.

Почетный профессор
Калифорнийского университета
в Сан-Франциско Роберт Черни
и Л.В. Байбакова. Февраль 1996 г.

Е.Ф. Язьков, М.Г. Язькова, Ю.Н. Рогулев, Л.В. Байбакова. Май 2001 г.

Н.М. Мещерякова с коллегами по кафедре. Слева направо: Р.А. Сетов, Н. Фролова, Н.М. Мещерякова, Е.Ф. Язьков, И.П. Дементьев. Май 1995 г.

Студенты пятого курса исторического факультета МГУ. 1998 г. Крайний справа – М.А. Липкин. Фотография из личного архива Т. Джалилова.

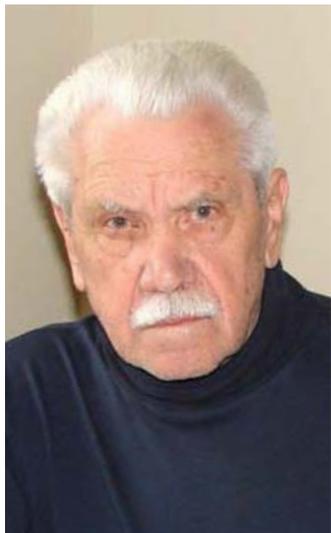

Стоят, слева направо: Е.И.Федосова, В.С. Бондарчук, Л.А. Пименова, Л.Н. Еремин, О.Н. Докучаева, Н.Н. Наумова, Е.П. Наумова, Е.А. Макарова, Е.А. Суслопарова, О.И. Посконина. Сидят, слева направо: Т.В. Никитина, М.В. Силаева, Н.М. Мещерякова, Л.К. Полякова, В.П. Смирнов.
Первая половина - середина 2000-х гг.

Слева направо: И.Е. Андронов, А.М. Фомин, Е.В. Корунова, Л.В. Байбакова, А.Ю. Ватлин и Д.Ю. Бовыкин. Февраль 2020 г.

А.С. Черняев
(1921-2017) –
выпуск 1947 года

А.А. Галкин –
выпуск 1949 года

В.А. Тишков –
выпуск 1964 года

Дмитрий Саймс –
выпуск 1969 года

И.М. Бунин (1946-2018) –
выпуск 1970 года

В.Н. Истратов –
выпуск 1977 года

Н.К. Сванидзе –
выпуск 1977 года

В.А. Никонов –
выпуск 1978 года

Д.Н. Назарбаева –
выпуск 1990 года
(аспирантура)

Ал.А. Громько –
выпуск 1993 года

М.А. Липкин –
выпуск 1998 года

Научное издание

**КАФЕДРА НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ:
ЛЮДИ И ТРАДИЦИИ**

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *Л. Г. Иванова*
Корректор *И. Е. Иванцова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»
Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,
e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532
Редакция: e-mail: aletheia92@mail.ru,

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97
«Фаланстер», М. Гнездиновский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru

в Киеве:

«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Трэгросс-Бук», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.
Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl
в Риге:

«Intelektuāla grāmata»

Rīga, Kr. Varona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88 1/8. Усл. печ. л. 28,48. Печать офсетная.

Заказ №